



Джон Генри Грэй История Древнего Китая

*Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=612505
История Древнего Китая: Центрполиграф; Москва; 2006
ISBN 5-9524-2363-9*

Аннотация

Фундаментальный труд американского исследователя Джона Г. Грэя посвящен Китаю – одной из самых древних и загадочных стран мира. В течение нескольких лет пребывания в этой стране Дж.Г. Грэй собрал и систематизировал богатейший материал о природе китайской цивилизации. Система государственного управления, быт, религия, культура, семейные отношения, обряды, ремесла, способы городского и сельского хозяйствования – автор осветил практически все стороны жизни и деятельности народов Срединного царства.

Содержание

Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	51
Глава 5	87
Глава 6	100
Глава 7	111
Глава 8	129
Глава 9	134
Глава 10	141
Глава 11	146
Глава 12	164
Глава 13	190
Глава 14	197
Глава 15	207
Глава 16	215
Книга вторая	228
Глава 17	228
Глава 18	253
Глава 19	263
Глава 20	272
Глава 21	278
Глава 22	285
Глава 23	291
Глава 24	321
Глава 25	344
Глава 26	351
Глава 27	358
Глава 28	365
Глава 29	375
Глава 30	399
Глава 31	407
Глава 32	413
1	436
2	437
3	438
4	439
5	440
6	441
7	442
8	443
9	444
10	445
11	446
12	447

13	448
14	449
15	450
16	451
17	452
18	453
19	454
20	455
21	456
22	457
23	458
24	459
25	460
26	461
27	462
28	463
29	464
30	465
31	466
32	467
33	468
34	469
35	470
36	471
37	472
38	473
39	474
40	475
41	476
42	477
43	478
44	479
45	480
46	481
47	482
48	483
49	484
50	485
51	486
52	487
53	488
54	489
55	490
56	491
57	492
58	493
59	494
60	495
61	496

62	497
63	498
64	499
65	500
66	501
67	502
68	503
69	504
70	505
71	506
72	507
73	508
74	509
75	510
76	511
77	512
78	513
79	514
80	515
81	516
82	517
83	518
84	519
85	520
86	521
87	522
88	523
89	524
90	525
91	526
92	527
93	528
94	529
95	530
96	531
97	532
98	533
99	534
100	535
101	536
102	537
103	538
104	539
105	540
106	541
107	542
108	543
109	544
110	545

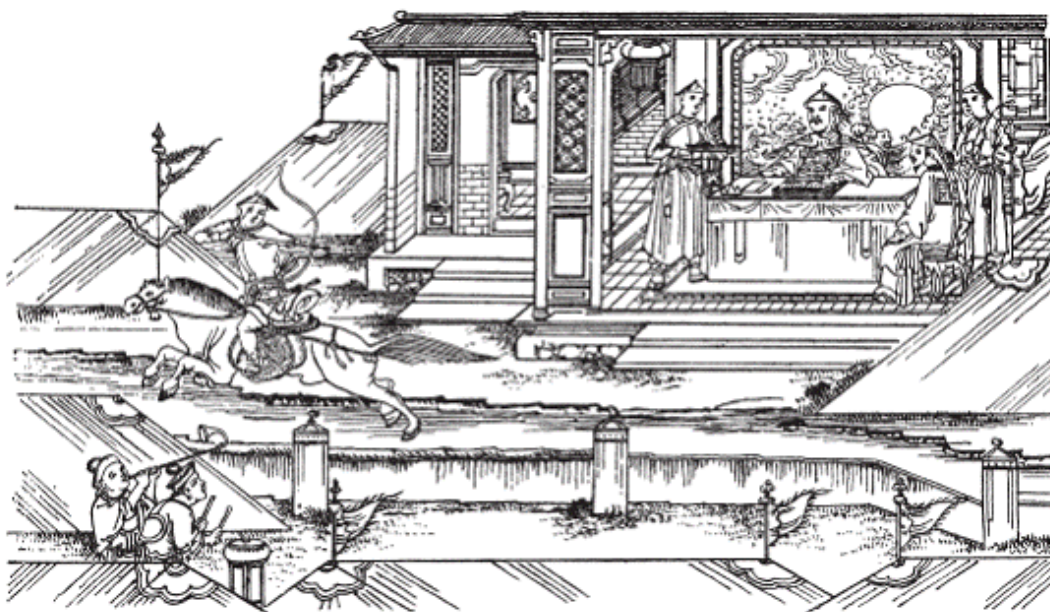
111	546
112	547
113	548
114	549
115	550
116	551
117	552
118	553
119	554
120	555
121	556
122	557
123	558
124	559
125	560
126	561
127	562
128	563
129	564
130	565
131	566
132	567
133	568
134	569
135	570
136	571
137	572
138	573
139	574
140	575
141	576
142	577
143	578
144	579
145	580
146	581
147	582
148	583
149	584
150	585
151	586
152	587
153	588
154	589
155	590
156	591
157	592
158	593
159	594

160	595
161	596
162	597
163	598

Дж. Г. Грэй История Древнего Китая

Книга первая

Глава 1 Древняя империя



Кандидаты на военные должности

Как сообщают китайские авторы, в начале, когда все было тьма и хаос, из огромного мирового яйца, разделившегося на две части, появился человек. В китайские анналы он вошел как Пань-гу Хуан. Из верхней части скорлупы человек этот устроил небеса, а из нижней — землю. Чтобы рассеять всеобъемлющую тьму, правой рукой он создал солнце, управляющее днем, а левой рукой — луну, которая правит ночью. Он сотворил и звезды, а затем сделал так, что возникли пять элементов ^{1}: почва, вода, огонь, металл и дерево. Китайские авторы рассказывают: чтобы заселить землю, Пань-гу Хуан сотворил облако пара из слитка золота и такое же — из куска дерева. Дохнув на них, он придал мужское начало пару, поднимавшемуся от золота, и женское начало тому, что исходило от дерева. От их слияния родились сын и дочь, Ин и Ча Ньюй, потомки которых со временем населили всю страну. Так, согласно китайской космогонии, возникла земля Хань и ее многочисленное население; другими словами, мир и его обитатели. На всей территории Китая воздвигнуто множество храмов в честь Пань-гу Хуана, который представляет собой почти обнаженную фигуру из дерева или глины, с передником из листьев — китайцы говорят, что в те незапамятные времена не существовало одежды, поэтому Пань-гу приходилось довольствоваться таким нарядом.

Primordia^{2} любой страны скрываются во мраке, о них рассказывают невероятные вещи, и историку чрезвычайно трудно определить период, когда начинается история цивилизованного общества. Китай не исключение, однако, по-моему, нет сомнений, что возникновение Китайской империи относится к глубокой древности. На мой взгляд, не будет опрометчивым сказать, что она просуществовала четыре тысячи лет, на протяжении которых не претерпели серьезных изменений ни законы, по которым она управлялась, ни язык, ни нравы и обычаи ее многочисленного населения.

Общепризнанно, что за 2234 года до Р. Х. в Вавилоне осуществляли наблюдения за небом. Это, вероятно, является самым веским доказательством, какое может привести народ в пользу своей древности. В Вавилоне астрономические знания никак не связывались с историей подлунного мира. А вот наблюдения, осуществлявшиеся китайцами, напротив, накладывались на ход истории страны. В их книгах говорится о затмении, вычисленном в Китае за 2155 лет до Р. Х. Вычисления иезуитских миссионеров доказали, что затмение тогда действительно было. Один из ранних римско-католических миссионеров в Китае, Гобиль, – человек, известный своими математическими достижениями, – изучил группу из тридцати шести затмений, упоминания о которых содержатся в трудах Конфуция. Подвергнув их тщательному изучению, он заключил, что сведения лишь о двух из них были ложными и еще о двух – сомнительными, точность же остальных тридцати двух счел ни в коей мере не подлежащей сомнению. Как бы то ни было, китайская хронология намного древнее, чем даты первых вычисленных затмений. Она подкреплена достаточным количеством свидетельств вплоть до времен правления императора Яо. Начиная с эпохи царствования этого монарха сведения об истории Китая обретают правдоподобный характер, тогда как рассказы обо всех предыдущих правлениях фантастичны или неясны.

Обитатели этой обширной и древней азиатской империи называют ее по-разному: Чжун Го, Тянь Ся. Название Чжун Го, или Срединное царство, страна получила из-за высокомерного предположения, согласно которому Китай представляет собой величайшее центральное царство мира, вокруг которого располагаются подобно спутникам остальные мелкие государства. Тянь Ся (Поднебесная) – название, в котором китайцы демонстрируют свои притязания на небесное происхождение в противоположность менее высокому происхождению всех остальных стран мира. Племена, живущие между Китаем и восточными берегами Каспийского моря, называют его Катаем, или Цветущей страной; и поскольку до открытия мыса Доброй Надежды торговый путь из Европы в Китай пролегал через эти страны, европейцы познакомились именно с названием Катай. Считается, что слово «China» происходит от имени императора недолговечной династии Цинь – Цинь Хуана, который назван в китайских анналах одним из величайших героев, которым действительно мог бы гордиться не только Китай, но и любая другая страна. Он завоевал страны, непосредственно прилегавшие к западной границе царства, прогнал татарские племена на север, обратно к горным твердыням, и закончил строительство Великой Китайской стены, дабы воспрепятствовать возможным вторжениям. Считается, что этот правитель скончался примерно за двести лет до Рождества Христова, поэтому можно предполагать, что Великая Китайская стена насчитывает более двух тысяч лет. Она никогда не играла какой-либо важной роли, кроме того времени, когда сдерживала грабительские набеги кочевых татарских племен. Стена простирается на полторы тысячи миль^{3}, а твердыню, даже такую длинную, трудно защищать на всей ее протяженности. Сейчас это лишь памятник древности и свидетельство вложенного в ее постройку огромного труда.

Собственно Китай располагается между 18° и 41° северной широты. Его восточная оконечность там, где он граничит с Кореей, находится на 124° восточной долготы, а западная граница, где он примыкает к Бирманской империи и Западному Тибету, оканчивается на 98° восточной долготы. Таким образом, Китай можно считать самой большой страной

мира, расположенной на единой территории, поскольку она насчитывает свыше одного миллиона трехсот тысяч квадратных миль. С одной стороны она омывается океаном. Побережье простирается на две тысячи пятьсот миль. Там много заливов и морских рукавов, так густо усеянных островами, что один из самых популярных и метких титулов императора – «повелитель десяти тысяч островов». Океан, омывающий это обширное побережье, делится на четыре секции. Часть моря, расположенная между Кокхинхой и островом Хайнань, называется Тонкинским заливом. Часть моря между Хайнанем и Формозой известна как Китайское море. Часть, простирающаяся между северным мысом Формозы вдоль берегов соответственно провинций Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянсу, называется Восточным, а оттуда вплоть до Кореи – Желтым морем. Поскольку эти моря, образующие южный и восточный рубежи империи, изобилуют мелями и банками (самые известные из них – Праты и Парацеллы), навигация там сопряжена с особым риском.

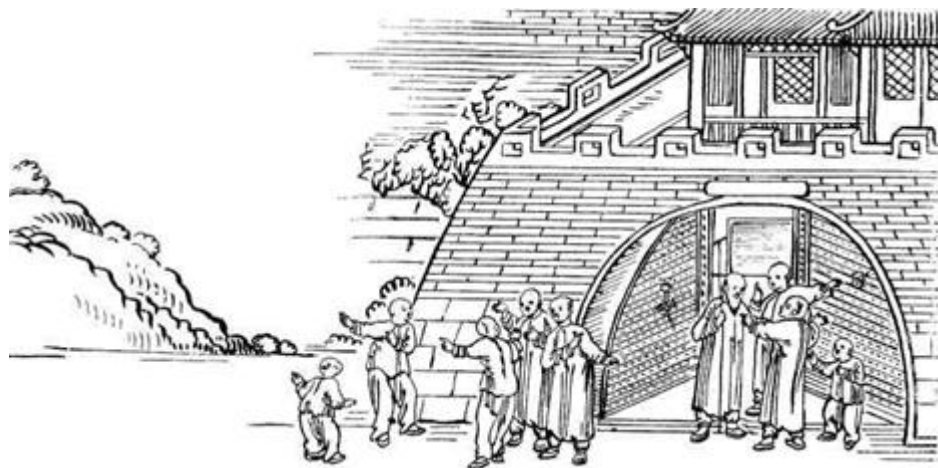
Омывающие Китай части океана или моря местные жители называют северным, южным, восточным и западным морями. Это объекты культа. Чиновники поклоняются им во время весеннего и осеннего равноденствий и совершают по этому случаю жертвоприношения. Церемония поклонения восточному морю проводится в Лайчжоу, областном центре провинции Шаньдун; западному – в уездном городе Юньчэн в провинции Шаньси, южному – в кумирне Боло, провинция Гуандун, а северному – в Маньчжоу, а именно в области Шэньцзин, которая находится за пределами Великой Китайской стены.

В 1725 году, на второй год царствования, император Юнчжэн даровал титулы и другие почести четырем драконам, которые, по китайскому поверью, обитают в этих океанах. В честь Сянь Жэня, Чжэн Хэна, Чун Цина и Чжао Мина – таковы новые имена этих драконов, – по-моему, нельзя давать театральных представлений.

Самые крупные административные подразделения страны – это восемнадцать провинций, как то: Шаньдун, Бэйчжили (или Чжили), Шаньси и Шэньси на севере; Гуандун и Гуанси на юге; Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу на востоке; Ганьсу, Сычуань и Юньнань; Аньхой, Цзян-си, Хунань, Хубэй, Хэнань и Гуйчжоу – центральные провинции.

Самая большая из этих провинций – Сычуань, самая маленькая – Чжэцзян. Из-за своего почти тропического расположения Гуандун – одна из наиболее плодородных. Каждая провинция подразделяется на пу, уезды или округа, а также области. Пу, столица которого – рыночный город, состоит из нескольких городков и деревень; уезд или округ, столицей которого является укрепленный город, состоит из нескольких пу. Области ее состоят из нескольких уездов, столица окружена городской стеной. Провинция состоит из нескольких областей, столица ее тоже укрепленный город. В восемнадцати провинциях собственно Китая четыре тысячи укрепленных городов, причем столица страны – Пекин (несмотря на то что это императорский город и местопребывание центрального правительства, он, пожалуй, самое грязное место из всех, где я когда-либо бывал). Следующие за столицей по значимости города, хотя и намного превосходящие ее во всех прочих отношениях, – Нанкин, Сучжоу, Ханчжоу и Кантон (Гуанчжоу). Рыночные города и деревни этой обширной империи также очень многочисленны.

Высота стен, которыми обнесены столицы каждого округа, области и провинции, составляет от тридцати до пятидесяти или шестидесяти футов^[4]. Стена, окружающая Пекин, с виду самая внушительная. Однако стены китайских городов вообще нередко бывают величественными строениями. Они замечательны и своей протяженностью, и монументальностью. Ширина их позволяет проехать двум повозкам одновременно.



Губернатор при отъезде оставляет башмак у ворот города

Так, стены, окружающие город Нанкин, имеют протяженность восемнадцать миль. Во всяком случае, мне потребовалось шесть часов, чтобы обойти их; а я шел без остановок со скоростью, превышавшей три мили в час. Стены китайских городов зубчатые, с амбразурами для артиллерии и бойницами для ружейной стрельбы. На небольшом расстоянии друг от друга находятся сторожевые башни и казармы, где расквартированы войска. На вершине бастионов кое-где сложены в кучи большие камни, которые во времена беспорядков или войн сбрасывают на головы атакующих. Этими камнями отнюдь не пренебрегали как метательным оружием: в начале последней войны, которую вела против Китая Англия в союзе с Францией, именно так были убиты некоторые солдаты 59-го полка ее величества неподалеку от Тайпинских ворот в Кантоне. Этот архаичный способ ведения войны принадлежит скорее тем дням, когда, как сообщает Плутарх, Пирр был убит в Аргосе черепицей, сброшенной какой-то женщиной, чем XIX столетию, или к еще более отдаленным временам, когда Авимелех, недостойный сын Гедеона, принял смерть в Тевеце от куска жернова, тоже сброшенного женской рукой. Поскольку стены многих городов на севере были выстроены очень давно, сейчас они пришли в запущенное состояние и обветшали. Те, которыми обнесены более богатые и значительные города, находятся в отличном состоянии, естественно, за ними существует постоянный уход. Но из-за почтенного возраста нередко случаи, когда некоторые фрагменты этих стен с грохотом рушатся. На моей памяти стены Кантона обваливались в разных местах два или три раза. Так, в июне 1871 года внезапно рухнул древний фрагмент западной городской стены, пропитавшийся влагой недавних проливных дождей, и его обломки погребли под собой семь жилых домов. К счастью, их обитатели успели укрыться в других жилищах.

На северной, южной, восточной и западной сторонах каждого китайского города располагаются очень прочные большие створчатые ворота. Их, в свою очередь, надежно защищают такие же массивные внутренние ворота. Каждые из главных ворот в Нанкине защищены тремя такими внутренними. Самые почитаемые ворота китайского города – южные, или церемониальные, которые считаются императорскими, через них въезжают в город все чиновники, назначенные на новую должность; через них же они уезжают, освобождая свое место. Никаким похоронным процессиям не позволено проезжать через эти ворота. Запрет касается и провоза нечистот или чего-либо другого, считающегося нечистым. Южные ворота столицы империи считаются настолько священными, что, как правило, остаются закрытыми; их открывают только дня проезда императора.

Улицы городов, городков и деревень в северных провинциях империи по большей части шире, чем в южных. Улицы Пекина очень широки. В этом отношении они действительно не уступают улицам европейских городов. Из-за того, что улицы на юге Китая узкие,

местные жители получают большое преимущество – в летние месяцы там прохладно. Многие настолько узки, что в значительной мере преграждают путь палящим лучам тропического солнца; иногда в жаркий сезон жители частично укрывают их холстами, циновками или тонкими досками. Так защищаются от жары во многих городках на севере Формозы. Над дорожками перед магазинами дощатые навесы, и, поскольку их часто устраивают в виде примитивных пассажей, из одной части города можно попасть в другую, не опасаясь солнечных лучей или дождя. Между накрытыми таким образом дорожками находится проход для паланкинов и для вьючных животных. У меня тем не менее сложилось впечатление, что этот центральный проход чаще используется как общественная помойка, чем как улица. Владельцы магазинов привыкли выбрасывать туда всяческие отходы, которые городские мусорщики убирают не так быстро, как следовало бы. Манка, или Ваньхуа, один из главных городов на севере Формозы, отличается этим более других. Улицы китайских городов вымощены гранитными плитами, кирпичами или булыжниками. Улицы Сучжоу, известного богатством его жителей, в одних местах вымощены гранитными плитами, в других – булыжниками.

Под улицами китайских городов проложены трубы, в которые дождевая влага просачивается через щели между гранитными плитами. Если улица вымощена булыжником, по обеим ее сторонам устроены канавы или арыки. Но они такие узкие, что оказываются или почти, или вовсе бесполезными. Так что канавы эти превращаются в грязные лужи, откуда в летние месяцы распространяется жуткий смрад. Улицы Пекина вымощены щебнем, или же им полагается быть таковыми. Их середина значительно поднята, так что дождевая вода беспрепятственно стекает в трубы, проложенные по обе стороны улицы. Однако улицы, не выложенные щебенкой, в дождливый сезон довольно-таки грязны. Летом они покрыты таким слоем пыли, что проход по ним становится не особенно приятным. Вечером там стоит совершенно нестерпимый смрад, потому что в это время трубы открыты, а стоячую воду из них вычерпывают и разбрызгивают повсюду, чтобы прибить пыль. Улицам в китайских городах обычно дают звучные названия: улица Золотой прибыли, улицы Доброты и любви, Вечной любви, Долголетия, Сотни внуков, Тысячи внуков, улицы Приветствующих драконов, Несущегося дракона, Отдыхающего дракона, Свежих ветров, Тысячи блаженств, Тысячекратного спокойствия, Пяти удач, Десяти тысяч удач, а также улицы Девятикратного блеска, Накопленной доброты. Другие улицы называются просто по порядковым номерам – например, Первая улица, Вторая улица, Третья и так далее.

Кирпичные магазины, образующие улицы китайских городов, бывают различных размеров. С фасада они полностью открыты, тем не менее не бывает правил без исключений, и многие пекинские магазины снабжены стеклянными витринами. Я видел их и в банковском учреждении в Сучжоу. Однако эти стеклянные витрины удивительно убоги. Они не выдерживают никакого сравнения с витринами, украшающими изысканные магазины на лучших улицах английских городов. У дверей каждого магазина стоят две вывески или больше, на обеих сторонах которых четкими жирными иероглифами – золотыми, алыми или других ярких цветов – написано название «хан» и различных товаров, которые в нем продаются. Название хан, или магазин, состоит из двух иероглифов. Случается, что хозяин магазина помещает над дверью небольшую вывеску, напоминающую по форме какой-нибудь особый товар, которым он торгует. Так, у изготовителя хомутов вывеска в форме хомута, у галантерейщика нечто вроде чулка, у сапожника – башмак, а вывеска мастера, изготавливающего оптику, – очки. Иногда эти товары на вывесках изображаются – например шляпы, веера и даже пластыри. Некоторые хозяева магазинов, не ограничиваясь вывесками, свисающими с дверных косяков, стремятся добиться большей известности и рисуют большими иероглифами свои имена и названия товаров на внешних стенах городов, в которых живут. По моим наблюдениям, особенно часто это можно видеть на стенах городов Даньян и Чанчжоу на берегах Великого канала. Кроме того, в соответствии с законом на входной двери или на

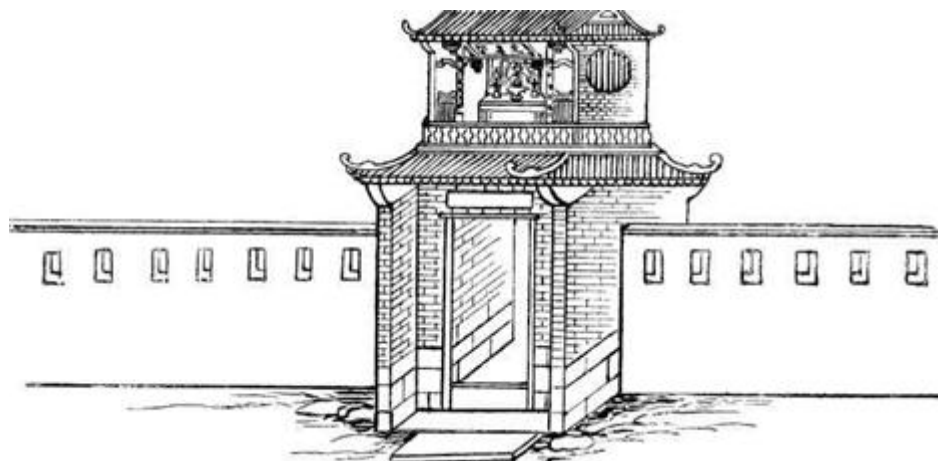
наружной стене каждого жилого дома вывешивают доски, на которых записаны имена всех, кто проживает в доме. Мне показалось, что это чаще можно наблюдать в сельских районах, чем в больших или малых городах. Над входной дверью каждого магазина висят фонари, а с крыши свешиваются стеклянные или роговые лампы, на которых изображены пестрые птицы, цветы, сады, храмы. Эти бесчисленные ярко расписанные вывески и фонари придают китайской улице радостный и живой вид. Улицы Кантона, самые выдающиеся в этом отношении, – это Чаотянь-цзе; Чжу-ан-юань-фан; Дасинь-цзе; Сюэси-цзе; Гутай-цзе; Шуанмэнь-тай; Вэй-ай-цзе и Да-фо-сы-цзянь. Магазины не разбросаны беспорядочно по китайским городам, как обычно в европейских городах, а находятся в определенных районах и даже на соответствующих улицах располагаются не как попало. Каждой отрасли торговли отведено специальное место, где обычно и группируются соответствующие лавки. По обеим сторонам улицы мы чаще всего найдем похожие магазины. Недалеко от входа в магазин, как правило, сидит хозяин, терпеливо ожидающий прихода посетителей. Женщины из семей торговцев не живут в комнатах позади магазина или над ним. И поэтому вечером, когда закрывают ставни, торговец торопится вернуться в свой дом, расположенный не в столь оживленной части города, оставив товары на попечении приказчиков и учеников.

Улицы, на которых живут джентри^{5}, в основном состоят из добротных построек, которые, как и большинство домов в Китае, одноэтажные. Однако они занимают значительную площадь на задах улицы. Эти дома такие большие и просторные, что могут вмещать множество людей. В комнаты проходят через большие двери. Поскольку в стенах, выходящих на улицу, окон нет, они часто кажутся похожими на казармы. Стоящие обособленно дома, а таких много, просто поразительно напоминают казармы, в частности, например, дома джентри, живущих в городах Сучжоу, Янчжоу, Ханчжоу и Хучжоу; это часто обращало мое внимание во время странствий по провинциям Цзянси и Цзянсу.

В китайских домах нет очагов, поэтому в холодное время года жителям приходится согреваться, либо надевая на себя больше одежды, либо посредством переносных медных или глиняных сосудов с горящими углями.

Поскольку дома и магазины, составляющие улицы, обыкновенно разной высоты и не расположены на одной линии, китайский город или деревня выглядят очень несимметричными. Это объясняется тем, что дома строят в согласии с принципами геомантии, которые не позволяют коньковым балкам домов на одной улице располагаться на одной линии. Говорят, это неизбежно приносит различные несчастья.

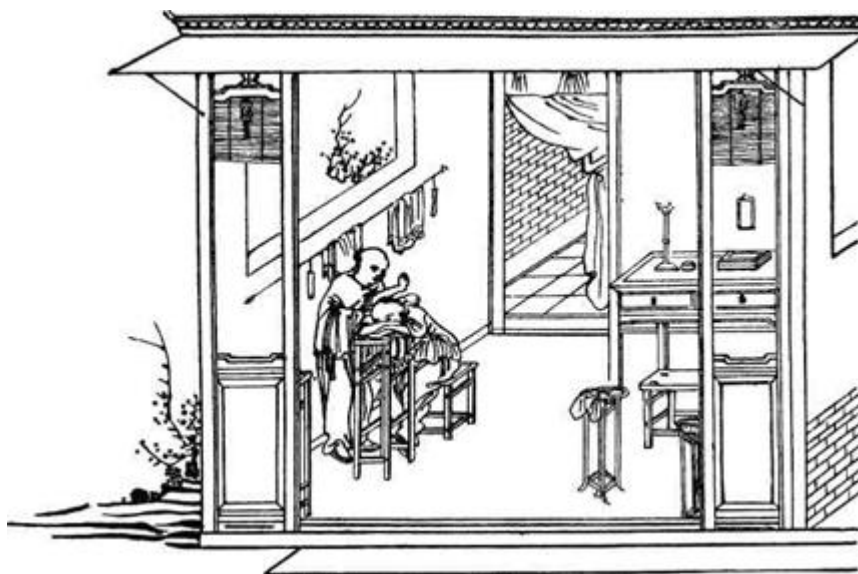
В Пекине, Чифу, Нанкине, Шанхае и в других городах, расположенных на севере и в центральной части Китая, есть общественные бани. Они выстроены явно более для практических целей, чем для внешнего эффекта, и представляют собой самые непритязательные и невзрачные здания. По-видимому, все они без исключения с горячей водой, нагреваемой печами. Водяной пар наполняет комнаты для мытья и придает им не только вид, но и свойства парной. В некоторых китайских городах, когда баня готова, владелец объявляет об этом, посылая слугу, который проходит по улицам и мелодично бьет в гонг, висящий у него на боку. Так действуют, насколько я заметил, владельцы бань в рыночном городе Чифу.



Стена вокруг деревни

У каждой комнаты есть предбанник, там люди раздеваются; за одеждой купающихся присматривают слуги. На стенах предбанника общественных бань в Нанкине написаны крупными китайскими иероглифами сентенции следующего содержания: «Честность – лучшая политика», «Поступай со своим ближним так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой» и подобные.

В отличие от европейских улицы и площади китайских городов не украшены каменными, мраморными или бронзовыми статуями героев или ученых, но почти во всех главных городах, тем не менее, воздвигнуты памятные арки в честь прославленных воинов, выдающихся государственных деятелей, известных граждан, ученых мужей, добродетельных женщин или послушных сыновей или дочерей. Иногда такие монументы сделаны из кирпича, бывает – из мрамора, в иных случаях – из старого красного песчаника, но чаще всего – из гранита. Такой китайский монумент состоит из тройной арки или тройных ворот – больших посередине и маленьких по бокам. На большой полированной плите, помещенной над средними воротами, располагают скульптуры или китайские иероглифы, объясняющие, по какому поводу горожане с императорского разрешения воздвигли эту арку.



Мастер по мытью волос за работой

Некоторые из этих монументов выстроены в виде павильонов или куполов, поддерживаемых гранитными колоннами. Одна из самых больших известных мне монументальных арок в Китае расположена в городе Дунпин в провинции Шаньдун. Она воздвигнута

в честь ученого мужа по имени Лян Хоу, которому в возрасте восьмидесяти двух лет удалось занять первое место в списке успешно сдавших экзамен на ханьлина, или на докторскую степень. Эта арка, сложенная из гранита и искусно украшенная скульптурами, была воздвигнута в период династии Сун. Надпись на плите, расположенной над большой или центральной аркой, говорит о научных достижениях не только Лян Хоу, но и его сына, который, кажется, за три года успеха своего отца добился точно такого же отличия. Однако наиболее замечателен нарядными арками город Хучжоу в провинции Чжэцзян. Когда путешественник попадает в этот город через южные ворота, его взгляду предстает впечатляющее зрелище, которое создают арки. Они перекрывают большую часть Да-нань-цзе, или Большой южной улицы города, и находятся в ближайшем соседстве, делая эту магистраль достойной наименования арочной улицы. Каждая из них огромных размеров и богато украшена скульптурами. Все эти арки воздвигнуты в честь людей, родившихся, живших и умерших в области Хучжоу. Две из них построены в память об отце с сыном, добившихся литературной славы. На третьей арке записаны имена тринадцати уроженцев области Хучжоу. Они в один год добились в Пекине чуть не самых высоких отличий из тех, что предоставляет китайское правительство для поощрения образованных людей. Единственный виденный мной монумент-павильон под названием Цзюлун-чжэнь, располагается на берегах Великого канала в предместье города Уси Сянь. Он построен в честь неких членов семьи Хуа, успешно сдавших экзамены. Кроме того, единственная виденная мной глинобитная монументальная арка находится поблизости от Янчжоу, на берегах озера Поян. Она, по-моему, увековечила память женщины исключительной добродетели.

Чтобы уберечь города от разрушительных пожаров, китайцы соблюдают ряд необходимых предосторожностей. На улицах многих городов вырыты колодцы, носящие название тайпин-цзин, или колодцы Великого спокойствия. Они немалых размеров и содержат большие запасы воды. Отверстие такого колодца заложено каменной плитой, которую убирают лишь тогда, когда поблизости горит какой-нибудь дом. По закону в разных частях китайского города следует держать большие чаны, постоянно наполненные водой. На каждом из них написано большими китайскими иероглифами: «мирные чаны», или бочки. Нередко китайцы также ставят на крышах домов глиняные кувшины с целью иметь под рукой достаточно воды, чтобы потушить начинающийся пожар. В каждом большом городе есть несколько пожарных команд, которые содержатся всецело на пожертвования горожан. Принадлежащие им пожарные насосы, ведра с водой и фонари, как правило, хранят в разных городских храмах. Каждая пожарная команда носит свое название и прикреплена к гильдии, или цеху, расходы на ее содержание оплачивают члены цеха; солдаты и офицеры обеспечены специальной униформой, и на их шапках большими иероглифами написаны название или номер команды, а также слова «Цзю-хо» – «гаситель огня».

Я перечислил предосторожности, которые принимают для тушения пожаров сами горожане. Местное городское правительство также должно оказывать им содействие. Возьмем в качестве примера Кантон. Каждый магистрат этого города имеет в подчинении несколько человек, в чьи обязанности входит предотвращать грабежи при пожарах. Так, гуансе, или начальнику китайского гарнизона в Кантоне, помимо других подчинены восемьдесят человек, двадцать из которых должны принимать участие в предотвращении грабежей при пожарах, а шестьдесят непосредственно участвовать в тушении. Сорок из этих восьмидесяти расквартированы у городских ворот Пяти Гениев, а другие сорок – в западном предместье. В непосредственном подчинении у губернатора находятся двести человек, чьи основные обязанности состоят в помощи пожарным при особенно серьезных бедствиях. Во всем Кантоне сорок восемь караульных помещений, и из каждого при пожаре отряжают к месту происшествия по два человека. В конце или в начале каждого последующего месяца на протяжении года судья и казначей провинции – оба чиновники очень высокого ранга –

обязаны инспектировать всех правительственных служащих, которые должны участвовать в тушении пожаров. Кроме того, с целью привлечь к этой деятельности всех китайских чиновников предписано, чтобы, когда пожар разрушает восемьдесят домов, все мандарины города, в котором случилось это бедствие, были понижены в ранге на одну ступень; если же разрушены десять домов, об этом следует докладывать в Пекин, центральному правительству. Через несколько дней после серьезного пожара члены каждой пожарной команды, участвовавшей в тушении огня, получают жареных поросят, кувшины вина и небольшие суммы денег в знак благодарности за хорошую службу. Люди, на которых лежит опасная обязанность держать брандспойты, в таких случаях получают дополнительную премию. Раненым пожарным дают компенсацию, размер которой зависит от того, какое ранение они получили. На мой взгляд, китайцы – отличные пожарные. Они очень быстро прибывают к месту происшествия и, как правило, весьма проворно гасят огонь. Кроме того, они очень смелы. Во время прошлой войны между Великобританией и Китаем, когда Кантон был подожжен бомбами из орудий сэра М. Сеймура, с крыши британской фактории я наблюдал, как разные пожарные команды упорно продолжали попытки потушить пламя под постоянным орудийным огнем.

Если удастся поймать людей, которые по беспечности или каким-то иным причинам допустили возникновение возгорания, их сурово наказывают. Я помню большой пожар в мае 1866 года в Хэнане – предместье Кантона. Он возник из-за беспечности трех женщин, и когда их задержали, то заставили несколько дней стоять в кангах, или деревянных ошейниках, в воротах храма, воздвигнутого в честь Царицы Небесной. В августе 1871 года я видел, как уважаемый аптекарь по имени Хуан Госин был выставлен в канге в конце Дунсин-цзе, улицы в юго-западном предместье Кантона. Беспечностью этого аптекаря объяснили пожар, который в прошедшем марте разрушил свыше сорока домов. Несчастный должен был стоять в этом унижительном положении каждый день на протяжении месяца.

Нет необходимости в этих вступительных заметках подробно описывать характерные черты и устройство больших и малых городов Китая. Упоминания о них часто будут встречаться читателю в тексте книги.

Численность населения Китая в настоящее время, полагают, очень большая. В 1743 году она, согласно Грозье, была около 200 миллионов. При переписи, осуществленной в правление Цяньлуна во второй половине XVIII века, население, согласно сведениям, сообщенным каждой провинцией центральному правительству в Пекине, составляло 307 467 000 человек. По переписи, проведенной китайцами в 1813 году, население составляло 360 279 897 человек, а в 1842 году, согласно И.И. Захарову, оно достигло колоссальной цифры 414 686 994 человека. Это кажется почти невероятным. Тем не менее несомненно то, что большинство районов этой обширной империи густо населены. На протяжении восстания, нарушавшего спокойствие в Китае с 1847 по 1862 год, вероятно, произошло значительное уменьшение населения. Бесчисленные большие и малые города были тогда обращены в развалины^{6}, а их обитатели – истреблены.

Очень трудно дать справедливую нравственную характеристику народа, множившегося, пока его не стало «как песка на берегу моря». Нравственный характер китайцев – книга, написанная странными письменами, которые для человека из другой страны, с иными религией и языком, сложнее, чем те необычайно запутанные знаки, что обозначают в китайском языке слова. В одном и том же человеке одновременно существуют явно несовместимые добродетели и пороки. Кротость, доброта, послушание, трудолюбие, непритязательность, веселость, покорность вышестоящим, почтительность к родителям и уважение к пожилым людям сочетаются в этом же человеке с неискренностью, лживостью, льстивостью, вероломством, жестокостью, завистью, неблагодарностью, алчностью и недоверием к другим. Китайцы – люди слабые и застенчивые, и в результате, как и для всех таких народов, для них

естественно защищаться от окружающего мира с помощью хитростей и обмана. Но нравственная непоследовательность свойственна отнюдь не одним китайцам, боюсь, что иногда слишком акцентируют дурную сторону их характера – к чему применимо известное описание святым Павлом современных ему язычников, как если бы ей не нашлось аналогии среди более просвещенных наций. Если бы уроженец Китайской империи, стремясь основательнее узнать англичан, познакомился с документами наших полицейских и прочих судов, со сделками, происходящими в так называемых коммерческих кругах, и со скандалами в так называемом обществе, вероятно, он представил бы своим соотечественникам на редкость односторонний и уничтожающий отчет об этой нации. Более того, мы должны помнить, что владеем бесчисленными благами, которые получили от христианства. Если китайцы не находят убежища в безразличии или атеизме, они остаются рабами религий, наполненных суевериями. А хитроумные жрецы, геоманты, предсказатели судьбы и прочие прилагают усилия, чтобы коварной ложью и всяческими уловками держать свою паству во тьме более непроглядной, чем египетская. Если учесть политические и социальные условия, в которых проходит жизнь китайцев, то становится удивительно, что в их национальном характере можно найти столько доброго. Их религия – это скопление суеверий. Форма управления в их стране, пожалуй, наиболее подвержена злоупотреблениям, чем любая другая, – это безответственная деспотия. Их судьи продажны, судопроизводство весьма несовершенно и в слабости своей прибегает к пыткам, наказания (многие из них) суровы и отвратительны, полиция нечестна, а тюрьмы – притоны жестокости. Значительная часть населения неграмотна^{7}, и почти везде существует предвзятая неосведомленность обо всем, что имеет отношение к современному прогрессу. Их общественная жизнь страдает от пагубных следствий полигамии и, в определенной степени, рабства, а брачные законы и обычаи держат женщину в состоянии унижительной зависимости. Для любого народа это серьезные обвинения в нарушении религиозных, политических, гражданских и общественных установлений. И все же, вопреки условиям, так мало благоприятствующим развитию гражданских и общественных добродетелей, китайцев можно беспристрастно охарактеризовать как учтивый, дисциплинированный, трудолюбивый, мирный, трезвый и патриотичный народ.

Я цитирую составленный в 1871 году мистером Г.Ф. Стюардом, впоследствии американским консулом в Шанхае, официальный доклад о резне в Тяньцзине:

«Господствующая тенденция среди иностранцев в Китае – унижать китайцев, ставя их на очень низкое место в ряду прочих наций, принижать их умственные способности, осуждать их нравы, объявлять их лишенными живости и энергии. Каждый, кто утверждает это, находит готовые факты, которые якобы доказывают его собственное мнение.

Признаюсь, что со мной дело обстоит иначе. Вера в этот народ во мне интуитивна. Я нахожу в нем приверженность традициям прошлого, трезвую верность требованиям разных социальных отношений, отсутствие инертности, честное и по меньшей мере серьезное стремление преодолеть нужды и трудности, окружающие человека на более низких стадиях прогресса, вдобавок к этому – способность делать для себя выводы и стойкое чувство справедливости. Все это составляет то, что следует считать по сути своей достаточным фундаментом национального характера. Народ отличается здравым смыслом, джентри – врожденной склонностью к учености, стремлением к росту и тягой работать ради этого со всей серьезностью и постоянством. Правящий класс отличается чувством собственного достоинства, широтой взглядов, учитывая объем информации, которым он располагает, и патриотизмом. Кто скажет, что такому народу не предстоит даже более великое будущее, чем его прошлое? Почему колеса прогресса и имперской власти не смогут снова достигнуть стран Азии?»



Пань-гу Хуан

Такой подход, по-моему, в основном разумен; и, поскольку можно сказать, что в наши дни упомянутые колеса олицетворяют колеса локомотива, наделившего человека новой властью над временем и пространством, весьма возможно, что упования мистера Сьюарда^{8}, вскоре могут стать явью. Первый паровой локомотив в Китае уже возит составы в окрестностях Шанхая. Важнее то, что замкнутость Китая ощутимо подалась под давлением неоднократных определенно не всегда христианских атак, которые предпринимали против нее западные нации. В замкнутости китайцев и зависти к ним иностранцев определенно нет ничего удивительного. От самых истоков общественной истории, на протяжении столетий китайцы создавали свою цивилизацию и самобытный национальный характер в краю, доступ к которому затруднила сама природа при помощи таких преград, как горы, непроходимые леса и пустыня. Эта земля была практически недоступна на южной и восточной морских границах, пока наука не превратила моря, некогда разделявшие людей, в мировые магистрали. Расовые предрассудки с огромной силой препятствуют общению, и избавиться от них можно лишь при помощи постоянных контактов народов из поколения в поколение. Вплоть последнего времени «цветущие люди» считали нас варварами; да и мы слишком часто в общении с ними не проявляли учтвого понимания, если не говорить о более серьезных погрешностях. Пусть же посольство, которое ныне Китай впервые направил к нашим берегам, ознаменует приближение тех дней, когда Запад сможет беспрепятственно сообщить этой древней азиатской империи многочисленные блага цивилизации, возникшей и начавшей развиваться на Востоке, о чем мы со слишком большой готовностью забываем.

Глава 2

Управление

Форма управления этой обширной империей – абсолютная монархия. Император считает себя толкователем велений Неба, а люди, которыми он правит, полагают его связующим звеном между богами и ними. Его величают такими титулами, как Сын Неба, Десятитысячелетний государь, Августейший владыка; ему полагается общаться с божествами, когда заблагорассудится, и получать от них блага, в которых может нуждаться он лично или народ. В руководстве правительством этому могущественному монарху помогает кабинет, состоящий из четырех государственных министров, и в дополнение к нему шесть высших судов, или коллегий, контролирующих разные сферы управления страной. Перечислю эти суды, носящие общее название лю-бу. Во-первых, суд ли-бу, который разделен на четыре департамента. В первом из них отбирают чиновников для различных должностей, полагаемых необходимыми для управления разными провинциями и регионами империи. Второй департамент принимает всех таких чиновников под свою юрисдикцию. Третий скрепляет печатью все указы и воззвания, а четвертый ведет реестр выдающихся заслуг служащих. Вторая коллегия, или суд, называется ху-бу, и на него возложено попечение о государственных доходах и их хранение. Третья коллегия называется ли-бу. Ей вверен надзор за всеми древними обычаями и религиозными ритуалами народа, а также охрана всех храмов, содержание которых оплачивает правительство. Четвертая коллегия называется бин-бу. Она отвечает за все флотские и военные организации, расположенные на территории империи. Пятая называется син-бу. Она заведует всем уголовным судопроизводством. Шестая, и последняя, носящая название гун-бу, надзирает за всеми общественными работами – на рудниках, мануфактурах, дорогах, каналах, мостах и т. п. Каждый из этих трибуналов возглавляет старший министр или советник, в чьи обязанности входит представлять решения своей коллегии кабинету в составе четырех государственных министров. Когда решения коллегий были ими тщательно обсуждены, их с подобающим почтением представляют вниманию его императорского величества. Однако власть этих министров почти номинальна, поскольку император полагает, что лишь он сам несет ответственность перед лицом богов, чьим представителем считается. Таким образом, люди находятся под дланью императора, как дети на попечении своих родителей. Но хотя император внешне выказывает презрение к любому из предложений, которое могут сделать ему министры, не может быть сомнений в том, что конфиденциально его величество уделяет большое внимание советам всех пользующихся его доверием государственных служащих. И действительно, очень мало правителей Китая были в достаточной степени одарены мудростью, чтобы править самостоятельно, не советуясь с другими. Император утверждает все законы и эдикты, скрепляя печатью, а все сделанные его величеством замечания записываются красной тушью.

Кроме этих многочисленных советов, существует еще два – ду-ча-юань и цзун-жэнь-фу. Первый из них – это коллегия цензоров. Цензорам полагается посещать собрания коллегий, или советов, описанных выше, чтобы удостовериться, не готовятся ли там интриги и заговоры, направленные на ослабление правительства. Членов этой коллегии нередко посылают в провинции, чтобы удостовериться в надлежащем ведении дел. Иногда цензоры направляют в разные части империи соглядатаев, чтобы провести тщательную проверку общественного и частного поведения любого чиновника или чиновников, на которых могло пасть подозрение. Перед такими эмиссарами трепещут местные власти и видные горожане всех больших и влиятельных городов. Его превосходительство Ань, уполномоченный этой коллегии, прибыл в Кантон осенью 1862 года и внезапно арестовал несколько ни о чем не подозревавших чиновников и известных горожан, и в соответствии с его приказами некото-

рые из них, включая пользовавшихся дурной славой Чжан Чуня и Ду Би, были без промедления казнены.

В *Pekin Gazette* от 12 ноября 1871 года было опубликовано заявление, переведенное в *China Mail* от 23 декабря 1871 года. Его содержание было таково: цензор обратил внимание императора на дело о тройном убийстве, истцом по которому выступал некий уроженец Чжэцзяна. Истец утверждал: когда его брат шел с рынка, где покупал горох, его остановили и окружили четверо братьев, желавших отомстить ему за старую обиду. Среди нападавших были и два посторонних человека. На месте были убиты двое, несшие горох. Затем убийцы похитили брата истца, заперли у себя дома, а затем убили. О случившемся было доложено тогдашнему начальнику уезда, чья фамилия была У, но из-за Тайпинского восстания дело не могло быть расследовано. Преемник У на этой должности, которого звали Ду, арестовал преступников. Однако подкупленный мелкий чиновник нашел способ освободить их. Осмелев после освобождения, убийцы выкопали из могил гробы и изуродовали останки покойных с целью сделать их идентификацию невозможной. Другой магистрат по фамилии Хуан отправил служащих арестовать их за это преступление, но убийцы оказали сопротивление полиции. Преемник этого магистрата направил войска для задержания преступников, но убийцы ухитрились бежать. Дело оставалось нерешенным в течение четырнадцати лет, несмотря на то что речь шла о трех жизнях. Начальнику области (префекту) подавали прошения двадцать пять раз, интенданту округа – девять раз, по одному разу – губернатору и генерал-губернатору, но истец так и не смог добиться удовлетворения своих претензий. Неизменно дело передавали магистрату, дабы он арестовал убийц, однако им было позволено спокойно жить дома.

Вторая из этих двух коллегий, цзун-жэнь-фу, состоит из шести высокопоставленных чиновников. Они ведут реестр рождений, смертей, браков и связей принцев из императорской семьи и иногда докладывают об их поведении. Реестр, в котором записаны имена прямых потомков императорской семьи, ведется на желтой бумаге, а родственников императора по боковой линии – на красной. Результат работы коллегии каждые десять лет представляют на рассмотрение императора, а он дарует титулы и награждает. Они делятся на четыре класса: первый – наследственный, второй – почетный, третий дается за государственную службу, а четвертым вознаграждаются достижения в сфере литературы. Обязанность министров коллегии цзун-жэнь-фу – представление различным судам, носящим название лю-бу, докладов о том, какой из сыновей императора в наибольшей степени обладает необходимыми для хорошего правителя качествами. Эти доклады, как и все другие, представляют на рассмотрение императора. Его величество обладает властью назначить себе преемника вне зависимости от того, принадлежит преемник к императорской семье или нет. Желание упрочить и продлить свою династию едва ли позволит императору выбрать человека, который займет трон после него, не из числа членов царствующей семьи. Как правило, императору наследует его старший сын. Если же последнего сочтут неспособным к управлению государственными делами, царствовать приходится второму или третьему сыну. Когда император бездетен, выбор делается из представителей боковой ветви той же династии. Подобно большинству китайских семей или кланов, императорский дом крайне многочислен. Одно время было принято принимать на государственную службу каждого из отпрысков царствующего дома. Этот обычай постоянно приводил к серьезнейшим хлопотам и тревогам властей, поскольку из-за него возникали заговоры и мятежи, поэтому от него отказались. Каждый принц должен теперь довольствоваться звучным, но бессодержательным титулом царя; причем этого царского достоинства его могут лишить при любом его поступке, который сочтут унижающим достоинства семьи.

Китайцев учат рассматривать императора как представителя Небес, а императрицу – как представительницу матери-земли. И как таковой, ей полагается влиять на природу и

быть в состоянии изменять ее. Одна из ее основных обязанностей – следить за тем, чтобы в назначенные периоды в году должным образом со всем надлежащим почтением осуществлялось поклонение божеству – покровителю тутового шелкопряда. Она также обязана тщательно проверять, как дамы из императорского гарема ткут шелка, предназначенные для одежд некоторых идолов государственного культа. Императрице полагается быть полностью неосведомленной о политических делах. Однако есть примеры, которые свидетельствуют о том, что китайские императрицы проявляли самые обширные познания в этой области. Например, вдовствующая императрица, мать покойного государя Тунчжи, энергично занявшись государственными делами, смогла раскрыть заговор некоторых членов кабинета с целью свержения и убийства ее сына. Главных заговорщиков обезглавили, а других, роль которых в заговоре была не столь значительна, отправили в пожизненную ссылку. Но кроме императрицы, у императора есть и другие жены. Их восемь, и они называются царицами. Эти женщины подразделяются на два класса: к первому относятся три царицы, а ко второму – пять. В дополнение к женам у императора есть, конечно, еще несколько наложниц.

Выбор императрицы и цариц зависит исключительно от личных качеств или привлекательности избранных женщин, их родство или репутация семьи не имеют значения. Их выбирают следующим образом. Вдовствующая императрица со своими фрейлинами или, при ее отсутствии, принадлежащая к царствующему дому дама, наделенная соответствующими полномочиями, устраивает нечто вроде приема, где присутствуют приглашенные из разных мест империи маньчжурские дамы и дочери знаменосцев. Даму, которую провозглашают *belle* этого собрания, избирают, дабы в должное время возвести ее в достоинство императрицы. Тех, кого сочли следующими за ней по привлекательности, выбирают царицами. Дочери знаменосцев седьмого, восьмого и девятого рангов представляются вдовствующей императрице, с тем чтобы определенное их число можно было назначить на соответствующие должности дам и служанок при императорской опочивальне. Эту церемонию, по-моему, проводят раз в году. Сходным образом выбирали цариц для древних царей Персии: в книге Есфири упоминается о подобной практике – из «красивых девиц». Молодые женщины, допущенные в гарем, – это, как правило, дочери аристократов и дворян. Однако, поскольку красивая внешность – одно из основных качеств для наложницы, иногда во дворец попадают и женщины более скромного общественного положения. Действительно, из низших слоев общества происходила мать императора Сяньфэна. Она была продавщицей фруктов и своей поразительной красотой привлекла внимание государственного министра, когда он в составе процессии проходил по улице, где жила эта девица. Довольный тем, что нашел такую красавицу, он добился, чтобы ее представили ко двору императора Даогуана, где она со временем и родила злополучного императора Сяньфэна. Я жил в Китае, когда выбирали жену для покойного императора Тунчжи. Имя своей новой императрицы китайцы узнали из *Pekin Gazette* от 11 марта 1872 года. От имени двух вдовствующих императриц было объявлено, что дама по имени Алутэ была избрана, дабы стать доброй спутницей императора и делить с ним радость и горе. Далее *Gazette* сообщала, что она дочь Чун И, младшего чиновника академии Ханьлинь, имеющего должность, соответствующую правителю области или начальника департамента. Само собой разумеется, что Чун И – монгольского происхождения. Кроме того, он принадлежит к знамени из синей гладкой материи и является сыном некоего Сайшанга, чиновника, снискавшего печальную известность в начале предшествующего царствования: он утратил благосклонность своего государя в 1853 году из-за того, что не смог справиться с Тайпинским восстанием. Из-за поражений, которое потерпел от повстанцев, он был разжалован и не участвовал в общественной жизни. В 1861 году его личный дворец в Пекине был конфискован правительством и превращен в Цзун-ли ямэнь. Это очень ученый человек: в 1865 году он стал чжуаньюанем (старшим по математике или по классике), то есть первым выдержал проводящийся раз в три года экзамен на степень

доктора. Мать Алутэ – дочь покойного Туаньхуа, князя Чжэн. Этот князь был признанным лидером выступавшей против всех чужеземных влияний партии, которая к концу правления Сяньфэна доставила так много беспокойства иностранцам. Как бы то ни было, эта партия в ноябре 1861 года очень ловко была свергнута князем Гуном, которого поддерживала императрица-мать. Лидеров потерпевшей поражение партии, выступавшей против всего иностранного, судили и обезглавили, а Туаньхуа в знак императорской милости позволили покончить жизнь самоубийством. В том же выпуске *Pekin Gazette*, на который мы ссылались, был напечатан второй указ о помещении в гарем его императорского величества трех женщин. Одна из них была дочерью служащего коллегии, ведающей наказаниями, вторая – дочерью начальника области (префекта), а третья – дочерью Сайшанга, деда Алутэ. Женщины, принадлежащие к императорскому семейству, находятся на попечении евнухов, которые выполняют обычные обязанности в императорском гареме.

В каждой из провинций, на которые разделена империя, находится огромное множество чиновников, и все их действия непосредственно или опосредованно находятся в ведомстве соответствующей коллегии или суда. Так, в провинции Гуандун^{9}, которую я осмелюсь выбрать для иллюстрации управления провинциями, есть такие гражданские мандарины: генерал-губернатор, губернатор, казначей, младший уполномоченный, судья-литератор, главный судья (последние четыре – одного ранга), шесть даотаев одного ранга, десять начальников области одного ранга и семьдесят два уездных или окружных правителей одного ранга. У каждого из этих чиновников есть совет, помогающий им в исполнении должностных обязанностей. Помимо этих чиновников, в каждом большом и малом городе империи имеется администрация, так что число мандаринов в каждой провинции очень велико. Разные классы чиновников находятся в строгом подчинении друг у друга. Так, администрация деревни подчинена правителю округа или уезда. Правитель округа или уезда подвластен начальнику области, а начальник области, в свою очередь, подчинен даотаю, тот – главному судье или судье, рассматривающему уголовные дела, и так далее вплоть до генерал-губернатора или наместника. Каждый чиновник находится *in loco parentis*^{10} по отношению к своим непосредственным подчиненным, и считается, что мандарины относятся к управляемому ими народу по-отечески. Этот принцип пронизывает все слои общества вплоть до беднейших: люди, стоящие выше на общественной лестнице, играют роль родителей для тех, кто ниже их по положению, и над всеми простирается всеобъемлющее отеческое попечение императора.

Китайским чиновникам определенных рангов не разрешается занимать должности в провинциях, уроженцами которых они являются; им не позволено также без императорского разрешения заключать брак в провинциях, куда они посланы на службу. Чтобы предотвратить возможность приобретения ими слишком большого влияния в уездах, областях или провинциях, где они служат, их переводят на другие должности – иногда раз в три года, иногда раз в шесть лет. Все чиновники должны назначаться императором по рекомендации коллегии церемоний, члены ее считаются советниками его императорского величества по вопросу назначений на административные должности. Кандидатами на должность по закону должны быть люди, успешно сдавшие большие государственные экзамены на знание классики. Однако мандарины из коллегии церемоний совсем не против за вознаграждение представить его величеству в качестве кандидатов на должность людей, чья экзаменационная степень была куплена, а не получена в результате учебы. Жалованье государственных чиновников очень маленькое. Эта система приводит к самым возмутительным и незаконным поступкам. Таким образом, хотя китайские мандарины ежеквартально получают из императорской казны минимальную оплату, они уходят в отставку состоятельными людьми, вследствие несправедливо нажитых ими доходов, к которым они стремятся с ненасытной жадностью. Чиновники долго уже составляют настоящее проклятие страны. Это червь, гложущий ее

корень. Своими злоупотреблениями они повергли этот прекрасный край в анархию и бедность.

Военные мандарины в провинции Гуандун также крайне многочисленны. Главой их, конечно, считается маньчжурский генерал.

Обязанности, возложенные на генерал-губернатора, или губернатора провинции, очень трудны. Он отвечает перед императором, в свою очередь отвечающим перед богами, за всеобщий мир и процветание своих провинций. Губернатор должен присматривать за всеми чиновниками и раз в три года направлять в Пекин, в коллегия, ведающую назначением на гражданские должности, сведения о каждом служащем, находящемся под его началом, с краткой запиской о его обычном поведении. Такой информацией снабжают наместника или губернатора непосредственные начальники каждого из служащих. Если генерал-губернатора обвиняют в каком-либо правонарушении, правительство немедленно направляет императорскую комиссию расследовать дело.

Существует девять отличительных знаков, по которым без труда можно распознать ранг или должность чиновника Китайской империи, о чем впоследствии будет рассказано подробнее. Чиновник первого, или высшего, класса носит на верхушке шапки темно-красный коралловый шарик, или пуговицу, как это чаще называют. Чиновники второго класса – розовую того же размера, третьего класса – голубую, а четвертого – синюю. Чиновника пятого класса отличают по хрустальной пуговице на шапке, по перламутровой – мандарина шестого класса; чиновники седьмого и восьмого класса имеют золотую пуговицу, а девятого, последнего, класса – серебряную. Любой чиновник может получить дополнительное отличие – павлинье перо. Оно крепится к низу шарика на верхушке шапки и спускается вниз назад.

Внешняя чиновничья туника – это длинное просторное одеяние из синего шелка, затканное золотыми нитями. Оно доходит до лодыжек и стягивается поясом на талии. Сверху носят лиловую тунику немного ниже колен; широкие и очень длинные ее рукава, закрывая кисти рук, спускаются ниже. Обыкновенно их подворачивают и закрепляют у запястий. Когда чиновника допускают к императорской особе, с тем чтобы он переговорил с его величеством или совершил коутоу, которое в Китае представляет собой обычное выражение почтения, этикет предписывает, чтобы рукава были спущены и закрывали руки, что делает человека довольно беспомощным. Этот древний обычай возник, чтобы предотвратить возможное покушение на жизнь императора. Точно такой же обычай, по-видимому, существовал при персидском дворе, у. Митфорд так описывает его в своей «Истории Греции»: «У персидского придворного платья были такие длинные рукава, что, не будучи подвернутыми, они покрывали кисти рук;». И церемониал требовал от людей, допущенных лицезреть царскую особу, так закутывать руки, что они становились беспомощными».

На груди и на спине туники гражданских чиновников шелковыми нитками вышита птица с распростертыми крыльями, стоящая на скале среди бушующего океана и устремляющая взгляд на солнце. Что за птица на одежде – то зависит от ранга чиновника. В главе о законах, регулирующих расходы, читатель найдет подробный рассказ об эмблемах, используемых для обозначения рангов – места в иерархии. На плечах каждый чиновник носит короткий шелковый шарф, богато украшенный вышивкой, причем вытканый девиз тоже указывает на ранг владельца. На шею надето длинное ожерелье из ста восьми шариков, или бусин. Оно называется чао-чжу; его назначение – напоминать носителю о его родном крае. Семьдесят две из ста восьми бусин должны символизировать драгоценные камни, минералы и металлы Китая, а остальные тридцать шесть – количество созвездий или планет, льющих свои благодатные лучи на страну. К левой стороне этого ожерелья прикреплены две очень короткие нитки мелких бусин. Они должны запечатлеть в уме носителя уважение, которое он должен питать к предкам, и сыновнюю почтительность по отношению к родителям и

опекунам, о которой не должен забывать никогда. К правой стороне ожерелья тоже прикреплена короткая нить мелких бусин, напоминающая о преданности, которую носитель обязан питать к императорскому трону.

Такие одеяния и знаки различия носят не только чиновники. Почетный ранг может быть приобретен за деньги, и уважаемые граждане, ничем не связанные с государственной службой, облаченные в великолепные пышные одежды, украшенные так же, как и те, что носят ее по праву, – обычное зрелище.

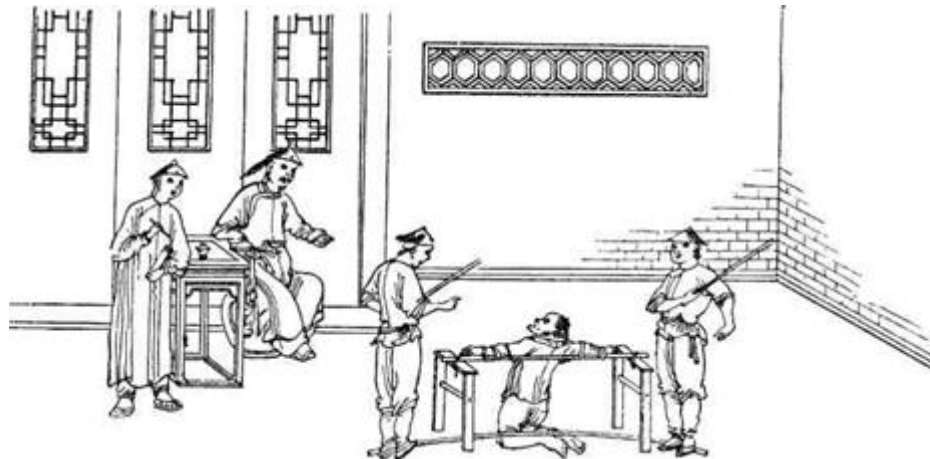
Все китайские чиновники обеспечиваются казенными резиденциями. Они называются ямэнями и в некоторых случаях очень обширны, иногда занимают несколько акров. С крыши залов многих таких официальных резиденций свисают раззолоченные доски, на которых большими китайскими иероглифами выписаны разные этические максимы. Некоторые из этих досок – подарки наследующих трон императоров бывшим обитателям ямэней, отличившихся верной службой. К ямэням прилегают присутственные места, где ведутся дела. К присутственным местам, или управам, которые занимают соответственно правители уездов, областей, даотаи, главные судьи и инспекторы государственных доходов, бывают пристроены обширные тюрьмы.

Уездные правители, правители областей и главные судьи – чиновники, в обязанности которых входит председательство в судах во всех случаях, подлежащих рассмотрению, – и гражданских, и уголовных. Каждому из них при исполнении обязанностей помогает помощник или помощники. Тем не менее, чтобы подробнее объяснить ход судопроизводства в Китае, необходимо отметить, что сначала обвиняемый предстает перед джентри или старейшинами деревни, района. Если преступление не очень значительно, правонарушителя могут наказать заточением в одном из общественных помещений, а могут заставить стоять в канге некоторое время на углу одной из самых оживленных улиц деревни или в непосредственной близости от места, где было совершено преступление. Но если оказывается, что дело требует рассмотрения в более высокой инстанции, узника вместе с письменными показаниями и замечаниями к ним джентри направляют к мандарину или правителю пу, к которому относится деревня. Пу, как было сказано выше, это административное подразделение провинции, состоящее из нескольких деревень. Однажды 9 июля 1873 года я присутствовал при таком допросе. Он проводился в деревне Фанчуань уезда Паньюй старейшиной деревни. Вор по имени Ли Аюнь был пойман предыдущей ночью при ограблении дома. Старейшины не удовлетворились его признанием в совершении этого преступления и стали настаивать, чтобы он публично признался во всех кражах, совершенных им за последние четыре года. Они тщательно записали все факты, и в конце допроса узник с письменными показаниями был направлен к правителю пу.

Если мандарин или правитель пу найдет, что наказание входит в его юрисдикцию, то осуществляет его. Если же он решит, что дело следует передать его начальнику, он безотлагательно отошлет узника вместе с показаниями и собственными пометками к ним правителю уезда или округа, к которому относится пу. Правители живут в уездных городах, и все такие города в Китае окружены высокими зубчатыми стенами. Если не окажется, что дело подлежит рассмотрению более высокой инстанции, его разбирает правитель уезда. В противном случае он отправляет узника начальнику своей области, который живет в областном центре, также окруженном высокими зубчатыми стенами. Если и он отправляет дело в более высокую инстанцию, узника перевозят в столицу провинции. Здесь живет провинциальный, или уголовный, судья – мы назвали бы его главным судьей. Он допрашивает только тех, кого обвиняют в преступлениях, караемых смертной казнью, представляет свои решения на рассмотрение генерал-губернатора или губернатора провинции. До того как будет приведен в исполнение приговор главного судьи, необходимо, чтобы преступник предстал перед генерал-губернатором или губернатором и признался в своей вине. Пока допрашива-

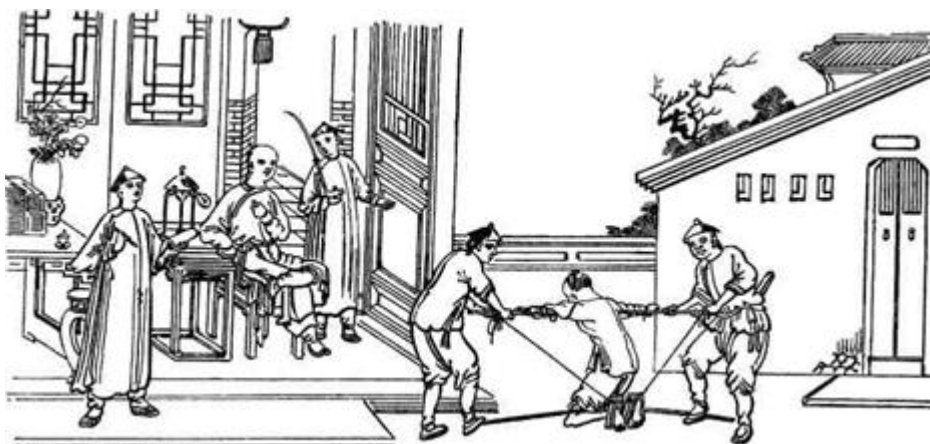
емый узник не ответил на определенные вопросы в присутствии генерал-губернатора или его помощника, вынесенный ему приговор не может быть ни утвержден, ни исполнен. Если узник будет признан виновным в измене, пиратстве или грабительстве на большой дороге, генерал-губернатор может приказать казнить его без императорской санкции. Однако, если доказано, что узник виновен или в отцеубийстве, или в матереубийстве, или в братоубийстве и тому подобном, генерал-губернатор представляет дело вниманию членов коллегии наказаний в Пекине; президент этой коллегии, в свою очередь, представляет его рассмотрению членов кабинета или большому государственному совету. В надлежащее время это почтенное сообщество излагает дело императору. Передают, что его величество в каждом таком случае тщательно изучает письменные показания, прежде чем утвердить приговор и отдать распоряжение о казни. Как правило, генерал-губернатор или губернатор в конце каждого года препровождает в Пекин список приговоренных к смерти преступников. Эти записи получает также глава коллегии наказаний и направляет через кабинет императору, который изучает каждую запись и киноварной кистью делает красную отметку напротив трех-четырех имен на каждой странице. Затем списки возвращают губернаторам провинций, с тем чтобы были совершены надлежащие правовые процедуры по отношению к тем преступникам, против чьих имен была проставлена отметка. По получении списка от императора этих преступников немедленно казнят. Для наместника отсутствие абсолютного и безусловного повиновения императорской воле считается в высшей степени изменническим. Однако узники, чьи имена не были отмечены киноварной кистью, не помилованы, их имена представляют на рассмотрение императора во второй и в третий раз. Если же их не отмечают и в последний раз, смертный приговор заменяется пожизненной каторгой. В областной тюрьме в Кантоне я видел трех злодеев, чьи имена в первый раз были представлены императору. Им посчастливилось: в первый раз они избежали высшей меры наказания. Начальник тюрьмы, в то время находившийся рядом с нами, жестоко заметил при них, что в следующий раз, когда их имена будут представлены вниманию императора, им вряд ли так повезет. Казалось, что один из злодеев призадумался, но остальным, с виду отъявленным головорезам, по-видимому, было совершенно безразлично, казнят их или сошлют на каторгу пожизненно. Вероятно, они бы даже высказались в пользу постыдной смерти от руки простого палача, однако это не типичное для китайских преступников чувство.

Выше я упомянул о том, что генерал-губернаторы или губернаторы провинций в определенных случаях имеют право распоряжаться жизнью и смертью людей. Могу добавить, что, до того как империю стали потрясать серьезные смуты и грабежи, они были единственными чиновниками, облеченными такой властью. Но теперь правители области, как правило, наделены полномочиями казнить всех изменников и пиратов без какого-либо обращения к вышестоящим инстанциям. Так, в 1860 году, посетив областной город Хэюань, я узнал, что за несколько дней до моего приезда не менее чем тридцать повстанцев были обезглавлены по распоряжению правителя области.



Пытка на суде

Китайское судопроизводство поразительно для всех, кто живет в странах, где принят суд присяжных. В китайских судах прибегают к таким страшным пыткам, что вряд ли можно ожидать, чтобы незнакомый с предметом читатель поверил рассказу о том, как зверствуют мандарины в стремлении покарать порок и защитить добродетель. Но как и в Англии до XVII столетия, несмотря на то что лица, ответственные за отправление правосудия, действительно применяют пытку, в Китае она не узаконена. Суды, где ведутся процессы, были открыты для широкой публики, но жестокости, которыми они печально известны, привели к тому, что в них не бывает посетителей, так что они стали фактически закрытыми заведениями. Более того, раньше, в день открытия сессии суда, к внешним воротам ямэня прикрепляли перечень дел, которые должны быть рассмотрены, и имена заключенных. Этот обычай давно вышел из употребления, и теперь перечень помещают на колонне в одном из внутренних дворов ямэня, где он, конечно, не может привлечь внимания публики. Судья, верша разбирательство, сидит за большим столом, покрытым красной скатертью. Заключенного ставят на колени перед столом в знак уважения к суду, который считает его виновным, пока не будет доказано противоположного. Секретари, переводчики и надзиратели стоят по обеим сторонам стола; сидеть не позволено никому, кроме судьи. В начале разбирательства, как и в английском суде, обвинение зачитывают подсудимому, который должен заявить о своей виновности или невиновности.



Пытка на суде

Редко бывает, чтобы тот признал себя виновным (ведь милосердие явно не в характере здешних судей), и поэтому судебное разбирательство длится очень долго. Узнику задают множество наводящих вопросов с целью уличить его. Если же ответы уклончивы, немедленно прибегают к пытке, как к единственному средству получить требуемое признание.

Опишу несколько простейших способов пытки. Верхняя часть тела подсудимого обнажена, он стоит на коленях, причем два надзирателя крепко держат его за руки, а третий бьет его самым немилосердным образом двойной палкой между плечами. Если он продолжает давать уклончивые ответы, его бьют по челюстям инструментом, который сделан из двух сшитых вместе на конце толстых кусков кожи и имеет форму, напоминающую подошву шлепанца. Между этими кусками кожи помещен язычок из того же материала, придающий орудию пытки упругость. Сила, с которой наносят удары во время этой пытки, такова, что иногда выбивают зубы, а рот опухает так, что на некоторое время человек лишается возможности жевать. Если он продолжает настаивать на своей невинности, тюремщик бьет по его лодыжкам твердой деревяшкой, напоминающей школьную линейку более чем фут длиной, что нередко приводит к перелому костей. Если узник продолжает упорствовать, настаивая на своей невинности, применяют более суровую пытку. Ее можно считать разновидностью дыбы. Большие тяжелые козлы ставят вертикально, и узника, стоящего на коленях, прислоняют к доске. Затем его руки заламывают назад и оттягивают к верхним ножкам козел при помощи шнуров, обернутых вокруг большого пальца каждой ноги, причем его колени остаются на земле. Когда узник связан таким образом, ему снова задают вопросы, и если его ответы будут сочтены неудовлетворительными, на его предварительно обнаженные бедра обрушиваются жестокие удары двойной палкой. Мне известны узники, остававшиеся в такой позиции значительное время. Дрожание всего тела, жалобные стоны и сочившаяся изо рта слюна были самым бесспорным доказательством тяжести пытки. Когда несчастных освобождают от дыбы, они абсолютно не в состоянии держаться на ногах, поэтому их помещают в корзины, а кули из места отправления правосудия (которое не имеет права на это название) уносят в дом предварительного заключения. Через несколько дней узников вытаскивают на очередной допрос. Даже при помощи этой пытки иногда не удается получить признание в виновности. В подобных случаях прибегают к еще более жестоким мерам. Узника ставят на колени под деревянным брусом длиной шесть футов, который поддерживают два прямых деревянных столба. Когда тыльная сторона шеи оказывается непосредственно под ним, руки протягивают вдоль бруса и привязывают к нему веревкой. В углублении на коленные суставы сзади кладут такой же брус, на концах которого встают два человека, прижимая его своим весом; при этом под коленями иногда кладут цепи, чтобы сделать боль еще невыносимее. Иногда брус помещают на ахиллово сухожилие и точно так же надавливают, чтобы напрячь голеностопный сустав. Я дважды был свидетелем такой пытки подсудимого, и в обоих случаях ее мучительность была очевидна.

«Но где же свидетели?» – воскликнет читатель. Было бы неверным сказать, что в китайском суде не допрашивают свидетелей, но, поскольку свидетелей тоже в некоторых случаях пытают, иностранцу, не знающему китайского языка, нелегко разобраться в том, кто из двух истязуемых, преклонивших колени перед судом, обвиняемый, а кто свидетель.

Помню, как-то раз я видел двух коленопреклоненных перед судьей кантонского района Наньхай. У обоих были цепи на шеях; и так как обоим время от времени били между плеч двойной палкой, я, естественно, сначала заключил, что они соучастники. Однако оказалось, что одного из них подозревали в том, что ему было известно о преступлении другого, по делу которого его и допрашивали. Поскольку свидетель не хотел или не мог давать показания, его тоже подвергли избиению.

В 1860 году при разборе в том же суде дела об убийстве двое мужчин, отец и сын по имени Гань Вэй и Гань Тайчжу, были вызваны для дачи свидетельских показаний против подсудимого. Они упорно утверждали, что ничего не знают об обстоятельствах дела. Суд счел это обманом, поэтому их избили и взяли под стражу. Родственники этих несчастных пришли ко мне домой и горячо умоляли просить представителей союзников (Кантон тогда был занят английскими и французскими войсками) освободить Гань Вэя и его сына.

Выслушав этот рассказ, я пообещал им свое содействие. Представители союзников, которых я информировал о деле, пытались помочь, как могли, но безуспешно. Генерал-губернатор, к которому они обратились, заявил, что эти два свидетеля определенно могли дать показания по делу. После этого отца и сына неоднократно допрашивали, причем каждый раз безжалостно избивали за то, что они запоздали со своими показаниями. Эта жестокость оказалась для одного из них чрезмерной: сын умер в тюрьме. Родственники выжившего узника, далеко не молодого, – ему было уже семьдесят, боясь, что и он умрет в тюрьме, уговорили меня еще раз попросить представителей союзников, чтобы они ходатайствовали о его освобождении. Британский представитель Паунэлл самым любезным образом отозвался на мою вторую просьбу и попросил меня пойти в ямэнь магистрата и поговорить с этим чиновником лично. Когда я прибыл в ямэнь, мне сказали, что главный магистрат ушел и неизвестно, когда он вернется. Тем не менее я вошел в тюрьму и переговорил со стариком. Подойдя к нему, я был очень огорчен тем, что его рот сильно распух от жестоких ударов, которые ему нанесли накануне. Его губы, десны и язык распухли так, что ему было очень трудно разговаривать с сопровождавшим меня переводчиком. На следующий день представители союзников снова обратились к наместнику с просьбой освободить старика. И это обращение было безуспешным. Спустя несколько недель после моего разговора с несчастным и через несколько дней после очередной жестокой порки, которой старик подвергся за заявление о том, что он не в состоянии дать никаких показаний, он тоже умер в тюрьме.

Я уверен, что все иностранцы, жившие в Кантоне, когда он был занят союзниками, могут засвидетельствовать в подробностях, насколько похвально действовали союзные представители в стремлении прекратить произвол мандаринов в тюрьмах и в судах. Эти учреждения ежедневно посещали европейские полицейские, в чьи обязанности входило сообщать союзным представителям, ослабили ли мандарины жестокость своего обращения с узниками. Однажды главный магистрат уезда Паньюй, часто предупреждаемый о необходимости отказаться от применения пыток, был застигнут европейскими инспекторами непосредственно в момент очень сурового наказания трех узников, накануне попытавшихся бежать из тюрьмы. Он был арестован и приведен к союзным представителям, которые приговорили его к сорокадневному тюремному заключению. Чиновники и джентри Кантона, негодуя из-за унижения собрата, которого подвергли наказанию чужаки, старались побудить народ к восстанию. Услышав об этом движении, союзные представители безотлагательно опубликовали следующее замечательное объявление:

«СОЮЗНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ – НАРОДУ КАНТОНА.

Жители Кантона, один из ваших магистратов, которому доверено управление уездом Паньюй, арестован и сейчас находится в заключении в ямэне союзных представителей. Из прошений, поданных за него, ясно, что вам неизвестны причины, приведшие к его наказанию.

В этом деле союзники руководствовались уважением к закону, которое представляет собой главный принцип их поведения. Поскольку ваши магистраты не желают сообщить вам о причине наказания, постигшего их коллегу, представители сами сделают это без колебаний, ввиду того что решительные меры, к которым им пришлось прибегнуть, были осуществлены исключительно ради человеколюбия и в интересах народа.

Использование пыток в судопроизводстве отвратительно для умов всех цивилизованных людей, а также противоречит законам Китая. Следовательно, пока в Кантоне будет сохраняться теперешнее военное управление, командующие союзными силами не могут терпеть противные человеколюбию поступки со стороны любого китайского чиновника при отправлении им правосудия. Не могут они терпеть и того, чтобы временно вверенных их покровительству людей у них на глазах подвергали подобным бессмысленным жестокостям.

С этой целью они постоянно запрещали использование пытки в местных судах этого города и неоднократно обращали внимание правителя уезда Паньюй на официальные приказы, однако обнаруживали лишь, что данное должностное лицо по-прежнему часто пренебрегало этими приказами. В конце концов терпение союзных представителей было истощено последним актом жестокости, совершенным магистратом уезда Паньюй: были раздроблены ноги трех заключенных. Именно поэтому союзные представители подвергли его наказанию, которое могло бы послужить достаточным примером для других.

Теперь, когда вы узнали причину ареста магистрата уезда Паньюй, вам следует дать осуществиться правосудию. Его временная отставка не должна стать поводом для вашего беспокойства, поскольку исполнять его должностные обязанности были назначены другие чиновники. Продолжайте спокойно заниматься своими обычными делами, не пытайтесь нарушить общественное спокойствие демонстрациями, которые, конечно, навлекут на инициаторов скорейшее и суровейшее наказание.

Кантон, 17 июля 1871 года».

Это объявление возымело желаемый результат. Тем не менее заслуженно лишенный своего высокого положения правитель уезда по истечении срока заключения отказался вернуться к своим обязанностям и на следующий месяц вернулся в Пекин, стремясь найти службу в той части империи, где были невозможны проверки со стороны иностранных чиновников.

Юридическая процедура гражданских дел не так уж отличается от той, что бывает в уголовных. Если между двумя людьми возникает спор о праве на дом или на землю, спорщики обыкновенно обращаются к третейскому суду. Третейские судьи – это в основном уважаемые граждане или старейшины с соседней улицы. Если какая-то из сторон не удовлетворена решением третейских судей, дело переходит в суд и подлежит рассмотрению правителем уезда. Тому, кто передает дело в суд, приходится нести большие расходы на подкуп мелких чиновников у ямэня, чтобы ходатайство вообще дошло до магистрата. Проситель, щедро заплативший, получает возможность занять место у раздвижных дверей в одном из внутренних дворов ямэня. Когда правителя уезда проносят мимо туда или оттуда, истец валится на колени непосредственно перед его паланкином. Магистрат велит носильщикам остановиться, чтобы выяснить, о чем ходатайствует проситель. Прочитав прошение, правитель уезда сразу назначает день для расследования дела. Я видел, как уважаемые в Кантоне люди подобострастно преклоняли колени перед главным магистратом Наньхая. Во время следствия по гражданским делам судья тоже нередко применяет пытки. Если дело очень важно, его направляют в более высокую инстанцию, но не судье или главному судье провинции, а казначею, оттуда оно может быть направлено далее на суд губернатора или генерал-губернатора провинции. Однако решение губернатора или наместника может быть обжаловано. Следующая инстанция – это губернатор или генерал-губернатор провинции, граничащей с той, уроженцами или жителями которой являются спорщики. После вердикта высшей инстанции в соседней провинции последнюю апелляцию подают императору через кабинет министров. В прежние времена люди, вовлеченные в судебный процесс, могли подавать апелляцию на решение суда высшей инстанции своих провинций лично императору. Однако теперь тяжущимся необходимо апеллировать к суду соседней провинции, до того как они смогут передать свое дело на рассмотрение императору.

Во всех китайских судах процветают взяточничество и продажность. Их вердикты по большей части служат интересам тех, кто уплатит за них большую цену. В китайских архивах описано множество случаев, когда чиновники брали взятки, стремясь помешать торжеству правосудия. Одно из самых запоминающихся – дело о споре между двумя родственниками, один из которых принадлежал к клану, или к семье Лин, а другой – к семье Лян; звали их соответственно Лин Гуй-син и Лян Цин-лай. Император обратил внимание на взяточ-

ничество и вопиющую несправедливость мандаринов в этом деле. Они подверглись заслуженному недвусмысленному осуждению со стороны его величества. Истец Лин Гуй-син был человеком почти неограниченного богатства и огромной влиятельности. Как Ахав, царь Израиля, при всем своем богатстве тосковал, куда ему не достался виноградник Навуфея Изреелитянина, так и Лин Гуй-син не мог успокоиться, пока небольшой участок земли, находившийся в собственности его родственника Лян Цин-лая не станет частью его собственных обширных владений. Стремясь утолить свою алчность, он заявил, что участок принадлежит ему. Дело было рассмотрено в кантонских судах. Судьи в разных судах, щедро подкупленные, вынесли решение в пользу Лин Гуй-сина. Лян Цин-лай, зная, что право всецело на его стороне и что суды, в которых последовательно слушалось дело, были подкуплены, решил отправиться в Пекин искать правды у его императорского величества Юнчжэна. Передают, что этот император, приверженный справедливости, истине и милосердию, принял просящего благосклонно. Его величество безоговорочно поверил Лян Цин-лаю, когда тот сказал, что мандарины несправедливо обошлись с ним. И вот Юнчжэн отрядил императорского инспектора по имени Хун Тай-пэн снова расследовать дело. Следствие окончилось решением дела в пользу Лян Цин-лая. Лин Гуй-син и все его семейство, за исключением одного мужчины, были казнены. Все мандарины из судов, где рассматривалось это дело, были разжалованы и уволены с императорской службы. Оказывается, Лян Цин-лай, перед тем как оставить Кантон и отправиться в Пекин, посетил воздвигнутый в честь Пак-тая храм, расположенный на улице Юнгуан в западном предместье Кантона, в поисках благословения и водительства этого божества. По возвращении он поместил обетованную доску, где выражал свою благодарность, на стенах храма, где она находится и по сей день. Дом, где жил Лян Цин-лай и где были убиты Лин Гуй-сином несколько членов его семьи, находится в центре деревни Даныцунь, и его иногда посещают как достопримечательность местные туристы и отдыхающие. Приведенная выше история составляет суть популярной национальной пьесы, которую, к великому удовольствию народа, часто исполняют на сцене китайского театра.

Чтобы побудить чиновников к должному исполнению своих обязанностей, им предлагают различные отличия и звания; и наместники, губернаторы и другие высокопоставленные государственные чиновники располагают специальными инструкциями представлять вниманию его императорского величества имена всех чиновников, военных и гражданских, служащих под их началом и достойных таких почестей. Награждаются не только живущие ныне, но и умершие. Пользуются большой популярностью почетные платья из той же ткани, того же цвета и покроя, что носит император и другие члены его фамилии. Этой наградой иногда жалуют отличившихся чиновников – и гражданских, и военных, а получить от императора желтый камзол считается одной из высших почестей. Сходные с этими знаки поощрения, как видно из книги Есфирь (6: 8, 9), древние цари Персии иногда даровали своим подданным, например, царем Артаксерксом Мардохею Иудеянину: «Пусть принесут одеяние царское, в которое одевается царь, и пусть подадут одеяние... в руки одному из первых князей царских, – и облекут того человека, которого царь хочет отличить почестью». Из Книги Бытия (41: 42) мы узнаем, что этот обычай существовал и в Египте. Не был он чужд и евреям, если я правильно интерпретирую один эпизод из истории дружбы Давида и Ионафана (1 Цар., 18: 4).

Как я уже писал, признание особых достоинств в некоторых случаях выражается в посмертных почестях. Так, в *Pekin Gazette* от 11 ноября 1871 года была помещена следующая заметка:

«Цзэн Гофань, наместник двух цзян^{11}, и Чжан Чжимань, губернатор Цзянсу, в совместной записке смиренно докладывают трону о крайне похвальном поведении покойного Чжэнь Чжунъюаня, начальника области Цзиань в Цзянси: в то время как город был атакован мятежными тайпинами восемнадцать лет назад, он пожертвовал жизнью за прави-

тельство. Когда город осадили враги, числом между 50 и 60 тысячами, сей мандарин оборонял его во главе гарнизона численностью всего лишь 1800 человек. И все же осажденные делали частые вылазки, в ходе которых было убито несчетное количество мятежников. Однажды стену проломили, но покойный предпринял активные действия для ее починки; лично надзирая за восстановлением стены, он оступился и упал со стены, сильно повредив ноги. На восьмой день двенадцатой луны того же года он снова вступил в бой, атакуя врага, но был несколько раз ранен, и по его лодыжкам стекала кровь. В городе свирепствовал голод, и людям приходилось питаться собачьим мясом и жечь дрова для освещения; но даже в этой крайней нужде он неумоимо удерживал позицию вплоть до начала следующего года, когда мятежники напали на город со всех сторон, предварительно набив подкопы порохом, чтобы разрушить стены. Покойный чиновник и его старший сын храбро встретили устроивших проход в западных воротах мятежников; оба они были убиты, а головы их выставлены на всеобщее обозрение у восточных ворот. Ничто в наших анналах не может сравниться с этим. Поэтому челобитчики просят о разрешении построить храм, посвященный покойному чиновнику, который лишь с горсткой людей мужественно защищал отрезанный от внешнего мира город от грозного врага, чьи войска насчитывали десятки тысяч солдат, без всякой надежды на подкрепление и без провианта для осажденных. Более того, судьбу отца разделил сын, что было не только актом преданности, но и актом сыновней почтительности и не может быть уподоблено обычному самопожертвованию. Поэтому следует возвести храм, посвященной благородной памяти этих людей и их помощников».

Упомяну также о посмертных почестях, оказанных одному из этих двух челобитчиков. Когда в марте 1872 года до императора дошла весть о смерти Цзэн Гофана от апоплексического удара, немедленно был издан указ о даровании этому достойному мужу посмертного титула тай-фу (помощника наставника императора) и имени Вэньчжэн (Ученый и Верный). Этот титул жалуют редко, и на протяжении последней тысячи лет его даровали только семи отличившимся. Останки этого великого человека также получили привилегию публичных похорон, и, чтобы оплатить расходы на них, из казны взяли три тысячи серебряных монет. За счет правительства манам^{12} наместника было устроено публичное жертвоприношение. По приказу императора эта церемония была проведена Му Дэньфу, маньчжурским генералом из Цзянсу. Кроме того, император распорядился, чтобы одну табличку с именами и титулами покойного поместили в храме в честь «Выдающихся верных служащих», а другую – в храме, посвященном «Совершенным добродетельным государственным министрам». Указ позволял возвести храмы в его честь в Хунани, его родной провинции, и в Цзянсу – в той провинции, которой он так успешно управлял непосредственно перед своей кончиной. Далее было сказано, что его старшему сыну жалуют наследственный титул маркиза, а следующий обладатель должности должен сообщить центральному правительству имена всех переживших его детей для назначения их на почетные посты. Кроме того, указ гласил, что все записи, стоящие против его имени в списках государственных служащих, должны быть немедленно вычеркнуты. Последнее, возможно, нуждается в объяснении. В Китае ведут правительственные списки, в одних из которых фиксируют заслуги, а в других – просчеты различных гражданских и военных чиновников империи. Этот древнейший обычай существовал и у других народов. В книгах Ездры, Неемии и Есфири содержится кое-какая информация о внимании древнего персидского правительства к записям о работе служащих. О такой практике упоминают и некоторые греческие авторы.

С целью удержать гражданских и военных служащих от совершения дурных поступков правителям провинций даны полномочия подавать императору петиции об их наказании. В выпуске *Pekin Gazette* от 12 ноября 1871 года я обратил внимание на императорский эдикт, изданный в ответ на записку Ли Хунчжана, в которой последний просил понижения в должности и увольнения мандаринов за должностные преступления и явную неспособность

арестовать правонарушителей. Указом император повелевал, дабы магистрат Дунпин Сянь в провинции Чжили, потерпевший позорную неудачу при поимке виновных в дерзком ограблении, был немедленно лишен шарика на шляпе. При этом было уточнено, что, если он в течение установленного срока не сможет задержать преступников, его самого посадят под арест, проведут следствие и накажут. Эдикт содержал императорское повеление немедленно разжаловать некоего Пэй Фудэ из управы Наньхэ сянь. Он был охарактеризован как человек заурядных способностей, и, хотя выдвинутое против него обвинение не было доказано, тем не менее было ясно, что он принимал на службу людей, пользовавшихся дурной славой, и в результате унизил достоинство чиновника. Но поощрения и наказания самым прискорбным образом не оправдывают ожиданий и не превращают китайских чиновников в честных людей.

Вполне возможно, что китайские чиновники – самые продажные государственные служащие в мире. Тем не менее среди них встречаются честнейшие и благороднейшие люди. Эти незаурядные личности пользуются большим уважением у народа, который всячески стремится продемонстрировать свое почтение к ним. За все долгое время, проведенное мной в Кантоне, я встретил лишь одного такого человека. Его звали Ачжан, и он два года правил обширной провинцией Гуандун в качестве губернатора. Так многочисленны и велики были блага, которые получил народ от его замечательного управления, что местные жители по-настоящему преклонялись перед ним. Когда он оставлял Кантон, они собрались, чтобы выразить ему почтение. Мне случилось присутствовать при его отъезде и слышать впечатляющую овацию, которой встретили его толпившиеся на улицах горожане. Внушительному шествию, сопровождавшему его к месту посадки на корабль, потребовалось по меньшей мере двадцать минут, чтобы пройти к назначенному месту. В процессии несли шелковые зонты, преподнесенные народом, и красные доски – их было, вероятно, более трехсот – с пышными похвалами добросовестному чиновнику. На пути шествия устроили множество арок. С них свешивались флаги, на которых большими иероглифами были вышиты или написаны словосочетания вроде следующих: «Друг народа», «Отец народа», «Отец и мать народа», «Яркая звезда провинции», «Благодетель эпохи». В разных храмах его прибытия ждали делегации, и он выходил из носилок, чтобы обменяться прощальными любезностями с ними и отведать приготовленные ради этого случая закуски. Но официальные мероприятия не могли свидетельствовать о его популярности так ясно, как энтузиазм народа. Тишина, которую обыкновенно соблюдают, когда китайский правитель проезжает по улицам, снова и снова нарушалась горячими восклицаниями: «Когда ваше превосходительство вернется к нам?» Нередко провожающих оказывалось так много, что толпа смешивалась с торжественной процессией и парадные носилки бывшего губернатора то и дело подвергались риску быть опрокинутыми. Было очевидно, что девизы, написанные на развешанных по пути доблестного государственного служащего флагах, в точности выражали общественное мнение.

Глава 3

Тюрьмы и наказания

В этой главе я намереваюсь дать описание китайских тюрем; о практикующихся в них жестокостях немало говорили и писали в начале 1858 года, когда Кантон был атакован и захвачен союзными войсками Великобритании и Франции. После описания этих «обитателей жестокости» я расскажу о различных степенях наказаний, которые определяют для людей, осужденных как нарушителей законов страны. Многие из этих наказаний предельно бесчеловечны. Например, в тюрьме города Чжэньцзяна я видел несчастного, которому не позволяли садиться три дня и три ночи. Его запястья были связаны длинной цепью, конец которой приковали к стропилу крыши в его камере. Иногда под мышками заключенных протягивают веревки и подвешивают, не давая касаться земли. Некоторые из способов смертной казни в Китае поистине отталкивающе жестоки. Но нет нужды заранее излагать то, что я опишу позже, повинуюсь неприятной обязанности. Факты, которые будут представлены вниманию читателя, говорят сами за себя.

Каждая из китайских тюрем в зависимости от ее разряда состоит из определенного числа помещений. В соответствии с этим, например, в тюрьмах таких районов провинции Гуандун, как Наньхай и Паньюй – уездных тюрьмах первого разряда, – есть камеры для подсудимых и еще шесть больших отделений. В каждом из этих отделений находится по четыре камеры – следовательно, всего двадцать четыре. Так устроены все уездные тюрьмы. Стены отделений граничат и образуют параллелограмм. Вокруг внешней стены параллелограмма идет мощеная дорожка, на которую открываются ворота отделений. Дорожка примыкает к большей внешней стене, огораживающей всю тюрьму. Камеры довольно большие. В каждом из отделений камеры расположены попарно, так что они образуют две стороны квадрата и напоминают крытые скотные дворы, причем передняя часть каждой обнесена деревянной загородкой от пола до крыши. Дворы вымощены гранитом. В каждой камере есть деревянный помост, на котором заключенные сидят днем и спят ночью. На помостах полно всяческих паразитов и грязи. При этом заключенным редко предоставляется (или не предоставляется вовсе) возможность помыться или даже причесаться – вода в китайских тюрьмах вещь редкая, а расчески и вообще почти неизвестны. В каждой камере стоят большие бадьи, куда справляют нужду заключенные; трудно представить, как люди могут дышать таким смрадом, особенно в жаркое время года. В центре каждого отделения находится небольшое святилище, где стоит идол божества по имени Сян-гун-чжу-шоу. Этот бог, которому поклоняются заключенные, якобы смягчает и склоняет к раскаянию жестокие и упрямые сердца заблудших и нечестивых. Годовщину рождения этой двусмысленной и унылой пародии на божество узники отмечают чем-то вроде пирушки. Расходы на еду берет на себя начальник тюрьмы. Однако этот цербер нередко присваивает часть из небольшой суммы, ежедневно выдаваемой на содержание заключенных.

К тюрьме проходят по узкому коридору, у входа в который расположена дверь обычных размеров. Над входной дверью нарисована тигриная голова с большими вытаращенными глазами и широко раскрытой пастью. Войдя, посетитель оказывается перед жертвенником, на котором стоит фигура тигра, высеченная из гранита. Тигр считается богом – покровителем тюремных ворот. Чтобы снискать милость тигра и обеспечить его бдительность, надзиратели поклоняются ему утром и вечером, поскольку тюремщики в Китае отвечают за охрану несчастных, вверенных их попечению. Во время посещения тюрьмы кантонского уезда Наньхай я видел, как один из надзирателей приносил в жертву каменному тигру кусок жирной свинины. При этом он стоял перед идиолом на коленях и возжигал благовония. Внизу большой стены, которую я описал как внешнюю границу тюрьмы, находится несколько

лачуг (по-другому не скажешь). В некоторых размещаются женщины-преступницы, в других – целые семьи, пойманные и задержанные мандаринами как заложники. Существует закон, допускающий поимку и задержание в качестве заложников семей, члены которых бежали от правосудия, нарушив законы империи. Таких заложников не освобождают до тех пор, пока не возьмут под стражу их преступных родственников; и в результате они нередко остаются в заключении пять, десять или двадцать лет. Многие из них фактически проводят в неволе всю жизнь. Так, мать или тетка Хун Сюцюаня, вождя Таипинского восстания, умерла через несколько лет в заточении в тюрьме кантонского уезда Наньхай. Я часто посещал невинную узницу. Старуха тяжело переживала лишение свободы, не обусловленное никакой ее виной. Если преступление беглеца чудовищно или сопровождается серьезными отягчающими обстоятельствами, например покушением на жизнь государя, нередко казнят ближайших родственников преступника, даже если они ни в чем не виноваты, а остальную родню отправляют в изгнание. В 1803 году была предпринята попытка убийства императора Цзяцина. Как только убийцу задержали, его приговорили к смерти под пытками, а его сыновей, находившихся в счастливой поре детства, удавили.

Смертность в китайских тюрьмах так велика, что мертвецкая считается самой необходимой их принадлежностью. Туда сваливают тела всех умерших в тюрьме, и они остаются там, пока не принимают необходимых и очень простых мер по подготовке их погребения. В ходе неоднократных посещений тюрем Кантона^{13} в период с 1858 по 1861 год включительно я часто видел эти хранилища, полные трупов, представляющие самое отталкивающее и тошнотворное зрелище. Некоторые из несчастных явно умерли от жестоких и частых побоев. Другие, несомненно, пали жертвами разных болезней, которые не редки в китайских тюрьмах, чему весьма благоприятствуют эти берлоги. В марте 1859 года я видел в мертвецкой тюрьмы магистрата кантонского уезда Паньюй пять тел людей, явно умерших от голода, – это казнь, к которой нередко приговаривают похитителей людей и других преступников, совершивших тяжелые правонарушения. С моим мнением о причине смерти этих пяти человек всецело согласились трое или четверо господ, бывших тогда со мной, причем один из них был врачом. Непосредственно перед дверью мертвецкой, в нижней части внешней стены, которой обнесена тюрьма, расположена дверца такого размера, чтобы через нее можно было передать труп. Через этот проем трупы всех умерших в тюрьме передают на прилегающую к тюрьме улицу, и их уносят, чтобы похоронить. Считают, что проносить останки умершего узника через ворота ямэня, к которому пристроена тюрьма, – много чести. Кроме того, в этом случае китайские власти сочли бы ворота ямэня оскверненными. Я могу заметить между прочим, что, согласно римскому историку Ливию, трупы всех узников, умерших в тюрьмах Древнего Рима, таким же позорным образом выбрасывали на соседнюю улицу.

Если говорить о внешности, то несчастные обитатели китайских тюрем, возможно, выглядят более плачевно и убого, чем кто-либо еще. Мертвенные лица, истощенные тела и длинные нечесанные черные волосы – сбривать их не позволяют тюремные правила – делают узников похожими скорее на демонов, чем на людей; они поражают выражением уныния и печали на лицах, которые нелегко забыть. В каждом из тюремных отделений все заключенные носят ножные кандалы. Исключение составляет узник, которого считают более порядочным и который ведет себя лучше, чем все остальные. Ни руки, ни ноги у него не скованы, и в знак того, что ему доверяют и надеются на него, он получает привилегию надзирать за товарищами по заключению в своем отделении тюрьмы. Подобный обычай существовал в Древнем Египте, поскольку мы читаем, что начальник тюрьмы в этой стране отдал под надзор в руки Иосифу всех узников, находившихся в одной с ним темнице.

Одежда китайских заключенных – это сшитые из грубой ткани красного цвета куртка и брюки. На спине куртки большими иероглифами пишется название тюрьмы, в которой

содержится носящий ее человек, – если ему удастся бежать из заточения, то люди сразу поймут, что это сбежавший заключенный, и, по всей вероятности, его поймают.

Иногда узники подпадают под императорскую амнистию, особенно при восшествии императора на престол, по случаю его женитьбы или по завершении каждого десятилетия его царствования. Так, указ об амнистии был напечатан в *Pekin Gazette* от 12 февраля 1872 года. Он начинался с того, что усопшие императоры Китая всегда были милосердны и что их преемник не уступает им ни на йоту в отношении любви к подданным. «Каждый из четырех последних маньчжурских императоров, – говорилось в указе, – объявлял специальную амнистию, когда начинался одиннадцатый год его правления. Теперешний император, не желая уступать им в милосердии, просит у коллегии наказаний разработать план для смягчения кары за преступления всех заключенных в империи, за исключением наиболее тяжких проступков. Между тем пусть все осужденные за незначительные правонарушения будут немедленно освобождены». Добрые люди иногда передают или завещают деньги, чтобы улучшить положение заключенных. Например, на десятом году правления императора Даогуана казначей провинции Гуандун по фамилии Оу передал соляной монополии десять тысяч долларов. Проценты с этой суммы должны были поступать каждый год на обеспечение узников в главной тюрьме города Кантона. Многие высокопоставленные чиновники этой провинции, подражая примеру казначея Оу, тоже вложили деньги, проценты с которых должны были идти на обеспечение лечения, на снабжение веерами, необходимыми летом, в жару, теплым нижним бельем зимой всех узников больших городских тюрем.

Каждой тюрьмой руководит начальник, в подчинении у которого находится значительное число тюремщиков. Так, в каждой большой тюрьме Кантона есть начальник, двадцать четыре тюремщика, тридцать семь сторожей и пятнадцать копейщиков. Снаружи у ворот каждой тюрьмы устроена казарма, где расквартированы десять солдат. При тюрьме в соответствии с законом должны также находиться врач, пять писарей и шесть носильщиков дров и воды; но насколько это правило соблюдается, сказать не могу. Поскольку тюремщики, сторожа, копейщики и т. п. постоянно видят чужие страдания, они, вероятно, и сами со временем становятся ожесточенней самых неисправимых преступников. Полицейские, прикомандированные к ямэню, тоже крайне неприятные люди, и, к несчастью, нередко делят с воров его добычу, чтобы одурачить или подкупить магистрата.

Начальник китайской тюрьмы покупает свой пост у местного правительства, однако от государства жалованья не получает. Следовательно, он вынужден компенсировать свои затраты, вымогая деньги у обеспеченных родственников или друзей заключенных, которые, конечно, беспокоятся о том, чтобы их несчастным друзьям пришлось перенести как можно меньше лишений и жестокостей, которыми так «славятся» китайские тюрьмы. Если я не ошибаюсь, когда-то в Великобритании было принято должность начальника тюрьмы покупать, не получая при этом жалованья за свою службу из государственной казны. Как и современные начальники китайских тюрем, они обогащались, вымогая у родственников или друзей узников суммы, которые, по-моему, варьировались в зависимости от их средств или общественного положения. Конечно, узники, не имевшие влиятельных друзей или близких, оставались в самом ужасном положении и забвении или умирали, не получая даже предметы первой необходимости. Конец этому положила неумолимость великого филантропа Джона Ховарда; и вправду, было невероятным счастьем для китайских заключенных появление такого филантропа в их стране.

К каждой тюрьме пристроен амбар, в котором начальник хранит самый дешевый и грубый рис. Этот рис – один из источников его побочных доходов: он продает его в розницу заключенным по самой выгодной для себя цене. Овощи и дрова, необходимые для приготовления еды, которые ежедневно предлагают купить узникам, тоже поставляет начальник тюрьмы. Поскольку правительственное содержание каждого заключенного не превышает

двадцати пяти медных монет на день, нет нужды говорить читателю о том, что узники, у которых нет друзей и близких, не часто в состоянии купить даже овощи или дрова. В тюрьме магистрата кантонского уезда Наньхай я однажды видел заключенного, который не мог купить дрова и ел сырой рис, пытаясь утолить голод.

Согласно закону, раз в месяц каждую тюрьму инспектирует правительственный служащий. Он обязан выяснить, сколько заключенных умерло в тюрьме в течение месяца, и навести справки о поведении многочисленных тюремщиков, сторожей и копейщиков. После каждой инспекции этот служащий обязан направить доклад наместнику или губернатору. Если окажется, что вследствие небрежения тюремных служащих за месяц умерло два процента находящихся в заключении людей, в перечне проступков делается запись – не только против имени начальника этой тюрьмы, но и против имени помощника магистрата, в юрисдикции которого находится тюрьма. Если умерло три процента, в этой книге делаются две записи; а если смертность достигает четырех процентов, и начальника тюрьмы, и помощника магистрата увольняют с должности. Если же умирают шесть или даже семь процентов, правителя уезда или области, где находится тюрьма, понижают в должности на одну ступень. Существует и книга заслуг; если результаты инспекции оказываются удовлетворительными, в ней делают записи, которые обеспечивают тюремным чиновникам соответствующее вознаграждение.

Кроме тюрем, в которых заключены осужденные, на огороженной территории вокруг ямэня находятся следственные тюрьмы. Они не так велики и не так серьезно укреплены, как обычные. Обычно в следственных тюрьмах есть большое помещение, которое выделяют для тех подсудимых, у кого есть друзья, способные удовлетворить аппетиты начальника тюрьмы. В таком случае узников не помещают с людьми отталкивающего вида, нередко покрытыми грязью или страдающими от различных кожных болезней. Обычай этот очень полезен начальнику тюрьмы и всем платежеспособным заключенным и очень плох для остальных узников. Пространство, приемлемое для заключенных, у которых есть друзья, заботящиеся о них, оставляет еще меньше жизненного пространства для подавляющего большинства бедных узников. Они теснятся в обычном тюремном отделении, которое иногда настолько переполнено, что его обитателям негде прилечь. На прилегающих к ямэню улицах, во всяком случае в городе Кантоне (Гуанчжоу), находятся другие следственные тюрьмы. Я не раз видел их битком набитыми, что напоминало душераздирающие истории о Черной Калькуттской Дыре. У меня был случай осмотреть один из таких застенков в жарком августе 1861 года. Тюремное помещение было переполнено предела, и, что, конечно, несколько меня не удивило при стоявшей тогда жаре, все узники были совершенно голыми. Если бы столько же европейцев заточили в такую маленькую камеру, они бы неизбежно погибли. Пребывание подсудимых в таких местах часто надолго затягивается, поскольку отправ-
ление правосудия в Китае сопряжено с большой волокитой.



Вора гонят по улицам города плетью

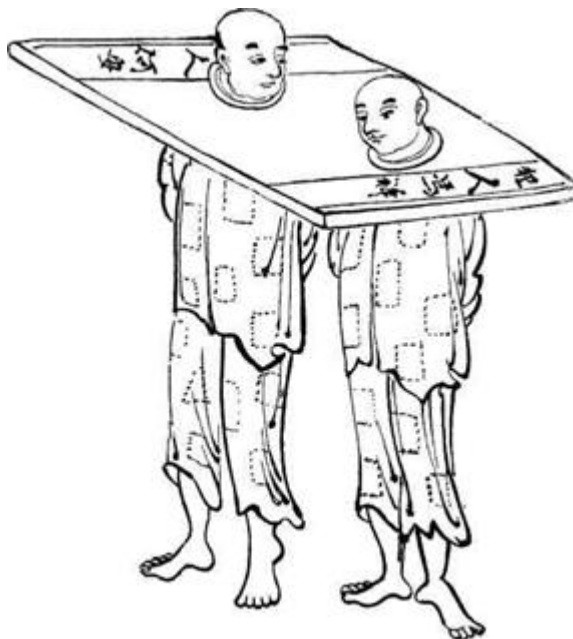
Я посещал многие китайские тюрьмы и нашел их во всем схожими и устройством, и управлением. Более других привлекла мое внимание печально известная областная тюрьма в Тайване, столице Формозы, – ведь в этой тюрьме во время первой войны, которую вела Великобритания с Китаем, был заключен экипаж «Нарбудды», арендованного транспортного судна ее британского величества (не менее ста девяноста семи душ). И всех их, за единственным исключением, в конце концов увели оттуда на казнь. В камерах, которые, как передают, занимали эти несчастные, я обнаружил много китайских заключенных, стремившихся нарушить скучную монотонность своей жизни при помощи изготовления вееров, и купил некоторые образцы их труда. Перед уходом я посетил участок земли – обычную площадку казней, где были обезглавлены офицеры и экипаж «Нарбудды». Там лежали несколько черепов, которые отбелило солнце, и один из них, с очень высокой лобной костью, по-видимому, принадлежал европейцу.



Канга

Теперь обратимся к наказаниям, которым подвергают в Китае осужденных. Мелкие кражи по большей части наказываются поркой. На виновного надевают наручники, вешают на шею украденное или точно такую же вещь, как та, что он украл, и проводят по улицам поблизости от места, где была совершена кража. Перед ним идет человек, бьющий в гонг, и при каждом ударе служащий, идущий позади, жестоко бьет преступника по плечам двойной ротанговой тростью, возглашая: «Вот как наказывается вор». Поскольку приходится пройти через три или четыре улицы, такое наказание, несмотря на то что китайцы считают его легким, на самом деле очень даже суровое. Часто оно вызывает сильное кровотечение. Помню вора, укравшего часы у одного из своих земляков: я видел, как его пороли, проводя через Хэнань – предместье Кантона, где я тогда жил. Наказывающий был весьма дородным и от старательного исполнения своей обязанности совсем запыхался, еще до того как обошли все улицы, через которые следовало провести преступника. Человек, у которого украли часы, увидев, что вор может получить наказание не в полной мере, вырвал двойную трость из руки изнуренного палача и самым немилосердным образом обрушил ее на спину вора. Иногда так наказывают женщин, признанных виновными в воровстве. Бывает, что при наказании виновников мелких краж используют длинную бамбуковую палку, однако в этом случае преступника порют в присутственном месте перед судом. С него сразу снимают штаны, и наказание, в зависимости от обстоятельств кражи, составляет от десяти до трехсот ударов. Я видел, как таким образом наказывали пожилого человека, который при каждом ударе жалобно стонал.

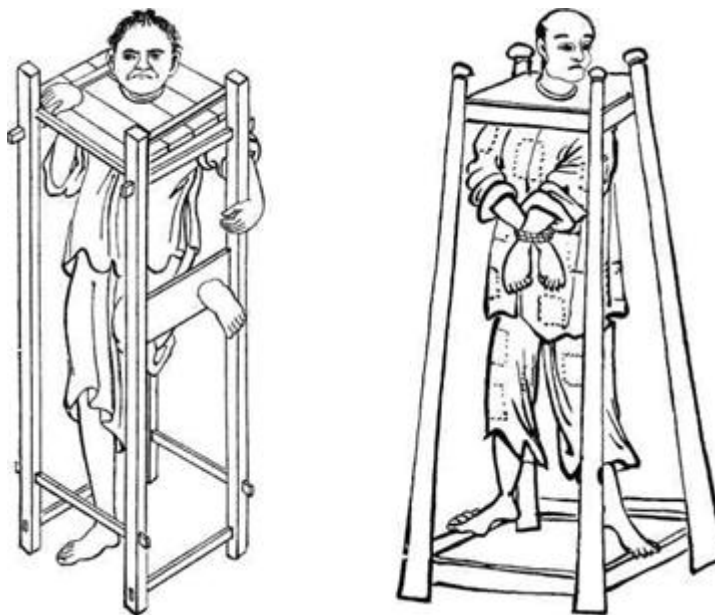
Его страдания не вызвали сочувствия в суде, а явно были приятны судье и его подчиненным – все чиновники широко ухмылялись.



Канга

Канга, или деревянный ошейник (шейная колодка), – другой способ наказания за мелкие правонарушения. Канги бывают разными по весу, некоторые из них очень тяжелы. Преступников приговаривают к ношению ее на срок от двух недель до трех месяцев. На протяжении всего этого времени кангу не снимают с шеи узника ни днем ни ночью. Ее форма не позволяет человеку ни прислониться к стене, ни растянуться на земле во весь рост, и, судя по изможденной внешности узников подвергшихся этому наказанию, оно достаточно сурово. Имя узника и характер его преступления большими иероглифами написаны на канге в назидательных целях.

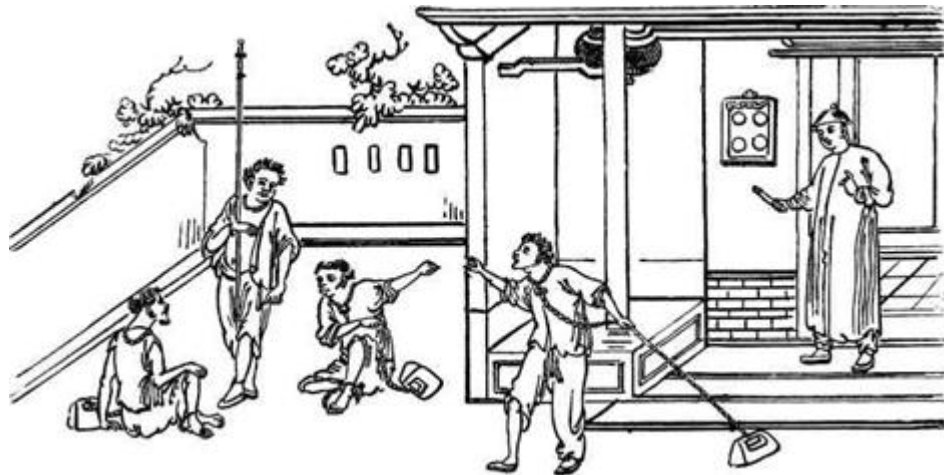
Часто власти заставляют правонарушителя стоять от рассвета до заката у каких-нибудь из основных ворот, или перед одним из главных храмов, или перед общественными зданиями города, и он считается заслуживающим всеобщего презрения и осуждения. Однажды в Кантоне я видел трех торговцев солью, на которых надели канги за попытку провезти соль контрабандой. По всей видимости, среди своих собратьев они были людьми уважаемыми и явно остро переживали унижительность своего положения. В январе 1866 года, проходя по улицам города Синь-чжа-чжэнь в провинции Цзянсу, у ворот храма, посвященного Чэн-хуану, я заметил двенадцать крестьян почтенного вида, на каждом из которых была канга. Это было в день проведения ярмарки, и крестьяне были окружены толпой любопытных. Преступление крестьян состояло то ли в нежелании, то ли в неспособности выплатить поземельный налог. В городе Учане я был свидетелем, как трех крестьян за сходное правонарушение наказали так же. В Сучжоу я видел старого крестьянина с кангой на шее, который был прикован цепью к каменному столбу у въездных ворот монастыря под названием Бао-ань-сы. Его тоже наказали за подобную провинность. В тот же день и в том же городе я увидел двух людей в кангах, прикованных к каменному столбу у главного входа в храм Чэн-хуана – божества городских стен. Из надписи на их кангах я узнал, что они подрались друг с другом. Была метель, и легко одетые скованные драчуны жестоко страдали от ненастья. Однако старый крестьянин предусмотрительно запасся толстым зимним платьем и казался вполне довольным.



Канга

Из всех приговоренных к этому наказанию, которых я когда-либо видел, наверное, самым жалким был молодой китаец, которому приходилось сидеть – стоять он не мог – на одной из главных улиц Манки, небольшого торгового города на севере острова Формоза. Истощенный, в грязи, он выглядел просто настоящим доходягой. Иногда узников, подвергающихся подобным наказаниям, заставляют добывать себе хлеб насущный, прося милостыню, переходя от дома к дому, чтобы не обременять государство. В Чжэньцзяне я видел человека жалкого вида, просившего подаяние у всех встречных. По всей видимости, он не преуспел в этой роли, поскольку за то время, что я находился на одной с ним улице, он получил только чашку чая и вареного краба, которого он с видимой благодарностью принял от доброго лавочника. В Сучжоу я видел другое жалкое существо, на шее которого была закреплена канга; этот человек выпрашивал на улице то, в чем ему отказывали его надзиратели, – предметы первой необходимости. В Чжан-цзя-коу, городе, расположенном у подножия Великой Китайской стены, я видел заключенного, бродившего от дома к дому, чтобы выпросить себе пищи. На его шее была большая цепь, конец которой крепился к деревянной колодке вокруг его левой икры. Это был человек самого зверского вида из всех, кого я видел. Поскольку он просил и получал подаяние от членов мусульманской общины города, он, вероятно, был недостойным последователем пророка из Мекки. Эти заключенные обязаны каждый вечер возвращаться в свои тюрьмы. Во время моих странствий по центральным провинциям я заметил, что канги кладут у городских ворот, у дверей ямэней или присутственных мест в предостережение преступникам. Еще один способ наказания преступника – это помещение его в клетку. Они выглядят по-разному: бывают слишком короткие, для того чтобы узник мог лечь, но и слишком низкие, чтобы стоять; другие – слишком узкие и низкие, чтобы преступник мог выпрямиться во весь рост. К верхушке приделан деревянный ошейник, крепко охватывающий шею правонарушителя. Еще одна клетка напоминает предыдущую во всех отношениях, но отличие состоит в том, что она длиннее, чем тело того, кто в ней помещается, так что в то время, как его шея удерживается деревянным ошейником, пальцы ног едва касаются пола. Иногда даже убирают пол клетки, находящийся всего в нескольких дюймах над землей, так что заключенный оказывается подвешенным за шею. Это наказание почти всегда приводит к смертельному исходу. В 1860 году человека выставили в такой клетке перед внешними воротами ямэня в уездном городе Шуньдэ, или Даляне. Он был признан виновным в ограблении могилы. К концу третьего дня, претерпев ужасные

страдания, он испустил дух. Несколько таких клеток я видел в областной тюрьме Кантона. У меня создалось впечатление, что это жестокое наказание намного чаще практикуется в уездных и областных городах, чем в столицах провинций. Жертвы, как правило, воры и грабители. Часто их наказывают, привязывая к длинным цепям, обернутым вокруг шеи, камни, небольшие, но достаточно тяжелые, чтобы причинять серьезное неудобство во время ходьбы от тюрьмы к входным воротам ямэня, перед которыми они должны стоять каждый день, и обратно. Эти камни неизменно висят на шее – и днем и ночью на протяжении всего периода заключения. В некоторых случаях провинившегося привязывают к длинным железным прутьям и выставляют на посмешище всем проходящим; на Тайване в Манке я видел шесть или семь таких людей.



Узники перед воротами ямэня

Законы Китая особенно суровы в отношении участников заговоров или мятежей. Но нередко в знак императорской милости тех, кого подстрекали на мятеж другие, наказывают отрезанием ушей вместо отрубания головы, а затем выпускают на свободу. В чайном зале в Далине, деревне неподалеку от Кантона, где я обыкновенно останавливался, мне несколько раз подносил чай с лепешками одноухий слуга. Как я узнал, этот молодой человек был склонен присоединиться к мятежникам, которые в 1853–1854 годах возмущали спокойствие в Гуандуне и примыкающей к нему провинции Гуанси. Когда во время одной из многих безуспешных атак на Кантон, предпринятых повстанцами, его поймали, он был брошен в тюрьму, где провел несколько месяцев. Во время суда выяснилось, что он просто необдуманно примкнул к мятежникам. Ему отрезали ухо и отпустили на свободу.

Однажды на пути из города Цзилуна на острове Формоза к угольным копиям я обратил внимание на то, что один из моих носильщиков был корноухим. Как и слуга в чайном зале, он был признан виновным в бунтарской деятельности.

Тем не менее было бы ошибкой предположить, что все одноухие в Китае некогда были мятежниками. Я был в самых дружеских отношениях с торговцем железом из клана Фэн, у которого не хватало правого уха. Его очень расстраивало это, потому что незнакомые с ним люди были склонны делать вывод, что он когда-то был причастен к мятежу. Но дело обстояло как раз противоположным образом, поскольку старику, оставшемуся верным правительству, ухо отрезали мятежники. Они захватили его, когда он вел на них отряд храбрецов. К счастью, ему удалось сохранить свою жизнь.

Во время этого восстания императорские войска, которые прогнали мятежников из нескольких деревень в окрестностях Кантона, стали отрезать уши у многих невинных и не преступавших закона крестьян, заявив, что им не следовало впускать повстанцев. В одной из деревень, которую я посетил, видел не только мужчин, но и мальчиков десяти-двенадцати лет, с которыми обошлись так безжалостно. Мое внимание привлек также безжалостно

оскальпированный глубокий старик; а когда я уходил из деревни, сопровождающий отвел меня на то место, где лежали три обезглавленных человеческих тела. Это были крестьяне, которых озверевшие солдаты изуродовали абсолютно ни за что. Все женщины горько жаловались на бедствия, которые пали на их невинную деревню. Кроме того, когда город Кантон в 1854 году был освобожден, некоторые повстанцы со стороны императорского правительства подверглись своеобразному наказанию: чтобы на всю жизнь заклеить военнопленных, обрезали у каждого главное сухожилие на шее, так что голова склонялась на плечо^{14}.

Для преступлений, караемых смертной казнью, и других серьезных правонарушений существует шесть классов наказаний. Первый называется лин-чи. Эта кара применяется по отношению к изменникам, отцеубийцам, убийцам братьев, мужей, дядей и наставников. Преступника привязывают к кресту и разрезают или на сто двадцать, или на семьдесят два, или на тридцать шесть, или на двадцать четыре части. При наличии смягчающих вину обстоятельств его тело в знак императорской милости разрезают только на восемь кусков. На двадцать четыре куска преступника разрезают следующим образом: первым и вторым ударами отсекают брови; третьим и четвертым – плечи; пятым и шестым – грудные железы; седьмым и восьмым – мышцы рук между кистью и локтем; девятым и десятым – мышцы рук между локтем и плечом; одиннадцатым и двенадцатым – плоть с бедер; тринадцатым и четырнадцатым – икры ног. Пятнадцатым ударом пронзают сердце; шестнадцатым – отрубают голову; семнадцатым и восемнадцатым – кисти рук; девятнадцатым и двадцатым – оставшиеся части рук; двадцать первым и двадцать вторым – ступни; двадцать третьим и двадцать четвертым – ноги. На восемь кусков разрезают так: первым и вторым ударами отсекают брови; третьим и четвертым – плечи; пятым и шестым – грудные железы; седьмым ударом пронзают сердце; восьмым – отрубают голову. Множество политических преступников были подвергнуты казни первого класса в Кантоне во время наместничества Минчэня; 14 декабря 1864 года известный вождь повстанцев из народа хакка по имени Дай Цигуй был подвергнут такой казни в Кантоне. Я совершенно случайно оказался на месте казни через пять минут после того, как этого преступника предали смерти под пыткой, и видел куски его тела, разбросанные по этой прославленной Акелдаме^{15}. Более всего были различимы кисти рук и ступни.

Однако не всех предводителей мятежей наказывают так жестоко. Например, в 1872 году человек по имени Су Инчжи, уроженец южных районов провинции Гуандун, который несколько лет был источником сильного беспокойства для кантонского правительства, был просто обезглавлен. Су Цзичжан, приемный сын Су Инчжи и его соучастник, был казнен тогда же и так же. По всей вероятности, императорская милость, которая проявилась в способе их казни, объяснялась тем, что их захватили в плен обманом: наместник заверил Су Инчжи и его приемного сына в том, что, когда они сложат оружие, он наградит их. Нет ничего удивительного в том, что Су Инчжи сразу согласился на это предложение, поскольку самое обычное дело не только для многих провинциальных правительств, но и для центрального правительства страны привлекать на свою сторону влиятельных вождей изменнических и мятежных партий, предлагая им высокое положение, титулы, деньги и полное прощение. Как вспомнит читатель, древние евреи также прибегали к такой политике. Так, Давид, чтобы привлечь к себе на службу Авенира, поддерживавшего Иевосфея – сына Саула, обещал, что при падении Иевосфея и объединении двух царств Авенира поставят во главе великого войска страны.

Вернемся к китайским казням. В девятнадцатый день первого месяца седьмого года правления Тунчжи (12 февраля 1868 года) женщина по имени Ляо Ланыпи была разрезана на двадцать четыре части на обычном месте казней в Кантоне за то, что отравила своего мужа. Она была уроженкой Юнхэня, уезда или района в области Хуэйчжоу. Эта женщина влюбилась в богатого соседа по имени Чэнь Асы и надеялась стать его второй женой или

наложницей, избавившись от мужа-крестьянина. Она решилась уничтожить препятствие на пути к жизненному успеху при помощи яда. К началу казни она была слегка нетрезва. Когда ее привязывали к кресту, на котором должны были казнить, она попросила палача о быстрой смерти. Сначала он очень грубо завязал ей глаза куском веревки, а затем разрубил на двадцать четыре части, причем сердце ей пронзили пятнадцатым ударом. Затем обрезами веревки, которыми были привязаны к кресту ее руки и шея, и верхняя часть тела упала вперед, а нижняя осталась крепко привязанной к вертикальному бруску креста. Когда упала верхняя часть тела казненной, подручный палача потянул голову за волосы вперед, чтобы дать палачу возможность отсечь ее от тела. Эта несчастная предварительно провела два года в тюрьме; преступление она совершила на пятом году правления Тунчжи, или в 1866 году. На девятый день одиннадцатого месяца восьмого года правления того же императора, то есть 11 декабря 1869 года, женщина по имени Му Юши была наказана так же за убийство своего мужа. Совершить преступление ей помог любовник, Лю Саньгу, который тоже был предан суду. Во время казни, когда ее привязали к кресту, на котором должны были разрубить на части, преступного любовника заставили встать перед ней на колени, а затем ему одним ударом отсекли голову.

Второй класс смертной казни под названием чжань, или обезглавливание, – это наказание, полагающееся убийцам, мятежникам, пиратам, взломщикам, насильникам и тому подобным преступникам. Узников, приговоренных к обезглавливанию, держат в неведении относительно срока казни, вплоть до дня накануне ее: иногда предупреждают лишь за несколько часов, в некоторых случаях за несколько минут. Я был в тюрьме магистрата кантонского уезда Наньхай 26 сентября 1872 года за несколько минут до подготовки к казни двадцати двух преступников. Когда я вошел в отделение, где было заключено большинство этих людей, они ничего не знали о позорной смерти, которую должны были претерпеть в течение ближайшего часа. Им сказали об этом лишь за несколько минут перед тем, как связать. Сопровождавший меня слуга-китаец сообщил им, что сейчас их поведут на казнь. Глупый малый, хотя его предупредили, чтобы он молчал об ожидающей преступников судьбе, сразу довольно громко попросил тюремщика показать, кого сегодня будут казнить. Собравшиеся вокруг нас узники были ошарашены, и тюремщик успокоил их, сказав, что ничего подобного не ожидается.

Когда приходит время подготовить осужденного к казни, чиновник в полном обмундировании, несущий в руках доску (на ней приклеен список имен узников, которым назначили сегодня казнь), приходит в тюрьму и в присутствии всех собравшихся в тюремном отделении читает вслух список приговоренных. Каждый узник, чье имя названо, сразу отзывается, и затем его сажают в корзину, чтобы он еще раз предстал перед лицом судьи. Когда же проносят через внешние ворота тюрьмы, его допрашивает через переводчика чиновник, в этом случае выступающий как представитель наместника. Каждому узнику задают примерно следующие вопросы: как тебя зовут, как твоя фамилия, как называется твой клан, в каком районе родился, как долго был в заключении в этой тюрьме, в каком преступлении был признан виновным, когда и где совершил преступление, были ли у тебя сообщники, и если да, то как их зовут, признаешь ли себя виновным.

Представитель наместника, у которого есть список, где указаны имя, фамилия, место рождения и прочие данные каждого узника, сравнивает с ним получаемые ответы и при совпадении приказывает унести человека к месту казни. Когда преступники минуют внешние ворота тюрьмы, оказываясь во внутреннем дворе ямэня, то предстают перед праздно толпой, явившейся посмотреть на шествие осужденных. Как правило, в этих обстоятельствах они выглядят совершенно безразличными, однако иногда просто бравируют своим равнодушием.

В 1870 году я как-то раз присутствовал во внутреннем дворе главного магистрата уезда Наньхай, когда тридцать пять человек вывели из тюрьмы для подготовки к казни. И трое или четверо из них, увидев, что собралось столько народу, открыто расхохотались, а один, очевидно остряк, шутливо заметил, что наконец-то стал важной персоной – его несут в корзине двое слуг. Когда узники прибывают во внутренний двор ямэня, к которому пристроена тюрьма, их друзья обычно снабжают или несколькими лепешками, или небольшим количеством супа, или кусочками бетеля для жевания, или вином и небольшой тарелкой жирной свинины. Чаще всего друзья (или если друзей нет, гуманные тюремщики) передают этим людям бетель. Он действует как наркотик. От него сильно краснеет лицо, и поэтому многие иностранцы предполагали, что китайские преступники перед казнью в большей или меньшей степени находятся под действием опиума или опьянены вином. Однако в таких случаях жирную свинину и вино предпочитают ореху бетеля; но не у каждого заключенного есть друзья или близкие, могущие доставить ему такую роскошь.

Удивительна беспечность, с которой перед казнью угощаются этим многие узники, иные абсолютно невозмутимо курят сигареты. Некоторые все же плачут в ожидании грозной участи. Но и для размышлений, и для отдыха времени отведено мало. Заключенных очень быстро связывают во внутреннем дворе ямэня, когда узники еще сидят в своих корзинах. По обычаю, осужденных полагается кормить перед исполнением приговора; и на самом деле иногда это делают уже на пути к месту казни, – в декабре 1866 года я видел, как троих маньчжурских солдат по дороге родственники кормили жирной свининой и поили вином. Поскольку узники связаны, друзья или близкие приготовленную еду кладут им в рот.

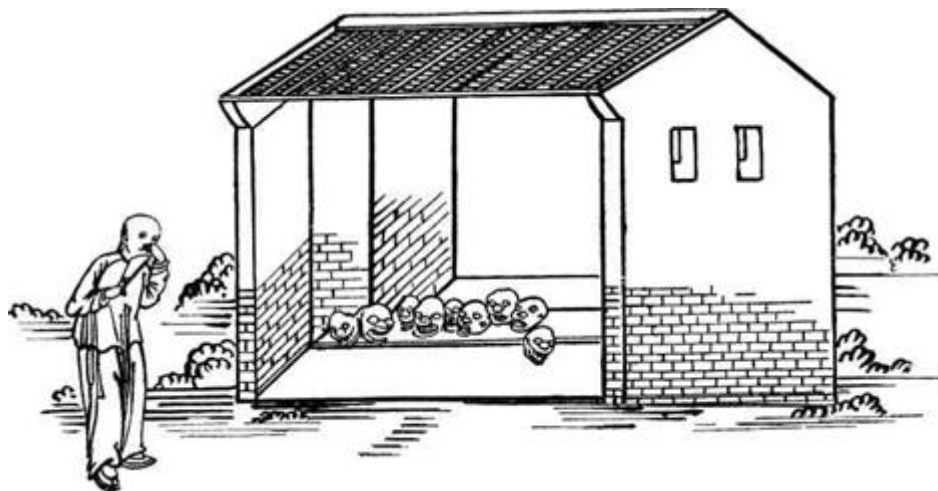
Связав преступников, их переносят через правую или восточную арку тройных ворот к должностному лицу, чье судейское кресло вынесено из здания суда и помещено на крыльцо внутренней дорожки, ведущей к официальной резиденции. Его последняя обязанность по отношению к арестованным состоит в том, что каждому из них судья велит прикрепить к голове бамбуковую планку, на которую предварительно наклеивают бумажку с именем, чтобы, когда осужденных будут проводить по улицам города к месту казни, горожане могли видеть, кто этот преступник.

В марте 1860 года в Кантоне мне пришлось быть свидетелем казни второго разряда. Казнили лишь троих, из которых один был военным мандарином, полковником китайской императорской армии по имени Пань Фаюань. Его осудили за трусость. Когда он был командиром войск в Гуйчжоу, на город напали мятежники и захватили его. Впоследствии выяснилось, что, когда бунтовщики входили в северные ворота, Пань Фаюань уезжал из города через южные. Другие двое были пиратами, и по их изможденному виду было понятно, что в тюрьме им пришлось перенести большие лишения. Мандарина казнили по императорскому приказу, а пиратов – по приказу императорского наместника в провинции. Последних несли к обычному месту казней, располагающемуся за пределами городских стен, в открытых корзинах, которые используют в таких целях в Кантоне^{16}.

Полковника, сидящего в паланкине с плотно задернутыми занавесками, несли туда же четверо хорошо одетых носильщиков. Процессию возглавляла группа копьеносцев, затем следовали два пирата, за которыми несли полковника; позади узников маршировала другая группа солдат, некоторые были вооружены копьями, другие – мечами, иные – фитильными ружьями. За ними следовали трое конюших, ехавших впереди большого государственного паланкина, в котором восседал вэй-юань, или помощник правителя уезда Наньхай, который как вэй-юань, или шериф, должен был присутствовать при казни. За конюшими, ехавшими верхом позади этих носилок, несли другие государственные носилки. В них сидел чиновник, обязанный совершить моление Пяти Гениям по случаю казни. В непосредственной близости от места казни находится небольшой храм в честь этих богов; считается, что они предотвращают вред, который жаждущие мести духи обезглавленных преступников могут нанести

судье, магистратам и другим стражам правопорядка. Позади государственных паланкинов едет конный герольд, в правой руке которого маленький желтый флаг, на нем изображены два китайских иероглифа, означающие «по приказу императора». Без этого флага вэй-юань не смеет разрешить палачу нанести смертельный удар. Прибыв к месту назначения, где палача можно было узнать по блестящему клинку в руках, копьеносцы прошли колонной и построились по сторонам стола, покрытого красной скатертью. Вэй-юань уселся в стоящее перед столом кресло, также покрытое красной тканью. Пиратов бесцеремонно выбросили из корзин в грязь, в которую превратилась земля после дождливой ночи. Для более нежного полковника подстелили большую циновку. Его поддерживали двое слуг, облаченных в китайские ливреи. Сей последний знак внимания оказался необходимым, поскольку полковник был не трезв. Перед выходом за пределы ямэня он получил большую чашу крепкого вина и блюдо жирной свинины. Когда помощник палача поставил узников на колени и заставил их наклонить голову (так как в Китае плахой не пользуются), вэй-юань, все еще сидевший за столом, через глашатая приказал палачу нанести смертельные удары. Меньше чем через двадцать секунд несчастные предстали перед Богом, – а ведь они жили и умерли, не ведая ни о его могуществе и величии, ни о его святости, справедливости и милосердии. Один из слуг полковника немедленно поставил зажженные тонкие свечи на землю у обезглавленного тела своего хозяина, пока другой сжигал золотую и серебряную бумагу, долженствующую обозначать деньги, чтобы удовлетворить потребности души умершего в потустороннем мире. Завершив эти религиозные церемонии, они завернули обезглавленное тело в большую циновку, на которой он стоял еще минуту назад коленопреклоненным в ожидании смертельного удара. Затем принесли гроб, в котором останки были препровождены к месту жительства семьи^{17}. Обезглавленные тела пиратов, никому не нужные, лежали там же, в грязи. У-цзо, члены презируемого китайцами сословия, в конце концов запихнули оба тела в один гроб и унесли, чтобы похоронить на кладбище для преступников, которое называют ямой для костей десяти тысяч человек. Оружие палача выглядело как ятаган и, очевидно, имело очень острое лезвие, поскольку преступники падали под ним как стебли травы под косой.

Как правило, преступники очень терпеливы и покорны, когда их выстраивают для казни. Когда их много, например тридцать, их расставляют в ряды по четыре или по пять человек и действуют несколько палачей. Иногда узники неистовствуют и ругаются. В 1865 году (23 января) один из пятнадцати, которых казнили в Кантоне, обратился к палачу с такими словами: «Обезглавленный может вернуться на землю, лишь чтобы занять самое низкое и гнусное место – должность палача. И не бывает, чтобы палач не умер постыдной смертью. Поэтому ты можешь ждать, что я вернусь на землю снова, и примерно через восемнадцать лет я не только займу твою презренную должность – я тогда отрублю тебе голову». Замечательное происшествие случилось в следующем, 1866 году (8 июня), когда казнили шестнадцать человек. Один из них вступил в горячую перебранку с помощником палача, причем они обменялись некоторыми крепкими китайскими ругательствами. Причиной ссоры было то, что преступник не хотел наклонять голову. Он сказал, что у него длинная шея, и поэтому не промахнется никакой искусно владеющий мечом человек. Главный палач старался убедить упрямого, что он не враг ему и в нынешнем ужасном положении оказался не по воле палача, а по указу императора. Он добавил, что собирается причинить как можно меньше страданий и что если только преступник согласится наклонить голову, то будет отсечена одним ударом. Убеденный этими аргументами преступник согласился сделать то, о чем его просили.



Хранилище для голов преступников в Кантоне

Покойный М.А. Корри, эсквайр, кантонский корреспондент гонконгской газеты China Mail, описал необычное происшествие, случившееся в 1869 году, когда в Кантоне казнили двадцать восемь преступников. Они начали кричать во весь голос: «Сохраните нам жизнь! Сохраните нам жизнь!»; «двое в последнем ряду, уже вставшие на колени, чтобы принять смерть, внезапно вскочили на ноги; и хотя они были в наручниках, их не смогли снова поставить на колени даже четверо или пятеро солдат с помощниками. Палач пришел в некоторое волнение и, очевидно думая, что нельзя терять времени, стал рубить головы стоявшим осужденным. Кровавая сцена завершилась не скорее, чем вэй-юань с мечом, жезлоносцы и оборванная публика оставили место действия. Когда все было кончено, толпа зевак хлынула на площадку глазеть на обезглавленные тела соотечественников в совершеннейшей апатии и безразличии».



Голова преступника, выставленная на всеобщее обозрение под Нанкином

В Китае нередко выставляют головы преступников в назидание остальным. На публичной площадке казней в Кантоне раньше существовало хранилище для этой цели. Его убрали несколько лет назад, и теперь головы сбрасывают в грубые глиняные бадьи с негашеной известью. Самое обыкновенное дело— выставлять головы взломщиков и пиратов в непосредственной близости от места их преступления. Так, на берегу моря в Макао я видел головы пиратов, выставленные в клетках, привязанные к верхушкам длинных палок; а во многих городах и деревнях неподалеку от Кантона — головы взломщиков, которые отбеливались под жгучими лучами тропического солнца. В городе Чжунлотань, провинция Гуандун, на расстоянии тридцати миль от ее столицы, в 1861 году я видел свыше тридцати голов взломщиков, что висели в клетках неподалеку от рыночной площади. На берегах озера Дунтин и в

Аньцине, городе на берегу реки Янцзы, я тоже обратил внимание на подвешенные в клетках головы преступников. На берегу Великого канала я заметил голову, свешивавшуюся с памятной арки, и другую, помещенную на могиле за неимением более подходящего возвышения. Въезжая в город Нанкин, я заметил человеческую голову, подвешенную за косицу на ветку дерева, – этот преступник убил женщину. Когда я путешествовал по равнинам Внутренней Монголии в 1865 году, мне три или четыре раза попадались аналогичные зрелища.

Я говорил, что все изменники, отцеубийцы, убийцы других родственников, взломщики, пираты, разбойники с большой дороги и тому подобные преступники наказываются по первому или по второму разряду. Исключение делают для тех, кому более восьмидесяти или менее шестнадцати лет. В настоящее время, например, в тюрьме главного магистрата кантонского уезда Наньхай содержался юноша по имени Чжу Чжэньван, который в 1861 году отравил своего школьного учителя в соседнем городе Фошань. Его определенно ожидала бы мучительная смерть, если бы ему было больше шестнадцати лет. Вероятно, ему придется провести всю жизнь в тюрьме.

Наказание третьего класса называется нань-коу – смерть от удушения. Ему подвергают похитителей людей и всех воров, если кража совершена с оружием в руках, а стоимость украденного равнялась пятистам долларам и выше. Удушение осуществляется следующим образом. В центре площадки для казней воздвигают крест, у подножия которого помещают камень; узник стоит на камне. Его тело привязано к вертикальному бруссу поясом, проходящим вокруг талии, а руки – к горизонтальному бруссу. Затем палач оборачивает вокруг шеи узника тонкую, но крепкую бечевку, которую натягивает до упора и завязывает прочным узлом вокруг верхней части вертикального бруса. Смерть от этой жестокой казни наступает очень медленно и, несомненно, сопряжена со страшными страданиями. Тело остается на кресте в течение двадцати четырех часов. Перед тем как уйти с площадки для казней, вэйюань неизменно ставит свою печать на узел бечевки, охватывающей шею преступника. В 1866–1867 годах в Кантоне многие люди, признанные виновными в похищении кули, были казнены удушением. В декабре прошлого года я видел группу из трех похитителей, которые вот так и висели на крестах, поставленных в ряд на расстоянии всего лишь нескольких футов один от другого. На верхушке каждого креста, непосредственно над головой преступника, находилась полоска бумаги, на которой было написано его имя и совершенная вина.

Наказание четвертого класса называется вань-гуань, или пожизненная каторга. Так наказывают растратчиков, фальшивомонетчиков и тому подобных преступников. Места высылки на севере Китая и в Маньчжурии называются соответственно Хэй-лун-цзян, Или, Нингута и Оломуцзы. В одно из этих мест ссылают всех осужденных из центральных и южных провинций. Труд несчастных варьируется в зависимости от обстоятельств их предшествующей жизни. Те, что занимались тяжелой работой и привыкли к сельскохозяйственным занятиям, ежедневно заняты на вспашке и обработке пустошей. Другие (особенно ссыльные из южных провинций, где летом стоит почти тропическая жара) из-за жестокости холодов, преобладающих в северных широтах, должны работать на правительственных чугунолитейных заводах.



Человек в ножных и ручных кандалах

Пожилые люди и те, кто не привык к физическому труду, ежедневно подметают государственные храмы и другие общественные здания. Некому старому купцу из кантонской гильдии, сосланному в одно из этих северных поселений за банкротство – вероятно, умышленное, – велели, учитывая его возраст и положение в прошлом, подметать внутренние дворы государственного храма. Некоторые из осужденных, занимавших государственные должности, должны трудиться в имперских садах, кто-то – в имперских конюшнях, которые располагаются на севере в Жэхэ. У некоторых на щеках вытатуированы их имена и названия преступлений – не только по-китайски, но и на маньчжурском языке. В некоторых случаях осужденного из собственно Китая препровождают за Великую стену и освобождают, заверив, что, вернувшись, он поплатится жизнью. Путешествуя по Монголии, я встретил молодого китайца, который попросил у меня подавания на кантонском диалекте. Он, уроженец уездного города Санынуй, расположенного на расстоянии тридцати миль от Кантона, за какое-то преступление был выслан в дикие степи Монголии. Видя его плачевное состояние, я захотел взять его с собой обратно в Кантон в качестве одного из своих слуг.

В некоторых частях империи осужденных каждое утро выпускают из тюрьмы, чтобы они добывали хлеб насущный, прося милостыню. В рыночном городке Янь-пу, расположенном в окрестностях Кантона, некогда один заключенный из Нанкина работал и грузчиком, и носильщиком паланкинов, и батраком, каждый вечер возвращаясь в тюрьму при ямэне; он рассказал мне, что провел так двадцать лет своей жизни. Он мечтал, чтобы ему позволили вернуться в Нанкин умереть и потомки могли бы совершать священные ритуалы культа предков. Если обнаруживается, что временно освобожденные из тюрьмы злоупотребляют в эти дни дарованной им частичной свободой, вымогая деньги у лавочников, воруя или совершая другие правонарушения, их снова сажают за решетку.

Наказание пятого класса называется вань-лю, или ссылка (на десять или пятнадцать лет). Преступники, подлежащие такому наказанию, – это мелкие грабители, укрыватели преступников и тому подобное. Таких правонарушителей обычно ссылают в центральные провинции империи, где труд осужденных организуется так же, как и в штрафных колониях

севера. Подлежащих этому наказанию родом из центральных провинций ссылают в восточные, западные или южные провинции империи. К ним также применяют бесчеловечное наказание – татуировку щек. Я видел многих заклеянных таким образом людей в кантонских тюрьмах.

Шестой класс называется мап-тоу, или ссылка на три года. Такое наказание – удел сутенеров, игроков, торговцев контрабандной солью и т. п. Осужденного ссылают в одну из провинций, непосредственно граничащих с той, откуда он родом, или с той, где было совершено преступление.



В колодках

Отсылают их в штрафные колонии группами, заставляют проходить по шестнадцать миль в день; когда возможно, везут по воде, в противном случае осужденным приходится идти пешком. На марше осужденные разбиты на группы, в каждой из которых от двух до пяти человек. Цепи или веревки, которыми они связаны, обернуты у них вокруг шеи, ноги закованы в кандалы, а руки связаны разными способами. Примерно так же было принято связывать узников у древних египтян. Древнеегипетские скульптуры иногда изображают длинные процессии узников, ведомых куда-то. В некоторых случаях они связаны по двое, трое, четверо или пятеро. Мы находим много упоминаний о заковывании узников в кандалы в Священном Писании, о таком обычае отчетливо говорится в следующих стихах: 2 Пар., 33: 11; Пс, 2: 3; Пс, 149: 8.

В некоторых случаях преступников препровождают к месту назначения в повозках. Покидая Жэхэ во Внутренней Монголии, я видел, как в город въезжала большая крытая повозка, полная каторжников. Когда осужденные идут пешком, многие, в особенности пожилые и ослабленные люди, умирают в пути, как я полагаю, от плохого питания и переутомления. В частности, не в состоянии перенести такое путешествие женщины, особенно с маленькими или бинтованными ногами.

Перед тем как завершить эту главу, мне остается упомянуть о способе расправы, к которому иногда прибегают старейшины в районе. Он заключается в том, что связанного по рукам и ногам преступника бросают в ближайшую реку или пруд. Такая казнь законна, только когда под распоряжением о приведении в исполнение смертного приговора по отношению к данному узнику стоят подписи если не всех, то по крайней мере определенного числа старейшин деревни. Преступления, влекущие подобную скорую расплату, могут быть разными. Так, в одно воскресное утро 1859 года по пути в церковь я наблюдал, как большая возбужденная толпа стремилась к берегу Чжуцзяна (Жемчужной, или Кантонской реки). Толпа влекла к реке двоих. Связанных по рукам и ногам, их швырнули в поток. Эти несчастные, как я узнал позже, похитили или заманили нескольких своих земляков на борт ино-

странного судна, на котором были увезены в качестве рабов в колонию одного из европейских государств. Кроме того, во второй половине дня 1 августа 1868 года двух человек, которых также обвинили в похищении земляков и осудили за это, по распоряжению старейшин сбросили в залив, огибающий с севера иностранное поселение на острове Шамянь, связав руки с ногами. Я думаю, не может быть сомнений в том, что утопление этих людей было осуществлено в непосредственной близости от иностранного поселения и в присутствии двух или трех членов иностранной диаспоры, для того чтобы показать иностранцам неминуемую судьбу всех китайцев, нанятых ими для похищения кули. (Кули отправляют или в вест-индские владения Великобритании, или в страны Северной и Южной Америки для рабского труда.) Я могу добавить, что эти люди были утоплены не так далеко от собственной резиденции эмиграционного представителя Британской Вест-Индии.

Во время Кантонского восстания 1854–1855 годов многих мятежников казнили так по приговору старейшин своих деревень. На самом деле в одном случае в 1854 году не менее пятнадцати человек были утоплены в кантонском Хэнане. Однажды в восемь часов утра этих людей швырнули в ту часть Жемчужной реки, что протекает мимо участка, где тогда находились дома англичан и других иностранцев. Однако в некоторых случаях старейшины позволяли мятежникам (во многих случаях членам их же клана) выбрать формы казни. Так, в Сицзяо, уезда в районе Наньхай и в различных деревнях прилегающего к нему уезда Шуньдэ, многие бунтари кончили жизнь или при помощи опиума, или принимая яд, именуемый китайцами тай-суй-яо, или при помощи яда, который называется у-мань-цзян, или же казни удушением. Эти несчастные преступники предпочли смертную казнь от рук старейшин родных деревень, в присутствии своих семей тому, чтобы попасться мандаринам, которые сначала пытали бы их, а потом обезглавили. Один случай привлек мое особое внимание. Женщина по имени Ми Ши из деревни Лянху поблизости от рыночного города Синань, когда местные старейшины признали ее мужа виновным в подстрекательстве к мятежу и казнили, так бранила их за то, что ее лишили средств к существованию, требуя хлеба себе и детям, что в итоге они велели связать ее по рукам и ногам и бросить в воды протекавшей неподалеку реки.

Во время посещения шелковых районов Гуандуна в 1862 году, прибыв в рыночный город Гуаньчжэнь, я узнал, что всего несколькими днями раньше джентри и старейшины приговорили напавших на два больших грузовых судна, тяжело нагруженных шелком, к смерти через утопление. Оказывается, этих несчастных (двадцать одного человека) связали вместе, прежде чем сбросить в реку.

Хотя уголовный кодекс Китая крайне суров, особенно в случаях, затрагивающих безопасность и прочность трона или мира в империи, его отличают многие гуманные черты. Так, соответствует духу закона помилование единственного сына, приговоренного к срочной или к бессрочной ссылке. Конечно, это помилование дается правонарушителю ради его родителей. Кроме того, если три брата, единственные сыновья своих родителей, объединятся для совершения преступления, за которое следует обезглавливание или ссылка, после вынесения приговора наказывают по закону двоих младших. Старший брат получает помилование, несмотря на то что виновен в той же степени. Если отца наказывают ссылкой, закон позволяет сыну сопровождать его. Женам осужденных также позволено из тех же соображений гуманности жить у мужей в штрафных колониях. Императорская снисходительность распространяется также на тех преступников, которые являются слабоумными, калеками или увечными и из-за этого оказываются неспособными работать. Далее: закон не позволяет отправлять осужденных в изгнание в течение первого месяца года, который считается месяцем отдыха и снисхождения, а также во время шестого месяца – из тех соображений, что в это время летний зной достигает крайнего предела и передвижения сопряжены с большим риском и неудобствами.

В этой главе и в предшествующей я описал многое, что, вероятно, наполнило читателя болью и негодованием. Никто не может читать, оставаясь безразличным, о судах, погрязших в пороке и в безмерной жестокости; о чиновниках, чья продажность стала западней для многих невинных; о тюрьмах, где люди заперты в зловонных грязных и запущенных клетушках, где часто не хватает предметов первой необходимости, чтобы поддерживать жизнь в истощенных телах заключенных; о бесчеловечных наказаниях, напоминающих о самых темных страницах европейской истории. Хотя это тривиальная мысль, я не могу завершить главу, не сказав о том, насколько мы должны быть благодарны, что наши обычаи возникли в стране, чьи судьи неподкупны, а законы вдохновлены духом Слова, которое учит правителей и народ равно «действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренно-мудренно ходить пред Богом своим».

Глава 4 Религия

Конфуцианство

Из текстов, которые китайцы считают каноническими, можно понять, что некогда они были благословлены знанием о Существе, что означает обретение жизни вечной, и что в Нем, почитаемом как Хуан-Тянь и называемом Шан-Ди, они почитали Бога. «Шу цзин» и «Ши цзин» приписывают этому Существу атрибуты всеведения, всемогущества и неизменности; и служение, некогда воздававшееся Тянь, во многих отношениях кажется похожим на веру ветхозаветных патриархов. В самые древние времена к этой первичной религии присоединилось идолопоклонническое почитание духов усопших предков и духов, которые, как предполагалось, управляли различными природными процессами. В ходе такого искаженного развития религии китайцы почти совершенно забыли того Бога, которого они признавали Создателем вселенной и Вседержителем. С этим культом, который все еще остается государственной или общепризнанной религией страны, связывают имя Конфуция. Во многом именно он – составитель и редактор так называемых китайских канонов, а также славнейший и влиятельнейший учитель согласной с ними нравственности – способствовал постоянству древней религии в качестве отдельной системы и установлению ее господства над другими культами.

Конфуций жил во второй половине VI столетия до Рождества Христова – на Востоке этот век отмечен подъемом духовной и мыслительной деятельности. Среди его собственных соотечественников основатель даосизма Лао-цзы, а среди греков – Пифагор учили доктринам, которые в некоторых случаях удивительным образом напоминают одна другую. Тогда же в Индии успешно проповедовал свое новое учение Будда. Конфуций родился в 551 году до н. э. в Цзоу – сейчас это уезд в провинции Шаньдун. Китайцы никогда «не позволяют» мудрецу родиться без определенного рода сопутствующих событий – говорят, что и рождение Конфуция ознаменовалось сверхъестественными явлениями. Более скромная версия его генеалогии (один из рассказов, например, ведет его родословную от императора Хуанди, жившего более чем за 2000 лет до н. э.) свидетельствует о том, что он был отпрыском княжеского дома и вел род от брата Чжоу, последнего правителя династии Инь. Многие из его предков определенно были министрами и отличившимися воинами, и один из них был особенно замечателен своей скромностью и увлеченностью учеными занятиями. Его отец, Шулянь Хэ, был весьма мужественным воином. Конфуций был сыном от второго брака, родившимся, когда отцу было более семидесяти лет. В рассказе о детстве Конфуция говорится о том, как проявлялись его склонности в играх: он часто копировал расстановку жертвенных сосудов и совершал ритуальные поклоны. Когда ему было пятнадцать лет, он, по его собственным словам, посвятил себя учению. В девятнадцать лет он женился. Вскоре после этого Конфуций, по-видимому, получил первый государственный пост: стал хранителем зерна в своем родном княжестве Лу. На следующий год ему поручили управление общественными полями и землями. Его слава вскоре распространилась в царствах, на которые в то время был разделен Китай. Впоследствии более чем за пятьдесят лет своей государственной службы Конфуций получал приглашения на должности от различных дворов. Однако чувство собственного достоинства – черта его характера не менее отличительная, чем и его неподдельная скромность, – нередко побуждало его отклонять эти предложения. Вопреки свойственной князьям любви к удовольствиям и злокозненным интригам, будучи на государственной службе, он

оказал огромные услуги стране. Но его влияние на службе у правительства было в любом случае второстепенным по сравнению с тем, которым он пользовался как признанный авторитет по всем вопросам, имевшим отношение к древней истории империи, и как красноречивый толкователь тех великих нравственных принципов, которые, как его убедили исторические штудии, должны были лежать в основе законодательной деятельности. Он рано, в двадцать один год, начал публичное преподавание и преуспел, оказавшись в центре обширного круга учеников, чья преданность свидетельствует о необычайной силе его характера и нравственном совершенстве. Его слава была так велика, что у него, как передают, было три тысячи учеников. Из них он выбрал семьдесят два и разделил этих последних на четыре класса. Первую группу он стал обучать морали, от второй требовалось посвятить себя искусству рассуждения; третью учил разработке лучших форм управления государством, а четвертую – публичному преподаванию.

В своих постоянных стараниях возбудить в сознании нации почтение к тем принципам, которыми руководствовались великие императоры Яо и Шунь почти за две тысячи лет до этого, Конфуций посвятил себя преобразованию традиций и грубых свидетельств древних времен в совершенную форму. До своей смерти он успел завершить работу по составлению и редактированию так называемых пяти китайских канонов, или пяти «Цзинов», почитаемых китайцами, – они считают, что в них содержится истина о высочайших предметах, изложенная теми, перед кем они преклоняются как перед святыми мудрецами. Это следующие книги:

1. «И Цзин», или «Книга Перемен», – космологический и этический трактат, создание общих начатков которого приписывается Фу-си, предполагаемому основателю китайской цивилизации.

2. «Шу Цзин», или «Книга Исторических писаний», в которой повествуется о царствованиях Яо и Шуня и о династиях Ся и Шан, а также о многих чжоуских властителях. Повествование нередко принимает форму диалога и содержит много материалов дидактического характера.

3. «Ши Цзин», или «Книга Песен», – собрание стихотворений, которые высоко ценил Конфуций как средство формирования национального характера.

4. «Ли Цзи», или «Записи о Ритуале», – это изложение китайских национальных обрядов; полагают, что соблюдение описанных там церемоний и обычаев необходимо для поддержания общественного порядка и поощрения добродетели.

5. «Чунь Цю», или «Весна и Осень», – история времени Конфуция и нескольких царствований, непосредственно предшествовавших ему. Название книги объясняется тем, что события каждого года в ней расположены под заголовками сезонов, два из которых посредством синекдохи стали обозначением всех четырех.

Первые четыре текста, «Цзины», согласно традиции, были составлены и отредактированы Конфуцием. Однако в четвертую, как говорят, многое было привнесено позже. Только пятая книга, «Весна и Осень», – это подлинное произведение самого мудреца.

После канонов китайцы почитают четыре «Шу» – книги или писания. В трех из них – в «Лунь Юе», или «Упорядоченных беседах» Конфуция с его учениками, в «Да Сюэ», или «Великом Учении», и в «Чжун Юне», или «Срединной Доктрине», – мы располагаем сделанными его учениками записями его доктрин и высказываний. Четвертое «Шу» состоит из трудов Мэн-цзы, прославленного автора конфуцианской школы, умершего в 317 году до н. э.

Когда смерть уводила Конфуция с нивы трудов, он, вероятно, чувствовал, что его усилия на благо страны увенчались весьма скромным успехом. Он умер в возрасте семидесяти четырех лет, оставив свою страну, которой посвятил жизнь, более чем когда-либо подверженной ненавистным ему бедствиям. «Цари, – сказал он на смертном одре, – не станут внимать моему учению. Так, значит, я больше не нужен на земле, и пора мне ее оставить». После смерти его имя стали глубоко почитать все классы общества, и чтят его до сих пор^{18}. Уче-

ния других философских школ канули в Лету, а доктрины Конфуция сегодня читает большая часть великой семьи человечества, которая восхищается ими и старается воплотить в жизнь. По всей империи работы Конфуция рассматриваются как образцы религиозной, нравственной и политической мудрости. Только зная их, можно добиться известности и в культурной, и в политической жизни. Сыновняя почтительность, которая после смерти родителей переходит в почитание предков, – это центральная концепция его системы, а в настоящее время – национальная религия китайцев.

Хотя Конфуция иногда ставят рядом с такими основателями религий, как Будда и Мухаммед, такой славой в большей степени он обязан своим трудам по составлению и редактированию канонов – «Цзинов» и своей исключительной известности как учителя нравственности, чем каким-либо притязаниям на вероучительство. Нет никаких оснований предполагать, будто он добавил какую-то новую доктрину к метафизическим спекуляциям или к религиозным представлениям, отраженным в этих книгах. В его высказываниях не содержится информации ни относительно его взглядов на сотворение человека, ни о том, что, по его мнению, ожидает его за гробом. Напротив, из трех «Шу», в которых его ученики сделали для китайского мудреца то же, что Босуэлл для доктора Джонсона, мы узнаем, что он высказывался не о религии, а об истории, поэзии, правилах поведения и, главным образом, обо всем, что имело отношение к развитию добродетели в личности, в обществе или в государстве. Конфуций признавал мудрое руководство провидения. Он учил, что в этом мире добрые получают воздаяние, а злые бывают наказаны. Однажды, оказавшись в опасности, – на него яростно набросились жители Куана, принявшие его за своего старого недруга – сборщика налогов, – он произнес замечательные слова: «После смерти царя Вэня (Вэнь-вана) разве я не храню дело истины? Если бы Небо пожелало, чтобы это дело погибло, я, смертный, не мог бы так приобщиться к нему. А раз Небо не пожелало, чтобы дело правды погибло, что могут сделать со мною куанцы?»

Очевидно, что Конфуций придавал большое значение торжественному служению Шан-ди, совершавшемуся лично главой государства с помощью министров. Мы обнаруживаем, что он рассказывал ученикам о мудрости древних в таких выражениях: «Совершая церемонии жертвоприношений Небу и Земле, они служили Богу, а совершая церемонии в храме предков, приносили жертвы предкам. Для того, кто поймет ритуал жертвоприношения Небу и Земле и значение нескольких жертвоприношений предкам, управлять царством будет так же легко, как заглянуть в свою ладонь». Иногда дело представляли так, что китайцы, поклоняясь Небу и Земле, почитали как двух отдельных божеств Вещественный небесный свод и Плотный земной шар. Тем не менее в китайских книгах достаточно свидетельств в пользу того, что этот грубый взгляд на их религию ошибочен. И процитированный мной фрагмент показывает, что в понимании Конфуция объект поклонения в культе Неба и Земли – Вседержитель. Действительно, в 1700 году, после того как идолопоклоннические элементы их религии оказывали воздействие почти четыре тысячи лет, император Канси обратился к папе Александру VII с официальным заявлением о монотеизме китайцев. В эдикте, изданном им вслед за тем, он сделал замечательное утверждение, что «религиозные установления китайцев – политические». В процитированном нами фрагменте из «Срединной Доктрины» Конфуций рассматривает великие религиозные церемонии своей нации с политической точки зрения. Несомненно, явное отсутствие в настоящее время религиозного чувства среди китайцев в большей степени объясняется именно тем, что Конфуцием еще не было осознано место человека как падшего духовного существа, непосредственно связанного отношениями с личным Богом, итоги которых лежат в вечности. Нас не удивит несовершенство представлений Конфуция об этом жизненно важном вопросе, если мы учтем, что, как и на Сократа с Платоном, на него не снизошло Божественное Откровение. Ведь именно так человек узнал великую цель, с которой он был сотворен, и смог ожидать

конца земной жизни не только с покорностью, но и с радостью и надеждой. Сын своего века, Конфуций действительно считал себя толкователем национальной религии, но его труды преимущественно принадлежали к социальной и политической области. Он мыслил в высшей степени практично и относился к религии как человек, считающий безрассудством тратить необходимые для неустанного выполнения долга силы на тщетные попытки осветить тьму, скрывающую будущее. Для Конфуция праведник – это не целеустремленный аскет Будды и не созерцающий отшельник Лао-цзы. Это величественный глава упорядоченной семьи; преданный и патриотичный гражданин, стремящийся к справедливости в поступках и к правильности поведения, почитающий родителей и императора, – и первые, и последний фактически представляют собой посредников между ним и Богом. Но «высший человек» Конфуция замечателен не только своей преданностью и почтительностью. Он должен быть обладателем искренности, знания, великодушия и энергии. Кроме того, при всем почтении к властям Конфуций считал, что права государя на верность подданных могут быть аннулированы из-за его порочности, и народ получит все основания свергнуть его.

Хотя этическая система Конфуция основана на самосовершенствовании, он подходил к человеку прежде всего с социальной и политической точки зрения. Он прожил свою жизнь, пропагандируя уважение и признание правителями и подчиненными обязанностей, связанных с определенными общественными отношениями. Не стремясь революционизировать существующие институты, он хотел открыть своим соотечественникам глаза на их нравственность. «Правление существует, – как заявил он однажды, – когда государь – это государь, министр – это министр, отец – это отец, а сын – это сын». Он считал особым долгом правителей добродетельность, поскольку их пример действует на народ, как ветер на траву, которая сгибается в том направлении, в каком он дует. Но он стремился указать путь каждому чиновнику и фактически каждому человеку в государстве, которые с соблюдением многообразных церемоний и ритуалов вспоминали бы об обязанностях, связанных с занимаемым ими положением, и укрепляли в них важнейшее, по его мнению, чувство должного поведения.

Самая заметная доктрина его системы посвящена сыновней почтительности. В семье он видел прототип государства; и поныне китайское управление страной следует понимать как отношения, существующие между отцом и сыном. Признавая святость отцовства, дитя почитает родителя; родитель – магистрата, а магистрат – императора^{19}. «Высший человек, – учил Конфуций, – обращает свое внимание к корню. Когда он установлен, из него вытекают все правильные способы действий. Сыновняя почтительность и покорность родителям – разве это не корень всех человеческих поступков?» В ученом и исчерпывающем введении к своему переводу китайской классики доктор Легг сообщает о случае, иллюстрирующем практический здравый смысл, отличавший философа. Около 500 года до н. э., когда Конфуций занимал пост министра юстиции при дворе Лу, отец просил наказать по закону провинившегося сына. Однако вновь назначенный министр юстиции, от которого, несомненно, не ожидали такого решения, воспользовавшись своими полномочиями, приказал заключить в тюрьму не только сына, но и отца. По преданию, глава семейства Цзи протестовал, говоря: «Вы шутите со мною, господин министр юстиции. Раньше вы говорили мне, что в государстве ли, в семье ли сыновняя почтительность – первая вещь, на которой следует настаивать. Что же ныне удерживает вас от казни этого непочтительного сына в назидание всему народу?» На это Конфуций со вздохом отвечал: «Когда высшим не удастся исполнять своих обязанностей, а потом они казнят своих подчиненных, это неправильно. Отец не научил своего сына быть почтительным; удовлетворить его просьбу значило бы казнить невинного. Обычаи мира долго пребывали в прискорбном состоянии; мы не можем ожидать, что люди не будут преступать законов».

Мы найдем, что одним из плодов учения Конфуция стало замечательное внимание, и по сей день уделяемое доктрине сыновней почтительности. Я уверен, что никто не мог бы жить в Китае, не обратив внимания на явное уважение, оказываемое детьми своим родителям и опекунам. Их сыновняя почтительность проявляется не только в обычных обязанностях, но и в замечательных случаях самоотречения. Совершенно обычно для сыновей идти в тюрьму и в изгнание за преступления, совершенные их родителями. В 1862 году я встретил в уездном городе Цунхуа юношу, находящегося в заключении вместо своего деда, которого приговорили к лишению свободы за банкротство. Извлекая выгоду из этого чувства, правительство арестовывает родителей правонарушителей, если не в состоянии задержать их самих. Я могу упомянуть о деле китайского приказчика или надсмотрщика на борту иностранного транспорта снабжения в Цзинь-син-мэнь. Он немедленно сдался властям, услышав, что его родителей посадили в кантонскую тюрьму, так как его заподозрили, будто в 1854 году он был на стороне мятежников. Конечно, родителей освободили, но сына обезглавили через сорок восемь часов после сдачи.

Один из самых поразительных актов китайской сыновней преданности — это отрезание плоти бедра или руки: ее вместе с другими ингредиентами готовят в качестве укрепляющего средства для тяжелобольного родителя. Такие благочестивые поступки не так уж необычны. В местечке Бицзян (уезд Шуньдэ) я познакомился с молодым человеком, который из преданности матери (она, как полагали, страдала неизлечимой болезнью) вырезал большую часть плоти из своей руки; он явно гордился оставшимся шрамом. В шелководческом городе Жунци в том же районе в 1864 году жила старуха из клана Хэ, которая излечилась от болезни, грозившей сделаться смертельной; выздоровление приписали самоотверженности ее невестки, вырезавшей часть плоти из руки, чтобы приготовить необходимое снадобье. О поощрении таких поступков правительством свидетельствует фрагмент статьи *Pekin Gazette* от 5 июля 1870 года:

«Ма Синь, генерал-губернатор двух цзян, подает трону прошение следующего содержания: молодая девица из Цзяннин отрезала два сустава своих пальцев и положила их в лекарство, которое ее мать принимала от болезни, объявленной врачами неизлечимой. Традиционный ортодоксальный китайский обычай, примеры соблюдения которого (согласно записке) встречались даже в недавние годы, состоит в отрезании плоти бедра. Эта молодая девица, которой всего лишь пятнадцать лет, сначала действительно попыталась сделать так, но у нее не хватило или силы, или смелости. Генерал-губернатор позволяет себе беспрдельно восславить этот акт дочерней почтительности, который, конечно, был вознагражден немедленным выздоровлением матери. Он просит, чтобы император даровал чаду какое-нибудь примерное вознаграждение, например воздвиг бы мемориальную арку по соседству в память этого поступка. «Таким образом, — говорит он, — сыновняя почтительность во всем мире получит поощрение». Без всякого преувеличения можно сказать, что прочному влиянию на сознание народа этой доктрины Конфуция, как основе порядка в государстве, в большой степени обязано удивительное национальное долголетие китайцев. Невозможно не задаваться вопросом, каким образом Китай ухитрился пережить древние народы, от исчезнувшего величия которых нам остались лишь груды развалин или разрозненные частицы «Вечного Вавилона», «Вечной Ниневии» и «Вечных Фив». Можно подумать, что, выполняя пятую заповедь, китайцы получили благо, даруемое Господом за ее соблюдение. Народу, позабывшему о самом Боге, но начертавшему Его заповедь в сердцах, возвеличившему и почитавшему эту заповедь народу, чей главный представитель проповедовал о ней с такой силой, Он продлил дни на земле.

Можно сказать, что на фундаменте принципа и традиции сыновней почтительности Конфуций воссоздал надстройку культа предков, который запечатлелся в народном сознании глубже, чем любой другой элемент древних или современных религий китайцев. Во всей

стране нет ни одного жилища, лишенного святилища или алтаря, перед которым утром и вечером воздают почести усопшим предкам. Кроме того, в определенные дни года можно видеть людей, совершающих паломничества к вершинам высоких холмов и к отдаленным и уединенным долинам, где они падают ниц перед могилами своих предков в трепете и благоговении. Все это скорее свидетельствует об уважении, которым усопшие пользовались на земле, чем о служении божеству, – ведь китайцы, по-видимому, не считают, что духи предков обладают какими-то особыми качествами, чем те, которыми они обладали, будучи существами из плоти и крови. Потомки верят, что покой усопших в большей степени зависит от молитв и принесенных жертв, и тем, кто соблюдает обычаи и ритуалы, обеспечено расположение богов. Иногда духам предков приписывают возможность осуществления промыслительного попечения о людях и наказания их, если они пренебрегают выполнением своего религиозного долга. Неоднократно и в любое время года я видел, как китайцы на могилах предков пытались вопрошать умерших родственников о будущем.

Государственное поклонение духам в храме Императорских Предков совершается с величайшей торжественностью и пышностью. Эти молитвы, как и те, что обращены к Небу, может возносить лишь сам император и его главные мандарины.

Кульτ предков естественно развился в канонизацию и почитание духов великих мудрецов, героев, благодетелей рода человеческого – например, древних покровителей земледелия и шелкопрядения, выдающихся государственных деятелей, филантропов, знаменитых врачей и мучеников за правое дело. Среди множества канонизированных достойных людей, которыми полнится китайский пантеон, замечательны Гуань-ди, бог войны, сам Конфуций, «святейший учитель древних времен», Вэньчан, бог учености, Тянь-хоу – Небесная царица и другие, о ком читатель найдет кое-какую информацию в главе, содержащей мифологические очерки.

Параллельно культу предков и обожествленных смертных почитание Шэнь, или духов, которые, по мнению китайцев, заведуют различными сферами или процессами в природе. Китайцы приписывают духов-покровителей солнцу, луне и звездам, химическим элементам, сезонам, плодородной земле и колышущимся хлебам, каждому высокому холму, ручьям и рекам, облакам, дождю, ветру и грому, четырем морям и смене лет. Для них такими существами, добрыми и злыми, населено все пространство. Конфуций говорит о них так: «Как обширно влияние Гуй-Шэнь! Если ты станешь их искать, то не увидишь; если прислушаешься – не услышишь; они содержат все вещи; без них вещи не могут существовать. Когда нам велено поститься, очищаться и наряжаться, чтобы приносить им жертвы, все вещи оказываются полны ими». Среди них выделяются божества земли и зерна, солнца, луны и звезд и Лун-ван, Царь Драконов, или китайский Нептун. Вера китайцев в существование подобных созданий напоминает о служении ангелов и духов, в котором так же слепо были убеждены древние персы, а от них многое заимствовали древние евреи в своих представлениях об ангелах.

На протяжении четырех тысяч лет своей истории китайцы ни разу не запятнали религии сочинением историй о незаконной любви, которые так обращают на себя внимание в греческой и римской мифологиях; кроме того, они никогда не делали изображений Того, Кого признавали Вседержителем. Но сущностный монотеизм их религии пострадал от постоянного затемнения его первичного смысла; и, будто единственный ее чистый элемент не был уже в достаточной степени замутнен почитанием твари, на самом деле людей совращала в идолопоклонство уже та ревность, из-за которой поклонение Хуан-Тянь (Пресветлому Небу) было позволено лишь императору и его двору. В настоящее время не существует четкой границы между национальными богами китайцев и божествами даосизма и буддизма; народ же часто в своих суевериях руководствуется просто репутацией, которой пользуется тот или иной идол, или же мнимой действительностью определенных церемоний.

Другую причину неопределенности их монотеизма следует видеть в материалистических спекуляциях школы конфуцианцев, расцвет которой пришелся на династию Сун (960-1271). Эти философы, самым выдающимся из которых был Чжу-фу-цзы (Учитель Чжу), умерший в 1200 году, стремились объяснить появление Вселенной, основываясь на грубых спекуляциях «И Цзина». Конфуций говорил, что в начале всех вещей лежал Тай-Цзи, или Великий Предел, не уточняя, что он конкретно имел в виду. В этот-то Великий Предел сунские конфуцианцы и превратили личного Бога «Шу Цзина» и «Ши Цзина». Нет необходимости подробно обсуждать здесь их философские воззрения. Достаточно уже того, что эти спекуляции привели интеллигенцию к материализму или атеизму.

Несмотря на обилие противоречащих друг другу взглядов и систем, китайцы единодушны в почитании Конфуция; и, поскольку их религия представляет собой скорее совокупность церемоний, нежели стройную доктрину, мы можем получить более четкое представление о ней из поклонения, воздаваемого обожествленному философу. Службы в его честь проводятся дважды в месяц. Ему торжественно поклоняются все мандарины, гражданские и военные, в середине весны и осени каждого года. В Пекине ритуалы поклонения осуществляются под руководством самого императора, а в столице провинции – под руководством генерал-губернатора. Два дня, предшествующие церемонии, мандаринам полагается поститься. Накануне торжества чиновник, облаченный в придворный костюм, в процессии с флагами и оркестрами к храму Конфуция ведет вола и несколько овец и свиней. Там животных сгоняют к жертвеннику, на котором возжигают благовония в честь праздника. Когда мясник, стоящий перед жертвенником на коленях с ножом в руке, получает приказ подняться и заколоть жертв, их уводят на соседнюю бойню. Затем их туши, очищенные от волос и шерсти^{20}, приносят в храм и раскладывают на главном жертвеннике в честь великого языческого философа в качестве искупительной жертвы, если можно так выразиться. На тот же жертвенник кладут благодарственные жертвы, состоящие из цветов, плодов и вин трех разновидностей, вместе с девятью сортами белого шелка.

На следующий день император или генерал-губернатор, который выступает в роли верховного первосвященника, отправляется в храм. Сначала ему полагается омыть руки. После этого, когда гражданские и военные чиновники района, облаченные по такому случаю в придворное платье, построятся, обратив лица к алтарю мудреца, – гражданские на восточной, а военные на западной стороне главного квадратного двора храма, – церемониймейстер возглашает: «Ин шэнь» – «Примите духа». Когда он обращается к собравшимся во второй раз со словами «Гу-ин-шэнь-со», певцы и музыканты^{21} (их должно быть семьдесят четыре) поют и играют гимн, который называется «Чжао-пин-чжи-чжан». Этот гимн состоит из семи строф, в каждой из которых восемь строчек по четыре иероглифа. Когда завершается эта часть службы, герольд возглашает «Шан-сян» – «Да поднимется аромат». Тогда по восточной лестнице генерал-губернатор поднимается к возвышению, на котором стоит жертвенник, и становится прямо перед ним. Почти непосредственно позади него стоят тридцать шесть мальчиков в опрятной униформе, причем каждый из них держит в руке перья фазана-аргуса. Там присутствуют и четверо других мальчиков, двое из которых несут флаги, а двое других – длинные прутья или палочки. Герольд вновь возглашает «Ин шэнь» – «Примите духа», после чего его превосходительство становится на колени и совершает коутоу. Когда он поднимается на ноги, стоящий к востоку от него служитель подносит ему зажженную ароматическую свечу. Ее генерал-губернатор поднимает обеими руками над головой тем же движением, что и римско-католический священник – гостию^{22}. Теперь горящую ароматическую свечу получает служитель, стоящий слева от него, и ставит в большую курильницу на жертвеннике. Генерал-губернатор снова преклоняет колени и совершает коутоу. Затем его провожают из святилища по западной лестнице и он становится во главе чиновников,

выстроившихся по сторонам квадратного двора. Как только он занимает свое место, все мандарины вместе с его превосходительством становятся на колени по сигналу церемониймейстера и совершают коутоу. Пока они совершают поклонение, хор поет в честь Конфуция гимн под названием «Чжу-сы». В нем столько же строф и тот же размер, что и у гимна под названием «Чжао-пин-чжи-чжан». В ходе этой церемонии при выполнении различных обязанностей, возложенных на него, генерал-губернатор в сопровождении двух курьеров подходит к жертвеннику, ломящемуся под тяжестью искупительных и благодарственных жертв, не менее девяти раз и каждый раз подносит табличке или идолу некоторое количество даров. Поднося дары, он обязательно поднимает их над головой. Когда речь идет о животных, конечно, поднять их целиком невозможно, и поднимают только куски мяса. В конце церемонии, пока генерал-губернатор стоит перед алтарем, герольд перед всеми присутствующими читает письмо или молитву, обращенную к Конфуцию, переписанную каллиграфом на листе желтой бумаги. Затем ее направляют духу усопшего мудреца, бросив в священную печь. И искупительные и благодарственные жертвы в таких случаях подносят при наличии табличек с именами предков Конфуция и его учеников.

Я говорил, что мандарины в знак почтения к Конфуцию надевают свой придворный костюм. Он включает придворную шапку; шапку или шапочку китайцы надевают всегда и при ритуалах поклонения богам, и при отправлении культа предков. Обычая покрывать голову в таких случаях придерживались древние евреи, а также римляне. Вергилий не однажды упоминает его в «Энеиде», например:

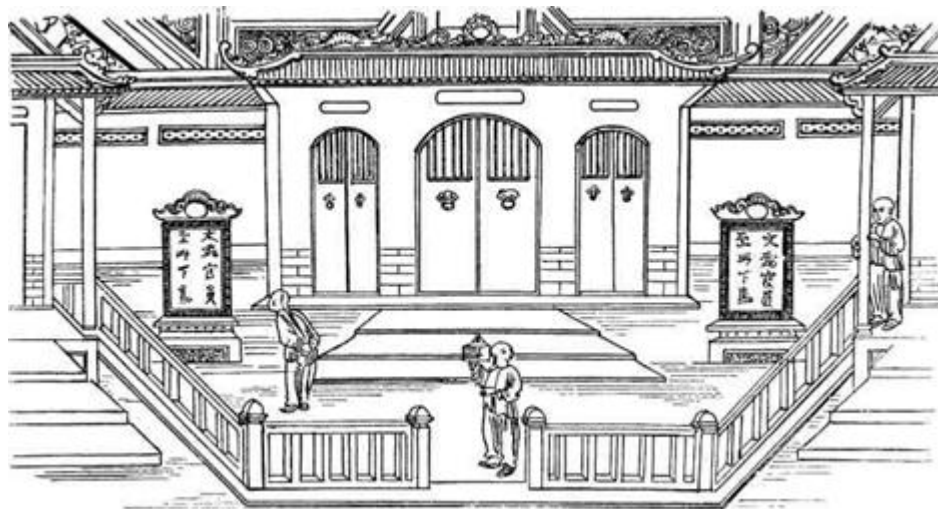
Помни, когда корабли проплывут через бурное море
И на алтарь принесешь ты богам священную жертву,
Должен не медля чело осенить покрывалом багряным,
Чтобы враждебные лица тогда не нарушили мира^{23}.

Как заметил читатель, мандарину, совершающему ритуал, полагается омыть руки, прежде чем явиться пред объектом почитания. Это обстоятельство напоминает мне об омовении, практиковавшемся в священстве левитов, которые под угрозой смерти должны были омыwać руки в медном умывальнике скинии^{24}, перед тем как приблизиться к жертвеннику Господню. Я не могу не добавить, как был поражен, выяснив, что китайцы, которые много столетий, по существу, были изолированы от остального мира, привыкли приносить искупительные жертвы. Я, конечно, осведомлен о том, что о таких жертвоприношениях часто упоминали языческие авторы и Древней Греции, и Древнего Рима; приведу слова Овидия, где, несомненно, отразились искренние чувства многих верующих:

Сердце за сердце, молю, нутро за нутро вы берите:
Этою жизнью плачу вам я за лучшую жизнь^{25}.

Однако мне не представлялась возможность присутствовать на таком жертвоприношении, пока я не приступил к исполнению своих обязанностей среди этого замечательного народа, остающегося из поколения в поколение удивительно преданным обычаям прошлого. И когда я действительно оказался на торжественном государственном молебне, в ходе которого приносили искупительные жертвы, это живо напомнило мне о сценах, которыми изобилуют страницы Ветхого Завета. Я могу считать представление о таких церемониях жертвоприношения у китайцев лишь наследием (хотя я затрудняюсь сказать, какими путями оно передалось им, как и в случае с другими языческими народами) учения Ноя, который пере-

дал потомкам после Всемирного потопа знание о религиозных церемониях и их практику, унаследованные им от богобоязненных праотцев.



Внешний вид конфуцианского храма

Во всей империи в каждом провинциальном, областном и уездном городе существует храм, посвященный Конфуцию. В архитектурном отношении эти храмы в точности повторяют друг друга. К каждому из них приближаются через большие ворота, состоящие из центральных и двух боковых. По обеим сторонам тройных ворот находится колонна, на которой сделана надпись, долженствующая напоминать чиновным китайцам о том, что в знак почтения они обязаны выйти из носилок, спешиться и войти пешком во внутренний двор священного здания. Войдя, посетитель обнаруживает перед собой искусственный пруд в форме полумесяца, через который перекинут аккуратный каменный мост с тремя сводами. Воде полагается быть чистой в знак чистоты мудреца и его учения. В конце внутреннего двора располагаются тройные красные ворота, через которые жрец проходит в первый прямоугольный двор. Напротив ворот, на противоположном конце этого двора, стоит жертвенник Конфуция, а над ним помещена большая красная доска, на которой имя мудреца выведено позолоченными письменами. В некоторых храмах место доски занимает идол. В моих путешествиях по Китаю я обнаруживал их неоднократно и полагаю, что это не новый обычай.

В 1856 году интеллигенция установила идол Конфуция в храме, находящемся в кантонском уезде Наньхай. Против этого многие активно протестовали, веря, что город постигнут большие бедствия, поскольку сам Конфуций идолов не терпел. Это предсказание иконоборцев исполнилось, поскольку в сентябре того же года между британскими консульскими властями и наместником Минчэнем произошел конфликт, приведший к артиллерийскому обстрелу города и к войне, которая длилась три или четыре года. Во время обстрела Кантона британскими войсками один снаряд попал в пьедестал, на который была водружена фигура Конфуция, и сильно повредил его.

В непосредственной близости от этого жертвенника находятся другие, воздвигнутые в честь Мэн-цзы, Цэн-цзы и других знаменитых авторов. Справа и слева в прямоугольном дворе находятся галереи со святилищами, и в них над жертвенниками расположены памятные таблички семидесяти двух учеников, а также таблички с именами тех, кто со времен Конфуция прославился в качестве толкователей его учения. Во втором прямоугольном дворе храма находится святилище в честь родителей и родителей родителей мудреца, которые получают свою долю почитания от тех людей, чье нравственное состояние так старался улучшить их одаренный потомок. К каждому конфуцианскому храму присоединены следующие святилища: хоу-тай-цы — зал, где расположены таблички с именами чиновников, замечательных своей верностью, и людей, прославившихся почтительностью к своим родителям

и родителям их родителей; мин-вань-цы – зал, где расположены таблички с именами чиновников, оказавшихся великими благодетелями для тех областей, в которых они правили; сянь-цы, или зал, в котором находятся таблички с именами местных мудрецов; и цзе-сяо-цы, или зал, в котором находятся таблички с именами добродетельных женщин – уроженок этого района. В областном храме Конфуция в Кантоне находится зал, носящий название и-фу-цы и выстроенный Циингом – известным уполномоченным китайского правительства в Кантоне. В нем находится табличка с именем некоего Хэ Юшу, весьма богатого человека, получившего в Пекине степень цзиньши. Однако табличка Хэ Юшу обрела свое нынешнее местоположение не из-за его богатства или учености, но потому, что после смерти своей жены он так и остался вдовцом, хотя умер в глубокой старости. Его жена умерла вскоре после свадьбы, когда была очень молода, как и ее муж. Я упомяну здесь случай, который может послужить примером внимания интеллигенции к тому, чтобы в зале китайских мудрецов поклонялись лишь тем, кто действительно отличался ученостью. В храмовом зале поместили табличку некоего Лу Ваньцзиня. Этот человек отличился не столько познаниями, сколько своим общественным положением: он был главой купеческой гильдии. Поэтому его табличка оскорбляла взоры местной интеллигенции. Через несколько лет ученые обратились к городским должностным лицам с просьбой убрать ее. Им отказали, и в конце концов дело было направлено в центральное правительство в Пекин, отправившее в Кантон своего представителя. Поскольку этот чиновник согласился с учеными в том, что табличка недостойна находиться в храме Конфуция, было велено ее убрать. Вокруг таблички обвязали шнурок и стащили ее с жертвенника, а затем выволокли за пределы храма.

Часто храмы, воздвигнутые в честь Конфуция, весьма внушительны. Примечательны храмы Конфуция в Фучжоу и в Янчжоу. В последнем мне показывали большую внутреннюю палату, содержащую множество каменных глыб, на которых, как сообщил мне служитель, были выгравированы работы Конфуция, напечатанные и изданные здесь. В Учане находится храм, замечательный тем, что он находится не внутри городских стен, как обычно, а снаружи. Жители города говорят, что внутри стен города, по мнению геомантов, не было достаточно благоприятного места для возведения храма в честь столь прославленного человека, как бессмертный мудрец Китая.

Однако намного интереснее всех прочих храмов Конфуция тот, что находится в Пекине. На синей сводчатой крыше множество резных украшений; пол покрыт ковром, изготовленным, по-моему, из верблюжьей шерсти. Во внутреннем дворе храма расположены ряды кедров, посаженных до династии Мин. Теперь им более пятисот лет. Там находятся также десять камней в форме барабанов, на каждом из которых выгравированы поэтические строфы. Эти каменные барабаны, как передают, существуют со времен императоров Яо и Шуня. Яо начал царствовать в 2357 году до Р. Х., а Шунь – в 2255 году до Р. Х. Эти камни упоминаются в классической книге, написанной немногим позже времени жизни Конфуция. Из-за уважения, которым они пользуются, их всегда хранили в столицах, где жили императоры Китая. Одно время они находились в городе Синань. В этот период некоторые из них были утеряны. Однако один из пропавших камней был найден через многие годы в крестьянском дворе, в нем сделали углубление и устроили поилку для скота. Конечно, он испорчен. Когда я смотрел на камни с истертыми записями священных догматов, по преданию высеченными на них более четырех тысяч лет тому назад, это не могло не произвести впечатления. И мне вспомнились слова Священного Писания о «двух скрижалях откровения», «на которых написано было с обеих сторон»; они «были дело Божие, и письма, начертанные на скрижалях, были письма Божий» (Исх., 32: 15, 16). Обычай делать записи на камне был весьма распространенным в древнейшие времена. Например, именно на каменных скрижалях бог Тот начертал не только положения египетской теологии, но и летопись первых веков этой древнейшей страны. На Крите одно время находились очень древние каменные скри-

жали, на которых были высечены описания религиозных церемоний корибантов – жрецов Кибелы. В Афинах раньше была колонна, на которой был высечен так называемый закон Тезея, великого легендарного героя Аттики. По преданию, Осирис, Сесострис, Геркулес и другие герои древности также обращались к этому средству для увековечения своих деяний.

В Кантоне находится не менее трех храмов Конфуция, а один – в уезде Наньхай, о котором я уже упоминал, другой в Паньюе и храм в области, куда входят оба этих уезда. И по архитектуре, и по размерам они одинаковы. На участке при храме в префектуре находится священная гора, на вершине которой стоит увитая зеленью беседка. В ней лежит широкая и гладкая черная мраморная плита, на которой высечено изображение «самого совершенного мудреца», а также портрет Янь-цзы – великого последователя Конфуция, – он обыкновенно занимался на этой священной горе. Беседка называется Цзю-сы, или Девять обязанностей. Она была построена на третий год правления императора Цинь-цзуна – в 1129 году.

Конфуцианские храмы иногда используют как колледжи и как залы, в которых проходят обычные государственные экзамены. В каждом храме два чиновника, их называют сюэ-гуанями, располагаются в комнатах справа и слева от главного прямоугольного двора. Все бакалавры искусств (сюцаи) того района, в котором расположен храм, находятся под руководством этих чиновников; они не могут быть арестованы без их санкции. Когда бакалавра искусств судят в суде магистрата, в присутствии обычно находятся сюэ-гуани. В каждой школе и в каждом колледже в империи есть таблички с именем Конфуция, перед которыми ежедневно совершаются моления.

Даосизм

Конфуцианство существенно проигрывает другим учениям в том отношении, что не готово удовлетворить духовные потребности или устремления, свойственные природе человека. В книгах Конфуция и в конфуцианских традициях китайцы обрели сильнейший стимул к национальному процветанию, но не получили пищи для той части сложной природы человека, которая побуждает даже самые варварские народы обращаться к той или иной религии. Поэтому бок о бок с конфуцианством процветал возникший несколько раньше даосизм. Когда эта система дала концепцию Бога и Вселенной, религиозное чувство китайцев с большей готовностью устремилось к ней. Но буддизм, пришедший из Индии позже, в I столетии христианской эры, нашел народ все еще неудовлетворенным и готовым принять его.

Хотя учение о дао философы признавали и до того, как Лао-цзы сделал его основой своей системы, он справедливо почитается основателем направления, чье наименование производно от дао. Он родился приблизительно в начале 600-х годов до н. э. и дожил до времен Конфуция, посетившего его при дворе Чжоу в годы своего активного общественного служения. Вероятно, его родители были очень бедными; согласно одному из рассказов, его отец был крестьянином, который, оставаясь холостым до семидесяти лет, женился на сорокалетней крестьянке. Благодаря своим талантам и учености Лао-цзы занял должность при чжоуском дворе. Неизвестно, сколько лет он служил, однако ясно, что его обязанности были связаны с хранением архивов и других исторических сокровищ государства. В конечном счете, поняв, что это занятие служит помехой его увлечению философией, как и, несомненно, беспокойная и угрожающая обстановка этого времени, Лао-цзы стал искать уединения среди холмов неподалеку от своей родной деревни на восточной границе Хэнани, именно там он посвящал все свое время и силы философским изысканиям. В своем уединении он наслаждался досугом для спокойного размышления, которое даосы считают существенно необходимым для нравственного совершенствования, и сочинил свой знаменитый труд «Дао-дэ-Цзин».

Этическое учение этой книги, возвеличивающее добродетель как высшее благо, основано на ее метафизических спекуляциях. Эта добродетель достигается при помощи спокойствия и созерцания, а также союза с дао. Слово дао означает прежде всего путь, а затем – принцип. Отсюда его значение АРХЭ, или Высшего Принципа Вселенной. Что следует понимать под этим принципом – вопрос темный, во-первых, потому, что трудно определить, можно ли истолковать дао как личного Творца, или же Лао-цзы считал его принципом, предшествовавшим личному божеству; и во-вторых, так как не совсем ясно, считал ли он дао отдельной от мироздания творческой силой или же полагал, что Вселенная – это просто пантеистическая манифестация. Если, что вероятно, Лао-цзы был пантеистом, он определенно придерживался той высшей формы пантеизма, которая, смешивая до некоторой степени Вселенную с ее принципом, приписывает последнему «превосходство над массой, которую он пронизывает». Дао нематериально и вечно, а Вселенная – эманация этого трансцендентного истока – существует в молчаливом, но непрестанно действующем вездесущем дао, и все несет на себе отпечаток формообразующего разума. Венец творения – это святой мудрец, который, умерев, возвращается в лоно Вечного Разума, чтобы насладиться там бесконечным покоем, в то время как нечестивцы осуждены на то, чтобы влечить жалкое существование на земле в следующих жизнях, а умирать только затем, чтобы возродиться вновь в какой-то новой форме. По-видимому, фундаментальная идея системы Лао-цзы – это единство. Перенеся этот принцип в сферу нравственности, он определил добродетель как растворение самости во Вселенной. Он учил, что человек должен проходить по жизни так, как если бы все, чем он владеет, ему не принадлежало, и любить всех, не исключая врагов. Он настаивал на том, что ничто не может сравниться со счастьем, которым наслаждается тот, кто однажды достиг добродетельности, и что лишь такой человек может относиться с безразличием к здоровью или болезни, радости или печали, богатству или нищете.

В современном китайском даосизме трудно разглядеть метафизические спекуляции и этические доктрины этого замечательного философа. Первые скрыты грубым суеверием, место последних заступило праздное безразличие. Самого Лао-цзы, мыслителя, прошедшего жизнь в умеренности и простоте, едва можно узнать в фальшивом великолепии его обожествленного образа. Теперь он третий в троице, персонифицирующей дао, – в религиозных текстах он носит название «Шан-ди таинственного отсутствия» и почитается как «Триада чистых». Даосы утверждают, что он оставил небеса, чтобы воплотиться в чжоуском мудреце. Они рассказывают о множестве чудес, подкрепляющих это утверждение. Так, оказалось, что Лао-цзы провел в материнской утробе восемьдесят один год, а во время беременности его мать каждый день получала пищу с небес, опускавшуюся к ней в виде красного облака. Когда он родился, на голове у него были седые локоны, плавно ниспадающие вниз, а на его руках и ногах начертаны надписи. Едва родившись, он поднялся в воздух на девять шагов и возгласил, указывая левой рукой на небеса, а правой – на землю: «Небеса наверху – земля внизу, и только дао благородно».

Согласно интереснейшей статье о даосизме преподобного Джона Чалмерса, опубликованной в четвертом номере издания China Review, это учение прошло четыре стадии развития. Будучи в начале спекулятивной умозрительной системой, оно уходило все дальше и дальше за пределы реальности. Представители мечтательной стадии даосизма – это Чжуан-цзы и Ле-цзы; оба они, как и следовало ожидать, крайне враждебно относились к практической школе конфуцианства. На этой стадии духу самоотречения, внушенному Лао-цзы, стали уделять меньше внимания. Даосы обратились к суетным человеческим мечтаниям и поверьям. В то время даосизм сочетался с небылицей, и духовные существа и сказочные истории стали занимать в его учении больше места, чем те доктрины, которые они первоначально были призваны иллюстрировать. Переход к авантюрной стадии был прост. О краях, где жила королева фей, или Западная царственная мать, даосы отлично знали из сочинений

своих философов. К ним дошли вести и о местонахождении Восточного царственного отца (Дун-ван-гуна) – оставалось лишь осуществить эти мечты.

Модному безумию поддались даже конфуцианцы, сопровождавшие великого героя того времени, Ши Хуанди (деспота, попытавшегося уничтожить священные книги), на вершины гор и в долины, где надеялись при помощи торжественных ритуалов войти в общение с бессмертными.

Когда конфуцианцам это не удалось, «даосы разработали более обещающий план, – они предлагали доплыть до Волшебной страны по морю. Была снаряжена экспедиция, в состав которой должны были войти несколько тысяч девушек и столько же юношей; в ее главе был поставлен даосский маг Сюй Фу. Предполагалось, что такое большое количество девственно чистых людей так очарует и обрадует бессмертных, что их обычная стеснительность будет преодолена и они охотно явятся, дабы предложить себя в союзники могущественному властелину Китая. Сюй Фу вернулся из экспедиции (конечно, если он вообще куда-то уплывал) и доложил, что он видел вдали Волшебную страну, но не смог доплыть к ее берегам из-за встречных ветров.

Однако от этого плана не отказались. Сюй Фу и другие на самом деле видели духов и разговаривали с ними. Кроме того, были известны люди, достигшие бессмертия благодаря тому, что питались определенными лекарственными растениями. Поэтому Цинь Ши Хуанди решился испытать все средства, чтобы добиться разговора с кем-нибудь из этих бессмертных и добыть себе чудесное снадобье любой ценой. Он путешествовал по стране, иногда инкогнито, а иногда – со всей подобающей его сану торжественностью, надеясь встретиться с духами. В Чифу и в других местах на побережье он обозревал океан, по всей видимости удивляясь, почему по волнам не плывет к нему на поклон Волшебная страна. Тысячи людей заставляли бросаться в море или в реки, чтобы привлечь духов. Но все было тщетным. В конце концов, через двенадцать лет жестокой тирании и бесплодных поисков духов и снадобья бессмертия, его убедили еще раз лично явиться в Чифу и поохотиться на акул, которые, как ему говорили, в действительности были некими злыми духами, которые, собственно, и не давали приблизиться к нему добрым духам. С немалым трудом большую рыбу загнали на расстояние выстрела от лука императора; многие его стрелы попали в цель, и она издохла. Но, не успев еще вернуться домой, он заболел и умер. Еще через два года, за которые сын превзошел отца в жестокости и сумасбродстве (но не в поиске духов), окончилось существование этой Вечной Династии...

Во время следующей династии (Хань) взялись за более обнадеживающие мероприятия, чем поиск Волшебной страны в Шаньдунском заливе. Но семьдесятю годами позже пятый император династии Хань продолжил дело Ши Хуанди и точно так же позволял водить себя за нос в течение пятидесяти лет. Он оказался более самоуверенным или же более снисходительным, чем Ши Хуанди, так как даже вверился грозной пучине и провел в плавании более десяти дней. Море было беспокойным, и он вернулся более печальным и более мудрым человеком. В последние два года своего царствования, в старости, он горько оплакивал свою потраченную впустую жизнь».

Когда прекратилось увлечение авантюрными поисками, даосизм обратился к алхимии, стремясь обратить неблагородные металлы в золото и серебро, а также открыть эликсир бессмертия. Мы узнаем о духовном лекарстве, еде из драгоценных камней и источниках нектара, а также о вещах попроще – о киновари, аурипигменте, сере, охре, о селезенке (одном из пяти внутренних органов), о пяти элементах, о «солнечном вороне» и «лунном зайце». Метафизическая система Лао-цзы, привлекавшая людей своей этической доктриной, и союз спекулятивного и практического породили всяческие суеверия. Чтобы обойти своих соперников, буддистов, которые могли считать Шакьямуни воплощенным божеством, даосские жрецы обожествили Лао-цзы, и два этих учения соревновались, выдумывая всяческих богов

для удовлетворения потребностей народа. Когда казалось, что общественное мнение свидетельствует о готовности к такому шагу, выдумывали нового бога, или обожествляли какого-нибудь героя, или персонифицировали какой-нибудь принцип, или, например, богатство, войну и долголетие.

Считается, что высочайшие слои небес – это место жительства даосской троицы, которую в канонических текстах называют «Шан-ди таинственного отсутствия» или «пустотного отсутствия». А центральный район небес считается приютом богов, чье происхождение я только что описал. Во главе божеств этого центрального региона стоят Юй-хуан и Бэй-ди, которые, в отличие от трех Шан-ди (верховных предков) таинственного отсутствия называются «Шан-ди таинственного наличия». Юй-хуану вверено управление миром, обитателей которого он наставляет и наказывает. Владыка севера Бэй-ди, в образе которого присутствуют как даосские, так и буддийские с конфуцианскими элементы, – очень популярное божество, и кое-какую информацию о нем вы найдете в главе о китайской мифологии.

Даосские жрецы весьма многочисленны. Кажется, кроме них, других убежденных приверженцев даосизма просто не существует. Их можно узнать по просторным ниспадающим одеждам и по особому способу завязывать длинные черные волосы. Они собирают и закрепляют их на макушке при помощи деревянного гребня, который своей формой поразительно напоминает черепашую спину. От них не требуется обязательного безбрачия, однако многие жрецы воздерживаются от вступления в брак и проводят дни в монастырском уединении. Самые известные даосские монастыри – это Сань-юань-гун и Ин-юань-гун-Гуань-инь-шань. Другие жрецы уходят в горы, особенно – в принадлежащие к горной цепи Лофушань, где ведут отшельническую жизнь, надеясь достигнуть положения духов по уходе из подлунного мира. В некоторых из этих монастырей я обнаружил жрецов, погруженных в изучение философских писаний Лао-цзы. Тем не менее, как правило, очень немногие из них способны понять эти тексты или эксплицировать философские постулаты, содержащиеся в них. Вместо этого они находят выход в обращении к астрологическим и алхимическим работам и заявляют, будто бы общаются с духами усопших. Им приписывают способность вызывать этих духов следующим образом: войдя в дом, где требуются его услуги, жрец спрашивает о дне, часе и годе рождения и смерти покойного, с которым он должен связаться. Затем он ставит на жертвенник миску сырого риса, две тонких свечи и одно сырое яйцо и кладет голову на жертвенник, в то время как наниматель размахивает над его головой горящей бумагой. Когда священнослужитель прокричит или провозгласит час, считается, что дух явился на его призыв. Иногда эти заклинания произносят даосские жрицы. Кроме идолов Лао-цзы, Чжуан-цзы и других богов даосы почитают солнце, луну и звезды, полагая, что они управляют людскими судьбами. Всеми возможными способами они потворствуют народным суевериям и, прокрадываясь в дома людей, «особенно пленяют глупых женщин». Китайцы глубоко верят в существование привидений, и даосские жрецы пожидают богатый урожай с этой веры, поскольку их часто приглашают изгонять этих привидений из домов. Обыкновенно они ставят в таком доме жертвенник, на который помещают приношения – рис и домашнюю птицу. После того как несколько раз вознесли мольбы духу, призывая его покинуть дом, они разбивают на кусочки квадратную черепицу, на которой написаны заклинания. По-видимому, народ не сомневается в действенности этой церемонии. Поскольку китайцы верят, что если болезнь не поддается лечению, то значит, что жизненно важные органы больного терзает злой дух, они часто отказываются от помощи врача и прибегают к экзорцистской силе даосских жрецов. Едва ли можно пройти по улицам китайского города вечером, не увидев этих жрецов за работой. В жилом доме ставят жертвенник, на который возлагают приношения: свинину, домашнюю птицу и рис. Трое жрецов встают вокруг жертвенника и возносят несколько молитв, обращенных к злобному духу, призывая его покинуть тело страдальца и удовлетворить свой неумный аппетит, отведав свинины, домашней птицы и риса, приго-

товленных на жертвеннике. Молитвы произносят нараспев и сопровождают нестройными звуками визгливой свирели, громким барабанным боем и бряцанием тарелок. Если дух не внимает им, прибегают к более эффективному средству – запугиванию. Жрецы угрожают отправить письмо адским божествам с просьбой вернуть духа к мукам ада. Если и это не помогает, они прибегают к глотанию огня и хождению по угольям как к последним средствам.

Читатель может подумать, будто на такие нелепые поступки способен лишь человек невежественный. Но, к сожалению, их позволяют себе также образованные и богатые. Как-то раз, проходя по улицам Кантона, я увидел в большом особняке, двери которого были распахнуты настежь, китайского господина и его сына на коленях перед жертвенником. Жертвенник окружали распевавшие молитвы даосские жрецы. Когда господину сообщили, что в приемной ждут иностранцы, он на минуту отвлекся от религиозной церемонии, чтобы выяснить, кто мы. Это был мой знакомый, очень богатый и влиятельный китайский купец; и он рассказал мне, что заказал молебен, чтобы изгнать злого духа из тела своего больного ребенка. Я был весьма удивлен, обнаружив, что человек, проявлявший в обычных житейских делах большую проницательность и ум, позволяет так себя дурачить.

Свидетелем таких же вопиющих по сумасбродству сцен можно стать не только в жилых домах, но и в даосских храмах. Когда я посещал один такой храм, отец принес сына к жившим там священнослужителям и заявил, что ребенок одержим дьяволом. Посоветовавшись с идолом, монахи сообщили, что в теле его сына не меньше пяти дьяволов, но они готовы изгнать их за определенную плату. Отец согласился. Тогда ребенка поставили перед жертвенником, а на землю у его ног положили пять яиц; даосы стали заклинать дьяволов уйти в эти яйца. Когда бесы, как предполагалось, оказались внутри яиц, главный жрец накрыл их глиняным сосудом; в ту же минуту громко протрубил рог. Когда сосуд убрали, оказалось, что яйца уже не на земле, а в сосуде. Это был ловкий трюк. Затем главный даос засучил рукава и ланцетом сделал надрез на мясистой части руки. Потекшей из раны крови дали смешаться с небольшим количеством воды в чаше. Затем храмовую печать, на которой было начертано имя идола, окунули в кровь и поставили оттиски на запястьях, шее, спине и на лбу у бедного языческого дитяти, страдавшего от приступа сильного озноба.

В некоторых языческих святилищах можно также видеть людей, которые, простершись перед идолами из дерева и камня, стремятся обрести знание об ожидающем их будущем. Предсказания, которые вымаливают таким образом, божество сообщает крайне примечательным способом. Преклонив колени перед идолом и выразив свое желание, верующий подходит к жрецу, стоящему в одном из приделов храма перед столом, покрытым песком. Жрец держит кончиками пальцев длинный карандаш. Карандаш движется по покрытому песком столу, рисуя разнообразные знаки, понятные только той даосской школе, к которой принадлежит жрец. Неподалеку от стола сидит другой священнослужитель, переводящий таинственные письмена на китайский язык. Осенью 1861 года я увидел, как один весьма уважаемый китайский дворянин, мой знакомый, входит в один из даосских храмов. На вопрос о цели его визита я получил такой ответ: он собирался отправиться в путешествие в одну из западных провинций империи и намеревался спросить идола, не случится ли с ним во время пути какого-нибудь несчастья. Я последовал за ним в храм и увидел, как он опустился на колени перед идолом. Помолившись довольно долго и при этом не произнеся ни единого внятного слова, он поднялся на ноги и попросил жреца, стоящего у такого же стола, что и описанный выше, сообщить ему, каков был ответ идола. Ответ гласил, что в затеянном им путешествии он не испытает никаких бедствий и не потерпит убытков. При этом жрец, на мой взгляд, явно не мог узнать о содержании просьбы этого господина из каких-либо его слов или поступков во время пребывания в храме.

Кандидаты в даосские жрецы должны потратить пять лет на обучение. Ко времени окончания учебы их посвящают в жрецы посредством простой церемонии. Она состоит из трехдневного поста, мытья тела в воде, ароматизированной листьями апельсинового дерева; затем следует посетить идола Тай-Шан-Лао-Цзюня или Лао-цзы с целью снискать благословение этого божества. Жрец получает официальное разрешение на выполнение обязанностей, соответствующих его сану, от мандаринов. В Кантоне их два, один живет в ямэне на улице Цай-янь-ли нового города и служит под началом префекта, а другой – в ямэне на улице под названием Чжун-хун-лань, тоже в новом городе, и служит под началом магистрата уезда Наньхай. За это разрешение вступающие в свой сан обязаны заплатить четыре доллара. Жрецами руководят аббаты, которые называются сы-сы; их очень много в каждой провинции. Аббаты, или настоятели, в свою очередь, подчинены главному настоятелю, живущему на широкую ногу в своей княжеской резиденции в горах Дракона и Тигра в провинции Цзянси. Власть этого прелата огромна, и ее признают все даосские жрецы в империи. Он, как тибетский лама, по-видимому, подчиняется только императору. По-моему, император принимает его раз в три года. Этот пост уже несколько столетий занимают только члены клана Чжан. Легковерные китайцы убеждены, будто по кончине главы аббатов его преемник избирается следующим образом. Всех мужчин клана вызывают в официальную резиденцию. Их имена гравировать на кусках свинца и кладут в большой глиняный сосуд, наполненный водой. Вокруг него выстроены жрецы, которые обращаются к трем лицам даосской троицы с просьбой сделать так, чтобы кусок свинца с именем человека, на которого пал выбор богов, всплыл на поверхность воды.

Даосская штаб-квартира в провинции Гуандун располагается в горах Лофушань, где находятся многочисленные мужские и женские монастыри и скиты, построенные с большим вкусом. Эти приюты уединения от жизненных тревог находятся среди разнообразных прелестных ландшафтов и возвышаются над самыми пленительными пейзажами. Грустно думать, что такие дивные виды так контрастируют с грубейшими суевериями, с той сетью лжи, которая служит для того, чтобы ловить неискушенные души. Монастыри, усеявшие эти холмы, должны быть прибежищем верующих, а не тех, кто, не ведая о триедином Господе, следует наставлениям основателя своей секты, смешанным со вздором позднейших преданий, и являет собой один из самых печальных в мире примеров слепых, ведомых слепым.

Вероятно, не будет неуместным сказать несколько слов о даосских женских монастырях. В отличие от буддийских монахинь (о которых я расскажу позже) даосские монахини не бреют голову, а завязывают волосы на макушке, как и жрецы. В Кантоне и его окрестностях находится много женских монастырей, причем в некоторых из них живет немного монахинь. В Цюлун-чжэне, неподалеку от уездного города Уси Сянь, я посетил прославленный даосский женский монастырь и был представлен нескольким его обительницам, причем некоторые оказались очень привлекательными. В отличие от буддийских монахинь они бинтуют ноги. Этот монастырь, по-видимому, некогда славился красотой своих обительниц; рассказывают, что, когда император Цяньлун останавливался вблизи него, путешествуя по северным и центральным частям своего царства, он влюбился в одну из монахинь и забрал ее к себе в гарем. Богатый дворянин из клана Гу, последовавший примеру императора, преуспел, как говорят, сделав самый счастливый выбор: его сын стал кандидатом на степень ханьлина в Пекине и занял на экзаменах первое место. Позже я слышал, что у этих *religieuses* дурная репутация; и, хотя я совсем не расположен прислушиваться к порочащим историям о монахинях, к какой бы вере они ни принадлежали, в данном случае я склонен поверить этому.

В 1871 году в Кантоне был временно закрыт даосский женский монастырь при необычных обстоятельствах. Несколько рабочих из округа Паньтан-ли в западном предместье, где находилась обитель, получили отказ, обратившись к монахиням с просьбой сделать пожертвования в фонд Драконьего праздника. Придя в бешенство, ремесленники обвинили житель-

ниц монастыря в глубоко безнравственном поведении и обратились к старейшинам уезда с просьбой разрешить закрыть обитель, заявив, что это просто притон. Их просьбу удовлетворили, и несколько человек, вооруженных палками и камнями, проломили двери монастыря и выгнали бедных женщин из их келий. Однако через несколько дней, уплатив обидчикам несколько серебряных монет, монахини получили разрешение вернуться в свое разоренное жилище.

Даосские монахини довольно часто подвергают себя суровым лишениям. Когда я посещал Пекин, то видел даоску, сидевшую в кирпичной башне, – она решила остаться там в уединении, пока не соберет достаточно денег, чтобы восстановить храм во внутреннем дворе, где она находилась в добровольном заточении. В башне было проделано маленькое отверстие, через которое она получала еду и видела всех, кто проходил мимо. Когда приближались прохожие, она привлекала их внимание при помощи длинной веревки, привязанной к языку колокола, который висел посередине ворот. Насколько я знаю, она просила подаяния на протяжении трех недель.

Буддизм

Перейдем к рассмотрению религии Будды, которая проникла из Индии в Китай в I столетии христианской эры. Уже в 250 году до н. э. буддийские миссионеры начали подвизаться в Китае, и во 2 году до Р. Х. несколько священных для них книг были представлены китайскому императору послом тохарских татар. Но об укоренении буддизма в империи можно говорить только после его официального признания и внедрения Мин-ди императором династии Хань. Китайская история сообщает, что в 61 году от Рождества нашего Господа этот император увидел во сне образ чужеземного бога, входящего в его дворец. Потрясенный видением и величием образа, Мин-ди посоветовался со своим младшим братом, известным покровителем даосов, и тот убедил его, что сон был сверхъестественным знаком принять религию Будды, поэтому в Индию отправили послов, которые вернулись с идолом этого бога и с несколькими буддийскими жрецами.

Даосы заимствовали из буддизма доктрину троичности ипостасей и многообразие ритуалов и церемоний. Они также всегда объединялись с буддистами против конфуцианства, потворствуя народным суевериям. Некоторые утверждают, что в Индию было отправлено пешее посольство в результате приписываемого Конфуцию пророческого высказывания о том, что самый святой мудрец будет найден на западе. Не может быть сомнений в том, что многие азиатские народы предчувствовали приход Мессии; но так и не было достоверно установлено, было ли этого предощущение у китайцев. Уже замечали, что нет ничего невероятного в предположении, согласно которому идол, приснившийся императору Мин-ди, был известной статуей Будды, – история говорит, что она была захвачена китайскими войсками в ходе операций в Средней Азии и привезена вместе с другими трофеями к китайскому двору в 121 году до Р. Х.

По прибытии к императорскому двору индийские жрецы были приняты очень благосклонно и получили поручение безотлагательно взяться за работу по распространению своей религии. Труды этих языческих миссионеров и тех, кто явился после них, были настолько успешны, что в недолгом времени буддийские храмы были воздвигнуты почти по всей империи.

Долгое время после того, как буддизм прочно укоренился в Китае, его распространение шло крайне неустойчиво. Некоторые императоры были склонны считать его иностранным новшеством. Подстрекаемые конфуцианцами, они несколько раз подвергали приверженцев буддизма суровым гонениям. К концу XIII столетия согласно переписи буддийских храмов и монастырей в Китае, предпринятой по императорскому приказу, насчитывалось первых 42

318, а последних – 213 148. По-видимому, это мощное суеверие знавало лучшие времена. В настоящее время буддийская религия явно не пользуется особой популярностью и кажется, что (особенно в некоторых частях империи) она ослабла под влиянием иконоборческих тенденций Тайпинского восстания.

Разные авторы высказывали всевозможные предположения в отношении основателя буддизма. Некоторые отождествляли Будду с Ноем, другие – с Моисеем. Немало исследователей утверждали, что это не кто иной, как тридцать пятый правитель Египта Сифоас. Индуисты считают его девятым воплощением Вишну. Согласно версии, которая ныне является общепринятой среди европейских ученых, Шакьямуни Гаутама Будда был религиозным реформатором, жившим во второй половине VII – первой половине VI века до н. э. Полагают, что он умер в 543 году до н. э., а родился в Капилавасту, на границе с Непалом, и, по преданию, происходил из царского рода. Согласно буддийской традиции горький опыт полигамии побудил принца Гаутаму отказаться от предназначенного ему будущего и искать в уединении пустыни и в суровой аскезе душевный мир, которого он не смог обрести дома. За этим скрывалось глубокое осознание горестей, которым подвержен человеческий род. Когда он размышлял о них, жизнь лишилась для него смысла и ценности. Он доказывал, что для избавления от горестей человек фактически должен избавиться от самого своего существования. Свой рай он помещал в нирване: согласно некоторым толкованиям, это означает «полное угасание души в момент смерти», согласно другим – более или менее бессознательное состояние. Для достижения нирваны или покоя необходимо не только изжить греховные склонности, – следует достичь и угасания жизненных желаний. Эти умозаключения черпали силу из доктрины метемпсихоза, или переселения душ, которой тогда придерживались все классы индийского общества. Отвергнув брахманизм и презрев учение о Вседержителе, Будда все же сохранил в модифицированной форме^{26} эту черту старинной религии; и что бы мы конкретно ни понимали под нирваной, это понятие подразумевает прекращение непрерывности беспокойного и горестного существования в жизнях, сменяющих друг друга. Он учил, что в этом греховном состоянии, называемом Тришной – жаждой или Упаданой – схватыванием, жизнь должна воспроизводиться на протяжении бесчисленных рождений, причем большая или меньшая мучительность каждой жизни в точности определяется кармой, или заслугами умершего существа.

«Эта доктрина странствия души по разным сферам природы, – замечает преподобный Э. Дж. Айтель во второй из своих «Трех лекций по буддизму», – могущественное оружие в руках красноречивого проповедника. Для нас, потомков западных народов, нет ничего столь уж пугающего в представлении о переселении душ. Для многих в нем может найтись и нечто привлекательное. Ведь для нас жизнь – величайшее благо, и мы ненавидим смерть. Поэтому многие пошли бы на тысячу смертей, чтобы прожить тысячу жизней, не беспокоясь особенно о том, какими будут эти жизни, – ведь жизнь драгоценна для нас сама по себе. Но совсем по-другому дело обстоит с детьми народов, живущих в жарком климате, с ленивым праздным индусом и вялым китайцем. Для него жизнь сама по себе не обладает никаким особенным очарованием. Он считает благословением смерть, если после нее он сможет отдохнуть».

Однако фундаментальный моральный принцип буддизма гласит, что для грешников покоя не будет. Тяжесть вины опускает грешника вниз по шкале существования, где высшая точка – горние небеса, а низшая – самый глубокий ад. Его осуждают на пытку в одной из адских сфер, а после того как он подвергся мучениям, выпускают, и только затем, чтобы он возродился в образе вьючного животного, или грязной дворняги, или нищего. Покуда душа, пробужденная к высшей жизни посредством постижения буддийского учения, не вступила на «благородный путь» и после бесчисленных рождений не была отлучена от привязанности к обусловленным временем и восприятием вещам, она не сможет достичь тихой гавани.

Как только Будда счел, что он разрешил проблему спасения, то стал странствующим проповедником и преуспевал повсюду, обращая людей в свою веру с помощью красноречия. Одним из главных источников его власти над народом было представление о том, что он был рахатом^{27} в течение мириад лет, до того как стать Буддой (то есть достиг высшей стадии совершенства, дававшей ему право на вход в нирвану), но по своей воле вверг себя обратно в поток жизни и переносил его невзгоды в течение бесчисленных рождений, чтобы стать избавителем человеческого рода. Проповедуя абсолютную тщету всех мирских благ, он учил своих последователей вести жизнь в добровольной бедности и безбрачии, настаивал, чтобы они строго придерживались вегетарианской диеты, сурово осуждал забой скота и вообще убийство всех живых существ. На этом основании Будда энергично выступал против войн.

Как и умозрительная система, созданная Лао-цзы, буддизм быстро превратился в идолопоклонство, в сени которого расцвели всевозможные суеверия; и центральный объект этого идолопоклонства – основатель религии. Будда, почитаемый китайцами, изображается в виде триединого божества, три лица которого известны в народе как Будда прошлого, Будда Настоящего и Будда Будущего. Будда Прошлого (сам Шакьямуни) обозначает состояние нирваны, в котором душа, рассматриваемая по отделении от тела как пылающая летучая частица, воссоединяется с сущностью небес и пребывает в трансе, который буддисты считают высшим блаженством. Однако китайцев учат, что в это состояние не может войти ни одна душа, которая прежде не испытала состояние Будды Настоящего. Эта ипостась буддийской троицы отвечает за наставления молящимся и помощь в их спасении. Но лишь те, кто достиг высшего состояния сознания, могут понять и оценить благородную мудрость второго лица буддийской троицы. Как только адепт полностью исполняет свой долг, он оказывается в состоянии Будды Прошлого, в котором душа, как полагают, воссоединяется с сущностью небес. Будду Будущего называют так, поскольку он – признанный преемник Будды Настоящего, чье место, как только он становится Буддой Прошлого, всегда заполняется бывшим Буддой Будущего. Будда Будущего – это, так сказать, одновременно слуга Будды Настоящего и грядущий мессия буддизма. Считается, что он полнее вникнет в нужды и потребности людей. Полагают, что он вожатый и защитник рода человеческого на пути к той степени мудрости и святого отречения от обусловленных временем и восприятием вещей, которая необходима для того, чтобы получить возможность перейти в нирвану.

Поскольку Будда Будущего таким образом оказывается связующим звеном между греховным человеком и Буддой Настоящего, к нему, как правило, обращаются чаще, чем к последнему. Однако тропа, ведущая к высшей святости и блаженству Будды Прошлого, нелегка, и только наделенные исключительной мудростью и способностью к самоотречению могут надеяться на успех. Большинство адептов стремятся посредством куда менее строгого почитания Амитабхи обрести рай в «чистой стране западных небес». Это нирвана обычных людей. Но в этой стране радостей они не обретают вечного счастья; они счастливо живут там в течение веков, тысячелетий и миллионов лет.

Некоторые адепты, более ревностные или уверенные в своих силах, удаляются в горы и пустыни, чтобы обрести святость, которая помогла бы им раствориться в Будде Прошлого. В холмах Ляньхуа-Шань неподалеку от Хумэньских фортов я нашел жреца, который с этой целью поселился в пещере. Оказалось, что он думал, что ему, по всей вероятности, придется пройти через различные существования, прежде чем он достигнет цели, к которой стремится. Конечно, мне стало грустно, что целью усердия этого обманутого сатаной адепта не был Бог, который во время своей земной жизни, явленный во плоти, обратился ко всем кающимся грешным душам со словами: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мат., 11: 28). Другие адепты запираются в монастырских кельях и годами отказываются общаться со своими собратьями. За это время волосы и ногти у них отрастают до чудовищной длины. В 1865 году я видел жреца, который в своей келье в течение года ни

разу не ложился. Он томился в ней скорее как дикий зверь, чем как человек, и ему подавали еду через люк. Многие адепты буддизма стремятся смирять плоть при помощи мучительных испытаний, которым подвергают свое тело. Я помню, как встретил группу жрецов, один из которых, засучив рукав куртки и открыв руку, лишенную кисти, просил подаяния; он уверил меня, что он медленно сжигал свою руку, пока не осталась культя, во-первых, в искупление своих грехов и, во-вторых, для того, чтобы свершить подвиг, который мог способствовать его переходу когда-нибудь в будущем в состояние Будды Прошлого. В Пекине, посещая буддийский монастырь, я видел жреца, который на несколько суток затворился в большом паланкине, сплошь утыканном острыми длинными гвоздями. Гвозди совершенно не давали ему двигаться. Он сообщил мне и другим людям, стоявшим вокруг его искупительного ложа, что от его страданий гвозди получали небесную добродетель и что он собирался продавать их за несколько монет в качестве талисманов. Он заверил нас, что собирается оставаться в паланкине, пока не продаст каждый гвоздь. В Тяньцзине я видел жреца, который пропустил сквозь щеки острое веретено, к концу которого была прикреплена цепь. Какие-то маленькие мальчишки поддерживали ее, чтобы облегчить вес. Конечно, предполагалось, что они совершают весьма добродетельный поступок. Иногда адепты совершают покаянные паломничества к отдаленным святыням, проходя пешком сотни миль. Замечательно, что буддисты подвергают себя таким самоистязаниям, хотя Будда как-то раз прочел самую впечатляющую проповедь, направленную против подобных безрассудств. Кажется, тем не менее, что они лишь следуют свойственному людям влечению наделять вымышленных богов жестокостью.

Языческие религии в большой степени состоят из так называемых протестных ритуалов. В членовредительстве, практикуемом буддистами, чувствуется то же стремление, что побуждало жрецов Ваала резать себя ножами.

«В согласии с выводом, который следует из всего этого, – говорит доктор Доран, рассуждая на данную тему, – мы обнаруживаем, что Тацит заявляет (*Historiarum*, 1, 4): «*Non esse curae Deis securitatem nostram, esse ultionem*»^{28}. Действительно, древние язычники нередко верили, что боги ревнуют к человеческому счастью».

Многие из этих адептов вступают в орден нищенствующих монахов и побираются от дома к дому, стремясь тем самым искупить грехи и избавиться от их последствий. Немало членов ордена странствует по обширным территориям страны, чтобы собирать пожертвования на реставрацию обветшалых монастырей. Эта нищенствующая братия останавливается на ночлег в монастырях; в отсутствие этих пристанищ они ищут ночлега в чужих домах, никогда не забывая внушить хозяевам, что прием странствующего монаха – добрый поступок и в другой жизни им за это воздастся. Нищенствующие монахи обыкновенно путешествуют компаниями по трое; при этом двое бьют в маленькие гонги, оповещая о своем приближении, а третий несет на подставке небольшой идол Будды, чтобы побудить встречных жертвовать на нужды восстановления монастырей. На шумных улицах Кантона я как-то раз видел китайского сапожника, который вытаскивал из своей лавки трех таких незваных гостей, обратившихся к нему за подаянием. Монахи явно решили, что этот последователь святого Криспина – безбожник, которого в следующей жизни ожидают самые суровые наказания.

На севере Китая монахи путешествуют по стране не компаниями, а в одиночку. Они ведут себя крайне ханжески. В некоторых случаях монах останавливается для молитвы каждые пятьдесят шагов. Некоторые из них никогда не поднимают глаз от земли. В Чжили можно видеть, как они стоят вдоль больших дорог на небольшом расстоянии друг от друга; у каждого есть гонг, в который он звонит при приближении путника. Они побуждают давать им милостыню, обещая молиться за жертвователя. Когда я проходил мимо них, они неизменно обещали, что, если я дам им милостыню, они станут молиться о дожде – тогда в Чжили как раз была засуха.

Подавляющее большинство монахов живет в монастырях, в каждом из которых находятся колоссальные изображения буддийской троицы, перед которыми молятся монахи утром и вечером. Как и языческие молитвы во времени нашего Господа, это лишь праздное «многословие»^{29}. Действительно, язык, на котором написаны тексты церковных служб, названный в честь места, где родился Будда, непонятен не только простым китайцам, но и самим жрецам. Пение молитв иногда сопровождается музыкой флейт или дудочек и китайского кларнета. Все буддийские храмы, а также монастыри имеют при себе учебные заведения, и обычно некоторые молодые послушники под руководством старших монахов занимаются там изучением священных текстов своей религии. По окончании курса обучения молодых людей представляют для посвящения в монахи. Во время этой церемонии они обязаны читать молитвы. Они также должны дать определенные обеты – обычно их девять. В монастырях провинции Цзянси монахи, как правило, дают двенадцать обетов, а в монастырях в Сучжоу и Ханчжоу есть монахи, давшие сто восемь обетов. Чтобы они всегда в полной мере помнили о данных ими обетах, как правило, к руке прикасаются раскаленным докрасна острым железным прутом столько раз, сколько было принесено обетов. У некоторых монахов эти знаки запечатлевают на лбу. Обычай ставить отметины на лбу больше распространен в провинции Цзянси, чем далее к югу.

При посвящении монахи приносят следующие девять обетов: не убивать, не красть, не прелюбодействовать; не злословить, не браниться, не лгать; не предаваться зависти, ненависти и безрассудству. Когда монах принимает двенадцать обетов, в дополнение к вышеперечисленным он обещает не давать воли гневу, не поддаваться святотатственным мыслям, не слушать нечестивых разговоров. Хотя многие из них с детства воспитываются в монастырях, людям пожилого возраста, которые желают спастись от мирских забот, тоже нередко позволяют принимать монашеский сан. Поскольку все буддийские монахи дают обет безбрачия, им приходится развестись, если они женаты. Если же монашеская жизнь покажется им утомительной, они вольны сложить монашеский сан и отказаться от всех связанных с ним обязательств.

Монахи редко доживают до глубокой старости. По-моему, это в большей степени объясняется тем, что все они курят опиум. Кроме того, праздная жизнь, вероятно, тоже приводит к сокращению их дней, поскольку ничто не благоприятствует долголетию в такой степени, как приятные занятия и энергичные тренировки на свежем воздухе. Однако у каждого правила есть исключения, и иногда в буддийских монастырях мне встречались очень старые люди. Самый почтенный из всех встреченных мной бонз проживал в монастыре неподалеку от Гу-бэй-коу. Ему было восемьдесят пять лет, и восемьдесят из них он провел там, придя в него пятилетним в качестве послушника.

Каждым монастырем руководит настоятель, который занимает эту должность в течение трех лет. Старшие монахи собираются на совет за день до выборов и называют две кандидатуры. На следующий день старшие монахи голосованием выбирают одного из них. Затем назначают день для посвящения избранного в настоятели. Его празднуют не только монахи, но и уважаемые люди уезда. В 1861 году я посетил посвящение в настоятели в известном храме в Хэнане, и, поскольку церемония была назначена на половину второго ночи, в храм было необходимо прийти до того, как закроются ворота накануне вечером. Явившись в храм, я осведомился, разрешат ли мне провести там ночь. Монахи – все мои хорошие знакомые – сердечно приняли меня и сразу проводили к помещению, где находился настоятель. Тот велел отвести для меня особую комнату. Через некоторое время я вернулся в приемную нового настоятеля, где он ужинал с несколькими избранными друзьями. Меня пригласили к трапезе. Угощение состояло из жареной свинины, вареной курицы, рыбы, риса и овощей. Поскольку монахи, по учению Будды, должны питаться лишь растительной пищей, я пришел к выводу, что настоятель виновен в нарушении монастырского устава и в

прямом оскорблении религии, установлениям которой он был обязан следовать. Когда ужин окончился, настоятель вместе со своим двоюродным братом, бывшим в числе гостей, улегся на кушетку для курения опиума, находившуюся в том же помещении, и выкурил четыре или пять трубок этого отвратительного снадобья. Каждый раз трубку набивал и подносил настоятелю его двоюродный брат. Затем настоятель и большинство гостей, поскольку было уже десять часов, разошлись по своим комнатам. После недолгого разговора с двоюродным братом настоятеля, сообщившего мне, что ему принадлежат пассажирские лодки, курсирующие между Гонконгом и Макао, я также ушел к себе. О сне не могло быть и речи, поскольку послушники, в качестве сторожей патрулировавшие ночью монастырские дворы, не давали мне сомкнуть глаз – они переходили из двора во двор и заунывно однообразно читали молитвы, прося Будду даровать сладкий отдых святым отцам. В два часа ночи меня позвали, чтобы я мог присутствовать на церемонии посвящения. Войдя в приемную настоятеля, я обнаружил, что в ней теснились монахи в полном облачении. Когда настоятель и монахи обменялись дружескими приветствиями и выражениями взаимной привязанности, составила процессия, которая должна была сопровождать его к главному святилищу монастыря, где содержались огромные идола трех Будд. Во главе процессии шли несколько музыкантов в пурпурных одеяниях с золотой отделкой и несли кларнеты, флейты, гонги и тарелки. Поскольку утро было очень пасмурным, монастырские коридоры, по которым должна была пройти процессия, были освещены несколькими китайскими фонарями с тонкими узорами. Непосредственно за музыкантами шли два монаха, один из которых нес маленький поднос, полный душистых цветов, а другой – сборник буддийских литургических текстов. За ними следом шел настоятель в лиловом облачении. Далее следовали два монаха, один из которых нес жезл настоятеля, а второй – его посох. Затем по двое шли монахи, числом более сотни. Когда настоятель подошел к идолам, он нараспев прочел посвятельную молитву из литургического сборника, положенного на жертвенник тем монахом, что нес его. По окончании молитвы настоятель совершил коутоу перед тремя Буддами под треск фейерверков и нестройные звуки барабанов и тарелок. Затем его проводили к многочисленным святилищам, находившимся в пределах данного монастыря, и перед каждым из них была совершена сходная церемония – различия были только в читавшихся молитвах. После того как процессия посетила все святилища, она вернулась в том же порядке в тронный зал, где настоятель распростерся у ног идола настоятеля, который несколько столетий назад основал этот монастырь. Поднявшись на ноги, он прошел к трону, установленному на высоком помосте. Несколько раз преклонив колени, он взойшел на помост. В этот момент из толпы, стоявшей вокруг в торжественном молчании, вышел монах и совершил перед троном коутоу. Приняв этот знак внимания, настоятель занял свое место, а прислужники закинули полы его одеяния за низкую спинку кресла. После того как он сделал некоторые заявления относительно имущества и обязался усердно исполнять новые обязанности, ему передали хлыст из конского волоса, которым он изящным движением обмахнулся. Это действие символизировало желание удалить от себя всякую скверну. Затем настоятеля снабдили жезлом и посохом, стоявшими по обе стороны трона на специальных подставках. Потом он поднялся с трона и встал перед ним, а все присутствовавшие монахи совершили перед ним коутоу. Возвратившись в приемную, он получил от монахов поздравления. Последним представился молодой монах, которому настоятель прочел нравоучение, и юноша в знак благодарности и почтения пал ниц к его ногам.

Когда монахи удалились в свои кельи, настоятель с прислужниками, несшими фонари, поспешил также засвидетельствовать каждому свое почтение – и эта церемония кончилась, лишь когда солнце продвинулось довольно далеко на своем ежедневном пути.

В десять часов храм был переполнен монахами из разных монастырей Кантона и его окрестностей. Они были приняты и представлены вновь избранному церемониймейстером.

Когда они попытались совершить коутоу, настоятель их прервал, стремясь запечатлеть в сознании каждого свое желание обойтись без излишних церемоний. Однако нескольким мандаринам, явившимся в придворных платьях, было позволено совершить коутоу. Мне не могло не прийти в голову, что этой идолопоклоннической религии присуще жреческое высокомерие. В полдень в монастырской трапезной был дан обед, на котором присутствовало свыше двухсот монахов. Настоятель торжественно восседал за столом, расположенным на возвышении. Вокруг него стояли двенадцать монахов и прислуживали настоятелю. Оркестры провожали его к пиршественному залу, процессия вызвала всеобщий интерес, и монастырские дворы были переполнены.

Обязанности настоятеля состоят в основном в получении и трате монастырских доходов, которые идут от пожертвований земель и домов; в присмотре за должным отправлением храмовых служб; в заботе о нравственности подчиненных ему монахов и в изложении буддийского учения в присутствии собравшейся братии. В наши дни последняя обязанность если не полностью забыта, то по большей части находится в небрежении, поскольку настоятели различных монастырей, кажется, считают, что полностью разделились со своей функцией публичных проповедников, прочитав вслух в присутствии монахов Книгу Устава, – эту церемонию принято проводить в первый и пятнадцатый день каждого месяца.

Монахами становятся люди из всех слоев общества и подавляющее большинство – из низших сословий. Действительно, очень мало кому из представителей обеспеченных классов вообще приходит в голову отказаться от домашнего уюта для мрачности и уединения буддийского монастыря. Бедные родители нередко стремятся отдать болезненных детей в монастырь, чтобы там их воспитали для священства и они могли бы без усилий получать кров и пищу. Тем не менее существует закон, запрещающий становиться монахами всем мужчинам семьи. Если в семье только два сына, стать монахом разрешается лишь младшему.

Хотя в Китае распространено образование, на молодых кандидатов в буддийские священнослужители не тратят больших трудов. Это объясняет невысокое умственное развитие монашества в целом. Большинству прискорбным образом не хватает ревности при выполнении религиозных обрядов. Несомненно, это одна из главных причин того, что буддизм лишился власти над умами, которой он обладал в Средние века, когда энтузиазм императоров и народная любовь соединились, сделав его основной религией всей страны. К этой причине очевидного упадка буддизма в Китае можно добавить еще более насущную, а именно то, что священнослужители в целом – вовсе не образцовое сословие. Среди людей, исповедующих любую религию, есть, конечно, и хорошие, и дурные, однако в христианских странах священнослужитель, нарушающий свой долг, – исключение из общего правила. В языческом Китае, и сейчас я говорю не только о буддизме, большинство монахов печально известны своими нарушениями монастырского устава и крайним пренебрежением к исповедуемым ими нормам и морали, связывающей их. Почти в каждой келье есть кушетка для курения опиума, на которой можно видеть ее обладателя в монашеском одеянии, распростершегося во весь рост и наслаждающегося этим ядовитым снадобьем. Бывший настоятель храма в кантонском предместье Хэнань (Хэнам) по имени Ци Кан горько жаловался мне на испорченность современных монахов и приписывал ее системе, позволяющей становиться священнослужителями в зрелые годы и, как часто бывает, для того, чтобы спастись от грозящего им правосудия, – иногда буддийские храмы оказываются убежищем для правонарушителей. Настоятель добавил, что самыми лучшими бывают монахи, воспитанные в монастырях с детства; хотя и они, сказал он со вздохом, в некоторых случаях, к несчастью, следуют примеру людей, ставших священнослужителями в зрелом возрасте. В монастыре, которым он формально руководил, я однажды видел человека, вступившего в орден, рассчитывая спастись от правосудия. Он принял сторону повстанцев, наводнивших Гуандун в 1854-м и 1855 годах, и подлежал высшей мере наказания. Поскольку у него была кое-какая собственность,

его приняли в монастырь без затруднений, причем все средства отошли монастырю. В таких обстоятельствах монахи всегда готовы поручиться за будущее добропорядочное поведение своего нового собрата. В монастыре неподалеку от областного города Чжаоцин я обнаружил монаха, который ранее был не только мятежником, но и собственником нескольких домов, где находилось не менее двухсот женщин. В одном из монастырей в горах Белых Облаков мне довелось видеть монаха, который принес обеты, чтобы спастись от наказания за убийство человека в пьяной ссоре. В Кантоне в 1864 году некоего буддийского монаха с его наложницей прогнали по улицам города, избивая плетями. В 1869 году в том же городе на шумело дело монаха с гор Белых Облаков, которого связали по рукам и ногам в доме терпимости, отобрав одежду и деньги. В 1861 году совершил жестокое убийство молодой монах, подвизавшийся в маленьком кантонском храме Хуэйфу-сы, которого воспитывали с раннего детства в соседнем монастыре, готовя к принятию сана. В храм явился сборщик податей за налогом с принадлежащих монастырю рисовых полей. Поскольку он прошел длинный путь и очень устал в дороге, ему пришлось провести ночь в храме. Молодой монах был завзятым игроком; обнаружив, что сборщик податей имел при себе большую сумму денег, он решился во что бы то ни было завладеть ею. И вот глухой ночью монах пробрался в помещение, где лежал сборщик податей, и вонзил ему нож в сердце. Обшарив карманы жертвы, он разрезал мертвое тело на куски, чтобы легче было перенести его в укромное место, и поместил останки в ящик. Той и следующей ночью монах и его слуга, который за долю краденого согласился стать *particeps criminis*^{30}, отнесли ящик к берегам Жемчужной реки и сбросили в воду. В конечном счете слуга выдал своего хозяина, которого вскоре арестовали. Я часто посещал этого несчастного монаха. Вместе с несколькими другими узниками он был заключен в большом тюремном помещении; там не было нар, и ему приходилось спать на сырой земле. Вскоре у него внезапно начался небольшой тифозный жар, что спасло его от позорной смерти.

Конечно, очень редко случается так, что буддийские монахи совершают подобные преступления. Однако факт есть факт: многие из них находятся на той опасной границе беззаботной и безнравственной жизни, с которой человек легко падает в пучину преступлений.

Одна из обязанностей настоятеля – контроль над нравственностью монахов; в каждом монастыре существует трибунал, перед которым иногда предстают монахи за нарушения устава: за пьянство, грубую ругань, блуд, воровство и т. п. Наказание – порка, которую добровольно и истово обрушивает на обнаженную спину нарушителя один из послушников. Священнослужителя, подвергшегося такому наказанию, в дальнейшем понижают в чине, заставляя просить подавание от храма к храму. В городе Кантоне монахи, представшие перед судом настоятеля и выпоротые за любое из этих нарушений устава, должны проводить тридцать дней каждого календарного месяца в году следующим образом: пять дней в монастыре Хэнань; пять в монастыре Цветущего леса, пять – в монастыре Великого Будды, пять – в храме Долголетия и еще пять – в монастыре Спящего Будды. Этим разжалованным монахам отводят наихудшие комнаты в храме; им выдают мало риса, к тому же худшего сорта. Рука, выдающая им все необходимое для жизни, так скупа, что нередко муки голода побуждают провинившихся пересекать улицы с сумками на спинах и ходить из дома в дом, прося подавание. Я помню, как встретил юного монаха, которого в монастыре Хэнань побили палками по пяткам и понизили в чине за то, что он украл некоторые предметы одеяния своего собрата. Я знал его несколько лет. Когда увидел его впервые, ему было не больше десяти. Как бы то ни было, когда он стал совершеннолетним, обнаружилось, что он предается курению опиума и азартным играм, а чтобы достать на это деньги, вынужден воровать. Его наставник, неистовый курильщик опиума, воспитал своего ученика в пороке и как-то раз попросил меня сделать молодому человеку выговор, притворяясь, что все еще принимает в нем участие, и был одновременно удивлен и раздосадован, когда я сообщил ему, что, по моему мнению,

безнравственность, которой он так хотел воспрепятствовать, впервые зародилась в юноше именно тогда, когда он находился на попечении своего наставника.

Я мог бы сослаться на многие другие примеры развращенности буддийского духовенства, привлечшие мое внимание во время долгого пребывания в Китае, но и приведенных достаточно, чтобы показать, что мое мнение о невысокой нравственности буддийских монахов не преувеличено. Как кажется, они обычно не доживают до преклонных лет, а те из них, кто достиг пятидесяти, производят впечатление людей совсем немощных и дряхлых.

Тела умерших буддийских монахов принято сжигать, и церемония кремации неизменно проводится через двенадцать часов после смерти. Одним мартовским днем 1856 года я оказался свидетелем кремации в монастыре Хэнань. Когда я вошел во внутренние ворота, мое внимание было привлечено к помещению, в дверях которого толпилось порядочно монахов во власяницах, с белыми повязками на голове. Приблизившись к ним, я узнал, что монахи готовились сопровождать бранные останки усопшего собрата к погребальному костру.

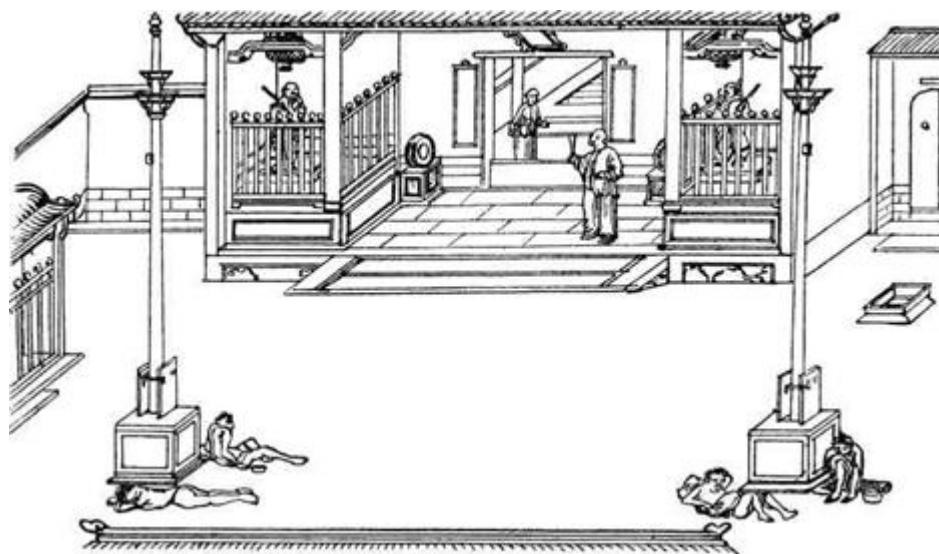
Тело умершего в рясе, с молитвенно сложенными руками, было помещено в бамбуковое кресло в сидячей позе, к погребальному костру его несло белое духовенство. На церемонии присутствовали все монахи; построившись попарно, они шествовали за останками усопшего брата. По мере продвижения длинной процессии стены монастыря оглашались пением молитв и бряцанием тарелок. Когда носильщики подошли к погребальному костру, они поставили на него кресло с телом усопшего, и затем старший монах поджег хвост. Когда оно было охвачено пламенем, плакальщики распростерлись на земле, выражая почтение к праху того, с кем ранее вместе возносили молитвы и хвалы. Когда костер догорел, служители собрали обуглившиеся кости и поместили их в погребальную урну, которую затем поставили в маленьком святилище на территории монастыря. Погребальные урны остаются в этом святилище до девятого дня девятого месяца, затем прах высыпают в мешки из красной материи, которые зашивают и сбрасывают в большой склеп – нечто вроде монастырского мавзолея. Эти выстроенные из гранита сооружения китайцы называют гу-тан-та; они весьма обширны. Мавзолей при монастыре Хэнань – замечательный памятник архитектуры. Он разделен на два отсека: один для праха монахов, другой – для монахинь. Красные мешки с их содержимым вверяют этим хранилищам, проталкивая через небольшие отверстия, величина которых едва позволяет сделать это.

В монастыре под названием Хуалинь-сы, или Цветущий лес, останки монахов сжигают в специально отведенном для этого храме. Он находится на некотором расстоянии за северо-восточными воротами Кантона, и тела мертвых монахов приносят туда в больших закрытых со всех сторон паланкинах. Прах монахов из этого монастыря относят в мавзолей, расположенный в красивой местности на берегах небольшой речушки под названием Цинси, текущей у подножия гор Белых Облаков. Однако останки монахов не всегда кремируют – иногда их хоронят. В июне 1871 года останки Хан Суня, одного из самых почтенных монахов монастыря Хэнань, отнесли для захоронения на кладбище в Тай-цзинь-чжун. Корреспондент газеты, сообщивший о церемонии, описывал ее так:

«Перед перевозкой тела около 200 бонз собрались, чтобы принять участие в последних ритуалах. Многие монахи построились вокруг временного жертвенника, воздвигнутого в зале, где торжественно возлежал умерший, и читали службу за упокой души усопшего собрата. По завершении этой церемонии пожилой монах в фиолетовом одеянии выступил вперед и поднес вывешенному над временным жертвенником изображению усопшего знаки отличия, подобающие высокому сану, который, как оказалось, некогда имел умерший. Затем распорядитель церемонии велел убрать тело, и ему сразу повиновались. Тут монахи построились в длинные ряды по обеим сторонам дороги, ведущей к монастырю, и, когда мимо них пронесли гроб, последовали за ним по двое в ряд к месту его последнего упокоения. У внешних ворот монастыря были поставлены два монаха, чья обязанность состояла в раз-

даче каждому уважаемому человеку из присутствовавших по мелкой серебряной монете. Каждый такой подарок был завернут в белый бумажный конвертик с китайской надписью – «счастливые деньги». Множество мужчин из города и окрестностей, дружившие с покойным, приняли участие в этой унылой процессии. Все они, как и все монахи, по этому случаю опоясались белыми кушаками».

Своей архитектурой и внутренним убранством все большие монастыри точь-в-точь похожи один на другой. Когда посетитель входит в ворота, его внимание привлекают две большие фигуры. Они называются Чжун Цзи и Ма Сы; считается, что ворота вверены их попечению. Под вторыми воротами по двое расположены четыре фигуры того же размера, по имени Моли Хун, Моли Шоу, Моли Хай и Моли Цин.



Буддийский храм

Их описывают как покровителей севера, юга, востока и запада Китая и считают ревностными исполнителями воли Будды. За вторыми воротами находится главный зал храма, в котором расположены три идола, известные как Будды Прошлого, Настоящего и Будущего. Позади этого зала находятся два других, в одном из которых зранят дагобу^{31} (под ней помещены мощи Будды), а в другом – идол богини милосердия. Есть также святилища Гуань-ди, Вишну и других менее известных богов. В одном из них стоит идол первого настоятеля монастыря. Перед ним помещена доска, на которой записаны имена всех усопших настоятелей. По сторонам больших внутренних дворов, в которых воздвигают главные залы храма, находятся ряды монашеских келий, зал для посетителей, трапезная и иногда типография, в которой печатаются монастырские службы, новые работы по догматам Будды и бесплатные брошюры для раздачи. Зал для посетителей состоит из двух палат, между которыми находится внутренний двор. Входя в этот зал, посетитель проходит в так называемую нижнюю палату, где остается до тех пор, покуда монах, в чьи обязанности входит прием гостей, не пригласит его в более почетное помещение. Трапезные очень велики, и монахи, считающиеся гостями, устраиваются за столом лицом к настоятелю – официальному хозяину. Столы расставлены вдоль всех стен зала, и за каждым сидит лишь один ряд монахов. Их лица, конечно, обращены к середине зала, в то время как настоятель сидит на почетном месте на возвышении, расположенном в конце зала между рядами. В стране, где люди так привержены формальностям и церемониям, соблюдение этого обычая рассматривается как верх учтивости. Монахов созывают к завтраку и к обеду при помощи гонга; в это время они обязаны являться в трапезную, надев рясу. После того как они собрались и уселись на места, приходит церемониймейстер. По его знаку все они встают и, сложив руки, повторяют молитву. Затем порцию

благословленной таким образом еды помещают на подставку у дверей трапезной как приношение птицам небесным. Этот обряд высоко ценит большая стая воробьев, с вежливым постоянством слетающаяся сюда в часы завтрака и обеда. В трапезной подают только вегетарианскую еду. Несмотря на то что такая пища предусматривается монашеским уставом, братии она не по вкусу, и поэтому те из них, кто обеспечен достаточно большим доходом, вшестером – ввосемьмером устраивают особые обеды, где могут от души насладиться жареной свининой, вареной птицей и соленой рыбой, а иногда и запить все это крепким спиртным напитком.

Во время обеда в трапезной монахам полагается хранить полное молчание, хотя нет чтеца, который, подобно тому, как это бывает во многих христианских монастырях, занимал бы их внимание. Однако стены трапезной покрыты досками, на которых очень четкими иероглифами приведены цитаты из нравоучительных сочинений различных авторов, предостерегающие монахов от слишком торопливой еды и подчеркивающие важность правил поведения в трапезной. На других досках записаны правила монастырского устава и монашеские обеты.

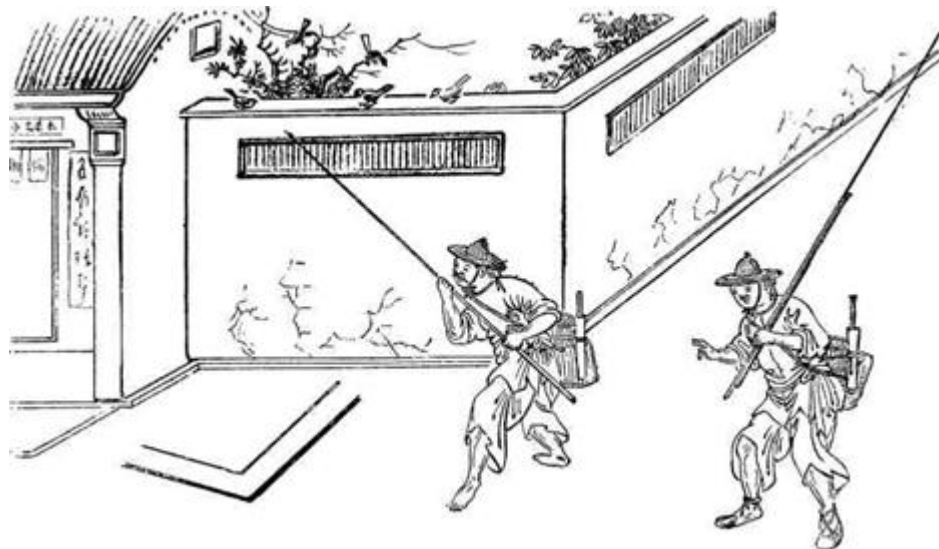
В некоторых храмах идовол особенно много. В Янчжоу я видел такой, в котором, как говорят, их не менее десяти тысяч. Идолы – они совсем крохотные – находятся в одном большом зале; они расставлены причудливо, но аккуратно, что создает весьма своеобразное зрелище. В центре зала стоит деревянная беседка, украшенная искуснейшей резьбой, под сенью которой находится большой идол Будды. Внутри и снаружи беседка буквально усеяна маленькими идолами, которые, по-моему, представляют собой разные изображения все того же божества. На каждой из четырех стен зала находятся маленькие скобы, поддерживающие идовол Будды; и их еще больше на балках и столбах сводчатой крыши. Два идола – это изображения спящего Будды в полный рост. В Пекине и Кантоне есть в точности такие же залы. Зал десяти тысяч идовол в Кантоне, как и монастырь, часть которого он составляет, в самом плачевном состоянии, и большинство идовол, украшавших когда-то его стены, пропало.

Как правило, идовол^{32} делают из дерева, но часто используют и глину. В области Чжаоцин, где много мраморных каменоломен, их часто изготавливают из этого материала. В Бэньню-чжэне, рыночном городе на берегах Великого канала, в разрушенном монастыре я видел трех больших железных идовол, изображавших Будд Прошлого, Настоящего и Будущего. Кроме того, в некоторых храмах я видел каменных, керамических и фарфоровых идовол. Три больших идола в кантонском монастыре Дафо, как говорят, сделаны из меди, как и многие маленькие изображения Будды. Будду изображают в самых разных позах, некоторые из статуй улыбающиеся, а у других скорбное выражение лица.

Что касается верующих мирян, буддийские храмы чаще посещают женщины, чем мужчины, стремясь обрести богатство, потомство, долголетие или литературную известность. Чтобы убедить божество даровать просимое, верующий отправляется в пагоду в большом храмовом зале; там в присутствии многочисленных изображений Будды он излагает свое желание и приносит обет поддерживать жизнь какого-нибудь живого существа – такой обет Будда принимает самым благосклонным образом. Затем животное, очень часто курицу, показывают перед пагодой и торжественно посвящают божеству, после чего его вверяют особой заботе и благословениям монахов, причем обильное пропитание ему обеспечивают заранее. В монастыре Хэнань в Кантоне есть большой свинарник, где содержится десять-двенадцать весьма упитанных свиней, корм для которых добыли именно таким образом. Всех священных свиней, которых мне доводилось видеть, намного превосходила своими размерами свинья в монастыре Баодун неподалеку от Учана. Она была совершенно черной. В 1855 году ее подарил храму некий богатый китайский купец.

Кроме заполненного скотом хлева, там есть и птичий двор, где теснятся куры, утки и гуси, имеется загон с несколькими овцами и козами. В некоторых храмах можно обнаружить

по несколько голов рогатого скота, помещенных туда беспокойными просителями. В одном монастыре недалеко от Ху-ши-у, провинция Чжили, я видел несколько священных лошадей и мулов; и из всех видов семейства Equidae, виденных мной в Китае, они были самыми ухоженными. За всеми животными, подобным образом посвященными Будде, как правило, заботливо ухаживают монахи; а когда они умирают, останки бережно предают земле.



Птицеловы

На землях, принадлежащих храмам, находятся пруды, куда в качестве приношения по обету бросают всевозможную рыбу, спасенную почитателями Будды из корыт, в которых ее выставляют на продажу в своих ларьках рыботорговцы. На берегах таких прудов обыкновенно стоит каменная колонна, на которой крупными иероглифами начертано: «Сохраняем жизнь». В храме кантонского предместья Хэнань я однажды видел человека, принесшего Будде десять или двенадцать больших карпов, которые резвились в поставленном перед алтарем ушат с водой. В конце концов их выпустили в пруд.

В храме при монастыре Цветущего леса, или храме Пяти Гениев, как его нередко называют, позади приемной расположен пруд, вода в котором кишит черепахами – их выпускают туда верующие миряне, купившие этих животных, чтобы спасти от участи попасть на стол к гурману. Этот поступок считается достойным самой высокой похвалы. Полагают, что он обеспечивает получение мирских благ от милосердного Будды.

Еще один способ снискать благосклонность божества – выпустить на свободу нескольких воробьев или голубей. В храме, о котором я только что упомянул, однажды я видел женщину, которая перед находящейся там прекрасной пагодой приносила обет сохранить жизнь нескольким десяткам воробьев. Когда она дала свой обет, служка вынес клетку с птицами в соседний коридор, там женщина выпустила их на свободу, отворив дверцу. Поскольку обеты относительно воробьев дают очень часто, много этих птиц выставляют на продажу в лавках торговцев домашней птицей. Птицеловы применяют очень оригинальный метод ловли воробьев. Охотник мажет птичьим клеем конец длинного прута. Обнаружив нескольких воробьев, толкущихся на земле или среди высокой жесткой травы, он тут же ловко просовывает конец прута между ними так, чтобы утащить одну-две птицы, приклеившиеся к нему. Затем сажает пойманных птиц в клетку, которую несет на спине.

В нескольких буддийских храмах находятся клетки, напоминающие курятники, где содержатся голуби, купленные и помещенные туда самими монахами. На дверях клеток написаны слова: «Сохраняем жизнь», – и когда посетитель храма бросает в клетку монету (цена голубя), сопровождающий монах выпускает пернатого пленника на свободу. Иногда обеты, приносимые в святилищах Будды, не выполняются, пока верующий не получает

блага, о котором он молил. Когда он получает желаемое, редко он не возвращается в храм и не выполняет свой обет – люди опасаются возмездия за вероломство.

Один из обетов, который дают верующие обоих полов, – это воздержание от животной пищи на определенный срок. Мне известно много случаев открытого нарушения этого обета. Чтобы искупить грехи, многие расходуют большие суммы, мостя большие дороги. Так, один из пролетов гранитной лестницы, по которой поднимаются на горы Белых Облаков, был построен за счет некой вдовы в качестве искупления грехов ее мужа.

Многие буддийские монастыри выстроены на склонах холмов и гор и возвышаются над обширными и величественными панорамами. Самый красивый из тех, что я видел, находится на юге Китая на берегах западного рукава реки Чжуцзян в горах Динхушань, неподалеку от входа на перевал Чжаоцин. Со всех сторон этот монастырь окружают разнообразнейшие и красивейшие пейзажи. Здесь расстилаются широкие равнины, украшенные волнующимися хлебами, там холмы, покрытые пышно зеленеющими деревьями, мягко вздымают свои склоны, по которым сбегает ручьи, теряющиеся среди величественных деревьев, окружающих монастырь. Вдалеке к облакам поднимаются вершины гор, образующих Чжаоцинский перевал, а между их скалистыми склонами несет свои стремительные воды западный рукав реки Чжуцзян, у подножия гор затем растекающийся широкой озерной гладью. В одной из пагод этого монастыря находится жертвенник, который считают священным. В пагоду не позволено входить, пока сначала не омылся в святых водах озера. В этом храме хранят и кувшины со святой водой для продажи. Когда я был там, прибыли три монахини, чтобы приобрести запас священной субстанции. Монастырь сильно пострадал во время восстания 1855 года, но сейчас уже восстановлен.

Неподалеку от Цзиньпань, или Золотых холмов, примерно в двадцати милях к западу от Кантона, находится другой монастырь, который по красоте расположения считается вторым после монастыря в Динхушань. Он стоит на берегах Жемчужной реки. Летом, когда река разливается из-за сильных дождей, он бывает полностью окружен водой. На западе, вдоль излучины реки, тянутся холмы Цзиньпань, с вершины которых открывается чарующий вид на окрестности. Неподалеку от этого места берега украшают рощи, где среди деревьев укрываются чистенькие деревушки. Монастырь был основан более восьмисот лет тому назад. Из-за почтенного возраста и недостатка средств на ремонт сейчас он очень обветшал. Однако его древность и красота местности послужили причиной того, что китайцы считают его одним из семи чудес провинции Гуандун.

Красивейший из монастырей, виденных мной в центральных провинциях, – это Тяньдун-сы в провинции Чжэцзян. Он находится на расстоянии тридцати миль от города Нинбо, у входа в живописную долину. К нему ведет аллея высоких кедров; окаймляющие монастырь холмы покрыты деревьями от подножия до вершины.

Постройки монастыря Ганьлу, или Сладкой росы, расположенного в Чжэньцзяне, разочаровали меня. Он выгодно расположен на высоком холме и возвышается над самой привлекательной и обширной панорамой. Говорят, что его так назвал некий Чжан Фэй, бывший или другом, или братом Лю Юань-ди, или Лю Бэя, – одного из китайских императоров. Говорят, что он посетил этот монастырь перед тем, как взойти на престол, и написал фразу, которая теперь начертана на мемориальной доске: «Тянь-Ся-Ди-И-Цзян-Шань» – «Самая большая река и самый важный холм, которыми может гордиться империя». Что касается реки, это утверждение определенно верно, поскольку поток, величественно катящий свои волны мимо подножия холма, это Янцзы.

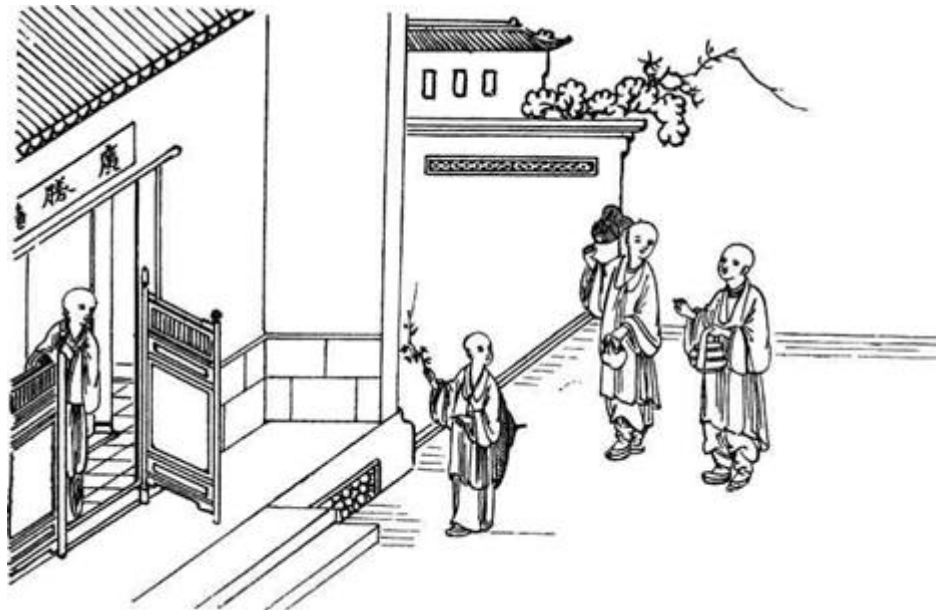
Самый красивый из монастырей, виденных мной на севере Китая, – это Дацзюэ-сы. Он расположен на расстоянии двадцати трех миль к северо-западу от Пекина. В монастырском парке есть декоративный пруд, где плавают множество золотых рыбок, а также замечательно чистый источник, в который посетители бросают медные монетки, чтобы дать

монахам возможность купить у торговца птиц и выпустить их на волю. Кроме того, там находится изящная пагода, которую используют как хранилище праха усопших монахов. Иногда храмовые парки и внутренние дворы украшены самым причудливым образом. Монастырю Хуэйшань-сы в Цзюлун-чжэне, городе на берегах Великого канала, в этом отношении принадлежит пальма первенства. Среди монастырей, замечательных садами камней, можно упомянуть обитель Долголетия в западном предместье Кантона.

В Китае нет высеченных в скале пещерных храмов. Вполне возможно, что Индия – единственная страна, известная такими своеобразными сооружениями. Я обратил внимание на крохотные святилища Будды и буддийские идолы, вырезанные на склонах старых скал из красного песчаника. Самыми своеобразными из этих барельефов были увиденные мной в окрестностях Ханчжоу.

Буддийские монахи могут рассказать много интересных преданий. Один монах из обители Цзиньшань обратил мое внимание на дощечку, на которой были начертаны стихотворные строки. Как говорят, несколько столетий назад их сочинил мандарин, проводивший здесь одну ночь на пути из Кантона в Пекин. В стихах рассказывалось о легенде, согласно которой мандарину под гостеприимной кровлей монастыря приснилось, что ему кланяется монах и угощает рисовыми лепешками. На следующее утро, когда он готовился снова пуститься в путь, мимо него прошел монах, который нес поднос с рисовыми лепешками. Гость сразу вспомнил свой сон и спросил монаха, кому он их несет. Последний ответил, что собирался положить лепешки на жертвенник в честь монаха, жившего за двести лет до того и канонизированного после смерти. Мандарин, созвав монахов, поведал им о своем сне, попросил истолковать его и тут же получил объяснение. Монахи были стойкими приверженцами идеи переселения душ и поэтому решили, что мандарин был не кто иной, как знаменитый монах, вернувшийся на землю, чтобы править народом.

Замечательную легенду мне рассказывали о монастыре Яшмового цветка в городе Янчжоу в провинции Цзянсу. Около тысячи трехсот лет тому назад, как гласит предание, в саду некоего дома в Янчжоу расцвел необычный цветок, и император Вэнь-хуан, услышав о диве, отправился в этот город взглянуть на него. Путь занял немало времени. Когда его величество путешествовал по воде, его барку тащили мужчины и женщины в элегантных одеждах. Когда он ехал в экипаже, его везли люди, одетые не менее нарядно. Для удобства дом обставили как временный дворец. Привлеченный исключительной красотой цветка, император прожил некоторое время в Янчжоу, каждый день любуясь на него. Однако в конце концов, чувствуя, что его здоровье слабеет, он отправился в Лоян, свою столицу – город в провинции Хэнань. В пути император умер. Дворец был обращен в монастырь и назван Цюнхуа-гуань, или монастырь Яшмового цветка. Когда я приехал туда, обитель лежала в руинах, но меня радушно встретили несколько буддийских монахов, которые сообщили мне, что цветок уже давно в Западном Рае, чтобы цвести там во всем блеске своей бессмертной красоты.



Буддийские монахини

В Китае множество женских буддийских монастырей. В маленьких женских монастырях бывает от десяти до двадцати сестер, в обителях побольше может быть и свыше восьмидесяти монахинь. Они живут на средства, получаемые от пожертвований: монастырям дарят и дома, и земли. Кандидаток в монахини принимают в монастыри в детстве – в десятилетнем возрасте, и их послушничество продолжается, пока им не исполнится шестнадцать лет. Считается, что к этому времени сознание женщины уже созрело и им полагается «постричься». Эта церемония состоит в том, что послушница в присутствии идола Гуаньинь, богини милосердия, заявляет, что она всегда будет оставаться девственной, что она не станет есть ни рыбы, ни мяса, ни птицы, что она не будет пить вина, станет следовать нормам буддизма и руководствоваться ими в своей повседневной жизни. Когда это произнесено в присутствии идола Гуаньинь и при свидетелях, голову юной послушницы, которую начали слегка брить с того дня, как она пришла в монастырь, служанка обривает полностью, и девушка облачается в одежды, поразительно похожие на те, что носят буддийские монахи, до такой степени, что иностранцу стоит немалого труда различить их. Хотя соискательницы на монашеское звание обычно приходят в монастырь в возрасте десяти лет, многие ищут убежища в этой уединенной жизни в намного более зрелом возрасте. Подавляющее число женщин – выходцы из низших слоев. Тем не менее в монастыре представлены все классы общества. Иногда туда вынуждены уходить женщины из богатых семей, чтобы избежать нежелательных брачных союзов. Каждым женским монастырем руководит настоятельница (сы-фу). Эта должность пожизненная. Обязанности монахинь в основном состоят в молитвах и службах, обращенных Гуаньинь в защиту духов умерших женщин. Для этой цели они обыкновенно отправляются группами по девять человек к дому умершей и, устроившись перед подготовленным по такому случаю жертвенником, позади которого находится маленький идол Гуаньинь, весь день распевают молитвы. За отсутствием таких занятий они проводят время в монастыре в полной праздности, слоняясь без дела будто бы в совершенном бессилии. Во всяком случае, такое заключение я сделал, посетив несколько этих заведений. С большей определенностью это можно сказать о старших монахинях. А те, что помоложе и победнее, вышивают по шелку, чтобы обеспечить старших большим количеством предметов обихода, чем можно купить на выделяемые им небольшие суммы пожертвований. Во время празднования китайского Нового года в 1860 году я видел группу монахинь на пикнике, который они устроили в чудесном парке при одном из главных кантонских храмов. С большим энтузиазмом не могла бы развлекаться даже стайка школьников, гуляющих по зеленым полям доброй Англии.

Женским буддийским монастырям предъявляют те же серьезные упреки, что и даосским обителям, о чем я писал выше. Это может подтвердить выдержка из газеты гонконгской Daily Press от пятницы 13 сентября 1872 года.

«Кажется, – пишет корреспондент, – что буддийские и даосские женские монастыри в Китае не более непорочны, чем подобные учреждения в Европе. Во всяком случае, монастыри в Учане обвиняли в тлетворном влиянии на общественную нравственность. Добродетельный (?) мандарин, услышав о происходящем, придрался к монахиням и чуть не положил конец существованию их ордена.

Сначала эта новость произвела большое волнение в монастырях, и многие их обительницы бежали, особенно даосские монахини, которым пришлось только распустить волосы, переодеться, надеть сережки, – и их внешность была полностью изменена. Однако буддийской монахине с выбритой головой не так легко ускользнуть от сыщиков из ямэней, да и денег на взятки у них, вероятно, было маловато. Примерно двадцать таких монахинь вместе с несколькими печально известными даосками были взяты под арест. Почти все они были молоды, им было от восьми до двадцати шести лет. Затем этот мандарин издал декларацию, в которой до общего сведения доводилось, что дурная слава женских монастырей сделала необходимой эту решительную меру; он призывал родственников монахинь, чьи имена приводились тут же, забрать девушек домой; было сказано, что в противном случае их передадут любым приемлемым лицам, пожелавшим взять их в жены».

Ламаизм

Примерно через триста пятьдесят лет после того, как буддизм был официально признан в Китае, он проник в Тибет, а оттуда с течением времени распространился в Монголию и Маньчжурию. Ламы или жрецы признают своим духовным главой Великого тибетского ламу, который для них то же, что для служителей латинской церкви – папа римский. Этот ламаистский папа – политический и духовный правитель Тибета, он подчиняется лишь императору Китая. Нынешний правитель Тибета неизменно и решительно противился проникновению всех европейских путешественников в его края. И во время моего пребывания в Пекине весной 1865 года он прислал китайскому императору депешу, прося у его императорского величества ни в коем случае не разрешать отбытие европейцев из Китая в направлении Тибета. Он объяснил свою просьбу тем, что в прошлый раз, когда к ним приезжали иностранцы, случился неурожай, скот ояловел, а женщины отклонились от стези добродетели.

Лам избирают из всех слоев общества. В Монголии каждая семья, в которой есть двое сыновей или более, обязана отдать одного из них на ламаистское служение. Как и их китайские собратья, все ламы приносят обет безбрачия и бреют голову. Одеваются они в длинные желтые рясы. Талию охватывает кушак, к которому привязан футляр для веера и иногда футляр, в который кладут ложку, нож, пару палочек для еды и медный кубок. Совершая открытые службы в своих храмах, ламы надевают мантии и шапки того же цвета, что и рясы. При этом шапка чем-то напоминает шлем, каким у нас увенчивают изображения Британии. Когда ламы входят в храмы для совершения открытого молебна, у дверей их встречают главные жрецы. Во время службы они сидят по-турецки, поджав ноги под себя, на длинных низких диванах, расставленных по обеим стенам зала, по которому идут к главному жертвеннику. В своих молитвах ламы просят у идолов благословить императора, священнослужителей и государство. Молитвы произносятся речитативом. Иногда их поют так слаженно, что европеец может вспомнить о соборных службах, ежедневно проходящих в христианских храмах. В некоторых случаях молитва проходит под аккомпанемент рогов с раковинами и хлопков в ладоши. Используют и крайне необычный музыкальный инструмент: он пред-

ставляет собой полую человеческую бедренную кость, из которой изготовлена дудка. В то время как ламы занимаются публичными богослужениями, главные жрецы, в таких случаях облачающиеся в темно-красные одеяния, проходят вдоль рядов молящихся монахов и кадят. Когда я был в Лама-мяо (или Долон-норе), рыночном городе в Монголии, в одном из храмов я стал свидетелем любопытного происшествия. Через двадцать минут после того, как присутствовавшие там ламы начали службу, каждому из сидящих (молятся именно в этой позе) поднесли по чашке плиточного чая. В чай было положено масло, и он имел консистенцию супа. Перед тем как они отведали этого напитка, один из главных жрецов, стоя посреди храма, громко сообщил им, что чай был милостиво пожалован им согласно последней воле и завещанию недавно скончавшегося доброго монгольского князя, и в благодарность они должны молиться об упокоении его души. Выпив чай, священнослужители со всей серьезностью возобновили свои молитвы, и молились на протяжении двадцати минут. В конце службы каждому ламе подарили по большой лепешке, которые также были завещаны им покойным князем.

Ламы дают обет безбрачия и живут в монастырях. Посетив в Пекине обитель Дафо, я обнаружил, что в ней не менее тысячи человек. В городе Лама-мяо не меньше десяти тысяч монахов, и также много их в Жэхэ. В качестве епитимьи они нередко оставляют монастырь и совершают трудные паломничества к отдаленным святыням. Такие путешествия отнимают много времени, поскольку паломники не только идут очень медленно; после каждых трех шагов они падают ниц и совершают коутоу. В 1865 году наш друг повстречал ламу, который отправился в паломничество к монастырю Утай-Шань в провинции Шэньси; лама сообщил ему, что его странствие должно занять двенадцать месяцев. Однако многие из них не живут в монастырях, а ведут кочевую жизнь на обширных равнинах Монголии и на стойбищах бывают не только священнослужителями, но и пастухами. Они часто напоминали мне пастухов, которые в древности стерегли свои отары и стада в долинах Иудеи. Так Моисей пас овец у Иофора, тестя своего, священника Мадиямского. Двенадцать патриархов также были пастухами, и Давид, чтобы сразиться с грозным гигантом из Гефа, оставил овец своего отца. Несколько раз я наблюдал женщин из монгольских семей, которые пасли стадо. В Священном Писании тоже есть несколько мест^{33}, из которых можно понять, что в Древней Палестине подобный труд нередко выпадал на долю дочерей эмиров или вождей. Как бы то ни было, хотя столь многое там напоминало прочитанное мной о временах патриархов, я тщетно искал «башни стада», как названы в Писании постройки, с которых могли обнаружить приближение врага. Однажды я и впрямь задалеке нечто вроде такой башни, но, проехав около двух миль в том направлении, обнаружил, что это ламаистский храм.

Как правило, ламаистские храмы – величественные сооружения. Среди них особо примечательны выстроенные в городе Жэхэ императором Цяньлуном. Медная крыша одного из них начищена до блеска и ослепительно сияет при свете солнца, будто золотая. Когда я посетил храм в Лама-мяо и стоял в главном святилище, разглядывая восемь-десять больших атласных зонтов и флагов из того же материала с изображениями Будды, ко мне обратился один из жрецов. В ходе интересной беседы он сообщил мне, что в городе живет лама, способный совершенно точно предсказать каждое событие, которому суждено произойти на протяжении следующих пятисот лет. Этот ламаистский пророк мог также вспомнить любое событие, случившееся за предшествующие пятьсот лет. Мне очень захотелось поговорить с ним, но у него было столько договоренностей, что о встрече не могло быть и речи. В храме Дафо в Пекине есть идол (по преданию, его привезли из Сиамы) семидесяти футов в высоту. Как правило, идола в ламаистских святилищах больше, чем в обычных буддийских храмах по всей империи. На жертвеннике этого колоссального идола стоят курильницы, подсвечники и подставки для цветов. Они делаются из цинка, меди или мрамора. Кроме того, иногда на жертвенник ставят своеобразный сосуд, полный драгоценных камней: его делают из

верхней части человеческого черепа, он украшен золотом, серебром или медью. Для этого используют череп человека, который был замечателен своими способностями, либо юноши, умершего на восемнадцатом или девятнадцатом году жизни, – возраст, к которому монголы относятся с особым почтением. У врат многих храмов расположены молитвенные колеса. На каждом колесе написана молитва, и верующий, проходящий мимо или не имеющий возможности оставаться в храме до завершения службы, один раз читает слова молитвы на колесе, затем поворачивает его и уходит. Считается, что колесо доносит молитву до неба, и она повторяется всякий раз, как колесо совершает оборот. Другая характерная черта монастырских внутренних дворов – это молитвенные колонны, или каменные колонны, на которых выгравированы обращенные к Будде молитвы. Они расположены во внутренних дворах монастырей таким образом, чтобы побудить снующих туда-сюда монахов остановиться для молитвы. Часто они украшены искуснейшей гравировкой.

Было замечено, что буддизм, и особенно ламаизм, схож с римским католичеством: многие христианские обряды и церемонии, искусственно внедренные в языческое богослужение тибетскими жрецами, вероятно, были заимствованы ими у несторианских и римско-католических миссионеров, подвизавшихся в Средней Азии. Действительно, похоже, будто вся система ламаизма преобразована из римско-католической. Говорят, что в этой языческой религии есть не только свои папы, кардиналы и епископы, но и крещение младенцев, конфирмация, литании, крестные ходы, служба с двумя хорами, молебны за здравие и за упокой, почитание святых, экзорцизм и посты. Кроме этого, можно упомянуть об использовании креста, митр, праздничных риз, сутан, венков и четок, святой воды, подставок для цветов на алтаре и т. д. Я не поручусь за все перечисленное, однако утверждают, что эти атрибуты действительно присутствуют в буддийской церкви Тибета. Из Тибета многие из этих обрядов проникли в Китай, но в культе буддийских жрецов империи их куда меньше, чем у тибетских, монгольских и маньчжурских лам.

Ислам

Но вдохновленные человеком религии, утвердившиеся в Китае, – это не только конфуцианство, даосизм и буддизм. Через шестьсот лет после того, как в Китае под покровительством императора Мин-ди распространилась религия Будды, некий араб по имени Саад ибн Абу-Ваккас (предполагаемый дядя по матери Мухаммеда) познакомил «Центральную Цветущую страну» с исламской верой. Этот апостол мусульманства с группой избранных последователей прибыл в Китай в VII веке. Там он приступил к распространению причудливой системы лжи, которой сообщили жизненную силу безжалостная вражда ее основателя с идолопоклонством и его истовая проповедь учения о непревзойденном высшем господстве и совершенном единстве Бога. Последователи ислама, которыми бывают не только бедняки, но и многие богатые и уважаемые люди, главным образом живут в северных, южных и западных провинциях империи. В северных и западных провинциях они весьма многочисленны; есть целые деревни, в которых живут исключительно мусульмане. Во время Северного похода в 1860 году солдаты-мусульмане индийских полков, посланных в Китай, нашли друзей среди китайских единоверцев, с которыми их тесно связала враждебность к идолопоклонникам. Китайским мусульманам присуща полная покорность предписаниям пророка, согласно которым их священный долг состоит в борьбе против врагов веры. Они постоянно находятся в состоянии войны с правительством страны. В 1863 году живущие в Северном Китае мусульмане пошли на открытый бунт, сея повсюду разруху и опустошение. Чтобы противостоять грозному противнику, кантонского генерал-губернатора Лю Чанью, приобретшего репутацию весьма талантливого полководца в бытность свою губернатором Гуанси, вызвали в Пекин принять командование над армией, которая до того времени не

могла одержать успех в сражениях с восставшими мусульманами. В том же году специальный уполномоченный по имени Салинь прибыл в Кантон за денежными средствами для содержания армии, подавлявшей такое же мусульманское восстание в западной провинции Юньнань.

Несмотря на то что китайские мусульмане столетия были разлучены со своими единоверцами в других краях, они с большим упорством продолжают придерживаться учения Мухаммеда. Они неизменно представляют Бога Высшим Предвечным Существом, бывшим прежде всех миров, нерожденным и несотворенным, и утверждают, что нет ничего подобного Ему. Они признают существование ангелов и описывают их как существ абсолютной чистоты, по-разному служащих своему Создателю; особо почитают четверых из ангельского воинства, служащего Богу днем и ночью, а именно Гавриила, несущего откровения, Михаила – ангела-хранителя древнего Божьего народа Израиля, Азраила, посланца смерти, и Исрафаила, которому поручено созывать всех людей, живых и мертвых, перед лицом Божьим, дабы они рассказали о делах, совершенных ими во плоти. Мусульмане считают, что на протяжении жизни каждого человека сопровождают два ангела, которые запоминают его всевозможные поступки и подробно докладывают о них Всевышнему. Коран учит их считать рай Господень местом, где будут обеспечены все условия для потворства «плотским похотям, восстающим на душу». Говоря с мусульманами о грядущем упокоении, легко обнаружить, что их представления о нем – самые чувственные. Они, конечно, считают, что Мухаммед – глава всех посланных Богом пророков; а пророков таких они насчитывают не меньше двухсот двадцати четырех тысяч.

Как кажется, китайские мусульмане так же строго выполняют предписания религии, как и те, кого я видел в Египте и в других странах. Они молятся пять раз в день, но это считают обязательным не все мусульмане – многие молятся только трижды в день. Во время молитвы они обращают лицо к святому городу Мекке, обычно преклоняя колени. Собираясь читать Коран, они моют руки, прежде чем осмелятся тронуть священную книгу. Каждую пятницу – священный день – толпы мусульман устремляются в мечети. Молясь в храме, они облачаются в длинные белые одежды и надевают чалму того же цвета. Перед тем как войти в мечеть, они разуваются, но не заносят свои башмаки в храм, как это делают арабы, держа их в левой руке подошвой к подошве. Женщины и молодежь не допускаются в молитвенное собрание, и мужчины во время службы сохраняют предельную серьезность. По окончании молитв они возвращаются к своим обычным занятиям.

Однажды, оказавшись в пятницу в Чжан-цзя-коу – в большом городе, расположенном у подножия Великой Китайской стены, я отправился осмотреть тамошнюю мечеть – вместительное и не лишенное изящества здание, оттуда открывается обширная панорама города. Во дворе мечети мне встретился очень хорошо одетый красивый юноша четырнадцати-пятнадцати лет. Когда я спросил, почему он ждет снаружи и не заходит внутрь, чтобы присоединиться к молящимся, юноша ответил, что еще не достиг соответствующего возраста. Внутри мечеть была буквально переполнена верующими – китайцами, которые были одеты лучше, чем кто бы то ни было из виденных мной. Коран читал священнослужитель, по обычаю опиравшийся на посох, как Иаков «поклонился на верх жезла своего» (Евр., 11: 21).

Установленные посты китайские мусульмане соблюдают с явной строгостью. Во время Рамадана (это девятый месяц) они, как кажется, большую часть времени проводят в стенах мечетей, и истощенная внешность многих из них – явное доказательство того, что они постятся по-настоящему. В обычное время они также неукоснительно выполняют долг, предписывающий им раздавать милостыню и воздерживаться от употребления любых опьяняющих напитков и свинины. Один китайский автор, упоминая об этом воздержании от вин и некоторых видов мяса, а также о мусульманской благотворительности и доброжелательности по отношению к бессловесным животным, обвиняет последователей Мухаммеда в том,

что они заимствовали эти черты своей религии из буддизма. Но мусульмане это с негодованием отвергают. Милостыню они, по-видимому, очень щедро раздают по пятницам, тем не менее, как правило, подают только беднякам, разделяющим их веру. Будучи в Чжан-цзя-коу, я видел, как несколько дворян, исповедовавших ислам, оделяли милостыней бедных и нищих последователей пророка в одном из молельных домов или цехов их единоверцев. Имена бедняков, получавших пенсию, были записаны на большой доске на стенах цеха; когда секретарь вызывал очередного, он отзывался и получал свою обычную долю.

Педантично соблюдается обряд обрезания; не забывают они и о том, что для каждого хорошего мусульманина считается обязанностью, — о совершении паломничества в Мекку, чтобы прикоснуться к черному камню Каабы, снискать прощение грехов и доступ в рай. Конечно, паломничество в Мекку легче совершить мусульманам западных провинций империи, чем живущим в северных и южных провинциях.

У мусульман множество мечетей по всей империи. Эти сооружения очень похожи на другие китайские храмы. В Кантоне не меньше четырех мечетей, две из которых выстроил Абу-Ваккас. В старинной гробнице в мечети, расположенной за большими северными воротами, хранятся останки этого ревностного исламского миссионера; прожив пятнадцать лет на новой родине, он умер, твердо уверенный в том, что попадет в рай, придуманный Мухаммедом. Мечеть, расположенная в старом городе Кантона, славится минаретом, с которого муэдзины призывают к молитве мусульманское население. Сейчас проход в башню завален землей, скопившейся вокруг фундамента. Когда город был занят союзными армиями Англии и Франции, какие-то британские офицеры проделали в стене отверстие и, обнаружив винтовую лестницу, успешно достигли вершины башни. Поскольку ступени были стертыми, они заключили, что муэдзины, по всей видимости, не пренебрегали регулярным исполнением своих обязанностей.

В одной-двух мечетях этого города находятся комнаты, в которых останавливаются мусульмане из других городов, прибывшие на оживленные рынки Кантона. В мечети неподалеку от ворот Тайпин, которая лучше всего приспособлена для приема гостей, я встречался с мусульманскими купцами из провинций Сычуань, Юньнань и Гуанси. Эти мусульмане показались мне умнее, чем кантонские, а также намного ревностнее в том, что касалось предписаний Мухаммеда. Некоторые мечети выглядят очень внушительно. Возможно, особенно достойна внимания мечеть с двумя арками в городе Чжэньцзяне, которая очень напоминает крипту в христианской церкви. Эта постройка вместе со школой окружена высокой стеной и поэтому выглядит как какая-то крепость. Мечеть в Ханчжоу — величественное и впечатляющее здание, причем дверь в нее напоминает каирские ворота. В каждой мечети есть табличка, на которой большими золотыми иероглифами написано: «Десять тысяч лет императору!» В каждом буддийском или даосском монастыре такая же табличка располагается на жертвеннике. Судя по всему, император уверен, что народ должен понять: ему, Сыну Неба, подобают почтение и послушание, как и богам. При каждой из главных мечетей находится школа, где детей учат читать Коран в оригинале.

Глава 5

Народные боги и богини

Любое описание китайских религиозных систем, не затрагивающее богов и богинь, которым с удовольствием поклоняется народ, будет в высшей степени неполным. Притом, что китайцев не особенно беспокоят религиозные доктрины, их очень интересуют обожествленные смертные и воображаемые существа, от которых, по их мнению, зависит распределение жизненных благ. Их религия по сути своей – культ. Верующий, преклоняющий колени в святилище Конфуция, будет молиться и даосскому Бэй-ди; в особых случаях можно видеть, как даосские и буддийские жрецы молятся в одном и том же государственном храме. «Каков хозяин, таков и слуга» – эту пословицу можно применять к народу и его богам, и эта глава о богах и богинях китайцев поможет читателю понять и народ.

В Китае два сословия – военные и ученые – делят между собой государственные почести и награды, и повсюду находятся люди, которые поклоняются Гуань-ди, богу войны, и Вэньчану, богу учености. Гуань-ди, или Гуань Юй, знаменитый в III веке н. э. генерал, был канонизирован только спустя восемьсот лет после смерти. Теперь его храм есть в каждом провинциальном, областном и уездном городе империи; и утром и вечером почти в каждом доме поклоняются его изображению, стоящему на алтаре предков. Его считают защитником мира в империи и в многочисленных семьях страны. Непосредственным поводом к его обожествлению, по преданию, было высыхание больших и многочисленных соляных колодцев в провинции Шаньси. Это несчастье породило большое смятение и неприятности. Министры императора Чжэнь-цзун, подобно волшебникам, которых фараон призвал, чтобы они истолковали его сны, оказались бессильны, и в смятении Чжэнь-цзун обратился к даосскому первосвященнику. Тот заявил, что колодцы высохли из-за злого духа, и посоветовал обратиться к Гуань-ди, к тому времени ставшему царем в мире духов. Император немедленно составил депешу Гуань-ди, где сообщал о предмете разговора с первосвященником, и высочайшее послание было отправлено почившему воину в языках священного пламени. Не прошло и часа, как Гуань-ди явился на небеса на своем красном скакуне. Бог заявил, что, пока не возведут храм в его честь, к прошению императора не прислушаются, поэтому с большой поспешностью был возведен храм. Как только был положен последний камень, запасы соли в колодцах возобновились. Говорят, что в 1855 году Гуань-ди явился главнокомандующему императорских войск и помог ему победить повстанцев неподалеку от Нанкина. За это вмешательство император Сяньфэн уравнивал его с Конфуцием, который ^о тех пор считался главным божеством государственного пантеона. На крыльце государственного храма Гуань-ди в Кантоне (одного из самых красивых храмов города) находится идол красной лошади этого божества. Рядом с ней стоит статуя доблестного оруженосца, который как бы ждет приказаний от своего господина. Находятся те, кто почитает даже коня с оруженосцем; в Кумлихое – большом городе в шелковых районах Гуандуна – я видел женщин, которые молились перед этими изображениями и привязывали сумочки или кошельки к узде скакуна.

Вэньчана почитают главным образом студенты и школьники. Считается, что он записывает их имена в памятную книгу и напротив каждого имени делает отметку о нраве человека. Перед его идолами обычно изображается ангел с памятной книгой в руке. Он был известен своей выдающейся ученостью и любовью к добродетели. По преданию, его родители, как и родители многих других китайских мудрецов, были очень стары, когда он появился на свет. Одним из его дедов был император, который изобрел лук и стрелы. Еще ребенком Вэньчан изучил самые серьезные тексты без помощи учителя; а когда он умер, боги, посоветовавшись, назначили его божеством – покровителем соискателей ученой степени. Во всех

главных городах империи есть государственные храмы^{34} в честь этого бога. В Кантоне не меньше десяти таких храмов. Вэньчану приносят в жертву связки лука, и иногда его жертвенники сплошь покрыты чересчур благоухающими луковичами. Ему поклоняются не только учащиеся; среди его приверженцев я видел людей обоих полов и любого общественного положения. Однажды я отважился спросить человека, который вместе со своей женой горячо молился этому богу, о каких благах он просил его. Он ответил, что они с женой жаждут, чтобы их дети сделались сведущими в классической литературе и таким образом смогли бы претендовать на высокие государственные посты. Самый главный его храм находится в Чжэ-дун-юане – это административный центр родного уезда Вэньчана. На одной из балок, поддерживающих крышу, находится медный орел, а с его клюва к жертвеннику свисает длинный шнур. К шнуру прикреплен карандаш, которым, как полагают, божество пишет загадочные закорючки на покрытом песком столе или, как говорят другие, на листах бумаги, разложенных на столе. Эти рукописные пророчества, изготовленные ловкими священнослужителями, как правило, представляют собой сообщения о надвигающихся бедствиях; их направляют властям, с тем чтобы они могли принять меры предосторожности. В 1853 году, когда Гуандун был захвачен повстанцами, такое сообщение было направлено губернатору провинции. В нем жрецы предостерегали народ от мятежа как одного из величайших преступлений. Мин-чэнь, который был в то время генерал-губернатором, процитировал это пророчество в воззвании, расклеенном на многолюдных улицах Кантона и пригородов.



Бэй-ди

Неудивительно, что один из самых известных духов природы в стране, где так много зависит от дождей, – это Лун-ван, Царь Драконов, на чьем попечении находятся «источники бездны». Прежде ему молились только в засушливые периоды, но в результате милостей, дарованных им кантонцам, теперь его включили в перечень тех, кому воздают почести во время весеннего равноденствия и зимнего солнцестояния^{35}. Во время засухи, как правило, моления о дожде продолжаются три дня. Когда бог не слышит правителя уезда, моление совершает правитель области. Выпускают обращение, призывающее народ не есть ни рыбы, ни мяса, ни птицы, пока не будет получен благоприятный ответ. Обращение дополняется эдиктом, запрещающим торговлю рыбой, мясом и домашней птицей. Поскольку засуха не имеет непосредственного отношения к их промыслу, рыбаки, мясники и торговцы птицей выказывают уважение к эдикту, подкупая мелких чиновников и полицию. Если Лун-ван не слушает и префекта, к нему обращается с молитвой генерал-губернатор. В этом случае церемония обставлена с особой торжественностью. Облачившись во власяницу, обвязав шею цепями, а щиколотки – кандалами в знак глубокого смирения и раска-

яния, генерал-губернатор следует в храм в сопровождении длинной процессии скорбящих горожан. Впереди процессии несут четыре желтых шелковых флажка, на которых начертаны китайские иероглифы, обозначающие соответственно ветер, дождь, гром и молнию; затем их помещают в курильницу на жертвеннике, окруженном множеством зажженных свечей. Многократно преклонив колени, генерал-губернатор предает священному огню письменную молитву, адресованную Лун-вану. Церемония сопровождается залпами фейерверков, ударами гонгов и бряцанием тарелок. В этом грохоте генерал-губернатор удаляется, а горожане провожают его до ворот дворца. Если и после этих призывов не выпадают благодатные дожди, люди делают вывод, что бог спит. Чтобы пробудить Лун-вана от дремоты, его изображение снимают с трона и выставляют на некоторое время под палящие лучи солнца. Кроме того, нередко император приказывает даосскому первосвященнику, пребывающему в горах Дракона и Тигра в провинции Цзянси, молиться о дожде. Если молитва не дает результатов, первосвященник, как правило, остается без жалованья, которое выплачивается из императорской казны.



Шествие с идолом бога дождя

Замечателен объем ложно направленной энергии, которую китайцы официально тратят на этого Царя драконов. Случай в Кантоне во время засухи, бывшей более тридцати лет назад, может послужить превосходной иллюстрацией прискорбных глупостей и сумасбродств, которыми сопровождается идолопоклонство. Генерал-губернатор провинции, который, как положено, молился и постился, но тщетно, в конце концов выпустил воззвание, где обращался к местным мудрецам с просьбой изобрести какие-нибудь средства, для того чтобы смягчить божество, обещая большое денежное вознаграждение тому, чей план окажется удачным. Как ни странно, никто из геомантов и предсказателей не откликнулся. Тем не менее свои услуги предложил один из даосских жрецов. Жреца поддержали его собратья, и они начали вызывать Лун-вана перед жертвенником, воздвигнутым под открытым небом. Жрецы молились четыре дня подряд; но увы – божество оставалось непреклонным. Увидев, что его усилия безрезультатны, ночью жрец скрылся и, как говорят, в конце концов умер от последствий лихорадки, вызванной пребыванием на солнце в течение четырех дней. Между тем засуха продолжалась, и цена на зерно повысилась до небывалого уровня. В этот критический момент явился геомант; он получил санкцию наместника на следующие смехотворные меры для умиротворения Царя Драконов. Закрыв южные ворота города, – прием, к которому обычно прибегают в подобных чрезвычайных обстоятельствах, – он поместил под ними несколько до краев наполненных водой бочонков с лягушками. Затем предсказатель

велел нескольким мальчишкам заставлять лягушек квакать. Как говорят, через несколько дней после этого яркого проявления человеческого суеверия пошел дождь.

Однажды 7 мая 1871 года я видел, как наместник Сюэ Тайянь шествовал к храму этого бога в Кантоне, сопровождаемый чиновниками и первейшими джентри города. Одетые в домашнее платье, все они несли в руках по курительной свече. Поставив свечу на жертвенник, каждый совершал коутоу. Когда кончились обряды, в которых участвовали наместник и его свита, несколько буддийских и даосских священнослужителей – первые справа, а последние слева от храма – принялись истово молиться.

Храм, который посещает в подобных случаях император, расположен в Хэйлун-тане. Этот храм в честь Царя Драконов куда более впечатляющий, чем все остальные, которые мне удалось посетить; в нем находятся императорские покои. Я застал там многочисленных старейшин, владельцев усадеб и крестьян, явившихся из близлежащих деревень и вышагивавших в процессии к храму. Они стремились уговорить бога даровать немного обильных дождей. У каждого на голове был венок из листьев плакучей ивы, а некоторые несли в руках ветки этого дерева.

Во время засухи иногда обращаются к Юй Хуанди, или к Жемчужному императору^{36}, более высокопоставленному, чем Лун-ван. Так, однажды поблизости от Янчжоу, на берегах озера Поян, мне встретилось своеобразное шествие. Чтобы показать богу потрескавшуюся от жары землю и прогнать духов, вызвавших засуху, его идола вынесли в открытых носилках на берег озера. В толпе, которая следовала за идолом, было два полунагих человека, вооруженных мечами. Иногда они рассекали своим оружием воздух, как бы в отместку злым духам от имени бога; иногда – подскакивали на три-четыре фута от земли. На озере в лодке сидели старейшины города в лучших нарядах, с ветками плакучей ивы. Юй хуанди – это обожествленный сын одного из царей государства Гуан-Янь-Мяо-Лэ. Годовщину его рождения отмечают как большой праздник часть даосских священнослужителей. Иногда обычные люди тоже празднуют день рождения Юй хуанди.

Другое популярное божество государственного культа – это Чэн хуан, или Защитник укрепленных городов. Некогда его ранг был ниже, чем у генерал-губернатора, – парадоксальное явление, любопытным образом иллюстрирующее восприятие китайцами своих богов. В Кантоне это неравенство в положении проявлялось в том, что ворота храма Чэн хуана закрывали каждый раз, когда мимо шествовал его превосходительство генерал-губернатор. Этот забавный обычай отменил император Цяньлун, повысивший положение Чэн хуана в ряду других божеств; и теперь в обязанности всех генерал-губернаторов входит ежегодное поклонение ему во второй день года. Однако главный праздник, посвященный Чэн хуану, – это день его рождения, а именно двадцать четвертый день седьмого месяца, когда префект от имени правительства дарит ему новое шелковое одеяние. Кроме того, он умывает лицо идола и облачает его в новые одежды. Иногда члены богатых семей, чтобы зарекомендовать себя перед богом с лучшей стороны, вызываются сами предоставить эти одежды. В таком случае даритель посылает платье в храм в позолоченных носилках за несколько дней до дня рождения божества. Носилки сопровождает многочисленная свита. Когда празднуют годовщину дня рождения Чэн хуана, моление происходит ранним утром, и в Кантоне многочисленные молящиеся так озабочены тем, чтобы присутствовать на церемонии, что живущие за городскими стенами перебираются в храм еще накануне вечером. Это урожайное время для карманников, практикующихся в своем искусстве на спящих верующих. Когда приезжает префект, как правило, вскоре после полуночи, спящих будит звон гонгов. Тут начинается всеобщая суматоха и беспорядок. Префект привозит с собой нефритовую печать бога, которая всегда хранится у него; ее достают только по случаю этого дня рождения. Другая принадлежащая богу печать, которая сделана из меди, всегда остается в храме. Люди, у которых есть больные родственники, теперь спешат явиться к богу, чтобы снискать его бла-

говоление и получить отпечаток нефритовой печати на одежде больного, принесенной ими с собой. За этот отпечаток платят больше, чем за отпечаток медной печати. Одежду с этими оттисками относят больным; те облачаются в нее, дабы избавиться от своих недугов. Можно видеть, как другие верующие толпятся вокруг жертвенника, чтобы купить листы желтой бумаги, где начертано несколько загадочных закорючек. На таких амулетах тоже ставится оттиск этой печати. Люди уносят их домой; считается, что амулет хранит жилище от всякого зла. Другие подают богу ходатайства, где просят послать прислуживающих ему духов к ним домой, чтобы изгнать злых духов из тел их больных родственников. В некоторых храмах Чэн хуана можно увидеть орудия пытки, при помощи которых он, как полагают, наказывает злых духов. На протяжении всего дня рождения бога префект и его стража сопровождают паланкин с уменьшенной фигуркой идола, который проносят по главным улицам города. Впереди этой длинной процессии идут знаменосцы и музыканты. Проход через многочисленные узкие улочки отнимает столько времени, что всякая другая деятельность почти совершенно прекращается на целый день.

В каждом храме этого божества находятся изображения наказаний грешников в десяти царствах буддийского ада. Судебные заседания на этих картинах списаны со слушаний уголовных дел в китайских судах. В каждом из царств есть царь, сидящий на судебском месте; вокруг него находятся судебные исполнители и прислужники. Поскольку кары, которым подвергаются на этих изображениях нечестивцы в десяти адских царствах, во всяком случае, несколько проясняют особенности восточной фантазии, я осмелюсь кратко описать их.

Во главе первого царства – Циньгуан Ван, его суду подлежат духи самоубийц, жрецов и монахов, получивших деньги за молебны, но так и не совершивших их, а также преступников, многократно совершавших различные правонарушения. При этом духи последних должны взбираться на огромную башню, с которой они смотрятся в большое зеркало, подвешенное как бы посередине неба. В нем они видят образы отвратительных животных, рептилий и насекомых, в которых им суждено воплотиться, вернувшись на землю. Чело-векоубийц наказывают так: стоя в воде, они не в состоянии утолить свою жажду. Священнослужителей и монахов заключают в темную палату, которая называется буцзинсо. Здесь при свете тусклой лампы, свисающей с потолка, они должны читать вслух молитвы, которыми они ранее пренебрегли, напечатанные очень мелким шрифтом. Покончившие с собой становятся жертвами ненасытного голода и неутолимой жажды; считается, что дважды в месяц они переживают те же страдания, что и во время совершенного ими самоубийства. Более того, до этих несчастных не доходят обращенные к их манам обряды, совершаемые их детьми. После двухлетнего заключения дух самоубийцы возвращается на место гибели для раскаяния. Если вместо того, чтобы раскаиваться, он станет досаждать людям, живущим поблизости, его призовут обратно, чтобы подвергнуть всем ужасам долгого заточения. Дух, который во время этого заключения раскаивается, возвращается на землю снова в человеческом облике. Духи людей, тративших деньги на покупку непристойных изданий, с тем чтобы уничтожить их, и духи тех, которые столь ценили блага грамотности, что или сами проходили по улицам, собирая с тротуаров и стен жилищ клочки исписанной бумаги, чтобы никто не растоптал ни одной частицы запечатленного на письме языка, или нанимали других с этой целью, являются в первое царство за вознаграждением. День рождения Циньгуана отмечают в первый день второго месяца. Китайцы верят, что все поклоняющиеся ему в это время будут прощены, и поэтому, как правило, в день его рождения перед этим идолом простирается ниц множество верующих.

Второе царство якобы расположено под южным морем. Считается, что его царь – Чуцзян Ван. Сюда посылают для наказания таких преступников, как священнослужители, которые обманом уводили детей из дома, чтобы воспитать из них монахов; мужья, расставшиеся с женами под ложными предлогами; люди, преступно распорядившиеся иму-

ществом, доверенным их попечению. Здесь же оказываются те, кто ранил или искалечил ближнего посредством неосторожного использования огнестрельного или другого оружия; невежественные врачи, упорствовавшие в назначенном ими лечении; домохозяева, отказывавшиеся освободить рабов, которые были в состоянии купить свободу, а также мандарины, угнетавшие народ. Жрецов изображают погруженными в замерзший пруд. Опекунов над собственностью, оказавшихся мошенниками, помещают в темные тучи, наполненные песком, от которого они задыхаются. Мандаринов, угнетавших народ, сажают в клетки, где нельзя выпрямиться во весь рост. После нескольких столетий мук в аду злые духи возвращаются в мир в облике пресмыкающихся или других отвратительных тварей. Здесь получают вознаграждение добродетельные люди, покупавшие лекарства для бедняков, дававшие рис нищим и бродягам, наставлявшие молодых и невежественных, избегавшие наклеивать объявления на стенах, чтобы они не упали и написанные или напечатанные на них иероглифы не были попорчены человеческой ногой. Затем этих добродетельных духов направляют в десятое царство, откуда они возвращаются на землю в человеческом облике, чтобы наслаждаться богатством и почестями.

Третьим царством, которое, как считается, расположено под восточным океаном, правит Сунди Ван. Этот царь наказывает министров, виновных в неблагодарности по отношению к императору, жен, неблагодарных мужьям, непослушных сыновей, непокорных рабов, мятежных солдат, беглых преступников, купцов, нечестных со своими деловыми партнерами, людей, которые подвели своих поручителей, геомантов, давших ложное заключение о выбранных для строительства домов или для могил участках, пахарей, которые случайно выкапывали гробы и пренебрегали обязанностью перезахоронить их на другой земле, людей, отказавшихся от почитания могил своих предков, тех, кто публиковал оскорбительные для соседей пасквили, писцов, неправильно изложивших мысли своих неграмотных клиентов, фальшивомонетчиков, лжесвидетелей и т. п.

Наказания бывают разных степеней: какие-то сильнее, а другие слабее. Тела некоторых поедают тигры, и при этом никак не могут доесть до конца, что напоминает миф о печени Прометея. Некоторых непрестанно пронзают острыми стрелами; иных вечно потрошат, а другие привязаны к раскаленным докрасна латунным воронкам. Эти несчастные возвращаются на землю в телах чудовищ. Что касается добродетельных людей, являющихся в третье царство, это те, кто на свой счет строили мосты через ручьи или мостили большие дороги. Они получают вознаграждение, и затем их посылают в десятое царство, чтобы они снова могли вернуться на землю и занять там важные государственные посты.

Четвертое царство тоже, по преданию, расположено под восточным морем. Им управляет Угуань Ван. Туда попадают те, кто не платил налогов или квартирной платы, врачи, которые назначали своим пациентам бесполезные лекарства, торговцы шелком, продававшие плохой товар, люди, не уступавшие места пожилым или слепым на улицах или в общественных местах, те, кто преднамеренно уничтожал урожай или убирал межевые столбы своих соседей, священнослужители, нарушившие монашеский устав. Там должны мучиться также сладострастники, пьяницы, сутенеры, сплетники, прелюбодеи, игроки и драчуны. Некоторых бросают в большие пруды, полные крови, немало людей толкут в ступе, а другие подвешены на балках, поддерживающих крышу этого пыточного зала, при помощи крючьев, продернутых сквозь человеческую плоть. В четвертое царство приходят за наградой добродетельные люди, которые за свой счет обеспечивали гробы для достойного погребения бедных. Души грешников в конце концов возвращаются на этот свет в телах животных, пресмыкающихся и насекомых, а добродетельные души возвращаются к людям, дабы наслаждаться богатством, счастьем и почестями.

Пятым царством управляет Яньло Ван, который, как рассказывают, неумолим по отношению к любым грешникам. Тех, кому в первом царстве было велено смотреть в огромное

зеркало, где отражались отвратительные животные – их будущие обличья, здесь заставляют подниматься на пагоду, с высокой верхушки которой они созерцают и свои родные места, и все земные радости, которые доставляло им общение с любимыми родственниками и близкими друзьями. Это зрелище безвозвратного прошлого усиливает их мучения, после чего они сходят в зал суда, чтобы подвергнуться разнообразным пыткам. Пройдя через череду этих страданий, они вновь всходят на пагоду взглянуть еще раз на сцены из прошлого, что делает нестерпимым их нынешнее состояние. Помимо них, в этот край попадают те, кто не верил в Будду, – наветчики, клеветники, хулители добрых и хороших людей, а также поджигатели. Некоторых из них распиливают пополам, других обращают в животных или птиц. Людей, прославившихся на земле благотворительностью, Яньло Ван направляет в десятое царство, где им воздают почести. Поскольку день рождения этого царя празднуется в восьмой день первого месяца, многочисленные молящиеся простираются ниц перед его идолом и торжественно клянутся исправиться. Полагают, что принесенная в этот день клятва – верное средство для того, чтобы получить полное прощение всех прегрешений от Яньло Вана.

Считается, что шестое царство расположено под той частью моря, что омывает северное побережье Китая. Им управляет Бяньчэн Ван, который распределяет наказания среди тех, кто всегда жалуется на время года, карает воров, святотатственно соскребающих позолоту с идолов, хулителей сочинений Конфуция, тех, кто оставляет мусор неподалеку от храмов, тех, кто совершает поклонение богам, не омыв сперва своего тела, читателей непристойных книг. Он же судит тех, кто рисует на фарфоре или вышивает на шелке богов и ангелов, или же солнце, луну и звезды, а также уничтожающих хорошие книги, неэкономно тратящих рис.

Святотатцев, соскребавших позолоту с идолов, подвешивают за кисти и потрошат, уничтожающих хорошие книги подвешивают за ноги и сдирают с них кожу, всегда недовольных погодой распиливают пополам, а других грешников ставят на колени, на острые железки. Здесь получают вознаграждение те добродетельные люди, которые жертвовали часть своего состояния в фонды, учрежденные для возведения храмов или для пожертвований в их пользу.

Седьмым царством, которое, как говорят, расположено под северо-западным океаном, правит Тайшань Ван. Он судит фальшивомонетчиков, стариков, сосавших женские груди (в Китае такое случается), врачей, изготовлявших лекарства из человеческих костей, которые в больших количествах бывают разбросаны на китайских кладбищах. Его суду подлежат также грабители могил, женщины, стремившиеся вызвать у себя выкидыш, учителя, не заботившиеся об учениках, хозяева, дурно обращавшиеся со своими рабами, притеснители бедных и соседей, а также те, кто заискивал перед сильными мира сего. Этот царь велит сбрасывать в вулканы грабителей могил. Практикующих врачей, стремящихся разбогатеть, похищая кости с кладбищ, варят в кипящем масле, а на остальных надевают кангу. Как бы то ни было, считается, что люди, виновные в любом из этих прегрешений, могут искупить их в этой жизни, покупая птиц, выставленных на продажу в лавках торговцев дичью, и выпуская их на свободу, или же обеспечивая гробы для достойного захоронения нищих, которых, за отсутствием домов для бедных, регулярно находят умирающими или уже мертвыми на улицах китайских городов. Этот царь вознаграждает добрых людей, которые подвергались кровопусканию из рук или ног, чтобы спасти больного родителя, если врач заявлял, что это будет единственным спасением.

Восьмым царством правит Пиндэн Ван, перед которым предстают люди, пренебрегавшие обязанностью помогать своим родителям, или поддерживать их во время болезни, или устраивать их похороны. Он судит также людей, оказавшихся неблагодарными по отношению к своим благодетелям или позволявших себе участвовать в непристойных разговорах. Здесь наказывают женщин, которые вывешивали одежду сушиться на крыше, что китайцы

полагают крайне неприятным для духов усопших, поскольку это якобы мешает их полету по воздуху. Непокорных детей превращают в животных или бросают под лошадиные копыта. Виновных в неблагодарности распиливают пополам, ведших непристойные разговоры привязывают к столбам и отрубают у них языки, а хозяек, заботившихся более о сушке своего белья, чем о духах усопших, погружают в кровавое озеро. Здесь получают вознаграждение люди, которые жертвовали в пользу нищенствующих буддийских монахов.

В девятое царство, которым управляет Души Ван, попадают грешники, виновные в поджоге; художники, продававшие свой талант, рисуя непристойные картины; священнослужители, растратившие средства, отпущенные на благо их монастырей; монахи, продававшие посетителям своих монастырей религиозные брошюры, предназначенные к бесплатной раздаче; люди, убивавшие птиц, рыб, кур, свиней и тому подобное; сеявшие разлад между мужьями и женами или между родителями и детьми, а также те, кто давал женщинам афродизиаки. Преступных священников и монахов сбрасывают на острые шипы, убивавших кур, свиней и рыб поедают их бывшие жертвы, сеятелей разлада между мужьями и женами пронзают трезубцами, ссоривших родителей с детьми пожирают дикие животные, тех, кто давал лекарства, предназначенные для низменных целей, терзают клыками кабаны. Здесь получают вознаграждение великодушные люди, снабжавшие бедных горячим чаем в холодные зимние месяцы, холодным в летний зной и обеспечивавшие лекарствами больных во время поветрий, а также лодочники, бесплатно перевозившие бедных.

В десятое царство в конечном счете препровождают всех, кому в других царствах были определены наказания или награды; сюда они попадают, чтобы вновь вернуться на землю, — добродетельные в качестве уважаемых и знатных людей, а нечестивые в облике зверей, птиц, насекомых или пресмыкающихся.

С тем чтобы запечатлеть в сознании людей ужасные наказания, ожидающие нечестивцев в этих десяти царствах, во многих городах в четвертый месяц года устраивают символические шествия. В 1865 году я видел такую большую процессию в Тяньцзине. Она состояла из мужчин, мальчиков и девочек, наряженных в тюремные одежды; их вели по улицам другие люди, изображавшие чертенят, приставленных к адским мукам. Эти палачи были облачены в самые нелепые костюмы, а их лица были скрыты под масками ужасающего вида.

Следует упомянуть также о другом божестве государственного культа — о Хуншэне Ване, или Чжужуне, боге южного океана. На большом ежегодном празднике в его честь храм Боло-мяо неподалеку от устья реки Чжуцзян (несколькими милями по течению ниже Хуанпу) переполнен молящимися. Все пространство перед ним покрыто ларьками, которые снабжают всевозможными супами и кушаньями толпы паломников из разных районов провинции. Празднество продолжается три дня и три ночи. Посвященный ему храм, некогда находившийся в местности под названием Яньганхай уезда Наньхай, был разрушен по приказу императора Цяньлуна. Связанная с его разрушением любопытная история настолько характерна для Китая, что я осмелюсь рассказать ее здесь. Случилось так, что в одном из помещений храма учитель из рода Хэ держал школу. Однажды в примыкающей к школе комнате он поставил корзину, в которой было немного риса. Пробравшийся в комнату петух взгромоздился на край корзины, которая перевернулась и накрыла его. Весьма обеспокоенный внезапным таинственным исчезновением птицы хозяин воззвал к богу, прося сообщить о ее местонахождении. Как рассказывают, ответ оракула сводился к тому, что петух в храме; и в конце концов его действительно нашли под корзиной. Хозяин сразу решил, что человек, которому принадлежала корзина, пытался украсть птицу, и публично обвинил учителя в воровстве. Само собой, ложное обвинение очень разгневало учителя. Через несколько лет случилось так, что он успешно сдал экзамены в Пекине, и это достижение дало ему возможность побеседовать с императором Цяньлуном, взошедшим на трон в 1736 году. В ходе разговора государя с подданным последний пожаловался на выдвинутое против него серьезное

обвинение и попросил его величество наказать тех, по чьей вине он был подвергнут унижению. Просьба была удовлетворена, и император немедленно велел снести храм, в котором Хэ постигла беда.

Когда храм был разрушен, жители шести соседних деревень, сочтя, что лишение храма – бесчестие для идола, решили по очереди содержать его в своих храмах предков. И тогда каждый год шестнадцатого числа восьмого месяца крестьяне, чей год попечительства истекает, относят идола в Яньганхай, где его встречают и с ликованием уносят крестьяне той деревни, в храме предков которой он проведет следующий год. В течение года крестьяне, ответственные за идола, ежедневно сменяются. Обязанности назначенного для этого человека – приносить божеству в жертву кур, свинину, вино, чай и все необходимое.

Расходы на жертвоприношения покрываются деньгами, которые получают от посетителей театральных представлений в день смены богом резиденции и два последующих дня.

Самое популярное из божеств, которым не воздают почестей на государственном уровне, – это Бэй-ди, или Пак-тай (кантонское произношение), великий бог севера, о котором рассказывают многие китайские предания. Пак-тай, существовавший до возникновения мира, стал распорядителем его судеб. Самое замечательное воплощение бога было таким: Пак-тай, в сердце которого вошел дух солнца, посетил древний народ страны Цин-лэ-го (Чистой радости). Царица этих людей предстала перед ним и была осенена духом солнца. Через четырнадцать месяцев она родила аватару, или воплощение Пак-тая. Он вышел из материнского чрева через разрез, сделанный под левой стороной грудной клетки. Когда он родился, яркое разноцветное облако накрыло страну; воздух был напоен самыми душистыми запахами, а в земле стихийно родились редкие драгоценные камни. Вскоре после рождения дитя представило доказательства большой силы ума и замечательной чистоты души. В семилетнем возрасте мальчик был уже сведущ в разных областях литературы. В пятнадцать лет он оставил дом, невзирая на мольбы родителей, и стал бродить по горам. Там ему явился небесный учитель по имени Юй-Цин-Шэн-Цзу (святой патриарх Нефритовой чистоты), который преподавал ему священные доктрины. После пятисотлетнего послушничества он вознесся на небеса на девятицветной колеснице в сопровождении свиты, состоявшей из ангелов и красавиц. Тогда он и принял имя Пак-тай.

Затем, как говорится в китайских анналах, мир, вследствие крайней развращенности его обитателей, был разрушен потопом в царствование Яо (2357 год до Р. Х.). Эта дата почти совпадает со временем, когда, согласно нашей хронологии, произошел Ноев потоп, и многие приходили к заключению, что он идентичен потопу, упоминающемуся в Ветхом Завете. Когда понизился уровень вод, вздымавшихся, покуда они не покрыли вершины высочайших гор, Пак-тай вновь явился на земле, дабы искоренить из сердец спасенных богами людей и из сердец их потомков зло, ставшее причиной такого страшного приговора человеческому роду, а также передать им утраченные знания в области земледелия, искусств и наук. Во время правления династии Шан, которая правила в Китае с 1766 по 1122 год до Р. Х., люди вновь стали порочными; тогда Пак-тай вернулся, чтобы перевоспитать их. Прежде всего он сверг царствующий дом Шан и утвердил династию Чжоу. Затем он начал войну против злого духа, чьим легионам, по преданию, помогали огромные и могущественные черепаха со змеями.

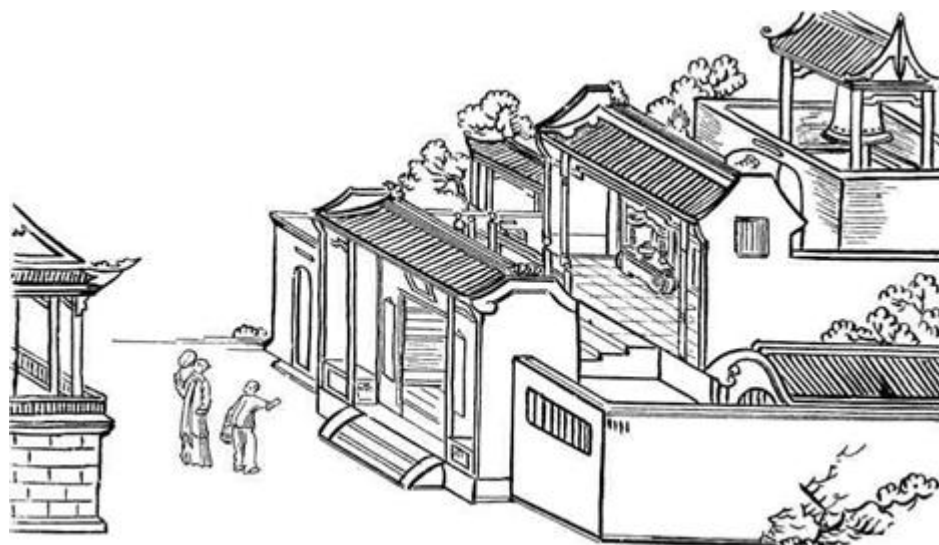
Китайцы считают Пак-тая одним из самых милосердных богов. Обычно посвященные ему храмы переполнены молящимися. Нередко люди, предпринимая какую-нибудь торговую операцию, обращаются к нему за благословением. Если их предприятие оказывается успешным, они помещают на стенах храма позолоченную табличку с четырьмя китайскими иероглифами, которые выражают их благодарность божеству. В 1862 году я посетил один из главных храмов Пак-тая и был поражен, увидев человека, принадлежавшего к умнейшим из тех китайских купцов, с которыми вели дела иностранцы: он обращался к идолу с целью получить пророчество. Он сказал мне, что собирается начать серьезную деловую операцию

совместно с одним английским купцом, и поэтому молит Пак-тая даровать его делам свою промыслительную заботу.

В конце года деловые партнеры нередко составляют декларацию, написанную ярко-красными иероглифами на желтой бумаге, в которой говорится, что во всех сделках они были верны друг другу. Такую декларацию они приносят в один из храмов этого бога и, прочитав ее вслух перед его идолом, сжигают, чтобы передать ее богу, а также для ее регистрации. Хозяева и слуги тоже скрепляют там свои соглашения. Кроме того, храмы Пак-тая посещают, чтобы принести клятву или сделать торжественное заявление. В основном это касается людей, обвиненных в краже и желающих заявить о своей невиновности. В 1862 году я видел в кантонском храме Пак-тая почтенного старца, которого привел гуда молодой человек, желая выслушать от него некое клятвенное заверение. Когда они помолились и возжгли благовония, юноша спросил своего спутника: «Смеешь ли ты в присутствии идола заявить, что ты невиновен в краже моей одежды?» Старик торжественно заявил, что он ничуть не виновен в этом, и обвинителя его ответ, казалось, вполне удовлетворил.

Следует упомянуть также глубоко чтимых китайцами Пять Гениев. Они правят так называемыми пятью первоэлементами, а именно Огнем, Землей, Водой, Металлом и Деревом. Пяти Гениям воздают почести в четвертый месяц каждого года, устраивая пышные пиры. В это время в их храмы приходят многочисленные верующие, чтобы поблагодарить этих богов за исцеление. Они приходят в красных платьях, подобных одеждам китайских осужденных или тюремных узников, с цепями вокруг шеи, оковами на щиколотках и наручниках на запястьях в знак того, что смиряются и считают себя недостойными. Даосские священнослужители утверждают, что во власти этих божеств излечивать больных, поскольку человеческое тело состоит из элементов, которыми они управляют. Здоровье или болезнь зависят от правильного или неправильного соотношения пяти элементов в теле.

На большом жертвеннике у ног Пяти Гениев в их храме под названием У сянь Гуань на Большой рыночной улице в Кантоне находятся пять камней. Считается, что это окаменевшие останки пяти баранов, на которых боги въехали в город. Во время въезда каждый из Гениев держал в руке пшеничный колос. По преданию, первый из них был одет в белое, второй – в желтое, третий – в черное, четвертый – в зеленое, а пятый – в красное. Пройдя через один из главных рынков, Гении сказали: пусть голод никогда не посетит рынки этой местности, и улетели. На месте, где стояли бараны, нашли пять камней и сразу же решили, что это и есть те самые бараны. В результате этого легендарного визита Гениев Кантон иногда называют городом Баранов, городом Гениев, или Ангелов, а также городом Зерна.



Храм Пяти Гениев в Кантоне

На большой колокольне храма находится, на мой взгляд, самый большой в Южном Китае колокол^{37}. Однако он никогда не звонил, поскольку и маньчжуры и китайцы (особенно первые) верят, что, как только он зазвонит, город постигнет беда. Почти ни у каких китайских колоколов нет языков. В 1865 году, когда адмирал сэр Майкл Сеймур бомбардировал Кантон, от выстрела одного из орудий судна вго величества «Encounter» колокол зазвонил. И конечно, этому звону китайцы приписали последующее взятие города союзными армиями Великобритании и Франции.

Заметное место среди почитаемых китайцами богинь занимает Тянь-Хоу, Небесная царица. Эта канонизированная святая была уроженкой провинции Фуцзянь и принадлежала к семье Линь. Ее будущее величие предвещали сверхъестественные события. Еще в младенчестве она казалась развитой не по годам. Когда ей исполнилось одиннадцать, она пожелала стать даосской монахиней, однако родители не были согласны с ее решением, и она осталась жить с ними. Четверо ее братьев были купцами. Однажды, когда они отсутствовали по торговым делам, она впала в глубокое забытие и пробудилась только от громких причитаний родителей, решивших, что она умерла. Придя в себя, Тянь-Хоу сообщила родителям, что видела, как братья плыли по морю и попали в страшную бурю. Вскоре после этого младший сын вернулся домой и сообщил, что старший погиб в море. Он рассказал, что во время бури в небесах появилась какая-то женщина, взяла корабль на буксир и увела его в безопасное место. В это время в комнату вошла сестра и сразу же поздравила его со спасением. Она сказала, что хотела спасти и старшего брата, но как раз когда подала ему руку помощи, ее пробудил от видения плач скорбящих родителей.

Когда Тянь-хоу умерла в возрасте двадцати лет, родственники заявили, что раз в месяц ее дух возвращается домой. Из этого они заключили, что она стала богиней, и воздвигли в ее честь храм. Слава о ней скоро распространилась повсюду, и в анналах содержатся многочисленные примеры спасения ею попавших в шторм экипажей кораблей. Еще в XVIII веке благодаря ее вмешательству был спасен императорский посол; ей приписывают также спасение людей во время правления династии Сун (примерно за семьсот лет до того). И поэтому в настоящее время ее храмы есть во всех провинциях, а император Даогуан даровал ей еще более почетный титул Тянь-ди-хоу. Этой богине поклоняются многочисленные верующие. Особенно ее почитают рыбаки и моряки. День ее рождения празднуют двадцать третьего числа третьего месяца. В рамках государственного культа ей поклоняются, когда отмечают новогодние праздники, а также во время равноденствий.

Гуаньинь, богине милосердия, поклоняются с большой торжественностью в девятнадцатый день второго месяца (это день ее рождения), а также в дни годовщины ее смерти и канонизации. История жизненного пути этой канонизированной буддийской монахини полна чудес; и едва ли можно, придя в ее храм, не найти там женщин и детей. Во время посвященных ей праздников в храмы стекается множество женщин; они зажигают ароматические свечи, стоящие в священном светильнике над алтарем. Они относят горящие свечи к себе домой, потому что считается, что поднимающийся от них дымок обладает очищающим действием. Другие молящиеся, у которых есть больные родственники, обращают чай к дыму, который поднимается над горящими на алтаре благовониями. Вернувшись домой, они поят им больных. Часто Гуаньинь молятся и во время праздника Цинмин, или Почитания могил. Полагают, что ее забота распространяется и на души умерших. В это время перед ее жертвенниками сжигают бумажную одежду и даже сделанные из того же материала дома, слуг и носилки. Согласно поверью, богиня передает эти жертвы душам усопших, которым они и предназначены. Эту церемонию обычно совершают в полночь. Кроме того, в это время женщины приходят в ее храмы помолиться за больных мужей или детей. В таких случаях моление совершают буддийские монахи. Перед иколом ставят два стола, отстоящие друг от друга приблизительно на шесть футов, а на них кладут фрукты и цветы, предназначен-

ные для жертвоприношения. Женщины сидят или стоят на коленях неподалеку от столов, а монахи огибают их под медленную музыку, которая становится все быстрее, и кончается тем, что монахи двигаются бегом. Эта нелепая служба заканчивается тем, что монахи гурьбой бросаются к женщинам и поздравляют их.

По всей империи множество храмов, воздвигнутых в честь богини милосердия. В самом значительном из ее кантонских храмов некогда находилось несколько очень ценных украшений, поднесенных богине императором Даогуаном за блага, которыми она, как полагали, одарила южную часть империи. Драгоценное украшение из нефрита было даром богине за победу над британскими варварами, которую якобы именно она даровала китайским войскам в 1841 году.

Другая богиня, популярная среди замужних китайок, – это Цзиньхуа, которая покровительствует женщинам и детям. Она была уроженкой Кантона и жила во время царствования императора Чэнхуа (Сянь-цзуна), который взшел на трон в 1465 году. Еще в самом юном возрасте она была постоянной посетительницей всех храмов, расположенных неподалеку от ее дома. По преданию, она обладала способностью общаться с душами умерших. Устав наконец от этого мира, она утопилась. Через некоторое время ее тело всплыло, и воздух наполнился сладостным ароматом. Когда тело было положено в гроб, все увидели, как со дна реки поднялась сандаловая статуя Цзиньхуа и застыла на месте. Для нее воздвигли храм, но какой-то иконоборец умышленно сжег идола, и теперь он заменен глиняной статуей. Ее главный храм находится в Хэнане, пригороде Кантона. По большей части ей поклоняются замужние женщины, желающие родить ребенка. Она считается китайской Венерой Прародительницей. Список обязанностей, распределенных между ее прислужницами, это настоящее пособие по искусству растить детей. Одна из них считается защитницей детей, больных оспой, вторая отвечает за омовение малышей, третья надзирает за кормлением новорожденных и грудных детей, четвертая покровительствует мальчикам, пятая следит за тщательностью готовки еды для малышей, шестая присматривает за родами, во власти седьмой – даровать зачавшей женщине дитя женского или мужского пола в ответ на ее молитвы, восьмая может благословить женщину ребенком мужского пола, девятая делает детей жизнерадостными и веселыми, десятая надзирает за обрезанием пуповины, одиннадцатая обеспечивает зачатие, на попечении двенадцатой – обучение детей улыбаться, тринадцатая отвечает за малышей, которые еще не научились ходить, четырнадцатая учит их ходить, пятнадцатая занимается тем, что учит их сосать, шестнадцатая присматривает за еще неродившимися детьми, семнадцатая следит, чтобы на телах детей, которые вот-вот должны родиться, не было ран или язв, восемнадцатая покровительствует девочкам, девятнадцатая наделяет детей силами. Двдцатую прислужницу Цзиньхуа зовут Хо-ши-хуа-фужэнь.



Триада чистых

Идолов прислужниц (у которых они есть) изображают с детьми в руках. Им нередко поклоняются бесплодные женщины. Они обвивают веревками шеи детей на руках идолов. В храмах Цзиньхуа выставляют на продажу пачки чая, которые покупают матери для своих больных детей. Сначала мать подносит чай богине, а затем смешивает его с пеплом ароматических свечей, горящих на жертвеннике.

Большое торжество устраивают по поводу дня рождения Цзиньхуа. Эта богиня, кажется, более популярна на севере Китая, чем на юге.

Китайское идолопоклонство достигает верха нелепости или даже греховности в обожествлении обезьяны, носящей звучный титул «Великого Мудреца, равного Небу». Родившись из камня, это животное провозгласило себя царем обезьян. В конце концов, обезьяна выучилась языку и повадкам людей и обрела сверхъестественные способности. Она заняла место среди богов вопреки их нежеланию допустить ее в свой круг и добилась от Юй хуанди (Нефритового императора) присуждения ей божественного титула. Идол этого животного с протянутыми как бы при благословении руками находится в храме Пяти Гениев. Каждый год его снабжают шапкой и шелковыми одеждами. Среди молящихся ему часто встречаются женщины в положении и игроки. Как ни удивительно, иногда китайские матери посвящают детей этому богу.

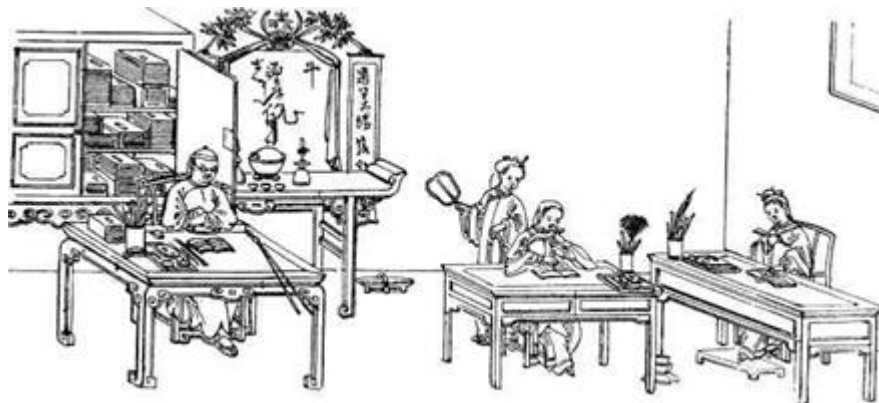
Среди других важных божеств китайцев можно упомянуть Шэ Цзи, кому, как богу земли и зерна, дважды в год поклоняются на официальном уровне, и Фэн-Хо-Шэнь, или богов ветра и огня, которые также являются объектами государственного культа. Можно добавить, что в каждом укрепленном городе есть храмы под названием Чжунле-цы. Они воздвигнуты в честь Верных Министров; туда помещают таблички в честь людей, отличившихся на государственной службе.

Глава 6

Просвещение и печать

Ученость – это путь ко всем почетным и значительным должностям в Китае. Возможно, нет другой такой страны, где образование определенного рода было бы настолько популярно среди мужского населения. Система конкурсных экзаменов и тот факт, что знания в области литературы – необходимое условие для получения высочайших государственных постов, для национального просвещения оказываются сильнейшим стимулом. Таким образом, совсем не трудно убедить китайских родителей отправить детей в школу; и поскольку школы многочисленны, а школьные учителя в общем непритязательны, самые бедные люди в состоянии обеспечить своим детям образование, которое может позволить им в перспективе занять высокий государственный пост. Но хотя государство многое делает для поощрения образования, по-моему, нет слоя общества, которому оно давалось бы за государственный счет, за исключением сыновей высокопоставленных государственных служащих и знатных маньчжуров, посещающих государственное учебное заведение, устроенное для них в Пекине. Они обучаются там китайскому, монгольскому и маньчжурскому языкам; по завершении курса их отправляют в разные части империи служить посланниками, пока не станут вакантными более важные должности. Избранных учащихся готовят к последующей службе в астрономическом департаменте, основная обязанность которого – информировать императора о датах грядущих солнечных и лунных затмений.

Вопреки существующему мнению, образование в Китае доступно не только сильному полу. Напротив, по крайней мере на юге Китая, весьма многочисленны школы, где молодые дамы получают образование и столоются; ими руководят учителя или воспитательницы. Кроме того, нередки случаи, когда молодые дамы получают образование дома под надзором учителя. Вероятно, кто-то может решить, будто в Китае женское образование – новшество. Но это далеко не так: в китайских библиотеках, как правило, можно найти книги, содержащие жизнеописания женщин, которые во время правления предшествующих династий славились своей великой ученостью. Однако не может быть сомнений в том, что среди женщин образование распространено гораздо меньше, чем среди мужчин. Женщины, принадлежащие к более бедным слоям общества, довольно-таки невежественны. Судя по полученному мной интересному письму на эту тему, в северных провинциях Китая обучение женщин почти совершенно заброшено. Мистер Коллинз пишет мне о пренебрежении женским образованием в северных провинциях: «Во время моего пребывания в монастыре Биюнь-сы весной нынешнего, 1855 года меня посетили более трехсот двадцати женщин разного общественного положения. Среди них была принцесса, принадлежащая к императорской фамилии и вышедшая замуж за мандарина самого высокого ранга, с коралловым шариком на головном уборе. Ее сопровождали четыре дочери – миловидные, интересные девушки в возрасте от шестнадцати до двадцати трех лет, – две невестки, младший сын и несколько фрейлин. Я осведомился у леди, умеет ли она читать, и получил отрицательный ответ, а спросив, умеют ли читать ее более молодые спутницы, получил обычный ответ: «Здесь, на севере, девушек не учат». Мать – видная пятидесятилетняя женщина, держащаяся с достоинством, согласно китайским представлениям – настоящая дама; ее отличает ощущение собственного превосходства, которое так свойственно знатным маньчжурским дамам. Среди всех моих посетительниц умели читать лишь две женщины, и они не были знатными. В прошлом году доля грамотных среди посетивших меня двухсот девяноста женщин была несколько выше. Из них умели читать три маньчжурские дамы и две менее знатные китайки. Маленькая дочь уездного магистрата навестила меня и сообщила, что она каждый день читает с учителем, который в то же время занимается и с двумя мальчиками из других семей».



Домашний наставник занимается с девочками

Как и в Англии, в Китае существует две разновидности школ: без пансиона и интернаты. Первые обычно устраивают в главных залах редко посещаемых храмов и в свободных цеховых помещениях. Каждому мальчику отведены стул и парта. Парты расставлены так, чтобы не дать ученикам возможности разговаривать во время занятий. Чтобы учитель знал, что его питомцы внимательны, при заучивании уроков наизусть им велят читать вслух, поэтому шум, доносящийся из китайских школ, может создать у иностранца впечатление, будто это сумасшедший дом, а не учебное заведение. Существуют и школы высшего разряда, которые посещают студенты восемнадцати лет и старше. Там каждому ученику предоставляют отдельную комнату. Есть также общий зал, где директор школы читает лекции по китайским классическим книгам. Считается, что посещающие эти школы юноши готовятся к экзамену на степень бакалавра искусств. И пока они не получают этой степени, не имеют права поступить в университет. Другие студенты стремятся к деревенскому уединению, выбирая романтические красоты в качестве фона для своих занятий. На юге Китая студенты часто отправляются в горы Сицзя, где находят удобные пристанища в скитах, пагодах и храмах, построенных с большим вкусом и окруженных деревьями с пышной листвой^{38}.

Родители отправляют детей в школу уже в шесть лет и очень заботятся о выборе достойного учителя. Радение христианского родителя о том, чтобы познакомить детей с истинами божественного откровения, едва ли может быть сильнее, чем искреннее желание китайца обеспечить всестороннее знание об учениях древних мудрецов своим потомством.

Когда учитель выбран, как правило, общий друг договаривается о выгодных для родителей условиях его вознаграждения; составляется письменный договор. Все родители угощают учителя обедом по случаю того, что их сыновья становятся школьниками, а в богатых домах, когда выбирают учителя или домашнего наставника для сына, дают театральные представления. Первый раз мальчик приходит в школу в счастливый день^{39}, выбранный предсказателем, и приносит денежный подарок для учителя. Его также снабжают так называемой визитной карточкой школьника. Войдя в школу, он прежде всего обращается лицом к святилищу Конфуция, которое бывает в каждой школе, и совершает поклонение великому философу. Затем он приветствует своего учителя, подносит ему подарок и свою визитную карточку. Последний, объяснив ученику новые обязанности, проводит его к парте. Каникулы бывают во время празднования Нового года и осенью. Но нередко школьникам приходится возвращаться домой для участия в некоторых религиозных торжествах, например в почитании могил и табличек предков, а также в праздновании дней рождения родителей, дедушек и бабушек. Мальчики энергичны и веселы и в этом отношении очень напоминают английских школьников. Учителя — это обычно люди, которые получили степень бакалавра искусств, но не смогли сдать экзамены на более высокую степень. Однако мне встречались и обладатели докторской степени, очевидно предпочитавшие государственной должности преподавание.

Китайский учитель по отношению к своим ученикам занимает место отца и твердо верит в истину высказывания «кто жалеет розгу, тот портит ребенка». В каждом учебном заведении подобного рода (а я был во многих школах) я видел палку. Как мальчиков, так и девочек беспощадно наказывают за любое нарушение правил поведения или школьного распорядка. Во время одного из таких посещений со мной был один мой друг, капитан британского флота. Как только мальчики увидели его форму, они в панике бросились вон из класса через заднюю дверь – решили, что за их душами явился целый отряд моряков в синей форме; очевидно, не меньше перепугался и учитель.

Во всех школах на юге Китая обучение начинается с триметрического канона («Сань цзы цзина», или «Троесловия»). От него переходят к тексту тысячи иероглифов («Цянь цзы вэня») и к сборнику стихов для младших учеников. Каждое предложение первой книги состоит из трех иероглифов. Они легки для понимания и заучивания наизусть. Хотя стиль этой книги крайне прост, считается, что ее содержание очень важно. Когда ученик в состоянии объяснить содержащиеся в них аллюзии исторического, литературного, ботанического и зоологического характера, полагают, что он сильно продвинулся вперед. В школах других провинций дети иногда начинают с заучивания наизусть фамилий. Текст тысячи иероглифов состоит из разных иероглифов, причем родственные знаки сгруппированы. Каждое предложение состоит из четырех иероглифов, а каждая пара предложений образует рифмованную строфу, что облегчает ученикам заучивание текста. В сборнике од для юношества каждое предложение состоит из пяти иероглифов. Замысел этой книги – пробудить в учениках внимательное отношение к занятиям, чтобы они по-настоящему постигли каноны. Такое знание в Китае – ключ к власти, богатству и славе. В сознание ученика внедряется глубокое восхищение древними мудрецами, посвятившими свою жизнь тому, чтобы вести людей к познанию и осуществлению мирового добра. Вот почему китайские интеллигенты – *literati*, с юных лет приученные считать труды великих мудрецов неизмеримо выше любых достижений позднейших эпох, не создают и не создавали ничего самостоятельного.

Когда ученик прошел этот курс обучения, он начинает изучение четырех книг – «Шу». О них я уже упоминал в 4-й главе. Можно сказать, что образование китайца главным образом заключается в изучении этики, а фундаментальную задачу всех этих текстов, вероятно, можно сформулировать в немногих словах. Она состоит в том, чтобы воспитать в людях добродетельность, дабы они могли достойно и успешно исполнять свой политический и общественный долг. Содержащиеся в канонах, например в «Шу Цзине», метафизические спекуляции крайне непродуманны. Великое Учение и Учение о Середине, или Учение Золотой Середины, как перевел это название Колли, были составлены соответственно Цзэн-фу-цзы и Цзы-сы – преданными учениками Конфуция; последний к тому же был его внуком. Четвертая из «Шу» состоит из сочинений Мэн-цзы, смелого и творческого мыслителя, жившего приблизительно через сто лет после Конфуция. Правительство определило, что во время экзаменов на ученые степени темы для испытания экзаменуемых должны быть взяты из четырех «Шу». Студенты заучивают их наизусть и посещают посвященные им лекции. Лекторов в университетах продвигают в должности в соответствии с тем, насколько посещаемы их занятия, поэтому желание сделать карьеру стимулирует их усердие. Я время от времени посещал училища и колледжи, когда лекторы разъясняли учения мудрецов. Молчание, царившее в это время, было будто в христианском храме. Даже слуги, по-видимому, на это время прекращали свою работу, чтобы не потревожить лектора. Только в качестве особой чести дозволяется подходить близко к залу, когда внутри читают лекцию.

Когда студент выучился четверем «Шу», он изучает «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин»). Этот труд приписывают Конфуцию; по преданию, завершив его, он сообщил об этом богам, и они выказали одобрение его труду, явив в небе большую радугу. Она постепенно стекла на землю и обратилась в огромную жемчужину.

Затем студент принимается за изучение пяти «Цзинов», содержание которых я кратко охарактеризовал ранее. За этим курсом следует изучение истории и общей литературы. Чтобы овладеть правилами литературной композиции, учащийся знакомится с сочинениями знаменитых писателей. На этом этапе ему часто приходится обсуждать достоинства прочитанного с наставником. Последний критикует ход мысли в этих сочинениях, а учащийся должен защищать. Считается, что, пройдя этот курс, студент готов сдавать экзамены на степень бакалавра искусств.

Экзамены на степень бакалавра искусств, или первую ученую степень, проводятся по всей империи два раза в каждые три года, а экзамены на вторую степень – степень магистра искусств – бывают один раз в три года. Экзамены на степень бакалавра искусств проходят в областных городах каждой провинции. Их устраивают в больших залах наподобие театра в Оксфорде или здания совета в Кембридже. Экзаменаторы в каждой провинции – правители уездов, правители областей и судья-литератор. Перед тем как явиться на экзамен, кандидаты направляются каждый в свой уездный город и оставляют в канцелярии уездного правителя документ, подписанный одним джентри или более этого уезда. В этом документе говорится, что они имеют право участвовать в испытаниях на степень бакалавра искусств как свободно рожденные подданные государства и что они не подпадают ни под какие запреты (сдавать экзамены не разрешается детям актеров, перевозчиков, полицейских и т. п.). Кроме того, там сообщается о возрасте кандидата и месте его рождения. Все правительственные сборы должны уплатить отцы молодых людей до того, как последних признают кандидатами.

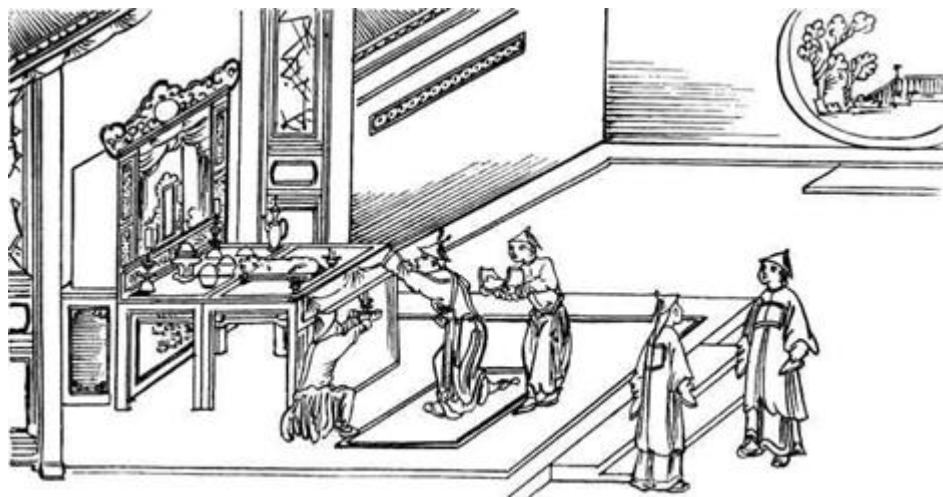
В день экзамена спозаранку кандидат отправляется в экзаменационный зал областного города. В руках у него корзинка своеобразной формы, в которой находятся кисточки, тушечница и тушь; у служащего он покупает бумагу, на которой будет писать свои сочинения. Ее продают студентам по крайне высокой цене, и, поскольку лишь в одной провинции иногда набирается до восьми тысяч кандидатов, эта мера, вероятно, приносит значительный доход в государственную казну. В определенный час раздается выстрел из пушки, и привратник закрывает ворота, ведущие в зал. Никто не может ни войти в зал, ни выйти из него до окончания экзамена. Когда студенты занимают свои места по одну сторону длинных столов, расставленных параллельными рядами, распределяются темы сочинений. Эти темы, как я уже говорил, берутся из четырех «Шу». Когда кандидат напишет два требуемых сочинения, то принимается за стихотворение из двенадцати строчек, по пять иероглифов в каждой. Затем кандидат должен воспроизвести на память фрагмент священного указа. В конце дня снова раздается пушечный выстрел, и студентам разрешают уйти. Однако тех, кто пишет медленно, обеспечивают освещением, чтобы они смогли закончить свои работы.

На следующий день экзаменаторы внимательно читают сочинения и составляют список кандидатов согласно результатам испытаний. Через два или три дня перечень кандидатов, выдержавших экзамен, вывешивают на стенах зала. Кандидаты, чьи имена не упомянуты в этом перечне, не посещают последующие испытания, которых бывает шесть или семь. Во время второго экзамена, который проводит правитель области во внутреннем зале своего ямэня, из четырех «Шу» выбирается только одна тема, вторую берут из Пяти канонов. Успешно прошедшие это испытание кандидаты участвуют в третьем экзамене, который проводит судья-литератор. В этом случае сочинение пишут по какой-нибудь фразе одной из четырех «Шу». Здесь снова обязательно стихотворение из двенадцати строчек, а также подробное обсуждение натурфилософских проблем. Остальные четыре экзамена тоже проводит судья-литератор. На них, как и на первых испытаниях, кандидаты пишут сочинения и стихи. Из шести или семи тысяч кандидатов к последнему состязанию остается, вероятно, не более сотни. Из этого количества не более шестидесяти получают степень бакалавра искусств. Иногда полагают, что предложенный правительством стандарт знания литературы очень высок, поскольку так мало кандидатов выдерживают экзамены. Однако это заблужде-

ние, так как, сколько бы кандидатов ни явилось сдавать экзамены, судье-литератору в любом случае позволено утвердить лишь шестьдесят человек. Утвержденные кандидаты являются в ямэнь судьи-литератора, чтобы получить знак отличия – золотой цветок, который носят на верхушке шапки или шляпы; он считается подарком императора. Кроме того, на плечи надевают богато вышитый капюшон или воротник, как выпускникам английских университетов. Когда эта церемония под названием цзинь-хуа окончена, удачливых кандидатов приглашают пообедать с судьей-литератором.

После оглашения списка имен шестидесяти избранных берега окрестных рек и заливов становятся очень оживленными. Можно видеть, как команды, состоящие из четырех-шести человек, гонят во всех направлениях легкие лодочки, чтобы принести взволнованным родителям вести об успехах их сыновей. Кое-кто бродит по городским улицам, сообщая окружающим громким голосом, что у них продаются точные списки выдержавших экзамены кандидатов. После того как новый обладатель ученой степени доберется до дома, первые несколько дней ему приходится проводить нанося визиты вежливости. Интересно, что он должен совершить поклонение в храме предков своей семьи. Кроме того, он обязан посетить своего учителя. Бакалавра в паланкине несут четверо, его сопровождают родственники и друзья, тоже в паланкинах. Процессию увеличивают золоченые балдахины, под которыми находятся подарки: свинина, пироги, фрукты и цветы. Каждый балдахин несут четверо. Впереди идут музыканты и знаменосцы. Когда такое шествие проходит по улицам города, молодой бакалавр – это герой дня.

Теперь бакалавры искусств зачислены в университеты. Университет есть, по всей видимости, в каждом укрепленном городе. Там они готовятся держать экзамен на степень магистра искусств. Экзамены на эту степень проводятся только в столицах провинций^{40}. Кандидатов нередко бывает больше семи или восьми тысяч – это все бакалавры искусств провинции.



Человек, получивший степень бакалавра, поклоняется табличкам с именами предков

Экзамен проводится в большом зале, разделенном на отсеки. В столице каждой провинции есть по одному такому залу, называемому гун-юань. Каждый студент заходит в свой отсек. В нем он остается и днем и ночью до конца экзамена. Каждый из рядов носит свое название. Отсеки пронумерованы, поэтому экзаменаторам несложно вызвать любого кандидата в случае необходимости. На площадке, окруженной рядами отсеков, расположена постройка, где помещаются экзаменаторы. Состав этой группы утверждает император; в каждую провинцию из Пекина шлют двух экзаменаторов. Это люди, известные своими познаниями в литературе. Провинциальные чиновники принимают их со всяческими почестями и уважением. На утро шестого дня восьмого месяца каждого третьего года все

мандарины сопровождают экзаменаторов в гун-юань. Генерал-губернатора в этот момент несут на плечах в открытом паланкине шестнадцать человек. Через два дня проводится экзамен, и студенты, купив бумагу, расходятся по своим отсекам, по мере того как их вызывает проверяющий – футай, или губернатор. Перед тем как впустить в отсеки, экзаменуемых обыскивают на предмет наличия справочной литературы. Первый экзамен продолжается два дня, на протяжении которых от студентов требуется написать три сочинения, руководствуясь цитатами из четырех «Шу», а также стихотворение из двенадцати пятистопных строчек. Во время второго испытания, которое также продолжается два дня, они пишут пять сочинений на темы из Пяти канонов. Во время третьего испытания они пишут пять сочинений на любые темы, которые сочтут нужным предложить экзаменаторы. Кандидаты сдают свои работы специально назначенным для этого служащим. Те передают их служащим, которые контролируют переписывание работ красными чернилами. Другие чиновники внимательно сравнивают получившиеся копии с оригиналами и наклеивают листок бумаги на имя кандидата, написанное на чистой странице. Затем сочинения делят между собой десять экзаменаторов, обязанность которых – определить правильность грамматики, а также разумность и последовательность рассуждений. Одобренные ими сочинения отдают пекинским экзаменаторам. Когда рассмотрение работ окончено, с имен соискателей, выдержавших экзамен, снимают наклеенную бумагу и торжественно объявляют, кто успешно прошел испытания. Студент, имя которого возглавляет список, получает звание цзе-юань.



Поздравительный визит к выдержавшему экзамены

Новых магистров искусств в ямэне генерал-губернатора награждают золотым цветком и капюшоном или воротником, расшитым более богато, чем тот, который носят выдержавшие экзамен на степень бакалавра искусств. За этой церемонией следует банкет, на котором они встречаются со всеми значительными чиновниками города и его окрестностей. Все это вызывает, конечно, куда большее волнение, чем экзамены на степень бакалавра искусств. Успех соискателя, сдавшего экзамен, радостен не только для его семьи, но и для всего рода. На стенах храма предков вывешивают доски с именами членов клана, получивших эту степень. Письмо, в котором экзаменаторы сообщают главе семьи об успехе одного из ее членов, вывешивают на стенах его дома. Конечно, когда успешно сдавший экзамены на степень магистра возвращается домой, его ожидают визиты вежливости и разные торжества. Друзья и родственники со свитой знаменосцев и музыкантов сопровождают его к храму предков, дабы он мог засвидетельствовать почтение усопшим предкам, чью фамилию он носит. Затем юный бакалавр приступает к необходимым приготовлениям для путешествия в Пекин: там

он должен сдавать экзамен на третью ученую степень, которая называется цзиньши. Эти испытания неизменно проходят в шестой день третьего месяца следующего года. Их проводят премьер-министр и один из князей – членов императорской семьи вместе с тремя другими экзаменаторами. Экзамены проходят сходно с теми, что проходят на получение двух предшествующих степеней. Выдержавшие экзамен кандидаты, первый из которых получает титул хуэй-юань, не возвращаются в свои провинции, а остаются в Пекине для участия в экзамене на четвертую степень – ханьлиня, или доктора права. Имена соискателей правительство сообщает губернаторам их провинций, а те передают информацию правителям областей, откуда родом новоиспеченные цзиньши. Правители областей приказывают, чтобы таблички с этими именами, написанными золочеными иероглифами, отнесли на государственных носилках вместе с различными подарками счастливым родителям выдержавших экзамены юношей. Как правило, правители областей получают хорошее вознаграждение за долгожданные вести; и я помню случай, когда родители были так рады, что их сын успешно сдал экзамены, что подарили одному из этих чиновников четыреста долларов.

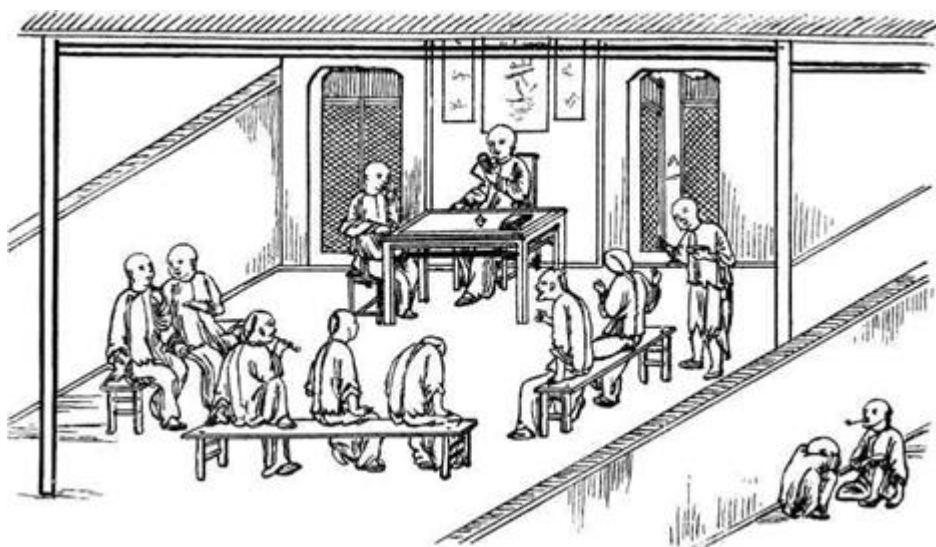
Экзамен на степень ханьлиня, или доктора права, проводится в императорском дворце в Пекине самим императором. Испытание состоит в том, что кандидаты должны дать письменный ответ на любой вопрос, предложенный императором. Кандидаты, успешно сдавшие экзамен, делятся на четыре класса. Принадлежащим к первому классу присуждают ученую степень и назначают для важных должностей. Те, кого отнесли ко второму классу, становятся членами внутреннего совета, к третьему – получают место в одном из шести высших судов, к четвертому – становятся правителями областей. Новоиспеченных ханьлиней приглашают на обед к императору; каждый гость сидит за отдельным столом, на котором стоят самые изысканные кушанья, – это считается большой честью. Первый из сдавших эти экзамены называется чжуаньюанем, и слава о нем разносится по всей империи. Вестники разъезжают по стране, сообщая его имя и в отдаленных селениях, и в многочисленных городах; люди разных званий придают особое значение тому, чтобы узнать некоторые подробности о его семье и образовании. Когда чжуаньюань путешествует, содержатели многочисленных постоянных дворов, где он останавливается, считают присутствие такого высокопоставленного посетителя очень почетным. В 1872 году Кантон имел честь стать родиной чжуаньюаня, и в этом году первый из ханьлиней совершил триумфальный въезд в этот город.

Зал Ханьлинь, в котором присуждается степень доктора юридических наук, построен в форме параллелограмма. По всем четырем его сторонам идет крытая галерея. У стен галереи находятся мраморные плиты, на которых начертан подлинный текст Конфуция. В центре, под балдахином, стоит трон, на котором восседает император, когда ему приходится разъяснять положения конфуцианства об исполнении государственного долга своим министрам. Когда присуждается степень доктора юридических наук, кандидаты выстраиваются вокруг трона, и по мере того как выкликают имя каждого из них, император красной тушью делает отметку против этого имени в перечне, который лежит перед ним.

Сочинения, которые пишут кандидаты на соискание разных степеней, должны содержать не меньше трехсот шестидесяти и не больше семисот двадцати иероглифов. Заметки на полях и исправления допускаются, если их объем не превышает ста иероглифов. Китайцы признают не менее шести стилей написания знаков, и, поскольку от пишущих сочинение требуется особое внимание к каллиграфии, они пользуются кай-шу – самым изысканным стилем. Другие стили письма – это чжуань-шу, или «древнее написание, которое ведет начало непосредственно от иероглифики; начертанный при его помощи знак – карикатура, или нечто неуклюжее и незаконченное»; ли-шу, который «используется для официальных нужд; он свободнее книжного»; син-шу – «ровный плавный почерк, которым пишутся бумаги, требующие резолюции»; цао-шу – «быстрый и краткий» способ написания, который используется при обычных сделках и в переписке; и сун-ти, «нормальный вид иероглифа,

используемый в печати». Китайцы относятся к письменному языку почти с религиозным благоговением. Они никогда не забывают о том, что это средство, при помощи которого они обретают мудрость древних. Интеллигенты – *literati* – нанимают людей ходить по городским и деревенским улицам и собирать бумажный мусор в домах и лавках, дабы никто не топтал обрывки, на которых начертаны китайские иероглифы. Каждому из них дают две корзины. При крике такого человека: «Си-цзы-чжи!» («Берегите печатную бумагу!») – люди бегут к дверям и опорожняют свои корзины для бумаг, высыпая их содержимое в его корзины. Когда его корзины наполняются, он относит их в храм или в цеховое здание, где устроена специальная печь для уничтожения собранной таким образом бумаги. Часто пепел от этой бумаги складывают в глиняные сосуды и выбрасывают в реку, чтобы она унесла его в море.

Кроме тех классических книг, о которых я упоминал, у китайцев, конечно, есть множество исторических, политических и философских трудов, всевозможных романов и прочих разнообразных сочинений. Но хотя они были ученым народом еще задолго до начала христианской эры, публичных библиотек у них нет, если не называть так библиотеки для нужд правительственных чиновников^{41}. Однако жаловаться на недостаток публичных лекций нельзя: во многих городах, маленьких и больших, есть люди, называемые цзян-гу; они живут в храмовых зданиях и читают лекции, посвященные древней истории Китая и сочинениям мудрецов. Каждый слушатель платит лектору небольшую сумму; китаец, посетивший серию таких лекций, получает вполне приемлемое представление об истории страны. Поскольку получаемый лектором гонорар очень мал, он пытается увеличить свои доходы при помощи торговли фруктами и сигарами, которыми покрыт стоящий перед ним стол. Часто во время лекции кто-нибудь подходит к столу и берет оттуда сигару или апельсин, прежде положив на стол деньги.



Публичная лекция

Среди основных государств мира ни в одном свобода печати не находится в таком плачевном состоянии, как в Китае. Удивительно, в каком невежестве пребывает народ в отношении текущих событий – и пустяковых, и самых важных. До самого последнего времени во всей стране не было ни одной газеты, кроме *Peking Gazette*, которая теперь стала ежедневной, а это официальный орган печати коррумпированного правительства.

По-моему, это старейшая в мире газета; говорят, что она существовала задолго до того, как в Европе было изобретено книгопечатание, и то, что она так долго оставалась единственной во всей империи, – доказательство консервативного характера китайцев. В ней обычно освещаются различные подробности о деятельности правительства, причем эта информация бывает очень скудной. На достоверность сообщений этой газеты полагаться сложно. Инте-

ресно, что на ее страницах серьезные поражения императорских войск обращаются в славные победы. В столицу каждой провинции отправляют экземпляр Peking Gazette, и там ее перепечатывают под строгим надзором местных властей. Если издатель при этом прибавит что-то к оригиналу или, наоборот, уберет из него какие-нибудь сведения, то будет наказан одной сотней ударов и трехлетней ссылкой.

В каждой столице провинции ежедневно публикуют придворный циркуляр, в котором содержится перечень имен официальных или неофициальных посетителей, бывших в предыдущий день во дворце наместника. Этот циркуляр сообщает также о днях рождения членов императорской семьи и местных высокопоставленных чиновников.

Большую часть информации о текущих событиях люди извлекают из новостных бюллетеней, которые продаются на улицах. Там так много чудес, что верить им нельзя вообще. Они сообщали просто с непревзойденной бесстыдной лживостью о поражении, нанесенном императорской армией британским и французским войскам. Следующий фрагмент представляет собой извлечение из одного такого бюллетеня, который продавался в Кантоне во время последней войны:

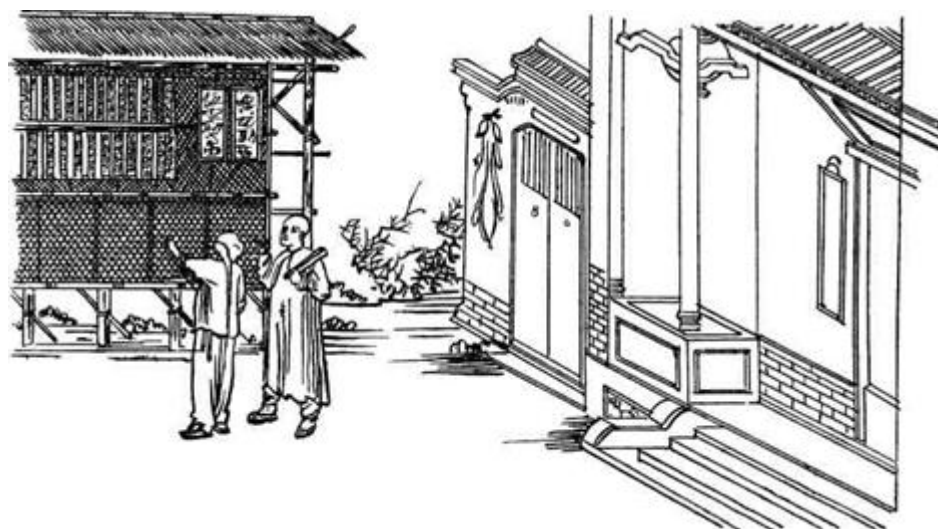
«Услышав, что князь Цзэн отступил к Тунчжао, англичане и французы разделили свои войска. Большая их часть пошла в наступление к Тунчжао, и англичане велели тысячному отряду кавалерии начать боевые действия. Князь Цзэн также велел маньчжурской кавалерии дать им бой, и семьсот английских кавалеристов были убиты из мушкетов. Затем в наступление пошла пехота, и с обеих сторон начались выстрелы, стали падать убитые. Гул орудий не смолкал весь день. Сражение продолжалось с семи часов утра до трех или четырех часов дня, когда англичане и французы были разбиты наголову – из каждых десяти человек восемь или девять были убиты. Поэтому офицер Парке и все офицеры, захваченные князем Цзэном вместе с ним, были казнены в Тунчжао, в то время как в потерпевших поражение частях, вернувшихся в Дагу, едва ли осталось пять тысяч человек.

Замыслом атаки англичан и французов на Тунчжао было оскорбить Пекин. Позже, когда князь Цзэн увидел, что буйные варвары после поражения не смеют подойти к Тунчжао и принять бой, он послал императору донесение. В этом донесении говорилось: он слышал о том, что буйные варвары намереваются захватить Пекин, и их следует впустить в город, где можно будет окружить и взять живыми, поэтому не следует закрывать городские ворота. И вот в соответствии с этим четверо ворот Пекина были широко открыты; не были потревожены ни собаки, ни петухи. Затем более двадцати тысяч англичан и французов, вышедших из фортов Дагу, стали наступать прямо в направлении Пекина и шли семь или восемь дней, и никто им не препятствовал, пока они не прибыли в Юань-мин-юань, располагающийся в ста ли^[42] от Пекина. Это обширный дворец, содержащий чудесные цветы и дивные плоды, помимо неисчислимых редкостей. Действительно, это самый большой дворец во всех восемнадцати провинциях Срединной Цветущей империи. Английские войска вошли во дворец и остановились в нем на несколько дней. Генерал сухопутных войск с пятью сотнями офицеров направился взглянуть на Пекин, дабы выяснить истинное положение дел. Они увидели, что все стены оцетинились мечами, пушками и боевым оружием в полной готовности, что было совершенно не похоже на город Кантон! Более того, они увидели маньчжурских солдат с поднятыми бровями и свирепыми взглядами, напрягших мышцы и скрежещущих зубами, сжимающих кулаки и потирающих ладони, сгорающих от желания прыгнуть со стен и схватиться с врагами. Но поскольку князь Цзэн еще не отдал приказа, они не двигались с места.

Увидев это, английские солдаты вернулись в Юань-мин-юань. Когда князь Цзэн услышал, что буйные варвары вошли в дворец, он был весьма обрадован. Князь велел пекинскому гарнизону атаковать англичан и французов и убить их всех, не оставив ни крупинки от их армии. Получив этот приказ, все до одного маньчжурские воины возрадовались; сто тысяч человек бросились в битву. Они осадили дворец и убивали день и ночь. Англичане и фран-

цузы были разбиты наголову. Было убито пятнадцать тысяч человек. Пяти тысячам удалось спастись. Они попытались вернуться в Дагу, однако на полпути снова встретились с армией князя Цзэна, и в последовавшем за этим сражении было убито четыре тысячи человек! Более тысячи неприятелей были взяты в плен и приведены к князю Цзэну для дальнейших распоряжений. Князь велел выколоть глаза или отрезать носы двум сотням самых крепких пленных, а затем позволил им вернуться в Дагу. Двести побежденных солдат в конце концов возвратились туда и явились к английским и французским адмиралам, которые были весьма разгневаны, увидев бесчестие, которому подверглись эти люди; это совершенно расстроило их желчный пузырь и печень. Они захотели вместе с английскими солдатами отступить к Шанхаю, однако из-за наступившего мороза, а еще более – из страха оказаться осмеянными варварами всех стран они весьма смутились и ныне удерживают форты Дагу.

Как говорят, во всех варварских газетах напечатали, будто бы Пекин был взят и будто бы его императорское величество и министры спаслись бегством. Однако это ложь, которой нельзя верить.



Подписные листы

Я также шлю вам картину, которая все объяснит.

Кроме того, более тридцати военных кораблей, принадлежащих американцам, испанцам, голландцам и русским, присутствовали во время всего сражения при Дагу».

В отсутствие общедоступной прессы объявления о публичных аукционах, сдающихся квартирах и тому подобных сведениях делаются в виде афиш. Таким же образом публикуют и подписные листы благотворительных организаций, а когда на добровольные пожертвования воздвигают храм или общественное здание, обычно казначей наклеивает на его стены плакат с отчетом о расходах. К плакатам прибегают и как к средству обнародования всевозможных жалоб. Например, жестокий чиновник или надоевший соседям горожанин может одним прекрасным утром проснуться и обнаружить, что на его двери наклеена горькая жалоба обиженных или недвусмысленные гневные инвективы анонимного критика. К такому способу прибегают бедняки, притесняемые состоятельными соседями, которые не могут попасть на прием к магистрату, не имея денег подкупить его подчиненных. Они обнародуют свои жалобы при помощи этих плакатов. Те, кто не может позволить себе даже потратить деньги на печатание плакатов, часто усаживаются рядом с дверями обидчиков и сообщают о своей беде прохожим. Однажды мне попалась старуха, которая сидела у дверей какого-то дома и громко обвиняла хозяина в том, что он похитил ее дочь.

В стране, где так мало развито «четвертое сословие», где нет железных дорог и телеграфа, а также правильно организованной почты^{43}, общественное мнение по сути своей

весьма тенденциозно. Оно почти всецело – создание среднего класса, известного как «ученые и джентри». Этот класс находится между многочисленной группой корыстных чиновников, с одной стороны, и народными массами – с другой. Собственно средний класс состоит из людей, допущенных к правительственным экзаменам, но не смогших добиться ученой степени. Его представители оказывают благотворное и довольно-таки сильное влияние на общество.

«Они выступают, – пишет мистер Лоу из представительства Соединенных Штатов в Пекине в официальном письме^{44} своему правительству, – как советчики низших классов, и правящий слой ищет их посредничества в ведении дел на местах. Их превосходные умственные способности позволяют держать под контролем большую часть собственности, и вместе с тем, независимо от того, хочется им или нет, мало кто из них становится собственником настоящих богатств, которые могли бы дать им возможность угнетать народ.

Этот класс формирует общественное мнение в стране, которое пользуется серьезным влиянием на чиновников и обычно оказывается достаточно сильным, чтобы помешать намерениям или свести на нет действия должностных лиц начиная с императора, когда есть опасность, что посягнут на права народа, или же народ подвергнется несправедливому угнетению. Влияние *literati* так велико, что все чиновники стремятся согласовывать свою деятельность с волей народа, и получается, что в этом отношении управление страной, в сущности, демократично».

Глава 7

Брак

Вряд ли какой-нибудь другой народ придает такое значение максиме, согласно которой «во множестве народа – величие царя, а при малолюдстве народа – беда государю». С древнейших времен институт брака занимал важное место в государственном устройстве Китая. Молодых людей и девиц побуждают считать своею обязанностью становиться основателями маленьких сообществ разумных созданий, из которых, в свою очередь, должны возникнуть другие сообщества. Чем больше детей (особенно мальчиков) у китайца, тем больше его уважают, и большая семья, в которой много сыновей, считается знаком особой благосклонности богов. Действительно, по-видимому, стремление обрести мужское потомство в этом народе так же сильно, как некогда у древних иудеев, хотя китайцам недостает мотивов, побуждавших еврейских родителей молиться о том, чтобы им были дарованы сыновья. Тем не менее и для китайцев корни этого стремления лежат в религиозных верованиях. Это естественное следствие доктрины, согласно которой души умерших обретают блаженство прежде всего из-за благоговения перед ними их мужского потомства. Я помню, какое впечатление оказала на меня та глубокая печаль, с которой знакомая мне пожилая дама оплакивала смерть своего сына; ему было более шестидесяти лет, а ей – восемьдесят два. Когда я заговорил с ее внуками о глубине горя их бабушки, они объяснили мне, что в особенности она горевала о том, что смерть постигла человека, на чье поклонение она надеялась, думая, что оно станет источником ее великого счастья в мире духов.

Приведу пример, имеющий более прямое отношение к проблеме брака. Пожилой китаец отказался заключить соглашение с американской дамой-миссионеркой, которая хотела, чтобы его внучка провела в миссионерской школе семь лет. Он сказал, что его внучка, которой было тогда пятнадцать лет, должна подарить ему внуков задолго до истечения семи лет.

Китайцы во все времена считали, что брак представляет собой межличностную связь. Тем не менее, хотя это предполагает доктрину, согласно которой моногамия – норма, предписываемая нравственностью, по меньшей мере в некоторых частях империи широко распространена полигамия. Однако в ряде северных провинций, особенно в Шань-дуне, подавляющее число жителей моногамны в самом строгом смысле слова. На распространенность полигамии в Китае повлияли различные факторы, несмотря на теоретическую моногамность китайцев. Один из наиболее существенных факторов – упомянутая страсть к обзаведению многочисленным потомством. В старину бездетность считалась достаточной причиной для того, чтобы взять в дом вторую или третью жену, но, по всей видимости, это допускалось лишь в качестве исключения и было доступно только богатым слоям населения. В настоящее время вторую или третью жену считают скорее прислугой, чем женой, пока она не родила детей. Другой причиной может быть то, что родители сами находят жен для сыновей – обычай, существовавший в древности и у евреев^{45}. Часто избранные таким образом жены оказываются крайне неподходящими; и поскольку молодой человек волен выбрать для себя вторую или третью жену, он часто пользуется этой возможностью очень рано. Закон, принуждающий дворян и торговцев выдавать замуж своих невольниц, также работает на полигамию. Любой, кто уклонится от этой обязанности, подлежит призыванию в суд города или деревни, где он живет, и получает несколько ударов палками^{46}.

Полигамии у этого исключительного народа способствует и другой факт. Муж не должен сожительствовать с женой после того, как она забеременела, и даже после того, как родится ребенок, на протяжении всего времени кормления грудью. Считается, что любое

нарушение этого правила не только приведет к болезненности ребенка, но и также навлечет на семью неудовольствие предков и принесет несчастье всем ее членам. Обычно богатые китайцы очень внимательны к соблюдению подобного поста. На моей памяти молодого дворянина, жившего в восточном предместье Кантона, родители жестоко выпороли за нарушение этого обычая.

В какой-то мере этим причинам можно приписать распространенную у китайцев практику полигамии. Я скажу еще несколько слов о ее дурных последствиях, примеры которых нередко являет частная жизнь почти каждой китайской семьи. И действительно, в таких домах я видел много душераздирающих сцен. У полигамии есть свойство способствовать распушенности, она ведет к неверности мужей, привносит во внутрисемейные отношения зависть, ненависть, злобу, всяческую жестокость и нередко приводит к самоубийствам ревнивых жен. Я часто узнавал, что ее последствием становилось изгнание мужем жены или же ее продажа из-за ложного обвинения соперницы. И поэтому многие китайские женщины настроены против брака. Только на одной улице Ша-бай-цзянь в Хэнане, пригороде Кантона, я был знаком с четырьмя семьями, в которых некоторые женщины категорически отказывались выйти замуж, боясь тяжелой жизни, которая выпала бы на их долю, если бы мужья стали многоженцами. Некоторые, чтобы избежать брака, становятся буддийскими или даосскими монахинями, а другие предпочитают браку смерть. Во время царствования Даогуана пятнадцать девственниц, которых просватали родители, узнав об этом, собрались вместе и решили совершить самоубийство. Они бросились в воды Жемчужной реки, поблизости от своей родной деревни. Гробница, в которой покоятся их тела, находится неподалеку от Хоцунь, она называется Могилой девственниц. В деревне поблизости от Хуанпу, которая называется Сяо-цзян-цзи, в июле 1873 года восемь просватанных молодых девушек утопились, чтобы избежать брака. Они нарядились в свои лучшие платья, связали друг друга одной веревкой и в вечерней мгле в одиннадцать часов бросились в приток Жемчужной реки.

В Китае почти все родители побуждают своих детей – здоровых или немощных, хорошо сложенных или искалеченных – вступать в брак, едва они достигнут зрелости. Печальнее всего для родителей, когда взрослый сын или дочь умирают, не успев вступить в брак. В Китае родители, опасаящиеся, что последние часы сына или дочери недалеки из-за их плохого здоровья, часто безотлагательно берутся за приготовления к свадьбе. Молодого человека брачного возраста, больного чахоткой или любой другой затяжной болезнью, родители или опекуны могут заставить немедленно жениться. Я могу сослаться на случай со знакомым мне хрупким юношей. Он принадлежал к клану У, который в то время, вероятно, был одним из самых влиятельных и сильных в Кантоне. Когда семейный врач сообщил его родителям, что его вскоре ждет смерть, они решили, что его следует незамедлительно женить на девушке, с которой он уже был помолвлен. В назначенный день нареченную невесту привезли в дом умирающего юноши со всей пышностью и помпой, которые отличают китайские свадьбы. Церемония закончилась, только когда больного жениха препроводили в его комнату, где через несколько дней он сделал последний вздох.

В Китае, как и в христианских странах, есть степени родства, при которых вступать в брак нельзя. Например, мужчине не разрешается жениться на женщине, если она носит ту же фамилию или клановое имя, что и он. Наказание за нарушение этого правила составляет шестьдесят палок, а сам брак объявляют не имеющим законной силы. Кроме того, нельзя жениться на двоюродной сестре с материнской стороны, или на падчерице, или на тетке – сестре матери. Если к нарушителям этого предписания применяют букву закона, их казнят через удушение. Высокопоставленным мандаринам не позволено жениться на женщинах, которые живут в подвластных им провинциях, областях или уездах. Этот закон выработали для предотвращения семейственности, а также для того, чтобы не допустить злоупотребления влиянием определенной семьи в данной местности. Девушка не может выходить замуж

до четырнадцати лет; если же она не выходит замуж до двадцати трех лет, будучи помолвленной, то это считается неприличным, если только на это нет важных причин личного свойства. Последняя максима, насколько мне известно, взята из сочинений Конфуция. Лицедеям, полицейским или рабам позволено жениться только на женщинах одного с ними общественного положения. Бракосочетание не может состояться, если одна из сторон в трауре.

Браки заключаются в любое время года. Однако чаще всего люди женятся начиная с пятнадцатого дня восьмого месяца и вплоть до четвертого месяца следующего года. Тем не менее в девятом месяце, который считается очень неблагоприятным, свадеб не бывает, за исключением случаев крайней необходимости, о чем будет рассказано ниже. В начале брачного сезона в разных книжных киосках выставляют на продажу книги с песнями, посвященными брачным узам. Что касается времени дня, когда совершается бракосочетание, здесь ограничений не существует. В некоторых районах неподалеку от Кантона свадьбы всегда справляют ночью, не столько из-за того, что днем стоит жара, сколько из-за того, что, когда свадебная процессия не так пышна, как надо бы, это проходит незамеченным: темнота скрывает все. На таких свадьбах, конечно, не обходится без фонарей и факелов. Однако и днем и ночью неотъемлемая часть свадебного кортежа – фонари. Видимо, в наши дни, как и в древности, этот обычай распространен на всем Востоке. Из стихов главы 25 Евангелия от Матфея явствует, что светильниками пользовались евреи. Кроме того, об этом многократно упоминается в сочинениях известнейших поэтов Греции и Рима, например в шестой песне Илиады, в пьесах Еврипида «Финикиянки» и «Медея», в «Эклогах» Вергилия.

Как я уже сказал, в девятом месяце свадеб не бывает, за исключением случаев крайней необходимости. Только ожидаемая смерть одного из родителей любого из нареченных супругов может повлечь такую необходимость. Если, например, отец считает, что его кончина близка, он велит помолвленному сыну или помолвленной дочери немедленно вступить в брак, – настолько велико стремление китайских родителей присутствовать при совершении этого знаменательного события. Конечно, такие браки совершаются в спешке. Я присутствовал на подобной свадьбе 27 июля 1870 года на улице Ань-юн-ли в Хэна-не – пригороде Кантона. Ее справляли в доме дворянина по имени Чжу Аюань, пожелавшего перед своей надвигающейся кончиной увидеть, как женится его сын. Молодому человеку, которого звали Ачжуй, шел пятнадцатый год; того же возраста была и невеста. Трогательное зрелище представляла собой молодая пара, кланявшаяся умирающему отцу, который едва мог благословить их, и нежность, с которой юная невеста поднесла ему традиционные чашку чая и пиалу риса. По завершении церемонии невесту увели обратно в дом ее родителей, где она должна была оставаться, пока не подрастет. Через два дня мой друг Чжу Аюань умер.

3 декабря 1871 года я присутствовал на похожей свадьбе мужчины по имени Пан Юн и женщины по имени Хэ Асин; оба они занимали скромное общественное положение. Бракосочетание совершилось в доме матери жениха, на улице Ма-чжу-пу в западном пригороде Кантона. Мать жениха, женщина преклонных лет, была при смерти. Она лежала на кровати в гостиной ногами к двери, дабы ее душа, оставив тело, могла беспрепятственно улететь в элизий^{47}. К церемонии приступили безотлагательно и провели ее надлежащим образом. Какая же сцена последовала за этим! Был снят свадебный наряд, широкие складки которого скрывали фигуру невесты и ее руки, и обнаружилось, что она прокаженная! Когда это открылось, несколько родственников жениха дали выход своему негодованию и гневу, разразившись самыми оглушительными воплями. Затем они, будто в едином порыве, обратились к невесте, которая теперь представляла такое страшное зрелище, чтобы излить на несчастную женщину лавину ядовитой брани и огульных обвинений. В конце концов бедняжка обратилась ко мне, ища сострадания, и, очевидно, боясь, что на ее долю могут выпасть более серьезные неприятности, горячо молила, чтобы я помог ей выпутаться из неудобной ситуации. Ей немедленно дали развод и возвратили к матери, которая, однако, категорически отказа-

лась возместить жениху выкуп, который он заплатил за то, что справедливо посчитал невыгодной сделкой. В конце концов ему вернули лишь часть этой суммы. На всем протяжении этой сцены пожилая мать жениха, лежавшая при смерти, ни разу не шевельнулась. Казалось, что она уже умерла – так она была неподвижна. Она прожила до следующего утра, был на смертном ложе в течение короткого времени свидетельницей свадьбы своего единственного сына и ее странного результата – развода, сразу же данного невесте, на которой он так опрометчиво женился.

Могут спросить – и такой вопрос естественно возникает после прочтения этого фрагмента, – как в Китае заключают брачные союзы? Во всей стране распространено сватовство, чем занимаются посредники, или свахи, которые зарабатывают себе на жизнь, выбирая женщин и мужчин для желающих заключить брак. В основном эти свахи – женщины или пожилые мужчины. Родители, которые стремятся помолвить свое дитя, обычно обращаются к одному из представителей этого рода занятий. Сваха справляется со списком имен подходящих мужчин или женщин, который у нее всегда с собой. Молодые люди вступают в помолвку в возрасте от семи до четырнадцати лет. Однако в некоторых частях империи, особенно в районах, населенных хакка, практикуются помолвки в раннем детстве. Этот обычай многие китайцы осуждают на том основании, что, когда дети достигнут зрелости, может оказаться, что они поражены проказой, безумием или какой-либо болезнью, которая приведет к необходимости аннулирования помолвки. Я уже сказал, что в случае безумия одной из сторон помолвку расторгнут.

Однако бывают и исключения из этого правила, как будет видно из истории брака одного знакомого мне юноши. Лян Аманю, молодому человеку, жившему в Лянь-чжи-тун – деревне в окрестностях рыночного города Синань, некоторое время обрученному с одной юной девицей, понадобилось оставить дом и уехать в областной город Чжа-оцин по делу. Во время своего пребывания там он сошел с ума. В этом состоянии Лян Амань нередко высказывал убежденность в том, что за ним постоянно следует молодая женщина, которая хочет в конце концов стать его женой. Когда он вернулся домой, эта галлюцинация продолжала его преследовать. Его родители посоветовались с гадалщиком, и тот сказал им, что их сына преследует душа женщины, которая умерла девственницей, и поэтому даже в мире духов стремится найти себе мужа. Они решили разрушить замысел потусторонней преследовательницы, тотчас женив сына на девушке, с которой он уже был помолвлен. Однако из чувства долга они сначала предложили родителям девушки отменить помолвку, поскольку их сын безумен. Как ни странно, это предложение не понравилось ее родителям. Они утверждали, что, если свадьба не состоится, душа безумного юноши станет, в свою очередь, преследовать их дочь и, по всей вероятности, навлечет на нее такое же расстройство. Таким образом, 10 декабря 1871 года в деревне Лянь-чжи-тун был заключен этот странный брак.

Как и в Месопотамии и в других странах Востока, китайцы традиционно женят своих детей в порядке старшинства. Когда родители обращаются к услугам свахи для выбора жены своему сыну, они, согласно обычаю, должны попытаться внушить посреднице озабоченность более добродетелью избранницы, чем ее красотой, вероятно, на том основании, что добродетельная жена – венец для мужа своего. С другой стороны, по общему мнению, родители молодой девушки должны больше ценить мудрость молодого человека, за которого они собираются отдать свою дочь, чем его богатство, по той причине, что нет радости отцу дурака, да и к тому же известно, что у дурака деньги не задерживаются. Сваха также предположительно должна выбирать из известных ей мужчин и женщин, во всех отношениях наиболее подходящих друг другу. Кроме того, в ее обязанности входит удостовериться в том, что семьи договаривающихся сторон вполне респектабельны, их члены не болеют проказой, не страдают безумием и не замешаны в преступлениях, а также не являются ни актерами, ни рабами и не принадлежат к людям, живущим на реке в лодках.

Смысл этой системы выбора жен для своих детей и заключения за них помолвок – не только сделать невозможным нарушение обещания, но и предотвратить тайные побег. Это, разумеется, не исключает полностью подобных авантюр. Иногда, хоть и редко, китайцы убегают с девушками, уже помолвленными с другими. Когда в Китае происходят тайные побег, виновниками, как правило, бывают молодые холостяки и незамужние женщины, чьи родители живут или жили по соседству. Я помню, как молодая женщина по имени Чжэнь Ачжэнь, помолвленная с молодым человеком, которого она никогда не видела, бежала с сыном их соседа. Сбежавшие влюбленные в конце концов были задержаны и посажены в тюрьму кантонской управы Паньюй за нарушение обещания и непослушание родителям. Вину молодого человека отягощало также похищение. Я часто навещал эту пару, пока они сидели в тюрьме. Весной 1874 года даосский священнослужитель по имени Ло-кун бежал с молодой девушкой из семьи Фэн. И в этом случае молодые люди были соседями: оба они жили на улице Байша в западном предместье Кантона. Они попытались укрыться в Паньтане, в одном из самых больших и населенных предместий города, но в конце концов их нашли и заставили вернуться домой. Родители девушки, которые принадлежали к более высокому слою общества, чем родители даоса, конечно, были опечалены, однако сделали мудрый вывод, что единственно правильным будет их поженить.

Вернемся к церемониям, сопряженным в Китае с заключением брака. Когда сваха, нанятая родителями в интересах сына, сумела выбрать подходящую для него девушку, отцы жениха и невесты совершают церемонию, называемую взнь-мин. Она довольно утомительна, но при всем при том показывает, с какой заботой и осмотрительностью действуют китайцы, если считают дело в высшей степени важным. Отец молодого человека представляет отцу девушки документ, в котором сообщается о часе, дне, месяце и годе рождения его сына, а также о девичьей фамилии своей жены, и какая она у него по порядку (первая, вторая или третья). Такой же документ он сам получает от отца девушки. Затем родители советуются с усопшими предками. Для этой цели каждый из них помещает полученный документ на их алтарь. Предполагается, что предки дают свое благословение, и тогда родители или назначенные ими люди обращаются к астрологу, который составляет гороскоп молодой пары. В случае благоприятного результата заключается помолвка. Ее осуществляют родители, поскольку молодым людям не позволено видеться друг с другом вплоть до дня бракосочетания. Отец юноши пишет письмо отцу девушки, где сообщает о своем желании выдать ее замуж за своего сына. В счастливый день, специально выбранный для этой цели, письмо доставляет друг жениха (церемония на-цай). Перед тем как передать письмо другу жениха, его автор становится перед алтарем предков и, обратившись на запад, встает на колени и совершает шестикратное коутоу. Поднявшись с колен, он передает письмо другу жениха и просит его со всей возможной поспешностью отнести его отцу девушки. В доме невесты, у дверей, друга жениха встречает специально отряженный для этого человек. Когда отцу девушки сообщают о приходе гостя, он выходит к дверям, навстречу. Затем он ведет гостя в святилище предков, где усаживает на отведенное ему место на восточной стороне – на западе должен сидеть хозяин. По знаку распорядителя церемонией они подходят к алтарю предков и низко кланяются табличкам с именами предков. Затем хозяин проходит в восточную часть зала и стоит, обратясь к западу, в то время как друг жениха занимает место на западе и смотрит на восток. Затем он обращается к хозяину с несколькими почтительными словами и подает ему письмо. Невскрытое письмо кладут на алтарь предков. Затем шафер от имени нареченного жениха дарит хозяину несколько коробок с печеньем и живого поросенка. В некоторых частях империи подарки включают пару диких гусей. Китайцы считают этих птиц символом супружеской верности. Говорят, что гуси моногамны, и если один из них умирает, другой проводит остаток жизни в одиночестве, не ища себе новой пары. Где диких гусей достать нельзя, их часто заменяют домашними. Изредка им предпочитают деревян-

ные или оловянные изображения диких гусей. Печенье в дом приносят в больших красных коробках люди, одетые в красные куртки, к крышке каждой прикреплена широкая полоска красной бумаги, на которой начертаны китайские иероглифы «шуан си», что означает «дважды рады» или «двойная радость». По этому случаю отец искателя руки также передает вено (плата жениха за невесту), варьирующееся в зависимости от положения его семьи в обществе. Такой же обычай существовал и у древних иудеев. Согласно Моисееву закону, вено, которое уплачивал отец еврейского жениха, обычно составляло от тридцати до пятидесяти сиклей^{48}. По всей видимости, этот обычай был распространен и у древних греков, поскольку древнегреческому писателю Павсанию кажется необычным, что человек выдает замуж дочь, не получая за нее выкупа, и приводит причины, по которым стало возможным исключение в особом случае. Когда печенье раскладывают на алтаре предков, хозяин становится перед табличками на колени и дважды совершает коутоу. После этого друга жениха проводят в гостиную и поят чаем. Он оставляет хозяина позади, тот тем временем достает письмо из коробочки, читает его вслух перед табличками, встает перед ними на колени, трижды совершает коутоу и начинает писать ответ. Затем письмо, должным образом надписанное и запечатанное, кладут в коробочку. В то же время коробки, в которых было принесено печенье, снова наполняют печеньем слуги хозяина. Перед уходом друга жениха опять ведут в зал предков, где хозяин, проведя его в левую часть зала, отдает ему коробочку с ответом. Потом хозяин еще раз становится на колени перед табличками с именами предков и два раза совершает коутоу. Поднявшись, он приглашает гостя пообедать, причем это приглашение принимается, только когда его повторяют трижды. Они входят в столовую и, поклонившись друг другу, занимают места; гость сидит с восточной стороны стола, а хозяин – с западной. Поскольку это лишь церемониальная трапеза, хозяин и гость довольствуются тем, что трижды пьют вино за здоровье друг друга, хотя стол уставлен разнообразными яствами. Теперь шафер прощается с хозяином и в сопровождении людей, несущих коробки с печеньем, спешит вернуться с ответом в дом отца своего друга. Когда он приходит туда, его проводят в зал предков, где должным образом проходит такая же церемония. В обоих случаях печенье, которое полежало на алтаре предков, раздают родственникам или друзьям жениха и невесты.

Поскольку читателей может заинтересовать содержание писем, которыми обмениваются в подобных случаях, я привожу перевод двух таких документов, которые попали мне в руки. Первое письмо, от отца жениха, гласит:

«Давно уже встало солнце, и свет его лучей озаряет дом, где живет прекрасная. В этот час и она, подобно солнцу, оставила свое ложе и облачилась в одежды, приличествующие этому часу дня, а также ее достоинству и общественному положению. Ее лицо обратилось к зеркалу, которое отразило прелестные черты. И вправду, все на свете сделалось прекрасным, и все создания, как и предопределено природой, сочетаются браком. Я пишу это в знак испытываемых мною уважения и преданности. Позвольте мне со всем уважением поздравить вас, мой почтенный родственник, чья достойная семья так долго жила в Шанмэне, или Юэхуэе, где ее досточтимые члены славились своей ученостью, причем их сочинения были написаны почти небывало изысканным стилем. Кроме того, упомяну особо о сочинениях вашего сына, которые снискали ему высокие почести. Но в этом нет ничего удивительного, поскольку все до одного ваши предки были известными людьми, и поэтому конечно же и потомки должны быть знамениты^{49}. Высок и ваш ранг, и ваш сын окажется достойным его преемником. Я, с моей стороны, с детства был нерадив и беден. Я иду по свету без определенной цели, и мой ранг куда выше, чем то, чего я на самом деле заслуживаю. Ваша дочь кротка и добродетельна, а мой сын настолько слаб умом, что недостойн ее. Но поскольку вы, услышав слова свахи или посредницы, сочли его достойным и сразу дали согласие на помолвку, заключение союза будет справедливым. Между мною и вами будет ненарушимая дружба, когда наши дети пройдут через брачные обряды. В этот день мне назначено передать

вам, а вам получить от меня традиционные подарки, поэтому я осмелился послать их вместе с этим письмом. Однако эти подарки самые обычные, в них нет никакой ценности. Действительно, вместе с несколькими простыми вещами я отправляю вам деревянную шпильку для волос. Мне поистине стыдно, что я не могу дарить сокровища, драгоценные камни или шелка. Но я уверен, что вы охотно простите меня. По совершении этих предварительных церемоний мы будем с волнением ожидать дня свадьбы».

Вот перевод ответа отца невесты:

«Наступила зима, и ныне большими стаями летают дикие гуси. Фань-тай дал почки, и вскоре его ветви густо покроются цветами. В этот день начинается вторая четверть зимы, и ваши подарки по этому случаю были приняты с горячей благодарностью. Я осмеливаюсь со всем уважением поздравить вас, мой почтенный родственник, чья достойная семья некогда проживала в провинции Фуцзянь, а ныне поселилась в столице провинции Гуандун. Ваше прославленное имя было известно в Цзяхуа, а многочисленные добродетели очень хвалили ученые люди в Яньфане, поэтому я всегда считал, что ваше беспримерное добронравие выше, чем у ваших собратьев, настолько, насколько летящий журавль выше лежащей под ним земли. Также и манеры ваши бесподобны: они так мягки, как теплый пар по сравнению с бурными ветрами. Я так беден, что даже себя не могу прокормить. Кроме того, я не могу найти средства избавиться от многочисленных забот, осаждающих меня. Ваш сын по нраву своему великодушен. Он отличается развитым умом, который высок настолько, насколько небо высоко по сравнению с землей. Моя дочь, рожденная в бедной хижине, необразованная, весьма обрадовалась, услышав слова свахи о том, что вы стремитесь получить мое согласие на ее брак с вашим сыном. Таким образом, ваш сын и моя дочь связаны этим брачным обязательством. Подарки, которые вы послали мне, подобны Тинцзя Ся и Шаньху И (две драгоценные редкости), и мне очень жаль, что я не могу в ответ оказать вам такую же любезность. Эти церемонии означают грядущее увеличение потомства. Когда вашего сына с моей дочерью свяжут брачные узы, между ними будет безмерная любовь».

Следующая церемония, связанная с помолвкой, называется на-би, или подношение шелков; в древности она называлась на-чжэн. Родители влюбленного посылают нареченной невесте придворное платье и другие подарки. За этим следует банкет у него дома. Придворное платье посылают молодой девушке в счастливый день вместе с письмом. Фасон платья и узор на нем соответствуют рангу юноши, чьей женой она должна стать. То же внимание к рангу проявляется и в выборе остальных подарков. Если юноша принадлежит к первому, второму, третьему или четвертому рангу, девушке дарят также шестнадцать кусков шелка, серьги, браслеты, шпильки и десять коробок печенья, иногда вместо десяти дарят сто, но такая щедрость редка. Если жених принадлежит к пятому, шестому или седьмому рангу, вместе с придворным платьем он посылает двенадцать кусков шелка, серьги, браслеты, шпильки и восемь коробок печенья. Церемонии, совершаемые при вручении и принятии этих подарков, совпадают с обрядами во время на-цай.

Меню великолепного пира, который после этого дают в резиденции нареченного жениха, также зависит от его ранга. Если молодой человек или его отец принадлежат к первому рангу, обед состоит из шести разных видов мяса наряду со многими другими кушаньями; если кто-то из них принадлежит ко второму рангу, на обед подают четыре вида мяса, а если к третьему – три вида. На стол чиновникам четвертого, пятого, шестого, седьмого, восьмого и девятого ранга вместе с другими блюдами можно подавать только два вида мяса.

Когда соглашение скреплено посредством передачи и приема печенья и других подарков, ничто, кроме проказы, безумия или другого серьезного заболевания любой из сторон или же неверности со стороны женщины, не может сделать помолвку недействительной. Это обязательство почитается таким священным, что, если женщина окажется неверной во время, предшествующее ее браку, она будет считаться виновной в нарушении брачных обе-

тов. Ясно, что так смотрели на помолвку и древние иудеи^{50}. Но читатель не сможет представить себе, до какой степени священной и обязывающей считается помолвка в Китае, пока не узнает о самом строгом ее условии. В случае если нареченный жених умирает до заключения брака, молодой женщине, с которой он был помолвлен, приходится на всю жизнь поселиться в доме его родителей вечной девицей. Для ее переезда туда выбирают счастливый день. По прибытии она прежде всего должна преклонить колени перед деревянной табличкой с именем усопшего юноши и оплакать его безвременную смерть. В доме одной из самых уважаемых семей Кантона я однажды встретил молодую девушку, определенно не старше семнадцати лет, которая была жертвой этой жестокой системы. Ее считали вдовой умершего, и, без сомнения, новые родственники оказывали ей внимание, подобающее ее положению. Если такой вдове исполняется шестьдесят один год, она начинает пользоваться большим уважением со стороны всех родственников и друзей. В знак благодарности за то, что они считают высокой добродетелью, часто воздвигают посвященную ей монументальную арку. Обычно правительство делает вклад в учрежденный с этой целью фонд. Как правило, такие арки строят из кирпича или из гранита, а в некоторых частях империи – из мрамора. Поблизости от Учан, на берегах озера Поян, я заметил мемориальную арку, сделанную из фарфора. Если помолвленная девушка умирает до бракосочетания, почти всегда (по крайней мере, в респектабельных семьях) юноша, с которым она была помолвлена, должен пройти через церемонию, в ходе которой он, как считается, становится мужем своей умершей невесты. В определенный для этого счастливый день юноша в наряде жениха ожидает в своем доме прибытия таблички с ее именем. Ее приносят в свадебном паланкине, в котором лежат также веер и носовой платок. Перед носилками идет музыкант, играющий на духовом инструменте, который он держит в правой руке; левой же бьет в гонг или маленький барабан, подвешенный у него на поясе. Свадебный паланкин в доме жениха встречают с церемониями, напоминающими те, с которыми невесту в первый раз провожают к супругу. Табличку помещают на алтаре предков семьи жениха, и его младшие братья и сестры, племянники и племянницы совершают перед ней коутоу. С верхней части таблички свешивается серебряная монета или медаль, на которой выгравировано имя, а также даты рождения и смерти покойной. При этом присутствует также несколько даосских жрецов, которые молятся или даже проводят богослужение за упокой умершей невесты, которую они просят помочь счастьем новой семьи, и особенно – содействовать процветанию ее господина и супруга. Такие свадьбы совершаются только ночью, поскольку светлое время суток считается неблагоприятным для духов. Когда умирает помолвленная девушка, ее родители обязаны направить весть о ее смерти родителям нареченного жениха. В ответ родители юноши посылают им голову поросенка, четыре непропеченных печенья, свечи, саван и сломанный гребень. Поросячья голова, печенья и свечи – это жертвы умершей; гребень кладут ей в гроб. Проведя должным образом эти церемонии и погребальный обряд, сразу же берутся за приготовления к свадьбе. Когда я присутствовал на подобной церемонии, жених по имени Ло Цзючжи в шутку заметил, что женился на куске дерева, подразумевая табличку, на которой золотыми иероглифами было начертано имя его умершей невесты.

Следующая церемония после на-би, или Подношения шелков, – это цин-ци, или Выбор счастливого дня для свадьбы. Этот обряд проходит очень торжественно. Во время цин-ци, по обычаю, советуются с астрологом или обращаются к божественному оракулу. При таком важном событии, как женитьба императора, выбор благоприятного дня возлагается на астрономическую коллегию. Я помню, как прочел в *Pekin Gazette* от 12 марта 1872 года указ от имени двух вдовствующих императриц, повелевавший этой коллегии выбрать в девятом месяце – октябре того же года – благоприятный день для бракосочетания ныне покойного государя Тунчжи. Тем же указом князьям Гуну и Баюню было поручено осуществить все необходимые церемониальные приготовления. В обычных случаях, когда не прибегают к

таинственным познаниям астролога, часто обращаются к божеству по имени Чжан Ван-Е. Поэтому часто можно видеть людей, истово молящих о необходимых сведениях в посвященном этому божеству храме в Сы-цуне или в еще более величественном святилище в Шисяне. Иногда в этом важном деле прибегают к помощи богини Лун-Му, или драконьей матери. В ее храме, расположенном в окрестностях Хуан-чжу-цзи, я не раз видел женщин, которые стремились узнать о дне, благоприятном для бракосочетания их детей. Когда эти сведения получены, отец нареченного жениха, по обычаю, посылает поздравительное письмо отцу нареченной невесты. Если он чиновник первого, второго или третьего ранга, одновременно с письмом посылают двух баранов и четыре чайника вина, которое называется «радостным вином». Если же отправитель принадлежит к четвертому, пятому, шестому, седьмому, восьмому или девятому рангу, вместе с поздравительным письмом он посылает отцу невесты двух гусей и четыре чайника вина. С письмом и подарками отправляют друга жениха. Прибыв к дому отца невесты, он обращается к нему с просьбой назначить день свадьбы. Последний отвечает: «Пусть назовет день отец того юноши, с которым помолвлена моя дочь». На это друг жениха отвечает глубоким поклоном и подносит письмо, где назван день. Посылают ответ с согласием на эту дату. Десять или пятнадцать, а в некоторых случаях и тридцать дней, предшествующих свадьбе, невеста вместе со своими сестрами и подругами оплакивает предстоящий уход из родительского дома. Во время этого плача скорбящая дева часто и с видимым чувством заявляет, что уход от родителей для нее горше, чем сама смерть. Как я понимаю, о подобном же обычае упоминается в стихе тринадцатом двадцать первой главы Второзакония. Там сказано следующее: «И снимет с себя пленническую одежду свою, и живет в доме твоём, и оплакивает отца своего и мать свою в продолжение месяца».

Вся ночь, предшествующая дню свадьбы, отведена для плача и жалоб, причем не столько невесты, сколько подружек. Этот плач называется кай-тань-цин, или же Излияние печальных чувств. Когда я жил в китайском доме в предместье Хэнань, поскольку все здания, где жили иностранцы, были разрушены кантонцами, мне несколько ночей докучали громкие стенания, доносившиеся из дома по соседству. На расспросы мне ответили, что соседская дочь на днях выходит замуж, и ее сестры и родственницы оплакивают ее грядущий отъезд из отчего дома.

В день, непосредственно предшествующий свадьбе, или же в специально выбранный для этого счастливый день (он может выпасть на дату за восемь или десять дней до свадьбы), родители невесты обычно посылают в дом ее будущего супруга приданое, мебель, постельное белье и прочее. Все это несут люди в красной одежде, а чтобы о щедрости отца невесты узнали все живущие по соседству, людям, нанятым для переноса всех этих свертков и коробок, приходится обходить со своей ношей все прилегающие улицы.

Утром дня свадьбы в доме жениха готовят обильный завтрак. На восточной и западной сторонах столовой ставят столы. Неподалеку от входной двери стоит стол, на котором стоят четыре чаши с вином. Обычно они изготовлены из горлянок и называются хэ-цзинь, или соединяющие чаши. Во внутреннем дворе и у подножия лестницы, ведущей в зал, находится другой стол, на котором разложены яства специально для жениха, которому приходит время облачаться в свадебный наряд. Если он не имеет так называемого ранга, то имеет право надеть платье чиновника третьего ранга в том случае, если его отец или дед принадлежат к третьему рангу. Если же отец его принадлежит к четвертому или пятому рангу, он надевает платье седьмого, а если отец принадлежит к шестому рангу, то он надевает платье, положенное чиновнику восьмого ранга. Одетый таким образом, он входит в гостиную, где его ожидает отец. Сын выражает ему почтение, встав на колени и шесть раз ударившись головой о землю. Ему, коленопреклоненному, подносят чашу вина и велют послать за невестой. Раньше жених обычно отправлялся за невестой сам — только в случае его нездоровья за нею отправлялся друг жениха. Да и сейчас случается, хоть и очень редко, что жених едет за не-

стой сам. В 1867 году некий молодой дворянин явился в Кантон из одной центральной провинции, чтобы жениться на дочери Ачжана, который в то время был губернатором провинции Гуандун. А в 1869 году один молодой маньчжур приехал сюда из самого Пекина, чтобы жениться на дочери его превосходительства Жуй Линя, наместника двух Гуан. В наши дни, за исключением каких-нибудь уж совсем необычных обстоятельств, жених посылает за невестой свадебный паланкин, богато украшенный резьбой и позолотой, ну а если он не позолочен, то покрыт краской в цвет перьев зимородка. Сыновей и дочерей высокопоставленных чиновников или аристократов несут в большом государственном паланкине, покрытом красной тканью с бахромой. Такой паланкин напоминает о «носилках, крытых украшенной жемчугами и драгоценными камнями красной тканью», которые, как мы читаем в «Арабских ночах», приготовил для путешествия своей прекрасной дочери Захи-Шах. Почти во всех сельских районах поблизости от Кантона в таких случаях неизменно используется простой деревянный паланкин, покрашенный в красный цвет. Над входом в паланкин невесты свешивается полоска красной бумаги, на которой написано или «Ци-Линь-Цзай-Цы», или «Ци-Линь-Цай-Чжу», что означает, что здесь присутствует цилинь (или его покровительство). Однако иногда на полоске помещают портрет бога Чжан Ван-Е или оттиск его печати. Позади свадебной процессии несут паланкин невесты, а впереди – резные и золоченые деревянные крытые носилки, на которых сложены конфеты и украшения. Среди эмблем свадебной процессии – апельсиновое деревце, сгибающееся под тяжестью плодов и связок монет, которые подвешены на его ветвях. Плодоносное апельсиновое дерево со связками монет символизирует обильное потомство и возрастающее благосостояние, которые должны стать результатом счастливого союза. Свита невесты несет также шатер или балдахин, под которым находится изображение цилиня. Ци-линь, о котором я уже упоминал, – это сказочное четвероногое животное, которое, по китайским преданиям, всегда является при рождении мудрецов. В меняющийся перечень свадебных эмблем входит пара диких гусей, которые, как мы помним, символизируют в Китае супружескую верность, или в их отсутствие – пара представляющих их домашних гусей. Свадебная процессия была бы неполной без рисованного или скульптурного изображения дельфина, который символизирует знатность и богатство. Люди в красных туниках несут красные же доски, на которых выгравированы золотыми иероглифами титулы предков жениха и невесты. Бросаются в глаза позолоченные фонари, украшенные искусной резьбой, в каждом из которых находится по большой красной свече, – их несут на плечах. Свадебная процессия полнится знаменосцами и музыкантами в богато вышитых одеждах, людьми, несущими зонты и опахала, и конюшими в числе, соответствующем рангу жениха. Они делают еще живописнее символику свадебного поезда, впереди которого нередко ведут козу с позолоченными рогами и в венке из красной бумаги.

Когда процессия, которая, конечно, неполна, пока к ней не присоединится невеста со своей свитой, выезжает из дома жениха, человеку, отвечающему за ее движение, велят перемещаться по прилегающим улицам, чтобы его смогли увидеть друзья и соседи. Если же кто-нибудь попытается помешать движению процессии, в ее распоряжении всегда найдутся ликторы, вооруженные плетями и цепями, готовые хлестать и хватать всех непокорных, создающих препятствия свадебному поезду. О приближении к дому невесты возвещают люди, которые сопровождают ударом гонга почти каждый шаг. Сопровождающий процессию друг жениха несет адресованное невесте письмо, написанное на красной бумаге с золотистым отливом. В письме невесту просят занять место в свадебном паланкине и поскорее тронуться в путь к новому дому, где ее ожидает радушный прием. Это письмо невеста бережливо сохраняет у себя – к нему относятся примерно как к свидетельству о браке в Англии, и если она будет иметь несчастье получить развод, ей придется вернуть это письмо. Такие письма очень схожи. Я прилагаю перевод одного из них, написанного одним моим китайским другом по имени Чжан Чжиу отцу девушки, с которой был помолвлен его сын. Перевод

таков: «Срочно. В древности существовал обычай, согласно которому жених отправлялся в дом своей нареченной, чтобы сопровождать ее в новый дом. Однако в наше время принято, чтобы отец жениха писал письмо отцу невесты, обращаясь к нему с просьбой со всей поспешностью отправить невесту в дом ее будущего супруга. Поскольку этот обычай куда удобнее, прошу вас позволить мне в данном случае последовать именно ему. Больше того, чтобы правильно выполнить все церемонии, связанные с сопровождением невесты, жених должен в совершенстве знать свадебный этикет, а именно этого знания плачевно недостает моему сыну, как и другим женихам. Следовательно, отсылка письма будет намного более приемлемой для обеих сторон. Сейчас мой сын в церемониальном зале собирается принять вашу дочь. Попросите ее отправиться к нам, так как все уже готово. Желаю вам столетнего спокойствия и процветания пяти поколениям ваших потомков. Этим сообщением я приветствую вас».

Когда процессия прибывает к дому, невеста, облаченная в платье, соответствующее рангу ее будущего мужа, проходит в гостиную, где ее ожидают родители: отец стоит с восточной стороны зала, а мать – с западной. Когда невеста совершает коутоу и все еще стоит на коленях, служанка подносит ей кубок вина, а отец произносит короткую речь об обязанностях мужей и жен. Об этом же в свою очередь говорит ей несколько слов мать. Вслед за этим невеста выражает надежду на то, что ее родители и братья обретут богатство, знатность и многочисленное потомство, и удаляется в свою комнату, чтобы еще раз оплакать приближение часа, когда ей придется оставить дом, в котором она провела детство. Тогда отец отправляется к дверям и, глубоко поклонившись другу жениха, приглашает его войти. Тот входит, держа в каждой руке по гусю, и они следуют в гостиную, где отец, заняв место на восточной стороне зала, просит друга жениха пройти на западную сторону. Когда посланец жениха передает гусей слуге, который кладет их на стол, его просят занять место в центре зала, где он, обратившись к северу, совершает коутоу. Теперь пора появиться невесте. Перед тем как она выйдет из своей комнаты, служанка накидывает на нее большое покрывало из красного шелка, скрывающее ее лицо. Две служанки ведут невесту, чье лицо закрыто, в гостиную, где подводят ее к другу жениха; она кланяется ему, и он должным образом отвечает на приветствие. Две служанки, по одной с каждой стороны, провожают ее к свадебному паланкину. Когда перед паланкином встают несколько хорошо одетых служанок, в чем-то соответствующих нашим подружкам невесты, церемониймейстеру полагается возглавить процессию, направляющуюся к дому жениха, и свадебный паланкин уносят под звуки гонгов и нестройные звуки примитивных музыкальных инструментов. Сразу за ним четыре человека несут обычный паланкин, в котором сидит младший брат невесты; на нем, как мы увидим, лежит обязанность выдать сестру замуж. Процессию сопровождают люди, облаченные в красное и несущие красные доски (на них перечислены титулы предков невесты).

Когда свадебный паланкин прибывает к дому отца жениха, его проносят между рядами знаменосцев, музыкантов, людей с фонарями и прочих, выстроившихся по обе стороны главного входа, вносят на крыльцо и опускают на пол. К нему приближается жених и веером стучит в дверцу паланкина. Подружки открывают, и выходит невеста.

Ее черты все еще скрывает красная шелковая вуаль. Служанка несет ее на спине через тихо горящий древесный уголь, по обеим сторонам которого расставлены башмаки – их привезли с процессией в качестве дара ее будущему мужу. Когда невесту несут над углем, над ее головой другая служанка поднимает поднос с несколькими парами палочек для еды, рисом и орехами бетеля. К этому времени жених встает на высокую скамейку и ожидает невесту, которая падает к его ногам, чтобы почтить своего супруга. Высокая скамейка должна обозначать превосходство мужа над женой; поскольку в Китае более чем в каком-либо другом месте ойкумены^{51} женщина считается сосудом скудельным. Спустившись с возвышения, жених снимает с лица невесты красную шелковую вуаль. В этот момент он может впервые

взглянуть на лицо своей жены, пусть и полускрытое нитями жемчуга, свисающими со свадебного венца. Новобрачных проводят в домашний храм предков, где они простираются ниц перед алтарем, на котором расставлены таблички с именами предков. Затем они кланяются Небу и Земле, богам главного входа в дом, а также родителям невесты. Жених еще раз выражает почтение духам предков своей семьи, вылив питье, предназначавшееся им в жертву. Затем счастливую чету проводят в приготовленную для новобрачных комнату, где они обнаруживают апельсиновое дерево, увешанное связками монет, символизирующее пожелания потомства и благосостояния, и тонкие горящие свечи, которые несли в процессии; теперь они поставлены у брачного ложа. С балдахина над кроватью свешиваются три длинных красных бумажных полоски. На первой из них начертаны иероглифы Ань-Чуан-Да-Цзи («много счастья произойдет от этого ложа»), на второй – Бай-У-Цзинь-Цзи, что означает «даже в случае сотни неблагоприятных обстоятельств повода для тревоги не будет»; а на третьей – Бай-Цзы-Цянь-Сунь (пожелание сотни сыновей и тысячи внуков). Жених приветствует невесту, они садятся выпить чаю и отведать печенья. В это время девушки из свиты невесты отодвигают свешивающиеся с брачного венца нити жемчуга, чтобы жених мог рассмотреть лицо своей невесты, которая, чтобы он составил себе верное представление о ее облике, во время туалета не воспользовалась румянами.

Китайские женщины, в том числе замужние, часто и с удовольствием пользуются косметикой, но это запрещено в день свадьбы и при трауре. Пока новобрачные пьют чай, в комнату входит множество родственников и друзей, собравшихся справлять свадьбу, и откровенно высказываются по поводу внешности невесты. Хотя эти замечания действительно весьма откровенны и в меньшей мере лестны, чем правдивы, высказывающиеся несколько не понижают голоса, и их слова может слышать кто угодно. Новые родственники и друзья невесты желают ей многочисленного потомства. Вскоре жених присоединяется к гостям и разговаривает с ними на обычные темы. Когда все готово, в пиршественный зал входят родители, где невеста, принеся с кухни главное блюдо, или *carut coenum*, и поставив его собственными руками на стол, занимает место служанки. Наполнив кубок свекра вином, она подносит его обеими руками, и пока он пьет, стоит на коленях и дважды ударяется головой о землю. Затем она наполняет кубок свекрови, которой оказывает такие же знаки почтения. Когда обед заканчивается и родители умывают руки, приглашают поест невесту. На столе, который свекор велит поставить наверху лестницы, ведущей в столовую, разложены различные яства, и ее приглашают сесть на стул с восточной стороны стола. Свекровь наливает кубок вина и подносит ей. Но перед тем как его принять, новобрачная поднимается с места и, встав на колени перед свекровью, почтительно дважды ударяется головой об пол. В заключение трапезы родители уходят из зала по западной лестнице, а невеста – по восточной. В некоторых частях империи существует обычай, согласно которому новобрачные уходят в свою комнату и там обедают. В таком случае невеста ест не то, что ей дает муж, а кушанья, привезенные ей из отчего дома. Этот своеобразный обычай считается свидетельством ее скромности и должен соблюдаться в течение трех дней. При этом присутствуют четыре самых близких друга семьи, которые при каждом заздравном тосте должны рассказывать новобрачным об обязанностях мужей и жен по отношению друг к другу. По завершении этого обеда новобрачных приветствует шум взрывающихся хлопушек. Когда дым рассеивается, входит служанка с подносом, который она, стоя на коленях, протягивает жениху с просьбой снять с него кусок холста^{52}. Жених, расстелив холст на брачном ложе, садится снова, а служанка, сняв с хозяина башмаки, удаляется, оставив его наедине с невестой. Тогда жених снимает с ее пояса кушак, увешанный связками монет и символизирующий счастливую долю.

В некоторых районах, прилегающих к Кантону, зачастую невесту большую часть ночи заставляют отгадывать загадки. Обычно их загадывают родственники и друзья жениха. Если

она не сможет разгадать загадку, ей приходится уплачивать штраф печеньем тому, кто ее загадал. При выполнении этого оригинального обряда мужчины пьют много вина, и из-за этого нередко выходят ссоры. В деревне Бачжоу неподалеку от Хуанпу некоего старика из клана Чжуан во время отгадывания загадок на свадьбе сына убил собственный племянник. Когда дядя стал выговаривать ему за то, что он загадывал неприличные загадки, пьяный молодой человек впал в неистовство и не мог успокоиться, пока не обагрил руки кровью старика.

Во многих районах провинции Гуандун сразу после совершения брачной церемонии жениха разлучают с невестой. Когда празднества завершаются, невеста возвращается в дом отца и ждет, когда кончится время – обычно три года, – по истечении которого новобрачным будет позволено жить вместе. Если отец жениха живет неподалеку от отца невесты, ей разрешается гостить у родителей своего мужа по несколько дней в месяц. Если же дом родителей ее мужа находится далеко, она навещает их лишь дважды или трижды в год. Как правило, эти визиты приходятся на Драконьи торжества и тому подобные праздники. В это время у жениха есть возможность поговорить с невестой, но, как мне кажется, китайским невестам эти визиты вежливости крайне неприятны. Расскажу о грустном следствии женитьбы хорошо знакомого мне юноши. Его звали У Ачжан, и он был уроженцем деревни, расположенной у подножия холмов Ляньхуа поблизости от Ху-мэньской крепости. В этой деревне строго соблюдали описанный обычай. В течение месяца, последовавшего за его женитьбой, ему пришлось уехать из столицы провинции, где он служил, чтобы нанести короткий визит вежливости родителям, ожидавшим приезда его невесты – их невестки. Невеста прибыла первой. Но наутро ее нашли мертвой – она совершила самоубийство, приняв яд. Оказалось, что она тщательно спрятала в своей одежде яд – корень, называемый китайцами у-мань-цзян, – перед отъездом из дома отца. Через несколько часов после того, как ее обнаружили мертвой, приехал жених – только чтобы получить известие о самоубийстве своей невесты. Этот своеобразный и глупый обычай распространен также в уезде Шуньдэ – одной из административных единиц провинции Гуандун. Чтобы с ним покончить, магистраты этого уезда нередко издают воззвания, обращенные к родителям, с просьбой при заключении брака сразу же отправлять дочерей жить в новую семью.

Рано утром на третий день после свадьбы невесту провожают в храм предков, чтобы поклониться предкам жениха. Таблички с именами предков убирают с алтаря и помещают на столе, стоящем в центре зала. В восточной части зала ставится стол, покрытый яствами. Жених становится перед этим столом, а невеста – перед таким же, расположенным на западной стороне. В центре пола перистилля^{53} или внутреннего двора храма предков кладут большую подушку, на которую опускается на колени отец жениха и поклоняется табличкам, совершая коутоу. Затем, совершив возлияние вином, он читает обращенное к духам предков письмо примерно следующего содержания: «Мой сын женился, и все церемонии, полагающиеся по этому случаю, были должным образом исполнены, поэтому ныне я велю ему и его жене поклониться вам, надеясь снискать вашу милость и убедить вас даровать им многие блага.

Когда письмо прочитано, новобрачные встают перед табличками с именами предков на колени и трижды совершают коутоу. Затем молодая чета кланяется родителям, дядям и тетям жениха. После этого родители дарят новобрачным монеты, завернутые в красную бумагу. Если родители невесты живут недалеко, следующей ее обязанностью на третий день после свадьбы, в полдень, будет церемониальный визит продолжительностью не меньше нескольких часов. Если их дом находится на большом расстоянии от ее нового дома, для этого выбирают более подходящий день. Во время этого визита молодую женщину сопровождают несколько слуг, которые несут множество коробок с печеньем и фруктами, а также жареных поросят, кур и т. п. Эти подарки посылают в качестве признания целомудрия их дочери.

Голову и окорок одного из поросят возвращают дарителям на счастье. Иногда невесту сопровождает церемониймейстер, который передает родителям письмо, где открытым текстом подтверждается то, что символизируют подарки. Письмо это родители невесты заботливо сохраняют. В чем-то это напоминает обычай, существовавший у древних евреев (Втор., 22: 13–17).

Невеста, которая оказывается нецеломудренной, нередко получает развод, и ее отсылают к родителям наутро после свадьбы. Иногда муж не решается сделать свою жену предметом общих толков. В таком случае он удовлетворяется тем, что, когда жена отправляется на третий день после свадьбы в дом своих родителей, не посылает с ней традиционных жареных поросят с курами и т. п. Однажды мое внимание привлек такой случай: семья невесты выражала сильное негодование по адресу жениха, заявляя, что обвинение, выдвинутое против их дочери, было ложным, и настаивая, чтобы им прислали обычные подарки. Но жених не уступал и отказался посылать подарки. В результате затеяли расследование, окончившееся тем, что невеста признала свою вину^{54}.

В тот же день наносит визит вежливости ее родителям и жених. Тесть встречает его у дверей, и они входят в храм предков, где жених кладет на алтарь несколько подарков. Обратившись лицом на север, он встает на колени перед тестем и дважды совершает коутоу. Последний охотно принимает эту дань почтительности, обратившись лицом на запад и также совершив коутоу. Можно заметить, что это – единственный случай, когда тесть встает на колени в присутствии зятя. Затем жених выражает желание поклониться теще, которая, чтобы предоставить ему эту возможность, уже стоит на пороге своих покоев. К этому времени готова трапеза, которую ему предлагают отведать. Выпив три кубка вина по просьбе тестя, он возвращается домой. Посещение невестой родителей по этому поводу может продолжаться даже шесть-восемь часов. Вечером она должна быть в своем новом доме, чтобы принимать свадебных гостей.

Вечером четвертого дня после свадьбы новобрачные обязаны принимать за обедом друзей своих семейств. В таких случаях рассылают стереотипные приглашения приблизительно следующего содержания:

*«Выдающемуся в литературе,
Достопочтенному преждедородженному
В его кабинет*

В восьмой день этой луны ваш младший брат принимает свою невесту; на седьмой день вымоют и приготовят кубки для вина; на десятый день будут разливать вино, когда ваш младший брат осмелится призвать к своему презренному жилищу ваш экипаж, чтобы насладиться беседой с вами, и когда он будет ожидать вашей помощи в устройстве церемонии. Я умоляю вас почтить церемонию своим сияющим присутствием. О, к каким вершинам славы вознесет нас оно!

От позжорожденного Хэ Тоу, почтительно до земли кланяющегося».

В 1856 году я имел удовольствие присутствовать на подобном банкете вместе с четырьмя-пятью английскими дамами и с таким же числом английских джентльменов. Когда мы прибыли к воротам дома, привратник очень вежливо попросил нас немного подождать, чтобы успели доложить о нашем приходе. Пока мы ждали, несколько китайских музыкантов, сидевших на крыльце, играли свадебную мелодию. Когда мы вошли, невеста и жених стояли, ожидая нас, чтобы приветствовать, она справа, а он – слева от дверей, затем проводили нас в гостиную, где мы некоторое время беседовали. Затем английских дам пригласили пройти на отведенную для женщин половину дома. Пока они отсутствовали, у нас была возможность увидеть несколько интересных обрядов. Помимо других гостей, новобрачных пришли приветствовать Хоуква (Хаогуань) и несколько других состоятельных китайцев. Каждый раз невеста выходила в зал, где принимали гостей-мужчин, чтобы ее поздравили эти друзья

семьи. Каждый гость падал перед ней ниц и бился головой об пол, одновременно восклицая: «Поздравляю! Поздравляю!» А невеста, встав на колени, тоже билась головой об пол и отвечала: «Спасибо! Спасибо!» Эта церемония закончилась, когда появилась дама, предлагавшая гостям выпить по чашке чаю. На банкете, сервированном в семь часов в храме предков непосредственно перед алтарем, присутствовало не менее тридцати со вкусом одетых китайских дам. Некоторые из них были довольно привлекательны. Китайки, в отличие от англичанок, садятся не вместе с мужчинами, а отдельно. Невеста с женихом с нами не обедали, они прислуживали за столом. Когда невеста со своими помощницами поставила на стол последнее блюдо – вареный рис, – то заметила, что нас принимают недостаточно радушно. Если хозяин считает, что дом его слишком мал, чтобы вместить всех приглашенных на свадьбу сына, он нередко ставит для этой цели большой навес или шатер – так часто делают в китайских деревнях. В деревне Хэлун неподалеку от Кантона в 1864 году я присутствовал на свадьбе, которую друзья и родственники новобрачных отмечали в большом шатре из циновок, построенном специально для этого празднества. Места оказалось более чем достаточно для двухсот гостей. Иногда для этой цели китайские родители арендуют стоящие на больших дорогах чайные для путешественников, крытые циновками.

Китаец волен брать столько жен, сколько он в состоянии прокормить. Вторая и третья жены бывают обыкновенно женщинами незнатного происхождения с большими ногами, а у первых жен (конечно, кроме маньчжурских дам) почти всегда бинтованные ноги. Первая жена обладает известной властью над остальными и распределяет между ними различные домашние обязанности. На самом деле, вообще редко бывает, чтобы вторая или третья жена сидели в присутствии первой без ее разрешения^{55}. Первой жене чиновного китайца предоставляют тот же титул, который носит ее муж, подобно тому, как это принято в Англии для жен пэров и баронетов. Обычно таких дам во время выездов сопровождает целая свита конюших, мечников, ликторов и прочих слуг, по числу равная свите, на какую имеет право ее муж. Как принято, в это время чиновные дамы не задерживают занавесок паланкина, в отличие от остальных женщин. Они позволяют себе показываться публике, как бы гордясь выездом и вниманием, полагающимся им по рангу. В случае кончины первой жены вторая не наследует ее положения. Она остается, как и прежде, второй женой; а это положение, как я уже писал, больше служанки, чем жены – если только у нее не родятся дети. И таблички с именами жен, умерших бездетными, не ставят на главный жертвенник домашнего храма предков; обычно их помещают на особых полках в прилегающей комнате.

Когда вторая или третья жена находится при смерти, их переселяют из дома в более скромное жилище. Они не имеют права умереть в жилище своего господина! Я помню один такой случай, приключившийся в 1862 году. Умирала четвертая жена жившего в кантонском предместье Хэнань богатого китайца, которого звали У Ши-тай. По распоряжению мужа эту женщину, чей последний час, по-видимому, был близок, вынесли во флигель, где жил один из слуг.

Я уже замечал, что вторые и третьи жены часто бывают незнатного происхождения; и читатель не поймет, насколько верно это наблюдение, если я не скажу, что нередко китайские мужья, как правило не считающие нужным хранить верность супруги, женятся на уже знакомых им публичных женщинах. Такие жены бывают зачастую даже у людей, принадлежащих к верхушке общества. В семье У, или Хоуква (Хаогуань), таких женщин много. Да и за другими примерами не надо далеко ходить. Сановный китаец по имени Хуэй Чжангуан, живший на кантонской улице Гутай-цзе и многие годы занимавший должность главного судьи провинции Гуанси, слыл во всем городе и его окрестностях не столько докой по части закона, сколько был знаменит своей второй женой, – по словам китайцев, замечательной красавицей. Хуэй Чжангуан сделал эту даму второй женой и любил так сильно, что после смерти первой жены подал императору Даогуану прошение даровать ей титул и статус первой жены. Вто-

рая или третья жена известного губернатора Гуандуна Чжан Или некоторое время была проституткой в Кантоне. Однако следует заметить, что иногда в пользующихся дурной славой домах встречаются дочери почтенных родителей, которых похитили во времена восстания бессовестные негодяи и продали владельцам таких заведений. В некоторых случаях китайцы берут за себя рабынь в качестве вторых и третьих жен. Человеку, ищущему вторую или третью жену, сваха или посредница всегда может назвать хозяина, у которого есть несколько красивых рабынь и который желает выдать их замуж. Затем он осматривает рабынь на дому у их хозяина. Эта встреча проходит в главном зале, и сваха по одной выводит девушек, по такому случаю одетых как настоящие дамы. В 1864 году я был свидетелем подобной сделки в доме одного господина в Кантоне. Предполагаемый покупатель пристально разглядывал покрасневшую от смущения девушку, которой пришлось открыть руки от запястий до плеч и ноги от щиколоток до колен. Чтобы доказать, что она не хромот, ей пришлось пройти из конца в конец весь зал, а чтобы показать, что у нее нет дефектов речи, должна была что-то громко продекламировать. Пока он осматривал молодую женщину, как торговец скотом – бессловесное животное, два его спутника отпускали замечания относительно ее внешности, поощряя или расхолаживая его. На полу стояла лакированная коробочка со сладким печеньем, предназначавшимся девушке в подарок. Мое присутствие явно мешало совершению сделки, и я удалился. Однако покупка не состоялась, поскольку впоследствии я несколько раз видел бедную девушку в доме ее хозяина. Когда у китайца получается продать рабыню кому-нибудь в качестве второй или третьей жены, обычно он за день до свадьбы дает ей небольшое приданое. Оно состоит из одного теплого и одного летнего платьев, пары вышитых башмаков, покрывала и занавески для ложа, несессера, зонта и сундука. Хотя женитьба на второй или третьей жене обставлена не так пышно, как первая, в обоих случаях религиозные обряды совершенно одинаковы. После совершения этих обрядов вторую жену приводят к первой; она встает перед ней на колени и совершает коу-тоу. Во время таких свадеб часто прибегают к услугам стариков, которых называют хуа-гун. Хуа-гун должен призвать новобрачную чету жить в любви. Невесту он также напутствует любить и почитать первую жену своего мужа и повиноваться ей. Избранный для такого поручения человек должен достичь почтенного семидесятилетнего возраста. Предпочтение отдается женатым старикам, вступившим в брак в юности со своей ровесницей. Я уже писал о том, что китайские многоженцы – завсегдатаи публичных домов. Мне остается упомянуть о том, что в больших и маленьких городах встречаются китайцы, которые содержат любовниц, независимо от того, сколько у них уже есть жен. Но я не могу сказать, что такие примеры многочисленны.

Считается крайне предосудительным, если вдова вступает в брак вторично. В благородных семьях такое происходит очень редко (если вообще происходит). Если я не ошибаюсь, в том случае, когда знатная дама выйдет замуж второй раз, она даже подлежит наказанию восьмьюдесятью ударами. Но среди низших классов повторные браки случаются – их обычно оправдывают бедностью. Действительно, если свекор со свекровью бедны, они нередко велят своим овдовевшим невесткам снова вступить в брак. Когда сведения о таких случаях доходят до магистрата, свекра со свекровью после наказания восьмьюдесятью ударами в суде первой инстанции переселяют на три года в одну из соседних провинций. Многие несчастные вдовы, не колеблясь, совершают самоубийство, только чтобы не подчиняться этим требованиям, а мандарины иногда издают воззвания, в которых просят свекровей не принуждать своих овдовевших невесток ко второму браку. В таких больших городах, как Кантон, есть дома, где находят пристанище приехавшие из деревни бедные вдовы, которые надеются найти мужей. Такими заведениями руководят свахи, посредники, иногда просто старики. Если вдова выходит замуж, нередко брат умершего мужа забирает ее детей от первого брака и считает их собственными. Если же от второго брака родятся дети, их часто считают детьми блуда. Хорошо знакомый мне китайский господин как-то раз зашел ко

мне с двумя своими друзьями; представив их мне, он добавил на английском языке, который был неизвестен его спутникам, что они не принадлежат к элите, так как мать родила их во втором браке. Этим он доводил до моего сведения, что его спутники – дети женщины, которая в приличном обществе не считалась особенно добродетельной.

Говоря о браке, можно упомянуть также своеобразный обычай, носящий название «двойной свадьбы». Его соблюдают в китайских семьях, где одновременно живут три поколения и где старшие мужчины достигли высоких чинов. «Двойную свадьбу» можно праздновать, когда и дед, и бабка достигли шестидесятилетнего возраста. Тогда ее справляют следующим образом: она отправляется в свои родные места, чтобы дать деду возможность еще раз просить ее руки. Когда сделаны необходимые приготовления и выбран счастливый день для обновления брачных уз, дед посылает к дому, где поселилась его почтенная супруга, свадебный паланкин в сопровождении знаменосцев и музыкантов. Процессию возглавляет церемониймейстер. Он подносит старой даме письмо, где муж просит ее сесть в присланный за ней свадебный паланкин и вернуться домой, чтобы даровать ему почетную возможность возобновить брачные обеты. В доме собираются некоторые родственники и друзья, чтобы приветствовать счастливую старую даму по ее возвращении; и церемония завершается угощением и общим весельем. Мне остается рассказать еще об одном связанном с браком обычае, в той же степени нелепом, что и нечестивом. В Китае женятся не только живые, но и мертвые. И таким образом, духов всех китайцев мужского пола, которые умерли в детстве или в отрочестве, по прошествии надлежащего времени женят на духах девочек, умерших в том же возрасте. Если умер мальчик двенадцати лет, через шесть-семь лет его родители стараются соединить его дух брачными узами с духом девочки, которая родилась и умерла в то же время, что и их сын. Для этого обращаются к свахе. Делая выбор из ее перечня умерших девиц, советуются с астрологом. Когда астролог, составив гороскопы двух душ умерших, признает выбор разумным, договариваются о благоприятной для заключения брака ночи. В эту ночь изображающую жениха бумажную фигурку в полном свадебном облачении помещают в гостиной дома его родителей. В девять часов (иногда позже) от имени духа юноши к дому родителей умершей девушки отправляют свадебный паланкин, который в некоторых случаях представляет собой ротанговый каркас, покрытый бумагой. Родителям девушки передают просьбу разрешить ей сесть в паланкин, чтобы ее отнесли в новый дом.



Жена и дети курильщика
опиума

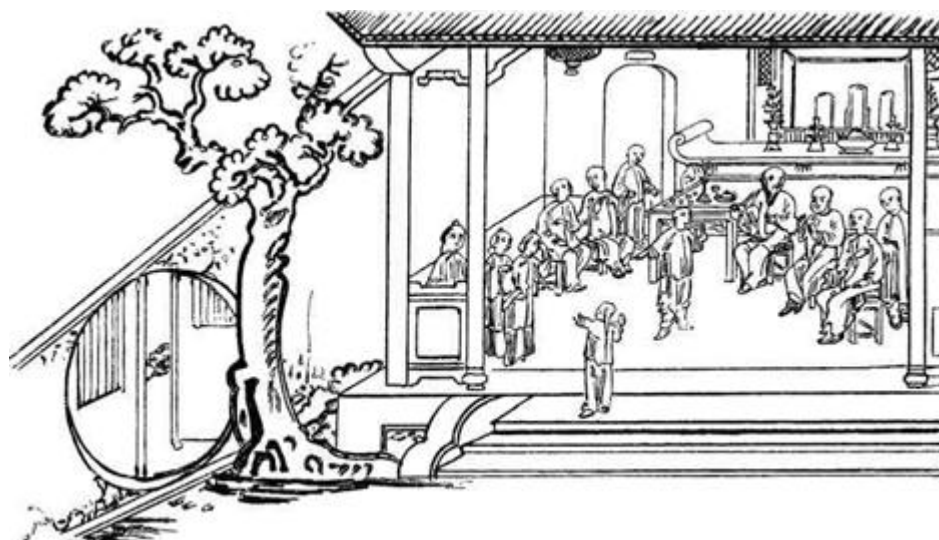
Поскольку в Китае считается, что одна из трех обитающих в человеческом теле душ после смерти переходит в табличку с его именем, с алтаря предков снимают табличку с именем девушки и помещают в свадебный паланкин вместе с бумажной фигуркой, которая должна изображать невесту. Свадебную процессию возглавляют два музыканта. Один из них играет на лютне, другой – бьет в гонг. Иногда в паланкин кладут платье умершей девицы, которое теперь будут хранить у себя родители почившего отрока. Когда процессия прибывает к дому родителей жениха, табличку и изображение невесты вынимают из паланкина. Табличку помещают на алтарь, а бумажную фигурку – на кресло рядом с тем, в котором находится фигурка жениха. Перед фигурками ставят стол с разными кушаньями, в то время как пять-шесть даосских священнослужителей распевают обращенные к духам молитвы, призывая их взять друг друга в супруги и отведать свадебных яств. В конце этой церемонии бумажные фигурки сжигают вместе с множеством бумажной одежды, бумажных денег, бумажных слуг и служанок, вееров и табачных трубок, а также паланкинов. Мне довелось присутствовать на такой церемонии. Она проходила в доме моего китайского друга по имени Цзя Цзиньхуэй, который жил на улице Чжо-цзя-ли в западном предместье Кантона. Получилось так, что непосредственным поводом для этой свадьбы послужила болезнь жены этого господина. Геомант, или гадалщик, решил, что она приключилась из-за разгневанного духа ее сына, возымевшего желание немедленно жениться. Тут же заключили помолвку от имени умершего сына, и была проведена вышеописанная брачная церемония.

Глава 8

Развод

По всей видимости, законы о расторжении брака в Китае с незапамятных времен предоставляли мужчинам различного общественного положения самые благоприятные условия для развода. С другой стороны, как и у древних евреев, жена не может призвать мужа к ответу перед любым гражданским судом с целью добиться расторжения брака, сколь бы ни были серьезными основания для этого, а муж может развестись с женой по следующим причинам: несоответствие характеров, пьянство^{56}, воровство, небрежность, непокорность, неверность, распутство, непослушание по отношению к нему или его родителям, обнаружение в первую брачную ночь отсутствия девственности.

Этот перечень обуславливает легкость развода, которую еще увеличивает несложная процедура. Муж, желающий получить развод, приглашает своего отца и других родственников-мужчин собраться в храме предков клана, чтобы они выслушали и исследовали обвинение или обвинения, предъявляемые им жене. Каждому приглашенному обиженный муж подносит орех бетеля, завернутый в зеленые листья. В некоторых сельских районах муж собирает подобную сходку, ударяя в гонг, чтобы созвать родичей, живущих по всей деревне. Процедура в храме предков начинается с поклонения табличкам. В присутствии жены считающий себя оскорбленным муж излагает дело так, чтобы она слышала, и подкрепляет его всеми доказательствами, имеющимися у него в распоряжении. Когда родственники досконально обсудили существо дела, они выносят решение, предположительно основанное на фактах. Если обвинение сочтут доказанным, истец немедленно выдает ответчице свидетельство о разводе. Это свидетельство, написанное не в доме истца, а вне его, обычно скрепляют подписями обе стороны. Каждая подпись представляет собой отпечаток указательного пальца правой руки, который обмакнули в тушь. Следует добавить, что в Китае муж не может развестись с женой из-за незначительной провинности, если во время совершения проступка жены он находился в трауре по кому-нибудь из родителей.



Суд над прелюбодейкой в храме предков

Могут спросить: что происходит с женами, получившими развод? Как правило, если развод получает первая жена, ей позволяют вернуться в дом родителей или за их отсутствием – в дом ближайшего родственника. Если же она так несчастлива, что у нее нет ни родителей, ни ближайших родственников, бывший муж обычно продает ее свахе. В этом случае, если

на ее долю не выпадет худшего, она становится женой другого человека. Когда получает развод вторая или третья жена, ее, как правило, ждет горькая участь. Если ее продали свахе и если она хоть сколько-нибудь красива, ее сразу же перепродают содержательнице публичного дома, всегда готовой дать хорошую цену за женщину привлекательной наружности.



Бичевание прелюбодея

В августе 1861 года мне пришлось видеть, какая печальная судьба при этом выпадает разведенной второй жене. Сводня с прислужниками гнали по большим улицам Кантона миловидную женщину, очевидно сильно страдающую. Я узнал, что за незначительную провинность муж развелся с ней и продал. Иногда после развода бывает, что вторую или третью жену на улицу безжалостно вышвыривает человек, несколько минут назад называвший себя ее мужем. В таком случае ей, конечно, приходится нищенствовать или, что неизмеримо хуже, торговать собой. Я нередко видел, как разведенные женщины просят милостыню на улицах Кантона. Как-то мне пришлось познакомиться с историей одной такой женщины: я узнал, что она была навсегда отлучена от стола и ложа своего мужа из-за своего вспыльчивого характера.

Я попросил одного китайского купца разузнать для меня об этом случае. Вскоре после этого женщина исчезла с улицы, где раньше просила милостыню, а впоследствии я увидел ее у дверей этого купца уже не в лохмотьях, а в модном наряде китайской дамы. Она была красива, и, видимо, он взял ее в свой гарем.

Вместе с тем многие китайские господа стремятся избавить своих разведенных жен от необходимости попрошайничать или заниматься проституцией. В таких случаях женщина получает как раз столько денег, чтобы обеспечить себя всем самым необходимым – если не в течение всей жизни, то, во всяком случае, на много лет. Пример тому – приведенный ниже перевод свидетельства о разводе, выданного господином по имени Гуань Хан (он жил на улице Цзи-Сян-фан) женщине по имени Хуан Асян, которая была его второй женой. Свидетельство гласит:

«Поскольку моя вторая жена, Гуань Хуан-ши, была в высшей степени невнимательна к своим домашним обязанностям, а я неоднократно указывал ей на такие упущения, однако никакого улучшения не последовало, я, Гуань Хан, сообщив об этом деле старейшинам, ныне, к сожалению, из-за такой непокорности, должен отослать ее прочь. Таким образом, с этой минуты она вольна выйти замуж за другого. Если же она, получив от меня денежное

пособие, все же станет добывать средства в жизни в публичном доме или сделается чьей-нибудь содержанкой, в моей власти арестовать ее и предъявить ей обвинение перед одним из городских судов, чтобы ее заключили в тюрьму. Далее, пусть будет совершенно ясно, что если какие-либо несчастья выпадут на долю этой женщины Хуан Асян, ее родители и опекуны не могут иметь ко мне никаких претензий.

В подтверждение вышесказанного я пишу данное свидетельство и передаю его в руки Хуан Асян.

Дано в шестнадцатый день шестого месяца шестого года правления под девизом Тун-чжи».

Если жена уходит от мужа сама, это куда более серьезное преступление против брачных законов, чем непокорность или необузданный нрав. С женщиной, оставившей мужа, можно не только развестись, но, возможно, она предстанет перед одним из судов города, где живет, и получит сто палок. Если же она, оставив мужа, вступает в новый брак, первоначальный проступок отягчается двоемужием. В таком случае женщину могут подвергнуть высшей мере наказания – удушению. Как бы то ни было, многие китайские мужья стремятся вернуть сбежавших жен не потому, что хотят подвергнуть их наказанию, а из-за привязанности к ним. Иногда среди объявлений, расклеенных на стенах в китайских городах, мне попадались обещания вознаграждения за поимку сбежавших жен. Авторы таких объявлений обычно мужья, стоящие достаточно высоко на общественной лестнице.

Если муж оставляет жену в стесненных обстоятельствах, жена по истечении трех лет его отсутствия может снова выйти замуж. Однако перед этим она должна доказать факт трехлетнего отсутствия мужа перед магистратом своего района. Если она пренебрежет этим, то ее могут приговорить к сотне ударов, а второй брак объявить недействительным. Кроме того, если она, желая выйти замуж за другого, заявляет о том, что муж ее оставил, но родственник отсутствующего мужа заявляет о желании и возможности обеспечивать ее во время длительного отсутствия мужа, магистрат не позволяет ей вновь выйти замуж.

Отсутствие мужа на протяжении двадцати или тридцати лет по государственным или торговым делам не аннулирует брак. Если жена в это время снова выйдет замуж, по его возвращении она подлежит смерти через удушение. Здесь можно упомянуть о том, что если муж и жена в равной степени недовольны друг другом, то они вольны подписать документ о разводе.

Кроме того, жену могут и наказать, и дать ей развод, если она бьет свекра или свекровь. Как и в других случаях, ее допрашивают в зале предков, и если вина будет доказана, ее прогоняют по улицам города или деревни, где находится дом, откуда ее изгнали, безжалостно бичуя. Кара может в данном случае показаться слишком суровой, но именно такому телесному наказанию подвергаются женщины, обижавшие родителей своего мужа в Синяо, Синане и других сельских районах Гуандуна. Руки женщины связывают за спиной, ее ведут по улицам, впереди шествует человек с гонгом. При каждом звуке гонга бывший муж сильно бьет ее по плечам хлыстом. В случае отсутствия мужа виновную подвергает телесному наказанию его брат, двоюродный брат или дядя. В некоторых районах виновных ставят к позорному столбу.

Я уже рассказывал в предыдущей главе, что бывает, если обнаруживается, что невеста не сохранила девственности. Но обвинение в неверности – самое серьезное из тех, на основании которых в Китае муж может развестись с женой. Даже простое подозрение при ее полной невиновности может привести к жестокому обращению с его стороны. Я помню, как в 1861 году один господин по имени Фэн Цзинь-сань забил до смерти свою жену лишь из одного, ничем не подтвержденного подозрения в неверности. Этот изверг жил на Ша-сань-пу – одной из улиц западного пригорода Кантона. Я пришел туда и на месте разузнал о том, что случилось. Оказалось, что в тот вечер несчастная уходила из дому на два-три часа,

чтобы посмотреть на религиозный праздник. По возвращении муж обвинил ее в неверности и, связав по рукам и ногам, хладнокровно забил плетью до смерти. Когда на следующий день я вошел в дом, то обнаружил почти полностью обнаженное тело несчастной распростертым на полу. Это было тяжелое зрелище – все тело, особенно голова, лицо и плечи, было истерзано. Обезумевшая мать убитой стояла на улице напротив этого дома и несколько часов подряд твердила прохожим о жестокости своего зятя. Убийцу забрали в тюрьму, но, по-моему, не столько как узника, сколько как свидетеля, от которого власти надеялись получить разъяснение относительно обстоятельств, при которых умерла его жена. Я присутствовал в полицейском суде при допросе негодяя и был немало удивлен, когда магистрат велел выпустить его из-под стражи.

Если муж застиг жену во время прелюбодеяния, закон позволяет ему тут же предать обоих смерти. Однако тот же закон категорически утверждает, что если он прольет кровь, то должен убить обоих виновных. Если он убьет одного из них, пощадив другого, его поступок будет обычным убийством, и за это преступление его будет судить главный суд района, в котором он родился. Если он убьет только прелюбодейку, ее друзья и родные могут отказаться принять его голословное утверждение в качестве доказательства и потребуют казнить его как убийцу. А если он убьет одного прелюбодея, его обвинителями станут друзья и родные этого человека.

Следующее условие состоит в том, что в убийстве виновной пары мужу никто не должен помогать; в противном случае такие люди подвергнутся обвинению в убийстве. Но вряд ли можно сомневаться в том, что почти всегда это планируют заранее, и друзья мужа устраивают засаду, чтобы помочь ему в случае необходимости. Примером тому может служить месть кантонского торговца чаем своей второй жене и ее любовнику. Купец по имени Сюнь Лу имел причины подозревать, что между его второй женой Асян, юной красавицей, и его приемным сыном, молодым человеком по имени Хуан А-вань, существует связь. Как-то раз он попрощался с семьей, сообщив, что отправляется в путешествие в соседнюю провинцию Гуанси, откуда он был родом. Перед отъездом же он договорился с двумя слугами, которым мог доверять, о том, что, если уловка обманет любовников, они выставят у входа в дом длинную курительную свечу. Сигнал был дан, и, как заявили впоследствии, ворвавшись в комнату, оскорбленный муж заколол своими руками Асян и ее любовника. Однако в доме у купца один из членов семьи определенно заявил мне, что убийство было совершено не самим Сюнь Лу, а двумя слугами. Сюнь Лу привели в магистрат, чтобы он объяснил свое поведение, но его не только не приговорили к казни, но и выдали ему, как было принято в таких случаях, двадцать тысяч монет и сверток красной материи. В то же время его подвергли ничтожному наказанию – двадцати палочным ударами, чтобы изгнать из его груди дух убийства. За то время, пока я жил в Кантоне, мне стали известны два или три подобных случая.

Эта мгновенная месть – убийство виновных «со всеми преступлениями на шее» – распространена не только в провинции Гуандун. В номере *Chinese Recorder and Missionary Journal* за июль 1860 года рассказывается о случае, который произошел в том году в городе Тянь-цзине. В статье были сделаны следующие замечания по поводу вопроса, который мы только что обсуждали:

«Утверждают, что муж не один мстил за себя. Есть версия, согласно которой его сын пятнадцати-шестнадцати лет уговаривал его убить виновных и даже помогал в этом. Говорят, что сам юноша убил свою мать и велел отцу отрезать ей голову. По мнению других, мужу помогли отомстить его братья. И все согласно утверждают, что в наши дни магистрат никогда не занимается тщательным расследованием дел, связанных с прелюбодеянием и смертями, и во избежание хлопот легко принимает на веру утверждения оскорбленного мужа, который приносит ему для освидетельствования две головы^{57}.

Много лет назад некто принес в приемную магистрата две головы и сказал, что они принадлежат его жене и ее любовнику. На вопрос о том, помогал ли ему кто-нибудь убить и обезглавить этих людей, он откровенно признался, что дело обстояло именно так. Тогда человека, на которого он указал как на своего помощника, арестовали и предъявили ему обвинение. После этого каждый муж, замешанный в подобном деле, сразу же отрицал чью-либо помощь. Дело становится куда проще, если беспрекословно верить всем словам обиженных мужей в отношении убийства и обезглавливания. Хотя все убеждены в том, что один человек не мог убить двоих, официально невероятность этого не признана. Расследование всех обстоятельств дела в подобных случаях бывает настолько поверхностным, насколько это позволяет публичность судебной процедуры. И по закону, и в глазах общественного мнения поступок мужа считается просто наказанием виновных по справедливости. О нем самом никто и слова дурного не скажет».

Но китайские мужья в подобных случаях не всегда бывают настолько мстительными. Часто оскорбленный муж довольствуется тем, что велит слугам не выпускать преступную чету из комнаты, в которой она была застигнута, пока прелюбодей не заплатит ему большего штрафа. Если у последнего не случится под рукой требуемой суммы, обращаются к его родителям, опекунам или доверенным лицам с просьбой незамедлительно достать эти деньги. Если так быстро достать денег не получается, им нередко приходится передавать мужу документы на свою собственность или же на собственность виновного в качестве гарантии выплаты наложенного на него штрафа. Насколько мне известно, считается, что муж, который взыскивает такой штраф, прощает проступок жены, хотя, конечно, она остается в семье на положении прислуги. Если прелюбодей – бедный человек, муж отрезает его косичку. Затем он велит прогнать его под градом ударов по главным улицам города или деревни, где было совершено преступное деяние. После этого прелюбодея изгоняют из родных мест, причем ему не разрешается даже возвращаться в установленные периоды года, чтобы помолиться в храме своих предков. Прелюбодейку продают сводне, которая в конце концов перепродает ее работоторговцу, содержателю публичного дома или же бедному рабочему, если он ищет себе жену. В том случае, если муж не прогоняет жену, никто не вправе заставить прелюбодея оставить дом и друзей. В 1870 году я видел, как молодого человека, по всей видимости, не старше двадцати одного года, и его возлюбленную гнали по улицам кантонского предместья, самым беспощадным образом избивая плетью. Его руки были связаны за спиной, а сам он был обнажен до пояса. Сразу вслед за ним вели женщину, которой на вид было около тридцати лет. Ее руки тоже были связаны за спиной, и хлестали ее так же безжалостно. Их задержал муж женщины, актер, со своими друзьями и передал в руки старейшин уезда. Когда старейшины собрались на следующий день, некоторые высказались за то, чтобы связать виновных по рукам и ногам и бросить в реку Чжуцзян. Но большинство решило, что их следует прогнать по улицам предместья под ударами плетей. Когда порка кончилась, юноше, которого звали Лян Айн, позволили вернуться в дом матери-вдовы. Прелюбодейку муж продал содержателю публичного дома за сто долларов. Я навестил молодого человека на следующий день после порки и был потрясен, увидев истерзанные спину и плечи.

Здесь можно заметить, что наказание прелюбодея посредством жестокой порки, обычное для китайцев, было распространено и у египтян, как следует из слов древнегреческого историка Диодора Сицилийского, в то время как в Риме при Юстиниане прелюбодеек бичевали, как иногда делают в Китае и в наши дни.

Перед тем как с чувством облегчения перейти к другой теме, мне следует добавить, что прелюбодеяние представляется китайцам более отталкивающим, если совершается людьми, носящими одну фамилию.

Глава 9

Родители и дети

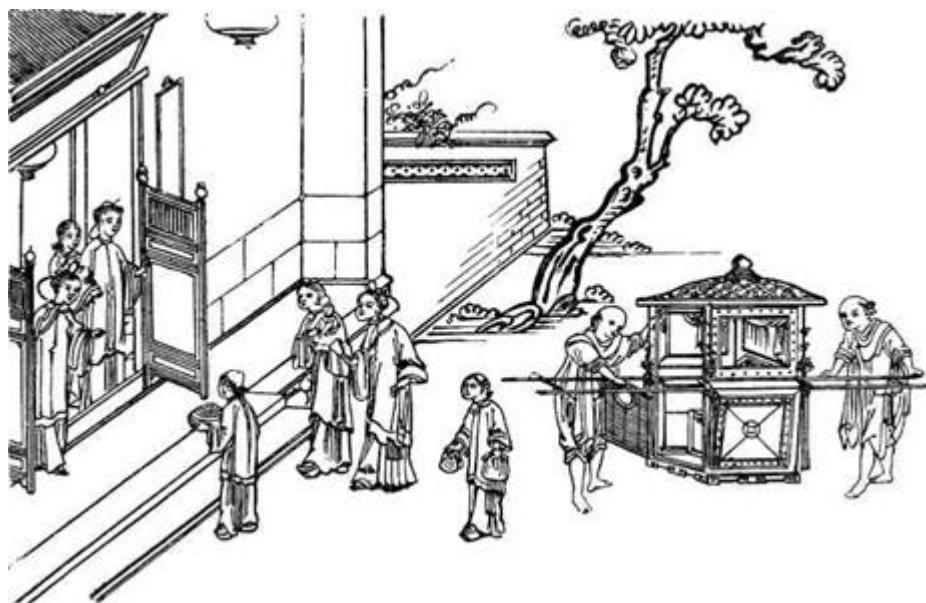
В Китае рождение ребенка, как и любое другое важное для общества событие, сопряжено с множеством обрядов. Как только повивальная бабка приступает к делу (китайцы полагают, что принимать роды следует только женщинам^{58}), несколько членов семьи принимаются молиться богине Цзиньхуа. При трудных родах призывают даосского жреца, который читает определенные молитвы и чертит священный знак на листе желтой бумаги новой кистью. Свиток сжигают, и этот пепел дают роженице, растворив в чашке воды. Как только ребенок рождается, замечают точное время, чтобы гадалщик мог составить гороскоп. Повивальная бабка кладет пуповину^{59} в урну с золой от прогоревшего древесного угля. Ее бережно запечатывают и хранят. Через десять лет урну, как правило, выбрасывают, но иногда хранят всю жизнь и хоронят вместе с останками. Родители верят, что, если они предадут земле какую-нибудь часть тела своего ребенка, им скоро придется похоронить и его самого. Если ребенок умирает вскоре после рождения, урну обычно выставляют на холме неподалеку от дома или на кладбище. Иногда я наткнулся на эти урны, гуляя в окрестностях Кантона.

Ребенка сразу же обмывают отваром растения, которое называется по-китайски цзинь-инь-хуа (цветок из золота и серебра), коры зеленого имбиря, листьев вампи и грейпфрутового дерева. О похожем обычае упоминается в книге Иезекииля (16: 4). Затем ребенка заворачивают в пеленки — это тоже совпадает с древнееврейским обычаем — простые полоски ткани, тесно прибинтовывающие руки и ноги к телу. На третий день младенца вновь омывают в ароматной воде. По этому случаю приглашают близких родственников, и, когда малыша вымоют, все усаживаются за трапезу, отличительной чертой которой бывают пирожки со свиной и мучные шарики с сахарной начинкой. Роженицу кормят в основном птицей, отборным рисом и поят имбирным вином. В диету включают также утиные яйца. Их раздают родственникам и друзьям вместе с кувшинами имбирного вина в качестве подарков на день рождения младенца. Когда мать оправляется после родов, ей дарят вышитые шелка.

Среди высших классов не принято, чтобы муж виделся с женой до истечения месяца после рождения ребенка. В этот период не принимают гостей. Над главным входом в дом вешают охапку ветвей вечнозеленых растений, оповещая окружающих о событии, и гости, увидев это, не заходят в дом и не пытаются даже оставить свои визитные карточки. Все люди, живущие в доме, считаются нечистыми до истечения месяца. То же относится и к людям, которые в это время посещают дом: конечно, членам семьи не разрешается посещать открытые для всех храмы. В конце месяца мать омывает свое тело отваром листьев грейпфрутового дерева, что служит ритуалом очищения. Отец, поклонившись табличкам предков, вместе с одной из служанок направляется в храм (нередко это храм Долголетия), чтобы поблагодарить богов за то, что они даровали ему сына. Мать должна оставаться дома, пока не истечет сто дней со дня рождения ребенка. Этот обычай напоминает о том, что по закону Моисееву еврейские матери должны были оставаться дома тридцать три дня после рождения мальчика и шестьдесят шесть дней — после рождения девочки^{60}. Китайцы, как и евреи, основывают это ограничение на том, что в это время мать нечиста. По завершении этого периода она отправляется со своим ребенком в храм, часто в храм, посвященный Цзиньхуа; в таком случае ребенка посвящают этой богине. Если мать ранее просила о потомстве Гуаньинь или Тянь-хоу, она, конечно, идет в тот храм, где молилась им. Когда ребенку исполняется месяц, он получает детское имя. Его голову впервые бреют. Устраиваемое по этому поводу празднество, которое называется мань-юэ, в богатых семьях проходит очень торже-

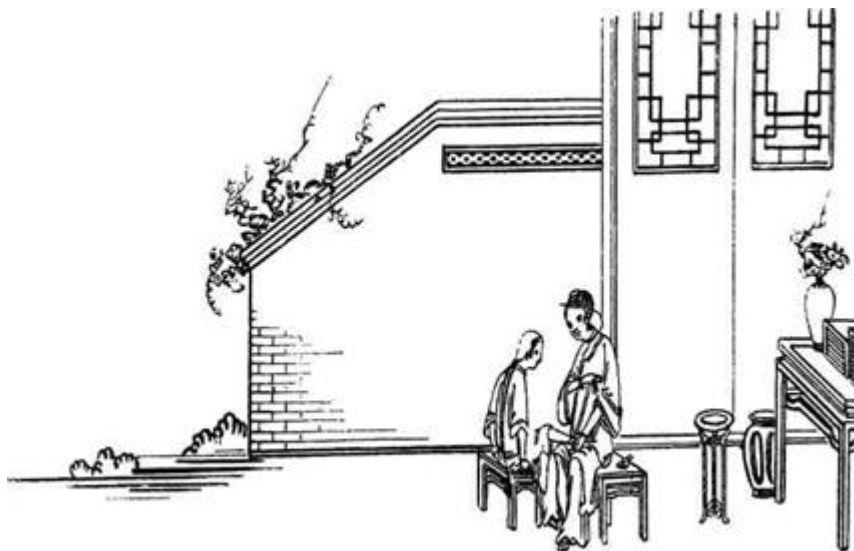
ственно. Все члены семьи – как мужчины, так и женщины – присутствуют на нем в праздничной одежде. Ребенка выносят наряженным в ярко-красное платье. Цирюльник, осуществляющий церемонию, чаще всего пожилой человек, поскольку его преклонные годы в этом случае китайцы считают счастливым предзнаменованием. Он специально наряжается для церемонии и получает больше денег, чем обычно. Однако нередко мать или бабушка ребенка предпочитают самостоятельно обрить голову младенца. Волосы заворачивают в бумагу и заботливо хранят. Когда цирюльник заканчивает свою работу, к младенцу подходит специально приглашенный старец и, положив руку на его голову, восклицает: «Пусть долголетие будет твоим уделом!» Затем присутствующие приступают к обильной трапезе, и маленькому герою торжества дают попробовать маленький кусочек пирога из рисовой муки, подаренного его бабушкой. На пиршество приглашают всех, кто принес ребенку подарки. Дарят одежду, браслеты на руки и на щиколотки и т. п. Ребенок получает также красную кровать, красное кресло и шапочку, на которой крепятся серебряные или медные изображения Будды, а иногда восьми бессмертных. Иногда вместо этих фигурок на шапочке пишут иероглифы, обозначающие долголетие или богатство. Ребенку нельзя спать в кровати, пока отец не выберет счастливого дня, сверившись с календарем. Любимому ребенку родители дарят разноцветное платье^{61}. Согласно поверью, оно защищает дитя от злых духов, отвлекая их внимание. С календарем сверяются также, чтобы определить, какие вещи не следует показывать ребенку. Иногда оказывается, что для ребенка неблагоприятно видеть вещи, сделанные из бамбука, или касаться их на протяжении определенного месяца. Иногда ему нельзя смотреть на железные или медные предметы. Все вещи, запрещенные календарем, убирают или накрывают чем-нибудь.

В гости ребенка первый раз относят к бабушке, причем часто выбирают для этого следующий после мань-юэ день. Пожилая дама дарит маленькому внуку подарок: четырех цыплят, четыре луковицы, стебли сахарного тростника, два кочана капусты и немного рисовой шелухи. Перечисленные овощи растут и созревают очень быстро, поэтому подарок символизирует пожелание быстрее расти. Рисовая шелуха означает пожелание внуку охотно учиться и получить обширные познания. В возрасте одного-двух лет, когда дитя начинает ходить, ему дарят пару башмаков, которые называются мао-тоу-се, или кошачьи башмаки. Носки их сделаны в форме кошачьей морды; считается, что в них ребенок будет стоять на ногах так же твердо, как кошка.



Ребенок в первый раз в гостях у крестной

Иногда китайские родители убивают новорожденных девочек. Этому мерзкому и неестественному обычаю есть много объяснений. Бедняки, оправдывая свое поведение, ссылаются на нужду. Они утверждают, что лучше убить дочь во младенчестве, чем, увы, как это бывает часто, продать ее, чтобы она или попала в услужение, или была вынуждена взяться за гнусный промысел блудницы. Но детоубийство бывает не только среди бедных, как узнает читатель из главы, посвященной мной китайским приютам. Вместе с тем, несмотря на то что в народе эта практика в большей или меньшей степени распространена, некоторые китайцы считают это преступление одним из самых ужасающих. Я приведу пример, иллюстрирующий отношение этого народа к детоубийству. Весной 1872 года сосед женщины, жившей в западном предместье Кантона, видел, как она топила свою приемную дочь в заводи Хуанша. Сосед сообщил об убийстве старейшинам уезда. Обвиняемую немедленно схватили и посадили под арест в заднем помещении соседнего храма. На следующий день она предстала перед судом старейшин. В свое оправдание она смогла лишь сказать, что девочка часто болела. По просьбе мужа, который настойчиво умолял помиловать ее, старейшины проявили снисходительность и освободили убийцу – иначе ее назвать нельзя. Женщину отпустили, несмотря на то что существовал соответствующий указ. Генерал-губернатор, правивший около двадцати лет назад провинциями Гуандун и Гуанси, издал постановление, согласно которому все матери, виновные в преступлении, настолько противоестественном и сатанинском, как детоубийство, подлежали суровому наказанию. В 1848 году верховный судья по уголовным делам провинции Гуандун издал указ, где в сильных выражениях осуждал детоубийство. В нем содержалось упоминание о законах природы и осуждение подобного варварства. Там, в частности, говорилось: «Вы должны помнить о том, что и насекомые, и рыбы, и птицы, и животные любят своих детей. Дитя, только что оставившее материнское чрево, слабо, как волосок; почему же вам немедленно приходит в голову уничтожить своего отпрыска?»



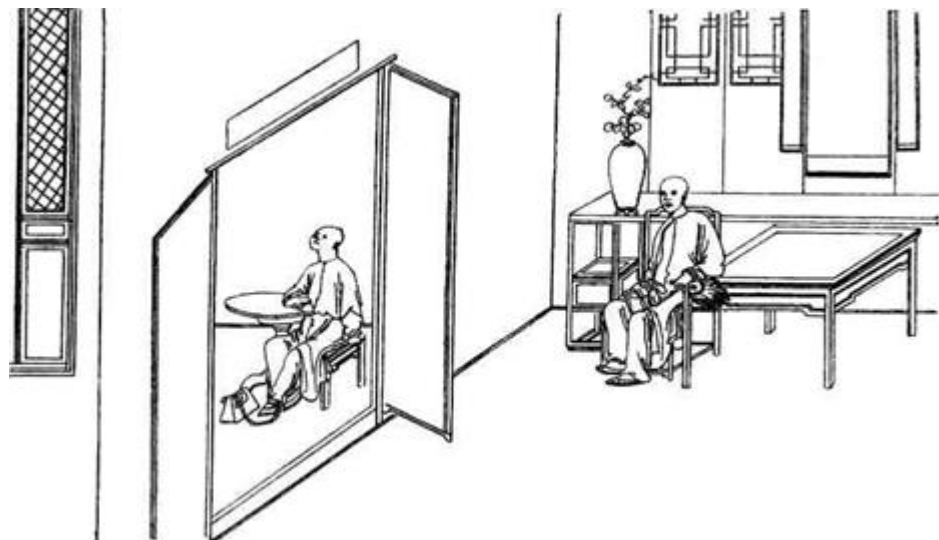
Бинтование ног

Весьма распространен обычай бинтовать ноги у девочек. Приводят много доводов, обосновывающих существование этой нелепой традиции. Некоторые полагают, что источник этого лежит в желании явно обозначить различие между китайцами и маньчжурами с хакка. Последние с глубокой древности ведут кочевую жизнь. Китайцы всегда оседло жили на своей родине – как настоящие *adscript! gleboe*, или крепостные. Я заметил, что в северных провинциях почти у всех женщин ноги бинтованные; то же можно сказать и об острове Формоза, но в некоторых частях империи это не является общепринятым. Бинтовать ноги девочкам начинают в пяти- или шестилетнем возрасте, и обычно матерчатыми повязками.

Сначала это очень больно, и дитя горько плачет целыми днями. Иногда ноги забинтовывают так, что становится почти невозможно ходить. На дорогах нередко можно встретить женщин с маленькими ногами, которых везут на спине служанки. Во время пожаров женщины с маленькими ногами часто гибнут, будучи совершенно беспомощными.

По всей видимости, не существует закона, который ограничивал бы проявления родительской власти. Родители даже могут продавать детей. В некоторых случаях кредиторы забирают себе в услужение сыновей за долги родителей. Иногда дети, чтобы избавить родителей от денежных затруднений, добровольно продают себя в рабство или в услужение. Поразительно сходство, существующее в этом отношении между древними иудеями и современными китайцами (4 Цар., 4: 1; Неем., 5: 5), а отец пользовался неограниченной властью над детьми, даже когда они достигали зрелого возраста (Быт., 21: 21; Исх., 21: 9 -11; Суд., 14: 2). Власть отца над дочерью в Китае еще больше, чем над сыновьями, чему тоже находится параллель в еврейской истории. Еврейский отец мог аннулировать принесенный его дочерью священный обет, тогда как над сыном он не имел такой власти (Числ., 30: 4). По всей видимости, китайские родители твердо верят в максимум «кто жалеет розгу – губит ребенка». Так, хотя иногда они выказывают нежную любовь к своим отпрыскам, в другое время можно наблюдать, как они сурово их же наказывают. Я часто видел, как китайские матери жестоко избивали своих детей, и, если ребенок умрет от побоев, они не отвечают ни перед каким судом. Я видел, как, рассердившись на детей, матери, живущие в лодках на Кантонской реке, совершенно осознанно бросали их в реку. А когда дети, всплыв на поверхность, цеплялись за борт лодки, разгневанные матери иногда снова сталкивали их в воду.

Однажды я сам был свидетелем такой сцены. Молодой человек с лодки, курсировавшей по Кантонской реке, сошел на берег сыграть на деньги у стойки фруктового ларька. Он проиграл больше, чем у него было при себе. Хозяин ларька угрожал забрать часть его одежды в счет уплаты. Юноша упорно возражал против этого и попросил послать за его родителями. Мать пришла и уплатила долг, но затем утащила виновного на борт своей лодки и швырнула его в поток головой вперед. Юноша, всплыв на поверхность воды, стал цепляться за борт и умолял ее сжалиться. Разъяренная мать, не обращая внимания на мольбы, снова и снова отталкивала его, пока я не почувствовал, что в конце концов надо вмешаться, чтобы молодой человек не погиб. В это время поблизости находилось несколько лодок, люди на которых, по-видимому, считали, что виновного просто наказывали по заслугам. В простонародье телесным наказаниям иногда подвергают и взрослых. Родители наказывают сыновей, которые уже давно вышли из детского возраста; пожилые матери избивают дочерей, которым сравнялось тридцать лет, и даже тех, кто старше.



Непослушный сын в оковах

Помню, в Ханчжоу я видел, как шестидесятилетняя мать била тридцатилетнего сына. Мне стало известно, что молодой человек был пьяницей и, потакая своему пристрастию, таскал деньги у матери – владелицы большой шелковой мануфактуры. В тот раз он возвращался домой с пирушки. Когда старая дама увидела его, она испустила громкий вопль и набросилась на сына с яростью тигрицы. Схватив его за косу одной рукой, другой она стала колотить его самым немилосердным образом. В двери сразу хлынула толпа любопытных, но никто не стал вмешиваться. Заблудший сын кротко принимал побои.



Сын, на которого надел кангу его отец

Китайцы считают, что родители не должны пренебрегать наказаниями, когда это необходимо. В доме китайца можно иногда встретить сына хозяина с кандалами на щиколотках. Так наказывают за любовь к азартным играм и другие порочные наклонности. В одном кантонском доме я видел юношу в таких оковах. Несмотря на то что родителям, несомненно, приходилось серьезно беспокоиться из-за него, молодой человек несколько не казался пристыженным. Кроме того, бывает, что провинившихся наказывают, лишая традиционного куска свинины, который в Китае дарят каждому члену семьи, вернувшемуся после почитания могил предков. Эти подарки покупают на доход от алтарей, и они считаются дарами предков, поэтому такое наказание считают очень тяжелым. Если сын причиняет родителям большие неприятности, его могут изгнать из дома. Я знал семью, которая состояла из родителей и двоих сыновей. Отец с матерью прогнали старшего сына, сильно огорчившего их, и я видел, как мальчик – ему было всего четырнадцать – просил милостыню на улицах Кантона. Когда он встретился мне в первый раз, то убежал. Впоследствии я дважды видел, как он просил подаяние на той же улице. Родители уверили меня, что им пришлось выгнать сына из-за его дурных наклонностей. В конце концов они приняли его обратно, когда он пообещал исправиться. Кроме того, один живший в Кантоне офицер (я был знаком с его друзьями) прогнал приемного сына из-за его приверженности к азартным играм. Этот парень взял за обыкновение закладывать свою одежду и тащить все, что плохо лежало. Его тоже взяли обратно в дом, когда он пообещал исправиться. Однако он тут же принялся за старое. Тогда отец велел связать его, а чтобы тот запомнил, сколько огорчений и расстройств пришлось пережить другим по его милости, он нанес приемному сыну глубокую рану на бедре; на нее насыпали соли. Молодой человек вновь был изгнан из дома, в котором мог бы найти счастье; кончилось тем, что он стал буддийским монахом. Иногда родители помещают непослушных детей в государственную тюрьму. Обычно таких узников приковывают цепями к большим камням и каждый день выставляют вместе с другими заключенными у ворот тюрьмы. В

Кантоне, в тюрьме магистрата Паньюя, мне встретился молодой человек, опекуном которого после смерти родителей стал дядя. Юношу взяли под стражу за то, что в пьяном виде он угрожал заколоть дядю. Когда я в первый раз увидел юношу в тюрьме, он был одет в шелка. Но, проведя в тюрьме много месяцев, он стал выглядеть таким же грязным и отталкивающим, как его сокамерники. Я часто посещал его, и он горячо просил меня вступить за него перед тетей, уверял, что только она может его пожалеть. От меня потребовали не обращать внимания на его мольбы. В следующий раз я увидел его, когда читал проповедь европейской команде на борту британского корабля «Красная шапочка» (в то время он стоял на якоре в Кантоне). Я находился у борта, когда ко мне подошел китаец, одетый как обычный кули, и вежливо поздоровался. Я узнал злосчастного юношу. Он сообщил мне, что тетя вызволила его из тюрьмы, когда он обещал отправиться в Британскую Вест-Индию в качестве кули. Нечто подобное я слышал об одном весьма уважаемом торговце из западного предместья Кантона, который отправил в тюрьму магистрата Наньхуа своего второго сына, где заблудший юноша четыре месяца пробыл в оковах. За него заступилась мать, и его освободили, но лишь для того, чтобы отправить в соседнее Королевство Кохинхину.

В этих случаях китайские матери, как и христианские, оплакивают сыновей и постоянно просят об их помиловании. Я помню мать, скорбевшую из-за такого сына. Его отец, очень богатый китаец, отправил сына в тюрьму за то, что он играл, курил опиум и имел сварливый нрав. Мать всячески заступалась за него перед мужем. Она проводила дни и ночи, печалась о сыне, молилась за него духам предков и в конце каждого дня вешала над своей дверью зажженную лампаду, стремясь таким образом ускорить возвращение узника.

В ряде случаев наказания сыновей или дочерей, которые бьют родителей, бывают гораздо тяжелее, чем все, что я описывал до сих пор. Я читал, что сыну и невестке, избивавшим мать, отрубили головы^{62}. В то же время мать невестки жестоко высекли и отправили в изгнание. Студентам уезда, в котором произошло преступление, на трехлетний срок запретили участвовать в экзаменах на ученую степень. Магистраты все до одного были лишены должностей и сосланы, а дом преступника был разрушен до основания. Передают, что это случилось в царствование под девизом Цзяцин. С тех пор такие преступления карались с почти невероятной жестокостью.

В 1865 году человек по имени Чжан Аньчжэн вместе со своей женой Чжан Хуанши избил свою мать плетью. Когда о происшествии стало известно императору Тунчжи, в чье царствование это случилось, был издан императорский указ, согласно которому с преступников надлежало живьем содрать кожу, а затем бросить их тела в печь. Из золы следовало достать кости, измельчить в порошок и рассеять его по ветру. Кроме того, этим же указом император повелел удавить главу клана, к которому принадлежали преступники, и приговорил к восьмидесяти ударам и к ссылке соседей из домов, расположенных справа и слева от их дома, за то, что они промолчали и не вмешались. Глава местных сюэаев (или бакалавров), к которым принадлежал и преступник, был приговорен к восьмидесяти ударам и ссылке в места, удаленные от его дома на тысячу ли. Двоюродного деда преступника надлежало обезглавить, а дядю и двух старших братьев удавить; правители области и уезда, где жили преступники, на время отстранялись от должности. На лице матери преступницы следовало вытатуировать четыре иероглифа, означающие, что она пренебрегала воспитанием дочери. Ее сослали в провинцию, которая была удалена от той, где она родилась. Отцу преступницы, бакалавру, не позволялось более принимать участие в экзаменах на ученую степень. Его следовало подвергнуть восьмидесяти ударам и сослать в места, удаленные на три тысячи ли от его родных мест. Мать преступника должна была присутствовать при казни сына. Однако ей позволялось каждый день получать на пропитание рис от казначея провинции. Ребенок преступников отдавался на попечение правителя уезда; согласно указу, он должен был получить другое имя. И наконец, земли преступников некоторое время нельзя было возделывать.

Отчет об этом событии был обнародован казначеем провинции Хубэй, где было совершено преступление; его было приказано распространить по всей империи.

Убийство родителей считается одним из самых мерзостных преступлений, которые только может совершить человек, и наказывается за это мучительной смертью. Действительно, отвращение к этому преступлению так велико, что был принят специальный закон. В нем четко сказано, что не только самого преступника следует подвергнуть мучительной смерти; нужно обезглавить и его школьного учителя; прах предков преступника выкапывают из земли и развеивают по ветру. Обычно закрывают храмы предков рода, в котором было совершено отцеубийство, чтобы потомки не могли молиться их духам. Как бы то ни было, убийства родителей в Китае крайне редки. Если китайцам какая-нибудь добродетель свойственна более, чем все остальные, то это сыновняя почтительность.

Когда родители умирают, их место по отношению к младшим братьям занимает старший сын. И младшие весьма почитают старшего. Он увещевает их, если они сбиваются с пути, и поощряет вести себя достойно. Если младший брат ударит жену старшего, старейшины деревни позволяют последнему высечь виновного. Младшего брата секут в присутствии старейшин, и делают это метлой, чтобы наказание было еще более унижительным. Китайцы говорят, что битому метлой не будет в жизни счастья.

В заключение этой главы я могу заметить, что мне всегда казалось, будто дети состоятельных китайцев обычно бывают несколько хилыми. Я полагаю, что это по большей части объясняется полигамией; ведь дети представителей низших слоев общества, вынужденных из-за своей бедности быть моногамными, жизнерадостны и активны.

Глава 10

Слуги и рабы

Во всех респектабельных (в узком смысле слова) китайских семьях множество домашней прислуги. В семье обычного китайского господина, как правило, есть привратник, два-три лакея, три-четыре носильщика, а также слуги, поддерживающие в доме порядок. Иногда их нанимают на месяц или на полгода, и каждому платят жалованье от трех до четырех долларов в месяц. Конечно, им предоставляется стол и жилье. Время от времени хозяева снабжают слуг одеждой, деньгами на табак и на другие мелкие улады. Конечно, чтобы получить работу, такие слуги должны представить рекомендации, подтверждающие их хорошее поведение в прошлом и квалификацию. В более бедных семьях поваров и других слуг нанимают как минимум на год, как и людей для работы в поле. Эти слуги устраиваются на работу согласно договорному найму, как это называется в Англии. Наем осуществляется местными властями на площадях или в других подходящих местах. В Кантоне договорные наймы осуществляются с первого по пятнадцатый день первого месяца года на четырехугольной площади перед храмом Долголетия. В это время на площади толпятся хозяева и слуги. Там же устраивают различные зрелища. Где-то можно увидеть накрытую циновками клетку с тигром или пантерой. А в другом месте площади внимание любопытных зрителей привлекает большая корзина с сердитым дикобразом, шестиногой свиньей или четвероногой уткой. Есть там и ларьки, где голодные и немощные могут подкрепиться супом, мясом, чаем, печеньем или фруктами всего за несколько монет. На таких сборищах всегда довольно балаганов, где играют в азартные игры, и многие слуги там оставляют часть небольших денег, доставшихся им тяжким трудом, а то и все свое жалованье.

Здесь можно упомянуть о том, что в Кантоне и других городах провинции Гуандун ежедневно происходит наем слуг прямо на улице. В пригороде Кантона, который носит название Хэнань, на улице Гоу-куай-цзя каждое утро в пять часов собирается множество поденщиков, ищущих работу. Если никто не нанимает их, они расходятся далеко за полдень. В храмовых дворах в любое время дня нередко можно видеть людей, «стоящих праздно», и говорящих: «...Никто нас не нанял»^{63}. В том же пригороде на улице Тайпин-цзе или Датун-цзе с пяти до девяти утра ожидают найма столяры и каменщики. Столяры выстраиваются в ряд по одной стороне улицы, а каменщики – по другой. Как правило, их нанимают государственные подрядчики. Плата за такой труд очень мала: самое большее четверть доллара и трехразовое питание. Кроме того, рабочие ставят условие, согласно которому в новолуние, полнолуние, а также в девятый и двадцать третий день каждого лунного месяца их должны лишним раз накормить или выдать денежный эквивалент дополнительной трапезы.

Вернемся к положению домашних слуг в Китае. В китайских семьях хозяева чаще всего покупают женскую прислугу и в ряде случаев – мужскую. В домах богатых горожан нередко семье прислуживают от двадцати до тридцати таких рабов. И даже не слишком состоятельные люди считают необходимым иметь одного-двух рабов. Конечно, цена их зависит от возраста, состояния здоровья, силы и внешности; средняя – от пятидесяти до ста долларов, но во время войны или революции бедные родители под угрозой голодной смерти продают сыновей и дочерей по крайне низким ценам. Я помню, как родители, разоренные наводнившими провинции Гуандун и Гуанси в 1854–1855 годах бандами мародеров, продавали своих дочерей в Кантоне по пять долларов за каждую. Ряды рабов пополняются также из семей игроков, которым для покрытия проигрышей нередко приходится продавать детей.

Среди многих китайцев, с которыми я подружился или познакомился во время моего пребывания в Кантоне, один старик по имени Линь Чжицзи был, если можно так выразиться,

посредником в работорговле. Я помню двух красивых юношей, проданных ему непутевым отцом, который проигрался в пух. Старший паренек был продан за пятьдесят долларов, а младший – за сорок. Старый работорговец предложил мне купить одного из юношей, повысив цену до трехсот пятидесяти долларов. Чаще всего средний здоровый раб-мужчина стоит около сотни долларов. Обычно люди, которых продают в рабство, сначала попадают в руки работорговца или посредника, пожилых мужчины или женщины. Перед тем как купить раба, торговец берет его на испытание на месячный срок. Если обнаружит, что раб разговаривает во сне, или найдет у него какие-то отклонения в здоровье, то либо предложит за него небольшую сумму или откажется скрепить сделку. Эта предосторожность необходима – ведь когда посредник перепродает раба, у него часто требуют гарантий его выносливости. Потенциальный покупатель тщательно осматривает раба, обращая особое внимание на то, нет ли у него признаков проказы – болезни, распространенной среди китайцев и, конечно, вызывающей у них ужас. Посредника просят завести раба в темную комнату и осматривают его там при синем свете. Если при этом освещении лицо раба принимает зеленоватый оттенок, о его здоровье выносят благоприятное заключение. Если же оно становится красноватым, решают, что кровь его заражена этой отвратительной болезнью.

Эти несчастные попадают в пожизненное наследственное рабство и не имеют родительской власти над своим потомством. Но правнуки рабов могут купить свободу, если у них достанет на это денег. Рабов называют «ну» и «бэй»; первым словом обозначают собственно мужчин-рабов, а вторым – рабынь. Если я не ошибаюсь, сами эти термины недвусмысленно говорят, что рабы являются членами семей своих хозяев. Раньше рабы принимали фамилию хозяина; но сейчас этот обычай вышел из употребления. Несмотря на то что рабы считаются членами семьи, их не признают членами общины. Например, они не могут предъявлять иск. Короче говоря, они вне границ гражданства, и ничто не защищает их от алчности, ненависти или похоти хозяев. Хозяева могут продавать рабынь в наложницы частным лицам и содержателям публичных домов или, как я понимаю, удовлетворять за их счет собственную похоть. Бывает, что хозяин женится на своей рабыне. Если это происходит, он дает знать друзьям и соседям, и они приходят на свадьбу повеселиться. Предложение выйти замуж делает в таком случае не сам хозяин, а его жена – хозяйка рабыни. Действительно, нередко бесплодная супруга, если у нее есть милая привлекательная рабыня, предлагает мужу сделать ту второй женой. Этот обычай напоминает мне об известном эпизоде из священной истории, в котором Сарра, видя, что стареет, убедила мужа жениться на невольнице Агари. Она надеялась, что Божественное обещание потомства, которое для нее, казалось, должно было остаться несбывшимся, сможет наконец исполниться. На рабынях женятся и по другим причинам. Так, женщина по имени Дун Люси, проживавшая в западном пригороде Кантона, предложила мужу жениться на молодой и красивой рабыне, хотя сама родила ему нескольких детей. Становясь все слабее здоровьем, она настояла на том, чтобы муж с молодой невестой поселился в соседнем доме. Так и получилось, что он сделал рабыню второй женой.

По-видимому, хозяева имеют ту же неограниченную власть над рабами, что и родители над детьми. Так, хозяина не призывают к ответу в случае смерти раба, даже если она последовала в результате нанесенных ему побоев. В 1853 году я видел на улице Ша-сань-пу в западном пригороде Кантона труп рабыни, умершей от побоев хозяйки. Когда хозяйка решила, что та при смерти, она велела отнести тело на расположенную у храма Ми-Чжоу площадь Нищих, как называют это место иностранцы, чтобы рабыня там и умерла. Желая получить деньги от этого чудовища, полицейские велели отнести умирающую рабыню обратно и положить на пороге дома. Обнаружив, что около ее дома толпятся зеваки, хозяйка отдала полицейским требуемую сумму, и труп (несчастная девушка умерла через несколько минут, после того как ее положили у дверей) унесли и похоронили на ближайшем кладбище. Кроме того, в 1869 году некий китаец по фамилии Хэ, живший в Хэнани – пригороде Кантона, обви-

нив своего раба, совсем еще мальчика – ему было четырнадцать, – в краже, немедленно связал его по рукам и ногам и бросил в реку Чжуцзян. Крики тонущего ребенка привлекли внимание офицера из команды канонерки ее величества, стоявшей там на якоре. К счастью, ему удалось спасти мальчика, которого в конце концов доставили к уполномоченным представителям союзников – в то время город был занят союзными армиями Великобритании и Франции. Сразу же был дан приказ об аресте Хэ, и узника передали китайским властям, которые отнеслись к этому делу с совершенным безразличием. Они были склонны отпустить его на свободу на том основании, что он не нарушил никаких законов. Тем не менее под давлением уполномоченных представителей союзников он был помещен в тюрьму магистрата уезда Наньхай. Несколько раз я видел этого человека в тюрьме, где, конечно, ему приходилось общаться с самыми отпетыми преступниками. «Британские консульские доклады о торговле» за 1869–1870 годы сообщают о случае, когда старуха, виновная в почти невероятно жестоком обращении с молодой девушкой из принадлежавшего ей борделя, заявила в свое оправдание, будто вправе делать со своей рабыней все, что угодно. Вице-консул Форрест, сообщивший об этом деле, настаивал на ее наказании. Тогда обвиняемой в уши воткнули стрелы и пронесли ее по улицам. Ее сопровождал глашатай, кричавший о ее чудовищном преступлении. Время от времени старуху пороли, и в конце концов она умерла, не вынеся пыток. Эта женщина, если ее вообще можно так назвать, изрезала локоть и коленные суставы девушки китайскими ножницами, потому что та отказалась принять ухаживания местного кули. То же хозяйка проделала и с другими частями ее тела, и девушка умерла почти сразу же после того, как покинула двор. Полиции с трудом удалось не дать соседям линчевать старуху.

В китайской семье рабыни прислуживают женщинам. Из них получают отличные горничные, но для этого им нужно уметь делать прически и макияж. Кроме того, нередко рабыня носит госпожу, если у нее маленькие бинтованные ноги, на спине. Удивительно, какое расстояние в сельской местности рабыни способны пройти рысцой с хозяйками на спине. Это прекрасные няньки, с любовью относящиеся к своей работе.

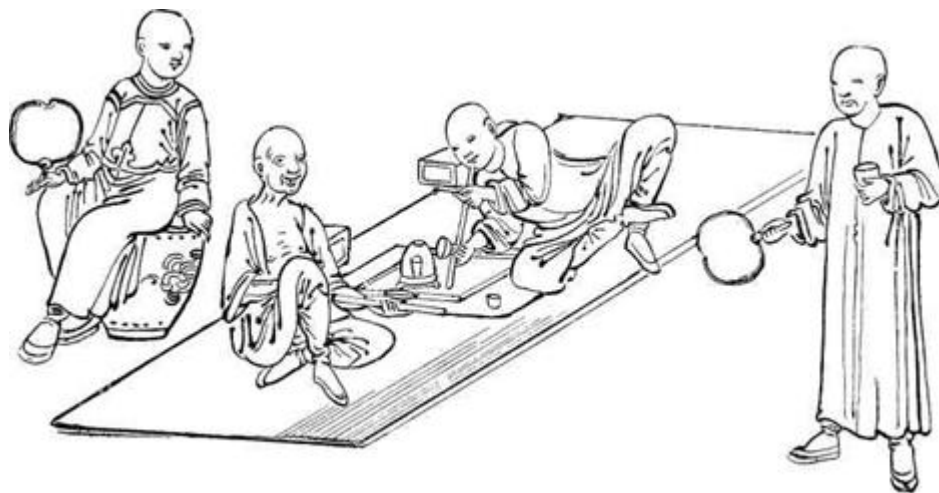
Рабы всецело находятся в распоряжении хозяев, причем последние иногда прискорбно злоупотребляют своей властью (но насколько я знаю, во всех респектабельных китайских семьях к рабам относятся вполне вежливо). Однако этого не скажешь о рабынях, служащих у небогатых людей как «прислуга, отвечающая за все». Из таких семей рабы нередко сбегают из-за грубого обращения и тяжелой работы. Доказательством этого утверждения служит собранная мной коллекция китайских объявлений. В отсутствие общедоступных газет они представляют важное средство информирования людей о происходящих событиях. К ним относятся и объявления об ушедших от хозяев рабах, содержащие подробное описание внешности беглецов и обещание вознаграждения за их поимку. Автор одного из объявлений, описывая наружность сбежавшей рабыни, замечает, что ее лицо похоже на кошачью морду. Я неоднократно слышал на улицах больших китайских городов, как глашатаи рассказывали о внешности таких беглецов и предлагали вознаграждение за их поимку. Следует заметить, что глашатаи при этом не звонят в колокольчик, а бьют в гонг. Гонг подвешен на жерди, которую он несет вместе с помощником. К гонгу прикреплен бумажный флажок, где разборчивым почерком изложены подробности дела.

Когда уходят рабыни, хозяйка нередко прикрепляет принадлежавшую беглянке одежду к ручному жернову и вращает его, четко произнося имя сбежавшей. Если эта нелепая церемония не дает результата, хозяйка направляется в храм Сяньфэна, или Полководца. Она молит его о помощи и привязывает к ноге коня идола кусок бечевки, чтобы ему было чем связать рабыню.

Нет ничего удивительного, что в обществе, где существует рабство, распространено похищение детей. Особенно это касается девочек, которых похищают и увозят далеко от дома, чтобы позже, когда они вырастут, продать их в рабство или содержателям публичных

домов. Закон суров для похитителей детей. Иногда женщин, похищавших девочек, прогоняют по улицам, стегая плетью. Мальчиков похищают так же, как и девочек, и продают на севере Китая. В некоторых случаях – нет нужды рассказывать о них подробно – людей, обвиненных в похищении мальчиков, казнят. Главе банды отрубает голову, второго по старшинству казнят через удушение, а других, признанных виновными в меньшей степени, ссылают на пожизненную каторгу. В северных провинциях, и особенно в городе Тяньцзине, который, кажется, представляет собой настоящий китайский содом, очевидно, не действуют и суровые законы, введенные из-за гнусностей, ради которых совершаются похищения.

В императорском дворце в Пекине на постоянной службе находятся евнухи, занятые в гареме императора. Главный евнух, которого назначает сам император, обычно пожилой человек. Он пользуется большим доверием и носит звание цзун-гун, что означает «глава серала». Это должностное лицо пользуется привилегией получать необходимые приказания лично от императрицы. Фактически по отношению к китайской императрице он занимает то же положение, какое занимал Гафак по отношению к царице Есфири, как мы узнаем из Писания. В то же время другие евнухи (а их очень много) подчинены ему, подобно упомянутым придворным скопцам (Есф., 4: 5). Если император отправляется в храмы на поклонение, его сопровождают евнухи и вместе с ним преклоняют колени перед жертвенниками.

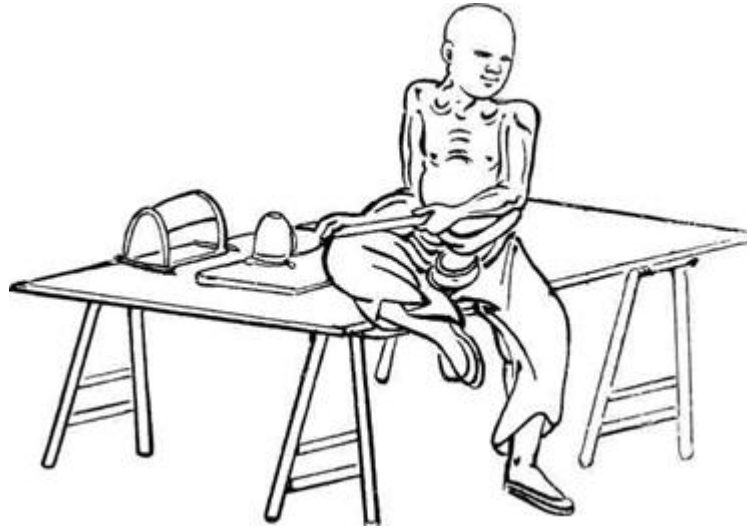


Курильщики опиума

Привилегия бывать в императорском гареме позволяет евнухам совещаться с государем, и, добившись его расположения, они иногда получают возможность сделать карьеру. Так, в 1868 году один из этих несчастных весьма неблагоприятным способом занял высокое положение^{64}. Но его ожидало внезапное падение, как случилось и с людьми поважнее. В конце концов он был казнен обыкновенным палачом.

Во всех китайских семьях, входящих в «первый десяток тысяч», существует близость между хозяином и слугами, с одной стороны, и хозяйкой и служанками – с другой. Слуги нередко делают предложения, касающиеся благосостояния семьи, и во многих случаях с ними обсуждают серьезные дела. Когда я в первый раз столкнулся с этим, то был крайне удивлен. В одно из моих многочисленных посещений уездного города Хэюань правитель уезда, узнав, что один из моих спутников – английский врач, пригласил нас в свою резиденцию. Он сообщил нам, что хочет получить от иностранного врача консультацию о здоровье зятя. Когда мы пришли к нему, нас сразу проводили в гостиную. Хозяин пригласил нас сесть и отведать угощение. Едва мы успели сесть, как вошел хозяйский зять, двадцатилетний молодой человек изможденного вида. С ним, к нашему изумлению, пришли, кажется, вообще все слуги этого семейства. Я решил, что они вышли посмотреть на заморских гостей. Но когда правитель уезда начал с нашим спутником разговор о состоянии

здоровья зятя (молодой человек был курильщиком опиума), старшие слуги и рабы наперебой стали выдвигать серьезные предложения относительно лечения больного. В дальнейшем я узнал, что такие сцены в китайских семьях не редкость. Подобная свобода в общении хозяев со слугами всегда была характерна для восточных людей. Когда царь Давид, услышав о смерти сына, перестал поститься и плакать, слуги тут же спросили его: «Что значит, что ты так поступаешь?» (2 Цар., 12: 21). Маленькая пленная израильтянка предложила своей сирийской хозяйке, чтобы Нееман попросил «пророка, который в Самарии» вылечить его от проказы (4 Цар., 5: 3). Более того, когда этот прославленный полководец игнорировал полученные от пророка наставления, слуги даже стали спорить с ним. Когда Одиссей вернулся домой после многолетнего отсутствия, его целовали все слуги.



Курильщик опиума

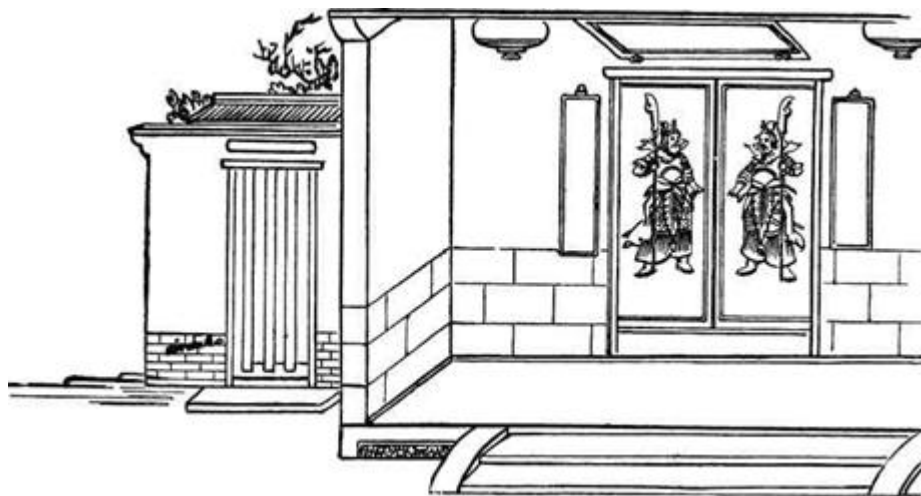
Можно сказать, что в Китае рабство существует в ограниченной форме по сравнению с тем, что практиковалось в Британской Вест-Индии и в Соединенных Штатах. Пожив в стране, где существует рабство, даже умеренное, любой поймет, насколько оно разлагает и унижает. Гомер не преувеличивал, говоря, что раб всего лишь наполовину человек.

Глава 11

Праздники

Как правило, в Китае народные праздники посвящены божествам. Вместе с семейными торжествами праздников набирается очень много. И хотя у китайцев нет воскресенья, то есть выходного в конце каждой недели, мне кажется, мало народов, у которых было бы больше дней отдыха (а может быть, таких народов и вовсе нет). Перечень праздников следует начать с Синь-цзянь, или Нового года, – китайской вакханалии. Поскольку в Китае началом года считается ближайшее к пятнадцати градусам Водолея новолуние, а через этот знак солнце проходит в январе, Новый год празднуют в конце этого месяца. Обычно торжества занимают от одной до трех недель и начинаются за несколько дней до конца старого года. В этот период все, кто только может, предаются удовольствиям, и только мандарины занимаются самыми неотложными делами. Для других наступает время суматохи и волнения, которые все возрастают по мере приближения последнего дня года. «Купцы и лавочники спешат закрыть счета и собрать долги; и плохи дела того, кто не может закончить год с положительным балансом. Розничные магазины полны покупателей, поскольку продавцы намерены как можно скорее распродать свои товары, а покупатели – купить необходимые им вещи с большой скидкой. Вероятно, в конце года на покупки тратят очень много денег. Часто магазины не закрываются допоздна, и можно видеть, как продавцы лихорадочно получают деньги и быстро делают расчеты по сделкам, боясь, что заря нового года застигнет их в то время, когда они еще не успеют правильно свести баланс». В частных домах слуги всецело заняты уборкой. Вымытые полы застилают коврами. Старые свитки и амулеты снимают и вешают на их место новые. Столы и старинные деревянные кресла, обычные в китайских домах, покрывают красной тканью, на которой вышиты цветы. Храм предков украшают цветами и флагами. В последний день года по обеим сторонам входных дверей наклеивают полоски красной бумаги^{65} с иероглифами, означающими удачу, богатство, счастье и т. п. На самих дверях вешают изображение двух китайских генералов, которые, кажется, служили императору, правившему более трех тысяч лет назад. Этот император не мог уснуть, потому что ему привиделось, будто по ночам во дворец являются злые духи. Как некий министр ни убеждал его, что это не так, тот не желал верить. В конце концов император велел двум генералам сторожить ворота в «колдовские» часы, после чего вновь смог спокойно спать, поэтому сейчас они считаются духами ворот (мэнь шэнь), и в Новый год их изображения всегда вывешивают на дверях. Бедные люди, которые не могут купить такие лубки, прикрепляют к дверям листы бумаги с именами этих генералов. За несколько дней перед Новым годом, обыкновенно двадцать восьмого или двадцать девятого числа двенадцатого месяца, празднуют так называемый Туань-цзянь. Люди всех слоев общества в этот день благодарят бога – покровителя дома за то, что он в течение года охранял жилище и всех его обитателей. В конце моления устраивают обед, на котором присутствуют все живущие в доме. В богатых семьях это пиршество крупнее по масштабу. Оно начинается двадцать седьмого числа и продолжается до последнего дня года. В этот вечер с шести до девяти часов мальчики в возрасте от восьми до тринадцати-четырнадцати лет ходят по улицам, выкрикивая «май-мэн», что значит «продаю глупость» или «продаю лень», чтобы в следующем году быть мудрее. Этот обычай распространен в Кантоне, а также в провинциях Хунань и Хубэй. С восьми до девяти часов респектабельные люди посвящают время суеверию, которое называется цзянь-тин, или гадание по зеркалу. Тот, кто хочет увидеть знамение, кладет на пустой очаг решето, а на решето – тазик и зеркало, затем потихоньку выскальзывает на улицу и внимательно прислушивается к словам первых случайных прохожих. Если они скажут что-нибудь хорошее,

гадающий делает вывод, что в будущем году его будет сопровождать успех. Простонародье называет это суеверие чун-цзя-тоу – встреча счастливой головы.



Вход в дом китайского дворянина

В течение последнего дня года члены семьи неоднократно поклоняются предкам у домашнего алтаря. Для соблюдения религиозных церемоний отведена ночь. Перед жертвенниками ставят лампы, и слуги подливают в них масло, чтобы на заре первого дня года они еще горели. Ночью мужчины идут поклониться богам в один или несколько храмов, расположенных поблизости. При этом присутствуют и старейшины, облаченные в дорогие шелковые одежды. В полночь они молятся богам от имени народа. Храмы ярко освещены, и, пока все совершают возлияния, молятся и жертвуют еду и бумажные деньги, три-четыре музыканта распевают негармоничные мелодии. Жертвоприношения сопровождаются залпами фейерверков, храмы полны дыма, и запах пороха весьма затрудняет наблюдения за торжеством.

Однако, выйдя на улицу, вы ощутите тот же удушливый запах, потому что, поклонившись ларам и пенатам или богам домашнего очага, китайцы немедленно выскакивают на улицу и начинают пускать фейерверки, чтобы напугать злых духов. В подобных случаях жители таких больших городов, как Кантон, будто соревнуются, кому удастся взорвать больше фейерверков и поднять больше шума. Это длится до рассвета. Многие китайцы полагают, что, если не спать всю последнюю ночь старого года, чтобы встретить рассвет нового, и так в течение десяти или двадцати лет подряд, это обеспечит долголетие.

В эту ночь нищие активно занимаются сбором подаяния. Несчастные и жалкие попрошайки бродят по своим районам с корзинками, где лежат листы бумаги с иероглифами «Кай мэн да цзи» («Пусть великое счастье хлынет в ваш дом, когда откроются двери»). Они прикрепляют по такому листку к двери каждого дома. Утром они заходят в эти дома и просят милостыню. В день Нового года улицы, ночью переполненные народом, сравнительно малолюдны. Все конторы, магазины и склады закрыты, поскольку большинство приказчиков уезжают домой в деревню поздравить родственников и друзей. Можно увидеть, как суетятся оставшиеся, пробегая туда-сюда в праздничной одежде. На улицах то и дело проносят паланкины с нарядными господами или дамами в роскошных платьях. К шестам паланкинов с дамами прикреплены корневища сахарного тростника. Их полагается дарить с пожеланием удачи хозяйкам домов, куда направляются дамы. Все же, как правило, тростник так и остается на шестах, по большей части лишь символизируя желание преподнести подарок. Это экономный способ делать новогодние гостинцы. На мой взгляд, он совершенно соответствует характеру китайцев. Но богатые люди по случаю этого большого ежегодного праздника действительно обмениваются подарками^{66}.

В день Нового года, принимая гостей, обмениваются поклонами и праздничными пожеланиями. Когда в гости являются родственники, их провожают к алтарю предков, чтобы они могли поклониться усопшим пращурам. На столах в гостиных разложены всевозможные засахаренные фрукты. Каждому гостю подают чашку чая, в которую положен миндальный орешек или оливка – это символы удачи. Молодые члены семьи также принимают участие в обрядах этого дня и, поклонившись алтарю предков, приходят выразить свое чрезвычайное почтение родителям и старшим братьям. Затем они отправляются в гости к своим школьным и домашним учителям, по отношению к которым демонстрируют не меньшее уважение.

В день Нового года гражданские и военные чиновники всех рангов отправляются с визитом поздравить генерал-губернатора провинции, где служат. В Пекине князья и высокопоставленные вельможи являются в императорский дворец поклониться императору. Он, сидя на драконьем троне, принимает их учтивее, чем всегда. Согласно букве закона на приеме должны присутствовать все государственные служащие империи. Поскольку это невыполнимо, в четыре часа утра они направляются в храмы Вэньчан-гуань (или императорские храмы), которые есть в каждом укрепленном городе. В каждом императорском храме находится точная копия – модель пекинского драконьего трона. К нему ведут девять ступеней. На троне помещена табличка^{67} с надписью следующего содержания: «Пусть царствующий государь будет править страной десять тысяч лет и еще десять раз по десять тысяч лет». В знак почтения мандарины совершают коутоу на значительном расстоянии от трона. В 1861 году эту церемонию с большой помпой провели в Кантоне. Мандарины облачились в придворное платье, которое не носили с 1857 года, потому что шла война с Англией и Францией, а закон запрещает чиновникам ходить при полном параде во время войны с другими странами. По завершении церемонии мандарины снимают с одежды аксессуары, обязательные в присутствии императора, и отправляются на молитвы в храмы Конфуция, Вэньчана и Гуань-ди.

На второй день года, тоже очень рано, чиновники идут в храмы Лун-вана – царя драконов, Фэн-Хо Шэня, или богов ветра и огня, Тянь-хоу – Небесной царицы, Чэн-хуана – Защитника укрепленных городов. В этот день китайцы устраивают застолья, во время которых главным угощением бывает рыба ли-юй^{68}; подают и моллюсков – говорят, что они приносят счастье.

Существует обычай во время первой недели года рассылать в подарок обжаренные в масле пирожные в форме шариков. В качестве подарков друзьям посылают также апельсины, вино и какао-бобы, обжаренные в масле. Подарки относят женщины, которых в это время называют или подательницами чая, или разносящими новогодний чай. Однажды по пути из Хуанпу в Кантон я встретил несколько сотен этих женщин с подарками.



Дамы на спинах у своих рабынь

С четвертого по седьмой день месяца все девицы и замужние женщины поклоняются А-по – покровительнице супружеского ложа. Богине приносят в жертву кислый имбирь и крашенные в красный цвет яйца. Женщины побогаче жертвуют ей жареную свинину, вареных кур и водяной овощ – цзы-гу^{69}. Седьмой день – праздник женщин. В это время множество дам приходит в парки погулять. В деревне в седьмой день Нового года нередко можно встретить толпы стремящихся в эти места отдыха. Некоторые дамы ковыляют на своих маленьких ножках, поддерживаемые прислужгой, а других служанки несут на спине. Что касается жительниц Кантона, в этот день они предпочитают гулять в парках в Хуади. Поскольку путь к паркам лежит по воде, ведущие к ним ручьи и реки переполнены лодками, украшенными цветами, в которых теснятся нарядные и сильно накрашенные дамы. Решительно все очень беспокоится о том, какой будет погода на протяжении первых десяти дней года: если она выдастся хорошей, люди, лошади и коровы, собаки и свиньи, козы, домашняя птица, злаки, фрукты и овощи будут родиться в изобилии и будут процветать. Вряд ли нужно говорить о том, что в первый месяц года собирают богатый урожай предсказатели и гадалщики.

В Кантоне и во всей провинции Гуандун, столицей которой он является, с первого до пятнадцатого дня первого месяца проходят ярмарки фонарей. Для этой цели используются площади, которые, кажется, просто переполнены фонарями. Фонари бывают самые разные, фантастических очертаний, и напоминают то зверей, то рыб, то цветы или фрукты. Среди покупателей фонарей – люди, у которых в этом году родился ребенок; они вешают свои приобретения в храмах неподалеку от дома в качестве благодарственных пожертвований. Те, кто хочет детей, приклеивают к фонарям свои имена и адреса, чтобы их вернули им после того, как зажгут от постоянно горящей перед жертвенником лампы. Посланца храма с таким фонарем сопровождают музыканты. Вместе с фонарем он передает пучок салата, в середину которого помещена горящая свеча на двух луковичах. По случаю этой церемонии дают обед, и фонарь подвешивают перед алтарем предков. На ярмарках фонарей также продают восковые изображения людей, которые называются Сань-Син. Они наряжены в шелк и носят имена Фу – Счастье, Лу – Знатность и Шоу – Долголетие. Как правило, те, кто покупает Сань-Син, помещают их над алтарем предков или над алтарем бога богатства.

Вечером пятнадцатого дня в некоторых частях империи принято устраивать общий обед для членов одного клана. По этому случаю продают с аукциона большой фонарь, который в день Нового года был помещен перед клановым алтарем предков. Он достается тому, кто заплатит больше, и иногда цена бывает очень высокой. Эти фонари покупают в лавках. За

них платят в счет дохода с земель и домов, прикрепленных к алтарям предков. В некоторых частях Гуандуна в общем семейном храме предков перед алтарем ставят ветвистое дерево, выражая надежду на появление многочисленного потомства у членов клана. Именно в этих помещениях с первого по пятнадцатый день дают обеды те члены клана, которым в предыдущем году сопутствовал успех в делах, или те, у кого родились дети. На седьмой или на пятнадцатый день месяца в каждом уезде для бедняков устраивают обед те соседи, у которых в течение года родились мальчики, или те, которые только в прошлом году поселились в этих местах. Такие трапезы состоят из риса, рыбы, свинины, кур, овощей и вина. Их устраивают в зале главного уездного храма. Незадолго до назначенного часа на улицы высылают гонцов созывать народ. Они или бьют в гонг, или переходят от дома к дому, сообщая о скором начале пира. Видимо, это очень древний способ оповещения, потому что уже у святого Луки мы читаем: «...один человек сделал большой ужин и звал многих; и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званным: идите, ибо уже все готово» (Лк., 14: 16, 17). Сходный обычай описывает Морье в отчете о втором своем путешествии в Персию. Повествуя о пире, который давал второй визирь, он упоминает о том, что «в назначенный день, как принято в Персии, около пяти часов явился посланец пригласить нас к трапезе».

По вечерам на протяжении всего первого месяца бродят группы ряженных, исполняющих различные сцены из древней истории. Впереди несут изображение большого дракона люди, накрытые им так, что видны только ноги. За ними следуют мальчики, у которых в руках длинные шесты с разными фонарями.

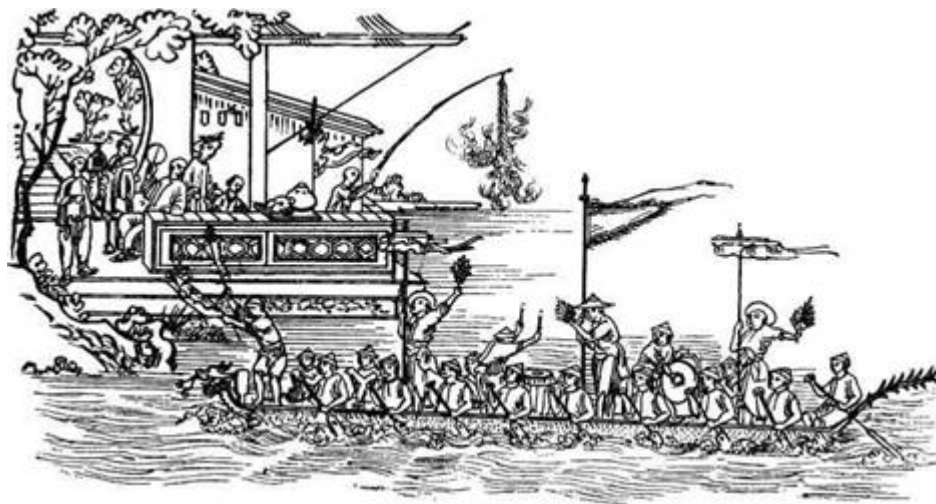
Другая особенность новогодних дней состоит в том, что в первой половине первого месяца заключают договоры по найму. Прислугу нанимают на больших площадях перед главными храмами больших и маленьких городов. Я уже упоминал об этих ярмарках, но хочу еще описать распространенную здесь особую азартную игру, о которой мне раньше не пришлось рассказывать. На верхушку шеста помещают большую живую рыбу (или иногда кусок свинины). Можно видеть, как явно голодные парни ставят недельный заработок, пытаясь угадать, сколько весит приз. Когда каждый назвал предполагаемый вес, рыбу или кусок свинины снимают с шеста, взвешивают и объявляют победителя.

Мне остается рассказать об еще одном обычае, связанном с празднествами первого лунного месяца года. Крестьяне соседних деревень встречаются в открытом поле, делятся на команды и начинают кидаться камнями. Эти столкновения нередко становятся очень серьезными. Во время одного из них на острове Хэнань мне довелось видеть, как ранили столько крестьян, что старейшинам пришлось просить полицию предотвратить возобновление боя на другой день. И на следующее утро полицейские задержали одного из зачинщиков и привязали его к дереву. Но крестьяне отогнали полицейских, освободили арестованного и возобновили это рискованное развлечение. В 1865 году в Янь-пу я видел, как в этом состязании принимали участие около семисот человек в возрасте от восемнадцати до сорока лет. На возвышенности, с которой открывался вид на поле битвы, толпились зрители. Некоторые участники боя, решив, по всей видимости, что я священник-врач, принесли и уложили возле меня своих раненых товарищей. Во время перерывов в этой нелепой забаве крестьяне подкреплялись у ларьков супом и фруктами. Подобно большинству китайских обычаев, эти столкновения восходят к какому-то суевию. Случаются смертельные исходы, но деревенские старейшины нередко делают все возможное, чтобы предотвратить их.

Второй день второго месяца – это праздник Ту-ди, бога богатства. Многие торговые люди не открывают своих лавок, закрытых в начале года, пока это торжество не закончится, потому что в Китайской империи бог богатства – очень важная персона. Кажется, что абсолютно все: зажиточные и неимущие, ученые и необразованные, верующие и безбожники – считают наивысшим благом богатство, и Ту-ди поклоняются истово и горячо. В начале почти каждой главной улицы городов Южного Китая находятся его святилища. Это божество изо-

бражают сидящим со слитком золота в руке. В годовщину дня его рождения святилища украшают пестро раскрашенными фонарями с разными надписями, разбрасывают множество душистых цветов. Молящиеся приносят в жертву свинину, вареную птицу, а также совершают возлияния. Во всех укрепленных и просто больших городах перед главными святилищами совершают интересный обряд. С помоста, установленного на площади святилища, стреляют из деревянной пушки, заряженной небольшим количеством пороха и ядром из ротанговой пальмы. Ядро взлетает в воздух на сорок-пятьдесят футов. Вверх протягиваются бесчисленные руки желающих его поймать, потому что счастливчик будет пользоваться особым расположением бога богатства на протяжении всего года. От имени Ту-ди ему дарят украшение для алтаря предков – это искусственные цветы, среди которых помещены изображения богов богатства, знатности и долголетия. Люди в красном несут на плечах под золоченым балдахином это украшение к дому баловня судьбы. Два-три музыканта, играющие на визгливых инструментах, возглавляют процессию. Иногда пушка палит более тридцати раз. Самым счастливым из всех, кому удалось поймать ядра, считают того, кто преуспел в этом при первом выстреле. Во время этого праздника такой большой город, как Кантон, выглядит очень нарядным. По улицам в разных направлениях проходят процессии, возглавляемые музыкантами. Люди, принадлежащие ко всем слоям общества, стараются заполучить знаки расположения Ту-ди. Я помню, как самый высокопоставленный чиновник большого шелкового города Цзюцзян с гордостью показывал мне такое украшение, выигранное его сыном.

На третий день третьего месяца ученые и школьники отмечают Шан-сы – древний праздник, о котором упоминается в трудах Конфуция. Они отправляются к рекам, ручьям и источникам, чтобы искупаться. Это рассматривается как очищающий ритуал и должно принести молящемуся защиту от всего дурного. Обычай справлять Шан-сы больше распространен в провинции Шаньдун, на родине Конфуция.



Драконья лодка

В пятый день пятого месяца (около 18 июня) по всей стране празднуют День драконьих лодок. Этот знаменитый праздник устраивают в память Цюй Юаня, министра, жившего около 500 года до Р. Х. Будучи честным и добродетельным человеком, он служил распутному правителю княжества Чу (оно включало в себя территорию, на которой теперь располагаются провинции Хубэй и Хунань, до недавних пор составлявшие одну провинцию Хугуан). Когда правителю надоели непрерывные усилия министра привлечь его внимание к государственным делам, Цюй Юаня понизили в ранге и в конце концов вообще лишили должности. Не вынеся такого бесчестия, он совершил самоубийство, но прежде сочинил горестную оду, где описал свои страдания. Он утопился в реке Мило. Рыбаки, видевшие это, поспешили к месту, где он бросился в воду, но им не удалось выловить тело. Чтобы успокоить

манов умершего, они бросили в реку в качестве жертвы вареный рис. В тот же день следующего года, а именно в пятый день пятого месяца, церемония поиска тела Цюй Юаня^{70} и жертвоприношения его манам повторились. С тех пор до нашего времени ее ежегодно совершают почти на всех реках и заливах империи. Раньше жертвенный рис заворачивали в клочки шелка, стянутые пятью разноцветными нитями или веревочками. Говорят, что этот обычай обязан своим возникновением следующему мифу. Как-то раз, когда на берегах реки Мило молились духу Цюй Юаня и совершали традиционные жертвоприношения, явился он сам и, обращаясь к собравшимся, произнес такие слова: «Доныне я не мог воспользоваться приношениями, которыми вы и другие люди столь любезно меня снабжали, из-за огромной гадины, немедленно пожирающей все, что бросают в воду. Поэтому я прошу вас все предназначенные для меня жертвы заворачивать в клочки шелка, аккуратно стягивая их пятью нитками, причем все они должны быть разных цветов. Гадина не посмеет коснуться подношений, если они будут в таких свертках».

Теперь вместо клочков шелка используют листья бамбука или дерева, которое китайцы называют тун-е. Лодки, на которых плавают во время этого большого ежегодного праздника, по форме напоминают драконов, что ясно уже из их названия. Считается, что они могут отпугнуть огромную гадину, на которую жаловался Цюй Юань. Лодки бывают от пятидесяти до ста футов в длину, их украшают флагами с различными надписями; в центре каждой находится барабан, с ударами которого гребцы (до девяноста человек) точно синхронизируют взмахи весел. В каждой лодке есть и гонги, шум которых должен отгонять голодных призраков, которым может вздуматься нанести вред душе умершего. На носу, украшенном зеленым побегом лю-ю-е, стоит человек, как бы следящий, не покажется ли тело Цюй Юаня, и руками делает такой жест, будто бросает рис в воду. Основная особенность праздника – лодочные гонки, во время которых соревнуются команды. Временами, в особенности когда состязание идет между двумя из них, принадлежащих к разным кланам, гонки заканчиваются дракой, которая, как правило, завязывается из-за столкновения лодок. К таким инцидентам часто готовятся заранее: на небольшом расстоянии от многих драконовых лодок следуют обычные, нагруженные камнями и другим оружием. В Кантоне, где этот праздник очень любят, река переполнена лодками всевозможных форм, и с десяти часов утра до четырех дня стоит непрекращающийся оглушительный шум, производимый барабанами, гонгами, фейерверками и криками спорящих зрителей. Нередки несчастные случаи со смертельным исходом: из-за того, что драконовые лодки мелкие, и из-за их специфического устройства туда легко заливается вода; бывает, что они переворачиваются. За несколько недель перед праздником разные кланы тщательно готовятся к нему, и спуск новой лодки на воду более всего занимает всех членов клана. Все сословия отмечают День драконьих лодок, а солдаты и полиция выражают свое отношение к этому государственному празднику, обирая игорные дома. В Пекине, где нет реки, горожане в этот день устраивают гонки запряженных лошадьми колясок, а также состязания верблюдов. Даже члены императорской семьи уезжают в город Тунчжоу на берегах реки Пэйхо (Бай Хэ) полюбоваться на вереницы драконовых лодок. В Монголии этот большой государственный праздник, как правило, отмечают театральными представлениями.

Тянь-Чжун-цзе, или праздник Середины Небес, отмечается тогда же, когда и День драконьих лодок. В честь него китайцы пекут специальное печенье, которое обладает лечебными свойствами. Его посылают друзьям в подарок. Аптекари изготавливают большие партии такого печенья и продают в Австралию и в Калифорнию, где его сразу же раскупает китайское население. В честь этого очень древнего праздника над воротами жилых домов подвешивают листья саговой пальмы, ветки колючего дерева и головку чеснока в качестве талисманов, предохраняющих от дурных воздействий. С этой же целью маленьким детям красят лбы и пупки красной краской. На дверных косяках и деревянных частях постелей для

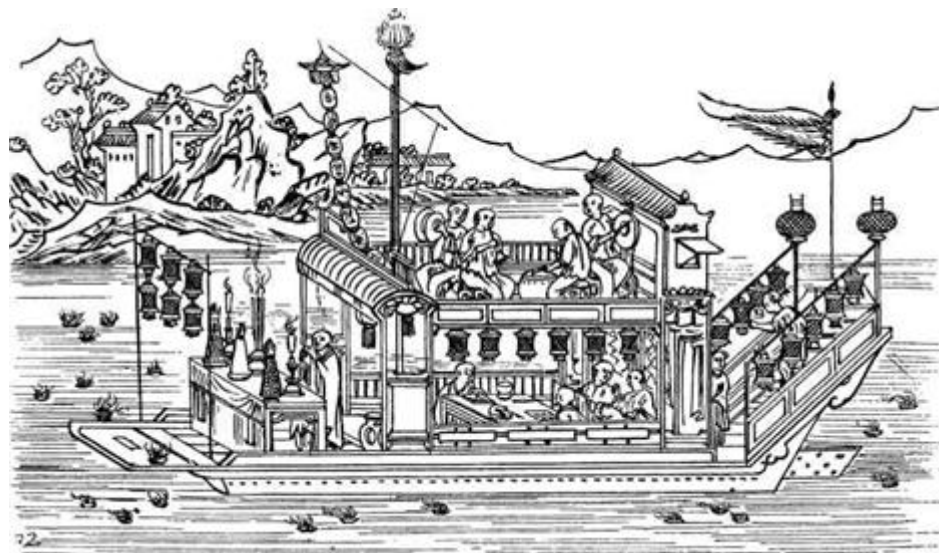
защиты от насекомых и вредителей прикрепляют полоски желтой бумаги с киноварными иероглифами. Узники тюрем, несомненно, соблюдают этот обычай весьма тщательно. Я как-то зашел в тюрьму кантонского уезда Наньхай в день праздника и видел, как узники наклеивали полоски с надписями над дверями камер, когда пробило двенадцать.

С первого по пятнадцатый день седьмого месяца сжигают бумажные одежды, а также золотую и серебряную фольгу, символизирующую деньги, принося их в жертву духам бедняков и нищих, умерших без поддержки на протяжении последних двенадцати месяцев. С первого взгляда это может показаться выражением душевной щедрости. Однако внимательному исследователю ясно, что стимул подобных жертвоприношений – первейший закон природы, то есть самосохранение. Полагают, что, если не умиротворить души умерших бедняков таким способом, они разлетятся по стране, творя неисчислимые бедствия. В день праздника с восьми до десяти часов или над дверями в дом, или на сучьях стоящих неподалеку деревьев вешают фонари, а вдоль улиц расставляют сотни свечей. Города и деревни освещает отблеск пламени – сжигают множество бумажной одежды, бумажных денег, а также бумажные паланкины и фигурки слуг.

Река, расположенная рядом с большим городом, выглядит крайне оживленной. Большие лодки, наполненные цветами, сияющие огнями, скользят по водной глади, в которой отражается свет фонарей. На лодках плывут даосские священнослужители. Они распевают зауспокойные молитвы по душам утопленников, – по поверью, они безутешно порхают над поверхностью вод. Люди, стоящие на носу, сжигают бумажную одежду и бумажные деньги, а иные бросают в воду рис и овощи, предназначенные духам. Время от времени стремительное течение проносит мимо плавающие огоньки. Это лампы в керамических сосудах. Их пускают по реке, чтобы осветить в темноте путь блуждающим душам утопленников.

Праздник Чжуньюань, на кантонском диалекте носящий название Шу-И, который вполне можно назвать китайским праздником Всех Душ, отмечают и в больших храмах, и в мужских и женских монастырях. Как говорят, даосские и буддийские монахи в течение нескольких дней непрерывно служат молебны по душам людей, о которых после смерти некому было позаботиться. При этом буддийские священнослужители обращаются не только к своим богам – они молятся за усопших и даосским божествам. Даосы отвечают на проявленную буддистами терпимость тем же. Когда я в 1861 году посетил в этот праздник храм в Цзинбу недалеко от Кантона, я обнаружил, что даосские жрецы молились и буддийским, и своим собственным божествам, призывая их благословить души умерших бедняков.

В 1856 году в Кантоне этот праздник отмечали с большим размахом. Для проведения обрядов избрали подходящее место – окрестности участка для казней. Дело в том, что Минчэнь, который тогда был генерал-губернатором, на протяжении предшествовавших двух лет устраивал настоящие гекатомбы, и рассказывали, что тысячи безголовых призраков его жертв по ночам пугали горожан. Отец Минчэня, очень суеверный человек, был в числе основных жертвователей на проведение праздника.



Цветочная лодка на празднике Шу-И

В пятнадцатидневный период, когда справляют Чжуньюань, отмечают также праздник под названием Ци-Си. Он приходится на седьмой день седьмого месяца. Ци-Си посвящен Семи Звездам – китайцы считают их богинями. Это покровительницы вышивания. По большей части их почитают женщины, особенно незамужние, которые вышивают шелковые одежды и туфли, чтобы в этот день принести их в жертву. Дары выкладывают на столы в гостиных, которые ярко освещены: праздник отмечают ночью. Другие столы покрыты цветами, сладостями и сушеными фруктами, среди которых расставлены плошки с молодыми побегами риса, они словно вырастают из плошек. В центре каждой рисовой связки помещена крошечная лампа. Огоньки этих ламп напоминают светляков. Столы соединяются миниатюрными мостами из гирлянд цветов и вареного риса с миндалем, намертво скрепленных клеем. Пока дамы в нарядных платьях передвигаются от одного стола к Другому нетвердыми шажками на своих маленьких ножках, любуясь удивительными искусными произведениями, мужчины в другом помещении слушают мужское и женское пение; а где-то даосские жрецы распевают пеаны в честь семи богинь. В полночь молодые дамы со служанками идут за водой (в каждом китайском доме есть один или несколько колодцев). Воду наливают в большие керамические вазы, в определенном порядке расставленные вокруг колодезного отверстия. Попросив семь богинь сделать эту воду целебной, сосуды герметически закупоривают и ставят в безопасное место. Воду достают лишь в случае, если кто-либо из членов семьи заболеет и ему потребуется чудодейственное лекарство. В течение ночи дверь дома открыта, и улицы, где живут джентри, переполнены людьми, жаждущими увидеть это зрелище. Праздник заканчивается следующей полночью, когда сжигают богато вышитые одежды, которые таким путем должны попасть к богиням.

О происхождении этого праздника китайцы рассказывают следующую легенду. Младшую из небесных сестер боги отправили в этот мир как посланницу. На земле она полюбила одного пастуха и в конце концов вышла за него замуж. Через некоторое время ее призвали домой, на небосвод. Послушная богам, она поспешила обратно. Когда она присоединилась к прекрасным сестрам, на землю пролился ливень. Это были слезы безутешной богини. Вскоре пастух умер от разбитого сердца. Поскольку его жизнь заслужила одобрение богов, в качестве награды ему было разрешено стать одной из звезд в созвездии рядом с Млечным Путем, на другой стороне которого сияли семь сестер. По преданию, один раз в год, а именно на седьмой день седьмой луны, пастух наводит мост через Млечный Путь и навещает свою прекрасную супругу. Символом этого моста являются мостики, соединяющие столы с пожертвованиями семи богиням.

В пятнадцатый день восьмого месяца поклоняются луне^{71}. Иностранцам этот праздник известен под именем Торжества фонарей. Его отмечают вечером и ночью. В это время семьи поклоняются луне в домовых храмах предков и на крышах домов. В храмах устраивают жертвенники, на которых раскладывают кур, свинину и печенье. Затем совершают коутоу и бьют в гонги и барабаны. На крыше прикрепляют длинные шесты с фонарями и флагами, исписанными разными изречениями и девизами. Иногда эти фонари продолжают гореть большую часть ночи. Стоящие на якоре корабли и лодки нарядно украшены и освещены, поскольку этот праздник очень популярен в среде лодочного населения. Поразителен вид Кантона с возвышенности во время Торжества фонарей: весь город и его окрестности освещены. Как и во время всех праздников, в этот день китайцы много едят и пьют. За несколько дней в кондитерские лавки завозят лунные пряники^{72}, на которые большой спрос. По форме они круглые, что символизирует ночное светило. Их украшают всевозможными девизами. Другой обычай – возведение наполненных дровами пагод от семи до десяти футов высотой напротив больших храмов и зданий. Когда приходит время поклонения луне, хворост поджигают и поддерживают пламя больше трех часов, подбрасывая все новое горючее. Пламя вырывается через маленькие отверстия по сторонам пагод и через их верхушку – крыш не делают. С небольшого помоста неподалеку семь-восемь человек по очереди бросают в огонь селитру. Туда же как жертву богине луны бросают золотую и серебряную фольгу, символизирующую золотые и серебряные слитки. Когда подбрасывают дрова, вокруг пылающей пагоды бегают специальные люди, раздувая пламя, рвущееся из отверстий, и громко вопя, что в отблесках пламени создает впечатление какого-то грубого варварского действия.

Во время этого праздника часто практикуется электробиология^{73}. Человека, выразившего желание стать подопытным, помещают под лучи луны. Он сжимает в руках установленный в наклонном положении шест и опирается лбом на верхушку; при этом другой конец шеста стоит на земле. Затем двое или трое операторов начинают помахивать над его головой и вокруг туловища горящими ароматическими свечами. Они тихо читают молитвы, обращенные к богине луны. Через полчаса загнипнотизированный падает. Тогда его поднимают, ставят на ноги и заставляют проделывать различные движения по команде. В 1862 году в Кантоне я видел молодого человека, который, когда его загнипнотизировали подобным образом, показывал упражнения с мечом и копьем. Подопытный продемонстрировал различные приемы (как утверждали, он никогда им не учился) с грацией и ловкостью, которые сделали бы честь опытному фехтовальщику. Его продержали в состоянии огромного физического напряжения более трех часов. В уезде Дунгуань провинции Гуандун в этот праздник также нередко занимаются месмеризмом.

Видимо, для древних жителей Сидона Ашторет была тем же, что богиня луны для китайцев. Китайцы считают луну женским божеством, соотносящимся с солнцем, а для финикийцев Ашторет была женским божеством, соответствовавшим богу солнца Баалу. Не лишено оснований предположение, согласно которому под именем «богини неба» в пророчестве Иеремии (7: 18; 44: 17) упомянута Ашторет. Из этих отрывков мы узнаем, что «богине неба» кадили, для нее делали пирожки и совершали возлияния – именно такие обряды совершают китайцы, поклоняясь луне. Но у китайцев есть собственное предание, объясняющее культ луны. В пятнадцатый день восьмого месяца первого года своего правления император Мин-хуан прогуливался в дворцовом саду в сопровождении одного из придворных священнослужителей. Император, имеющий большой интерес к астрологии, спросил своего спутника, не знает ли тот, из чего сделана луна. В ответ жрец спросил государя, не хочет ли он посетить ее. Император ответил утвердительно, и тогда даос подбросил в воздух свой жезл. Жезл превратился в мост, по которому перешли на луну Мин-хуан и его товарищ. Они

обнаружили там множество просторных чертогов, красивых цветов и прелестных женщин. По пути назад жрец попросил императора, у которого с собой была лютня – он славился умением играть на этом инструменте, – скрасить дорогу ее мелодичными звуками. Музыка наполнила воздух, и обитатели Нанкина и его окрестностей высыпали на крыши домов, чтобы поклониться ангелам, решив, что это они, ликуя, летят в вышине. По просьбе жреца государь осыпал молящихся монетами. Когда Мин-хуан вернулся во дворец, это приключение показалось ему настолько странным, что он решил, будто ему все приснилось. Но пока он убеждал себя в нереальности происшедшего, ему принесли доклад генерал-губернатора провинции, в нем были описаны чудеса, случившиеся пятнадцатого числа того месяца, и, в частности, рассказывалось, что в воздухе слышалась райская музыка, а с неба сыпались деньги. Так император убедился в том, что он действительно посетил луну. С этих пор люди стали поклоняться ей каждый год в ту ночь, когда Мин-хуан совершил свое удивительное путешествие.

В двадцать пятый день восьмого месяца поклоняются солнцу. Когда великая звезда, символизирующая мужское начало, или Тай-Ян, как ее часто называют китайцы, оказывается в зените, члены каждой семьи собираются на моление перед временным алтарем во внутреннем дворе своего жилища или в комнате, из которой видно солнце. На алтаре жгут свечи и благовония и выкладывают благодарственные жертвы. Нередко – особенно это характерно для богатых домов – на церемонии присутствуют даосские священнослужители. Во время этого праздника бесплатно раздают листовки, в которых солнце обращается к народу. Их изготавливают за счет людей, которые во время болезни приносят после выздоровления обет пожертвовать деньги на это мероприятие. Обращение гласит:

«Когда прихожу я, великое светило мужского начала, мои лучи освещают весь небосвод. Я не устаю ни днем ни ночью и постоянно неуклонно слеую своим путем. Я двигаюсь с той скоростью, которая мне угодна. Никто не может принудить меня к движению или остановить мой ход. Мой свет проникает в жилища всех людей. Однако вы, люди, не почитаете и не уважаете меня. Если я в гневе прекращу сиять, все вы умрете от голода, поскольку земля не станет больше приносить плодов. Прекратится благотворная смена дня и ночи.

Все люди почитают богов, но передо мной, великой звездой мужского начала, склоняются редко или никогда. Двадцать пятый день восьмого месяца – день моего рождения, и по этому случаю вы обязаны прочесть это обращение и возжечь в мою честь свечи и благовония. Семьи, выполняющие эти распоряжения, не постигнет зло, но тех, кто пренебрегает ими, ожидает ад и гибель. Я зовусь великим светочем, управляющим миром. Я обращаюсь ко всем добрым и добродетельным мужчинам и женщинам. Читайте это мое обращение по семь раз каждый день, тогда вы не попадете в ад, и все члены ваших семей всегда будут веселы и счастливы. Ваше потомство на протяжении семи поколений попадет на небеса. Обращайтесь ко мне, как к Великому светочу, управляющему миром, и я простру свои золотые руки, дам вам свет и провожу вас к раю на Западных небесах».

Солнцу поклоняются также по случаю его затмения. За пять месяцев до солнечного затмения в Пекине глава департамента Ли-бу, повинувшись императорскому приказу, отправляет депешу правителям каждой провинции, а через них – начальникам каждой области и каждого уезда, требуя от них спасти солнце во время приближающегося затмения. Когда наступает затмение, все мандарины, облаченные в черные одежды, собираются в официальной резиденции главного магистрата. Они выстраиваются перед жертвенником, воздвигнутым во дворе ямэня, и главный магистрат возжигает благовония и трижды бьет в барабан. В этот момент все присутствующие падают ниц перед алтарем и совершают коутоу. Когда мандарины завершают церемонию, несколько мелких служащих до окончания затмения продолжают бить в барабаны и гонги, чтобы испугать Тянь-Гоу, или Небесных собак, и не дать им пожрать солнце. На фоне этого грохота даосские и буддийские жрецы распевают соответ-

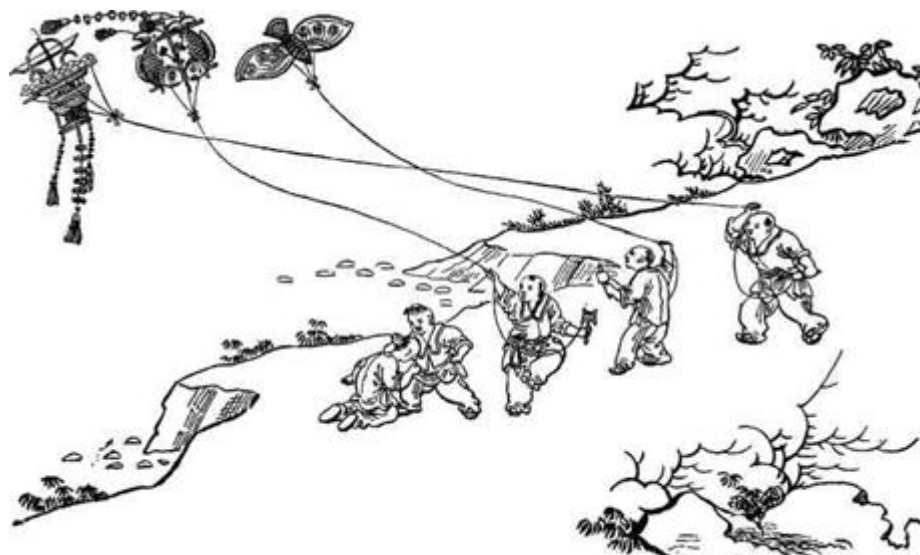
ствующие случаю молитвы, стоя перед алтарем. На крышах всех домов и лавок китайского города тоже стоят люди, которые присоединяют к общему звону звучание своих барабанов, гонгов и горнов. Те же обряды выполняют и во время лунного затмения. Некогда и в других странах боялись лунного затмения, как в современном Китае. Чтобы спасти луну от колдовского заклятия, другие народы, как и китайцы в наши дни, трубили в горны, били в барабаны, медные котелки и сковородки. Несомненно, этот обычай существовал и во времена Ювенала, который упоминает о нем при описании бранящейся женщины:

Прошу, в барабаны не бейте, забудьте о трубах —
Один ее голос поможет луне разродиться.

Китайцы полагают, что облегчаться при свете солнца или луны — святотатство. И в даосских, и в буддийских классических сочинениях такой поступок квалифицируется как кощунство, само по себе способное навлечь на народ большие бедствия. Иногда расклейщики развешивают на углах улиц афиши, предостерегающие от таких бесстыдных и нечестивых поступков. Насколько мне известно, во всей Китайской империи существует лишь один храм, посвященный солнцу. Он находится в пределах городских стен Пекина. Этот храм круглый в плане; он покрыт куполом. Здесь молится император во время праздника солнца.

Кроме этих праздников солнца и луны, религиозные торжества продолжаются на протяжении всего месяца, посвященного божеству огня — Хуа-Гуану. Во всяком случае, на юге Китая главные улицы городов освещают не фонарями, а хрустальными канделябрами. Их вешают недалеко друг от друга на брусках, установленных на протяжении всей улицы. Огни защищены от дождя холстами, протянутыми над узкими улицами южных городов. В течение этого месяца устраивают шествия с облаченными в шелка восковыми фигурами. Они представляют некоторые эпизоды древней истории страны. Фигуры сделаны очень искусно; они не посрамили бы и знаменитого музея мадам Тюссо. На главных улицах воздвигают временные жертвенники в честь Хуа-Гуа-на, и даосские священнослужители всю ночь распевая там молитвы. Иногда по улицам ходят шествия с идолом бога огня. В 1861 году мне пришлось быть свидетелем большого шествия в уездном городе Дэцин, расположенном на берегу западного рукава Жемчужной реки. В свите идола было множество мальчиков верхом на лошадях и женщин в праздничных паланкинах; все они были облачены в костюмы той эпохи, когда предположительно жил Хуа-Гуан. Поскольку в этом городе раньше никогда не бывало иностранцев и мы с друзьями оказались первыми, наше присутствие вызвало живое любопытство у толпы, собравшейся посмотреть на процессию. Молодые дамы глядели на нас с удивлением и тревогой, когда их проносили мимо угла улицы, где мы стояли; и к нашей досаде, большинство зрителей отделилось от процессии, чтобы следовать за нами, пока мы осматривали их древний, но неинтересный город.

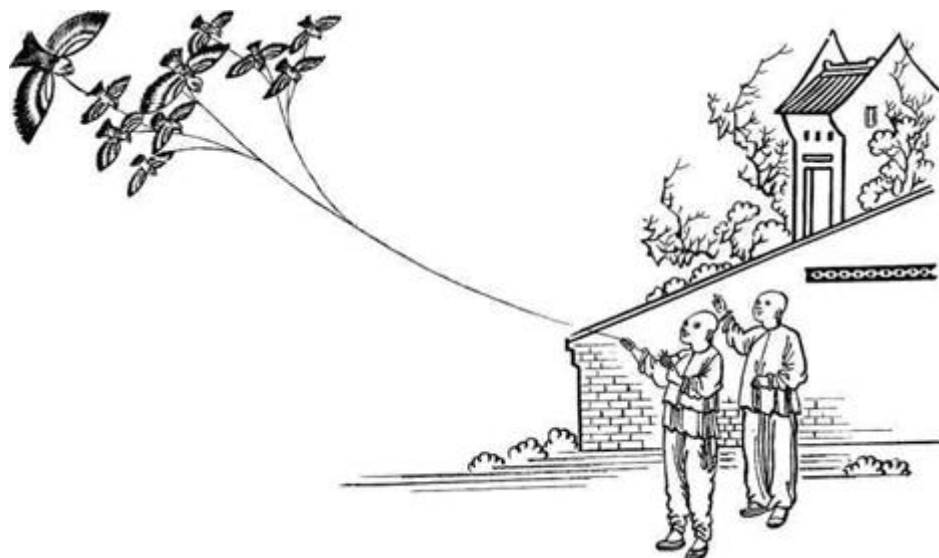
В девятый день девятого месяца отмечают праздник под названием Чун-Ян. Люди уходят в холмы, расположенные неподалеку, чтобы отпраздновать чудесное спасение ангелами благочестивого ученого и преуспевавшего педагога, который жил около девяти столетий тому назад при династии Цзинь. Его звали Ду Хэнцзин. Ангелы велели ему, взяв жену и детей, отправиться на вершину горы, чтобы спастись от надвигающейся эпидемии. Чун-Ян справляют в память его чудесного избавления. Люди устраивают на холмах пикники и запускают воздушных змеев. Они отрезают нитки, когда змеи поднимаются высоко в небо, и пускают их летать на свободе. Согласно поверью, выпущенный змей, снижаясь, забирает с собой все невзгоды, которые могли бы иначе выпасть на долю семьи его владельца. Таким суеверным обрядом завершается китайский сезон запуска бумажных змеев.



Воздушные змеи

Замечу, что особенно популярна эта забава среди мужчин и мальчиков. Помню, как меня озадачило, когда вскоре после приезда в Китай я отправился в гости к одному китайцу, и слуга сказал мне, что он запускает змея на крыше. Китайцы делают бумажных змеев без хвостов. Эти змеи бывают всевозможных форм, они напоминают птиц, насекомых, змей, сороконожек, а также цветочные корзины, корабли и даже людей. Воздушные змеи, сделанные в форме змей и сороконожек, иногда бывают огромной длины. Красивейший из всех воздушных змеев, когда-либо виденных мной, запускали на Формозе в Дань-шуе (Тамсуе); это было вращающееся колесо. Самые большие змеи делаются в Тяньцзине; иногда их приходится нести четверем-пяти мужчинам. В центре китайских воздушных змеев натягивают четыре или пять металлических струн по принципу золотой арфы. Когда они в полете, отчетливо слышится «медленный шелест лиры золотой».

Вот характерная китайская легенда о происхождении этих струн. Во время царствования Лю Бана, основателя династии Хань, некий полководец, преданный предыдущей династии, решился на последнюю энергичную попытку свергнуть императора с недавно узурпированного им трона. Однако битва кончилась тем, что войска этого полководца были окружены; им грозила гибель. Почти отчаявшись изобрести выход из сложившегося положения, в конце концов он пришел к остроумной мысли: напугать врагов, выпустив в глухой ночи на их лагерь летящих воздушных змеев, оснащенных золотыми струнами. Ветер благоприятствовал этой затее, и, когда все было погружено во мрак и тишину, войска Лю Бана услышали в небе звуки «Фу-Хань! Фу-Хань!» – «Берегитесь, Хань! Берегитесь, Хань!». Они заявили, что это их ангелы-хранители предупреждают их о надвигающейся опасности, и стремительно отступили; а по пятам за ними гнался полководец со своей армией.

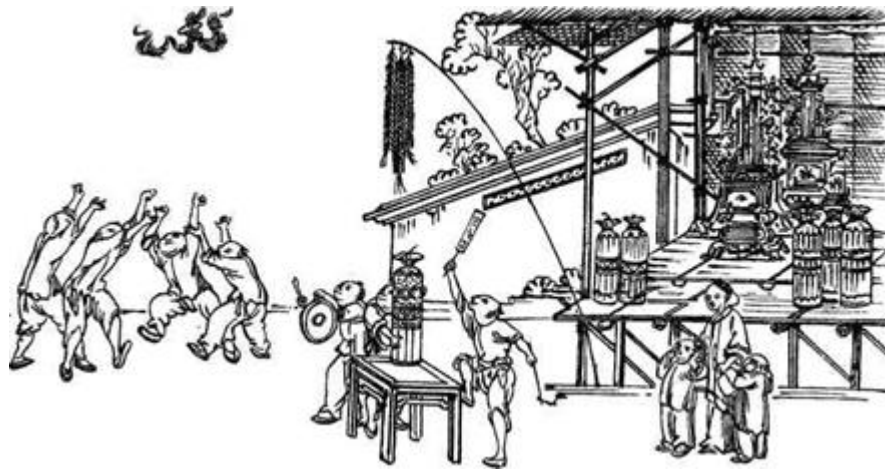


Воздушные змеи

Я описал основные общенародные праздники Китая; кроме них существуют еще торжества семейные. Самое важное из них – празднование дня рождения, неизменно проходящее очень весело. Сыновья и дочери обычно отмечают день рождения родителей, устраивая большой прием. Пока не подали обед, родители, сидя на возвышении под вышитым малиновым балдахином, принимают выражения почтительности и поздравления от детей; звучат дудки, трубы и тарелки. Сначала им до земли кланяются сыновья в порядке старшинства, а потом – дочери в том же порядке. Нередко на день рождения является большое количество родственников и друзей, причем иногда они приезжают издалека. В Гуандуне в качестве поздравления с днем рождения используют имя некого Шоу Син-гуна, который некогда прославился долголетием. В 1862 году, путешествуя по этой провинции, я увидел неподалеку от города Лунмэнь, расположенного на берегах носящей это же название реки, длинную процессию. Она состояла из дам, направлявшихся на празднование дня рождения главы своего клана. Перед ними шли слуги, которые несли соответствующие случаю подарки. Когда отцу исполняется полный пятьдесят один год, обычно в числе других даров он получает от своих детей большую ширму с несколькими створками, украшенную резьбой по дереву; в богатых семьях такие ширмы бывают инкрустированы слоновой костью, серебром и перламутром. На створках пишутся различные изречения; некоторые посвящены долголетию, а некоторые – добродетели. Когда родители сидят на парадном возвышении, принимая поздравления, перед ними стоит эта ширма. Конечно, подобные подарки очень дороги. Помню, один раз я видел такую ширму, оцененную в четыреста фунтов. Когда родителям исполняется пятьдесят один год, им нередко дарят также большие гобелены, в шестьдесят один иногда получают от детей в подарок – как невероятно бы это ни звучало – гробы. Их или выставляют в храмах, или оставляют дома и очень дорожат.

Во время банкета, который следует за поздравлениями и вручением подарков, именинник обращает особое внимание на то, чтобы не съесть мяса того животного, которое символизирует время суток, когда он родился. Каждые сутки делятся на двенадцать таких секторов. От полуночи до двух ночи – время ню, или быка, от двух до четырех – время лао-ху, или тигра, от четырех до шести утра – кролика; с шести до восьми утра – лун, или дракона; с восьми до десяти – время шэ, или змеи; от десяти до двенадцати – ма, или лошади; от полудня до двух часов дня – ян, или овцы. С двух до четырех дня – время маохоу, или обезьяны; с четырех до шести – цзи, или курицы; с шести до восьми вечера – время гоу, или собаки; с восьми до десяти часов – чжу, или время свиньи; с десяти вечера до полуночи время лао-шу, или крысы. Китайцы верят, что, если на пиршестве в честь дня рождения именинник

отведает мяса животного, соответствующего времени суток, в которое он родился, ему будут сниться дурные сны. Он обязан купить такое животное и отпустить его на волю. Если он не может сделать этого, то сжигает бумажную фигурку животного.



Фейерверки

По случаю дня рождения в богатых семьях также устраивают театральные представления. В домах богачей обычно есть театральные залы, и в каждый десятый день рождения устраивают представления, которые, бывает, длятся по две недели. Пятьдесят первый, шестьдесят первый и дальнейшие такие дни рождения празднуют весьма торжественно^{74}. Я присутствовал на таком празднестве, устроенном по случаю пятьдесят первого дня рождения жены У, или Хоуква (Хаогуань), одного из богатейших горожан Кантона. Помимо продолжавшихся две недели театральных представлений и трапез в саду, в мастерски украшенном храме Долголетия по этому поводу прошли религиозные церемонии. Три дня напролет не меньше тридцати буддийских монахов благодарили Бога за Его попечение о даме, которой исполнялся пятьдесят один год. Когда человеку исполняется восемьдесят один год, старейшины деревни или уезда обычно сообщают об этом местному правительству, которое должным образом доводит это до сведения императора. Император выделяет из государственной казны деньги для возведения мемориальной арки в честь старца. Арку ставят или перед дверями дома патриарха, или где-нибудь в округе. По всей империи множество таких арок. Их делают из гранита, а в некоторых районах – из мрамора. В арках три прохода, как в древнеримских триумфальных арках. Пластина, находящаяся как раз над центральным проходом, как правило, бывает украшена искусной резьбой. На ней пишут четыре китайских иероглифа, выбранных императором. Надпись рассказывает о добродетелях патриарха. Непосредственно над центральной пластиной находится пластина поменьше, на которой выведены два иероглифа – «Шэн Чжи». Это значит, что монумент^{75} был воздвигнут по приказу императора. Самые красивые арки этого типа я видел на берегах западного рукава реки Чжунцзян. Две из них выглядят особенно впечатляюще. Одна из них была воздвигнута императором Сяньфэном в честь столетнего старца, а другую построил рядом с Дэцином император Ин-цзун в честь своего помощника. Можно упомянуть и третью арку, недавно построенную в Янь-пу в честь женщины, дожившей до столетнего возраста.

С большой пышностью гражданские и военные чиновники во всех провинциях отмечают день рождения императора. В очень ранний час они отправляются в императорский храм (он есть в каждом городе), чтобы совершить коутоу перед табличкой с именем императора. Торжества в честь его дня рождения начинаются за три дня до этого события и заканчиваются через три дня после него. Император, по обычаю, в этот день рассылает правителям провинций декларацию о помиловании преступников. Иногда смертные приговоры заме-

няют пожизненной ссылкой. Некоторым уменьшают срок заключения, а некоторых выпускают на свободу. Кроме того, в день рождения императора узникам увеличивают порцию еды. Я помню, как стены всех правительственных учреждений в Кантоне завесили экземплярами таких объявлений по случаю тридцатилетия покойного императора Сяньфэна.

Дни рождения китайцев отмечают и после их смерти. На стол перед алтарем предков, где находится табличка покойного, ставят жертвенные яства и фрукты. В зале предков висит и его портрет, перед которым могут молиться дети и внуки. Однажды мне довелось присутствовать на праздновании дня рождения одной женщины, умершей за несколько лет до того. Оно проходило в храме предков, устроенном при доме, где жила ее семья. В передней я увидел не меньше сорока дам в нарядных платьях. Они явились отдать дань почтения духу умершей (если бы она была жива, ей исполнился бы девяносто один год). Там присутствовал и церемониймейстер. Дамы совершили коутоу в порядке старшинства. За религиозным обрядом последовал банкет, во время которого все слуги и рабы семьи получили небольшие денежные подарки, завернутые в конвертики из красной бумаги.

Еще один повод попить и порадоваться – это составление завещания. В Китае, как и в других странах Азии, пожилые родители, по обыкновению, делят свою собственность между детьми. Геомант выбирает счастливый день, и родители встречаются с детьми в своей гостиной или в домовом храме предков. По случаю такого события все наряжаются в самые роскошные одежды. Родители занимают главные места. Сыновья стоят, выстроившись по старшинству, со стороны отца, а дочери – со стороны матери. Сообщив детям о том, что входит в его собственность, отец поровну делит ее между сыновьями, чтобы каждый мог сразу получить свою долю. Хотя во время этой церемонии присутствуют и дочери, им, как правило, не достается в наследство ничего из отцовской собственности. Часто доля старшего сына бывает больше, чем младшего. Отдельно отец откладывает некоторую сумму, – процент с нее он считает достаточным для оплаты расходов по хозяйству, которые предстоят ему и его жене. Когда родители умирают, отложенные деньги не переходят к детям; они жертвуются в домовый храм предков. За счет этих денег покрывается стоимость жертв, которые возлагают на алтарь предков и на семейные могилы. Иногда, если один из сыновей оказывается мотом, его братья спасают блудного родственника от голодной смерти, занимая из этой суммы.

Когда отец не делит свою собственность между и сыновьями при жизни, он, как правило, созывает детей, племянников, племянниц и других родственников в зале предков и сообщает сыновьям, сколько он намерен завещать каждому из них. Затем он составляет завещание и отдает его первенцу, а копии – всем остальным сыновьям. Если племянники включены в завещание, они тоже получают копии. После этого все присутствующие в порядке старшинства кланяются отцу. Если у завещателя есть дома или земельная собственность, он иногда делит это имущество на столько частей, сколько у него сыновей, и затем велит им в порядке старшинства бросать жребий. Присутствующих на такой церемонии затем приглашают на обед по случаю жеребьевки. В Китае отец не составляет завещания (если только опасно не заболит), пока его жена в состоянии рожать детей.

Поскольку китайские завещания могут представлять интерес для моих читателей, я осмелюсь дать здесь перевод одного из них, заимствованный со страниц *Friend of China* от 22 июня 1861 года. Редактор предпосылает ему следующее предисловие:

«На днях к нам явились трое почтенных китайцев. Они хотели узнать, не могут ли представители объединенных войск Англии и Франции (Кантоном в то время управляли иностранцы) решить спор между ними и их старшим братом по поводу домов и собственности, разделенных между ними их отцом – одного из купцов в лучшие дни правления Даогуана. Они, по всей видимости, были весьма разочарованы, когда мы ответили, что их тяжба только дело китайцев, и поэтому иностранные должностные лица не вправе братья за это

дело. По их словам, двери китайских судов были для них закрыты, поскольку обидчик смог подкупить мелких судебных служащих, чтобы те не давали хода прошению, и оно не дошло до высших чинов, к которым было обращено. Чтобы доказать свои права, они принесли нам завещание. Это интересный документ, и, поскольку о владении недвижимостью в Китае известно очень мало, здесь мы дадим короткую справку об этом вопросе. Завещание начинается следующим образом:

«Это предсмертные распоряжения Ча Цзяу его семерым сыновьям; имя первого из них (покойного) – Юмань, второго – Ючэн, третьего – Юянь, четвертого – Юсюнь, пятого – Юдэ, шестого – Юцянь, седьмого – Ююн; а также двум его братьям по имени Утин и Цзиань. Дано в 16-й день 12-й луны пятого года правления императора Даогуана.

Я, Ча Цзяу, ваш отец, оставляю вам следующие предсмертные указания, которых следует постоянно придерживаться как правила или руководства.

В юности я оставил изучение канонов и на шестнадцать лет посвятил себя торговле. Но несмотря на то что я всем сердцем был предан своему промыслу, я также совершенствовал в себе добродетели и не пренебрегал общественными обязательствами. Внезапно я заболел дизентерией. Это опасная болезнь, и я предчувствую скорую смерть. Я составил состояние, пройдя через много невзгод, и сейчас моя фирма занимается важнейшими делами. Вы же, мои сыновья, еще молоды и не женаты. Если вы займетесь моим делом, то у вас не получится быть в должной мере осмотрительными, и хорошо было бы, если бы вы отказались от него и взяли за что-нибудь другое (поступили на правительственную службу), иначе вам придется управлять фирмой так же, как это делал я. Чтобы помочь вам, я попросил нескольких купцов в случае необходимости быть вашими поручителями. Кроме того, я посоветовался с несколькими старейшинами гильдии о том, кто больше всего подходит для занятия торговыми делами, и мы поняли, что мой четвертый сын Юсюнь, чье торговое имя Тайхуа, может быть наследником и хозяином магазина под названием Дунъюй. Поскольку ему придется заниматься сложными иностранными делами, ему будет положено жалованье в 400 серебряных лянов^{76} в год, а все вы станете его помощниками с жалованьем по 200 лянов каждому. Мой младший брат, Цзиань, продолжит заниматься взвешиванием и доставкой чая; поскольку он уже стар, я желаю, чтобы он получал вознаграждение в размере 1000 лянов в год. Что касается стоимости хана^{77} и другой собственности – оценим все это, например, в 200 000 лянов, – то она должна быть разделена на десять частей. Одну из этих частей следует отдать моему младшему брату, чтобы успокоить души моих родителей, а также с тем, чтобы выразить мою братскую любовь к нему. Две из оставшихся десяти частей должны быть сохранены в качестве наследственной собственности, и доход от них следует использовать при поклонении предкам. Остальные семь частей отходят вам, мои сыновья, – по одной каждому. Мой первенец умер в среднем возрасте (то есть ему было сорок лет), оставив после себя лишь дочь, поэтому пусть мой второй сын даст мне усыновить одного из своих сыновей, чтобы тот стал наследником вместо моего умершего первенца. Всем вам надлежит вести дела в союзе и согласии. Вы не должны ни ссориться, ни спорить друг с другом. Вам подобает сохранять мир и справедливость во всех отношениях, будьте прилежны и искренни. Вам следует охотно помогать друг другу, поскольку вы братья; делить и процветание, и нужду, а также прилагать все силы, чтобы приумножить или увеличить имущество. Вы ни в коем случае не должны нарушать завещанного мной. Я пишу это, дабы сия бумага послужила для вас законом.

Свидетели:

Лань Мань, кассир гильдии,

Су Цай, инспектор товаров,

Ча Бай, счетовод,

и всяческие родственники».

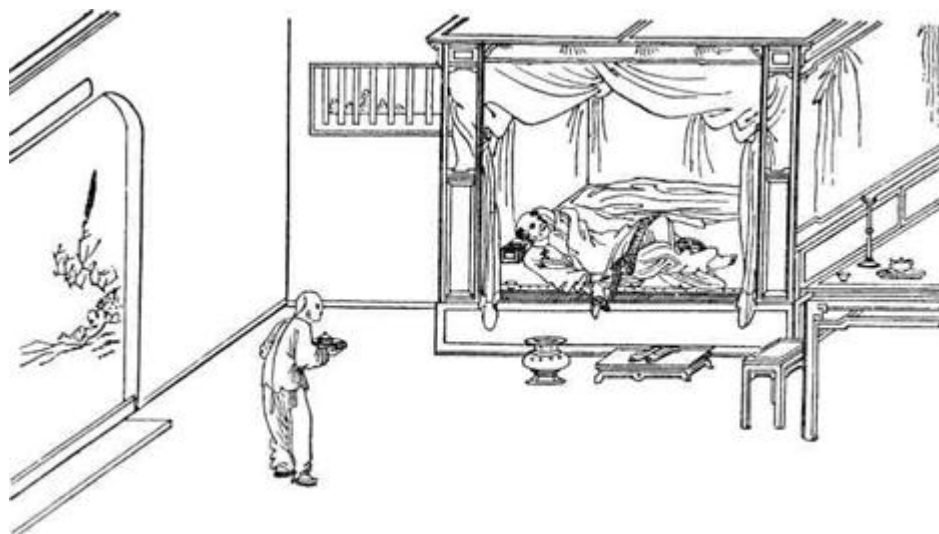
Оказалось, что кроме перечисленных сыновей у Ча Цзяу было еще три дочери, но они не были упомянуты в завещании.

Существуют и другие поводы для семейных торжеств. Например, снятие траура и переезд в новый дом. Можно упомянуть и о том, что в обычае китайцев устраивать не только пиршества, но и посты. Два главных постных дня – это шестнадцатый день пятой луны и шестнадцатый день восьмой луны. Они называются Тянь-Ди-Хэ-Тай, или встреча Неба и Земли. О наступлении постного дня оповещают за несколько дней красные плакаты, расклеенные на центральных улицах. Женатым рекомендуется срок, отведенный для поста и молитвы, жить раздельно. Первые девять дней девятой луны тоже постные. Они посвящены богам, обитающим на девяти звездах, или в созвездии Церберы. В домах ставят жертвенники, на которые кладут фрукты и цветы; туда же ставят девять свеч, девять ароматических палочек, по девять блюд с цветами и фруктами и бочонок с рисом, куда вертикально воткнута мерка. Даосские жрецы в своих молитвах просят прощения за грехи и долголетия. Главным образом в девятый день благочестивые китайцы покупают воробьев у торговцев птицами и выпускают их на свободу, чтобы доставить удовольствие богам. Иногда мужчины специально уезжают в деревню в сопровождении буддийского жреца, чтобы выпустить там птиц на свободу. Иногда в качестве жертвенного животного используют рыбу, купленную у рыбака, и отпускают ее плавать в родную стихию.

Глава 12

Похороны

У китайцев множество траурных церемоний, которые зависят от ранга и общественного положения усопшего. Если речь идет о мужчине, то, когда становится очевидным, что смерть близка, его переносят умирать в атриум, и там, на дощатой постели, поставленной на козлы, он и лежит до своей кончины. Согласно обычаю, ближайшие родственники умирающего кладут рядом с ним на ложе его лучшие одежды, чтобы облачить его непосредственно перед смертью. Шапку или шляпу кладут на подушку, рубашку и куртку – около тела умирающего, штаны – у ног, а ботинки – около ступней. Больной переносит все эти процедуры совершенно спокойно. Иногда можно даже слышать, как он благодарит за то, что ему дали наряд, в котором он явится душам усопших предков. Когда решают, что вскоре наступит агония, его омывают теплым отваром ароматных листьев, как правило – листьев дерева помело. После этого умирающего одевают. Вряд ли стоит говорить о том, что эти своеобразные обряды зачастую ускоряют наступление смерти. Ближайший родственник закрывает глаза усопшего, видимо, для того, чтобы тело выглядело не столь безобразно. Согласно Вергилию (*Энеида*, IX, 487) и Овидию (*Героини*, I, 102, 111; II, 102; X, 120), сходный обычай существовал и у народов других стран. Закрывая глаза усопшего, родственник обращается к нему по имени, произнося приблизительно такие слова: «Не печалься о том, что оставляешь нас; ты ушел в блаженство, и мы, твои родственники, надеемся воздать тебе посмертные почести, процветая в этом мире твоими благодеяниями».



Больной, вынесенный умирать в вестибюль

Вскоре после смерти родственники зовут мастера Нань-мо-лао. Обычно это даосский священнослужитель. Он обращается к одной из душ (считается, что в каждом китайце три души) с просьбой выйти из тела и поспешить в элизий. При этом он распевает молитву под названием «Кай-Лу» («Открытие пути»). Затем Нань-мо-лао составляет гороскоп умершего и сообщает родным, где именно на пути к элизию находится душа, когда она вернется навещать их, а также какой вид она примет в следующей жизни. Если они узнают, что их родственник возродится в человеческом облике, они торжествуют; если же оказывается, что он станет зверем или пресмыкающимся, они печальятся и молятся за него, заказывают храмовые службы и приносят в жертву золотую и серебряную фольгу, свернутую в виде слитков серебра и золота. Если покойный был важной персоной, у входной двери дома устраивают навес – конструкцию из бамбуковых шестов, покрытую циновкой. С середины навеса свешивается

пучок белых и голубых бумажных лент. Это предупреждение случайным гостям, чтобы они не входили в дом, где сейчас траур, и не сделались бы от этого нечисты. По свидетельству Горация (Оды, II, 14, 23) и других античных авторов, схожий обычай существовал у древних римлян. Над дверью дома, где был траур, вешали кипарисовую ветвь, чтобы туда не вошел первосвященник, – это привело бы к его осквернению с обрядовой точки зрения. Если человек умирает неожиданно, или же родственники не успевают переодеть его в лучшее платье до того, как он умер, ближайший родственник облачается в одежду из грубого холста и спешит к ближайшей реке или к колодцу. Там он покупает у Хэлун Вана, или Царя речных драконов, воду, которой омывают лицо и все тело усопшего. В уплату в проточную воду бросают четыре монеты и иногда живую рыбу. Полагают, что рыба сообщит речному божеству о том, что у него купили воду и заплатили за нее. Ближайшего родственника сопровождают к реке или к колодцу несколько друзей, причем двое поддерживают его под руки, поскольку он предположительно идет сгорбленным от печали. Процессию возглавляют двое музыкантов или больше; их инструменты издают такие нестройные звуки, что, однажды услышав, о них вряд ли возможно забыть. Лицо и тело умершего скорее окропляют, чем омывают этой водой, поскольку смысл ритуала состоит не столько в очищении, сколько в искуплении греха. Затем несколько наемных служителей из класса парий у-цзо^{78} обнажают тело умершего, чтобы омыть его в теплой воде, и облачают в одежды, соответствующие рангу покойного. Пока они обряжают тело, члены семьи или стоят, или преклоняют колени у ложа, на котором лежит тело. Не допускается присутствие беременных женщин.

На мертвое тело человека, принадлежавшего к первому, второму или третьему рангу, кладут три шелковых одеяния. Усопшим ниже пятого ранга полагается лишь два шелковых одеяния. Когда одежды положили на тело, два человека начинают бить в гонги. Во время одевания трупа выбрасывают жертвенное печенье из рисовой муки, которое до того лежало на земле возле ног умершего: считается, что теперь оно уже бесполезно. Впоследствии его съедают люди, одевавшие тело, или же подбирают нищие, которые в таких случаях выстраиваются у дверей, надеясь, что им хоть что-нибудь перепадет. Как-то раз я видел полумертвого от голода беднягу, ворвавшегося в прихожую дома, где одевали покойника. Он мечтал получить печенье, но один из у-пзо, который не переставал следить за ним, выпрыгнул вперед и, к ужасу скорбевшей семьи, сбил нищего с ног.

Когда тело укладывают в гроб, парии по одному расходятся по углам комнаты и начинают бить об пол большим молотком, чтобы напугать злых духов. Если покойный принадлежал к любому из пяти высших рангов, на его голову надевают золотой венец^{79}. Стоимость таких венцов бывает разной. Мне довелось видеть лежавшую в гробу в полном облачении покойную жену некоего чиновника пятого ранга. На ней был венчик из золоченого серебра и шелковые одежды, на которых золотом были вышиты цветы и бабочки. Я видел и тела маньчжурских дам в полном погребальном облачении. Они были в еще более пышных платьях (насколько это вообще возможно). В обычае китайцев также украшать мертвые тела бриллиантами, золотыми серьгами, серебряными, золотыми или яшмовыми браслетами, шпильками и т. д. Иногда эти украшения дарят друзья умершего, для того чтобы он мог вспоминать о них в мире духов. Если покойный принадлежал к первому, второму или третьему рангу, ему в рот кладут жемчужину, золотую монету, серебряную монету, нефритовую монету, а также монету, изготовленную из другого драгоценного камня, – итого пять предметов. Если он принадлежал к четвертому, пятому, шестому или седьмому рангу, родственники вправе положить ему в рот золотую монету и пять крошечных нефритовых украшений разной формы. Чиновникам восьмого и девятого ранга кладут в рот маленькую серебряную и маленькую золотую монеты. Но часто используют и три серебряных монеты, иногда – лишь одну. А бедняки кладут в рот усопшему три медяка. Как сообщает Ювенал (III, 267), у древних римлян существовал обычай класть мелкую монету в рот мертвого, чтобы тот мог заплатить Харону

за перевоз через реку в Аид. Китайцы иногда кладут в рот мертвым также зерна необрушенного риса или семена трех разных злаков. Когда у-цзо совершают все эти процедуры с телом, стоящие вокруг него безутешные родственники отворачиваются. Зато верные слуги смотрят, как бы у-цзо не утащили с трупа какого-нибудь украшения. По обычаю, в гроб также кладут какую-нибудь небольшую вещь, которая особенно нравилась покойному. Я присутствовал на похоронах моего большого друга по имени Лу Паньгуань.

Сыновья положили в гроб англо-китайский словарь доктора Уэллса Уильямса. Они сообщили мне, что их отец получал большое удовольствие от чтения этой книги и в течение нескольких прошедших лет каждый день тратил некоторое время на ее изучение. В некоторых случаях в гроб в ноги покойного кладут упакованные в небольшую сумку волосы, выпавшие при расчесывании, и обрезки ногтей. Обычай класть в гроб ценные вещи создают для воров искушение забираться в гробницы богачей, и некоторые семьи, осознавая этот риск, ограничиваются позолоченными украшениями из сандалового дерева. Некогда вместе с мертвым телом закапывали множество медных монет. В гробницу взошедшего на престол в 147 году от Р. Х. Хуаньди, императора династии Хань, положили такую внушительную сумму, что она была ограблена бандой разбойников. Поэтому во время правления династии Цзинь, начавшегося в 265 году, возник обычай сожжения бумаги, символизирующей слитки золота и серебра (об этом я уже писал).

Поместив в гроб мертвое тело, у-цзо проверяют, прямо ли оно лежит, при помощи веревки, которую протягивают от головы к ногам. За этим тщательно наблюдают родственники. В это время лицо покойного покрывают белым шелковым покровом, а тело накрывают двумя покрывалами или больше. Покрывала дарят родственники и друзья. Иногда число подаренных покрывал достигает двадцати или тридцати. В таких случаях неиспользованные предают священному огню, чтобы они перенеслись в мир духов и усопший мог пользоваться ими там. Случается, что иногда их не сжигают, а находят им применение в доме. Окаймленные белым шелком покрывала различаются по текстуре и цвету в соответствии с рангом усопшего. Так, если покойный принадлежал к первому, второму или третьему рангу, они бывают ярко-красными, если к третьему или четвертому рангу – темно-красными, если к пятому – зелеными; к шестому – фиолетовыми, к седьмому – пепельными; а если к восьмому или девятому – белыми. На дно гроба кладут незакрепленную доску, на которой и покойся тело. В доске проделано семь отверстий. Считается, что они символизируют семь звезд, и поэтому доска называется «семизвездной». В доске есть не только отверстия, но и желобки. Между ней и дном гроба помещают некоторое количество извести и растительного масла. В ряде случаев обязанность закрыть гроб крышкой и прибить ее возлагается на ближайшего родственника. Но нередко он просто подносит гвозди служащему похоронного бюро, при этом стоит на коленях около гроба и держит обеими руками тарелку с гвоздями, пока гробовщик не кончит свое дело. В конце этой церемонии ему подносят медное украшение в виде цветка лотоса с длинным стеблем. К нему крепятся несколько разноцветных лоскутков шелка. Гробовщик устанавливает его в вертикальном положении в центре крышки гроба. Там оно и остается до дня похорон, когда его кладут на алтарь предков. По словам китайских знатоков, это украшение (оно называется цзы-сунь-тай) означает пожелание, чтобы род усопшего никогда не пресекался. Закрытый гроб герметично запечатывают при помощи асфальта.

Китайцы полагают гроб неотъемлемой принадлежностью похорон, и почти во всех городах и деревнях существуют так называемые гробовые сообщества (их иногда именуют ссудными обществами Долголетия). В области Гуанчжоу провинции Гуандун есть несколько таких компаний. Каждый из их членов имеет право на гроб и саван. Вступить в общество могут только лица старше шестнадцати лет. Каждый год в третью луну проводится общее собрание, на котором каждый член общества платит годовой взнос в размере трехсот шести-

десяти монет. Имена тех, кто не уплатил годовой взнос, вычеркивают из перечня членов. Каждый должен платить взносы в течение шестнадцати лет. По истечении этого времени он считается почетным членом общества. Если он умирает, общество выплачивает наследникам расходы на погребение.

Китайские гробы очень прочны. По форме они напоминают ствол дерева. По большей части для их изготовления используют три вида древесины: первый называется цинь-ша, он очень тяжелый и тонет в воде; второй – дин-шу, а третий – лю-шу. Дерево, из которого делают гроб, бывает от четырех до пяти дюймов^{80} толщины. Гробы стоят от трех до четырех тысяч долларов. Как правило, их покрывают несколькими слоями лака. Гроб герцога покрывают красным лаком и украшают золотыми цветами. Гробы маркиза, графа или барона тоже покрывают красным лаком, но золотых цветов на них нет. Вообще гроб любого чиновника – обладателя первых пяти рангов – можно покрывать красным лаком. Людям, при жизни обладавшим одним из низших четырех рангов, полагается гроб с черной лакировкой. Более бедные довольствуются простым гробом без всякого лака.

Всем людям старше шестидесяти лет полагается иметь наготове гроб. Нередко на шестьдесят первый день рождения отца или матери сыновья преподносят им гроб – это считается вполне уместным подарком. Иногда он хранится до востребования в монастырях и храмах. В Шанхае я был в монастыре, куда отдали на хранение несколько гробов. А в Нанкине в храме, посвященном Спящему Будде, я видел гроб, принесенный семидесятипятилетним стариком в тот же день, когда он получил этот подарок от сыновей. В Кантоне и в других городах на юге Китая люди порой хранят гробы дома. Эта практика распространена и в центральных провинциях Китая; я видел гробы в нескольких домах в Цзюцзяне и Ханькоу. Во время моего пребывания в Уси Сянь на берегах Великого канала я видел семью, перебиравшуюся в другой город; отец, человек преклонных лет, нес гроб; как мне сообщили, для него он был более ценен, чем вся остальная обстановка. Сейчас китайцы кладут умершего в один гроб, а не в два, как это было во время династии Чжоу; как говорят, от этого обычая отказались во время правления династии Тан. Однако вернемся к обрядам, соблюдаемым в домах, где царит траур. Гроб с телом покойного ставят на козлах рядом с алтарем предков. Под ним на полу на трех кирпичиках стоит лампа. Чтобы она могла гореть днем и ночью, в нее усердно подливает масла самый близкий родственник или кто-то вместо него. Считается, что она дает свет той душе, которая остается в мертвом теле. К востоку от гроба находится стойка для одежды, на которой находятся одежда, шляпа и башмаки умершего. Установив в зале гроб и лампу, родственники выстраиваются по обеим его сторонам и поклоняются духу умершего. Этот обряд продолжается на протяжении первых семи недель траура и сопровождается громкими причитаниями, особенно перед завтраком и перед ужином. В таких случаях усопшему подносят порцию еды, причем церемониймейстер напоминает собравшимся о его добродетелях. Китайские причитания над умершим бывают такими долгими и громкими, что в этом отношении могут соперничать с древнеегипетскими. Действительно, известно, что на Востоке, как правило, не стесняются в выражениях скорби. В Евангелии от Марка по этому поводу сказано о «плачущих и вопиющих громко» (5: 38); кроме того, в Деяниях апостолов мы читаем: «Стефана же погребли мужи благоговейные и сделали великий плач по нему» (8: 2). Громче и чаще причитают над умершим в седьмой, четырнадцатый, двадцать первый, двадцать восьмой, тридцать пятый, сорок второй и сорок девятый дни траурного периода. На заре каждого из этих дней родственники выходят на улицу и горестно голосят, опустившись на колени перед входной дверью. Насколько мне известно, это время причитаний, обращенных именно к той душе, которая находится на пути в элизий. На ступенях крыльца оставляют кушанья и другие приношения странствующей душе. Кроме того, множество жертв приносят той душе, что, по поверью, остается в теле. Например, в богатых семьях на седьмой день приносят в жертву тушу барана и девять блюд

с девятью разными яствами, а также вино. Кроме того, устраивают обед для друзей семьи. Размер жертвоприношений определен регулирующими расходы населения законами. Душе герцога приносят в жертву семь баранов, в священном огне сжигают сорок тысяч бумажных слитков золота, выставляют не менее пятнадцати столов с различными кушаньями. В честь умершего маркиза в жертву приносят шесть баранов, сжигают тридцать шесть тысяч бумажных слитков и выставляют тринадцать столов. Душе графа достается шесть баранов, тридцать две тысячи слитков и десять столов. И далее с понижением ранга умершего соответственно уменьшается и количество жертвоприношений. Душе чиновника девятого ранга или человека вообще, не имеющего какого-либо ранга, приносят в жертву одну овцу, пять тысяч бумажных слитков золота и два стола с угощением. На двадцать первый день траура устраивают пир в честь души, которой суждено найти дорогу в элизий: согласно поверью, именно в этот день она возвращается в дом погостить. Весь день домашние стараются не заходить в зал, где накрыты столы, а остаются в своих комнатах. Входные двери запирают. Соседи тоже закрывают двери домов. Это делается из страха возбудить возможный гнев потревоженного призрачного гостя. Этот суеверный обычай возник во время правления династии Тан в 620 году. Самым горячим его защитником в тот момент был некий ученый по имени Ли Цайбо.

Как правило, семья надевает траур лишь через три дня после смерти родственника, поскольку ей вменяется в обязанность по меньшей мере в течение нескольких дней надеяться на воскресение. Траурные одежды шьют из грубого холста. Сыновья или другие ближайшие родственники и шапки носят из того же материала. С макушки каждой шапки на нитках свешиваются ватные шарики. Из многих мест Писания явствует, что и в древности у азиатских народов при трауре носили платье из холста. В Китае в течение первых семи недель после утраты родственники умершего не стригут ногти, волосы и не бреют бороду. Согласно Геродоту, подобный обычай существовал и у египетского простолюдинства. О нем упоминается и в Библии. Ясно, что китайцы в трауре выглядят очень грязными. Бывает, что осиротевшая семья постится, а жены и мужья в течение некоторого времени должны жить раздельно. Более того, им запрещено женить и выдавать замуж сыновей и дочерей, а из членов семьи никто не должен обращать внимания ни на какие хорошие известия. Крайне предосудительно в период траура бывать в театрах или слушать музыку. Со стульев и с другой мебели снимают обычные красные покрывала и заменяют их синими (синий – цвет траура). Висящие в разных комнатах картины или снимают, или поворачивают к стене; фрески и другие украшения, которые убрать нельзя, закрывают листами белой бумаги. Немедленно вызывают домой всех членов семьи, которые были в отсутствии, когда умер их родственник. Если это сыновья умершего, им приходится, входя в дом первый раз после смерти родителя, ползти на четвереньках в знак глубокого унижения и скорби. Замужняя дочь умершего тоже оставляет мужа на неделю, чтобы облачиться во вретище и присоединиться к причитаниям домашних. Однако на седьмой день она снимает вретище и возвращается домой к мужу в паланкине, который несут четверо носильщиков. Даже если это происходит днем, перед ее паланкином подвешивают зажженные фонари ярких цветов. Это означает, что, хотя в отчем доме царит скорбь, в доме мужа она найдет (или должна найти) радость и привет. Когда она прибывает к дверям дома своего мужа, ей полагается переступить через костер из соломинок, чтобы очиститься. Как-то раз, идя по кантонской улице Лянь-хуа-цзянь, я увидел пожилую женщину с бинтованными ногами, переступавшую через такой костерок. Край ее платья загорелся, и, если бы ей тут же не оказали помощь, она могла бы пасть жертвой своей верности обычаю. У древних римлян существовал похожий обряд, который соблюдали во время *feriae denicales* – поминок. На десятый день после смерти дом подметают особой метлой, а его обитатели также проходят очищение, переступая через огонь.

В течение семи дней после смерти мужчины его вдова и дети демонстрируют глубину своей скорби, сидя не на стульях, а на полу. Ночью они тоже спят не в кроватях, а на цинов-

ках, постеленных на полу у гроба. В этот период в доме не готовят еду, и доставку всего необходимого возлагают на друзей и соседей. Похожий обычай существовал в глубокой древности в Палестине (ср.: 2 Цар., 3: 35; Иер., 16: 7; Иез., 24: 17). Кроме того, принесенную еду приходится есть руками – палочками нельзя. В период траура не пользуются также иголками и ножами. Как бы то ни было, существует обычай, согласно которому, если покойный был глубоким стариком, на седьмой день сыновья или ближайшая родня разводят огонь во внутреннем дворике и готовят на нем рис. При этом они сидят вокруг огня, наблюдая за процессом варки. Женщины тоже сидят вокруг огня, изливая свою скорбь. Рис в кастрюле, где он варился, ставят перед табличкой с именем умершего; Нань-мо-лао звонит в колокольчик и читает молитвы. Затем кастрюлю открывают и отсыпают чашку риса. Эту чашку подобающим образом подносят в качестве жертвенного угощения табличкам с именами предков семьи. Еще одну чашку ставят перед табличкой усопшего, оставшийся делят между собой семья, соседи и друзья. Считается, что рис этот приносит удачу, и часто соседи спешат в дом умершего, беспокоясь, как бы не остаться без своей доли. Эту церемонию китайцы называют «Чжу шоу фань» – «Варка риса долголетия».

Затем пишут на светло-коричневой бумаге письма всем родственникам и друзьям покойного, сообщая о его смерти. Их запечатывают в конверты того же цвета. Письмо складывают так, чтобы первым адресат увидел иероглиф, означающий «скорбь». Письма пишутся по одному шаблону. Вот перевод одного такого документа, попавшего мне в руки:

«Грехи мои многочисленны и мерзки, и я достоин смерти. Однако мою жизнь пощадили. Боги наказали меня, отняв жизнь у моего отца. Он умер в 5-й день 10-го месяца в большом зале своего дома. Ныне же с почтением, убитый скорбью, я сообщаю друзьям о горестном бедствии. Теперь моя мать одинока. Далее следуют имена сына и внука покойного:

Туй Адань

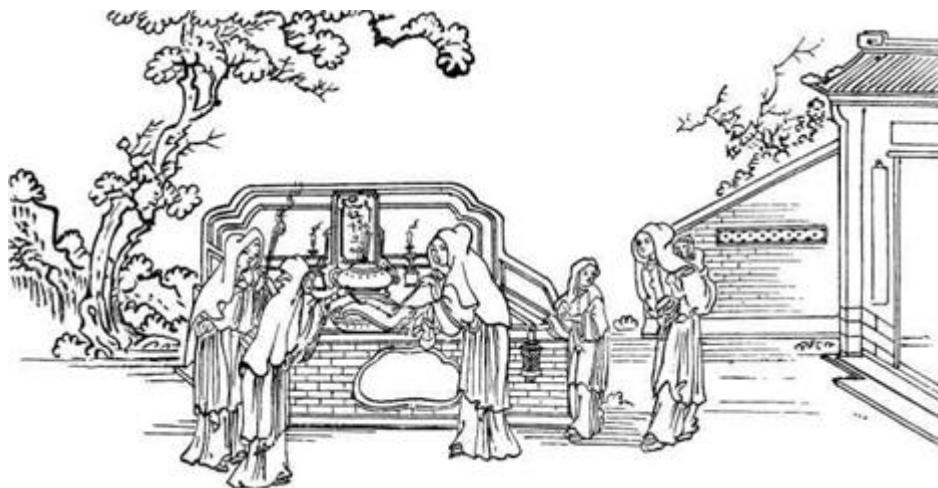
Туй Ачжэн,

проливающие кровавые слезы и скорбно склоняющие головы к земле».

В добавление к этим подписям пишут и имена племянников; напротив них ставят иероглифы, означающие «слезы текут и головы склоняются». Иногда письма разносят внуки или племянники покойного, иногда – облаченные в траур слуги. Своеобразный обычай, согласно которому сын приписывает смерть отца своим грехам (или наоборот), очевидно, существовал и у обитателей Ханаана. Так, в Третьей книге Царств (17: 18) вдова из Сарепты Сидонской говорит Илиин-пророку о смерти своего сына: «...ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». Такие письма разносят вечером. При этом их иногда не передают слугам адресатов, а бросают в дверь прихожей, потому что в Китае плохая примета видеть у дверей человека в трауре. Все, получившие письма, немедленно отправляют в дом покойного денежные подарки. Эти деньги (они называются хо-и, «вспомоществование») тратят на благовония, свечи и жертвоприношения душе усопшего. Члены семьи должным образом одаривают сочувствующих им друзей маленькими фарфоровыми кубками или винными и чайными чашечками. На пороге дома покойного ставят белую доску, где черными иероглифами записаны час, день и год его рождения и смерти; его имена и титулы; имена и титулы его сыновей, внуков и племянников. На двадцать первый день траура перед домом выставляют три высоких шеста. На каждом из них прикреплен большая бумажная птица, напоминающая аиста. Считается, что эти птицы уносят душу в элизий. В течение следующих трех дней буддийские монахи возносят молитвы десяти царям буддийского Аида и просят их ускорить полет души умершего к Западному Раю.

Гроб остается в доме на протяжении семи недель – сорока девяти дней, и рядом с ним в атриуме ставят жертвенник. Жертвенник находится напротив стоящего на временном помосте стула с портретом покойного и его именной табличкой. У всех обеспеченных китайцев есть портрет, написанный для этой цели. Иногда (редко) вместо портрета используют

деревянную статуэтку. Например, один раз мне довелось видеть идол генерала по фамилии Му, в то время командующего маньчжурскими войсками в Гуанчжоу. Идол был подарен ему от имени армии; его хранили в храме Пяти Гениев. Впоследствии Му забрал эту статуэтку (изображение было очень похоже) с собой в Маньчжурию. У проживавшего в старом Гуанчжоу китайца по имени Чэнь Ганцзюнь в домовом храме предков тоже стояла деревянная статуя, изображавшая его самого. Кроме того, в буддийских храмах мне попадались подобные же загодя изготовленные небольшие деревянные или глиняные изображения монахов. На жертвеннике аккуратно раскладывают разные фрукты. Перед табличкой ставят чашку чая, тарелку с едой и кладут пару палочек. Если умерший был курильщиком опиума, на жертвенник, покрытый цветами, распускающимися в это время года, кладут и трубку. Рядом со стулом, на котором находится табличка, ставят длинный бамбуковый шест с темно-красной атласной лентой, на которой золотыми иероглифами начертаны имена и звания умершего. Вид этой ленты, как и многих других вещей, зависит от ранга умершего. Так, умершим чиновникам первых трех рангов полагается лента длиной в девяносто китайских дюймов^{81}. Для тех, кто ниже рангом, используют ленты покороче. Если умерший был преклонного возраста, к этому шесту прикрепляют две длинные связки медных монет, если среднего возраста – одну связку.



Освящение савана

На седьмой день траура друзья в знак сочувствия присылают семье покойного различные подарки. Они предназначаются душе умершего и состоят из свеч, или печений, или флажков и небольшой суммы денег. На флажках (белых или синих) золотыми иероглифами прославляются добродетели покойного – знак сочувствия его родственникам, это считается чем-то вроде писем с соболезнованиями. Вместе с подарком посылают и письмо; одно из них попало ко мне в руки. Общий дух подобных писем ясен из приведенного ниже перевода. «Аху-ан, ваш глупый младший брат, дарит вам два флажка, на которых начертаны слова утешения. Он также посылает одного жареного поросенка, две корзины мучных печений, разные фрукты, бутылку вина и немного денег – 10 долларов. Я все плачу горькими слезами из-за того, что вы умерли; но более всего я скорблю о том, что ваше пребывание в этом мире вышло таким коротким. Дано в третий день десятого месяца третьего года правления под девизом Тунчжи».

Письмо бросают в священный огонь, чтобы оно улетело к духу умершего. В дверях дома за столом сидит специальный человек и записывает подарки; когда дни траура кончатся, сверяясь с этим списком, семья разошлет дарителям равноценные подарки от имени усопшего родственника. Флажки, о которых я только что упоминал, по получении развешивают на стенах внутри дома. Они придают помещению торжественный вид, что особенно

заметно вечером, когда в залах зажигают свет. В богатых семьях флажки бывают большими и дорогими. И их так много, что они сплошь покрывают стены дома. Другие подарки, например фрукты, цветы, печенье и свечи, ставят на жертвенник в качестве жертвоприношения духу умершего. В тот же день все дарители приходят в дом, где царит траур, чтобы поклониться отлетевшей душе и принести горящую ароматическую палочку, которую ставят на жертвенник. При этом они одеты не в официальную чиновничью форму, а в простые темные одежды, и даже те из них, кто имеет право на ношение павлиньего пера в виде кокарды, не надевают его. В этот день, когда прибывают гости, на крыльце дома сидят три-четыре музыканта, пронзительные и нестройные звуки флейт которых сливаются в заунывные мелодии. Этот обычай неоднократно напоминал мне фрагмент в Евангелии от Матфея (9: 23), где «пришел Иисус в дом начальника и увидел свирельщиков и народ в смятении». Кроме того, в этот же день – седьмой день траура – приглашают буддийских или даосских священнослужителей помолиться, дабы облегчить полет души к элизию. В комнате, примыкающей к залу, где стоит гроб, они возводят семь жертвенников. Над ними вешают картинки, изображающие соответственно Будд Прошлого, Настоящего и Будущего, а также десять картинок, на каждой из которых нарисовано одно из десяти царств буддийского ада. Через определенные промежутки времени они устраивают службы за упокой души умершего. Люди победнее не в состоянии пользоваться услугами буддийских монахов; они в таких случаях прибегают к помощи Нань-мо-лао, о котором я уже упоминал. Эти обряды повторяют на четырнадцатый, двадцать первый, двадцать восьмой, тридцать пятый, сорок четвертый и сорок девятый день траура. Важнейший из них – двадцать первый. Расходы по службе тридцать пятого дня берут на себя женщины в семье. Когда моления происходят в честь духа высокопоставленного человека, ритуалы и обряды бывают в высшей степени пышными и дорогостоящими и производят глубокое впечатление на китайцев.

Так, когда умер его светлость Бо Гуй, генерал-губернатор Гуанси и Гуандуна, все гражданские и военные чины, служившие в то время в Кантоне и его окрестностях, на двадцать первый и тридцать пятый день траура являлись во дворец, где лежало его тело в парадном одеянии. По всей видимости, почести, воздаваемые умершему, не были пустой формальностью. В тот раз, как и во многих других случаях, я заметил, что, когда присутствующие кланялись именной табличке, облаченные в грубый холст, сыновья умершего простерлись ниц в глубоком самоуничижении и горе. Затем молившиеся чиновники приветствовали простертых на полу юношей, а те вежливо подтверждали похвалы, которыми награждали тень их отца.

Если дом, где находится гроб с покойным, слишком мал, чтобы вместить множество гостей, нередко портрет и табличку с красной атласной лентой, на которой начертаны его имена и звания, переносят в общий зал ближайшего храма. Однако это бывает, пожалуй, только во время похорон чиновников. Так, останки Лай Цзунняня, известного генерала, убитого при осаде Сучжоу, перевезли на его родину, в Кантон, и поместили в одном из храмов, чтобы дать городской знати возможность попрощаться с ним.

Мне пришлось быть свидетелем другой подобной церемонии, устроенной в честь прославленного воина Чжан Голяна, павшего смертью храбрых в битве с повстанцами в Цзяннане. В августе 1861 года в одном из государственных храмов Кантона я видел церемонию похорон императора Сяньфэна. Депеша с печальным известием о смерти императора была получена в Матоу, пригородной резиденции правительства, чиновниками, облаченными в платье из грубого холста. Затем депешу передали глашатаю, который, подняв руки над головой, пронес ее среди громких сетований в приемную, где прочел вслух в присутствии всех чиновников. Затем чиновники направились в храм Гуань-ди, где на возвышении стоял покрытый желтым шелком трон, скрытый от глаз занавесями из того же материала. Гражданские чины, во главе которых шел генерал-губернатор, выстроились по левую сто-

рону трона, а военные чины во главе с маньчжурским генералом – по правую; затем они простерлись ниц по команде церемониймейстера. Тут же все принялись рыдать; иные пытались специально довести себя до слез. Некоторые даже довели себя до того, что из ноздрей и рта у них пошла пена. Эта нелепая церемония повторялась несколько дней подряд; и на протяжении многих недель горожанам запрещалось брить голову или посещать общественные места отдыха.

Перейдем к рассказу о том, что делают китайцы с мертвыми. Уже в глубокой древности почти у всех народов существовал обычай не оставлять умерших непогребенными. Так, в Библии – старейшей доступной нам книге – мы находим лишь два упоминания о кремации. Первое из них содержится в Первой книге Царств (31: 12) и относится к сожжению тел Саула и его сыновей. Во втором случае, в книге пророка Амоса (6: 10), говорится о сожжении тел умерших во время морового поветрия. И китайцы не являются исключением из этого, по-видимому, всеобщего правила. Это не касается лишь большинства буддийских священнослужителей. Следует также отметить, что во время правления династии Сун (с 960 года) в провинции Цзяннань бытовала практика кремации.

В то время в каждой деревне этой провинции для церемонии отводили специальное место под названием хуа-янь-тин, или хранилище пепла. Когда пепел доставали из погребального костра, его нередко бросали в ручьи и реки, протекавшие по соседству. Позже в той же провинции существовал буддийский монастырь под названием Дун-сы: тамошние жрецы убеждали народ приносить туда мертвых для кремации на том основании, что души сожженных таким образом людей должны были стать Буддами. Когда в монастырский погребальный костер ударила молния, многие сочли это знаком божественного недовольства и подали губернатору петицию с просьбой не допускать возобновления здесь кремации. По всей видимости, за исключением этих нескольких случаев, на протяжении всей истории Китая мертвых хоронили. С другой стороны, у монголов существует обычай кремировать умерших, но так как для них кремация – очень дорогая церемония, по большей части к этому прибегают богачи. Бедные монголы оставляют своих мертвых в степях, по которым кочуют, чтобы их пожрали дикие животные (чаще всего – волки и лисы). Погребальный костер, как правило, разводят на вершине холма. Обычно родственники отмечают место сожжения тела, насыпая там груды камней. В степях Внутренней Монголии мне встретилось несколько таких могильников.

Китайские семьи, которые не могут найти или купить благоприятного места для захоронения, пока не накопят денег на полагающиеся погребальные ритуалы, нередко оставляют гробы на склонах холмов, поэтому холмы превращаются в своеобразные кладбища. Иногда гробы стоят там по нескольку лет, на протяжении которых останкам покойного воздают все подобающие почести. В других случаях, когда у родственников по бедности, из-за переезда или смерти не получается похоронить останки, гробы долго стоят заброшенными, и в конечном счете их зарывают за общественный счет. В западном пригороде Кантона находится храм Цзы-Чжу-Мяо. В 1870 году в нем был устроен фонд для приобретения участка земли, чтобы захоронить там несколько гробов, многие годы стоявших на склонах холма в Бэйцуне – деревне, находящейся примерно в семи милях от города. Конечно, пайщики этого фонда руководствовались жалостью к несчастным душам покойников, которых не предали земле. Вскоре после того как забытые мертвые тела предали земле, я посетил место захоронения. Там я обнаружил трех или четырех человек, которые, по их словам, пришли из отдаленной деревни Тай-ши, чтобы вырыть тело одного из своих предков. Поскольку на каждом гробу было написано имя, а при каждой могиле был небольшой надгробный камень, они нашли останки без труда. Они сложили кости в урну, в которой собирались перевезти их в деревню, где, вероятно, жили и умерли целые поколения этой семьи.

Подобно другим древним народам, китайцы придают огромное значение этим ритуалам. Когда не удастся должным образом устроить погребальную церемонию – например, если покойный утонул или пал в бою, – это считается настоящим бедствием. Из нескольких фрагментов Ветхого Завета^[82] очевидно, что древние иудеи придавали погребальным ритуалам сходное значение, а древние римляне верили, что души людей, чьи тела не были погребены, были по меньшей мере сто лет не в состоянии пересечь реку Стикс. Вообще в Риме погребение было настолько важным, что римляне совершали полагающиеся ритуалы у пустых могил, если их друзья погибали, а тела не удавалось найти. Можно найти параллель этому обычаю в Китае, жители которого в благоговейном почтении к усопшим не уступают европейским народам классической древности. Во время правления императора Чжанди в I столетии христианской эры был принят специальный закон. Согласно ему, если не удастся найти тела павших в битве солдат или погибших во время сражений на море моряков, их души следует призывать при помощи молитв и заклинаний и изготавливать бумажные или деревянные подобию людей принятия этих душ. Затем изображения следовало похоронить со всеми обычными церемониями. В китайских летописях зафиксирован первый случай выполнения этого необычайного указа сыновьями офицера по имени Ли Ху: он пал в бою, и тело его не было найдено. В настоящее время это общепринятый обычай. Мне довелось быть свидетелем этой своеобразной церемонии во время посещения Дали – административного центра девятинасти деревень. На земле лежало изображение пропавшего без вести, одетое в очень дорогие одежды. Несколько мужчин и женщин в глубоком трауре стояли вокруг него на коленях. В центре круга даосский жрец заклинал дух войти в «тело» и сопровождать его к могиле. Чтобы душа умершего не попала в заключение в одном из десяти буддийских адов, из глиняных кирпичиков изготовили миниатюрные подобию подземных узилищ. Они напоминали кукольные домики. Затем жрец принялся заклинять царей адских сфер. По окончании каждого заклинания он коротким магическим жезлом давил одну из подземных тюрем. В конце концов изображение пропавшего без вести с обычными церемониями уложили в гроб и проводили к могиле скорбящие родственники. До ухода я узнал еще, что человек, которого считали умершим, был купцом и несколько лет назад уехал торговать в соседнюю провинцию Гуанси, и с тех пор родственники ничего о нем не слышали. Поэтому они решили, что он погиб в море или был убит пиратами. Иногда пропавшие и считавшиеся умершими люди, чьи похороны таким образом устраивали родственники, возвращались к своим домашним очагам. Я был знаком с уроженцем Цзы-цзе, деревни неподалеку от Синаня в уезде Наньхай, которого в молодости похитили и продали в рабство в Гаване, где он жил в течение двадцати лет. Конечно, его друзья решили, что он умер. Были проведены все необходимые церемонии, и его младшие братья, племянники и двоюродные братья, по обычаю, поклонились табличке с его именем, которую затем поместили на семейный алтарь предков. Пропавший вернулся в отчий дом в 1870 году. Теперь он торгует фруктами на улице Лу-бэй-хан в западном пригороде Кантона.

В Китае существует закон, согласно которому сыновья пропавших без вести родителей должны носить легкий траур и ни в коем случае не посещать общедоступные места отдыха. Однако, как я понял, этот закон чаще нарушают, чем соблюдают.

Китайцы – большие приверженцы геомантии; наиболее подходящими для захоронения местами они считают склоны холмов, с которых видны реки и ручьи или озера и пруды. Холмы, расположенные рядом с большими и малыми городами, часто сплошь покрыты могилами – печальными памятниками древности и многолюдности имперских поселений. Холмы, примыкающие к горам Белых Облаков со стороны Кантона, можно назвать огромными погребальными курганами. Они с подножия до вершины буквально усеяны могилами. Летними вечерами, при свете закатного солнца, холмы представляют собой ошеломляющее

зрелище; и я никогда не забуду, что чувствовал однажды вечером в монастыре Бай-юнь^{83}, созерцая унылую картину этого огромного языческого кладбища.

За благоприятное для захоронения место богатые семьи платят большие деньги. Не довольствуясь тем количеством земли, которое каждому смертному отводят, например, в Европе, они покупают участки, где мог бы уместиться просторный особняк. Место для погребения выбирает геомант. Для этого он нередко проводит на склонах холмов по нескольку дней с компасом, чтобы точно определить нужное место. Иногда его сопровождают не только двое или трое ближайших родственников усопшего, но и столько же людей с мотыгами и лопатами, которые на разных участках берут пробы земли, чтобы он мог изучить разные образцы. Китайцы зовут отверженных людей, сопровождающих геоманта, Шань-Гоу – горными псами. После приобретения участка обращаются к предсказателю судьбы, чтобы он определил благоприятный день для рытья могилы. Могильщики не начинают работы, пока члены семьи умершего не поклонились гениям горы; ближайший родственник зачитывает письмо, обращенное к этим божествам; при этом он облачен не в траур, а в парадное платье. Все письма такого рода бывают совершенно одинаковыми. Ниже я привожу текст следующего документа, виденного мной: «Мы, сыновья и родственники такого-то, умершего тогда-то, намереваемся похоронить здесь его останки. Поскольку мы сейчас желаем приготовить могилу, мы просим вас не только разрешить нам сделать это, но и заботиться о нас постоянно и всегда покровительствовать нам. Более того, мы с глубоким уважением просим вас милостиво принять наши приношения – фрукты и вино». Каждый из присутствующих совершает коутоу, и письмо направляют богам посредством сожжения.

Пока роют могилу, за рабочими наблюдает один из членов семьи, и там же ставят времянку, крытую циновками. На дно могилы кладут трехдюймовый слой извести, смешанной с древесным углем, а на него – доску, покрытую утоптанном плотным слоем угольной пыли. Когда могила вырыта, необходимо выбрать счастливый день для похорон. Иногда из-за этого погребение откладывается на несколько дней или даже недель. Родственники одного знакомого мне человека, который умер, придавали такое значение правильному выбору счастливого дня, что похороны пришлось отложить даже на несколько месяцев. В течение этого времени в приготовленной могиле, согласно обычаю, лежала плита, на которой было начертано его имя. В некоторых областях принято откладывать похороны, если в доме есть беременные женщины. В таких случаях умершего хоронят только после родов. Бабушку одного моего близкого знакомого не могли похоронить несколько лет, потому что в семье оказывалась беременной то одна, то другая женщина.

Накануне похорон родственники в траурных одеждах приходят в дом умершего плакать и причитать у гроба. Родственники несут в домовый храм предков длинную белую ленту, которая называется тканью души, чтобы душа могла попрощаться с духами предков семьи. Насколько мне известно, раньше для этого в храм предков заносили сам гроб. Во время этого прощания родственники громко причитают, выстроившись перед табличками с именами предков.

В некоторых провинциях родственники покойного за день до похорон совершают ритуальное очищение улиц и домов, мимо которых завтра пойдет похоронная процессия. Эта церемония под названием Гань-лу-шуй совершается следующим образом: все даосские или буддийские священнослужители, которых только удастся созвать, в доме семьи усопшего читают молитвы за упокой души и сообщают ей о том, что друзья собираются предать тело земле утром, а также умоляют ее сопровождать тело к месту последнего упокоения. Затем составляется процессия, которая проходит по улицам города или деревни тем же маршрутом, каким завтра понесут гроб. Каждый из жрецов играет на примитивном музыкальном инструменте, чтобы злым духам, находящимся поблизости, не дать появиться во время прощания похоронной процессии. Полагают, что в противном случае они могут напугать

душу умершего, которая тогда вернется обратно в дом. Шествие возглавляет юноша с бочонком святой воды в левой руке и пучком иссопа – в правой. Он окропляет водой улицы и магазины, чтобы помешать злым духам укрыться там. Мне пришлось видеть такое шествие лишь однажды, и тогда оно состояло из облаченных в дорогие одежды из синего атласа даосских жрецов с музыкальными инструментами, на которых они играли нечто вроде торжественной погребальной песни. Юноша, несший святую воду, одетый в подобающий случаю наряд, заходил в каждую лавку и окроплял пол. Бесспорно, лавочники, которые впускали его с видимым радушием, ни в коей мере не сомневались в действенности ритуала.

В некоторых деревнях вечером накануне похорон, если умерший был в преклонном возрасте, соседи собираются в доме его семьи и дробно бьют в гонги и барабаны или поют песни. В три или четыре часа в день похорон снимают все погребальные украшения, укрепленные перед дверями, и сжигают их под стоны и причитания осиротевшей семьи. Затем перед табличкой с именем умершего ставят столы с угощением, и Нань-мо-лао обращается к духу с такими словами: «Ныне мы собираемся отнести ваши останки к могиле; и поскольку вам необходимо сопровождать их к могиле и пребывать с ними вечно^{84}, мы приготовили для вас прощальную трапезу. Пожалуйста, отведайте». Он завершает свою речь, и собравшиеся родственники тут же разражаются новыми причитаниями.

Если умершему было шестьдесят лет или более, после описанной церемонии в дверях встает человек, который бьет в гонг, созывая друзей и соседей. Дальние родственники и друзья ожидают выноса тела на улице, а близкие родственники остаются в это время в доме. Перед выносом тела Нань-мо-лао поджигает бумагу и помахивает ею вокруг гроба и вдоль него. Считается, что таким образом он производит его очищение и вместе с тем освещает дорогу. Затем Нань-мо-лао призывает душу сопровождать тело к могиле, а скорбящие родственники стоят вокруг, плача и причитая. Когда эта церемония окончена, старший сын берет табличку с именем умершего и кладет ее в паланкин. В другой паланкин он кладет его портрет, прикрепив сверху красную атласную ленту, на которой золотыми иероглифами выведены имя и титулы покойного. Под золочеными балдахинами раскладывают жертвоприношения, которые всегда несут в китайской погребальной процессии, и тогда носильщики заходят в дом за гробом. Пока они поднимают гроб, родственники в смятении разбегаются по соседним комнатам. Они боятся, как бы день, определенный геомантом для похорон, не оказался на самом деле несчастливым и как бы из-за этого оскорбленная душа не покാരала присутствующих болезнями или другими бедствиями. В первый раз я увидел это на похоронах старого купца по имени Лу Паньгуаня. Я ничего не знал об этом предрассудке и потому был несколько удивлен, когда семья умершего обратилась в паническое бегство, как только носильщики взялись за гроб. Через некоторое время, решив, что угроза миновала, родня вновь собралась. Но меня-то о предполагаемой опасности никто не предупредил, и я естественным образом пришел к выводу, что поведение китайцев, как обычно, основывалось на первейшем законе природы – чувстве самосохранения. Когда тело переносят через порог, душе покойного приносят жертвы. Гроб ставят на дроги на улице, где он остается во время остальных похоронных обрядов. Один из них состоит в том, что все взрослые члены семьи – как мужчины, так и женщины – торжественно проходят вокруг гроба.

К этому времени составляется похоронная процессия. В ней, помимо прочих, участвуют два человека с большими фонарями, на которых записаны фамилия, возраст и звания умершего. Кроме того, в ней идут два человека, которые время от времени бьют в гонги, оповещая о приближении шествия, и шестнадцать музыкантов, а за ними люди с флагами и другие, которые несут красные дощечки с титулами покойного и его предков, начертанными золотыми иероглифами. После похорон эти дощечки приносят обратно в дом и ставят в гостиной. (Похожий обычай существовал у древних римлян: во время похорон перед телом несли изображения предков. Эти скульптуры держали в атриуме; на них помещали

сведения о званиях и наградах умершего, а также краткий рассказ о его деяниях.) За табличками следуют четыре балдахина, украшенные резьбой и позолотой, – их везут лошади или несут люди. Под каждым из балдахинов – жертвоприношения, предназначенные умершему. Далее в паланкине, сопровождаемом группой музыкантов, несут его портрет. За этим следует другой – с табличкой, где начертано имя усопшего. Позади идет человек, которого называют фэн-лу-цзинь-инь. Он время от времени разбрасывает вокруг клочки бумаги, должныствующие означать золотые или серебряные слитки. Эти мнимые деньги предназначены для голодных духов, то есть для душ людей, умерших на углах улиц. Если не утихомирить их, не обретших покоя, они причинят душе умершего немало тревог. За ним идут сыновья умершего, каждый в глубоком трауре. Старший сын на похоронах отца несет в руке деревянный посох, а на похоронах матери – бамбуковый. Посох обернут полосками белой бумаги. В другой руке он несет бамбуковый шест, на конце которого развевается белая лента – ткань души, которая, как полагают, призывает душу сопровождать тело. Для того же в процессии несут петуха. Два человека поддерживают старшего сына с двух сторон, так как считается, что он согбен от печали. За ним везут или несут дроги. Когда их не везут лошади, гроб с умершим, имевшим при жизни первый или второй ранг, несут шестьдесят четыре человека; если он был чиновником третьего, четвертого или пятого ранга – сорок восемь; если же принадлежал к шестому или к седьмому рангу – тридцать два. За телом идут родственники и друзья. Родственники в полутрауре, а у друзей на головах – белые повязки. Идущий в процессии человек, которого называют би-ли-сы-янь, у могилы дает каждому по кусочку завернутого в лист ореха бетеля и серебряную или медную монету в бумаге кремового цвета. Сыновья идут непосредственно перед гробом; но я видел также, как они шли по обеим сторонам носилок с именной табличкой отца. Один из сыновей Лу Паньгуаня не смог приехать на похороны, поскольку жил тогда в Батавии, и предназначенное для него траурное платье привязали к ручкам паланкина, который сопровождали остальные сыновья. Этот повсеместно принятый оригинальный обычай означает не только то, что, отсутствуя телесно, сын, тем не менее, присутствует на похоронах душой; висящие на паланкине одежды наглядно показывают прохожим на улицах, через которые пройдет шествие, что у умершего есть еще дети помимо присутствующих. В похоронной процессии должны принимать участие все кровные родственники покойного. Женщины же не в состоянии пройти весь путь из-за бинтованных ног, поэтому нередко они проходят в процессии лишь небольшое расстояние – так чаще всего делается в Кантоне и его ближайших окрестностях. Однако в уезде Синяо, отстоящем от этого города на тридцать миль, женщины должны идти в процессии до самой могилы, как и мужчины.

Однажды мне довелось наблюдать похоронную процессию со склонов гор Синяо. Передо мной от подножия гор до западного рукава Жемчужной реки простиралась обширная равнина, и она была буквально усеяна городками и деревнями, осененными тенистыми кущами. Проход этой процессии мимо заданной точки занимал пятнадцать минут. Все ее участники были в длинных белых одеждах, что на расстоянии выглядело впечатляюще. Когда в шествии участвуют люди обоих полов, иногда мужчин и женщин разделяет белая тесьма, которую несут два человека. Дамам с маленькими ногами позволено ехать – не в паланкинах, а на спинах служанок или рабынь. В Синане – это большой многолюдный город в уезде Саныпуй – я видел похоронную процессию, где служительницы несли на спинах множество облаченных в глубокий траур женщин. Носильщики быстро несли гроб по улицам города, и одной из рабынь с дородной дамой на спине стоило большого труда не отставать от них. Я заметил, что в Пекине, Тяньцзине и других северных городах, особенно в Маньчжурии, почти все мужчины и женщины ехали в крытых повозках или верхом. Самой длинной процессией колесных экипажей из тех, которые мне довелось видеть в Китае, да и вообще повсюду, был траурный кортеж в Пекине. Катафалк был очень большим, носиль-

щики были одеты в зеленое, с красными перьями на шапках. У каждого из участников был флажок, и виднелось много чиновничьих зонтов. Процессию возглавляли трубачи, игравшие крайне заунывные мелодии.

Их трубы были шире и длиннее, чем те, которые используют на юге Китая. По обе стороны паланкина с табличкой шли сыновья покойного. Вдова и дочери ехали в повозке непосредственно за гробом. В других частях империи ехать в повозке разрешается лишь тем, кто по рангу или по летам старше покойного. Всегда полагается спешиваться или выходить из повозки, как только показывается место захоронения, и далее идти пешком.

Я упомянул о фэн-лу-цзинь-инь, или человеке, который разбрасывает бумажные деньги. В некоторых частях страны существует обычай нести в похоронной процессии изображение Кай-Лу-Шэня, чтобы умиротворить или отогнать злых духов. Он был выдающимся государственным деятелем в царствование одного из императоров династии Чжоу. Последний нередко выезжал в инспекционные поездки по северным провинциям вместе с императрицей. Во время одной из них императрица умерла. Когда попытались увезти гроб с ее останками, обнаружилось, что он стал тяжелым и неподъемным. Тогда император поручил гроб Кай-Лу-Шэню, и гроб сразу удалось сдвинуть с места. Это приписали благотворному влиянию Кай-Лу-Шэня, добродетелям которого не смогли противостоять даже злые духи.

В некоторых частях империи полагают, что злых духов можно рассеять, если пронести во главе процессии человека, наряженного мстителем. На его лице – маска, изображающая гнев; если хоронят лицо, носившее первый, второй или третий ранг, на маске три глаза, один из которых находится в центре лба, а если рангом ниже, то два. Когда процессия прибывает на место, заклинатель злых духов ударяет копьем в каждый угол могилы.

Богатые семьи устанавливают над могилой навес из циновки, у которого на козлах ставится гроб. Если среди присутствующих есть женщины, они становятся на колени, чтобы совершить коутоу, по правую сторону могилы, а мужчины – по левую. Все громко причитают, и в это время гроб спускают вниз на веревках, которые не убирают, пока геомант с помощью компаса не убедится в том, что гроб опущен в могилу верно; при этом величайшее внимание он уделяет тому, чтобы гроб поместили аккуратно в сделанное по его указаниям углубление. Затем этот мастер или даже в данном случае жрец обращается к душе умершего, призывая ее оставаться с телом. В это время все присутствующие стоят на коленях. Заканчивая свою речь, жрец или геомант сжигает бумажные деньги, повозки, а также бумажные фигурки слуг и служанок, принося их в жертву душе, – все это должно оказаться к ее услугам в загробном мире. Герметически закрытый горшок с рисом, сваренным в тот день, когда тело положили в гроб, опускают в могилу, чтобы им могла питаться душа. Кроме того, гроб осыпают несваренным рисом, а на землю выливают в качестве возлияния чай. Иногда в могилу кладут пять изображений коров, сделанных из древесных веток, чтобы предотвратить дурные веяния с севера, юга, востока, запада и из центра земли. Могильщики начинают сбрасывать землю в могилу. В этот момент жрец или геомант поднимает петуха, которого несли в процессии, и трижды наклоняется вперед, стоя в ногах могилы. Птицу по очереди передают каждому из скорбящих родственников, и церемония каждый раз повторяется. Ткань души передают священному огню. Затем ближайший родственник достает из паланкина табличку с именем умершего, чтобы самый большой друг семьи сделал на ней кистью отметку красной тушью. После этого он обращается с речью к сыновьям покойного, призывая их всегда жить так, как хотел того их отец, если бы по-прежнему оставался с ними. Они преклоняют колени. Иногда эта церемония проводится по возвращении в дом покойного, когда сыновья снимают свои холщовые одежды и переодеваются в платье из черного сукна. Мне кажется, что красную отметку на табличке делают, чтобы сыновьям сопутствовала удача, что имеет непосредственное отношение к таким благам, как многочисленность потомков и богатство.

Когда на табличку нанесен красный значок, ей кланяются все присутствующие: сыновья ударяются лбами об пол трижды, а не такие близкие родственники – дважды. В бедных семьях за небольшую плату нанимают школьного учителя или человека с ученой степенью, чтобы он поставил отметку на табличку и произнес увещевание.

Похоронная процессия возвращается в дом почти в том же порядке, в котором она выходила оттуда. У дверей люди часто проходят очистительный обряд – переступают через сложенный из соломы костер. Войдя, они нередко омывают глаза и трижды сбрызгивают лица отваром листьев дерева помело. В этой очистительной жидкости растворен пепел бумаги, на которой даосский жрец начертал загадочные письмена. Затем табличку с именем умершего помещают в особую комнату, и она остается там в течение ста дней. А люди, собравшиеся на похороны, садятся за поминальную трапезу. В зале, где она проходит, на стене висит портрет умершего, а перед ним разложены разные яства. Этот обычай напоминает тоскар, или поминальный обед у абиссинцев. В некоторых частях империи существует обычай, согласно которому на третий день после похорон сыновья или ближайшие родственники покойного посещают могилу, кланяются ей и трижды обходят кругом. Мне доводилось видеть эту церемонию на кладбищах в уезде Сяншань; она называется юань-ша, или присмотр за могилой.

На сотый день траура снова требуются услуги Нань-мо-лао, табличку умершего забирают из особой комнаты и ставят на алтарь предков, где она и остается насовсем. При этом Нань-мо-лао обращается к душе покойного с такими словами: «Тело, в котором вы обитали, мертво уже сотню дней, и сейчас самое время вам вместе с табличкой занять место на алтаре предков». Все родственники кланяются табличке умершего. В конце этой церемонии дальние родственники снимают траурные одежды и бросают в огонь, специально разведенный для их сожжения. В этот день сыновья бреют голову, завязывают косички не белой, как раньше, а синей ниткой и меняют башмаки с белых на синие. По этому поводу для родственников и близких друзей семьи устраивают угощение, во время которого подают, в частности, сваренные вкрутую утиные яйца. Конечно, перед табличкой тоже ставятся жертвенные кушанья, и все осиротевшие родственники совершают перед ней коутоу. Эти обряды называются сан. Во вторую годовщину смерти снова кланяются табличке умершего вместе с другими табличками предков семьи. В священный огонь бросают бумажную одежду, бумажные деньги и сундуки, бумажные же паланкины и фигурки слуг и служанок; предполагается, что все это попадет к предкам. Приглашают буддийских или даосских монахов, чтобы они отслужили молебен за упокой души умершего. Обряды, совершающиеся на вторую годовщину, называют да-сан.

В конце первого месяца третьего года члены семьи перестают пользоваться белыми траурными визитными карточками и переходят на красные. На них пишется иероглиф «Дань», что означает «печаль не так горька, как раньше».

В конце седьмого месяца третьего года траур заканчивается. По этому поводу устраивают пир, на который приглашают всех родственников и друзей семьи. Эта церемония называется цюй-фу, или снятие траура. В 1871 году я присутствовал на таком банкете. Он был устроен в резиденции мандарина по имени Хуан Синли на улице Цзися в Гуанчжоу, в старом городе. Банкет был весьма внушительный, и в нем принимали участие все родственники и друзья семьи. У древних персов также существовал обычай, согласно которому траур по отцу или матери продолжался три года, и по завершении дней траура члены семьи устраивали пир. По всей вероятности, пир, который устроил персидский царь Артаксеркс для великих мужей страны в конце третьего года своего правления (Есф., 1: 3), знаменовал окончание траура по отцу. Хотя в Китае срок траура по родителям составляет два года и семь месяцев (в речи этот срок округляется до трех лет), дети усопшего и их жены с детьми отмечают также каждую годовщину смерти, отправляясь в буддийский монастырь и устраивая там

жертвенник с временной именной табличкой. В то же время монахам оплачивают заупокойную службу. При этом члены семьи не надевают траур; напротив, они облачаются в дорогие наряды. Нередко мне приходилось быть свидетелем таких церемоний в больших монастырях Кантона (чаще всего – в так называемом монастыре Цветущего леса). Любого гражданский или военный чиновник в годовщину смерти родителей волен не выходить на службу. Кроме того, годовщина смерти императора является выходным для всех чиновников страны. Эти дни называются суй-шоу, или Продление долголетия, и те, кто их отмечает, должен в эти дни поститься.

Я уже писал, что могилы китайской знати замечательны размерами участков, на которых находятся. Они бывают от девяноста до девяти ярдов в радиусе. Участок размеров девяносто ярдов в радиусе полагается умершему чиновнику первого ранга, а девяти – человеку, чей ранг ниже седьмого. Все такие могилы могут быть обнесены оградой, и, если покойный носил титул герцога, маркиза или графа, он имеет право на две сторожевых башни по углам стены. У могилы любого чиновника, принадлежавшего к первым пяти рангам, можно поставить одну, а чиновникам четырех остальных рангов башен не полагается, зато их родственники имеют право нанять двух сторожей, которые охраняют могилу ночью. К кладбищам, где покоятся чиновники, прикреплены земли или дома, арендная плата с которых идет на содержание могил в порядке и на жалованье сторожам. К гробницам знати и чиновников первого и второго ранга иногда ведет извилистая мощенная камнем дорога, по краям которой стоят скульптуры^{85}, нередко больше натуральной величины. Две статуи изображают сановников; две – воинов в доспехах; остальные представляют собой парные изображения лошадей, верблюдов, овец и тигров. В начале дорожки возвышаются две каменные колонны. У гробницы чиновника третьего ранга полагается ставить парные статуи лошадей, тигров и баранов, четвертого – лошадей и тигров, пятого – лошадей и баранов. Статуи делаются из гранита, вход отмечен двумя колоннами. Считается, что каменные тигры предотвращают приход дикого животного, которого китайцы называют мэн-цан; говорят, что оно поедает мозг трупов. Бараны, верблюды и лошади, может быть, имеют отношение к основному занятию монголов – пастушеству. В северных и центральных провинциях вокруг могил сажают пихты и кипарисы, чтобы не подпустить туда мэн-цана. Эпитафия на могильном камне включает имя умершего, указание, к какому поколению он принадлежал, даты рождения и смерти, титулы, имена сыновей и внуков, название деревни, в которой он жил; иногда перечисляются его добродетели. Плита перед могилой герцога, маркиза или графа должна быть девяносто китайских дюймов в высоту и тридцать шесть – в ширину. Непосредственно над надписью помещают изображение головы рептилии под названием ли шириной тридцать два дюйма. Плита стоит вертикально и покоится на каменной черепахе шириной тридцать восемь дюймов. Надгробная плита чиновника первого ранга на пять дюймов ниже и на два уже, чем у аристократа. Изображение ли тоже делается на два дюйма уже. Размер надгробных плит на могилах чиновников каждого следующего ранга уменьшается соответственно. На камне, помещенном на могиле чиновника второго ранга, вырезают изображение ци-линя – сказочного животного, которое, по преданию, показывается при рождении мудреца. На надгробном камне чиновника третьего ранга находится изображение животного бэй-цай. На надгробиях чиновников низших рангов изображают древний китайский иероглиф круглой формы. Позади надгробной плиты ставят другой камень с титулами и именами усопшего и его предков. Надпись на нем сообщает также, каким по счету сыном он был и насколько пережил отца. Такие могилы есть в некоторых деревнях у подножия гор Белых Облаков рядом с Кантоном и в Наньтяне – деревне неподалеку от реки Хуанпу. Когда я посетил Нань-тянь, моих слуг предупредили, чтобы они не трогали каменные скульптуры на дорожке, и сообщили, что были случаи, когда из-за этого серьезно заболевали. Одна из самых интересных могил такого рода находится неподалеку от восточных ворот Кантона. В

ней покоятся останки известного маньчжурского министра, умершего в Кантоне. Она была устроена в 1644 году по повелению императора Шуньчжи. В номере *Friend of China* от 24 августа 1861 года был напечатан перевод надписи на тамошней надгробной плите. Здесь я привожу выдержки из него:

«Император Шуньчжи, получив повеление Небес, говорит: «Слава царства в том, чтобы преумножать благосостояние и награждать достойных. Из всех достойных особо следует лелеять и возвышать тех, кто помогал создать царство, потому что, видя это и ожидая поощрения, другие также будут склонны действовать на благо правительства. Так делали и в древности, и в современности. И это справедливо...» Далее, упомянув о том, как покойный служил государству, император продолжает: «Ты, Пань Чжифу, был руками и ногами императора. Был ты полезен до крайности и верен днем и ночью. А ты, жена Пань Чжифу, умело управляя семьей, тоже была весьма хорошей помощницей мужу. Император объявляет свою волю, это касается и тебя. Когда Пань Чжифу был генерал-майором, ты так ему помогала, что превзошла любых других женщин, и поэтому ты будешь вознаграждена по заслугам. Я жалую тебе первый ранг, памятуя о твоих усилиях и помощи, оказанной тобой мужу. Я жалую эту несравненную награду также из-за твоего целомудрия и послушания. Хоть ты и мертва, твой дух сознает, какой чести тебя удостоили, и ты не забудешь сей великой награды». Надпись заканчивается таким обращением к покойному министру: «Твой нрав поистине был благородным, а сердце – верным. На службе ты был почтительным и исполнительным. Внезапно ты умер. Увы, это горько опечалило меня, и я разрешаю воздавать твоей душе больше почета, чем это делается обычно. Твоя душа не лишена сознания, так пусть она в полной мере насладится этим. За воротами велико лишь твое имя. Ты храбро сражался. Многие годы ты охранял границу. Но вдруг случилось так, что твоему телу пришлось покоиться в воде и в глине. Я приношу тебе жертвы, чтобы показать, что оплакиваю твою смерть. Процветай, и пусть к нам вернутся твои сыновья».

Что касается связи с историческим прошлым, самая интересная из посещенных мной таких могил была расположена рядом с Ханчжоу. В ней покоятся останки некоего Юэ Пэнцзюя (Юэ Фэя), генерала, жившего в правление Хуэй-цзуна – императора династии Великая Сун. Оказывается, Хуэй-цзун был взят в плен во время сражения с вторгшейся в пределы его царства армией государя соседней страны, и императрица предложила большую награду любому из офицеров его армии, который смог бы нанести поражение врагу и вернуть трон ее мужу. За это взялся отличившийся в боях воин Юэ Пэнцзюй. Но первому министру пленного государя совершенно не хотелось, чтобы предприятие генерала увенчалось успехом. Он стремился к тому, чтобы император умер, и тогда можно было бы занять трон. Его жена, как вторая Иезавель, поощряла замыслы мужа и задумала добиться казни Юэ Пэнцзюя по ложному обвинению. В соответствии с ее планом первый министр, которого звали Цинь Гуй, доложил царице, что генералу не только безразлично спасение государя – он еще и всячески угнетает солдат, находящихся под его началом. Так, он дает им мало еды или вовсе не кормит, задерживает жалованье и к тому же не ведет на врага, который постоянно смеется над его очевидным слабоумием. Услышав доклад министра, императрица решилась казнить Юэ Пэнцзюя. Генерал был отозван, и Цинь Гуй, боясь его разговора с императрицей, тайно велел обезглавить его. Это было сделано не властью ее величества, но от ее имени, и приказ был выполнен, когда генерал прибыл в Ханчжоу. Старейшины города заподозрили неладное и подали императрице доклад, в котором изложили свои соображения. Провели расследование; когда была доказана вина первого министра, его жены и еще двух человек, их бросили в темницу, где Цинь Гуй через два месяца заболел и умер. Затем войско отдало под начало двух сыновей Юэ Пэнцзюя, которые оказались такими же храбрыми, что и их несчастный отец, и вскоре разгромили врага и вернули на трон Хуэй-цзуна. Когда это случилось, жену Цинь Гуя подвергли смерти удушением, а два других узника – мужчины – были казнены

через медленную пытку. Жены, дети и другие близкие родственники этих двух заговорщиков были казнены, как и дети и ближайшие родственники жены Цинь Гуя. Юэ Пэнцзюю оказали посмертные почести: возвели гробницу, которую можно видеть и сейчас. Она имеет форму большого круглого кургана и построена из кирпича. Перед ней, рядом с каменным алтарем и надгробным камнем с надписью, стоят ворота с тремя арками. Статуи на аллее, ведущей к гробнице, изображают двух министров, четырех воинов, двух коней, двух баранов и двух цилиней^{86}, кроме того, четыре статуи коленопреклоненных людей, которые будто бы просят прощения, – это четверо убийц Юэ Пэнцзюя, со связанными за спиной руками, и именем преступника на каждой. Участок земли, на котором похоронен генерал, обнесен стеной. Верхняя часть ворот в этой стене очень красива. Перед ними находится небольшой пруд, обнесенный стеной; по ее верху идет каменная балюстрада. Через пруд перекинут изящный однопролетный мост. Рядом с прудом находится стена, в которой находятся четыре плиты, на каждой вырезан китайский иероглиф. Эти иероглифы («Чжэн» «Чжун» «Бао» «Го») означают верность трону. По преданию, мать Юэ Пэнцзюя сделала на его спине татуировку в виде этих иероглифов, когда он был ребенком. Могила оставалась в первозданном состоянии до конца XVIII столетия, когда потомок нечестивого первого министра, отлично выдержав экзамены в Пекине, подал императору Цяньлуну доклад с просьбой даровать ему в качестве особой чести разрешение убрать оттуда фигуры, напоминающие о бесчестии его предков. Император согласился, но люди были возмущены этой мерой, и тогда он велел поставить статуи на место. Они оставались целы, пока Ханчжоу не захватили повстанцы. Эти иконоборцы порядком покалечили статуи. Судья провинции реставрировал их, объявив памятником, который должен стоять вечно. Посетители обычно швыряют камни в железные статуи злодеев, из-за ложных обвинений которых казнили героя, или бьют их палками^{87}. Но это еще небольшое отступление от хорошего тона по сравнению с другим проявлением ненависти китайцев к такому преступлению. Рядом с гробницей построена кумирня, посвященная несчастному воину. Конечно, китайцы обожествили его, но мятежники разрушили ее. Впоследствии она была восстановлена за казенный счет.

В области Ханчжоу я видел несколько могил, над каждой из которых стояла каменная колонна, по форме напоминающая пагоду, а на берегах небольшого озера рядом с этим городом – увенчанную куполом открытую гробницу. В ней покоились останки некоего человека из семьи Су. На гранитных колоннах, поддерживавших разукрашенную крышу, были начертаны молитвы, в которых содержалась просьба ускорить путь блуждающей души в элизий. Во многих центральных провинциях, особенно в низинных местах, принято оставлять умерших в мавзолеях. Гробы не предают земле, а оставляют лежать на козлах или иногда на земле. Такие постройки бывают самыми разными: иногда напоминают обычные кирпичные сараи, какие в Англии, в низинах, ставят для скота. Я видел мавзолей в провинции Цзянсу, воздвигнутый в центре двора площадью семьдесят футов на тридцать. Он был построен из кирпича и состоял из трех больших помещений. Они возвышались над землей, и в каждый из них вела сводчатая дверь. Поскольку ранее замурованный кирпичами вход был взломан, я смог осмотреть эти помещения. В каждом из них стояли гробы на козлах. Очевидно, они были взломаны грабителями или мятежниками, которые надеялись найти в них дорогие украшения или одежду. Попадались мне могилы и в садах; как правило, они находились в уединенных местах под раскидистыми деревьями или на плантациях тутовых деревьев. Каждая такая могила выглядела как большая полукруглая насыпь. В южных провинциях империи могилы не огораживают сплошными стенами и не обсаживают деревьями. Они представляют собой пирамидальные каменные, смоляные или земляные насыпи, обнесенные стеной, в плане напоминающей греческую букву «омега». Перед могилой высокопоставленного чиновника ставят две гранитные колонны, увенчанные фигурами цилиней. Бывают и обычные надгробные плиты с надписями. Иногда перед могилой ставят высокие

красные флагштоки, и в особых случаях на них поднимают флажки с именами и титулами покойного.

В 1865 году я получил возможность посетить императорские гробницы рядом с Чанпином. В тюрьмах этого города во время последней войны были заключены английские офицеры и мистер Боулби, корреспондент «Тайме», после того как их взяли в плен, когда они шли под белым флагом как парламентарии. Там они и умерли от жестокого обращения. В большую долину, где находятся упомянутые императорские гробницы, путь ведет через большую мемориальную арку с тремя пролетами и затем через аллею, по обеим сторонам которой стоят колоссальные каменные фигуры. Они находятся на расстоянии нескольких ярдов друг от друга. Это четыре льва, четыре слона, четыре верблюда, четыре лошади, четыре воина и восемь министров. Они расположены попарно. Каждая могила представляет собой большую пирамидальную земляную насыпь высотой семьдесят футов, у подножия обнесенная стеной, напоминающей по форме греческую букву «омега». Насыпь засажена кипарисами. Перед гробницей находится просторный храм, над которым поднимается сводчатая крыша из желтой черепицы, опирающаяся на высокие красные колонны. В нише помещена табличка с именем умершего императора. Перед ней стоит жертвенник, на который в установленные периоды кладут обычные жертвоприношения. Гробница в Нанкине, где покоятся останки одного из императоров династии Мин, представляет собой точную копию описанных выше. Интерьер этих склепов выполнен с большим вкусом. В древности существовал обычай помещать внутри императорской гробницы статуи слуг и служанок. Конфуций осудил нелепость этой традиции, однако его слова были неверно истолкованы, и примерно с 500 года до н. э. и вплоть до времени правления императора Цяньлу-на, который отрекся от трона в 1795 году, в гробнице императора оставляли не статуи, а настоящих слуг – семейную пару. Несчастных было нетрудно уговорить стать спутниками усопшей особы царской фамилии, поскольку их семьям выделяли крупную сумму денег. Их основной обязанностью было возжигать благовония и днем и ночью держать зажженными свечи в изголовье и в ногах гроба.

В Чжифу в провинции Шаньдун я посетил кладбище, где был похоронен князь, родственник или нынешней, или предшествующей династии. Кладбище было обнесено четырьмя стенами. К гробнице вела кедровая аллея, вдоль которой стояли каменные фигуры. По обеим сторонам аллеи были расположены окруженные деревьями гробницы поменьше с останками потомков князя.

Среди старинных гробниц царей есть такие, которые, по преданию, относятся к совсем уж древним временам. Самой старой из них считается гробница Фу-си, правившего в 2852 году до Р. Х. Она расположена в уезде Хуайян в провинции Хэнань. Вторая по древности – гробница государя, которому, согласно китайской легенде, пришлось чинить небосвод. Она расположена в уезде Чжучжэн провинции Шань-си. Десять таких гробниц относятся к 3000 году до Р. Х. и семь – к 2000 году до Р. Х. Существует тридцать семь древних гробниц царей. В последней из них покоится император Сянь-цзун, правивший до 1488 года н. э. Большая часть из них находится в провинциях Шаньси и Хэнань, и чиновники уездов, в которых они расположены, поклоняются им во время равноденствий, когда наследник восходит на престол, когда император женится, а также в каждый десятый день рождения императора. В такие дни перед каждой гробницей приносят в жертву овцу и свинью. Исключение – мавзолей императоров династии Цзинь, там приносят в жертву быка.

В этой главе я упоминал, что геоманты выбирают подходящие места для погребений. Если геоманту это не удастся до назначенного дня похорон, родственники обычно со всей подобающей пышностью переносят покойного в общественное здание, которое называется гуан-цай-чжун. Это сооружение состоит из нескольких покоев, домов или флигелей, в каждом из которых ставят один или несколько гробов и ждут геоманта. В каждом поме-

щении находится жертвенник. На нем стоит табличка с именем умершего, а перед ней – курильницы, свечи и чашки с чаем. В Кантоне в гуан-цай-чжун нередко помещают останки чиновников, купцов или путешественников, прибывших из других частей империи и умерших во время пребывания в городе. Если бы их сразу похоронили в Кантоне, это лишило бы их поклонения семьи, которое считается необходимым для счастья отлетевшей души^{88}. Насколько мне известно, раньше, когда геоманту не удавалось вовремя найти удачное место, гроб с телом сжигали. Но в настоящее время их иногда оставляют в гуан-цай-чжун на тридцать, сорок или даже пятьдесят лет или из-за того, что не получается найти благоприятное место для захоронения, или из-за нехватки денег на похороны. В последнем случае иногда закладывают или продают дома и земли. Известно немало примеров, когда люди продавали себя в рабство, чтобы получить средства для достойных похорон отца или матери. Те, кто оставляет умерших родных в гуан-цай-чжун, вносят плату за вход, а также ежемесячную арендную плату, размер которой зависит от благосостояния или знатности семьи. Если никто из родственников, оставив тело, не навестит его ни разу за три года или в течение этого срока не будет уплачена аренда, тело хоронят по распоряжению и, кажется, за счет местного правительства. Рядом с северными воротами Кантона находится гуан-цай-чжун для уроженцев провинции Чжэцзян, умерших в этом городе. Рядом с северо-восточными воротами такое же учреждение, окруженное круглой стеной и снабженное раздвижными дверями, служит для временного упокоения жителей провинции Цзянси. В нем есть не только ряды отдельных отсеков с гробами, но и три больших общедоступных помещения, которые во время моего последнего посещения были переполнены гробами, ожидавшими вывоза. Но самым интересным для иностранцев сооружением такого рода является юн-чэн-сы, расположенный на расстоянии одной мили от восточных ворот Кантона. Как и другие подобные усыпальницы, оно устроено в виде небольшого города, и его называют «городом мертвых». Две его стороны защищены высокой стеной с амбразурами для ружейного огня. Эта предосторожность принята против грабителей, которые, как рассказывают, иногда клянутся выкрасть тело человека, завещавшего родственникам состояние, и держать у себя, пока им не уплатят выкуп. Когда родственники умершего подозревают возможность чего-либо подобного, они нанимают нескольких вооруженных людей для ночной охраны места. Существовал обычай, – может быть, он сохранился и доныне – держать в таких местах белого петуха на тот случай, если душам умерших вздумается побродить вокруг: по поверью, его крик призывает их обратно. Во дворе находится пруд, и вдоль его восточного берега тянутся деревья и кусты. Они служат убежищем для целой тысячи (так, по крайней мере, утверждают) «храмовых птиц» или цапель. Они считаются священными птицами Будды. При этом же «городе мертвых» находится сад с большим садовым домом. В этом коттедже обедают люди, пришедшие навестить умерших родственников, и я присутствовал на многих пикниках, которые в нем устраивали. В каждом «городе мертвых» постоянно находятся два или три буддийских священнослужителя, в чьи обязанности входит время от времени читать заупокойные молитвы. Будучи в городе Чжэньцзяне, я заметил, что за отсутствием гуан-цай-чжун гробы с мертвыми телами стояли в коридорах храма бога города – Чэн-хуана. Мне сказали, что это тела людей, приезжавших в Чжэньцзян по торговым делам.

Где нет таких учреждений, китайцы оставляют мертвых на склонах холмов, использующихся как кладбища, или неподалеку от них, или же на открытых равнинах, а иногда – по обочинам дорог. Однажды я шел пешком по дороге в окрестностях Аньцина и увидел на обочине несколько гробов. За одним из них – его размеры свидетельствовали о том, что покойный при жизни привык пользоваться самыми лучшими вещами, – прятались от холодного северного ветра три бедные женщины. Гробы оставляют также на берегах рек, заливов и каналов. Как-то я видел преобладающий гроб на берегу озера Поян. Чаще всего их оставляют открытыми, иногда накрывают циновками, листьями жести или травой, а иногда – камнями.

В Цзилуне на Формозе я видел такие, что запечатаны смолой. В Нанкине я видел множество выставленных наружу гробов, причем два или три лежали у западных городских ворот, где расположен большой рынок, на котором торгуют тростником. В У си Сянь я видел гроб, выставленный посередине рынка, где каждый день продавали лес. С точки зрения соотношения количества непогребенных гробов и размеров города в Учане на берегах Великого канала я видел их больше, чем где-либо в империи. Их было множество не только в самом городе, но и в уезде, столицей которого он является, поэтому я естественным образом предположил, что в этой части страны мало кого хоронят или никого не хоронят совсем. Не будет преувеличением сказать, что от города Учана до рыночного города Пин-хуан-чжэнь и на многие мили за их пределами берега Великого канала покрыты гробами. Такое нежелание хоронить мертвых, насколько я понял, объясняется тем, что земля в этом районе плоская, а равнины геоманты считают неблагоприятными для захоронений. Когда гробы ветшают и распадаются на куски, кости собирают, кладут в мешки и бросают в воду. В рыночном городе Гуань-инь-мэнь, расположенном недалеко от Нанкина, я видел гроб у дверей дома, в котором жила семья покойного. На малолюдных улицах в городах Цзюцзян и Чжэньцзян, в местечке Ханькоу я тоже видел гробы у дверей домов. Мне сообщили, что этот своеобразный обычай возник не столько из-за затруднений в выборе места для погребения или нехватки денег на похороны, сколько из-за нежелания разлучаться с мертвыми. Эта тенденция еще сильнее в Янчжоу, где купцы и другие жители иногда вообще оставляют гробы с умершими родственниками внутри жилищ. В таких случаях семья, садясь за стол, каждый раз ставит перед гробом порцию той еды, которую подают всем. В Кантоне мне известно только два или три подобных примера. Хорошо знакомый мне старый торговец шелком несколько лет держал в своем доме останки нежно любимой жены. Мой друг, господин Цай Юянь, который жил в Тай-ша-пу, некоторое время держал в доме останки своего отца. Семья по фамилии Хэ, с которой я был знаком, многие годы держала в доме останки отца. В последнем случае это оказалось преимуществом, когда хозяин дома захотел выселить их оттуда из-за неуплаты аренды: он не мог сделать этого, пока в доме находилось мертвое тело.

На многих кладбищах северных и центральных провинций выстроены хранилища для человеческих костей. Они попадались мне в Шанхае, в Нинбо, Нанькане, Дагу-тане и в Таньяне. Поскольку в них нередко хранят тела младенцев, их иногда называют «башнями малышей». Их делают из кирпичей, скрепленных известковым раствором. Эти постройки выглядят по-разному. Некоторые походят на обычные башни, а некоторые имеют форму пагод. Здания в Дагу-тане, Цзяньпу и Таньяне напомнили мне о сделанном Сэнди описании Акелдамы (Земли Крови), в окрестностях Иерусалима: «На южной стороне этой долины, неподалеку от того места, где она сливается с долиной Иосафата, довольно высоко на горном склоне находится Акелдама, или Поле Крови, купленное для похорон чужеземцев на возвращенную плату за предательство. В середине его большая квадратная площадка, сделанная матерью Константина; южная сторона граничит со стеной, которую образует скала, плоская сверху и равная по высоте верхнему ярусу, на котором возвышаются небольшие купола, посередине открытые. В эти отверстия спускали мертвые тела. Через них можно видеть усеянное костями дно и недавно опущенные туда трупы».

В Цзилуне, Даньсуе и других портах на побережье Формозы хранилища костей всегда делаются в виде квадратной хижины или сарая, открытого с одной стороны. В таком оссуарии^{89} в Цзилуне я видел не меньше сотни человеческих черепов. В Кантоне трупы младенцев обычно заворачивают в циновку или в кусок ткани и бросают на склонах холма, чаще всего — на холме рядом с восточными городскими воротами; здесь находится кладбище, на которое, в частности, относят преступников, поэтому это место называют холмом костей десяти тысяч человек. Там трупы младенцев поедают собаки. Иногда их бросают в воду. Тем не менее на большом кладбище в Бэйцуне рядом с Кантоном я видел участок

земли, купленной для захоронения младенцев богатой семьей по фамилии Е. Что касается кантонских кладбищ, у местных джентри существует обыкновение нанимать людей, чтобы они приносили туда разбросанные человеческие кости для последующего захоронения. Над каждым участком, где погребены кости, как правило, устраивают низкий конический курган из асфальта, перед которым ставят небольшую плиту с записью о том, сколько останков там покоится.



Поклонение могилам предков

Весной, и особенно в третий месяц каждого года, в китайских семьях мужчины посещают семейные могилы, чтобы поклониться предкам. Они приносят в жертву вареную свинину, кур, уток, гусей и чай, а также сжигают бумажные одежды, деньги, фигурки слуг и служанок. Все эти жертвоприношения, насколько я понимаю, регулируются законом, изданным в первый год правления императора Юнчжэна (1723).

По-видимому, характерный обычай принесения пищи в жертву мертвым существовал у всех языческих народов с древнейших времен; и мы читали о детях Израиля, увлеченных таким примером: «Они прилепились к Ваалфегору и ели жертвы бездушным» (Пс, 105: 28). Томас Фуллер, английский историк, в книге «Священное государство», опубликованной в 1663 году, сообщает: «В Африке существовал обычай приносить бобы, хлеб и вина к памятникам умерших святых, в выполнении которого Моника (мать святого Августина) была не менее усердна, чем другие. Но когда ей объяснили, что ритуал этот языческого происхождения и религия не так бедна, чтобы заимствовать обряды у идолопоклонства, она сразу перестала совершать эту церемонию; как до тех пор она делала это из благочестия, так теперь из благочестия от этого отказалась». Далее автор замечает: «В наши дни так много людей, для которых лучший аргумент – практика; и они не посчитались бы с человеком, останавливающим их и убеждающим отказаться от укоренившегося древнего обычая».

В честь умерших китайцы также совершают возлияния. Церемония завершается залпом фейерверков. Поклонение умершим родственникам совершается не только на семейных могилах. Целые кланы приходят на могилы своих основателей. Прибыв к могиле праотца, они кладут перед ней знаки отличия того ранга, к которому усопший принадлежал. Поклонившись в первую очередь духам горы, они молятся душам предков. В это время музыканты разнообразят происходящее, наигрывая на пронзительных свирелях разные китайские мелодии. После моления иногда устраивают трапезу прямо на земле, причем присутствующие разбиваются на десятки групп. Иногда обедать возвращаются в клановый храм предков. На обеде, который называется би-му (окончание моления), подают три блюда: первое состоит из пирожков со свининой, капусты и крабов; второе – это жареный гусь, фаршированный

какао, а третье – запеченный рис. Те же блюда приносят в жертву предкам. Перед табличками предков сжигают большое количество жертвенных денег. Все оплачивается из доходов с земель, прикрепленных к храмам предков.

Для китайцев ремонт и украшение могил предков – в высшей степени благочестивое поведение. Они украшают могилы орнаментами из белой и красной бумаги, так как цветы на них возлагать не разрешается. Это позволено только членам семьи императора, которые, как правило, используют искусственные цветы. Их делают в Китае, и особенно часто в Амое, весьма аккуратно и умело. У иудеев, как мы узнаем из двадцать третьей главы Евангелия от Матфея, существовал обычай украшать могилы в окрестностях Иерусалима. Интересно, что они занимались этим во время возвращения весны, незадолго до Пасхи.

На девятый день девятого месяца китайцы снова идут на холмы поклониться могилам предков. Но в это время обычай соблюдается не так неукоснительно, как в третьем месяце. Очевидно, поклонение могилам в определенные дни в году вменяется в обязанность людям всех общественных слоев. Чтобы у семей, которые не в состоянии по бедности поставить надгробные плиты для умерших родственников и могут не помнить из-за этого точного места захоронения, не было предлога проигнорировать такую важную дату, на территории каждого кладбища ставят большую каменную плиту с надписью: «У-му-цзин-цы». Перед ней совершают поклонение те, кто не в состоянии найти могилы своих отцов^{90}. Китайцы возносят предкам те молитвы, которые христиане обращают к благому Богу. Они просят даровать им стойкость перед мирскими искушениями и подготовить их к вечной славе. Грустно думать, что китайцы так ослеплены царем мира сего. Они полагают, будто творение в состоянии дать им то, что на самом деле может исходить лишь от самого Творца. У китайцев принято при любых затруднениях отправляться к могилам и советоваться с духами предков.

В течение всего третьего месяца и на девятый день девятого месяца поклонение духам на могилах совершают только мужчины. Однако на протяжении нескольких недель, следующих после похорон, могилу посещают и женщины, чтобы поклониться умершему и поплакать по нему^{91}. Несколько раз я видел вдов, рыдавших на могилах мужей. Часто они рассказывали умершим о своих бедах и просили утешения. Плач женщин на могилах умерших родственников – обычай, который распространен не только в Китае. В Палестине ежедневно можно видеть группы женщин, кладущих цветы на могилы и в сердечной скорби льющих непритворные слезы. Когда Мария бросилась навстречу Спасителю, о чем приходе ей тайно сообщили, собравшиеся друзья естественно заключили, «что она пошла на гроб – плакать там».

Все китайские погребения находятся вне городских стен; в городской черте хоронить людей не разрешается. Однако есть и явные исключения из этого правила: мне попадались могилы в пределах городских стен Нинбо и Нанкина. Обычай хоронить мертвых за пределами городов, введенный и в Великобритании, по всей видимости, всегда соблюдали жители всех древних государств. Афиняне хоронили в Керамике; римляне – в полях и садах рядом с Аппиевой, Фламиниевой и Латинской дорогами и другими магистралями, а также на специально отведенных участках без ворот. «Прах лежит под дорогами Фламиния и Латина»^{92}.

Китайцам не разрешается вносить трупы в ворота укрепленных городов. Если человек, живший в пределах городских стен, умрет вне города, его родственники не могут пронести тело в город, даже положив его в гроб. Если речь идет о человеке, отличившемся на гражданском или военном поприще и скончавшемся во время выполнения служебных обязанностей, иногда сам император издает особый указ, согласно которому тело умершего следует пронести по главным улицам города – административного центра его родного уезда, области или провинции.

Траурная процессия входит в город через восточные ворота и выходит через западные. В 1859 году я видел, как несли через город тело известного гражданского чиновника по имени Лян Дунсань, уроженца западного пригорода Кантона, умершего при исполнении служебных обязанностей. Когда процессия прибыла к восточным воротам, к ней присоединились все чиновники города, гражданские и военные, сопровождавшие ее до западного предместья. В 1868 году я был свидетелем такой же церемонии. В тот раз хоронили знатного мандарина по имени Ло Бин-чжан, уроженца Фошаня в провинции Гуандун. Он долгие годы был губернатором обширной и богатой провинции Сычуань, где неоднократно проявлял как свои человеческие достоинства, так и талант политического деятеля. Он умер там, где служил, и его останки перенесли в траурном погребальном шествии через город Кантон, столицу его родной провинции. Толпы свидетелей были настроены весьма торжественно. Это свидетельствовало о том, что они считали оказанные покойному почести величайшими из возможных. Подобное существует и в отношении всех чиновников, умерших во время несения действительной военной службы в Пекине; их тела перевозят на родину за счет императорского правительства. Это распространяется и на жену чиновника, если она сопровождала мужа в Пекин и умерла там.

Китайцы не вносят в дома тела умерших родственников. Если человек умирает вне дома, его останки помещают в гроб и сразу же относят к могиле или в гуан-цай-чжун, чему я не раз был свидетелем. Самый печальный из этих случаев произошел в Кантоне в 1870 году. За иностранным поселением возник пожар, и на месте быстро оказалось несколько местных пожарных бригад. Одна из них заняла позицию на мосту через ручей, текший вокруг горящего квартала. Деревянные брусья старого моста внезапно подломились, и не менее ста человек упали в воду. Семнадцать утонули. На следующее утро тела, извлеченные из воды, обрядили в погребальные одежды и положили в гробы; скорбящие родственники сразу же повезли их к месту последнего упокоения.

Общественные кладбища в Китае бывают очень большими. Нередко каждой семье принадлежит участок кладбищенской земли, где покоятся останки предков. Но случается и так, что китайская семья хоронит своих мертвых на разных кладбищах. Этот обычай существует в некоторых частях страны начиная со времен правления династии Цинь (249 года до Р. Х.) и объясняется тем, что часто геоманты рекомендуют хоронить на новом месте, утверждая, что обнаружили участок, более благоприятный для погребения умершего по сравнению с фамильным.

На юге Китая останки мужа и жены хоронят в одной могиле, если муж умирает первым. Если же первой умирает жена, останки мужа не помещают рядом с ней, поскольку считается, что это может привести к последствиям в высшей степени неблагоприятным.

Большая часть китайских кладбищ выглядят весьма заброшенными, особенно в Южном Китае. Многие могилы полуразрушены, хотя закон обязывает содержать могилы предков в отменном порядке. Для китайского законодательства они настолько священны, что их осквернение считается ужасающим преступлением. Если человек будет застигнут за вскрытием могилы, когда снимает крышку с гроба, то подлежит наказанию – сто ударов палкой. Если же он извлек оттуда тело, ничто не спасет преступника от смерти через удушение. Человек, вскрывший могилу, почти разрушенную в результате воздействия природных факторов или времени, подлежит девяноста ударам палками и ссылке на два с половиной года. Однако если он убрал оттуда останки, его также приговорят к смерти через удушение. Наказание людям, крадущим кирпичи или камни, из которых сложена гробница, определяется в зависимости от стоимости похищенного. Действительно, иногда китайские гробокопатели нарушают покой мертвецов; это явствует из указа, изданного главным судьей провинции Гуандун в июне 1871 года. Он получил сведения о том, что гробокопатели, в просторечии называемые горными псами, в последнее время вырыли несколько трупов и

перепродали опустевшие могилы. В связи с этим судья предлагал щедрое вознаграждение тем, кто сможет задержать этих святотатцев и заставить их предстать перед судом. Он предупреждал гробокопателей о том, что, буде кого-нибудь из них застигнут при похищении тела или вскрытии могилы с этой целью, они будут обезглавлены или задушены, а продажа надгробий с заброшенных могил будет караться суровым тюремным заключением. Любого, кто повредит гроб, охотясь за крысами, лисами или дикими кошками, устроившими себе нору в могиле (такое времяпрепровождение – не редкость для населения Северного Китая), ожидают восемьдесят ударов палками и двухлетняя ссылка. Если для того, чтобы выкурить лис или диких кошек из нор, будет зажжен огонь, который уничтожит мертвое тело, охотник будет наказан сотней ударов и сослан на три года. Если крестьянин сровняет с землей могилу на участке, который он обрабатывает, его накажут сотней ударов и заставят восстановить могилу или могилы за свой счет. Если кто-либо возжаждет завладеть принадлежащей чужой семье могилой, поскольку она располагается на счастливом месте, и наймет гробокопателя, чтобы тот извлек из нее останки, его и гробокопателя казнят через удушение. Если человек, считая чужое погребение счастливым, втайне похоронит в нем своего отца, то получит сотню ударов. Кроме того, его отправят в пожизненную ссылку в местность, удаленную на три тысячи ли от его родины. Человека, втайне хоронящего члена своей семьи на участке, отведенном под частное кладбище другой семьи, где не было еще других захоронений, наказывают девяноста ударами и ссылают на два с половиной года. Людей, которые по бедности не в состоянии купить землю для захоронения родственника и погребают его на чужом участке, наказывают восьмьюдесятью ударами и заставляют убрать тело. Если покупатель земли для погребения обнаруживает, что на приобретенном им участке уже кто-то захоронен, он обязан тотчас доложить об этом правителю уезда, который расследует дело и отдает необходимые распоряжения о переносе мертвых тел. Если он сам решит перенести тело, то подлежит восьмидесяти ударам и ссылке на год. Засухи или другие бедствия китайцы часто приписывают козням бесов или злых духов, являющихся из одной или нескольких могил, поэтому люди иногда сговариваются разрушить какую-нибудь могилу. Закон очень суров к подобным преступлениям. Зачинщик подлежит удушению, двоих его главных помощников ссылают на всю жизнь, а остальных наказывают сотней ударов и трехлетней ссылкой. Сыну или внуку, племяннику или внучатому племяннику, застигнутому при вскрытии могил своих предков с целью кражи дорогих украшений, присуждают сотню палок и отправляют в пожизненную ссылку в местность, удаленную от его родины на три тысячи ли. Если он успел открыть гроб, его обезглавливают. И наконец, если сын или внук, племянник или внучатый племянник извлекает из земли тело своего родственника с целью перепродать участок, ему отрубят голову, а покупатель земли получит восемьдесят ударов и будет оштрафован на сумму, равную ее стоимости.

Есть обычай, согласно которому потомки осуществляют эксгумацию, если полагают, что родственники покоятся в несчастливых могилах. Если семье внезапно изменяет удача или начинаются болезни, нередко обращаются к геоманту, чтобы тот определил причину происходящего. Иногда тот обнаруживает, что предки семьи погребены в неблагоприятной местности. В таком случае их останки сразу же выкапывают, чтобы захоронить на участке, расположенном удачнее. Если могильщики найдут все части скелета, их щедро вознаграждают. Затем кости в порядке раскладывают на доске и промывают теплой водой, в которой для аромата предварительно кипятят листья кипариса, кедра или дерева помело. Затем на костях ставят отметки кистью, которую обмакнули в киноварь, и складывают их в урну, которую помещают в рекомендованную геомантом могилу. Иногда родственники уносят домой и ставят ее в особой комнате или в саду при доме, бывает, что временно оставляют на кладбище. Однажды, проходя через большое кладбище за северными воротами Кантона, я увидел нескольких людей, стоящих у могилы. Это были потомки некоего Лян Чунь-пина, умер-

шего много лет назад. Они пришли выкопать его останки, потому что полагали, что могила оказалась несчастливой. Неподалеку от нее в переносной печке горел огонь. На нем стояла кастрюля с водой, в которой варились листья кипариса. Я остался у могилы, желая увидеть обычные при эксгумации церемонии, и был немало удивлен аккуратностью, с которой могильщики раскладывали кости скелета. Так эти люди приобретают отличные знания об анатомии. Когда останкам поклонились все потомки Лян Чуньпина, могильщик тщательно обмыл кости. На каждой сделали красную отметку. Затем их поместили в урну и повезли к месту захоронения. Потомки покойного были в темных одеждах, и, когда они с прахом умершего направились к новой могиле, ближайший родственник нес в руке флажок – «ленту духа», – чтобы побудить душу, пребывавшую в останках, сопровождать их к новому месту упокоения. По традиции на протяжении трех месяцев после эксгумации члены семьи носят траур. Обычно ее проводят на третий месяц года, и на это не нужно разрешения центральных или местных органов управления. Но во время правления династии Мин для этого было необходимо позволение правителя области. Хотя в настоящее время эксгумация останков, погребенных в предположительно несчастливых могилах, повсеместно распространена в Китае, существуют причины считать эту практику противозаконной. Если я не ошибаюсь, существует закон, согласно которому любой геомант, убеждающий людей выкапывать из земли усопших родственников на том основании, что для их могил были выбраны несчастливые места, подлежит суровому наказанию, равно как и все его помощники. Насколько я знаю, этот закон был составлен на двенадцатом году правления императора Юнчжэна в 1735 году от Р. Х.

Глава 13

Самоубийства

Может быть, китайцы более чем жители любой другой страны мира склонны совершать самоубийства. Не то чтобы они сознательно считали, что человек вправе окончить земное существование, как только пожелает, – случаи, когда самоубийство полагают похвальным, это исключения, и в общем суицид осуждается. В буддийском аду самоубийцу ожидают страшные мучения; считается, что в прошлой своей жизни он непременно был большим грешником. Китаец не нашел бы ничего, противоречащего его представлениям, в строчках Вергилия:

Неподалеку от них пребывают невинные души
Тех злополучных, которые, жизненный свет ненавдя,
Дни прекратили свои и души низвергнули к аду.
Как бы желали они возвратиться к милому свету!
Как бы терпели безропотно прежние бедность и горе!
Рок не позволит; печальные воды болотной пучины
Девять раз обтекающий Стикс им путь преграждает ^{93}.

Несмотря на это, самоубийства, как я уже утверждал, у китайцев происходят чаще, чем у какого-либо другого народа. Это мнение подтверждает приведенный во «Вратах Тихого океана» капитана Бедфорда Пима рассказ о суицидальных склонностях китайских кули, работавших на строительстве Панамской железной дороги. Он пишет: «В эту местность съехало множество людей из Китая, Индии, Африки и представителей почти всех европейских народов, привлеченных высокой заработной платой, – и продолжает: – Несомненно, часть Истма, над которой проходит эта железная дорога, отличается нездоровым климатом. Но больше всего потерь было среди китайских рабочих. Это объяснялось тем, что они умирали не только из-за болезней: у этих своеобразных людей проявилось стремление к самоубийствам, и не раз по утрам обнаруживали по полдюжины тел, висящих на ветвях придорожных деревьев».

По большей части китайцы умирают от опиума ^{94}, вешаются или топят. Как и у нас, в Китае несчастные люди, виновные в грехе самоубийства, обычно решаются на это из-за последствий безнравственности или крайней нужды, или же в порыве ревности, гнева либо разочарования. Горло себе самоубийцы перерезают редко (или вовсе никогда), поскольку китайцы убеждены, что разрушение целостности тела увеличит муки души или уменьшит ее блаженство. Так как они верят и в то, что в загробном мире тень человека бывает облачена в те же одежды, что на нем были в момент смерти, как правило, решившиеся свести счеты с жизнью надевают свое лучшее платье. Они направляются к вершинам холмов или в другие уединенные места. Несколько раз мне приходилось видеть тела людей, принявших яд, лежа на склонах гор Белых Облаков. Очень часто самоубийства совершают обычно на оживленных дорогах, дождавшись ночи, когда они пустеют. Однажды я видел тело самоубийцы, свисавшее с балюстрады моста в западном предместье Кантона. А в Макао мне привелось увидеть тело, висевшее на простирателе над улицей суку дерева. По улице мимо него шло несколько человек, однако грустное зрелище, по всей видимости, не вызывало у них никаких чувств. Оно едва ли даже привлекло их внимание. Казалось, никому не было дела до того, останется ли тело висеть там или будет снято.

Женщины обыкновенно совершают самоубийства дома, но так бывает не всегда. Помню, как 8 февраля 1871 года две замужние женщины из семьи Тан сели на пароход, рассчитывая прыгнуть с борта в воду. Они были невестками и жили на улице Кунлань западного предместья Кантона. В отсутствие мужей они проиграли свои деньги и украшения. В сопровождении горничных они взошли на борт парохода «Цзиньшань» и, когда судно подошло к устью реки Чжуцзян, обнявшись, прыгнули за борт. Но к счастью, капитан Кэрри сразу же велел спустить шлюпку, и их спасли.

Азартные игры – непосредственно или опосредованно – нередко становятся причиной самоубийств замужних китайок. Так, в 1861 году в здании, прилегавшем к дому, где я тогда жил, произошел грустный случай. Пятая жена моего соседа, человека по фамилии У, навлекла на себя его неудовольствие, проиграв свои драгоценности. Грубое обращение, которое она из-за этого ежедневно была вынуждена выносить от мужа, оказалось для нее невыносимым, и она приняла большую дозу опиума. Вскоре это обнаружилось, и немедленно послали за доктором Додсом, врачом, практиковавшим в Хэнане. Я при этом присутствовал. Мне трудно забыть негодование, с которым я смотрел на то, как ее вынесли во флигель, чтобы она умерла там. Убрать ее из дома приказал сам У, в соответствии с бесчеловечным обычаем, не допускающим, чтобы младшая жена или наложница умирали в доме мужа. Как бы то ни было, под заботливым присмотром доктора несчастная была возвращена к жизни, и только затем, чтобы из-за нового всплеска жестокости мужа повторить свою попытку, на этот раз успешно. Она оборвала жизнь, полную несчастий, выносить которую у нее не хватило стойкости.

Кантон был свидетелем многих грустных последствий азартных игр, жертвами которых становились как виновные, так и невинные. Я не могу умолчать о прискорбном случае, произошедшем на улице Чжун-хан. Однажды утром соседи обнаружили там двух умирающих женщин. Доведенные до нищеты проигрышами мужей, они нарядились в лучшие платья, украсили волосы цветами и затем выпили приготовленный роковой напиток – сахарный сироп, смешанный с опиумом. По всей видимости, непосредственно перед этим они в последний раз совершили поклонение предкам, поскольку на жертвеннике дома, где они жили и умерли вместе, стояли обычные жертвоприношения и все еще горели свечи, когда соседи нашли их.

Возможно, типичным случаем самоубийства проигравшегося мужчины может послужить следующий пример (европейские центры азартных игр также могут поведать не одну такую историю). Некий молодой человек, весьма хорошо одетый, вошел в гостиницу «Дасин», поужинал, удалился отдыхать в номер, велел рано разбудить себя, и утром был найден мертвым. Хозяин гостиницы немедленно доложил об инциденте магистрату Наньхая. В результате расследования был вынесен вердикт, согласно которому покойный совершил самоубийство, приняв опиум. В кармане несчастного юноши обнаружили несколько закладных, по которым выяснили, что он принадлежал к семье Чэнь, но никаких других подробностей о нем узнать не удалось. Кое-кто предположил, что он приехал в Кантон принять участие в проводившихся тогда экзаменах на ученую степень; другие думали, что он был сборщиком арендной платы. Все сходились на том, что он был заядлым игроком, и к роковому поступку его привел проигрыш, а также стыд и страх перед встречей со знакомыми. Дознание откладывали из-за неявки магистрата, пока тело не начало разлагаться. Хозяину пришлось убрать его из гостиницы, для чего он нанял небольшую лодку. Там тело оставалось три дня; затем оно было перенесено на таможенный причал. Здесь, окруженный многочисленной свитой, мандарин провел дознание возле уже разложившейся массы.

По всей вероятности, самая распространенная причина самоубийств – ссоры. В 1862 году мы с приятелями шли по западному предместью Кантона, когда мое внимание привлекла взволнованная перебранка между старейшинами улицы и какими-то женщинами. Ста-

рейшины угрожали повести последних к магистрату. Я осведомился, в чем дело, и узнал, что бедная женщина, соседка этих мегер, повесилась из-за их постыдного обращения с нею. Они не только отказались заплатить ей деньги, которые задолжали, но и стали обижать ее. Выйдя из себя во время ссоры, жертва их жестокости решила покончить с собой и немедленно исполнила свое намерение. Старейшины удовлетворились тем, что сообщили виновницам: если они не возьмут на себя расходы по похоронам, их поведут к магистрату. По всей видимости, эти люди пришли к такому решению, основательно обдумав вопрос, каким образом можно избежать связанных с делом хлопот. В качестве другого примера самоубийства, причиной которого послужила ссора, я могу упомянуть происшествие, случившееся в 1853 году в Кантоне. Англичанину из-за такой ссоры вряд ли пришлось бы в голову наложить на себя руки. Садовник в старом саду фактории обвинил в убийстве канарейки Хэ Акоу, привратника консульской церкви в Кантоне. Хэ Акоу отрицал свою виновность и утверждал, что канарейку убила крыса. Безутешный садовник не принял его объяснений и повторил обвинение. Тогда Хэ Акоу, серьезно обиженный этим упреком, отправился на колокольню, от которой у него были ключи, и там отравился опиумом.

Нельзя утверждать, что глубокое переживание обиды, приведшее в описанных выше случаях к самоубийству, исключало мстительные чувства, но нередко они вполне отчетливы. Я приведу только один пример из *Pekin Gazette* от 19 июня 1872 года: «Семья из четырех человек, письменно изложив историю своих несчастий, бросилась в колодезь. Они рассчитывали, что за них отомстят родственнику, обманом забравшему себе часть их наследственного владения, а также притеснявшему их в других отношениях». Автор заметки добавляет: «Теперь, когда это дело стало таким образом достоянием гласности, их гонителю придется плохо. Но эта трагедия – страшная иллюстрация того, каким отталкивающим способом приходится вызывать к правосудию и как трудно слабым добиться его защиты от бесчестных сильных мира сего».

Как легко предположить, в стране, где широко распространена полигамия, часто происходят самоубийства из ревности. В 1863 году мое внимание привлекло происшествие в семье господина Хэ. По-видимому, первая жена ревновала ко второй, занявшей ее место в сердце мужа. Случилось так, что вторая жена заболела, и ее поместили в миссионерскую больницу в Кантоне, которой тогда, насколько мне известно, руководил отличный врач – доктор Керр. Хэ стал регулярно посещать больницу, к досаде первой жены, постоянно упрекавшей его и выискивавшей предлоги, чтобы воспрепятствовать этому. В конце концов однажды утром ему сообщили, что его вторая жена умирает. Он бросился к ее смертному ложу и успел лишь сказать ей последнее прощание. Заметив его отсутствие и узнав от слуг о причине, первая жена заперлась в своей комнате и в приступе ревности отравилась опиумом.

Часто самоубийства бывают результатом распущенности. Один такой печальный случай привлек к себе мое внимание в Кантоне. Однажды я увидел толпу, пытавшуюся вломиться в дом, где, как полагали, находились тела двух самоубийц. Я подождал, пока дверь взломали, и вошел. Пройдя через кухню, я оказался во внутренней комнате, где лежали два окоченевших мертвых тела. Это были мужчина и женщина; их косички были связаны вместе. Рядом находились два керамических сосуда с опиумом. История была очень простой. Старейшины деревни обнаружили беременность молодой незамужней женщины. Согласно обычаю, ей велели навсегда оставить свой дом и родную деревню. С небольшой суммой денег, полученной от старейшин, она прибыла в Кантон, где, конечно, ей оставалось лишь заняться проституцией. Ее соучастник последовал за ней и, кажется, убедил вместе совершить самоубийство. Затем они сняли тот самый дом, где их нашли, и приняли яд. Печально, что с женщинами настолько сурово поступают, изгоняют из дома, и им почти неизбежно приходится становиться проститутками. Но бывает, что бездетные мужчины покупают их, чтобы сделать вторыми или третьими женами. Некий уроженец Синьхуэя по имени Ли Сян-

пэн, который безрассудно лишил себя жизни после раскрытия совершенной им кражи, оставил следующее письмо: «Я не знал никакого ремесла, а дома мне жилось неуютно из-за раздражительного характера моего отца, поэтому я решил уйти оттуда. Моя бабушка дала мне рекомендательное письмо к человеку по имени Чжэн Чжунцзин, надеясь, что он найдет мне место в семье иностранного купца или дворянина, и обещала заплатить ему за помощь двадцать три доллара. Чжэн Чжунцзин устроил меня работать у иностранного дворянина. Я проработал там двадцать дней и был уволен за грубость. Так я оказался бродягой, и у меня поистине не осталось ни одного друга на свете. Через несколько дней после увольнения я зашел в дом моего бывшего хозяина во время его отсутствия, и слуги, мои бывшие товарищи, пригласили меня отужинать с ними. Я принял приглашение. Когда я поздним вечером ушел из этого дома, хватились некоторых вещей. Подозрение пало на меня, и я тут же был обвинен в краже, которую и вправду совершил я. Так, опозорив себя и окончательно лишившись друзей и знакомых, я решил заложить всю лишнюю одежду и т. п. и полученную сумму потратить на вкусный обед в одной из кантонских гостиниц, а после него в той же гостинице совершить самоубийство. Прошу не винить в моей смерти ни хозяина, ни слуг гостиницы, в которой найдут мое тело. Сообщите о моей смерти родителям и попросите их похоронить мои останки. Дано в 11-й месяц 10-го года правления императора Тунчжи».

Перед тем как закончить этот скорбный перечень китайских самоубийств, упомяну о том, что у меня в течение четырех лет верой и правдой служил человек по имени Лю Аньфу, которого я спас, когда он пытался утопиться в реке Чжуцзян. Когда его вытащили из воды, он, казалось, умирал, но за ним заботливо ухаживали, и вскоре он выздоровел. Он говорил, что отсутствие друзей и бедность отняли у него всякое желание жить. Когда он провел под моей крышей несколько дней, я оставил его в качестве домашнего слуги, заметив, что он человек надежный. Мне никогда не приходилось раскаться в этом.

Многие китайцы верят, что самоубийца прельщает золотым ожерельем злой дух, поэтому, если человек лишил себя жизни внутри дома, там должен провести специальную церемонию даосский священнослужитель, чтобы изгнать духов-соблазнителей. Жрец оживленно жестикулирует и совершает коутоу. После этого обитатели дома вручают ему черную собачку, мясницкий нож и колоду. Он отсекает одним ударом собачий хвост, и глава семьи ведет или скорее тащит за собой несчастное жалобно скулящее животное со шнурком на шее по всем углам и закоулкам дома. Потом собаку пинком вышвыривают на улицу через парадную дверь. По поверью, визжащая дворняжка, вся в крови, прогоняет злых духов и гонится за ними, пока они спасаются бегством по улицам. Очищая дом, жрец проходит по комнатам с медной кастрюлей, в которой пылает смесь серы, селитры и других горючих веществ. Перед ним идет человек с зажженным факелом. Время от времени жрец рассеивает по сторонам содержимое кастрюли. Этим завершается обряд изгнания духов и очищения, но во избежание их возвращения перед уходом даос оставляет хозяевам несколько волшебных свитков красной бумаги, которые следует наклеить над дверями в комнатах. Если покойный повесился, убирают злополучную балку, чтобы его дух не вернулся к ней. У китайцев есть и другое любопытное суеверие, согласно которому Бэй, или сила, благодаря которой человек может ходить, переходит в пол дома, когда он совершает самоубийство, и если ее не удалить оттуда, принимает вид уголька. Если она продолжает там оставаться, другим членам семьи или людям, которые поселятся в доме после них, захочется совершить самоубийство в той же комнате. В такой комнате выкапывают яму глубиной два-три фута, чтобы убрать оттуда Бэй.

Китайцы осуждают тех, кто покончил с собой из-за страха наказания за дурные поступки или в неистовстве страсти, но совсем по-другому относятся к тому, кто совершил такой же поступок, руководствуясь чувством чести. Подобные люди умирают смертью праведников и храбрецов, и для них широко открыты врата элизия – такие самоубийцы называются чжун-чэнь. Это все государственные служащие, не пережившие поражения в битве

или оскорбления, нанесенного повелителю их страны. Так, при захвате Хумэньских фортов британскими войсками в первой англо-китайской войне Гуань Тайбэй прославил свое имя и род, совершив самоубийство, а знаменитый Минчэнь, напротив, вызвал ненависть соотечественников, не последовав его высокому примеру при падении Кантона в 1857 году. Когда в 1860 году были захвачены форты Дагу, многие мандарины покончили с собой. В отчете о Пекинской конференции 1861 года, на которой присутствовал сэр Генри Парке, читаем: когда оказалось, что Китаю остается лишь подчиниться внешней силе, один из мандаринов специально покинул зал, чтобы совершить самоубийство, чем вызвал непредвиденный перерыв в ходе совещания. Иногда жены чиновников тоже кончают с собой. Так поступила жена магистрата Паньюя, не перенесла оскорбления, нанесенного августейшему императору Китая наступлением британских войск на Кантон. Когда ее муж вел свои отряды на врага (в чрезвычайных случаях гражданских магистратов призывают к выполнению военного долга), эта дама нарядилась в самое дорогое платье, подарила деньги каждой из служанок и, удалившись с свою комнату, повесилась. Кантонцы построили храм в ее честь на склонах холма Гуаньинь. Его императорское величество Тунчжи даровал этому храму название Чжучжан-сы. Другая разновидность почетных самоубийц – молодые люди, которые не в состоянии отомстить за оскорбление, нанесенное их родителям, и тогда предпочитают оборвать свою жизнь. Третья разновидность – цзе-фу, к ней принадлежат любящие жены, отказывающиеся жить после смерти мужей. Этот обычай живо напоминает индийское сати ^{95}. Он распространен по всему Китаю, но чаще всего, насколько мне известно, встречается на востоке, в провинции Фуц-зянь. В таких случаях вдовы надевают красные платья и вешаются – или у себя дома в присутствии родственников, или в открытом поле при стечении народа. Когда они восходят на возвышение, на котором собираются принести себя в жертву, народ выражает свое преклонение перед ними. После их смерти в храмах, посвященных добродетельным женщинам, помещают таблички с их именами. Такие храмы есть в каждом городе империи. В номере Hong-Kong Daily Press от 20 января 1861 года описывается добровольная смерть вдовы:

«Несколько дней тому назад я встретил китайскую процессию, шествовавшую через иностранное поселение. Это был эскорт молодой дамы в алом с золотом наряде, которая ехала в богато украшенных носилках. Оказалось, что шествие было устроено, чтобы пригласить зрителей на свое повешение. Она решила покончить с собой, потому что муж умер, оставив ее бездетной вдовой. Поскольку и она, и муж были сиротами, его смерть лишила женщину связи с самым дорогим на земле, и посредством своего поступка она надеялась обеспечить себе вечное счастье и встречу с мужем в будущей жизни. Воспользовавшись этим приглашением, в назначенный день я отправился к месту действия. Только мы прибыли, как показалась процессия. Она вышла из кумирни в своей родной деревне по направлению к эшафоту, воздвигнутому в поле неподалеку. Это возвышение окружали сотни людей обоего пола; множество женщин были одеты в самые яркие праздничные платья.

Я и мой друг заняли скамью, которая стояла в нескольких ярдах от виселицы, отсюда нам все было хорошо видно. Когда процессия достигла подножия эшафота, слуга помог женщине выйти из носилок. Она приветствовала собравшуюся толпу и вместе с несколькими родственницами отведала кушаний со стола, стоявшего на эшафоте, причем с видимым удовольствием. Затем на стол посадили маленького ребенка. Она приласкала его, сняла с себя ожерелье и надела на него, потом взяла нарядную корзинку с рисом, травами и цветами и, бросая все это в толпу, поблагодарила собравшихся и еще раз подтвердила причины, по которым собиралась расстаться с жизнью. Раздался орудийный залп, после которого она должна была оборвать свою жизнь, но произошла задержка из-за того, что было обнаружено отсутствие ее брата, не пожелавшего явиться вовремя. Тем временем я получил возможность описать смертоносное сооружение. Виселица была образована двумя брусками, поставлен-

ными вертикально по бокам эшафота; на них был укреплен прочный ствол бамбука, с середины которого свисала веревочная петля, обе части которой скрепляло деревянное колечко, покрытое красным шелковым носовым платком. Сверху был устроен навес.

Когда привели отсутствовавшего брата, вдова встала на стул, поставленный под петель. Затем она надела петлю на шею, проверяя, все ли в порядке. Вынув голову из петли, она помахала рукой на прощание восхищенным зрителям и в последний раз продела голову в петлю, набросив на голову красный платок. Пора было убирать опору, но тут несколько голосов из толпы напомнили ей, что она забыла опустить кольцо, которое должно было затянуть веревку вокруг шеи. Она улыбнулась, согласившись с этим, поправила кольцо и, когда опора была убрана, закачалась в воздухе. С необыкновенным самообладанием она сложила руки перед собой и продолжала делать приветственные жесты, пока ладони не разжались в конвульсиях – наступила смерть. Тело оставалось в воздухе около получаса. Затем его сняли слуги, один из которых тут же завладел веревкой и собирался отрезать себе кусок; началась борьба, во время которой я воспользовался удобным случаем, чтобы присоединиться к паланкину с телом. Теперь его несли обратно в кумирню, чтобы все могли воочию убедиться в ее кончине. В кумирне тело уложили на диван. С лица сняли носовой платок, обнаружив очевидные признаки смерти. Это третий случай подобного самоубийства за последние три недели. Власти не в состоянии предотвратить это. Каждый раз в память верной вдовы воздвигают монумент».

К этой же разновидности можно отнести молодых женщин, решившихся не жить без женихов, умерших до назначенного дня свадьбы. Обычно губернатор провинции докладывает императору о подобных примерах верности, в результате чего тот всегда дарует невестам посмертные почести. Так, в 1872 году губернатор провинции Аньхой доложил императору о замечательной добродетели семнадцатилетней девушки, совершившей самоубийство после смерти своего жениха. Издатель газеты *Shanghai Daily News*, комментируя это событие, пишет: «В *Pekin Gazette* в течение последних двенадцати месяцев было опубликовано несколько таких докладов, которые показывают своеобразную черту национального характера – позволение вознаграждать самоубийство». К этому же типу суицидальных актов относится самоубийство изнасилованных женщин, которые предпочли смерть позору.

У мужчин этому типу самоубийц соответствуют так называемые и-фу, или верные мужья, которые во время войн или восстаний кончают с собой, вслед за женами. В таких случаях отцы также иногда совершают самоубийства вместе с дочерьми. Когда наши, английские, войска захватили Амой, Нинбо и Чжэньцзян, многие дамы, очевидно решив, что наши солдаты станут вести себя так же, как жестокая китайская солдатня, совершили самоубийства в присутствии своих мужей, которые последовали примеру жен. Их тела находили в колодцах и прудах, которыми снабжен каждый китайский дом.

Таблички с именами почетных самоубийц помещают в храмах, воздвигнутых в честь добродетельных мужчин или добродетельных женщин. Кроме того, в городах и их окрестностях, а также в открытом поле воздвигают посвященные им памятные арки из гранита или кирпича, иногда украшая богатой резьбой. Некоторые арки в память о добродетельных женщинах очень впечатляющи, например в Чжэнь-цзяне на Янцзы, в Цзюлун-чжэнь неподалеку от Уси Сянь на берегах Великого канала и в Сучжоу.

В конце этой главы стоит упомянуть о следующем замечательном факте. В ранней христианской церкви совершенные при некоторых обстоятельствах самоубийства тоже считались похвальными. В книге мистера Леки «Нравы европейцев от Августа до Шарлеманя» мы находим интересные замечания на эту тему. Он пишет:

«Существовало два вида самоубийств, к которым ранняя церковь относилась терпимо или с колебаниями. Во время безумия, вызванного гонениями, и под влиянием веры в то, что мученичество мгновенно искупало все совершенные в течение жизни грехи и давало стра-

дальцу право на небесное блаженство, человек в порыве эмоций нередко бросался к языческим судьям, моля предать его мученической смерти или провоцируя их на такое решение. Некоторые церковные авторы писали о таких мучениках веры с восхищением, хотя в общем святоотеческие тексты и церковные соборы были склонны к осуждению подобных поступков.

Большая сложность состояла в оценке поступков христианок, совершивших самоубийство, чтобы защитить свое целомудрие, когда была угроза позорного намерения преследователей или – чаще – вождение императоров, или захватчиков-варваров. Канонизированная церковью горячо превозносимая святым Амвросием и святым Хризостомом святая Пелагия, девушка пятнадцати лет, захваченная солдатами, упросила их разрешить ей зайти в свою комнату переодеться, забралась на крышу дома, бросилась вниз и погибла. У некоей антиохийской христианки по имени Домнина были две дочери, известные своей красотой и благочестием. Их схватили во время гонений Диоклетиана. Опасаясь за свое целомудрие, три женщины решились на смелый поступок: они бросились в реку, встретившуюся им на пути, и утонули незапятнанными. Тиран Марцентий был очарован красотой христианки, жены префекта Рима. После тщетных попыток избежать его ухаживаний эта верная жена, когда ее вырвали из дома приспешники тирана, добилась разрешения на минуту уйти к себе в комнату, где она с истинно римским мужеством пронзила свое сердце кинжалом. Некоторых протестантских полемистов возмущало восхищение, с каким ранние церковные авторы повествовали об этих случаях; оно смущало и католических полемистов. Однако оно не требует защиты перед людьми, чье естественное чувство чести не было разрушено богословскими догмами».

Глава 14

Титулы и церемониальные визиты

В Китае существуют степени знатности, отличающиеся от наших лишь кое-какими частностями. Хотя здесь у меня нет возможности со всей тщательностью описать систему титулов Срединной империи, я коротко расскажу о титулах, которым можно подобрать английские эквиваленты. В Китае есть так называемые герцоги, маркизы, графы, бароны и баронеты. По-китайски эти слова звучат так: гун (герцог), хоу (маркиз), бо (граф), цзы (барон) и нань (баронет). Согласно «Словарю» Моррисона, они символизируют пять природных стихий: воду, огонь, дерево, металл и почву. Насколько я понимаю, носящие эти титулы аристократы стоят выше всех остальных подданных его императорского величества.

В каждом из перечисленных титулов насчитывается несколько классов – в зависимости от числа поколений, на протяжении которых он наследуется. Так, герцогский титул бывает трех ступеней: первая наследуется по мужской линии вплоть до двадцать шестого колена, вторая – до двадцать пятого, а третья – до двадцать четвертого. Однако есть герцогства, которые наследуются, пока не угаснет мужская линия рода. То же относится и к титулу маркиза. Есть четыре класса маркизатов, которые наследуются соответственно на протяжении двадцати трех, двадцати двух, двадцати одного и двадцати поколений. Некоторые маркизаты также наследуются, пока существует мужская линия. По тому же принципу графские титулы тоже делятся на четыре класса. Соответствующее им число поколений, на протяжении которых наследуется титул, – девятнадцать, восемнадцать, семнадцать и шестнадцать. Носители первой разновидности баронского титула наследуют его только на протяжении пятнадцати поколений. Остальные три – на протяжении четырнадцати, тринадцати и двенадцати поколений. Что касается баронетов, то длительность наследования четырех классов составляет соответственно одиннадцать, десять, девять и восемь колен. Конечно, особы, носящие титул первого класса, считаются более знатными, чем остальные носители того же титула.

Есть более низкие ступени знатности, например звания цзюй-ду-вэй и юнь-ци-вэй. Первое из них наследуется только в течение трех поколений, второе – в продолжение двух. Звание юнь-ци-вэй вообще наследует только сын. Очевидно, оно подобно званию рыцаря в Великобритании; обладание им приносит право на получение одного из высших титулов и причисление к знати.

Существует также звание эн-ци-вэй; его наследуют потомки герцогов, маркизов, графов, баронов и баронетов по истечении срока наследования отеческого титула. В Китае, как и в Великобритании, графов иногда возводят в достоинство маркизов, а маркизов – в достоинство герцогов. Обычно граф, которому пожаловали титул маркиза, с разрешения императора передает свое графское достоинство младшему брату. Все эти степени знатности возникли очень давно и в этой форме существовали в Китае еще в незапамятные времена, но в настоящее время они дают гораздо меньше власти и возможностей. Некогда их носители были князьями или могущественными феодальными вождями, каждый из которых управлял собственными владениями. Герцоги пользовались почти абсолютной властью над областью протяженностью в сто ли (тридцать миль). Владения маркизов были приблизительно такими же, а графам и баронам разрешалось иметь земли, протяженность которых не превышала семидесяти ли, или двадцати трех миль. Земли баронетов ограничивались пятьюдесятью ли (шестнадцатью милями).

Существует девять рангов, носители которых имеют право на получение титулов. Каждый разделяется на классы чжэн (основной) и цзун (побочный).

Среди гражданских (в широком смысле слова, то есть не военных) чиновников четыре кабинетных министра и члены большого императорского совета имеют первый ранг класса

чжэн, а главы шести министерств – первый ранг класса цзун. Генерал-губернаторы провинций носят второй ранг класса чжэн, а губернаторы и казначеи провинций – второй ранг класса цзун. Судьи, ведущие уголовные дела, носят третий ранг класса чжэн, а эмиссары по соляным перевозкам – третий класса цзун. Даотаи принадлежат к четвертому рангу класса чжэн, а правители областей – четвертому класса цзун. Помощники правителей областей относятся к пятому рангу класса чжэн, а председатель астрономической коллегии, врачи его императорского величества и помощники эмиссаров по соляным перевозкам – пятый класса цзун. Заместитель председателя астрономической коллегии, служащие в Пекине правители уездов и четверо уполномоченных по церковным делам имеют шестой ранг класса чжэн, а главный ученый, помощники казначеев и помощники судей – шестой класса цзун. В седьмом ранге класса чжэн находятся доктора права, правители уездов, церемониймейстеры и сюаи – бакалавры искусств; дворцовые писцы и писцы помощников правителей области – в седьмом ранге класса цзун. Ответственные за храмы Конфуция на его родине чиновники, врачи императорского семейства, управители соляных рынков, ответственные за все провинциальные, областные и уездные конфуцианские храмы чиновники и жрецы, возносящие молитвы Небу, Солнцу и Луне, носят восьмой ранг класса чжэн, чиновники, сличающие оттиски печатей в конторах провинциальных казначеев, – восьмой класса цзун. Переводчики с сиамского, японского и корейского языков принадлежат к девятому рангу класса чжэн, а полицейские комиссары и бригадиры разных занятых во дворце ремесленников – девятому классу цзун. Есть также звание вэй-жу-лю – «еще не облеченный рангом». Его носят привратники провинциальной казны, стражи столичных ворот и начальники таможенных филиалов, а также почтмейстеры. Военные чины также имеют девять рангов, каждый из которых делится на ранги чжэн и цзун. Первый ранг класса чжэн носят гвардейские генералы, а генералы маньчжурских или китайских армий и адмиралы – первый ранг класса цзун. Ко второму рангу класса чжэн принадлежат распорядители процессии, сопровождающей императора во время его выездов из дворца, генералы и вице-адмиралы; второй ранг класса цзун – полковники. Третий ранг класса чжэн имеют императорские телохранители (это всегда знатные и богатые люди), генерал императорской бригады мушкетеров и хранители императорских могил (все они военные); третий класса цзун – генералы и полковники, командующие телохранителями дяди и братьев императора. Четвертый ранг класса чжэн присваивают офицерам второго полка телохранителей, а четвертый класса цзун – офицерам пекинского гарнизона. Пятый ранг класса чжэн носят капитаны третьего полка телохранителей, а пятый класса цзун – капитаны войск, надзирающих за каналами. Шестой ранг класса чжэн у офицеров, командующих тремя сотнями человек, а шестой класса цзун – у офицеров, командующих тремя сотнями полицейских, поставленных надзирать за каналами. К седьмому рангу класса чжэн принадлежат солдаты, защищающие ворота Пекина, главный конюх императорских конюшен и сотники, к тому же рангу класса цзун – глава пастухов^{96}, ответственный за всех жертвенных животных. Восьмой ранг класса чжэн носят офицеры, под чьим началом находится двадцать или тридцать солдат, а восьмой класса цзун – носильщики императорского паланкина. И наконец, девятый ранг класса чжэн присваивают начальникам маленьких гарнизонов, а класса цзун – менее значительным военным служащим.

И военные, и гражданские чиновники второго ранга могут купить себе первый, однако при этом их возможности останутся теми же, которые есть у служащего второго ранга. Служащий каждого ранга получает определенный титул. Но титулы класса чжэн и цзун различаются, поэтому всего в системе военных и гражданских чинов получается тридцать шесть разных титулов. Перечислять их всех я здесь не стану. Если человек получает титул от самого императора, перед ним ставится слово «шоу». Отец сына, которому пожаловали титул, получает тот же титул, однако перед ним стоит слово «фэн», в знак того, что он обязан им славе сына. Если отец умер до этого, он получает титул посмертно. Но сын, когда говорит или

пишет об отце или же ставит надгробный камень, чтобы увековечить его память, должен помещать перед его титулом слово «цзэн» (оно обозначает «посмертно дарованный»). Прадедам и дедам, живым или мертвым, также даруется императорским указом титул, если их правнукам или внукам посчастливится добиться какого-нибудь из отличий Китайской империи.

Если титулованное лицо женится, его жене присваивают такой же титул. Но коль скоро эта женщина умрет, вторая жена его не получает, если только во время этого брака ее мужу не даруют более высокий титул. Третья жена не может получить титул даже при условии его наличия у мужа, но, конечно, получит, если таковой будет дарован ее детям. Титулованным вдовам ни в коем случае нельзя вступать во второй брак, а если они выходят замуж тайно, то лишаются прав на титул. Насколько мне известно, отцам мандаринов, получивших восьмой или девятый ранг, никаких титулов в соответствии с продвижением их сыновей по службе не дают. Если же император по случаю своего восшествия на престол, брака или празднования шестьдесят первого дня рождения устраивает повышение всем чиновникам, мандарины восьмого и девятого ранга передают эти почести родителям. В том случае, если у генерал-губернатора отец – начальник области, он обычно передает ему право на повышение, пожалованное императором, но после этого отец должен уйти со службы.

В Китае всем павшим в бою военным чиновникам и всем гражданским чиновникам, безвременно скончавшимся во время исполнения должностных обязанностей, жалуют посмертные почести. Кроме того, старшим сыновьям таких чиновников император дарует титулы. Какой титул будет присужден в таком случае, в большой степени зависит от ранга, который имел в момент смерти отец. В китайском обществе блага, сопряженные с обладанием ранга, всегда оказываются стимулом для усердия чиновников, пусть небескорыстного, зато ревностного.

От повествования о рангах знатности перейти к церемониальным визитам несложно. Народ, настолько скрупулезно разработавший иерархическую лестницу для всех служащих в стране, со свойственной ему тщательностью сформировал и этикет, предписывающий правила официального и бытового общения. Китаец редко затрудняется в выборе церемониальных регулятивов своего поведения. Этикет – сущностно важная часть его образования. Многие китайские философы считали, что, пожалуй, не так важно знакомство с науками, как безусловное знание правил социального взаимодействия. Они сказали бы, что куда важнее научиться почтительности, уважению и учтивости, чем приобрести любое другое знание, само по себе не несущее нравственной нагрузки. Довод был бы весьма убедительным, если бы можно было доказать его универсальную применимость. Но эти общие замечания не касаются деталей и мелочей церемониала, о которых я буду писать далее.

Поведение чиновников во время церемониальных визитов регламентируется самым подробным образом.

Если хозяин и гость в одном ранге и живут в столице империи, церемониальный визит проходит следующим образом. Прибыв к дверям дома своего коллеги, гость, прибывший верхом, в экипаже или в паланкине, через неизменно сопровождающего его слугу передает свою визитную карточку привратнику, который относит ее хозяину. Хозяин осведомляется о том, какое платье на визитере, и если тот явился при всем параде, одевается так же. Затем он подходит к воротам и приглашает гостя спешиться и войти. Они подходят к центральной арке ворот, и хозяин предлагает гостю войти первым. Гость вежливо отказывается. Когда хозяин третий раз обращается к нему с этой просьбой, гость соглашается и проходит в приемную, у дверей которой обмен любезностями в точности повторяется. Войдя в зал, хозяин с гостем преклоняют колени и шесть раз ударяются лбом об пол. Встав, хозяин поправляет (или делает вид, что поправляет) подушку на стуле, предназначенном для гостя, и с поклоном просит его сесть. Гость учтиво кланяется, отвечая на любезность хозяина, и садится на

стул. Он занимает стул на восточной стороне комнаты, а хозяин – на западной. Некоторое время они беседуют, и затем слуге велют заваривать чай. Тут же приносят две чашки для хозяина и гостя. Поднеся чашки с чаем к губам, хозяин и визитер кланяются друг другу. Затем гость встает и сообщает хозяину: «Мне пора уходить». На это последний поклоном выражает согласие и провожает посетителя до главного входа в дом. У каждой двери гость кланяется хозяину и просит не провожать его далее. Но хозяин не уступает этим вежливым просьбам. Проводив гостя до ворот, он стоит там, пока гость не войдет в экипаж или паланкин или не сядет на лошадь и не уедет.

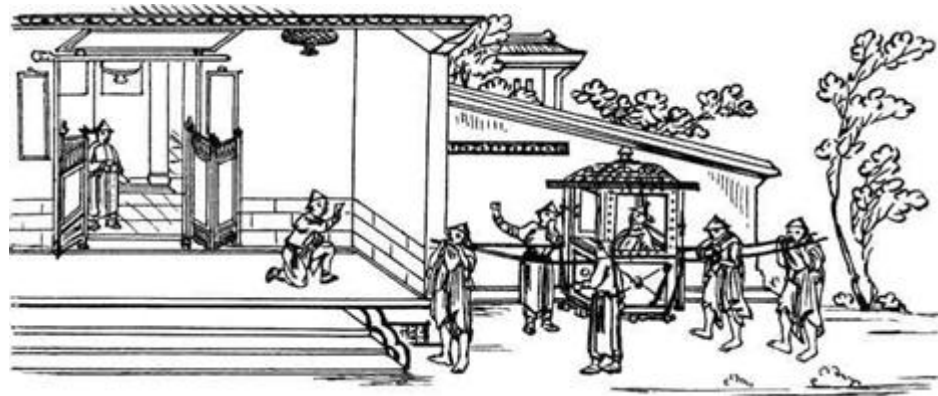
Если хозяин имеет первый ранг, а гость – второй, церемониал мало отличается от описанного выше. Но когда хозяин делает вид, что поправляет подушку на стуле гостя, тот возражает, что он недостойн такого внимания, и хозяин сразу же уступает. Более того, гость берется поправлять подушку на стуле хозяина. Но хозяин останавливает его и тоже говорит, что недостойн такой чести. Все остальные церемонии в точности соответствуют описанным выше.

Когда чиновник или дворянин третьего или четвертого ранга навещает имеющего первый ранг, хозяин встречает его не у парадного входа, а у внутренних ворот, которые китайцы называют ямэнь, или второй вход. В гостиной выполняют точно такие же церемонии, что и в предыдущих случаях. Но хозяин, который встречал посетителя у внутренних дверей, в конце визита провожает его к парадному входу. Тем не менее он не ждет, пока гость сядет в паланкин или на коня, а сразу удаляется в свои апартаменты.

Когда человек пятого, шестого или седьмого ранга навещает особу первого ранга, хозяин встречает гостя в передней; они вместе идут в гостиную, причем хозяин шествует впереди. Гость входит в гостиную и, обратившись лицом на север, падает на колени перед хозяином, который говорит ему, что не стоит так церемониться. Тогда гость, все еще обращенный лицом на север, выражает свое почтение, отвесив три глубоких поклона, а хозяин принимает эти знаки внимания, кланясь точно так же, но лицом на восток. Гость поправляет подушку на стуле хозяина, затем просит его присесть и удостоить кратковременной беседы. Хозяин соглашается и занимает стул, стоящий на юго-западной стороне комнаты. Гость сидит на стуле на восточной стороне комнаты. Беседа начинается сразу же. Хозяин не предлагает гостю чая и не провожает его за внутренние ворота.

Церемониальные визиты в провинциальных больших и малых городах проходят немного по-другому. Провинциальный казначей, судья-литератор, провинциальный судья, эмиссар по соляным перевозкам или любой другой высокопоставленный провинциальный чиновник при визите к генерал-губернатору или губернатору провинции не передает хозяину свою визитную карточку. Проехав через большие ворота генерал-губернаторского дворца, гость спешивается или выходит из экипажа и проходит ко вторым, или внутренним, воротам, где сановник принимает его лично. Если гость судья-литератор, маньчжурский генерал или уполномоченный по сбору налогов, для него открывают центральную арку ворот (ворота всегда состоят из трех арок). Провинциальный казначей или судья входит через восточную арку, генерал-губернатор или губернатор тут же проводит посетителя в приемную (чаще всего это зал на восточной стороне дома), которая также называется хуатан, или цветочный зал. Входя, гость обращается на север и произносит: «Почтительно прошу разрешения пасть на колени и удариться головой о землю». Генерал-губернатор или губернатор отвечает: «Я недостойн такой чести», – и гость вместо коутоу трижды кланяется, причем каждый раз хозяин учтиво отвечает тем же. Затем последний садится на стул, поставленный так, что сидящий оказывается лицом к югу, и приглашает сесть гостя, который кланяется в ответ на его любезность. Затем визитер занимает стул, стоящий на восточной стороне зала, но тут же поднимается с места и, отвесив глубокий поклон, просит хозяина выслушать его. Хозяин соглашается на это с низким поклоном. Затем они вновь занимают

свои места. После беседы гость просит разрешения откланяться. Ему предлагают выпить чашку чая. Поднявшись, чтобы уйти, он поворачивается лицом на север и трижды глубоко кланяется, причем хозяин каждый раз отвечает тем же. Затем гость первым выходит из зала и быстро идет к дверям, стараясь вместе с тем не показать своей спины следующему за ним хозяину. У внутренних ворот они официально прощаются, трижды поклонившись друг другу, но гость не переступает порога, пока хозяин, направившийся обратно к приемной, не обернется. Тогда визитер отвешивает три прощальных поклона, и хозяин отвечает ему тем же. Затем, пройдя через внутренние ворота, гость садится в экипаж, в паланкин или на лошадь и уезжает.



Церемониальный визит

Когда лицо, имеющее первый ранг, является с визитом к генерал-губернатору или губернатору провинции, визитная карточка также не используется. Но через должностное лицо ху-фэна хозяину передают документ, который называется люй-ли. Лүй-ли содержит не только имена и титулы визитера, но и краткий перечень услуг, оказанных им государству. Согласно церемониалу, гость зачитывает этот документ в присутствии хозяина, стоя на коленях. Однако иногда этот ритуал не соблюдается. Когда гость уходит, ху-фэн возвращает лүй-ли его слуге. При последующих визитах к тому же высокопоставленному лицу вместо лүй-ли используется документ цюань-кань, в котором перечисляются имена и титулы визитера, но ничего не сказано о его заслугах перед государством. Генерал-губернатор или губернатор провинции отдает визит чиновнику первого ранга на следующий день. На визитной карточке столь важного лица значится лишь его имя.

Начальника области четвертого ранга при посещении генерал-губернатора или губернатора провинции принимают так же, как провинциального казначея или судью-литератора, но хозяин не отвечает на его поклоны. Чиновникам пятого, шестого или седьмого ранга не разрешается проезжать верхом или в паланкине через юань-мэнь, или каретный подъезд, губернаторской резиденции. У этих ворот посетитель должен спешиться и подойти к дворцу. У внутренних ворот его встречают слуги. Когда он входит в гостиную, хозяин встречает его, не вставая с места. Гость преклоняет колени, обратившись на север, и шесть раз ударяется головой об пол. Затем он встает и отвешивает три глубоких поклона. Тем временем хозяин поднимается со стула, но не кланяется в ответ и не предлагает гостю присесть и выпить чая. Когда визит окончен, гость трижды кланяется и удаляется. Если он имеет любой из упомянутых выше рангов, во время первого визита он подносит хозяину лүй-ли, но при всех последующих визитах вместо него подает цюань-кань, или карточку со своими именами и титулами. Генерал-губернаторы или губернаторы не отдают визитов таким чиновникам.

Когда генерал-губернатор едет из столицы империи в подчиненную ему провинцию, каждый правитель области, через которую его превосходительство должен проезжать по пути, по обычаю, встречает его на расстоянии трех миль от стен областного города. Когда его превосходительство подъезжает к месту, удаленному на три мили от столицы провинции,

провинциальный казначей, провинциальный судья, судья-литератор, литератор-канцлер и эмиссар по соляным перевозкам присылают ему свои карточки. Когда он приезжает в столицу провинции, перед стенами города его встречают все гражданские и военные чиновники и приглашают в приемный зал, построенный за стенами города. Там они озабоченно осведомляются о здравии и благоденствии его императорского величества. После того как его превосходительство ответит им и выпьет чаю, его провожают в город к ямэню, или дворцу. Когда кавалькада проезжает через южные ворота (ими пользуется не только наместник, но и все чиновники при въезде в город, где они служат), навстречу выходит стража. Вообще стража встречает губернатора на каждом посту или в крепости, которые он проезжает по пути.

Правила этикета для офицеров китайской армии немногим отличаются от тех, которые регулируют общение гражданских чиновников. Когда военный мандарин второго ранга намеревается посетить чиновника первого ранга, у которого раньше не был, он облачается в кольчугу и пристегивает к боку меч, лук и колчан с шестью стрелами. Прибыв к юаньмэнь, или каретному подъезду официальной резиденции офицера, которому он желает выразить уважение, он сходит с парадного паланкина или спешивается. Если хозяин, которому привратник передал люй-ли гостя, через него же сообщит, что надевать кольчугу не обязательно, гость отправляется в соседний покой переодеться в придворное платье. Однако наличие мяча в таких случаях обязательно. Затем военный мандарин, которому всегда полагается проходить через восточную арку, направляется в приемную, где его стоя ожидает хозяин. Посетитель произносит: «Почтительно прошу разрешения упасть на колени и удариться головой о землю». Хозяин на это отвечает: «Не стоит так церемониться». Глядя на север, гость отвешивает три глубоких поклона. Хозяин, стоящий с восточной стороны зала, отвечает на каждый поклон. Затем они садятся. Хозяин занимает стул на северной стороне зала, а гость – на восточной. По окончании беседы подают чай. Потом гость встает и прощается, трижды низко кланяясь, хозяин отвечает ему тем же. Гость выходит из приемной, хозяин идет вслед за ним. Выйдя за двери приемной и пройдя несколько ярдов, они останавливаются и снова прощаются друг с другом троекратным поклоном.

Когда военный мандарин третьего ранга посещает военного мандарина первого ранга, он приходит в кольчуге; войдя в гостиную, он опускается на колени и три раза ударяет головой об землю, затем встает и отвешивает три глубоких поклона, на которые высший рангом отвечает ему тремя полупоклонами. После беседы подают чай. Прощаясь, гость снова отвешивает три глубоких поклона и получает такой же ответ. Хозяин не выходит из приемной, но препоручает гостя заботам слуг, которые и провожают его до паланкина.

Когда офицеры четвертого, пятого и шестого ранга навещают офицера первого ранга, они также должны являться в кольчуге. Когда визитер входит в гостиную, хозяин встречает его сидя. Гость падает на колени и совершает коутоу, трижды ударившись головой об пол. Стоя на коленях и обратившись лицом на север, он читает вслух сидящему хозяину документ, где перечисляются его имена и титулы и имя его начальника, а также название гарнизона, в котором он проходит службу. Когда хозяин приглашает его подняться с колен и сесть, он не должен садиться на стул; ему полагается просто сесть на пол или примоститься на корточках на восточной стороне зала, обратив лицо к западу. В конце беседы, перед уходом, он снова преклоняет колени и совершает коутоу. Таким посетителям чая не предлагают, их не полагается и провожать из гостиной. Точно так же проходит визит офицера седьмого ранга к офицеру первого ранга, за тем исключением, что гостю не предлагают садиться.

Теперь мне остается только описать правила визитов военных и гражданских чиновников друг к другу. Когда военный первого ранга является с визитом к генерал-губернатору, при его подъезде к ямэню или дворцу последнего раздается салют из трех пушек. Его проносят в паланкине не только через среднюю арку главного входа, но и через среднюю арку вну-

тренних ворот. Здесь его принимает генерал-губернатор, и они обмениваются поклонами. Затем они вместе подходят к третьим воротам. На пороге центральной арки хозяин уговаривает гостя пройти первым, а гость почтительно отказывается, но в конце концов поддается на уговоры. Входя в гостиную, хозяин и гость трижды низко кланяются друг другу. Затем хозяин садится лицом на юг на диван, стоящий на северной стороне комнаты, а гость занимает место слева от него. Если же посетитель принадлежит к знати, хозяин должен сидеть на восточной стороне зала, а гость – на западной. После беседы и чая хозяин провожает посетителя до вторых, или внутренних, дверей. Он остается там, пока гость не сядет в парадный паланкин или на лошадь и не уедет. Когда военный второго ранга является с визитом к гражданскому чиновнику первого ранга, он спешивается или выходит из паланкина у вторых, или внутренних, ворот ямэня или дворца. Хозяин встречает его на вершине каменной лестницы, ведущей к воротам. В данном случае церемониал повторяет только что описанный. На следующий день гостю отдают визит. На этот раз существенная деталь церемониала: военный второго ранга встречает гостя перед вторыми, или внутренними, воротами. Гость не сходит с носилок у этих ворот; хозяин сопровождает его паланкин до двери приемной. Хозяин садится на стул, стоящий на северной стороне зала, лицом на юг, а гость – на стул, стоящий на восточной стороне зала, лицом на запад. Конечно, гостя угощают чаем. Встав перед уходом, гость низко кланяется хозяину, и тот отвечает ему поклоном. У дверей приемной он снова садится в паланкин. Хозяин провожает его за внутренние ворота. Носильщики останавливаются, хозяин отвешивает три поклона, и тогда они уносят паланкин дальше. Военный чиновник второго ранга класса цзун должен являться к такому гражданскому чиновнику первого ранга, как генерал-губернатор, в кольчуге. Кроме того, он должен спешиться или сойти с паланкина у первых, или уличных, ворот ямэня и пройти пешком ко вторым, или внутренним, воротам. Для него открывают восточную арку ворот. Войдя в гостиную, он становится на колени, обратившись на север, и совершает коутоу, трижды ударившись головой об пол. Поднявшись, он занимает место на восточной стороне зала, где и стоит на протяжении всей беседы с хозяином. Ему не предлагают сесть, но просят выпить чая. Он может приняться за чай, лишь предварительно глубоко поклонившись хозяину. До того как он выйдет из гостиной, церемониймейстер велит ему еще раз совершить коутоу. Если военный чиновник этого ранга приходит с визитом к провинциальному губернатору, он тоже должен надеть кольчугу. Войдя в гостиную, он говорит: «Я прошу разрешения преклонить колени и совершить коутоу», но хозяин отказывается принять этот знак внимания, и вместо этого гость трижды глубоко кланяется. Хозяин сидит лицом на юг на стуле с южной стороны зала, а гость – лицом на запад на стуле, стоящем на восточной стороне зала. После чая хозяин провожает его к дверям приемной.

Когда военный второго ранга посещает судью-литератора, начальника каналов или налогового инспектора, он передает хозяину визитную карточку со своими именами и титулами. У уличных ворот ямэня офицер спешивается или выходит из паланкина. Для него открывают среднюю арку. У дверей гостиной его встречает хозяин. Гость трижды глубоко кланяется. Затем, поклонившись еще раз, он подносит хозяину свой люй-ли. Хозяин и гость занимают стулья, стоящие соответственно на восточной и на западной сторонах зала. После беседы подают чай. Хозяин провожает гостя до вторых, или внутренних, ворот, причем идет впереди. Почти на каждом шагу гость просит хозяина не провожать его дальше. Дойдя до внутренних ворот, они снова кланяются друг другу. Но посетитель не проходит в эти ворота, пока хозяин не вернулся к дверям приемной и не оглянулся, чтобы получить три глубоких поклона и поблагодарить за них. Трижды поклонившись, гость садится в свой паланкин.

Когда военный третьего ранга посещает такого гражданского чиновника первого ранга, как генерал-губернатор, он должен надеть кольчугу. Он спешивается или выходит из паланкина у внешних ворот ямэня и входит через восточную арку. Его встречают слуги и прово-

дят через восточную арку внутренних ворот к приемной, где уже ждет хозяин. Преклонив колени и совершив коутоу, он подает хозяину луй-ли. Такому посетителю не предлагают чая, не предлагают ему и сесть. Во время беседы он стоит на восточной стороне приемной, обратившись лицом на запад. Выйдя из гостиной, делает три глубоких поклона, а хозяин кланяется в ответ один раз.

Когда военный мандарин третьего ранга является с визитом к губернатору провинции, то сходит с паланкина или спешивается у главных ворот губернаторского ямэня или дворца. Он проходит через восточную арку этих ворот и через восточную арку внутренних ворот. Губернатор встречает его у дверей гостиной. Гость трижды кланяется хозяину, ему отвечают тем же. Затем хозяин занимает стул на северной стороне зала и сидит лицом к югу. Гость садится на стул на восточной стороне зала лицом к западу. Прощаясь, посетитель трижды кланяется губернатору, который провожает его до дверей зала.

Когда военный четвертого, пятого, шестого, седьмого, восьмого или девятого ранга посещает генерал-губернатора, то спешивается или выходит из паланкина у уличных ворот дворца его превосходительства. Как и в предыдущем случае, он проходит пешком через восточные арки ворот; войдя в зал, опускается перед хозяином на колени и трижды ударяется головой об пол. После этого, стоя на коленях, читает хозяину свой луй-ли. Во время этого визита посетитель, находящийся в одном из перечисленных выше рангов, должен быть в кольчуге. Его не приглашают ни сесть, ни выпить чаю. Офицер четвертого ранга во время визита к губернатору провинции также надевает кольчугу. Но после того как гостя допустили к последнему, после совершения коутоу, он по просьбе хозяина удаляется, возвращается уже в придворном костюме и глубоко кланяется. Хотя ему не предлагают садиться, но чай подают. После этого он прощается с хозяином, отвесив три глубоких поклона. Встав со стула, губернатор провинции вежливо благодарит его.

Генерал-губернатор провинции (или провинций) три раза в год должен совершать инспекционную поездку по обширной территории, которой он управляет в качестве наместника императора. Главная цель поездки – смотр войск, поэтому он посещает только те города, в которых есть военный гарнизон. По прибытии его превосходительство встречает чжан-дуй, или командир гарнизона, который трижды глубоко кланяется ему, стоя на правой стороне дороги. Когда наместник отвечает на эти приветствия, его несут в паланкине дальше, и кавалькада, к которой присоединяется командир, сразу же отправляется к плацу, где собрались войска. Наместник занимает место в специально отведенной для этого палатке. К нему подходит командир и просит разрешения совершить церемонию коутоу. Его превосходительство отказывается принять этот знак внимания и просит командира занять стул, стоящий по левую руку. Перед тем как сесть, последний трижды глубоко кланяется, и наместник благодарит его, поднявшись со стула. Затем начинается смотр войск, по окончании которого командир снова трижды глубоко кланяется его превосходительству. Наместник садится в свой паланкин, и его относят обратно к государственной барке.

Маньчжурские генералы и бригадные генералы посещают генерал-губернаторов, губернаторов провинций и всех военных первого ранга как равные равных. Провинциальные казначеи, провинциальные судьи, эмиссары по перевозке соли и даотаи, посещая маньчжурского генерала, соблюдают те же церемонии, которые требуются от них при визите к генерал-губернатору. Правитель области или уезда, принадлежащий к четвертому, пятому, шестому или седьмому рангу, отправившись с визитом к графу, ведет себя так же, как полагается вести себя военному второго ранга класса чжэн во время посещения генерал-губернатора. Когда они посещают герцога или маркиза, то ведут себя так же, как полагается вести себя военному второго ранга класса нзун при визите к генерал-губернатору. Все маньчжурские военнотружущие посещают гражданских чиновников одного с ними ранга как равные равных. Когда какую-нибудь провинцию посещают служащие в Пекине чиновники

первого, второго или третьего ранга, занятые в императорском дворце ханьлини седьмого ранга, чиновники, записывающие действия и передвижения императора, а также служащие в Пекине военные первого, второго и третьего ранга, у ворот каждого города их встречает высшее должностное лицо города – генерал-губернатор, губернатор, маньчжурский генерал, правитель области или уезда. Во время встречи любого из этих пекинских чиновников первая обязанность хозяина – осведомиться о здоровье и благополучии его императорского величества. При отъезде гостю подносят для передачи императору полоску желтого атласа, на которой начертаны уверения в верности местных чиновников.

Теперь я перейду к церемониям, соблюдаемым учеными в зависимости от полученной ими на экзаменах степени. В течение нескольких дней после получения степени сюэя – бакалавра искусств – следует посетить конфуцианский храм, чтобы выразить уважение сюэгуаням – государственным наставникам или лекторам (в каждом храме, посвященном великому китайскому мудрецу, их двое). Бакалавр передает свою визитную карточку, и его провожают в приемную, где ожидают наставники. Поднявшись в зал по восточным ступеням, при входе он обращается лицом на север и трижды глубоко кланяется, на что сюэгуани каждый раз отвечают ему. Затем ученый встает на восточной стороне зала и, обратившись на запад, внимательно выслушивает короткую речь одного из лекторов. После этого он трижды глубоко кланяется и удаляется. Именно первый визит имеет особое церемониальное значение. Во время обычного визита наставники принимают визитную карточку, приказывают своему слуге пригласить сюэя и встречают его у дверей приемной. В центре зала он встает на колени и совершает коутоу, дважды ударившись головой об пол. Хозяева, стоящие на восточной стороне зала, кланяются. Поднявшись с колен, гость поправляет подушки на их стульях, и его приглашают сесть. Перед тем как осмелиться сесть, он низко кланяется наставникам. Стулья хозяев стоят на юго-западной стороне комнаты. Они сидят лицом на северо-восток. Стул для гостя ставится на восточной стороне комнаты, и он сидит лицом к западу. Если в ходе беседы гостю нужно задать вопрос, перед этим он поднимается со стула и кланяется. Перед уходом ему подносят чашку чая. Уходя, он трижды глубоко кланяется, обратившись на север. Хозяева учтиво отвечают ему тем же. Они провожают его до вторых, или внутренних, ворот. Здесь наставники и бакалавр кланяются друг другу и расстаются. При этом хозяева не ждут, пока гость заберется в паланкин, а сразу же уходят в свои покои.

Все школьники, как взрослые, так и маленькие, при посещении своих учителей должны соблюдать следующие церемонии. Входя в гостиную, ученик аккуратно поправляет подушки на стульях для хозяина и для себя. Затем он выходит за двери комнаты и там ожидает прихода учителя. Когда учитель приходит и приглашает его войти, ученик высоко поднимает обеими руками небольшой пакет и подносит ему. В пакете лежит серебряная монета. Затем он встает на колени, обратившись на север, и дважды ударяется головой об пол. Учитель отвечает ему поклоном. Поднявшись, юноша осведомляется о здоровье учителя и родителей учителя. Ответив на эти расспросы, учитель расспрашивает гостя о его здоровье и здоровье его родителей, затем предлагает ученику сесть. Если в ходе беседы учитель задает какой-нибудь вопрос, ученик отвечает, поднимаясь с места. На прощание его не провожают к входным дверям. Каждый раз, когда ученик входит в класс или выходит оттуда, он должен поклониться учителю.

Для описания церемоний, которые люди соблюдают за пределами официальных или профессиональных сфер, хватит нескольких строк. Хозяин встречает посетителя у входной двери дома и провожает его в гостиную. По пути к гостиной они обмениваются любезностями. Хозяин кланяется почти на каждом шагу и просит гостя пройти вперед. Войдя в гостиную, оба преклоняют колени и дважды ударяются головой о землю. Поднявшись, хозяин спешит поправить подушку на стуле для гостя. Гость делает то же для хозяина. Стулья хозяина и гостя стоят друг против друга соответственно на восточной и на западной сторонах

комнаты. После беседы и чая хозяин провожает гостя до входной двери дома, при этом гость почти на каждом шагу просит, чтобы хозяин не провожал его дальше. Когда посетитель – отрок или молодой человек, а хозяин старше его, церемониал естественным образом меняется. Когда молодой человек посещает старика, последний встречает гостя не у входных дверей, а в гостиной, входя туда, гость обращается лицом к северу и, преклонив колени, дважды ударяется головой об пол. На это хозяин отвечает поклоном и приглашает визитера сесть. После беседы подается чай, и затем гость прощается с хозяином. Старший не должен сопровождать молодого человека до дверей дома. Такие же церемонии обязательны для племянника, посещающего дядю, и зятя, посещающего тестя.

Глава 15

Законы о роскоши

В Китае существует множество законов, регулирующих расходы населения. Они направлены на ограничение расходов граждан на строительства домов, а также против излишеств в пище, одежде и обстановке и тому подобных вещей. Такие законы существовали почти во все времена и почти у всех народов. Специалисты по политической экономии придерживаются разных мнений относительно их полезности. Я полагаю, что в странах, где практикуются ранние браки и население быстро растет, а пахотные земли, несмотря на тщательную обработку, едва могут дать необходимый минимум зерна, ничем не контролируемые излишества могут привести к скверным последствиям. В таких условиях обществу необходимы трудолюбие и предельная бережливость, и если власти верят, что эти добродетели может породить или развить право, то, естественно, прибегают к созданию соответствующих законов. Но в Китае законы о роскоши выполняют очень плохо, как, впрочем, установления гражданского и общего права. Несомненно, это объясняется не только дурным управлением. Здесь играет определенную роль и то, чему Холлэм приписывает неисполнение законов о роскоши у западных народов: такие законы – попытки ограничить то, что ограничить в принципе невозможно.

Вероятно, важнейшая часть китайских законов о роскоши посвящена строительству домов. Удивительно, насколько подробно они регламентируют устройство резиденций чиновника или дворянина первого или второго ранга. Так, по закону фундамент дома должен быть заложен на глубине двадцати китайских футов. При этом дом должен состоять из девяти открытых залов, по сторонам которых располагаются закрывающиеся отдельные комнаты. Колонны, поддерживающие сводчатую крышу, должны быть деревянными; их красят в черный цвет. Конек крыши должен быть позолочен; в отсутствие позолоты расписан драконами. На потолках отдельных комнат должны быть нарисованы драконы, фениксы или цилиней. Крышу должны украшать фарфоровые изображения драконов, дельфинов и цилиней. Перед резиденцией должны находиться большие ворота со сводчатой крышей, состоящие из трех арок. Вероятно, для большей внушительности на поверхности каждой двери вбивают семь рядов больших гвоздей со шляпками. В каждом ряду – по семь штук гвоздей. Двери должны быть покрашены в зеленый или черный цвет; к ним прикрепляют два больших медных кольца, которые опираются на две медные львиные головы. В доме этого же класса, но меньшего размера, в дверь вбивают шесть рядов по шесть гвоздей. Если дом еще меньше, гвоздей становится на один ряд меньше. Количество гвоздей в каждом ряду также уменьшается на единицу.

Дома чиновников или дворян четвертого или пятого ранга состоят из семи открытых залов, по сторонам которых располагаются закрытые отдельные комнаты. Балки, поддерживающие сводчатые крыши, должны быть покрашены в зеленый цвет; при этом коньковую балку красят в красный цвет. На крыше помещают фигурки цилиней (а не драконов, как в предыдущем случае). Около каждого такого дома должны находиться трехарочные ворота под сводчатой крышей. Двери красят в черный цвет. На них крепятся оловянные кольца с головами животных из того же материала.

Дома чиновников или дворян шестого, седьмого, восьмого или девятого ранга должны состоять из пяти открытых залов, по сторонам которых располагаются закрытые отдельные комнаты. К каждому такому дому должны вести ворота, на каждой створке которых прикреплено обычное железное кольцо с железной львиной головой. Непосредственные или более отдаленные потомки чиновника или дворянина любого из этих классов, у которых нет ранга,

могут жить в доме своих предков. Не существует закона, который принуждал бы изменить вид доставшегося по наследству жилища.

Дом дворянина, не состоящего на государственной службе, или гражданина, не имеющего ранга, должен состоять из пяти открытых залов. Балки, конечно, кроме коньковой, красят в черный цвет. К дому должны вести створчатые ворота без колец и украшений. На потолках отдельных комнат нельзя рисовать драконов, фениксов или цилиней.

Когда речь идет об одежде, законы о роскоши не менее точны. Они скрупулезно предписывают, что должен носить китаец зимой и летом, начиная со шляпы. В законе ясно сказано, что зимой шляпа должна быть крыта темным атласом и подбита черным сукном. Поля должны быть загнуты вверх, что придает ей вид «шляпы пирожком», на верхушке кисточка из красного шелка, такая длинная и густая, что покрывает весь верх шляпы.

Зимняя придворная шляпа должна быть крыта красным вышивальным шелком, слегка нависающим над полями; летние делают или из тонкой соломки, или из тончайших полосок бамбука, или ротанга. Снаружи шляпа должна быть крыта очень тонким шелком; на макушке крепится кисточка из красных шнурков. Края шляпы не следует заворачивать наверх. Летняя придворная шляпа во всем похожа на обычную летнюю шляпу. Однако по краю она обшита золотой тесьмой; кроме того, у летней придворной шляпы должна быть подкладка из красной кисеи, а кисточка на макушке делается из вышивального шелка. Летняя дорожная шляпа с виду похожа на обычную. Но красная кисточка для нее делается из шерстинок коровы. Кроме кисточки, к верхушке каждой шляпы крепится шарик, цвет которого зависит от ранга человека: например, на шляпе чиновника или дворянина первого ранга должен быть ярко-красный шарик, второго – темно-красный, третьего – темно-синий, четвертого – голубой шарик, пятого – хрустальный, шестого – белый шарик. Седьмому или восьмому рангу соответствует золотой шарик, а девятому – серебряный. С задней стороны шляпы прикрепляют павлинье перо. У высокопоставленных сановников на шляпах должны быть перья с двумя глазками, а у остальных чиновников – с одним. Перо павлина считается подарком императора. Счастливый обладатель никогда не надевает его во время похорон или поклонения табличке усопшего родственника или друга. Каждая из описанных мной шляп снабжена тесемкой, которой она крепится к голове, проходя за ушами и под подбородком.

Точно так же подробно расписаны фасоны и ткани туник: верхняя шьется из фиолетового атласа, широкие рукава спадают свободными складками и короче, чем рукава внутренней туники, и туника должна быть короче внутренней. Верхняя туника застегивается впереди, она расшита спереди и сзади. Рукава весенней туники должны быть подбиты атласом, осенней – оторочены мехом, а зимней – подбиты мехом. Во время путешествий следует использовать более короткую верхнюю тунику длиной ниже бедер. Все описанные выше туники застегиваются только на пять пуговиц.

Теперь я коротко остановлюсь на эмблемах или украшениях, которые носят на верхних туниках. У чиновника или дворянина первого ранга спереди и сзади на фоне темно-золотой вышивки изображен светло-золотой или серебряный тянь-хэ – небесный аист; у дворянина второго ранга на темно-золотом фоне вышита фигура цзинь-цзи, или прекрасной птицы, разновидности фазана. Такие же вышивки на спине и на груди носят гражданские чиновники всех девяти рангов, при-чем в каждом случае ранг обозначается особой эмблемой. У гражданских чиновников это всегда птица; она стоит с распростертыми крыльями на скале в бурном океане и смотрит на солнце. Для остальных рангов используются следующие эмблемы: для третьего – кун нюэ, или павлин; для четвертого – вэнь-янь, или дикий гусь; для пятого – бай-сянь, или серебристый фазан; для шестого – лу-сы, или большой баклан; для седьмого – си-чи; для восьмого – перепел и для девятого ранга – лян цюэ, или белая птица.

На верхней тунике человека, принадлежащего к вэй-жу-лю (ожидающим должности), помещают эмблему хуан-ли, или желтой птицы.

На платье военных чиновников помещены такие же обозначающие ранг вышивки светло-золотой нитью на темно-золотом фоне, но эмблемы изображают животных, стоящих на скале в бурном океане и глядящих на солнце. Для различных рангов военных употребляются следующие эмблемы. На тунике чиновника первого ранга вышивают ци-линя – это сказочное животное с коровьими ногами и копытами, головой дракона и телом овцы, покрытым чешуей. Второму рангу соответствует ши-цзы, или лев; третьему – леопард, четвертому – тигр, пятому – медведь. Чиновники шестого или седьмого ранга носят на туниках вышивки с изображением гепарда, восьмого – тюленя.

Судья по уголовным делам в каждой провинции иногда носит тунику, спереди и сзади расшитую изображением животного, которое китайцы называют цзе-чжи; считается, что это сказочное животное может распознавать хороших и дурных людей и что дурных бодает.

На верхней тунике вельможи сзади и спереди на темно-золотом фоне вышит светло-золотой нитью дракон с четырьмя когтями на каждой лапе. Иногда с разрешения вышивают драконов с пятью когтями. Эмблему дракона носят герцоги, маркизы и графы. На туниках баронов и баронетов вышивают льва. Вельможи носят также капюшоны или кафтаны с темно-золотой каймой, расшитые драконами. Император жалует в награду гражданским и военным чиновникам, оказавшим особые услуги государству, желтые атласные кафтаны. Нижняя туника шьется из синего шелка, длиной от шеи до лодыжек, в талии перехвачена кушаком или поясом. Рукава плотно облегают руки, манжеты по форме напоминают лошадиные копыта. Нижняя туника должна застегиваться спереди только на пять пуговиц. О ранге хозяина свидетельствует количество драконов, вышитых золотом. На нижней тунике чиновника первого ранга вышито девять драконов, второго – восемь драконов; у чиновника третьего ранга – семь, четвертого, пятого и шестого ранга – шесть драконов, а седьмого или восьмого вышито пять драконов. У этих драконов на лапах только по четыре когтя.

У императорских телохранителей ши-вэй туники тоже расшиты драконами. Эти чиновники делятся на четыре класса и одеваются, как подобает гражданским и военным чиновникам соответствующих рангов. Чиновникам и дворянам без позволения императора не разрешается носить одежду светло-желтого и темно-желтого цвета. Им нельзя носить и мех животного юань-у (по-моему, это лиса с темным мехом). Придворное платье можно носить только при отправлении государственного культа, на пирах или во время празднования дней рождения любого члена императорской семьи, а также в первый, пятый, десятый, пятнадцатый, двадцатый или двадцать пятый день каждого месяца. Кроме того, придворную верхнюю тунику чиновники и дворяне могут надевать, отправляясь с визитом к высокопоставленным сановникам или принимая их у себя.

Кроме описанного выше платья, бывает так называемая дождевая одежда. У чиновников первого ранга она ярко-красная, дворяне второго и третьего ранга носят красную шляпу и пурпурные одежды, чиновники четвертого, пятого или шестого ранга – шляпу с пурпурной каймой и красные одежды, седьмого – шляпу и накидку пурпурного цвета, а восьмого и девятого ранга – пурпурную шляпу с красной каймой. Дождевая одежда военных чиновников в каждом случае точно такая же, как у гражданских того же ранга. Так же подробно регламентируется покрой и ткань платья для ученых, выдержавших государственные экзамены. Бакалавр искусств носит длинную голубую тунику с пурпурной каймой, подпоясывается кушаком или ремнем и обувается в атласные туфли. Шляпа у него как у чиновников и дворян.

Магистр искусств (цзюйжэнь) носит длинную синюю шелковую тунику с голубой каймой, подпоясывается кушаком; шляпа и туфли у него такие же, как у бакалавра. Буддийским священнослужителям разрешается носить шелковые одежды только при выполнении определенных религиозных обрядов и больше никогда. Им не разрешается также стелить на постели шелковые покрывала или вешать у себя шелковые занавеси. Они не должны исполь-

зовать серебряные и золотые сосуды, а также инкрустированные перламутром. Вообще платье буддийских священнослужителей очень простое и состоит из длинной серой рясы со свободными широкими рукавами, напоминающей рясу христианского монаха; она шьется из грубой ткани. Так же одеваются даосские жрецы.

Платье, которое носят простые люди, состоит из кафтана длиной до бедер и широких штанов. Эта одежда шьется из хлопчатобумажных тканей. Зимой носят также суконные туфли, чулки и круглые шапочки. Лавочники и уважаемые ремесленники носят суконные туфли, чулки, шапки, штаны и длинные синие хлопчатобумажные туники, иногда свободные накидки или капюшоны из синего сукна. Летом они обходятся без шапки, а вместо длинной синей хлопчатобумажной туники надевают белую ситцевую или из волокна рами.

Кроме прочей одежды, джентри носят длинные шелковые туники синего, пурпурного, темно-красного или светло-желтого цвета, простые или вышитые цветочным узором. Когда совсем холодно, они надевают меховые накидки или капюшоны. К верхушке шелковой шапки прикрепляют шарик, скрученный из красных шелковых шнурков, а к переднему краю – искусственную или настоящую жемчужину или же драгоценный камень. Если человеку исполнилось семьдесят лет и у него хорошая репутация, то ему позволяют носить такое же платье, как чиновникам девятого ранга. Если он достиг почтенного возраста девяноста лет и слывет хорошим и надежным человеком, то может носить платье чиновника седьмого ранга. Однако эта привилегия не распространяется на актеров, рабов и незаконнорожденных, которым к тому же не разрешается носить шелковую одежду. Правда, им позволено носить платье из материи, которую китайцы называют гань-чжоу. Ее ткут из шелковых нитей, добываемых от больших шелкопрядов, которых разводят не в помещении, – они кормятся дубовыми листьями в естественных условиях – на природе. Законы о роскоши позволяют таким людям зимой подбивать свои платья только козьей и овечьей шерстью. Простым людям не разрешается носить платье, на котором золотой или шелковой нитью вышиты фигуры драконов с пятью когтями на каждой лапе. Нарушителя этого установления наказывают ношением канги в течение месяца, а после этого – сотней ударов палками. Народу вообще не позволено носить расшитого золотом платья, но вышить шелком на одежде можно.

Когда дама является ко двору, она надевает шляпу, которая выглядит точно так же и сделана из той же материи, что и шляпа из придворного наряда ее мужа, но сзади к этому головному убору прикреплены две шелковые ленты, ниспадающие на плечи. Иногда дамы надевают шляпу попроще. Верхняя и внутренняя туника должны быть той же длины, что и у мужа. Сзади с воротничка верхней туники изящно ниспадают две ленты. На передней части шляпы герцогини укреплены три золотых украшения. Вокруг шеи она носит пурпурный атласный шарф, концы которого свисают спереди, а в центре передней его части нашита золотистая бахрома. Над ней золотой нитью вышит феникс, под ней – дракон. Непосредственно над бахромой прикреплена большая жемчужина. В мочках уха по три серьги, с каждой свисает драгоценная жемчужина. Верхнюю тунику герцогини шьют из пурпурного атласа с широкой золотой каймой. Спереди золотой нитью вышиты два дракона. На спине туника украшена лишь одним вышитым драконом. На двух длинных шелковых лентах, спускающихся с воротничка, нашиты драгоценные камни или жемчужины. Внутренняя туника сшита из синего шелка, украшена драгоценными камнями и с широкой золотой каймой. Спереди – золотой дракон, по бокам – четыре дракона, на каждой манжете – по одному, и на каждом рукаве – по два. Сзади воротничка внутренней туники тоже спускаются две длинные ленты, расшитые жемчугом. Герцогиня должна носить красную атласную юбку с изображениями идущих драконов, вышитых золотой нитью. Обычное платье герцогини – синяя шелковая туника с девятью драконами и верхняя с восемью драконами. Это круговой орнамент.

Платье маркизы в общем такое же, как у герцогини. Тем не менее оно не должно так же блистать золотом и жемчугами. Жена гражданского чиновника первого ранга носит такую же шляпу, что и знатные дамы. По фасону, ткани и цвету ее верхняя и нижняя туники такие же, как у герцогини. Однако эмблема на ее тунике изображает белую цаплю с красной головой. Как и у остальных высокопоставленных дам, на одежде вышита эмблема ранга ее мужа. Однако жены военных чиновников носят на верхних туниках изображения птиц, а не животных. Их нижние туники расшиты драконами, число которых зависит от ранга мужа. Так, у жены военного чиновника первого ранга на тунике вышиты восемь или девять драконов, а у жены чиновника седьмого, восьмого или девятого ранга – только пять. Жены дворян, не имеющих ранга, могут носить шелковые одежды, но им нельзя носить туники и головные уборы, подобающие женам чиновников с рангом. Каждая дама может носить только одну золотую шпильку для волос и одну пару золотых сережек. Если им захочется, они могут носить сколько угодно серебряных шпилек, серег и колец^{97}.

Обратимся к многочисленным знакам отличия, которые чиновники и разных рангов дворяне могут использовать, проезжая по улицам города в процессии. Когда речь идет о чиновнике первого ранга, живущем в Пекине, в процессии несут следующие вещи: один красный зонтик, два больших опахала, в центре которых золотыми иероглифами начертаны имена и титулы чиновника (при этом на каждом еще и четыре изображения солнца), четыре знамени, четыре копия и два желтых жезла. Когда в такой процессии несут чиновника второго ранга, на каждом из опахал нарисованы три солнца, и копий не четыре, а два. На двух флажках с одной стороны изображен дракон, а с другой – тигр, а на обеих сторонах двух других – иероглифы «цин дао», что значит «расступитесь, очистите дорогу». На опахалах чиновника третьего ранга нарисованы только два солнца. Опахала чиновника четвертого ранга просто украшены золотыми блестками. Чиновникам остальных рангов полагается одно опахало. Некоторые другие особенности процессий также регулируются в зависимости от ранга служащего. В Пекине он выезжает с процессией, только если направляется из столицы к месту назначения в одну из провинций. Когда живущие в Пекине чиновники разных рангов просто едут по улицам, их обычно сопровождает определенное число конюших.



Мандарин в открытых носилках

Первый ранг дает право на десять конюших: двое скачут впереди, а восемь – позади; второй ранг – на восемь: двое следуют впереди, шестеро замыкают процессию; третьему рангу положено соответственно двое и четверо сопровождающих. Перед чиновником четвертого ранга едет один конюший, а чиновникам пятого, шестого и седьмого ранга пола-

гается один конюший, который едет позади. Красная кисточка, привязанная к мартингалу^{98} лошади, означает, что всадник – обладатель одного из первых четырех рангов. Маньчжурские чиновники, принадлежащие к императорской семье, четыре верховных министра, из которых состоит кабинет, главы каждого из шести министерств, а также старые и немощные чиновники второго ранга могут проезжать по улицам Пекина в государственных паланкинах. Все остальные государственные служащие и их непосредственные подчиненные должны ездить верхом, за исключением тех случаев, когда они отправляются из Пекина к месту своего назначения в провинцию. В таких случаях чиновников первого, второго или третьего ранга четыре носильщика выносят в паланкине из города, но дальше его несут уже восемь человек. Если служащий рангом ниже, ему полагается два носильщика. За воротами города к ним присоединяются еще два. Паланкин высокопоставленного чиновника снабжен темными шторами; на крыше помещают серебряный шарик, на крыше паланкина обычного чиновника – оловянный шарик.

Оставим столицу и обратимся к описанию особенностей провинциальных знаков отличия. Я начну с процессии, сопровождающей генерал-губернатора провинции или провинций. Когда он проезжает в государственном паланкине по улицам города, то еще несут два больших шелковых зонта, два знамени с изображением крылатых тигров, два жезла с изображением сжатого кулака на верхушке (эмблема власти над войсками), два меча, напоминающие формой перо дикого гуся, другие два меча, рукоятки которых украшены медными головами животных, два желтых жезла, два белых жезла, сделанные из тунгового дерева, две крашенных в красный цвет деревянных доски, на которых золотом начертаны иероглифы «вэй» и «би», призывающие уступить дорогу его превосходительству и людям, едущим в паланкинах или идущим с тяжелой ношей по узким улицам, две крашенных в красный цвет деревянных доски, на которых золотом начертаны иероглифы «шу» и «цзин» («будьте почтительны и молчаливы»), четыре копия с двумя знаменами, а также восемь других знамен, на которых нарисованы драконы.

Поезд губернатора отличается от поезда генерал-губернатора отсутствием жезлов, символизирующих власть над войсками, опахалами, заменяющими знамена с крылатыми тиграми; кроме того, в процессии губернатора несут только два меча и два копия. Примерно такие же отличия существуют между процессиями чиновников более низкого ранга – провинциальных казначеев, судей и даотаев с правителями областей. Паланкин генерал-губернатора, губернатора провинции, маньчжурского генерала или эмиссара по государственным доходам несут восемь человек, а провинциального казначея, провинциального судьи, литератора-канцлера, эмиссара по соляным перевозкам, даотая или правителя области – четверо. Конечно, в каждом случае количество сопровождающих паланкин конюших зависит от ранга должностного лица. Процессию возглавляют ликторы с кнутами и цепями в руках и люди с гонгами. Последние регулярно громко ударяют в них, оповещая всех о приближении следующего через город большого человека. Ликторы тоже время от времени (при прохождении через городские ворота – всегда) восклицают: «Молчите все!» После этого оживленный говор городского рынка замирает и на время устанавливается мертвая тишина. Этот обычай напоминает о похожей практике в Древнем Египте. В истории Иосифа мы читаем (Быт., 41: 41–43), что, когда фараон сделал этого замечательного человека наместником и поставил его над всею землею Египетскою, перед ним по многолюдным улицам шел глашатай и возглашал: «Преклоняйтесь!»

В процессии, сопровождающей чиновника пятого, шестого или седьмого ранга, когда он едет в паланкине по улицам города, несут один синий шелковый зонт, одно опахало, два белых жезла, две деревянные доски с иероглифами «шу» и «цзин» и четыре знамени. Процессию возглавляют два ликтора. Чиновники восьмого и девятого ранга имеют право на

один зонт и два жезла. Процессию возглавляют два ликтора, каждый из которых несет в руке бамбуковый шест.

Военному чиновнику первого ранга полагается два зонта, два опахала, два флага с крылатыми тиграми, два посоха, увенчанные сжатыми кулаками, два меча, причем на эфесе каждого – медная звериная голова; два меча, каждый из которых напоминает перо дикого гуся; две красных доски, на которых золотом начертаны иероглифы «шу» и «цзин»; четыре копья и четыре зеленых знамени, к каждому из которых сверху прикреплена длинная узкая лента. Процессию возглавляют два ликтора, каждый с бамбуковым шестом, и два человека с гонгами. Военному чиновнику второго ранга класса чжэн посохи со сжатыми кулаками заменяются на две алебарды; он не имеет права на мечи в форме перьев дикого гуся. Количество копий в его процессии тоже меньше, их не четыре, а два. Что касается остальных рангов военных чиновников, все тоже подчиняется основному принципу: чем ниже ранг, тем меньше процессия. Перед казенным паланкином каждого военного чиновника и позади него следуют всадники и пешая свита. При этом число сопровождающих различно.

Следует заметить, что обычай нести в официальных шествиях опахала как символы власти восходит к глубокой древности. В старину он существовал не только в Китае, – на древнеегипетских памятниках мы находим изображения опахал, которые на концах длинных шестов несли перед сильными мира сего.

Мало что можно сказать о свите, сопровождающей паланкины частных лиц. Паланкин обычного дворянина или богатого горожанина несут четверо или двое носильщиков, за ним пешком идут двое или четверо слуг в ливреях; паланкин его жены тоже несут четверо или двое носильщиков. За ее паланкином пешком следуют одна или две служанки.

Законы о роскоши касаются также вида и убранства паланкинов. Казенный паланкин гражданского или военного чиновника должен быть покрыт зеленым сукном; бахрома по краю крыши и занавески тоже должны быть зелеными. На шесты или рукоятки паланкина чиновника, носящего один из трех высших рангов, могут быть надеты медные набалдашники в форме драконьих голов; для четвертого и пятого ранга – медные набалдашники в форме львиных голов; на рукоятках паланкинов, в которых ездят чиновники остальных четырех рангов, могут быть медные набалдашники с гравировкой в виде облаков, а на верхушке, на крыше, должен быть прикреплен оловянный шарик. Для паланкина не занятого на государственной службе дворянина используется синее сукно, а на рукоятках имеются простые нашлапки из меди. Простые люди должны покрывать свои паланкины темным сукном. Набалдашников для рукояток им вообще не полагается.

Во всех больших китайских городах есть общественные стоянки паланкинов, где их можно снять на час или на день. В некоторых частях империи их владельцы должны платить налог. Мне известно, что так заведено в Нанкине и в Ханчжоу. Но в знакомых мне городах Южного Китая подобного определенно не бывает. На каждом паланкине, подлежащем налогообложению, большими китайскими иероглифами написано имя владельца и название улицы, на которой он живет. В Нанкине небогатых немощных старцев переносят по улицам в корзинах. А в Аньцине я видел, как таким образом несли двадцатилетнего молодого человека представительной внешности. О том, как выглядят и как устроены двуколки и разные экипажи, я расскажу в другой главе. Здесь можно упомянуть о том, что колеса чиновничьего экипажа расположены не в середине, а на самом его конце. На паланкинах и экипажах, которыми пользуются чиновники и народ, нельзя помещать нарисованные или вышитые изображения драконов, фениксов и вообще императорские эмблемы.

Эта глава была бы неполной, если бы я не остановился отдельно на чиновничьих зонтах, которые сразу бросаются в глаза в китайских процессиях. На верхушке зонта, который несут в свите дворянина первого или второго ранга, находится оловянная тыковка, на зонте дворянина третьего или четвертого ранга она сделана из крашенного в красный цвет

дерева. У чиновников первых четырех рангов должен быть зонт с тремя оборками. Служащие более низких рангов имеют право только на две. Интересно, что и в других странах Востока зонт входил в число знаков отличия высокопоставленных чиновников. Зонт был (и остается сейчас, если я не ошибаюсь) одной из эмблем царского достоинства повсюду: в Индии, в Персии, в Аравии и в той части огромного африканского континента, которую населяют последователи лжепророка Мекки. Когда Рим диктовал всему миру свои законы, зонтом пользовались египетские владыки, поскольку Марка Антония порицали за то, что он объединил римских орлов с парадными зонтами несчастной Клеопатры: «В военном стане солнце / Видит зонт (о стыд!)»^{99}.

Простому народу не разрешается пользоваться шелковыми или суконными зонтами — он должен довольствоваться зонтиками, сделанными из промасленной бумаги. Здесь, как и в других случаях, законами о роскоши пренебрегают, поскольку нередко на улицах китайских городов встречаются люди с шелковыми и суконными зонтиками в руках. Иногда красные шелковые зонты дарят пользующимся известностью чиновникам.

В отличие от нашей страны в Китае трость по сравнению с зонтом значит куда меньше. Но это не стало препятствием для законодателей, и закон о роскоши специально регулирует использование тростей. Согласно некоторым китайским авторам, впервые трости появились еще в 2357 году до Р. Х. Другие считают, что трости ввели в употребление во время правления У-вана, императора династии Чжоу, воцарившегося в 1122 году до Р. Х. Об использовании тростей во времена У-вана свидетельствует упоминание о том, как тогдашний князь Чжоу-гун применил трость, наказывая своего сына за неучтивость. В то время тростями пользовались все классы общества, но по какой-то причине ими запретили пользоваться всем, кроме людей старше пятидесяти лет. Закон о тростях оказался весьма замысловатым. Согласно ему, люди в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет могли опираться на трость, только передвигаясь по собственному дому и приусадебному участку! Людям в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет разрешалось пользоваться тростью на улицах города или деревни, в которых они жили; и только старикам старше восьмидесяти лет можно было ходить с тростью где угодно. Во время Поздней династии Лян в 903 году был издан указ, разрешающий всем пожилым и немощным пользоваться тростями. В заключение можно заметить, что в настоящее время в Китае придерживаются некоторых законов о роскоши, во многом напоминающих кодекс Залевка — знаменитого законодателя Локриды. Например, существует закон, согласно которому порядочная девушка из простонародья не имеет права одеваться так же, как знатные модницы. Но девицам непорядочным это разрешается. Так и в Локриде головорез мог носить золотое кольцо, которое было запретно для честного человека; и вот в Китае все проститутки в больших и малых городах носят золотые браслеты, вышитые платья и красятся, как добродетельные матроны из высших слоев общества.

Глава 16

Развлечение и спорт

По-видимому, китайцы ценят театр точно так же, как более цивилизованные европейские народы. Театральные представления в Китае зачастую объединены с идолопоклонническим культом. Перед большими храмами устраивают постоянные театральные подмости, на которых во время праздников играют пьесы. Нередко больные молятся о выздоровлении идолам некоторых божеств и приносят обеты в случае выздоровления устроить театральное представление в их честь. Конечно, посещение таких представлений бесплатно, но сидячие места для публики не оборудованы. Вместе с тем существуют общества или компании, нанимающие актеров и дающие представления и для того, чтобы развлечь народ, и для того, чтобы заработать. Каждое такое общество должно включать одного-двух человек, успешно сдавших экзамен на ученую степень. Все члены общества отвечают за порядок во время спектакля и спокойствие зрителей. Обычно пьесы играют в больших шатрах, как это было в обычае еще у древних римлян. Эти шатры – крытые циновками бамбуковые каркасы квадратной формы. Три стороны квадрата занимают ряды скамей для зрителей. Позади скамей, непосредственно напротив сцены, располагается галерея для дам. Зрительские места бывают похуже и получше (у одних скамей есть спинка, у других – нет), и цены на них соответственно тоже разные. Поскольку театральные здания сделаны из бамбука и циновок, для них весьма опасны залпы фейерверков, которыми иногда имитируют гром и молнию во время представлений. В 1844 году загорелся большой театр рядом с ямзем судьи-литератора в Кантоне. Поскольку он был до отказа набит зрителями, погибло более двух тысяч человек. Их обугленные кости впоследствии собрали и похоронили в общей могиле за северо-восточными воротами города. Похожий случай произошел в маленьком театре в Хуанпу в 1853 году, когда погибло тридцать человек – в основном женщины с маленькими ногами.

В каждом большом городе есть несколько актерских трупп или компаний, состоящих из десяти, двадцати или ста человек. Несмотря на удовольствие, которое они доставляют народу, актеры находятся так низко на общественной лестнице, что их детям не разрешается держать экзамен на ученую степень. Поэтому они, конечно, совершенно не имеют перспектив занять впоследствии высокий государственный пост. В детстве их покупают директора трупп и посылают в школы актерского мастерства, где тщательно обучают всем тайнам театрального искусства. В этих заведениях с учениками обращаются очень грубо и неповиновение сурово наказывают. На смерть непокорного юноши от руки учителя вершители правосудия не обращают никакого внимания. Однажды ко мне пришел китаец по фамилии Ли. Он просил, чтобы я поговорил с его сыном, – тот собирался против воли отца продать себя директору актерской труппы. Я два или три раза беседовал с юношей, который оставался глух ко всем уговорам и в конце концов поступил в театральную школу. Как я узнал впоследствии, в школе человек, которому он по своей воле продал себя за ничтожную сумму, обращался с ним очень жестоко. Посетив школу, я увидел, как молодого человека учили обращаться с копьем и мечом (наставник решил, что больше всего ему подходит роль солдата).

Обычно обучение в таких школах занимает год; считается, что по истечении этого срока ученики могут играть в любых пьесах. Их хозяева обращаются с ними не намного лучше, чем с выючными животными, и они получают за игру только стол и одежду. Однако это рабство продолжается только шесть лет, после чего они имеют право уволиться. Если они завоевали достаточный авторитет, то могут создать собственные труппы, в противном случае предлагают свои услуги директорам трупп за довольно приличное жалованье. Как правило, женщинам не позволяют появляться на сцене. Эти роли играют мужчины, поэтому

в актрисах, кажется, нет нужды. Но бывают школы, в которых сценическому мастерству обучают и женщин, обычно нестроного поведения.

Обыкновенная плата за наем труппы составляет от двадцати до ста долларов в день. Часто во время представления актерам дарят еду, например жареных поросят, или деньги. Я видел, как слуги дарителя несли через сцену жареных поросят в ту самую минуту, когда разыгрывался самый захватывающий эпизод. При этом дары принимают только после того, как один из занятых в пьесе актеров, наряженный божеством, выходит к публике, вежливо приветствует ее и разворачивает свиток, где большими иероглифами написано о благодарности труппе. Эта существенная похвала актерской игре может напомнить о *corollarium* – вознаграждении актерам в Древнем Риме.

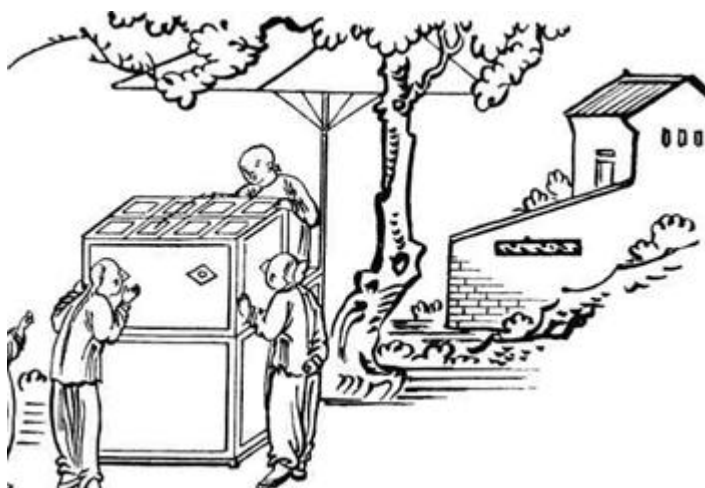
Самые популярные пьесы посвящены разным эпизодам древней истории. Как и большинство пьес великого Шекспира, произведения китайских драматургов чаще всего связаны с историческим наследием. Основные ценности, запечатленные в них, – это верность трону, сыновняя почтительность и глубокая преданность богам отечества. Как правило, эти пьесы восхваляют добродетель и осуждают порок. Реплики, посвященные пороку, не особенно пристойны; к тому же игра сопровождается грубой, подчас неприличной жестикულიцией. Представления сопровождает вокальная и инструментальная музыка, причем музыканты находятся на задней части сцены. Занавеса нет, и зрители видят действия рабочих сцены. Как правило, актеры (особенно в южных провинциях) носят элегантные и дорогие костюмы.

В 1861 году в Хуанпу я видел пьесу, действие которой относилось к времени правления династии Сун, то есть около пятисот лет тому назад. Целью спектакля было убедить зрителей в том, что сыновняя почтительность, приверженность ученым занятиям и верность богам приносят всяческие преимущества и блага. Кратко перескажу содержание пьесы. Хотя юный Лай Минчжэн родился бедняком, он отличался сыновней почтительностью и любовью к учебе. Когда его родители состарились и больше не могли зарабатывать себе на жизнь, он стал каждый день ходить в буддийский монастырь и выпрашивать крохи со стола у монахов. Кончилось тем, что монахам надоела его все большая назойливость. Велев прекратить посещения монастыря, они дали ему небольшую сумму в качестве прощального подарка. На эти деньги он купил немного риса и связку хвороста. По пути домой на него напала большая собака. Испугавшись, он уронил рис на землю, где его тут же склевали куры. Дома молодой человек рассказал о своем горе родителям, которые уже погибали от голода. В конце концов они умерли от истощения, и, чтобы достать денег для их достойного погребения, он был вынужден продать свою жену. Когда он отправился ее продавать, по пути супругам встретился старик. Юноша поздоровался с ним. Старик завел с ним разговор и, услышав всю историю, согласился купить у него жену. Невеста отправилась в дом к новому мужу, не подозревая о том, какая удача ждет ее бывшего господина. Но боги не забыли о его сыновней почтительности и многочисленных, хотя и небольших денежных пожертвованиях на ремонт и строительство храмов, которые при жизни делали его родители. Новый муж сообщил молодой женщине, что некогда он был главой буддийских священнослужителей и многие годы жил в храме, построенном на пожертвования предков того самого человека, чьей женой она была до последнего времени. Произнеся эти слова, он немедленно вознесся на небо и исчез из вида. Бедная женщина перепугалась и решила, что говорила с ангелом. Она отправилась обратно и вскоре нагнала опечаленного мужа. Его удивило неожиданное возвращение жены, однако еще больше изумил ее рассказ о последних событиях. Как бы то ни было, они поспешили домой потратить полученные деньги на достойные похороны родителей. Переступив порог своего домика, они увидели, что родители ожили и наслаждаются всеми мыслимыми удобствами, но этим удача не ограничилась. Поскольку юноша был очень способным, то вскоре в совершенстве постиг канонические книги. В конце концов он

успешно сдал экзамены на самую высокую ученую степень и смог занять высокий государственный пост.

Китайские пьесы бывают очень длинными, и нередко их исполнение занимает трое суток. Кроме профессиональных трупп, о которых я только что говорил, существуют и актеры-любители, игрой которых нередко наслаждаются респектабельные семьи. Любительские труппы состоят из молодых людей, многие из которых проявляют серьезное драматическое дарование. Такие представления дают в обширных семейных резиденциях, и европейцу редко предоставляется случай быть их зрителем. Конечно, исключение составляют те иностранцы, которым удалось завести добрых знакомых среди богатых и почтенных китайских семей.

Чтобы воспрепятствовать постановке непристойных пьес в Кантоне, провинциальный казначей Хуан издал следующий указ: «Я, провинциальный казначей Хуан, слышал, что кантонцы в высшей степени любят театральные представления. Почему же? Потому что они считают необходимым при служении богам воздавать им почести посредством представлений. Посему театры – источник большой радости для людей, и, конечно, закона против них не существует. Однако необходимо, чтобы пьесы, которые играют в театрах, побуждали людей почитать богов, быть верными трону и покорными родителям. Играть непристойные пьесы – самый верный путь к разрушению нравственности.»



Кинематоскоп

Многие джентри были потрясены, обнаружив, что нередко в театрах ставят такие пьесы. В то же время они утверждают, что в них заняты актрисы. Оттого джентри и обратились ко мне с просьбой положить конец подобному бесстыдству. Вследствие этого я приказываю управляющим всех театров позаботиться о недопущении таких мерзостей впредь. Кроме того, я сообщаю им, что в случае неповиновения этому указу я не только арестую их, но и подвергну суровому наказанию. Дано в 7-й день 10-го месяца 8-го года правления под девизом Тунчжи».

Другая китайская театральная забава – это марионетки. Кукольные представления обычно устраивают перед храмами, посвященными богиням. Как правило, эти спектакли посещают только женщины. Иногда их играют в домах джентри специально для увеселения женской половины семьи. Я видел, как марионетки искусно исполняли историческую пьесу, а актеры за сценой читали за них диалог.

Я сказал, что такие представления обычно смотрят женщины. Упомяну об исключении из этого правила, которому я был свидетелем. В Юнма в уезде Сяншань зрителями марионеточной пьесы были сплошь мужчины. Представление было посвящено божеству рынков. Я был там с другом. Мы заняли задние места напротив сцены. Но как только распространи-

лась весть о нашем присутствии, все зрители отвернулись от сцены и с изумлением уставились на двух варваров, присоединившихся к ним. Нечто подобное случилось в 1862 году, когда я посетил городок Лунтань, расположенный на самой окраине горного уезда Цунхуа. Я прибыл в этот город с двумя другими путешественниками. К нашему удивлению, на улицах не было ни души. Мы принялись за расспросы, и оказалось, что все обитатели городка отправились смотреть театральное представление. Когда распространилась весть о нашем прибытии, зрители тут же прервали свое наслаждение искусством и воззрились на нас как на диковину. Мы были первыми европейцами в этом городке и вызвали не меньший интерес, чем спектакль.

В Сучжоу я видел кукольное представление, где марионетки были удивительно маленькими. Куклы приводились в движение нитями, нависавшими над сценой, в то время как другими виденными мной куклами управляли из-за сцены. Во время спектакля звуковым сопровождением был непрерывный бой гонгов. Марионетка изображала китайского солдата, вооруженного щитом и мечом. Она потрясающе верно проделывала выпады мечом, копьеносец двигался так же мастерски. В конце концов эти воины вступили в состязание. Их искусство привело зрителей в настоящий восторг. После жестокой борьбы победа досталась копьеносцу.

Другая кукла изображала старого рыбака, который старался поймать выброшенную на морской берег рыбу. У рыбака была корзинка, и он неоднократно, но безуспешно пытался накрыть ею извивавшуюся рыбу. Она билась, билась и в конце концов выпрыгнула в воду, а рыбак, который этого не заметил, сунул руку в корзинку, тщетно пытаясь нащупать то, что уже ускользнуло. Зрители оглушительно аплодировали искусству, с которым были переданы движения рыбака.

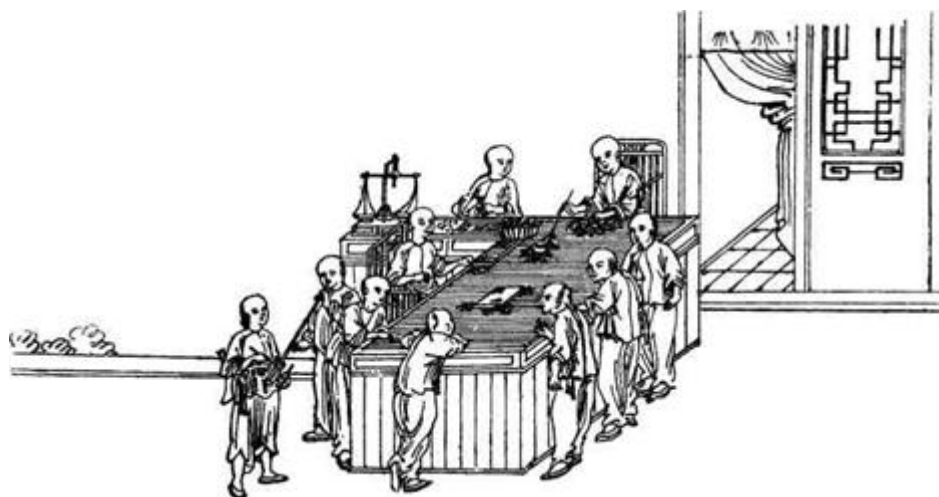
Музыкальные достижения китайцев так скромны, что я чуть было не написал, что в Китае вовсе нет концертов. Тем не менее в дни рождения нескольких второстепенных богов в плетеных хижинах, расположенных перед храмами, устраивают вокальные и инструментальные концерты, которые идут трое суток подряд и, кажется, доставляют немалое удовольствие обширной аудитории. Летние и зимние вечера китайцы скрашивают песнями. Когда близится вечер, можно видеть бродящие по улицам группы опрятно одетых слепых женщин со старушкой-поводырем. Это профессиональные певицы. Горожане их приглашают в дома и лавки, где они за умеренную сумму готовы петь весь вечер. Поскольку все китайские ремесленники очень трудолюбивы и нередко работают допоздна, наниматели регулярно приглашают в лавки слепых певиц, чтобы развлечь своих работников. Я видел, как несколько сапожников усердно работали над починкой башмаков, а сидящая в углу женщина скрашивала их труд песнями.

Очень популярны фейерверки. Китайцам известны катеринины колеса, пылающие полумесяцы, огненные цветы и сияющие звезды. Бывает, что в небе появляются и изящные пагоды. Фейерверки с применением кукол образуют на небе целые картины, которые изображают приемы у императора, судебные заседания, полководцев на войсковых смотрах и дам, отдыхающих в садовых беседах.



Атлеты

В Китае довольно много фокусников, и их трюки во многом совпадают с теми, которыми развлекают публику их европейские собратья. Во время путешествий по стране мне приходилось видеть бродячих гимнастов. Их репертуар тоже напоминал выступления английских артистов. Один из самых примечательных китайских акробатов подбрасывал в воздух украшенный флажками бамбуковый шест тридцати футов в длину, ловил его головой, грудью, плечами и руками и долго балансировал им без заметного усилия. Перед тем как принять шест на голову, он надевал шапку с толстой подкладкой. В Пекине я видел молодых людей, очевидно очень сильных, которые развлекались тем, что грациозно и непринужденно подбрасывали в воздух и ловили большой камень за прикрепленное к нему кольцо. Другие – тоже для собственного развлечения – бросали друг в друга глиняный горшок. Тот, в кого запустили горшком, ловил его локтем, плечом или головой. В Ханькоу я видел женщину-канатоходца с крошечными ногами. Держа в руках шест, она исполняла на канате изящный танец под бряцание кимвалов и бой гонгов. В Тяньцзине меня позабавило причудливое шествие детей на ходулях. Ребята били в барабаны и двигались с редкостной непринужденностью и грацией. Процессию возглавляли двое мужчин, которые тоже били в барабаны и просили подаяния у прохожих. В Пекине я заплатил чревовещателю и выслушал, с каким искусством он изобразил разговор крестьянской четы с их работниками – пастухом, свинопасом и молочницей. Он прекрасно имитировал также мычание быков и хрюканье свиней. Почти в каждом городе бывают кинетоскопы. В Кантоне и других южных городах они очень маленькие, а в центральных провинциях, напротив, большие, в каждом из них по десять-пятнадцать круглых глазков. В Ханькоу и Суч-жоу они были так велики, что напоминали матерчатые палатки. Говорят, что в них показывают непристойные картинки.



Игроки

Самое популярное развлечение у китайцев – азартные игры. Необычайная любовь к ним коренится так глубоко в душах людей, что играют мужчины и женщины всех общественных слоев и почти всех возрастов. Повсюду есть игорные дома, в которых толпятся люди с раннего утра до глубокой ночи. Даже прилавки фруктовых ларьков обращены в столы для азартных игр. Едва ли можно пройти мимо такого ларька, не обнаружив вокруг него совсем юных мальчиков, стремящихся выиграть выставленные на продажу соблазнительные лакомства. Они не могут удержаться и не попытаться счастья, хотя им известно, что шансы выиграть очень малы.

Конечно, азартные игры запрещены законом. Однако развращенные правители народа терпят их, так как сами ежемесячно черпают из этого источника немало денег. Действительно, правители кантонских уездов Наньхай и Паньюй превратили несколько пустых помещений рядом с внешними воротами своих ямэней в игорные дома. Посетив уездные города Лунмэнь и Цзэнчэн, я увидел, что их правители соблазнились тем же. Но чаще всего игорные дома расположены на глухих улицах или в переулках, поскольку уважаемые и богатые коммерсанты выступают против устройства таких заведений по соседству. В 1861 году все лавочники, жившие на улице Сюэ-си-цзе в Кантоне, закрыли магазины. Они подали доклад генерал-губернатору провинции и отказывались возобновить торговлю, *а*о тех пор пока он не пообещал письменно приказать правителю уезда закрыть игорный дом, который тот разрешил устроить на этой улице. Я помню, как нечто подобное произошло на улице У-чжоу-цзе в Хэнане. Во время посещения областного города Учжоу в провинции Гуанси я обнаружил, что горожане были так сильно настроены против игорных домов, что им удалось убедить правителя области перенести все подобные заведения на воду. На реке стояли на якоре несколько больших лодок, напоминавших плавучие дома, – там и шли азартные игры. Неприятие игорных домов богатыми торговцами обуславливается не тем, что сами они не играют. Дело в том, что они боятся, как бы их магазины не ограбили нищие и изгои, собирающиеся в притонах.

Игорные дома бывают разными. Существует так называемая тань-гуань, где играют в фаньтань. Этими заведениями руководит акционерное общество из десяти или двадцати партнеров. В подобных домах бывает по два помещения. В первом стоит высокий стол, в центре которого находится квадратная дощечка. Ее стороны размечены цифрами: один, два, три и четыре. Для игры в этой комнате необходимо присутствие трех партнеров. Первого называют тань-гуань, или банкомет, второго – тай-янь, или меняла, он сидит рядом с банкометом. Меняла снабжен табличками, весами и денежными ящичками. Этот партнер занимается проверкой и взвешиванием поставленных на кон монет. Третий – хэ-гуань, он стоит у стола, ведет запись игры и выплачивает выигрыши победителям. Игроки встают вокруг

высокого стола, и тань-гуань (банкомет) кладет на него перед собой горсть медных монет. Эту кучку он немедленно накрывает оловянной крышкой, чтобы игроки не могли подсчитать точное количество монет. Затем игрокам предлагают разложить ставки по сторонам квадратной дощечки. Ставки сделаны, и банкومت снимает крышку. При помощи палочки из слоновой кости длиной в фут он начинает отгребать от груды денег по четыре монеты за раз. Если остается одна монета, игрок, положивший ставку на сторону доски с цифрой один, считается победителем. Если остается две или три монеты, он сохраняет ставку. Если остается четыре монеты, он теряет ставку. Эта игра называется чжэн-тоу. Понятно, что у игрока один шанс выиграть, два – сохранить ставку и один – проиграть.

Вторая игра, в которую играют за этим столом, – цян. В этой игре у участника один шанс выиграть вдвое больше своей ставки, два шанса потерять ее и один шанс сохранить. Если он кладет ставку на сторону дощечки, отмеченную цифрой два, и в конце концов перед банкومتом остается две монеты, после того как он убирает из груды монет по четыре за раз, то выигрывает вдвое против первоначальной ставки, если три – игрок сохраняет ставку, если остается одна или четыре монеты, то проигрывает.

Третья игра, в которую играют за этим столом, называется фань. В ней у игрока один шанс выиграть втрое больше своей ставки и три шанса потерять деньги. Четвертая игра за этим же столом называется цзяо. Ее правила таковы: игрок ставит деньги на один из углов дощечки, то есть между двумя числами. Если остаток у банкомета соответствует любому из этих чисел, игрок выигрывает сумму, равную его ставке. Если остаток соответствует любому из двух оставшихся чисел, то проигрывает.

Во внутреннем помещении подобных игорных домов ставки всегда принимаются серебряными монетами, в то время как в предыдущей комнате играют только на медяки. За игрой во внутренней комнате тоже следят три партнера акционерного общества. Поскольку ставки очень велики, их не кладут на стол, чтобы бродяги, имеющие обыкновение толпиться в соседнем помещении, не вломились и не смели их со стола. Поэтому здесь используют китайские игральные карты из одной колоды для обозначения игроков и из другой колоды – для обозначения их ставок. Хэ-гуань аккуратно записывает ставки, чтобы избежать споров. Несмотря на это, они возникают довольно часто. Кстати, единственная кулачная драка, которую мне довелось видеть на протяжении моего долгого пребывания в Китае, возникла у дверей игорного дома в Бицзяне между содержателем и проигравшим.

Содержатели игорных домов получают большую прибыль, а игроки часто разоряются. Бывает, что доведенные до отчаяния люди заканчивают свои дни в тюрьме. Иногда они лишаются не только денег, но и одежды, которая была на них во время игры. Однажды, проходя мимо дверей игорного дома у храма Пяти Гениев в Кантоне, я услышал страшный шум и вошел в заведение узнать, в чем дело. Оказалось, что в ту самую минуту следивший за игрой персонал притона срывал одежду с человека, который поставил ее на кон и проиграл. Затем несчастного одели в джутовые мешки и выставили на улицу.

Семь процентов от выигрышей отходят владельцам на покрытие расходов, которые очень велики из-за необходимости ежемесячно выплачивать мандаринам крупные суммы.

Иногда игорные заведения содержат женщины дурной репутации. Если такой факт обнаруживается, их немедленно именем закона отстраняют от этого промысла.

Другой вид азартных игр называется гуань, или «древние». Иначе он известен как «цветочные иероглифы» («цзыхуа»). Говорят, эта игра возникла в области Чжэньчжоу и пришла в Кантон на двадцать восьмом году правления императора Даогуана. Слово «древние» здесь обозначает имена и фамилии тридцати шести исторических персонажей. Эти имена делятся на девять следующих классов:

1. Имена четырех человек, добившихся самых высоких ученых степеней. В прошлой жизни эти люди были рыбой, белым гусем, белой улиткой и павлином.

2. Имена пяти выдающихся воинов. Эти люди некогда были соответственно червем, кроликом, свиньей, тигром и быком.

3. Имена семи удачливых купцов, некогда бывших летящим драконом, белой собакой, белой лошастью, слоном, диким котом и осой.

4. Имена четырех людей, наслаждавшихся непрерывным счастьем на протяжении земного существования. Они были в прошлой жизни лягушкой, орлом, обезьяной и драконом.

5. Имена четырех женщин. Они некогда были бабочкой, драгоценным камнем, белой ласточкой и голубем.

6. Имена пяти нищих, которые были креветкой, змеей, рыбой, оленем и овцой.

7. Имена четырех буддийских монахов, в прежней жизни бывших черепахой, курицей, лосем и теленком.

8. Имена двух даосских монахов. Они некогда были белой цаплей и желтой полосатой кошкой.

Правила игры таковы. Игровая компания выбирает человека, который умеет искусно составлять загадки. Ему платят очень большое жалованье. Новые загадки требуются постоянно, потому что дома, где играют в цзыхуа, открываются дважды в день, а именно в семь часов утра и в восемь часов вечера. Загадка должна посвящаться одному из созданий, перечисленных выше: зверю, птице, рыбе, пресмыкающемуся или насекомому. Как только загадка составлена, печатают и пускают в продажу несколько тысяч ее копий. Вероятно, уже сама продажа загадок представляет собой серьезный источник дохода. Если покупатель листка с загадкой сочтет, что он отгадал загадку и знает, о ком в ней говорится, то пишет на бумажке свой ответ. В назначенный час он спешит к игорному заведению (чаще всего оно представляет собой большой зал). Там игрок передает свой ответ и ставку секретарю. Когда собраны все ответы и ставки, управляющие удаляются в заднюю комнату, где изучают ответы и подсчитывают ставки. Секретарь записывает имена тех, кто ответил правильно, а его партнеры заворачивают в бумагу разные суммы денег, выигранные удачливыми угадчиками. Все это время с крыши комнаты, где собрались игроки, свешивается свернутый свиток с изображением разгадки. Когда выигрыши готовы для выдачи участникам, секретарь входит в зал и разворачивает свиток. Когда картинка становится видна, немногие отгадавшие приветствуют ее ликующими криками, в то время как остальные недовольно ропщут. Само собой разумеется, управляющие стараются подбирать для загадок самые неопределенные формулировки. Это приводит к тому, что большинство дает неверные ответы. В подобных местах суммы ставок ограничены.

В этих заведениях много денег проигрывают дамы. Поскольку им не разрешается появляться в общественных местах, они чаще всего посылают вместо себя рабынь или слуганок.

Ежедневно мужчины, женщины и дети всех слоев общества проигрывают большие суммы в игру под названием да-бай-гэ-пiao, или «ударь белую голубку». Составляется компания из пятидесяти партнеров с равными долями. Одного избирают контролером. По причинам, которые сейчас разъяснятся, он должен находиться в совершенном уединении. Ему дают лист бумаги, на котором написаны восемьдесят китайских иероглифов, означающих соответственно небо, землю, солнце, луну, звезды и т. д. С этим листком он заходит в отдельную комнату и остается там, не общаясь ни с кем, в течение нескольких часов. В это время он отмечает красной краской с помощью кисти двадцать иероглифов. Затем лист кладут в коробку, которую сразу же тщательно запирают. Затем в продажу пускают тысячи листов бумаги с такими же иероглифами. Покупатели отмечают десять иероглифов из восьмидесяти и следующим утром приносят свои листки в игорное заведение, чтобы сравнить с бумагой, помеченной контролером. Перед сдачей листов они делают с них копии, которые оставляют

себе. Когда все листки собрали, открывают стоящую на видном месте на столе коробку с бумагой контролера и сравнивают с ней листки собравшихся. Если из отмеченных игроком иероглифов только четыре совпадают с теми, что отметил контролер, он не получает ничего. Если совпадают пять иероглифов, игрок получает семь медных монет; если шесть – семьдесят; если восемь – семь долларов; если десять – пятнадцать долларов. Желая участвовать в этой игре может купить до трехсот копий листов с иероглифами, но он должен разметить их одинаково. В таких больших городах, как Кантон, никогда не бывает больше двух таких заведений. Судя по количеству листов, продаваемых ежедневно, прибыль управляющих ими компаний должна быть очень велика.

Кроме того, в городах бывают дома, где днем и ночью идет игра в карты с очень высокими ставками. Многие разоряются. Во избежание пристального внимания со стороны властей игорные притоны носят в большей или меньшей степени приватный характер, однако игроки не затрудняются найти эти вертепы порока. Карточная игра регулярно шла в частной резиденции поблизости от китайского дома, в котором я прожил шесть лет. Однажды мне пришлось зайти в соседний дом. Там я увидел мужчин, игравших в карты, и нескольких женщин – последние не играли. Это объяснялось тем, что по кантонским понятиям о приличии совместная игра в карты мужчин и женщин невозможна. В городах Нанкин и Цзяньпу я, к своему изумлению, увидел, как мужчины играли вместе с женщинами. Я стал расспрашивать об этом и узнал, что такая же практика распространена в Шанхае. Карты – развлечение, пользующееся популярностью у всех слоев общества и у обоих полов.

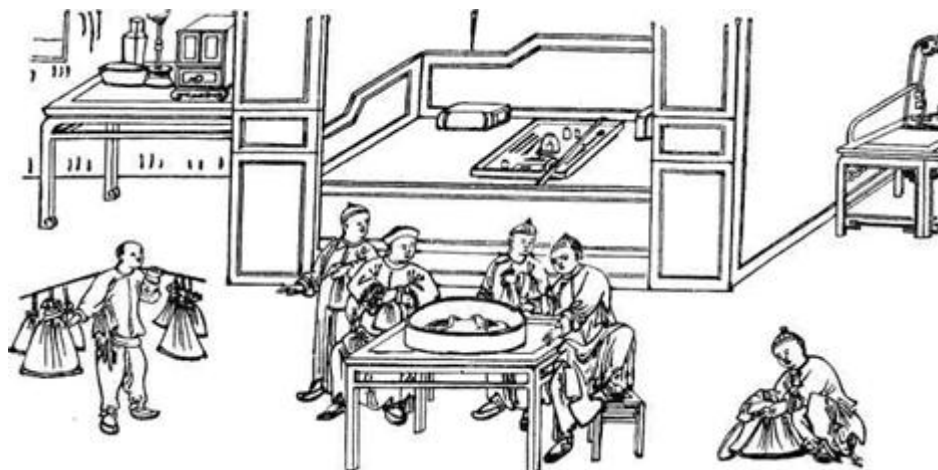
Есть игра, в которую играют при помощи трех коротких тонких тросточек, похожих на палочки для еды. Игрок держит в правой руке три палочки, пряча их нижние концы в ладони. К одной из них он предварительно прикрепляет деньги. Его противник прикладывает столько же денег к противоположному концу одной из палочек. Если он угадывает и ставит деньги на ту же палочку, то выигрывает.

Еще кантонцы играют в апельсины. Обычно это происходит у фруктовых ларьков, но иногда практикуется и в частных домах. Человек бьется о заклад, что в апельсине столько-то косточек. Затем апельсин разрезают и подсчитывают косточки. Во фруктовом ларьке продавец выплачивает угадавшему пять медных монет на каждую поставленную. Неудачливый игрок выплачивает продавцу стоимость апельсина и пять своих ставок. В ларьках также нередко играют на стебли сахарного тростника. Тростник ставится вертикально, и если кому-нибудь удастся разрезать его острым ножом пополам сверху донизу, он выигрывает у продавца этот стебель. В случае неудачной попытки тростник остается у продавца. В придачу последний выигрывает больше денег, чем тростник стоит сам по себе.

Зимой распространенное времяпрепровождение – игра на кусок туши, на свинину или рыбу. Кусок мяса или рыбы подвешивают на длинный шест, и люди заключают пари об их весе. В Тяньцзине часто играют на лакомства и фрукты. Мясник либо торговец птицей или фруктами запасается длинной бамбуковой трубкой, в которую кладет несколько деревянных чурочек, помеченных цифрами или другими значками. Если игрок вытащит чурочку без номера, он теряет ставку. Если на чурочке стоит номер, он получает соответствующий приз.

В летние месяцы в южных провинциях часто устраивают бои сверчков. Там эти насекомые во множестве водятся на склонах холмов. Их ловят ночью, для чего берут с собой холань, или огненные корзинки. Они сделаны из железных прутьев. Во время экспедиций за сверчками в корзинке устраивают костерок из еловых или кедровых веток. Иногда охотники выжидают насекомых, наливая в их норки воду. Порой они выманивают сверчков, поместив перед местом их обитания фрукт, который называется «драконьи глаза». Лучшими бойцами считаются сверчки, которые стрекочут громко. После поимки их держат по одному в глиняных горшках, на дне которых положено немного мелкой земли и стоит крошечная чашечка с несколькими каплями воды, чтобы насекомое могло попить и искупаться. Кормят сверчков

двумя видами рыбы – вэнь-юй и цзи-юй. Иногда их угощают насекомыми под названием лу-цзинь-чун, дунь-цзе-чун и пинь-тань-чун. Дают им и меда, чтобы придать силы. Кроме того, в диету входят вареные каштаны и вареный рис. Каждую ночь к сверчку-самцу на два часа подсаживают самку. Считается, что дым вредит их здоровью. Поэтому дыма совершенно не должно быть в комнатах, где держат горшок с насекомыми. Иногда на него наклеивают волшебный свиток, который должен отвести все дурные влияния. Если сверчки заболевают от переизбытка, им дают красных насекомых под названием хун-чун, если простужаются, им предлагают москитов; если перегреваются – побеги зеленого горошка. От одышки дают чжу-де, или бамбуковых бабочек.



Перепелиный бой

На арене для сверчков, которую китайцы называют ли, насекомых сортируют по размеру, весу и цвету. Ставки иногда бывают очень большими. Правительство, тем не менее, предполагает, что во время сверчковых боев ставками бывает исключительно сладкое печенье. Сверчок, выигравший много боев, называется шоу-ли, или сверчок-завоеватель. Когда он умирает, его хоронят в маленьком серебряном гробу. Хозяин уверен, что торжественные похороны принесут ему удачу, и в будущем году неподалеку от места, где похоронен сверчок, он найдет таких же хороших бойцов.

Наиболее известные сверчковые бои бывают в Хуади, расположенном в непосредственной близости от Кантона, и Чаби неподалеку от Хуанпу. Для этого там ставят большие шатры с несколькими отделениями, крытые циновками. В каждом отделении находится стол, на котором стоит маленькая кадка. В кадочках сверчки и дерутся. Все ставки сдают комитету, который выдает эту сумму победителю за вычетом десяти процентов. Кроме того, ему дарят жареного поросенка, кусок шелка и позолоченное украшение, напоминающее букет цветов. Победитель ставит это украшение у себя дома на алтарь предков или относит его в кумирню гуань-ди.

Чтобы люди, делающие ставки, могли познакомиться с достоинствами бойцов, на стенах здания наклеивают плакат со сведениями относительно призов, выигранных каждым из них. На этих матчах игроки очень волнуются, и значительные суммы переходят из одних рук в другие. Сверчков, проявивших выдающиеся бойцовские способности, нередко продают за большие деньги.

В зимние месяцы любимое развлечение китайцев – перепелиные бои. Арены, где сражаются эти птицы, похожи на арены для петушиных боев, которые некогда были так популярны в Англии. На обучение перепелов тратится много сил. Прежде всего тренер разрушает барабанную перепонку птицы, дунув в ухо через трубочку. Это нужно для того, чтобы перепел оглох и сделался нечувствительным к шуму, который производят зрители боев. Каждый день птицу моют в теплой воде, чтобы она стала худой и энергичной. Обычно арены для

перепелиных боев бывают очень маленькими. Вокруг них идет несколько ярусов балконов, где зрителям приходится стоять согнувшись. В центре арены на столе находится кадка с низкими бортами, предназначенная для перепелов. Перед началом боя птиц по очереди ставят на стол, чтобы дать зрителям возможность оценить их стати. Одну из птиц сажают в желтый мешок, а другую – в синий. Затем зрителям предлагают делать ставки, которые тщательно записывает секретарь. Ставки передают рефери, который передает их выигравшему после присуждения победы. Когда птицы оказываются друг напротив друга в кадке, начинается жестокая схватка. Однако борьба продолжается всего несколько минут, после чего побежденный пытается улететь, чтобы спастись от противника.

Для боев держат также пань-гэ, или дикого голубя, чжу-ши-нюэ и хуа-ми. Состязания между этими птицами чаще всего проходят не на публичных аренах, а в частных домах почтенных горожан. При этом часто из рук в руки переходят значительные суммы.

Чжу-ши-цюэ называется так из-за природной склонности питаться свиным навозом. Владельцы вкладывают много труда в тренировку птиц к сезону боев. Одно время их кормят рисом, смешанным с яичным желтком. В другой сезон – в середине лета – им дают белых насекомых, которые заводятся в выставленном на солнце вареном рисе. В остальное время их кормят червяками, которые заводятся в порубленном на мелкие куски, высушенном на солнце и истолченном собачьем мясе. Непосредственно перед сезоном боев (он бывает весной) их кормят женьшенем. Каждый год в Лунцзяне устанавливают большой шатер, крытый циновками, для птичьих боев. Вокруг него висят клетки с птицами, наполняющими воздух трелями.

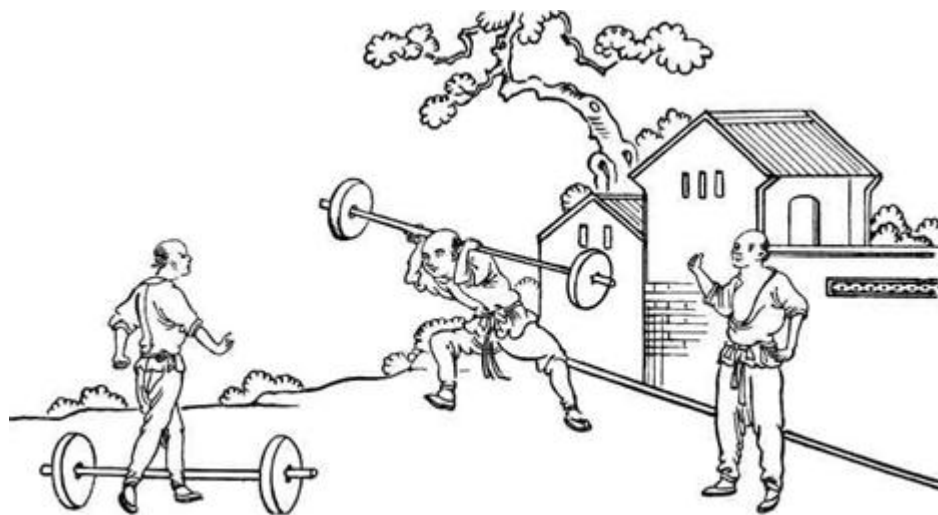
Много внимания требуют и хуа-ми. Каждую такую птицу держат в высокой клетке, где установлен мостик или столик, которыми она пользуется как насестом. Их кормят рисом с яичными желтками, смешанным с небольшим количеством песка. Летом каждый день клетки ставят в кадки с водой, чтобы птицы могли искупаться, что они и делают, очевидно, с большим удовольствием. Чтобы заставить самцов драться, нужно неподалеку от них поместить самку. Эти птицы еще и замечательно поют.

В некоторых частях империи практикуются также петушиные бои, хотя они не очень популярны. Говорят, что лучшие бойцовые петухи те, у которых толстый гребень и острые шпоры. Иногда перед боем в гребень петуха тайком втирают кусочки корня под названием цзы-у-тоу. Бойцовые петухи настолько не любят этого запаха, что отворачиваются от птицы с таким гребнем. После соревнования хозяева проявляют большую заботу о птицах. В горло им суют перышко, чтобы они выплюнули кровь или слизь. В наше время эту жестокую забаву вряд ли можно видеть в Кантоне.

Дворяне из южных провинций не особенно любят спортивные упражнения на открытом воздухе: охоту на лис, стрельбу или рыбалку. В северных провинциях и в Монголии, очевидно, кое-кто находит в них удовольствие. У императора есть охотничьи угодья в Жэхэ и в Монголии, а также под Пекином. Насколько я знаю, в Монголии лес, где охотится император, занимает 400 китайских ли, или 133 английских мили в ширину, а в длину 800 китайских ли, или 266 английских миль. Лес в Жэхэ обнесен одиннадцатикилометровой стеной. Мне неизвестен размер охотничьих угодий под Пекином, но, судя по протяженности стен, которыми они обнесены, очевидно, он занимает несколько миль. По обычаю, император раз в год удаляется в один из этих лесов, чтобы насладиться охотой.

Китайцам северных провинций знакома и лисья охота, с собой туда берут только двух-трех собак, похожих на английских ищеек. В северных провинциях охотятся и на зайцев. Собаки те же, что и на лисьей охоте, их тоже бывает лишь две-три, поэтому охота на зайцев на севере Китая в чем-то напоминает охоту с гончими в Англии. В провинции Чжили и в Монголии вместе с охотничьими псами используют сокола. Преследуемый заяц явно больше боится птицы, чем собак. Когда над ним парит сокол, животное сразу же съежива-

ется в траве и становится легкой добычей крылатого врага. Кроме того, на севере практикуют соколиную охоту. На обучение этих птиц уходит много труда. Забрав молодого ястреба из гнезда, два дня его держат без еды. Затем сокольник сажает его к себе на руку, защищенную кожаным рукавом. Примерно в десяти футах от него стоит другой человек, приманивающий к себе птицу куском сырого мяса. Иногда мясо привязывают к белому вееру из перьев. Чтобы приручить старую птицу (их обыкновенно ловят сетями), голову сокола покрывают полотном и привязывают его к руке деревянной человеческой фигуры. В период тренировки, продолжающийся более месяца, сокола кормят очень скудно. В конце этого периода полотняную повязку снимают и связывают птице крылья. После этого ее снова привязывают к руке деревянной фигуры на семь недель. Затем ей первый раз позволяют вылететь на открытый воздух. Чтобы сокол не улетел, к его ноге, конечно, привязывают длинную бечевку. К деревянным изображениям фазанов или других птиц привязывают куски мяса и тащат их через высокую жесткую траву, которой покрыты холмы и равнины. Сокол камнем падает на добычу и получает в награду соблазнительную приманку. В Маю, городе в уезде Юнцзян, продается множество охотничьих соколов. Насколько мне известно, рынок, где торгуют этими птицами, обычно открыт по вечерам и ночам.



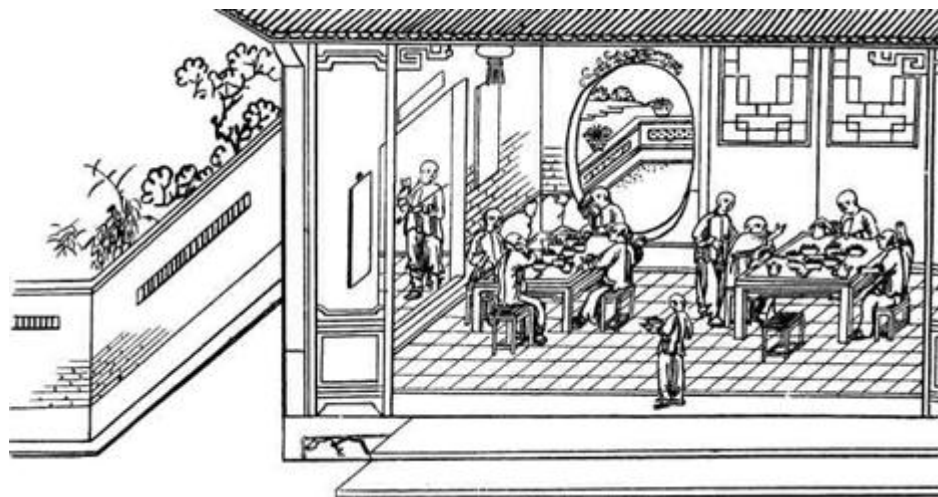
Атлеты

В центральных и северных провинциях некоторые дворяне увлекаются стрельбой. На юге же такой спортсмен – большая редкость. На мой взгляд, это в первую очередь объясняется влиянием буддийской религии и мнением, будто птицы оказывают благоприятное влияние на геомантию местности. В деревнях обыкновенно вешают объявления о том, что прохожие не должны убивать птиц и портить деревья, на которых они ночуют. Тем не менее многие бедняки стреляют птиц для продажи. При этом, насколько я знаю, битую птицу у них по большей части покупают иностранцы.

Китайцы не так уж любят атлетические упражнения. По всей видимости, они ничего не знают о таких мужских играх, как борьба, бокс, крикет, теннис и футбол, но они весьма искусны в национальной игре в волан, для которой вместо ракеток используют собственные ступни. Иногда играющему удается непрерывно подкидывать ногой волан в течение нескольких минут. Атлетикой занимаются по большей части только кандидаты на военные посты. Посредством постоянной тренировки они приобретают большую физическую силу. Помню, как в Жэхэ меня поразила непринужденность, с которой кавалерийский офицер, которому было больше семидесяти лет, натягивал самые тугие луки и демонстрировал умение фехтовать мечом и орудовать пикой, сидя на коне.

Китайцам известны и регаты. Я присутствовал на гребных гонках в 1866 году в городке Дукоу и в первый день видел не меньше сорока двух соревновавшихся лодок. Главный приз

включал жареного поросенка, красную табличку с панегирической надписью, маленький мраморный экран с начертанными на нем этическими максимами, два серебряных кубка для вина, сделанные под старину, и шелковый флажок. Всего призов было семь, а дистанция регаты составляла 3 английских мили. Как обычно, гребцами были крепкие мускулистые мужчины. Победители, получившие первый приз, возможно, в своем роде могли бы стать достойными соперниками четверке лучших гребцов на какой-нибудь из рек Англии. Друзья преподнесли цветы экипажу лодок-победителей. Каждый год в кантонском уезде Наньхай проходит регата. Публику оповещают о ней афишами, которые обычно составлены в юмористическом тоне.



Званый обед

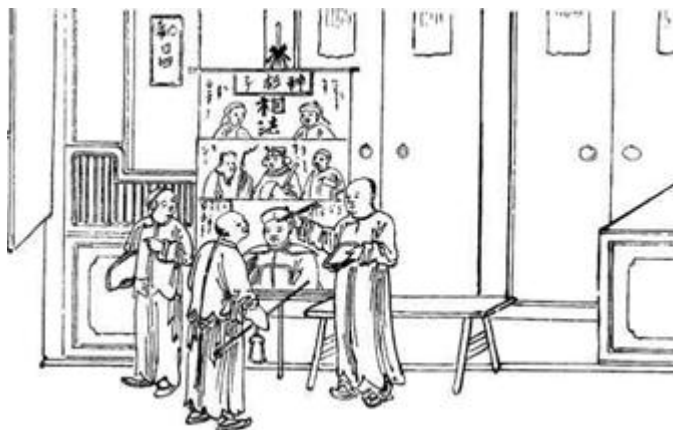
Книга вторая

Глава 17

Астрологи и предсказатели

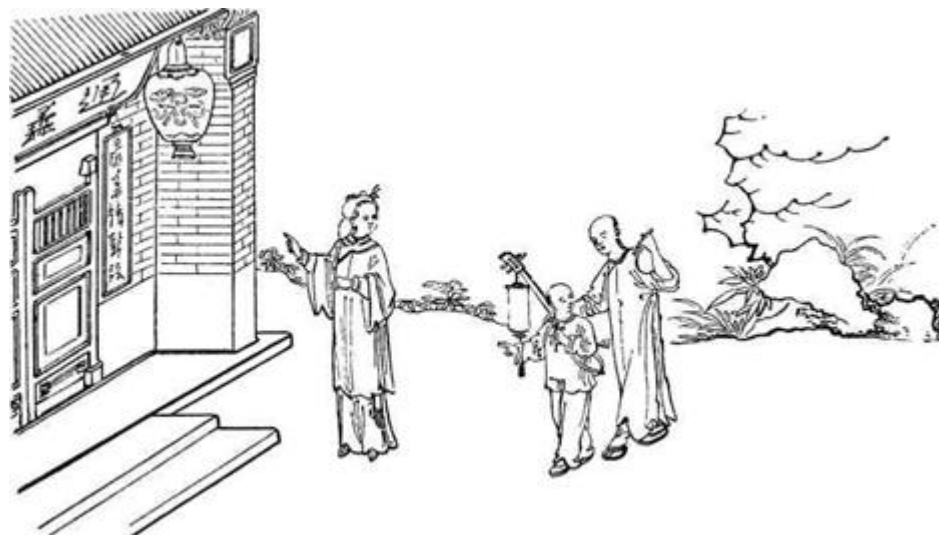
В отношении теории и практики многочисленных призрачных искусств, посвященных познанию всяческих тайн и грядущего, китайцы не уступают самым суеверным народам Азии и Африки. Им всегда было свойственно стремление проникнуть в законы судьбы или узнать о результатах своих начинаний. Вряд ли можно назвать область природы, где они не ищут время от времени благих или дурных предзнаменований. Как в важнейших, так и в самых ординарных случаях повседневное поведение китайцев определяется суевериями. Каждый день, даже, пожалуй, каждый час, люди ищут помощи у физиономистов, гадалщиков, предсказателей будущего, толкователей снов, астрологов, волшебников, экзорцистов, медиумов, ведьм или женщин, советующихся со знакомыми духами, у некромантов, рабдомантов, или гадалелей по жезлам, беломантов, или гадалелей по стрелам, а также заклинателей змей. Эти мошенники устраиваются у ворот наиболее посещаемых храмов либо занимают дома или киоски на улицах и на оживленных трактах. В Даньян Сянь на берегах Великого канала я видел предсказателя судьбы за работой в чайной, там в углу у него был столик. В окрестностях он считался выдающимся мастером своего ремесла, а хозяин заведения славился своим чаем и печеньем. Они обеспечивали доход друг другу, так как, зайдя узнать о будущем, посетители оставались выпить чаю, а зайдя выпить чаю, оставались узнать о будущем.

Физиономист, который всегда окружен желающими узнать, что их ждет, перед входом в дом или на стене у своего рабочего места вывешивает кусок ткани или лист бумаги, где нарисованы человеческие лица. Некоторые из портретов должны изображать лица людей, которым судьба предназначила быть чиновниками и занимать высокое общественное положение. Другие изображают лица тех, кому суждено жить в довольстве и спокойствии или быть богатыми и могущественными, или же бедными и опозоренными, или же преступными и бесчестными. Но китайские физиономисты не ограничиваются изучением человеческих лиц. Они претендуют на способность предсказывать будущее – благосостояние или нищету людей, принадлежащих к любым слоям общества и к обоим полам, – по всем частям тела. Чтобы дать некоторое представление о китайской физиогномике, предложу вниманию читателя некоторые сведения, почерпнутые из сложных трактатов мастеров этого искусства.



Физиономист

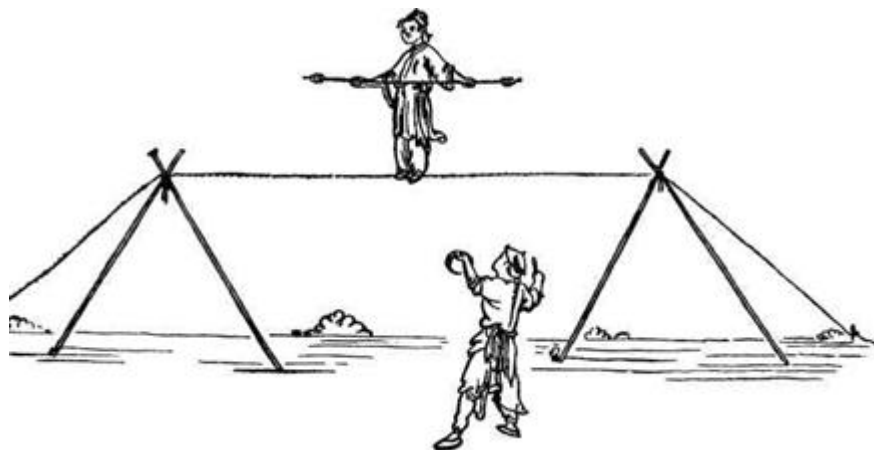
Круглая голова с густыми волосами, растущими над высоким лбом, тонкие брови равной длины, большие пухлые уши, верхняя часть которых находится выше уровня бровей, большой рот у мужчин и маленький у женщин, большой подбородок, высокий и крепкий нос, высокие скулы, шелковистая борода, темные усы, закручивающиеся кверху, толстая шея, могучий голос и выразительные раскосые глаза продолговатой формы считаются самыми благоприятными признаками. В случае недостатка таких черт гадатель предсказывает различные степени несчастий и нужды. Так, человеку, у которого голова не круглой формы, говорят, что он никогда не добьется известности и все дни своей жизни будет пребывать в подчиненном положении. Человек с заметно низким лбом, скорее всего, подвергнется наказанию магистрата. Таким людям неизменно советуют сделаться монахами и удалиться от мира. Человеку с маленькими и не пухлыми ушами предсказывают смерть в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет; гадалки утверждают, что, если ему и удастся дожить до старости, он умрет в нищете. Если до старости удастся дожить человеку с маленьким подбородком, его постигнут страшные несчастья. Женщине с большим ртом предсказывают жизнь в пороке.



Слепой музыкант

Человека с маленьким носом и раздутыми ноздрями ждет удел нищего. Отсутствие высоких скул означает слабость характера и невозможность добиться ответственного или почетного поста. Жена человека с тонкой шеей умрет вскоре после свадьбы. Высокий голос выдает раба дурных привычек, неспособного дожить до старости. Выразительные раскосые глаза продолговатой формы с большими круглыми зрачками предвещают большую удачу, а глаза, лишенные этих особенностей, свидетельствуют о наклонности к воровству.

За осмотром лица обыкновенно следует изучение руки. Пухлая рука с мягкой красной ладонью без морщинок – знак большой удачи, в противном случае – знак возможных неприятностей. Пальцы, тесно прилегающие друг к другу, считаются предзнаменованием счастливой жизни и процветания. Таковы некоторые физиогномические представления китайцев, и удивительно, сколько почтенных и влиятельных людей по всей империи обращаются к мастерам этого искусства. Они так крепко верят в физиогномику, что убеждены, будто ничто, кроме воли богов, не сможет изменить назначенную им судьбу, проявившуюся в телесном сложении и внешности.



Канатный плясун

Во всех частях империи встречаются слепые предсказатели. Эти люди, обыкновенно хорошо одетые, несут на плечах китайскую арфу или гитару, на которой играют очень искусно. Иногда они уходят на огромные расстояния от своего дома. В отдаленной долине Внутренней Монголии я встретил пожилого слепого менестреля, который сообщил мне, что он прошел весь путь от провинции Шэньси и направлялся в город Лама-мяо, где надеялся неплохо заработать при помощи музыки и гадания. В Гу-бэй-коу я видел двух слепых менестрелей, отдыхавших на зеленом дерне у подножия Великой стены. Они дошли туда из центральной провинции Сычуань. Обычно этих музыкантов ведут молодые слуги, хотя иногда они сами нащупывают путь при помощи длинных бамбуковых тростей. Проходя по улицам города, они кричат, рекламируя свой промысел. Несмотря на то что, в отличие от слепых в европейских странах, их не учат читать, в некоторых отношениях они самые информированные среди своих соотечественников. В молодости они узнают от своих братьев и заучивают наизусть буквально тома, посвященные тайнам ремесла. Они немало знают о древней истории Китая и могут привести точные даты восшествия на престол императоров, а также подробно пересказать исторические события каждого царствования. Чаще всего их зовут в жилища, где обитатели находятся в растерянности из-за домашних неприятностей. Настроив инструмент и узнав причину беспокойства, прорицатель начинает петь под аккомпанемент арфы. Его пение проливает свет на изначальную причину неприятности, выпавшей на долю семьи. Своим пророческим даром музыкант возбуждает надежды или увеличивает печали и опасения нанявшей его семьи.

Такие предсказатели издревле существовали в Китайской империи. Тем не менее не все слепые китайские музыканты – предсказатели. Многие из них не претендуют на обладание пророческими способностями и просто бродят по улицам, как их собратья в Англии, чтобы заработать на хлеб игрой на скрипке, лютне или арфе.

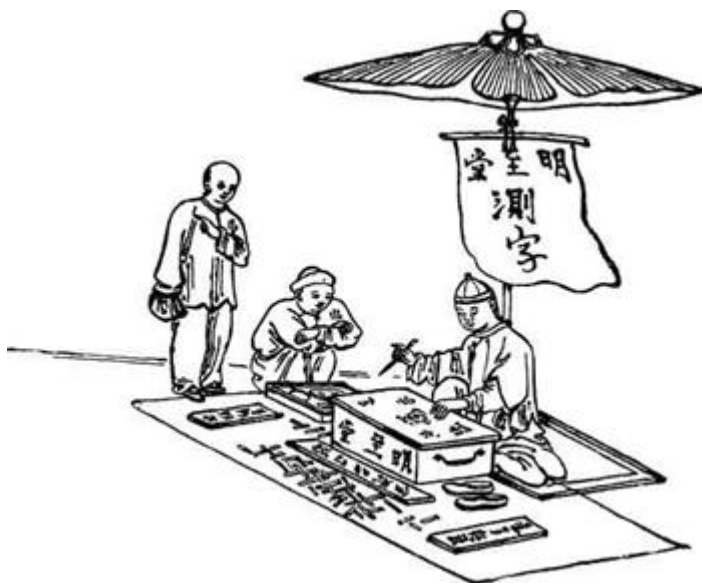
Одним из самых замечательных бродячих музыкантов, с которым мне пришлось столкнуться, был некий уроженец Тяньцзиня. Проходя по одной из главных улиц этого города в 1865 году, я услышал звуки скрипичной мелодии «Боже, храни королеву» и удивился. Свернув в сторону, я увидел, что играл слепой уличный скрипач. Когда я пошел дальше, он заиграл «Британских гренадеров»; и затем я услышал от него похоронный марш из «Саула». Из расспросов я узнал, что он слышал эти мелодии от британцев, стоявших в Тяньцзине, во время последней войны с Китаем.

Толкователи иероглифов – еще один многочисленный класс людей, зарабатывающих на жизнь благодаря суеверности своих собратьев. Архидиакон Кобболд так описывает их действия в своей книге *Pictures of Chinese*:

«Сначала выбирают несколько многозначных и внушительно звучащих слов. Затем каждое из них пишут на отдельной картонной карточке, свернутой как миниатюрные пер-

гаментные свитки со стихами из Писания, которые в настоящее время иудеи используют в качестве талисманов. Несколько сотен таких карточек встряхивают в коробке.

Гадателя всегда можно найти неподалеку на углу улицы. Клиент (возможно, намеревающийся узнать результат предполагаемой поездки или предстоящей сделки) опускает руку в коробку и вынимает из нее одну карточку. Тут-то наступает время гадателя. Написав выбранное слово на белой дощечке, которая у него под рукой, начинает определять его корень и производные, выделяет составные части, объясняет основное значение и смысл в словосочетаниях. Затем он выводит из значения и структуры выбранного иероглифа те, что применимы к данному случаю. Возможно, ни один язык не обладает таким потенциалом для гадателей и их искусства, как китайский. Ловкий мастер с легкостью придает выбранным словам туманное пророческое звучание. Некоторое представление об этом методе гадания можно получить, обратившись к анаграммам, которые можно составлять как на английском, так и на других языках. Например, анаграмма имени Горацио Нельсон (Horatio Nelson) – Honor est a Nilo. Из имени Верной (Vernon) получается Renown (Известность), а из Waller – Laurel (Лавр). Или же возьмем знаменитый вопрос Пилата «Quid est Veritas?» («Что есть истина?»). Если переставить в нем буквы, получится «Est vis qui adest»...» Преподобный архидиакон добавляет: «Гадатель за столиком – неперменный атрибут большой ярмарки или религиозного празднества, его можно видеть везде, где, как он знает по опыту, можно неплохо заработать. Удивительно, как много народу кормится около ремесла, доказательства ложности которого, казалось бы, должны появляться ежедневно. Никто не возвышает голоса против него. Конфуцианец думает, что оно может быть необходимо для грубых невежественных умов. И буддист, и даос поощряют любое ощущение зависимости от невидимого мира, поскольку это только увеличивает авторитет их монастырей. Да, государственная религия высмеивает подобные суеверия, но у нее нет возможности удержать народ от обращения к ним. И люди, облеченные властью, не видят достаточных причин вмешиваться в это дело. Они говорят, что данный вопрос не касается справедливого управления государством и улучшения нравов, – он относится к личным убеждениям, и поэтому мы вполне можем не беспокоиться об этом. Их любимое выражение: если вы верите в это, то подобные вещи существуют, если нет, – то нет. Это означает, что каждый должен руководствоваться собственными убеждениями. Прежде всего важны искренность и серьезность. Горячая вера в нечто ложное, если она не противоречит нравственности, может лучше поддаваться контролю и упорядочивающему воздействию, чем сухая ортодоксия».



Предсказатель судьбы по иероглифам

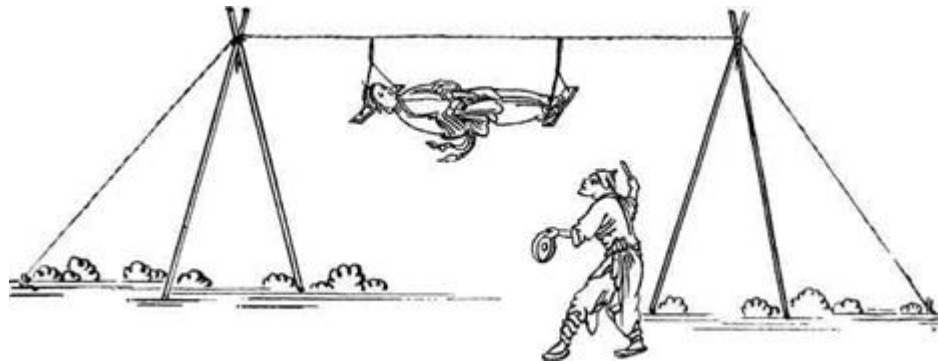
Еще одна разновидность гадателей использует при работе птиц. Предсказатель сидит за столом с клеткой, где сидит птица, напоминающая английского снегиря. Он предлагает клиенту выбрать одну карту из колоды. На карточках написаны фразы, предсказывающие очень хорошую, или просто хорошую, или среднюю, или плохую, или очень плохую судьбу. Выбрав карту и посмотрев на предсказание, клиент возвращает карту в колоду, которая обыкновенно состоит из сотни карт. Гадатель тасует их с видимой тщательностью и выкладывает на стол. Птица выпрыгивает из клетки. Ей велят взять карту, чтобы убедиться, соответствует ли отобранная клиентом карта воле богов, судеб или звезд. Если птица достанет ту карту, которую он выбрал, клиент убеждается, что надпись на ней относится именно к его судьбе. Само собой, птица всегда безошибочно вытягивает нужную карту. Мне приходилось видеть в такой роли кур, особенно белых.

Существуют и гадалки, которые предсказывают будущее только женщинам. Они используют не птиц, а черепахи. Эти обманщицы применяют следующий метод. По сторонам большого бамбукового подноса аккуратно разложено около сотни конвертов, в каждом из которых лежат карточки с надписями, означающими или что-нибудь хорошее, или наоборот. Клиентка, выбрав одну из карточек и запомнив написанное, кладет ее на поднос. Затем туда сажают черепаху, которая, как и в предыдущем случае, находит загаданную карту. Такие гадалки, как правило, бывают женами бродячих лудильщиков и чаще всего их можно встретить в поселках и деревнях.

Кроме того, есть женщины, которые держат дома под названием бу-ши-мэнь, посещаемые суеверными клиентками. Там находится святилище идола. Женщина, желающая узнать об исходе того положения, в котором она находится, или к чему приведет осуществление ее планов, встает перед идиолом на колени и совершает определенные церемонии. Затем она рассказывает ему о своем желании, снова встав на колени и напряженно всматриваясь в камень, помещенный на треножнике. Вскоре, как предполагается, она должна увидеть на поверхности камня образ или картинку своего будущего. Я зашел в такой дом на кантонской улице Гуан-хоу-цзинь в старом городе, там увидел старую даму в большом расстройстве: она поведала мне, что видела зеленое поле, посередине которого стоял гроб.

Как догадываются мои читатели, весьма многочисленно сословие геомантов. Такие гадатели почти каждый день посещают холмы и горы в поисках благоприятных для захоронений мест. Они всегда готовы, получив обычную плату, указать клиенту подходящий участок для могилы. Если после осмотра ему выбранное место не понравится, он, как правило, щедро платит геоманту, чтобы тот взял на себя труд найти более счастливого место. Иногда геомантов очень радушно принимают в домах богатых и влиятельных горожан. Конечно, предполагается, что для семейных гробниц своих почтенных клиентов они подбирают места с большей тщательностью. Подобное внимание китайских джентри к этому вопросу объясняется уверенностью в том, что, если члены их семьи будут похоронены в месте, подверженном дурным геомантическим влияниям, последствия будут ужасны. Слово «геомантия» происходит от двух греческих слов: «гео» – «земля» и «мантис» – «гадатель». Вероятно, оно обязано своим происхождением тому факту, что в древности существовал обычай разбрасывать камни или куски мрамора по земле и на основании их расположения определять, каким будет исход данной ситуации. Со временем вместо этого стали пользоваться листом белой бумаги, на котором произвольно или, может статься, в соответствии с астрологическими соображениями ставились точки. В фигурах, которые составлялись из точек, искали хорошие или дурные предзнаменования. Полидор Вергилий говорит, что геомантия представляет собой род гадания по трещинам в земле. Он полагает, что ее первыми специалистами были персидские маги. Оба этих метода совершенно неизвестны геомантам Китая. У каждого китайского геоманта есть компас. С его помощью мастер определяет положение ближайших и отдаленных холмов по отношению к любому участку, который он собирается предложить

для захоронения. Он крайне тщательно изучает почву: сухую, золотисто-коричневого цвета объявляет хорошей, а сырую и каменистую сразу же признает негодной, наилучшим считается участок, вблизи которого течет река или его окружает красивая местность: холм, долина и т. п. Если бы я стал перечислять здесь все тонкости, которые должен учитывать геомант при выборе благоприятного места для могилы, мне потребовалось бы много времени.



Гимнастка

Создателем китайской геомантии считается некий Го Пу, живший во времена правления династии Цзинь и написавший книгу «Цзан Цзин» («Канон погребений»). Император У-ди, шестой государь династии Хань, правивший в 140 году до Р. Х., был ревностным сторонником геомантии, а также придерживался суеверных воззрений, согласно которым определенные камни и растения могут принести человеку бессмертие. Но Тай-цзун – император династии Тан, взошедший на трон в 627 году н. э., не был согласен с этими идеями и поручил ученому Лю Цаю написать трактат об их абсурдности. Тем не менее остановить распространение этого суеверия не удалось. В 960 году, во время правления династии Сун, трону был подана записка о том, что геомантия неоправданно подвергается гонениям. Два министра, которым император передал дело на рассмотрение, посоветовали его величеству не предпринимать никаких шагов. Они лишь заметили, что любые участки следует считать благоприятными, если почва на них мягкая и хорошей окраски, а трава и деревья хорошо растут и ярко зеленеют; конечно, следует удостовериться, что на выбранном месте в будущем едва ли станут строить города или деревни.

Теперь перейдем к толкователям снов. Это искусство известно почти во всех азиатских странах начиная с глубокой древности. Китайцы искренне верят в вещие сны, и на страницах их древних книг можно прочесть не об одном свидетельстве исполнений сновидческих предзнаменований. Это, несомненно, во многом укрепило суеверие людей. Когда У-дин, двадцатый государь Шанской династии, живший в 1324 году до Р. Х., был в трауре по усопшему отцу, на чью мудрость он так полагался, ему приснилось, что небесные боги дарят ему верного министра. Проснувшись, он обнаружил, что черты министра из сна накрепко запечатлелись в его сознании. Он вызвал к себе лучших художников того времени и описал это лицо. Затем попросил их разойтись по мастерским и попытаться набросать портрет этого человека. У-дин выбрал один из наиболее подходящих портретов, велел сделать с него копии и разослать по всей империи с распоряжением разыскать и привести к нему похожего человека. Через несколько месяцев некий чиновник, проезжая по дороге, увидел какого-то строителя за работой. Он был поразительно похож на портрет. Поговорив с рабочим, чиновник узнал, что его зовут Фу Юэ и он человек большой учености, хотя и работает каменщиком. В конце концов Фу Юэ привезли ко двору и представили У-дину. Император был поражен сходством Фу Юэ с человеком из сна и его талантами. Его немедленно назначили премьер-министром, и, по свидетельству историков, он хорошо исправлял свою должность.

Вот еще один вещий сон. До того как стать императором Китая, основатель династии Чжоу Вэнь-ван был наместником в одном из крошечных государств, в наши дни входящих в

состав Китая. Однажды вечером перед сном он велел свите приготовиться сопровождать его завтра на охоту. Ночью ему приснился крылатый медведь, вылетевший из дворцового окна. На следующий день поутру он призвал придворных колдунов и велел истолковать свой сон. Они посоветовались, и один из них заметил, что во время намеченной охоты диких зверей поймать не смогут. Наместник чуть было не решил отказаться от мероприятия, но колдуны сообщили, что вместо этого он встретится с замечательным и добрейшим человеком. Тогда он отправился в лес на охоту, которая, как и было предсказано, не удалась, но во время возвращения, переходя вброд реку, Вэнь-ван встретил старого рыбака и, поговорив с ним, выяснил, что тот был человеком глубоких знаний. Наместник пригласил Цзян Тай-гуна к себе во дворец, и новый советник действительно сослужил ему хорошую службу: вскоре произошла революция и благодаря прозорливости Цзян Тай-гуна чжоусец Вэнь-ван смог взойти на трон и стал первым императором царского дома Чжоу. Другой известный вещий сон, по преданию, видел Конфуций. Сон предвещал ему скорую смерть. Ему привиделось, что вершина высокой горы в провинции Шаньдун обвалилась. Пробудившись, он истолковал свой сон таким образом, что он скоро умрет, и действительно скончался в том же году.

Искренне веря в правдивость снов, китайцы придают большое значение их толкованию. Чтобы дать читателю возможность судить об их изобретательности, я осмелюсь привести сведения из китайского сонника. Эти толкования принадлежат Чжоу-гуну, выдающемуся интерпретатору снов, который и теперь считается высочайшим авторитетом в подобных делах.

ЗНАЧЕНИЯ СНОВ

Врата небес открылись для спящего – удача и благословение;
 хорошая погода – отсутствие неприятностей в течение сезона;
 сияние, освещающее спящего больного сверху, – выздоровление;
 ярко-красные небеса – к войне;
 смотреть в небо – богатство и знатность;
 полет в небеса верхом на драконе – повышение в ранге;
 полет в небо – удача в трудах; боги поручают важное дело на земле – великое счастье ныне и в будущем;
 разверзаются небеса – распадение империи на части;
 закат солнца или луны – скорая смерть отца или матери;
 затмение солнца или луны – заслуженное повышение сына по службе;
 явление солнца и луны одновременно – жена зачнет и родит сына;
 падающее солнце – рождение сына;
 падающая луна – рождение дочери;
 падающие звезды – болезнь, судебное наказание;
 солнце или луна садятся за гору – взбунтуются слуги и рабы;
 слышать звучные раскаты грома – к несчастью, если не уехать из дома;
 смерть от молнии – чины и богатство;
 светлые облака – к удаче;
 темные облака – к болезни;
 ливень с ветром – смерть члена семьи;
 снегопад – скоро придется носить траур;
 землетрясение (если спящий – мандарин) – продвижение по службе;
 землетрясение (если он не чиновник) – великое счастье;
 разверзаются недра земли – великое зло;
 нести в руке камешки – к большому счастью;

обвал горы – бедствия;
нести большой сверток на вершину горы – жена зачнет и родит сына;
находиться в большом прекрасном саду – не будет удачи в жизни;
большое ветвистое дерево – в чаше жизни больше сладости, чем горечи;
сажать дерево – к большому богатству; забираться на дерево – ждут почести и известность;
падающее дерево – смерть, болезнь или несчастный случай;
мертвое дерево зазеленело – удача для членов семьи;
дерево, гнущееся под тяжестью спелых плодов, – потомки разбогатеют;
цветок лань-хуа – многочисленное прославлившееся потомство;
подметать пол – несчастье в семье; экскременты – к богатству;
видеть себя в белой одежде – к обиде от дурного человека;
бриться или мыться – печаль от разлуки с семьей;
сильно потеть – претерпеть зло;
тело покрыто насекомыми – выздоровление;
быть связанным веревками – дожить до почтенной старости;
быть приговоренным к ношению канги или цепей – к тяжелой болезни;
увидеть себя толстым – не достичь успехов;
выпадение зубов, волос или потеря глаза – один из родственников при смерти;
ранить себя мечом или ножом – достичь удачи;
быть раненным кем-то – к неудаче;
слышать прекрасную музыку – приезд в гости друзей издалека;
императрица – не иметь успеха;
посещение дворца – всю жизнь будет сопутствовать большая удача;
посещение храма – всю жизнь будет сопутствовать удача;
находиться в кабаке – успех;
золото, серебро или драгоценные камни – процветание;
ложиться спать – не иметь успеха;
переход по высокому мосту, пересечение хорошей дороги, идти по оживленному рынку – накопить состояние;
возгорание одежды (если спящий – мандарин) – несчастье, если его не переведут на другую должность (если такой сон приснится купцу или лавочнику, они должны поменять дом или место для лавки);
если крестьянину – то усадьбу);
потеря одежды (если спящий – мандарин) – потеря своего ранга (если сон видит не чиновник – потеря денег); быть хорошо одетым – обрести удачу;
быть плохо одетым – к неудачливости;
видеть себя в плаще – большие благодеяния от вышестоящих;
носить худые башмаки – к болезни; оказаться в чужих башмаках – неверность жены;
видеть, как кто-то держит над тобой зонтик – быть брошенным родственниками и друзьями;
трупы, могилы или похоронные процессии – к процветанию;
идолы или жрецы – к удачливости в жизни;
монахини – потеря всего имущества.

Этот перечень был бы еще больше, если бы мы, например, стали приводить все толкования снов, касающихся различных предметов одежды. Так, в приведенном соннике к этой разновидности относится, во-первых, сон мандарина о том, что на нем загорелась одежда, – это означает, что ему следует менять сферу деятельности. Сюда же следует отнести и сон о

худых башмаках, предвещающий болезнь. Но вероятно, для читателя уже достаточно этих свидетельств «праздного ума детей, фантазией пустой лишь порожденных».

К счастью, когда китаец видит дурной сон, он не должен отчаиваться – толкователь снов готов снабдить его волшебным свитком, который отведет надвигающееся бедствие. Амулет начертан на красной или желтой бумаге; толкователь сворачивает его треугольником и прикрепляет к платью клиента, затем поворачивают его лицом к востоку, вручив ему в правую руку меч и велев набрать полный рот воды. Клиент прыскает водой изо рта и рассекает мечом воздух, повторяя повелительным тоном слова, в переводе означающие: «О волшебство амулета, так же быстро и с той же силой, с какой на востоке восходит солнце, отведи все несчастья, которые могут произойти от моего дурного сна. О волшебство, так же быстро, как молния рассекает воздух, рассеи надвигающиеся беды».

Толкователь выбирает амулет в зависимости от дня месяца, в который был увиден сон. Для дня под знаком Сы, или дня змеи, нужен один амулет; для дня под знаком У, или дня зайца, – другой и т. д. Вероятно, астрология, которая существовала почти у всех народов древности, оказалась наиболее популярной именно в Китае. По всей видимости, китайцы не верят в то, что планеты суть инструменты, при помощи которых составляющие их пантеон божества управляют ходом событий в подлунном мире. Напротив, они думают, что сами небесные тела – единственные субъекты, определяющие жизненный путь человека. Геродот во второй книге «Истории» утверждает, что, согласно верованиям египтян, каждый день находился под влиянием какой-нибудь звезды, а судьба, характер и час смерти каждого человека определялись днем, когда он впервые увидел свет. Поэтому система астрологии, которой учат китайские звездочеты, априори опровергает сама себя. Если характер и судьбу человека определяет положение небес при его рождении, жизненный путь всех людей, родившихся в тот же день, должен быть одинаковым. Тем не менее невозможно, чтобы все, родившиеся в определенный день определенного года в таком большом городе, как Лондон, достигли одинаково высокого общественного положения или выбрали одну и ту же профессию.

Но, несмотря на откровенную нелепость этой лженауки, китайцы всегда стремятся узнать собственное будущее, обращаясь к астрологическим предсказаниям. Астрология в Китае, как и в Древнем Египте и Халдее, занимается определением благоприятных и неблагоприятных дней. Об этой мнимой науке говорится в Ветхом и Новом Заветах (см., например: Иов., 3: 3 и Гал., 4: 10). В больших и малых городах великое множество астрологов, и они никогда не остаются без работы. Пока астролог не решит, какой день месяца согласно расположению звезд и планет является наиболее благоприятным, китайцы не устраивают свадеб, не пускаются в плавание, не начинают путешествия и не берутся ни за какую работу. Астролог тщательно изучает гороскопы сторон, желающих заключить брак. Он фиксирует час, день, месяц и год рождения жениха и невесты и в соответствии со знаками, символизирующими два этих момента, определяет, насколько желателен намеченный брачный союз.

Каждый день лунного месяца имеет название, и в официальном альманахе, ежегодно публикуемом в Пекине, астрологи отмечают те, которые считаются благоприятными или неблагоприятными для совершения определенных ритуалов и выполнения определенных обязанностей. Например, в день, которым управляет созвездие Го-Син, напоминающее очертанием дракона и состоящее из семи звезд, крайне благоприятно заключение важных коммерческих сделок, закладка фундамента новых домов, покупка земли, выдать дочерей замуж или успешно выдержать экзамены на ученую степень. Но тех, кто в этот день хоронит родителей или приводит в порядок гробницы, ожидают бедствия в течение последующих трех лет.

День месяца, которым управляет созвездие Цзян-Син, назван несчастливый. Это созвездие состоит из семи звезд, напоминающих очертания длиннохвостого дракона с гене-

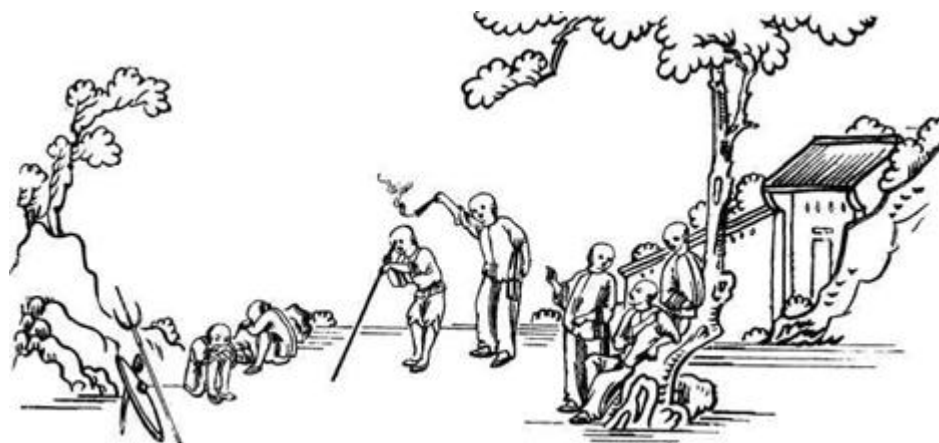
ралом по фамилии Гуань на спине. Если в этот день покупать земли, выдавать дочерей замуж или хоронить родителей – жди дурных последствий.

День, которым управляет созвездие Тай-Син, весьма несчастливый. Упомянутое созвездие состоит из шести звезд и напоминает по форме верблюда, рядом с которым стоит генерал по имени Цзя Фу. Если в этот день заключить коммерческую сделку, приняться за вспашку поля или начать рылеть землю в саду, торговля не пойдет, а урожай будет неважным. Если похоронить родителей в этот день, вскоре один из членов семьи совершит самоубийство. Если судостроители начнут строить корабль или купцы отправят свои суда в море, дело кончится кораблекрушением. Избранницы мужчин, которые женятся в этот день, уже через несколько месяцев окажутся неверными. Точно так же по созвездию приходится на все остальные дни лунного месяца, причем каждое воздействует на происходящее на земле особым образом. Ничто в подлунном мире не свободно от влияния звезд. Оно проявляется в общественной и официальной жизни, в торговле, в кораблестроении, в шелководстве, скотоводстве, рытье ям, осушении земли, а также в строительстве, закладке фундаментов, успешности в сдаче экзаменов на ученую степень, в земледелии и путешествиях.

По мнению китайцев, кометы, солнечные и лунные затмения, землетрясения и все остальные экстраординарные и редкие явления оказывают хорошее или дурное влияние на империи и царства и даже на обычных людей. Во время солнечного или лунного затмения люди, как я писал в предыдущей главе, выходят на крыши домов и бьют в гонги и барабаны, чтобы напугать небесных собак, которые якобы собираются пожрать светило. Кометы в особенности пользуются репутацией вестников зла. В 1858 году, когда и китайцы, и иностранцы имели равные причины думать, что Великобритания и Франция, с одной стороны, и Китай – с другой смогут договориться о длительной дружбе и мире, явление сверкающей кометы сразу же заставило отказаться местных жителей от всякой надежды на долгожданное благо. Они были настолько убеждены в возобновлении военных действий, что кантонцы снова начали перевозить семьи, домашнее имущество и все пожитки в безопасные места.

Коллегию астрологов в Пекине почитают весьма важным департаментом центрального правительства империи. Насколько я понимаю, обязанности членов коллегии схожи с задачами халдейских «предвещателей по новолуниям», о которых упоминается в пророчестве Исая (47: 13). Члены коллегии – составители альманахов со всей страны. Они, как и халдейские «предвещатели по новолуниям», обнародуют сведения о важных событиях, которых следует ожидать в следующем месяце. Результат их трудов – ежегодный альманах, печатающийся в Пекине. Провинциальные казначеи выделяют определенную сумму на его перепечатку в столице каждой провинции империи. Однако эти копии делаются специально для чиновников. Перепечатка альманаха на следующий год происходит ближе к концу девятого месяца. В первый день десятого месяца в правительственной типографии на носилки под деревянный резной купол укладывают копии, предназначенные для городских чиновников, и процессия с флагами и оркестром сопровождает альманахи в резиденцию наместника, а в его отсутствие – к следующему по рангу высокопоставленному чиновнику. Все гражданские и военные чиновники города собираются для встречи процессии. Гражданские мандарины выстраиваются с восточной стороны парадного въезда в ямэнь, а военные – с западной. Носилки с их грузом торжественно проносят мимо них и ставят в центре большого зала. Затем все мандарины поворачиваются лицом к северу и совершают коутоу. После этого происходит раздача альманахов. Множество экземпляров публикуется также для нужд народа. На каждой копии должен стоять штамп пекинской астрономической коллегии. Хотя у каждого большого чиновника и у простых людей есть альманахи, как правило, члены астрономической коллегии в Пекине специально привлекают внимание правителей провинций, областей и уездов к грядущему солнечному или лунному затмению. Иногда эти должностные лица предупреждают народ о надвигающемся событии посредством

распространения листовок. В мае 1872 года правитель области Шанхай в такой листовке сообщил народу о том, что на шестой день следующего месяца ожидается солнечное затмение. Далее он писал, что в Сучжоу солнце затмится на семь пальцев и тридцать два деления, причем затмение начнется утром в 9 часов 29 минут; наибольшее затемнение будет наблюдаться в 11 часов 37 минут, закончится в 12 часов 56 минут. Листовка завершалась горячим призывом громко бить в гонги и барабаны во время затмения, чтобы Тянь-гоу, или небесные псы, не пожрали солнце. Эта просьба производила нелепое впечатление, поскольку магистрат, вне сомнений, знал, что все кончится хорошо.



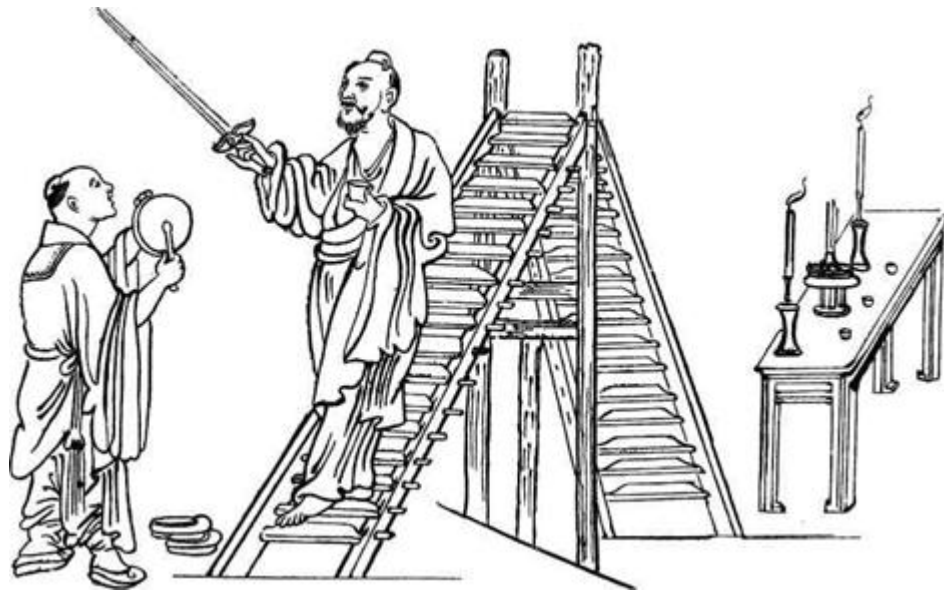
Гипнотизер за работой

Когда иезуиты приобрели большое влияние на китайский императорский дом, двор стал уделять большое внимание изучению астрономии. Неутомимые учителя-иезуиты добились даже устройства обсерватории. И сейчас еще можно видеть то, что от нее осталось: несколько впечатляющих астрономических инструментов. Эта обсерватория была построена в царствование императора Канси, взшедшего на трон в 1662 году. Король Франции Людовик XIV рекомендовал Канси отцов иезуитов, сопроводив их следующим письмом: «Величайший, превосходнейший, могущественнейший принц, наш любимый дорогой друг, да увеличит Бог ваше величие к вашему счастью! Узнав о том, что Ваше Величество желает иметь рядом с собой и в своих владениях людей, весьма сведущих в европейских науках, несколько лет назад мы решились прислать вам шесть ученых математиков, наших подданных, дабы довести до сведения Вашего Величества наиболее любопытное в науках, в особенности же – астрономические наблюдения знаменитой обсерватории, построенной нами в нашем добром городе Париже».

Кроме физиономистов, гадателей, геомантов и астрологов, в Китае существует немало деятелей, приписывающих всякую болезнь воздействию духов и берущихся изгнать последних с помощью заклинаний и амулетов. Предположим, больной человек обращается за помощью к такому колдуну, или заклинателю (экзорцисту). Если он заболел в первый день месяца, колдун заключает, что болезнь явилась с юго-востока, при этом добавляет, что ее вызвали гении деревьев, которые в первый день каждого месяца в году отправляют повсюду посланцев, чтобы поразить всех, кто встретится на пути. Говорят, что эти посланцы – души людей, умерших вне дома и лишенных поэтому ожидаемого поклонения друзей или потомства. Если больной жалуется на лихорадку или озноб, на головную боль или общую слабость, колдун пытается вылечить его, начертав красной тушью амулет на двух листках желтой бумаги, вырезанных в форме медных монет. Один из талисманов сжигают. В чашке холодной воды растворяют его пепел и дают больному выпить это снадобье. Другой талисман вешают над дверями в дом пациента. Затем колдун берет в горсть пять желтых бумажных монет и, пройдя сорок шагов в юго-восточном направлении, предает их священному огню,

принося жертву бесенятам. При этом он повелительным тоном приговаривает: «Убирайтесь! Убирайтесь!» Если больной жалуется на головную боль, лихорадку, общую слабость или рвоту, которые начались во второй день месяца, экзорцист объявляет, что болезнь пришла с юго-востока и вызвана гневом одного из духов предков пациента. Лечит ее он точно так же, как в первом случае, но, конечно, на желтой бумаге в этом случае бывает начертан другой таинственный знак.

Колдуны почти всегда берутся лечить недуги с неопределенными симптомами, какими особенно любят заниматься шарлатаны. К их числу принадлежат апатия, лихорадочное беспокойство, слабость, бред, потеря аппетита, боли в руках и ногах или в области сердца. В этот перечень входят также ревматизм, озноб и разлитие желчи. Перечисленные болезни могут приходить со всех сторон света, но примечательно, что с запада они являются реже, чем с востока. Обычно пациента заставляют выпить растворенный в воде пепел амулета и дают такой же амулет с собой, причем велют прикрепить его к платью или же дома к изголовью кровати, к двери либо к стене. И сторона света, откуда приходит болезнь, и характер вызвавших ее духов определяются в зависимости от дня месяца. Так, непосредственными мучителями могут быть беспокойные или гневные духи предков, духи пожилых женщин и женщин, совершивших самоубийство, детей, умерших в младенчестве, духи старух, чьи тела еще не преданы земле, предков – буддийских монахов, а также нищих, умерших бесприютными на улице, и духи стариков. При этом их насылают на людей гении гранатовых деревьев, почвы, западных гор, золота, колодцев, огня и воды.



Даос изгоняет злого духа

Когда злые духи начинают чудить в жилом доме, хозяин, не теряя времени, вызывает экзорциста, как правило даосского священнослужителя. Экзорцист в красной рясе, синих чулках и черной шляпе с мечом из дерева персика или финиковой пальмы стоит перед временным алтарем, на котором горят свечи и курительные палочки. Меч особенно ценится, если в дерево, из которого он сделан, ударила молния. Вокруг рукоятки меча тщательно обернута полоса красной материи, равная по длине клинку. На клинке тушью начертан волшебный знак-оберег. Положив меч на алтарь, даос приступает к изготовлению бумажного амулета. Затем амулет сжигают, а пепел ссыпают в чашу с ключевой водой. Экзорцист берет меч в правую руку и, все еще стоя перед алтарем, поднимает левую руку с чашей. Затем он делает семь шагов влево и восемь шагов вправо, читая следующую молитву: «Боги неба и земли, даруйте мне печать, дабы я мог изгнать из этого дома всех злых духов. Если же кто-нибудь из них не повинуется, дайте мне силу препроводить их под стражу к управителям

подобных демонов». Получив власть, о которой просил, он обращается к злому духу: «С быстротой молнии прочь из этого жилища!» Затем берет ивовую ветвь, окунает ее в чашу и кропит водой восточный, западный, северный и южный углы дома. Положив ветку и снова взяв правой рукой меч, с чашей в левой руке он направляется в восточный угол дома и восклицает: «Тай-Шан-Лао-Гуань!» – «Имею власть!» Тут он набирает в рот воду из чаши и прыскает ею на восточную стену. Затем даос кричит: «Убей зеленых бесов, слетевших с бедственных звезд, или унеси их далеко отсюда!» Он повторяет церемонию в каждом углу дома и посередине, причем в южном углу говорит: «Убей огненно-красных бесов, слетевших с бедственных звезд, или унеси их далеко отсюда», в западном – «Убей белых бесов или унеси их далеко отсюда», в северном – «Убей темных бесов или унеси их далеко отсюда», в центре – «Убей желтых дьяволов или унеси их далеко отсюда». Произнеся эти заклинания, даос велит своим спутникам громко бить в гонги, барабаны и тамтамы. И в оглушительном шуме восклицает: «Бесов с востока я отсылаю обратно на восток! Бесов с юга я отсылаю обратно на юг! Бесов с запада я отсылаю обратно на запад! Бесов с севера я отсылаю обратно на север! И бесов из центра земли я отсылаю обратно! Пусть все бесы разлетятся по тем направлениям, откуда они явились. Пусть все они немедленно исчезнут!» Наконец он подходит к дверям дома и мечом проделывает загадочные манипуляции в воздухе, чтобы помешать возвращению злых духов. Затем он поздравляет обитателей дома с изгнанием призрачных гостей и получает плату.

Экзорцисты не только выдворяют злых духов из жилых домов. Нередко им приходится иметь дело с изгнанием бесов или дьяволов, якобы вселившихся в людей, чтобы высасывать жизненные силы и вызывать болезни. Зачастую прибегают к следующему способу: экзорцист помещает в комнате больного бумажную человеческую фигуру, которая называется тай-сунь. Перед ней ставят маленький временный жертвенник, на котором лежат яйца, свинина, фрукты, печенье и бумажные деньги. Зажигают свечи и курительные палочки. Затем экзорцист призывает беса оставить тело больного и войти в бумажную фигуру. Когда тай-сунь, как предполагается, сделался одержимым, его выносят на улицу и поджигают. Иногда фигуру помещают в большую бумажную джонку или ладью и по реке пускают в море.

К экзорцисту или к даосскому жрецу нередко обращаются люди, испытавшие превратности судьбы, пораженные болезнью или потерявшие близких родственников. Заклинатель со своим клиентом идут молиться в храм. Последний чаще всего берет с собой двоих или троих ближайших родственников. Здесь проситель ставит на алтарь жертвоприношения: три меры риса, вареную курицу, кусок вареной свинины, кусочек баранины, триста монет и иногда сорок девять ламп или свеч. Затем он встает перед алтарем на колени, держа в руке поднос с полным комплектом одежды и двумя фунтами риса, в то время как экзорцист, тоже коленопреклоненный, просит идола даровать долгие годы благоденствия. После молитвы проситель, все еще держа в руке поднос с вещами, в сопровождении родственников, у одного из которых в руке бамбуковый жезл с нанизанными на верхушку бумажными монетами, трижды обходит вокруг алтаря. Процессию возглавляет экзорцист. Он на каждом шагу призывает идола даровать испрашиваемые блага. На этом этапе даос передает просителю некий талисман – бумажку с молитвой божеству или божествам, обитающим на северной звезде. Этот ритуал восходит к глубокой древности и называется чжуань-ху-ань. Его придумал во время правления династии Хань человек по имени Чжу Янь, сыну которого знаменитый астролог Гуань Лу предрек смерть в возрасте девятнадцати лет. С помощью этого примечательного обряда Чжу Янь хотел предотвратить надвигающуюся горе. Мне нередко приходилось видеть эту церемонию в Кантоне в храме, посвященном идолу Пак-тая. В августе 1869 года в монастыре на склонах гор Белых Облаков я был свидетелем такого же обряда, совершавшегося буддийскими монахами, когда об изменении судьбы молились восемь или десять хорошо одетых китайцев.

Кроме того, существует суеверный обычай толковать письма духов. Он популярен как у интеллигенции и джентри, так и у неграмотного населения. Нередко подобным спиритизмом занимаются в частных домах. Однако есть и профессионалы, которых с утра до ночи посещают люди всех слоев общества, стремящиеся узнать, что им уготовано в будущем. В комнате стоит маленький алтарь, на котором находятся фрукты, печенье и вино, над всем этим помещается идол ангела или духа по имени Шоу-Юн-Тай-Сянь. Клиент встает на колени перед алтарем, молится и приносит жертвы идолу. Затем он спрашивает медиума, что ответит ему дух. Оба проходят к стоящему в углу столику, поверхность которого покрыта песком. Здесь жрец пишет палочкой из персикового дерева таинственные знаки. Палочка сделана в форме буквы «Т», ее ручка соответствует перекладине буквы, а конец палочки загнут. Кончиком указательного пальца правой руки мастер осторожно упирается в правую часть рукоятки, а кончик указательного пальца левой руки – в левую. Крючок, которым оканчивается палочка, стоит на песке. Палочка начинает быстро двигаться по поверхности стола, по видимости, совершенно самостоятельно. Она пишет таинственные значки, понять которые могут только мастер и его помощник. Помощник, который всегда присутствует на церемонии, переводит получившийся текст на китайский язык, чтобы проситель мог полностью узнать ответ духа на его вопросы и молитвы. Эта система практикуется также в храмах, посвященных ангелам и духам. Один из самых известных таких храмов построен в честь духа или ангела по имени Лэй-Шэнь-Ян-Гуань и расположен на улице Вань-чжу-гоу-го в Хэнане – предместье города Гуанчжоу (Кантона).

В наши дни самым замечательным мастером столоверчения был некий Инь Машоу. Его заведение в Кантоне посещали не только люди, которым было любопытно поговорить с духами, но и курильщики опиума, желавшие избавиться от пагубного пристрастия. Инь Машоу брался лечить их за плату от двух до десяти серебряных лянов с человека. К нему нередко приходили ослабленные невоздержанием люди, желавшие восстановить силы. Я заметил, что таким пациентам он давал воду, в которой был размешан пепел бумажного амулета, то есть снадобье, которое рекомендуют экзорцисты. Меня не раз ставила в тупик степень доверия, с которой весьма почтенные китайцы смотрели на этого магистра шарлатанских искусств.

В Китае, как и в других странах, есть люди (всегда старые женщины), утверждающие, что у них есть знакомые духи, и притворяющиеся, будто они могут вызвать духи умерших на разговор с живыми людьми. Могут сказать, что к появлению женщин, претендующих на подобные умения, привело известное повествование об Аэндорской волшебнице. Однако и среди народов, незнакомых со Священным Писанием, всегда были женщины, славившиеся подобными умениями. Скажу без колебаний, что в таком большом городе, как Кантон, имя этим волшебницам легион. Перейду к описанию одного из многих примеров ведовства, свидетелем которых я был за время жизни в Кантоне. Однажды в январе 1867 года я зашел в гости к пожилой вдове, жившей в западном предместье. Она хотела поговорить с умершим несколько лет назад мужем. Вызванная ею ведунья была приятной внешности и хорошо одета. Она сразу же приступила к исполнению своих обязанностей. Прежде всего в передней части комнаты, где мы собрались, она устроила временный алтарь. На него она поставила две горящие свечи и жертвоприношения: фрукты и печенье; затем уселась справа от алтаря и, спрятав лицо в ладонях, несколько минут провела в молчании. Очнувшись от предполагаемого транса или сна, она начала нараспев произносить заклинания, одновременно разбрасывая рис по полу горстями, и затем сказала, что дух умершего уже явился. Домочадцы заволновались, а некоторые и расплакались. Ее устами дух умершего сообщил семье о своем местонахождении и о счастье, которым он наслаждался в мире теней, затронул некоторые семейные темы и остановился на делах сына, который уехал в северные провинции уже после его смерти. Слова духа привели присутствовавших родственников в очевид-

ное изумление и утвердили их веру в сверхъестественные силы обманщицы. Несомненно, она приняла меры, чтобы заранее узнать о семейных обстоятельствах заказчицы. Попросив вдову осушить слезы и больше ни в коем случае не вызывать его из мира теней, в котором он был вполне счастлив, дух старика исчез.

Ведуню иногда зовут, чтобы определить причину болезни, в семью. Если она заявит, что причина болезни – давнее невнимание потомков к могиле предков, духа стремятся умиротворить, принеся ему в жертву бумажные ритуальные деньги и бумажную одежду. Если это не помогает, ведунья обычно срезает ветку с восточной стороны персикового дерева, обтесывает ее как клин и втыкает в могилу. Этот обряд, как полагают, навсегда заключит гневный дух предка в могиле. Подобно африканцам, которых описывает Дж. Х. Спик, китайцы очень часто воображают, что люди и вещи заколдованы. Человек, который подозревает, что заколдованы занавески балдахина над его постелью, подушки или одеяла, прикалывает к ночной рубашке листок с волшебным знаком, когда оказываются заколдованными кухонная плита или посуда для готовки, амулет вешают на стену в кухне.

В уезде Шуньдэ и в Си-няо-шань (части гуандунского уезда Наньхай) есть женщины, которых называют Мэй-Фу-Гу, якобы способные убивать ближних при помощи заклинаний и других волшебных средств. К ним обращаются замужние женщины, которые тайне жаждут смерти своих мужей, страдая от жестокого обращения или по другим причинам. Колдуньи собирают на общественных кладбищах кости младенцев и заклинают бесов, в которых обращаются души умерших детей, сопровождать их домой. Кости растирают в мелкий порошок и продают в таком виде. Жена, желающая смерти мужа, ежедневно дает ему этот порошок, растворенный в чае, вине или любом другом напитке. В то же время колдунья каждый день обращается к злым духам младенцев, чьи кости должны отравить человека, ненавистного своей жене. Иногда в добавление к ужасному напитку под кроватью мужа тщательно прячут часть кости младенца. Насколько мне известно, деятельность таких колдуний безуспешно пытались прекратить. В общинном зале в Канси неподалеку от Си-цяо-шань некоторых из них вызвали на суд джентри, так как соседи выдвинули против них тяжкие обвинения. Колдуньи были осуждены, и их казнили, заставив принять яд. Не позже 1865 года так казнили нескольких колдуний. Насколько мне известно, такой же отталкивающий обычай существует или существовал на Сандвичевых островах.

На юге Китая многие считают, что бедняк, желающий отомстить своему обидчику, стоящему выше его на общественной лестнице, может добиться цели, наведя порчу на его семью или дом. Как говорят, это делается следующим образом. В течение семи недель каждую ночь человек, желающий навести порчу, ходит на кладбище и спит под гробом, в котором лежит мертвое тело. В этом нет ничего трудного, поскольку почти на каждом китайском кладбище можно найти гробы, поднятые над землей и обыкновенно стоящие на опорах. В это время он должен вести самую умеренную жизнь: пить только воду и есть лепешки из рисовой муки. Согласно поверью, через семь недель он либо получит от духа усопшего, чье тело лежит в гробу, губительную силу, либо сможет поручить это дело самому духу. Однажды я зашел к богатому купцу, который торговал углем в Хуади, и узнал, что этот господин поспешно уехал к себе в деревню по вызову родных: кто-то заколдовал его дом. Однажды 14 июля 1872 года мое внимание привлек дом на улице Янь-во-ли округа Хуанша в западном предместье Кантона. В двери просто ломились мужчины и женщины всех возрастов, привлеченные вестью о том, что дом заколдован. Войдя, я обнаружил перепуганных жильцов: по полу комнаты были разбросаны осколки кувшинов и горшков, которые совсем недавно полетели с полок под воздействием незримой силы.

Существует также колдовское искусство, адепты которого берутся по виду мертвого тела определять судьбу потомков усопшего. Например, если после эксгумации оказывается, что тело хорошо сохранилось, говорят, что потомков ожидают великие беды. Если выкапы-

вают лишь скелет, некромант, если в данном случае уместно использовать это слово, приступает к определению будущего потомков по внешнему виду костей. Так, например, если кости скелета желтого цвета, он предсказывает им очень хорошую судьбу; если красноватого – просто хорошую; если же кости черного или белого цвета, потомкам предрекают страшные горести. Распространены также другие системы предсказаний, например гидромантия – гадание по воде, пиромантия – гадание по огню, арифмантия – гадание по числам.

Существует также такой способ гадания, как рабдомантия, – гадание по палочкам, но если я не ошибаюсь, к нему прибегают главным образом азартные игроки. Перед тем как выйти из дома, чтобы предаться своему пороку, они хотят узнать, какая дорога принесет им удачу; для этого вертикально ставят палочку и дают ей упасть на пол. По всей видимости, в пророчестве Осии упоминается о сходном методе гадания (Ос, 4: 12): «Народ Мой вопрошает свое дерево и жезл его дает ему ответ» и т. д. По утверждению Джерома, такой метод гадания был распространен у ассирийян и вавилонян. Кроме того, Геродот в шестой книге упоминает, что для этого же женщины Алании тщательно выискивают ровные и прямые шести или палки. Есть и гадалышки, специализирующиеся на определении направления, в котором следует идти их клиенту. Так, они полагают, что в цзя-цзы – первый день шестидесятидневного цикла – счастливые духи находятся на северо-западном направлении, поэтому, направляясь в этот день на северо-запад, обретишь удачу. Считается, что в этот день на юго-западе живут почтенные духи, а на юге пребывают пятеро злых духов, поэтому мало кто из китайцев осмелится в этот день выходить из южных ворот города или из южных дверей дома, – ведь в подобных случаях этот выход – врата смерти. Вот другой пример. На пятый день(у-шэнь) шестидесятидневного цикла счастливые духи, по поверью, обитают на юго-востоке, почтенные – на юге, а пять злых гениев – тоже на юге. В этот день вратами смерти считаются юго-западные.

Эти же гадалы определяют дни, в которые людям следует воздерживаться от выполнения определенных обязанностей. Китайцы никогда не открывают амбаров в день цзя (первый в шестидесятидневном цикле), потому что верят, что в противном случае содержащийся в них рис будет поражен милдью^{100} или испорчен насекомыми. В день И не сеют и не сажают растений в саду, так как в противном случае получат плохой урожай. Не чинят каминных решеток на кухне в третий день цикла, носящий название бин, чтобы дом не сгорел в пожаре. Мало кто бреется в день дин, поскольку китайцы считают, что в противном случае в течение нескольких дней голова покроется нарывами. Они никогда не приобретают земель в день у и не выписывают векселей в день под знаком цзи, потому что это не принесет удачи. В день гэн не начинают работу ткачи, потому что хорошей ткани в результате не выйдет. В день синь не получится приготовить вкусный соус. Поправлять разрушенный берег реки в день жэнь – значит трудиться попусту. Заниматься юридическими формальностями в день гуй – зря тратить деньги. Эти десять дней называются мужскими. Есть также двенадцать женских дней. В день под названием цзы никогда не прибегают к услугам гадалы, чтобы не услышать неблагоприятных предсказаний. В день чоу не надевают новую одежду в первый раз, так как это приведет к смерти вдаль от дома. В день инь не приносят жертв, потому что боги не примут их. В колодцах, которые начали рыть в день мао, вода будет горькой. В день чэнь родственники не оплакивают умерших, потому что это приведет к еще большим горестям. Те, кто уходит далеко от дома в день сы, подвергаются опасности нападения разбойников. Дом нельзя крыть в день у, так как вскоре хозяину придется продать свою собственность. Пить лекарство в день вэй – все равно что принимать яд. Устанавливать кровать в день под знаком шэнь – значит впускать в спальню злых духов. Если зарезать курицу в день ю, все остальные птицы в курятнике заболеют и перемрут. Того, кто ест собачье мясо в день суй, будет по ночам преследовать дух собаки. И наконец, в день хай нельзя заключать брак, иначе потом придется разводиться.

Как и другим жителям Востока, китайцам знакомо искусство приручения и дрессировки змей. Утверждают, что не только неядовитых змей они могут приручить и научить узнавать кормящего, – заклинатели в состоянии утихомирить даже самых ядовитых пресмыкающихся. Для этого у змей вырывают ядовитые зубы. На улице китайского города нередко можно видеть заклинателя, который мановениями рук заставляет даже ядовитых змей подниматься будто в танце. Они остаются в вертикальном положении, пока их хозяин поводит руками в разные стороны. Нередко можно видеть, как эти пресмыкающиеся с очевидным дружелюбием обвиваются вокруг рук и ног своих владельцев. Еще более любопытны представления странствующих заклинателей, которые, широко открыв рот, впускают туда змею, чтобы она по горлу спустилась к желудку. При этом заклинатель уделяет все внимание тому, чтобы не дать ускользнуть хвосту исчезающей в их глотке змеи. Такие люди за небольшие деньги берутся прогонять змей из жилых домов. Есть также торговцы мазью, которая излечивает самые страшные раны и укусы ядовитейших змей. Доказывая правдивость этих заявлений, продавец иногда дает змее укусить себя за язык. Продемонстрировав кровоточащее место укуса толпе зевак, которая ожидает, что он тут же свалится мертвым, бродячий знахарь наносит на рану немного своей чудодейственной мази. Видя, что с ним не случилось ничего плохого, самые доверчивые зрители охотно подходят к нему купить этот бальзам. Люди, занимающиеся этим промыслом, напоминают о псиллах – жителях Ливии; римские писатели сообщают, что те славились не столько умением заклинать и дрессировать змей, сколько умением лечить их укусы. Кроме того, такие торговцы и китайские аптекари продают напиток, который называется змеиное вино, или змеиный чай. Он состоит из воды с вином, в котором змеи были разварены до состояния пюре. Китайцы считают его отличным жаропонижающим. Больные едят и мясо змеи. Голову отрубают острым концом фарфоровой пластинки, а тело, с которого снимают кожу этим же инструментом, поджаривают или варят. Затем мясо режут на кусочки и едят смешанным с мелко порубленной курятиной.

Для удобства неграмотной публики многие гадатели соединяют с другими видами деятельности работу в качестве писцов или составителей писем. Они устраиваются неподалеку от храмов популярных божеств или на самых оживленных улицах города. Клиент сообщает, что он хочет передать далеким друзьям, и писец быстро составляет требуемое письмо, воспользовавшись гладкой белой или покрытой блестящим цинком дощечкой^{101}. Написав черновик, он копирует текст на лист китайской почтовой бумаги, кладет в конверт и надписывает адрес. Затем, получив скромную плату, передает письмо неграмотному клиенту. Однажды меня привлекли к столу писца громкие всхлипывания. Подойдя ближе, я увидел, что у него сидит горько рыдающий юноша и диктует писцу информацию для своего дяди. Его печальная история была такова: он охромел и оказался совершенно не в состоянии работать, и в случае отсутствия надлежащего и своевременного лечения ему оставалось только умереть от голода на улице. Он просил дядю прислать ему денег, которых хватило бы на лечение у хорошего врача. Нога так распухла, что он, по всей видимости, едва мог ходить.

Прежде чем закончить эту главу, я должен остановиться на многочисленных приемах, с помощью которых суеверные китайцы пытаются избавиться или оградить себя от различных зол. Иногда человек, у которого болен ребенок, умалия себя перед богами, отправляется просить милостыню от дома к дому, как нищий. Но обыкновенно он ограничивается сотней домов. У дверей каждого из них он просит дать ему одну медную монету. Собрав сто медных монет, он тратит их на покупку риса. Этот рис варят и дают больному. Такая еда называется бай-цзя-ми, или рис из ста домов. Отец, уведомленный астрологом о том, что его сыну назначено стать нищим, принимает предосторожность в этом же роде. Он берет маленькую глиняную копилку и ходит по домам, прося милостыню.

Чтобы вылечить ребенка, страдающего от лихорадки и озноба, мать, по обычаю, дает ему в руку три горящие ароматические палочки. Затем прислуга быстро выносит ребенка на

улицу. Мать спешит за ними с метлой в руках, делает вид, будто что-то выметает, и кричит: «Прочь! Прочь! Прочь!» Считается, что этот смехотворный обряд навсегда изгоняет злого духа, якобы бывшего причиной болезни. Нередко при болезни ребенка мать или нянька с больным на руках выходят пройтись на улицу перед домом. При этом через каждые десять шагов бросают на землю две медные монеты, подкупая злого духа, чтобы он оставил тело больного младенца. Похожа на этот обычай церемония нью-бин (удаление болезни). Когда ребенок тяжело болен и на выздоровление почти не надеются, его тело растирают медными монетами. Затем их выбрасывают на улицу, чтобы подкупить злого духа, которого считают причиной недуга, деньгами и заставить выйти из тела больного. К этому обряду прибегают и при серьезных болезнях взрослых людей. Нередко гадатели утверждают, что детские недуги насланы духом белого тигра, которого оскорбил ребенок, поэтому матери часто посещают храм Белого тигра. Чтобы смирить ярость духа, мать кланяется каменной статуе или идолу животного и кладет ему кусок жирной свинины прямо в рот. Такое святилище есть в храме Пак-тая. Рано утром там можно видеть простертых ниц матерей с больными детьми. В храме, посвященном Юаньданю, есть такая же каменная статуя тигра.

На третий месяц года в день под названием хань-ши принято срывать две ивовые ветви. Отец семейства помещает одну из них над входной дверью дома, а другую вешает над алтарем предков. Считается, что таким образом он призывает духов предков на время вернуться домой. Когда эта цель предположительно достигнута, ветки кипятят, и отвар тщательно сохраняют, чтобы давать детям при беспокойном сне. По старинному обычаю, мать мажет лоб ребенка пастой из листьев бетеля, чтобы отпугнуть злых духов. Она делает то же, если ребенок увидел беременную женщину, – считается, что это не даст душе ее ребенка вселиться в тело неродившегося младенца. Каждый, чьи симптомы болезни говорят о ее эпидемическом характере, считается одержимым злыми духами, и над кроватью такого больного обыкновенно вешают меч, составленный из нескольких сотен монет, связанных вместе шнурами, и предназначенный для отпугивания злых духов. Этот обычай распространен среди всех классов. Когда я навещал больного китайского дворянина по имени Пань Синцзи, то обнаружил, что над его кроватью свисает «меч из монет». У другого моего доброго знакомого, которого звали Го Ахань, даже когда он был здоров, на занавесках висел такой меч. Иногда с той же целью берут в аренду у палачей мечи, с помощью которых обезглавливают преступников. В моей личной коллекции китайских диковинок, оружия и т. п. было два или три таких меча. Бывало, зная, что у меня есть это оружие, китайцы обращались ко мне с просьбой одолжить такие мечи, чтобы прикрепить к постели своего больного друга или родственника. Иногда, чтобы отпугнуть злых духов, в комнате вешают лошадиный хвост. В некоторых частях империи люди, у которых больны родственники, обмакивают тряпки в кровь, вытекшую из тел обезглавленных преступников. Считается, что привязанная к постели больного тряпка очень эффективна. Когда человек тяжело болен, его одежду уносят в храм и кладут на алтарь. Даосский жрец призывает на одежды благословение идола, их забирают домой и надевают на больного. В то время как даосский священнослужитель призывает бога даровать искомое благословение, ближайший родственник больного стоит перед алтарем на коленях, держа в руках горящие ароматические свечи. Я не раз был свидетелем этой церемонии на улице Си-ю-чжоу-ди западного пригорода Кантона в храме, посвященном Тай-хуану. Еще есть обычай выбрасывать на дорогу под ноги прохожим листья лекарственных растений, из которых был изготовлен отвар для больного.

Жители областного города Гао-чжоу в провинции Гуандун ежегодно исполняют интересный обряд, цель которого – избавиться от всех окрестных злых духов. Говорят, что сотни лет назад обожествленная змея поселилась в большой пещере неподалеку от города. Цель обряда – побудить змею изгнать духов и таким образом обеспечить безопасность горожан от эпидемий на протяжении последующих двенадцати месяцев. По улицам проходит длин-

ная процессия горожан, несущая поросят, фрукты и цветы, предназначенные в жертву змее. Центральная фигура шествия – юноша со стрелой во рту, которого несут на плечах мужчины. Говорят, что этого юношу, символизирующего змею, выбирают с помощью жребия в храме, воздвигнутом в ее честь. Полагают, что все злые духи обращаются в бегство, когда его проносят по улицам. Друзья и соседи считают, что юноше очень повезло. Его услуги оплачиваются денежным подарком из казны храма. Стрела принадлежит храму, и ее по очереди одалживают для больных и подвешивают над кроватью, чтобы отогнать злых духов.

Нередко, по крайней мере в городах Южного Китая, злых духов отпугивают, вешая в начале каждой улицы полоску желтой или белой ткани с магическим знаком. Перед домами или улицами, при строительстве которых предположительно не придерживались советов геоманта, ставят каменные изображения львов. Они должны предотвратить бедствия, которым могут подвергнуться жители. Перед официальной резиденцией правителя кантонского уезда Паньюй на каменном пьедестале стоит большой каменный лев, который должен противодействовать дурным геомантическим влияниям. В 1865 году, во время английской бомбардировки, пушечное ядро сбило льва с пьедестала, и некоторое время его никто не поднимал. Вокруг резиденции чиновника начали болеть соседи, и льва пришлось возвратить на прежнее место. Иногда перед деревнями попадают ряды каменных львов. Длинный ряд таких скульптур я видел перед прелестной деревушкой Хуан-цзин-цунь, расположенной в долине за горами Белых Облаков. Жители сообщили мне, что львы охраняют их от разбойников и прочих напастей. Я видел по льву у каждого въезда в одну деревню на острове Кэнань. В Лун-гань-цуне, большой деревне примерно в десяти милях от Кантона, я видел большой каменный алтарь, на котором стоял каменный лев. Местные жители считают эти изображения надежными хранителями своих усадеб. В качестве противоядия от любых губительных воздействий в конце улицы принято ставить каменные плиты или колонны, на которых начертаны иероглифы «Тай-шань-ши-гань-дан» – «Камень с великой горы, осмеливающийся противостоять бедам». Кроме того, на стенах домов, выходящих на улицу, вешают таблички с надписью «И-Син» – «Одно блаженство». Эти же слова произносят суеверные люди, встретив на улице похоронную процессию^{102}. На стенах домов вешают также таблички с иероглифом «Шоу» – «Долголетие». Они выглядят как щиты или мемориальные доски. Считается, что они приносят счастье. Иероглиф «Шоу» к тому же часто вырезают на спинках стульев. На китайских улицах развешивают и символы удачи – таблички с вырезанными или нарисованными иероглифами «Ин-Си» – «Собранное счастье». На внешних стенах домов, как правило, над дверями или окнами, часто помещают таблички с надписью «Цзян Тай-гун Цзай Цы», что означает «Здесь Цзян Тай-гун». Надпись должна препятствовать проникновению в дом злых духов. Цзян Тай-гун был бедным рыбаком. Он жил в царствование У-вана, первого императора династии Чжоу, правившего в 1122 году до Р. Х., и за свои таланты и способности к управлению государством последний сделал его премьер-министром. Во многих деревнях уезда Нань-хай, особенно в той его части, которая носит название Сицзя-шань, на восьмой день четвертого месяца крестьяне нередко жгут у входных дверей смесь соломы, человеческих волос и серы. Согласно поверью, после этого ни одна змея не осмелится заползти в дом. Нередко над дверями дома можно видеть полоски красной бумаги, на которых начертаны иероглифы «У-фу-лай-мэнь» – «Пусть пять удач войдут в двери». Иногда эту фразу заменяет изображение пяти летучих мышей, рельефное или нарисованное на листах красной бумаги. Китайцы считают летучих мышей птицами, приносящими благие вести. Если, несмотря на все описанные выше предосторожности, на улице начинается эпидемия, как правило, жители устраивают на ней шествие, в котором несут идолов. Иногда для избавления от косящей людей болезни приглашают даосов помолиться в храме, который стоит на этой улице или неподалеку от нее. Рядом с воротами храма помещают большую бумажную фигуру языческого божества по имени Тай-суй. На алтаре,

воздвигнутом напротив идола, ставят горшки с благовониями и кладут жертвоприношения. Тай-суй изображен с доской в руке. На ней начертаны иероглифы «Фэнь-и-ши-ши» – «Распределяю одежду и дарую еду». Его считают царем или правителем злых духов. Во время вспышек эпидемии даосы читают обращенные к нему молитвы утром, в полдень и ночью в течение трех или семи дней, чтобы убедить его прогнать голодных духов, предположительно вызвавших эпидемию. Чтобы Тай-суй мог откупиться от гневных алчущих духов, ему жертвуют много бумажных денег и бумажной одежды.

Рядом с реками, заливами и прудами, где кто-нибудь тонул, ставят фо-би – колонны или плиты, на которых начертано имя будущего Будды – Пань-Мо-О-Ми-То-Фо. Люди верят, что над поверхностью этих водоемов скользят разъяренные дьяволы и бесенята, всегда готовые утопить неосторожного. Такой камень стоит на берегах залива, опоясывающего восточный конец Шамяня – иностранного поселения в Кантоне. Когда я спросил китайцев, зачем они воздвигли здесь эту бессмысленную стелу, мне сообщили, что в заливе из-за происков злых духов утонули несколько китайцев. В разных частях империи китайцы изгоняют водяных дьяволов, принося в жертву белых коней на берегах рек, заливов, каналов или прудов. Человек, избранный для выполнения этого своеобразного обряда, сбивает коня с ног и обезглавливает его. Голову коня кладут в большой глиняный кувшин и зарывают или на берегу, или на дне реки в мелком месте. Рядом воздвигают каменную колонну или стелу с иероглифами «О-ми-то-фо». Иногда вместо такой колонны ставят изображение лошадиной головы. В Цзы-тоу, деревне неподалеку от Хуанпу, я видел каменное изображение лошадиной головы на берегах ручья, протекающего через деревню. Безголовую тушу коня не выбрасывают как падаль. Она переходит в распоряжение забойщика. Он режет ее на удобные для продажи куски и сбывает на близлежащих рынках как диетическое мясо.

В августе 1869 года я присутствовал при жертвоприношении белого коня в Анью, деревне в десяти милях к западу от Кантона. В течение предыдущего года в самой деревне и около нее утонуло несколько человек. Последний из них был одним из местных *patres conscripti* – первых лиц. Крестьяне решили, что духи людей, которых «не оплакали, не вспомнили и не отпели», разгневались, не получив традиционных ежегодных жертвоприношений, и стали навлекать беды на местных жителей. Тогда в деревне принялись готовить для них всяческие жертвы. На кладбище для нищих рядом с Анью возвели большой храм – шалаш, крытый циновками. В нем поставили множество жертвенников с именными табличками умерших бедняков. Перед каждым алтарем стояли два или три даосских священнослужителя, которые с утра до ночи монотонно распевали соответствующие случаю молитвы. За жрецами, горько сетуя, стояли на коленях нарядные дамы со служанками. В другой части временного храма поставили более двухсот стульев обычного размера, сделанных из крытых бумагой бамбуковых каркасов. Там были и многочисленные фигуры из бумаги и бамбука, изображающие слуг и служанок, и бесчисленные бумажные слитки золота и серебра. Религиозная церемония, продолжавшаяся три дня и три ночи, закончилась преданием огню всех стульев, фигур людей, слитков и других жертвоприношений. Жрец стоял у священного огня и взывал к голодным духам, уговаривая принять жертвы щедрого народа и перестать беспокоить его. На этом этапе обряда произошло обезглавливание белого коня тоже с целью умиротворения духов. Одного запаха на кладбище, где проходила церемония – многие могилы были лишь несколько дюймов глубиной, – было более чем достаточно для возникновения эпидемии. На церемонии присутствовали тысячи людей – самое малое, сорок тысяч. Многие в поисках развлечений стеклись в большой крытый циновками театр, где давала представления труппа первоклассных актеров. Другие бродили по дворам просторного здания, где были выставлены фигуры, представляющие сцены из истории страны. Тысячи людей усеяли берега реки, чтобы посмотреть на флотилию драконьих лодок, которые были украшены флагами из ярчайших дорогих шелков. Присутствовавшие при этом иностранцы гово-

рили, что им никогда не приходилось видеть подобного зрелища даже на большом ежегодном празднике – День драконьих лодок в Кантоне. Эта смешная и дорогостоящая церемония оказалась не очень удачной, поскольку драконовая лодка столкнулась с ма-лин-тин, или лодкой-туфлей, опрокинула ее, и шесть из восьми пассажиров последней утонули.

6 августа 1870 года мне снова представилась возможность посетить церемонию такого рода в Цзинбу или, как ее иногда называют, Ли-мин-гуань – деревню, не более чем на пять миль к западу отстоящую от Кантона. Белого коня, голова которого была увита гирляндами, вели в триумфальной процессии по улицам деревни. На спине лошади была подвешена сума, где в карманах лежали амулеты с именем и печатью богини Чжоу-Чжу-Нян-Нян-Гу. Амулеты, свернутые треугольными конвертиками, охотно раскупала многотысячная толпа, собравшаяся по этому случаю. Их полагалось наклеивать на двери домов, чтобы преградить туда вход злым духам. В три часа пополудни коня привели к берегу реки, где его должны были убить. Но перед этим экзорцист в наряде, придававшем ему свирепый вид, совершил дикий танец и произнес множество страшных угроз по адресу дьяволов, которые, как предполагалось, сновали над водой, ища, как бы напасть. Затем ноги коня крепко связали веревками. Бедное невинное животное бросили на землю, и роковой нож перерезал ему горло. Кровь собрали в большой глиняный кувшин, небольшую порцию отнесли в храм, посвященный идолу Чжоу-Чжу-Нян-Нян-Гу, и несколько сотен человек очертя голову бросились в храм, чтобы окропить ею купленные амулеты. Голову и ноги отсекли от туши и положили на носу длинной открытой лодки. Туда поставили и кровь, смешанную с песком. При этом присутствовал молодой человек, чье лицо, руки и ноги были выкрашены в черный цвет, символизировавший все семейство водяных дьяволов. Теперь его схватили, связали по рукам и ногам и посадили рядом с головой и ногами жертвенного коня. Образовалась процессия лодок, во главе которой плыла ладья с представителем дьяволов и с останками животного. По мере ее медленного движения по водам в реку бросали горсти песка, смешанного с кровью, чтобы разогнать злых духов. Вторая лодка тоже была открытой. В ней несколько деревенских храбрецов время от времени разряжали мушкеты в воздух, чтобы усилить панику среди демонов. Остальные лодки были богато украшены резьбой и позолотой. На некоторых из них находились даосские монахи, на других – буддийские. Когда флотилия достигла границ уезда, молодого человека, изображавшего злую силу, развязали. Среди треска ружейных залпов он спрыгнул в воду и быстро поплыл к берегу. В конце концов голову лошади положили в глиняный кувшин и зарыли на дне реки на мелководье. Насколько мне известно, эта своеобразная церемония существует у китайцев несколько столетий. Повидимому, она бытовала не только у них, так, мы читаем у Геродота в седьмой книге «Истории», что, когда персидский царь Ксеркс достиг берегов реки Стримона, маги принесли в жертву белых коней.

В связи с этими обрядами следовало бы упомянуть, что за северными воротами каждого укрепленного города находится каменный алтарь, на котором дважды в год – на пятнадцатый день седьмого месяца и на первый день десятого месяца – совершают жертвоприношения под названием ли-цзи, цель которых умиловить злых духов. Каждый раз при этом приносят в жертву трех баранов, трех поросят, три большие корзины риса и один большой кувшин вина. Во время церемонии на алтарь ставят табличку с именем Чэн-хуана – покровителя укрепленных городов. По окончании обряда табличку возвращают в храм этого божества, где она и остается до следующего раза. Эта церемония восходит к временам правления династии Чжоу (1122-255 годы до Р. Х.) и с тех пор происходит систематически.

Перед сном, то есть в десять или одиннадцать часов вечера, лавочники, и не только они, совершают суеверный обряд, который называется фэнь-чжоу, или сожжение бумажных денег. Зажигают две свечи и ставят их непосредственно перед дверью. На их огне жгут три бумажные монеты в качестве жертвы бедным голодным духам или призракам, порхающим

вокруг в поисках еды. Если не умиротворить их, они навлекут на жителей ужасные бедствия. Похожую церемонию каждую ночь совершают живущие на лодках люди, чтобы утихомирить водяных дьяволов.

Когда китайцы покупают землю, на которой собираются строить дома, они приглашают даосских священнослужителей окропить участок святой водой и тем самым прогнать злых духов. Во время возведения дома хозяин очень ласково обращается со строителями, чтобы они сообразовывались с принципами геомантии. Много усилий прилагают к выбору коньковой балки, на которой не должно быть ни сучков, ни трещин. Прежде чем водрузить этот брус на место, его красят в красный цвет и покрывают несколькими ярдами красного сукна. Иногда вместо сукна используют длинную полосу красной бумаги. Сначала эту полосу бумаги благословляет даосский жрец, слегка смазывающий ее кровью из гребня молодого петушка. Во время исполнения этого обряда жрец распевает молитвы, обращенные к Лу Баню, богу плотников и зодчих, а также к другим божествам своей религии. Эти молитвы продолжаются, пока балку укладывают на место. Во время всей церемонии на временном алтаре, посвященном Чжан Ван-Е, горят свечи и курятся благовония. Иногда на коньковой балке подвешивают сито или поднос с эмблемами счастья – ножницами, ножами, линейкой, меркой для риса, красной нитью, металлическим зеркалом, несколькими медными монетами и маленькими весами. Чтобы принести семье богатство, в балке проделывают дыру, куда кладут немного тонкого листового золота. Насколько я понимаю, количество золота зависит от ранга и благосостояния владельцев дома. В коньковой балке дома, который купил один из моих китайских знакомых, находилось не меньше шестнадцати лянов золота. Религиозные обряды по случаю водружения на место коньковой балки продолжаются и ночью. В завершение их с временного алтаря берут десять печений или клецок под названием цзянь-дуй (жареное тесто), и жрец-распорядитель перебрасывает их через уложенную коньковую балку. Перебрасывая каждую клецку, даос возглашает: «Пусть сыновья и внуки человека, для которого ныне строят сей дом, каждый год будут покупать по сто акров земли!» Когда строительство закончено, снова прибегают к услугам даосских священнослужителей: проводят церемонию, которая называется шэ-ту-гун, или стрельба из земного лука. Главный жрец приносит с собой лук и пять стрел. Он прикрепляет к каждой стене главного зала и в центре пола бумажный амулет и изображение конных воинов. Затем принимается читать специальные заклинания и выпускает в каждый амулет и в каждую картинку стрелу, к оперенному концу которой привязана горящая веревка. После этого он под аккомпанемент гонгов и тамтамов выпускает на счастье несколько живых рыб в ближайшую реку или в пруд в присутствии всех членов семьи. Если плотники и каменщики при починке дома вынуждены убрать часть стены, они вешают на коньковую балку дома наугольник, чтобы умиловить злых духов, которые в противном случае якобы могут умертвить рабочих.

Нередко рабочие помещают изображение Чжан Ван-Е в доме, который их наняли ремонтировать, – эти изображения покупают в храме божества. Когда ремонт закончен, их, как правило, возвращают храмовому служке и дают еще несколько медных монет на счастье. Старейшины заранее предупреждают всех жителей улицы, на которой предполагается ремонт дома, в какой день начнется перестройка или починка. Дело в том, что китайцы допускают возможность ошибки астролога при выборе счастливого дня для начала работ и полагают, что, если кто-нибудь будет находиться на улице в тот момент, когда каменщики примутся за работу, все порхающие в воздухе, скитающиеся по земле или устроившиеся в доме злые духи навлекут на него болезнь, гибель или другие беды. Иногда астролог обнаруживает, что день, когда начнутся работы, будет несчастлив для всех людей определенного возраста, если они во время начала работ будут находиться на данной улице или в стоящем на ней доме. Конечно, таких людей старейшины своевременно предупреждают об опасности. Люди на улице или в уезде, где находится храм, не забывают о бедствиях,

которые могут их постичь в избранный для его ремонта день. Иногда они уходят из дома на весь день, а иногда – на два или три дня.

Однажды 7 июля 1870 года я шел по главной улице Хуанша, пригорода Кантона, и вдруг заметил, что на улицах никого нет, а двери лавок и домов закрыты. Это было весьма необычно, и я стал спрашивать о причине. Мне сообщили, что в этот день рабочие приступили к починке храма божества по имени Чжан-гун, и, боясь, как бы день не оказался несчастливым вопреки прославленной мудрости выбравшего его астролога, обитатели уезда обезопасили себя, отправившись к друзьям в гости. Мне сказали, что для этого многие поднялись с постели еще в три часа ночи. Я зашел в учебное заведение, которое держал мой друг Чжан Цзеши, но и там никого не было. Учитель с учениками тоже постарались оказаться в безопасном месте.

Нередко владельцы нанимают даосских священнослужителей для благословения колодцев на улицах и домов китайского города, чтобы вода в них была чистой. Даосы, прочитав молитвы, пишут магические знаки на листе желтой бумаги. Затем свиток сжигают, а пепел с пригоршней сахара и несколькими листьями дерева помело бросают в колодец. Мне нередко приходилось видеть эту церемонию и в Кантоне, и в Макао; как правило, ее проводят в августе.

Собираясь уйти в плавание или отправиться в путешествие, человек встает на пороге внутренних дверей, сдвинув ноги вместе, тридцать шесть раз скрежещет зубами и машет правой рукой четыре раза горизонтально и семь раз вертикально. Затем он обращается к богу Ю Вану со следующей молитвой: «Ныне я, о Ю Ван, уйду в плавание (или отправляюсь в путешествие). Прошу, присматривай за мной, пока меня не будет дома, и отвращай от меня всех злых духов, которым вздумается броситься на меня и причинить мне вред. Великий бог, защити меня от воров, или пиратов, или диких животных и приведи меня нетронутым обратно домой. О бог, прислушайся к этой моей молитве». Прочитав эту молитву семь раз, путешественник выходит за порог, не оглядываясь на прощание.

Человек, который лживо поклялся перед богами в том, что он невиновен в преступлении, в котором его обвиняют, утешается, совершив обряд под названием кай-юань. Чтобы отвратить от себя кару, которую могут навлечь на него боги, лжесвидетель пишет на каждом углу черепицы четыре иероглифа: «Вин», «Шоу», «Ань», «Цзе». Затем он кладет эту черепицу на алтарь, воздвигнутый в честь богов земли и рисовых полей. Через несколько дней он возвращается к алтарю и разбивает черепицу молотком. Считается, что с помощью этой простой нелепой церемонии он отводит от себя все грозящие ему бедствия. Этот обряд совершают также больные и вовлеченные в споры или пререкания люди. В первом случае платят даосскому жрецу, чтобы он разбил черепицу. Перед этим он обыкновенно молится.

Чтобы защитить себя от всех дурных влияний, китайцы, по обычаю, вешают в домах портрет Цзи-Мэя. Этого достойного мужа китайцы всегда считали ангелом-хранителем. Его изображают верхом на льве, в правой руке он держит большую печать, на которой выгравированы иероглифы «Цзи-Мэй-Цзин-Чу», а в левой – изображение инь и ян. Его история такова: некогда большой свирепый лев опустошал окрестности, и Цзи-Мэй сошел на землю, чтобы прекратить его набеги. Последовала схватка. Герой поймал льва, набросив на его шею золотую цепь. Добродетельному Цзи-Мэю удалось приручить хищника, и тот сделался настолько послушным, что победитель смог ездить на нем верхом. Злые духи боятся Цзи-Мэя из-за его необыкновенной силы и редкой цельности характера, а также из-за его заботы о людях. Иногда портрет этого божества заменяют его именем.

Кроме того, с целью предотвращения бедствий и беспорядков китайцы нередко помещают на крышах домов керамические изображения петухов, или три керамические пушки, или железные трезубцы. Этот своеобразный обычай восходит к человеку с замечательной историей. Во время царствования чжоуского Вэнь-вана (1122 год до Р. Х.) жил человек по

имени Му Цзи, который ежедневно косил траву на холме. Однажды он, к несчастью для себя, проходя через ворота города, где жил, споткнулся и упал под тяжелой ношей – огромной охапкой травы. Падая, он нечаянно сбил с ног какого-то человека. Удар был так силен, что бедняга почти мгновенно умер. За это Му Цзи бросили в тюрьму. Но из-за уважения, которым он пользовался в своем уезде, и ради его сыновних чувств император позволил ему время от времени навещать родителей. И вот однажды по пути домой Му Цзи встретил физиономиста, который, поглядев на его лицо, сказал: «Ты человекоубийца!» Му Цзи тут же признал это и попросил физиономиста придумать что-нибудь, чтобы освободиться от дальнейшего тюремного заключения. Тогда гадатель научил его спать на земле, причем на том же самом месте в течение сорока девяти дней, и во время сна оставлять в ногах и возле головы по зажженной лампе. Му Цзи выполнил данные ему советы, и в результате предсказание физиономиста исполнилось: когда император узнал, что узник вовремя не вернулся в тюрьму, он велел не посылать за ним чиновников. Случилось так, что через несколько лет император, прогуливаясь неподалеку от дворца, встретил Му Цзи и сказал: «Ты ли это, Му Цзи? А я думал, что ты давно умер». Му Цзи рассказал ему о разговоре с физиономистом, о его советах и счастливом исходе. Император загорелся желанием увидеться с таким мудрым человеком и велел Му Цзи привести его. В ходе разговора с физиономистом император был так потрясен его познаниями, что тут же решил дать ему доходную и почетную должность при дворе. Мудрый человек не забыл услуги Му Цзи, который послужил его возвышению, и подарил ему несколько драгоценных гадательных книг. Му Цзи сделался гадателем, и к нему стали обращаться люди из всех слоев общества. Он научил их одному из самых эффективных способов уберечь свои дома от злых духов и других губительных сил: поставить на крыше дома глиняного петуха, три глиняных пушки или железный трезубец.

Короткие железные трезубцы прикрепляют к гакабортам^{103} джонок, плавающих по рекам и морям Южного Китая. Рассказывая в работе *Juventus Mundi* о трезубце морского бога Посейдона, мистер Гладстон замечает: «Очевидно, это указывает на некоторую традицию троичности, схожую с той, что все еще прослеживается в разных восточных религиях, отличных от иудейской». Не могу сказать, указывает ли на «некоторую традицию троичности» трезубец, используемый китайскими мореходами в качестве талисмана.

Для предотвращения бедствий над входными дверями домов помещают изображения инь и ян, или мужского и женского начал. Случается, что вместо них используют круглые зеркала, на раме которых выгравированы мистические эмблемы Ба-гуа. Китайцы склонны использовать такие амулеты, особенно когда опасаются, что находящиеся перед их домом здания не были построены в строгом соответствии с правилами геомантии. Я не раз был этому свидетелем. В Хэнане – предместье Кантона – есть величественные палаты, хозяина которых зовут У. Над палатами возвышается закладная лавка, или башня. Ее выстроили, не сообразуясь с принципами геомантии, и У решили, что теперь члены семьи постоянно будут болеть. Отец семейства задумал купить лавку и снести ее. Но хозяева, естественно, отказались продавать такую ценную собственность, и У пришлось поместить над разными дверями своего дома изображения инь и ян.

В главе, посвященной праздникам, я описал обычай вешать портреты двух китайских генералов на внешних дверях, ведущих в дом. Иногда вместо них вешают изображения Дун Юна и Ци Цзе. Китайские источники рассказывают, что Дун Юн был обитателем некой планеты и славился не только красотой, но и добродетелью. Ци Цзе, или седьмая сестрица, жила на седьмой из семи звезд. Проще говоря, их история повествует о счастливом браке. Веками китайцы вешали портреты этих сказочных персонажей над дверями своих жилищ, чтобы защититься от зла и быть благословленными мужским потомством. Традиция вешать портреты Сань Ду и Хуа Лю или Дун Юна и Ци Цзе на входных дверях домов распространена от Кантона до Внутренней Монголии.

Опишу еще один популярный китайский обычай, хотя вряд ли его можно назвать суеверным. Нередко на внутренних стенах домов или на стропилах, поддерживающих крышу, вешают доски, на которых начертаны этические максимы. Часто это цитаты из писаний Конфуция или Мэн-цзы, например такие: «Очищайте сердца», «Отворачивайтесь от скверны», «Следуйте стезей добродетели», «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Нередко на досках пишут иероглифы «счастье», «богатство», «долголетие» и т. п.

В доме одного китайского господина по фамилии Ли я видел на стене свиток с увещанием юношам. Такие сентенции весьма напоминают мезузы, которые израильтяне вешали не только на дверях домов, но и в комнатах.

В заключение этой главы скажу следующее. Весьма удивительно, что китайцы, на протяжении веков находившиеся в строгой изоляции, будучи отрезанными от общения с другими народами не только Великой стеной и обширными пустынями, но и сложным языком, бдительными законами, в использовании амулетов и заклятий имеют так много общего не только с другими азиатскими народами^{104}, но и с населением Северной Африки и Восточной Европы, с чьей литературой, законами, нравами и обычаями мы уже давно знакомы.

Глава 18

Благотворительные учреждения и нищие

В Китае, как и в более цивилизованных странах, существуют благотворительные учреждения. Тем не менее нельзя сказать, что в Китае их устраивают из благочестивого стремления к добровольной жертве, свойственного благотворителям христианских стран. Здесь это скорее заслуга, обеспечивающая приязнь богов, чем свободные дары щедрых сердец. Иногда богатые люди тратят большие суммы на благотворительность, надеясь получить от императора титулы и почести. В 1872 году известный банкир по имени Ху Гуаньюн пожертвовал немало денег в пользу пострадавших от наводнения в Тяньцзине. За это император даровал ему титул и ранг провинциального казначея, а также пожаловал первый ранг его родителям. Тогда Ху Гуаньюн пожертвовал на нужды благотворительности еще десять миллионов монет и сразу же удостоился редкой и знаменательной чести – пожалования императорской таблички. Но истина состоит в том, что, как правило, в китайцах мало сочувствия к тем, кто родился нищим или разорился, а также к слепым и пораженным любым другим телесным или душевным недугом. Они считают, что все эти люди серьезно согрешили перед лицом богов в этой или в прошлой жизни. В монастыре в горах Белых Облаков я встретил монаха, страдавшего от дурной болезни. Он обратился ко мне за медицинской помощью, и его состояние возбудило мое живейшее сочувствие. Я уговаривал его уехать вместе со мной в Кантон, где я мог бы поручить его заботам доктора Керра из миссионерской больницы. Услышав о моих намерениях, настоятель отвел меня в сторону и просил не проявлять доброты по отношению к человеку, который, несомненно, в прошлой жизни совершил какой-то чудовищный грех, за что и несет от богов заслуженное наказание. Точно так же особому приговору богов приписывают смерть при необычных обстоятельствах. Во время бури, свирепствовавшей над Кантоном и его окрестностями 27 июля 1862 года, ветром разрушило дом, в котором жил один американский миссионер. К сожалению, этот джентльмен погиб в руинах. Когда его тело, извлеченное из-под обломков стен и балок, несли к кладбищу, от китайцев, стоявших в дверях своих домов, можно было слышать, что насильственная смерть покойного вызвана неуважением, с которым он говорил об одном из главных идолов города в своей проповеди в предыдущее воскресенье. Во время грозы в Кантоне 27 мая 1864 года одного китайского лодочника убило молнией, когда он пересекал реку с женой и детьми. Лодка была повреждена и стала тонуть. Оставшиеся в живых члены семьи, чтобы спастись, уцепились за большую джонку, нагруженную чаем. Команда немедленно оттолкнула их в ярости, отказав в помощи семье, глава которой, по всей видимости, был таким святотатцем, что навлек на себя божье наказание. Если бы трое американских джентльменов, бывших в то время на реке, не оказали бедной женщине и детям своевременную помощь, они бы утонули. Очевидно, китайцы не разделяют взгляды Минуция Феликса, который, защищая христианство, замечает: «*Fulmina passim cadunt; sine delectu tangunt loca sacra et profana; homines noxios feriunt, saepe et religiosos*»^{105}.

В Кантоне, как и в других больших китайских городах, существуют приюты для пожилых и немощных людей обоих полов, для слепых, подкидышей, прокаженных. Все эти здания построены по одному плану. Они представляют собой большие четырехугольные дворы, по сторонам которых находятся ряды келий для обитателей. Управление этими заведениями во всех отношениях гораздо хуже, чем в Европе. Кажется, что в китайских приютах никакого управления нет вовсе. Грязь и неустроенность заставляют иностранного посетителя думать, что жильцы не много выиграли, оказавшись здесь. Иногда эти дома содержат на доходы с налога, которым облагают торговцев солью, иногда – на доходы от домов и земель. Деньги на

содержание дома престарелых в Кантоне черпают из первого источника. Но пособие, назначенное для поддержания жизни четырехсот престарелых пансионеров, так мало, что время от времени приходится обращаться за помощью к богатым жителям города и окрестностей. Многие из обитателей этой богадельни уже очень стары, некоторым больше семидесяти лет, а кое-кто и старше восьмидесяти^{106}. В центре главного двора стоит храм, посвященный богу Гуань-ди, который, как предполагается, покровительствует жителям богадельни. В том же дворе находится дом врача, в чьи обязанности входит прописывать лекарства больным.



Расклейщик афиш

Кроме того, китайское правительство помогает пожилым людям другим способом. Поскольку соляной промысел – монополия, никому не позволено торговать ею без лицензии эмиссара по соли. Но в каждом уезде для некоторых пожилых людей правительство делает исключение, давая им возможность продавать соль дешевле, чем торговцам с лицензией. Эти бедняки ходят по улицам с криками: «Соль на продажу! Соль на продажу!» – и чаще всего зарабатывают деньги, которых хватает на пропитание их семьям.

Копия описанного выше учреждения – приют для престарелых женщин. В нем стоит храм Гуаньинь, богини милосердия, заботящейся о женщинах и детях.

Обитатели приюта для слепых в Кантоне явно обеспечены хуже, чем пансионеры двух предыдущих учреждений. Помещения, где они живут, обветшали, а часть соляного налога, которую выделяют на их содержание, так мала, что им приходится выходить на улицу и просить милостыню. Обычно каждое утро слепцы группами по шесть-семь человек отправляются за подаванием. Они идут цепочкой, каждый кладет правую руку на плечо идущего впереди, первый же нащупывает дорогу посохом. Войдя в лавку, они начинают бить в маленькие гонги, которые у них с собой, и поют высокими голосами разные песни. Европейский лавочник не выдержал бы такого шума, но китайские лавочники привыкли к нему. В конечном счете им приходится снисходить к просьбам слепых, и они полагают, что лучший способ действий – заставить их ждать подавания в лавке как можно в большем удалении. В лавке в одно время может находиться только одна группа слепцов, и чем дольше она там пробудет, тем меньше шансов у других получить там что-нибудь еще. Если продавец оказывается глух к шуму незваных гостей, они начинают петь громче и перемежать свои песни нелестными замечаниями. При этом лавочник редко может расщедриться больше чем на медный грош, самую мелкую китайскую монету, или на горсть сырого риса. В конце дня можно видеть, как бедные слепцы плетутся обратно в приют. На плечах у них котомки со скудным подаванием.

Несмотря на бедность и слепоту, они иногда заключают в своей среде браки. Все мужья и жены, виденные мной в приюте, были слепыми. Помню, что однажды я видел приезд слепой невесты. Ее несли в приют в богато украшенном свадебном паланкине, перед которым шествовали музыканты и люди в красных туниках с флагами и фонарями. Когда молодая женщина вышла из паланкина, ее учтиво встретил жених.

В приюте для слепых находится храм, посвященный богу-покровителю слепцов.

В Кантоне есть приют для пятисот подкидышей. Как и другие благотворительные учреждения, он содержится за счет соляного налога. Здание устроено так же, как описанные выше. В комнатах стоят кровати для кормилиц и колыбели из ротанга для младенцев. Колыбели свешиваются с балок на веревках для защиты от крыс, которых в китайских домах великое множество. Согласно уставу приюта, на двух младенцев полагается одна кормилица, но во время многочисленных посещений я нередко видел таких, на чьих руках было по три ребенка. Крики, слышавшиеся каждый раз, когда я входил в приют, убедили меня в том, что детей кормят мало или не кормят вовсе. Об этом свидетельствует высокая смертность приютских младенцев. Я не раз видел пять-шесть мертвых детских тел, сваленных в углу комнаты. Войдя в ворота в ранний час, часто можно видеть кули, спешащего на расположенное тут же поблизости кладбище с корзинкой, где лежат мертвые младенцы. Как правило, подкидывают девочек. Когда они достигают возраста восьми или десяти месяцев, их продают. Предполагается, что покупают их бездетные женатые пары или люди, стремящиеся вырастить жену для своего сына. Воспитать будущую жену для сына у себя дома нередко рассчитывают крестьяне на юге Китая. Усыновители в действительности часто покупают детей, чтобы, когда они вырастут, продать их в услужение или для более низких целей. В приюте находится храм, в котором стоит идол Цзиньхуа.

Несмотря на дурное управление, приюты для найденшей все же снижают число детоубийств. В тех частях империи, где таких приютов нет, и, боюсь, даже там, где они существуют, это преступление весьма распространено. В горных районах провинции Гуандун – в Лунмэ-не, Цзяин-чжоу и Чаннин – нередко бедные женщины, родив девочек, продают их соседям, чтобы те воспитали их в качестве будущих жен для своих сыновей. Но если девочки соседям не нужны, их намеренно предают смерти – если не сами бессердечные матери, то при их подстрекательстве. Причем этот сатанинский обычай существует не только у низших классов. Иногда к нему прибегают и в богатых домах. Когда я путешествовал по уезду Лунмэнь в декабре 1864 года, молодой человек, сын одного из крупных земельных собственников уезда, у которого я остановился, поехал проводить меня по просьбе отца, поскольку местные жители были враждебно настроены по отношению к европейцам. Мой спутник разговорился со мной о своих родственниках и друзьях. Он рассказал мне, что у его брата родились три сына и четыре дочери, но из дочерей в живых осталась только одна, трех остальных умышленно убили при рождении. Я указал ему на то, что его брат и невестка совершили ужасное преступление, но он с очевидным безразличием ответил: то, что считается преступлением в западных странах, в Китае таковым не является. Насколько мне известно, из-за детоубийств осенью 1863 года в этом уезде была нехватка женщин, и в Кантоне я встретил трех человек оттуда, которые приехали купить женщин, чтобы по возвращении домой перепродать их в жены своим землякам.

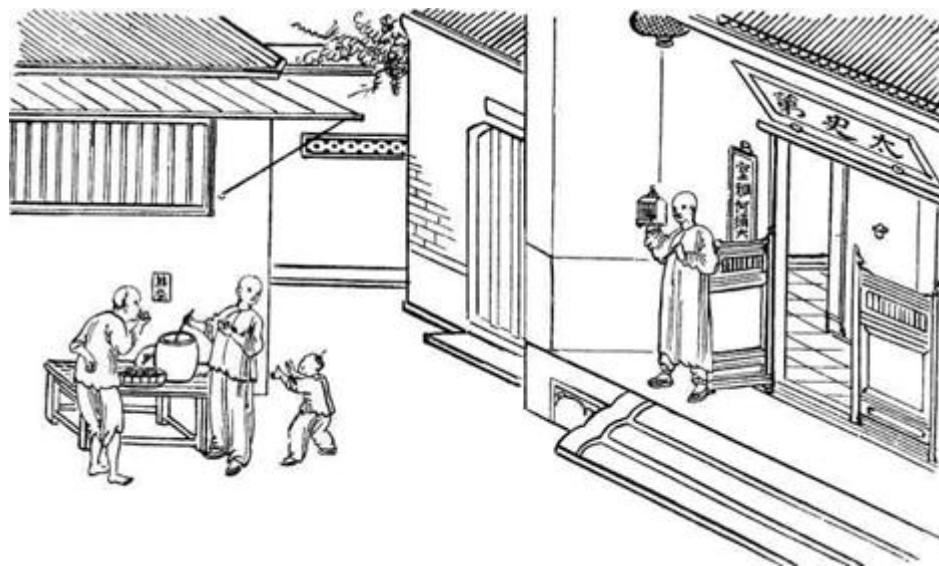
В южных провинциях, особенно в Гуандуне, множество прокаженных. В Кантоне есть приют для них в двух милях от городских ворот. Он находится в баньяновой^{107} роще, и там содержатся четыреста или пятьсот больных. По-видимому, причина этой болезни неизвестна. Китайцы считают, что ею можно заболеть, укрывшись в дождь под деревьями чичзин-хуа. Они утверждают, что дождевая вода, стекающая с листьев этого дерева на открытые части тела, вызывает кожные явления, свойственные прокаже. Лицо, уши, руки и ноги больного распухают, становятся гладкими и лоснящимися. Затем появляются гноящиеся

язвы; доходит до того, что пораженные части тела просто отпадают. Прокаженные заключают между собой браки и образуют семьи. Лекарство от этой болезни неизвестно. Но, несмотря на то что китайским врачам не удается ее вылечить, иногда у больных исчезают все внешние симптомы, и проказа, кажется, не укорачивает жизнь. Обитатели кантонского приюта проводят время за плетением веревок из кокосового волокна. Женщинам, больным проказой, при исчезновении всех внешних ее проявлений разрешается сбывать свои изделия на рынке, который ежедневно устраивают на улице Чань-му-лань. Прокаженные отталкивающего вида из того же приюта каждое утро уходят на близлежащие кладбища и ожидают там прибытия похоронных процессий, чтобы выпросить денег у плакальщиков. Их требования неизменно удовлетворяют, так как люди верят, что в случае отказа в подаении души умерших прокаженных станут преследовать души их покойных родных. В Кантоне при расчете расходов на похороны всегда учитывают плату прокаженным. Иногда их требования непомерны, и родственники покойного отказываются платить. В таком случае прокаженные, чтобы получить деньги, нередко спрыгивают в могилу и упорно мешают могильщикам опустить туда гроб. Если у родни нет с собой требуемой суммы, прокаженные принимают обещания уплатить деньги позже. Не получив денег, они выкапывают тела и отдают, только получив выкуп. В своих требованиях прокаженные сообразуются с рангом и общественным положением умершего, оценивая их по виду похоронной процессии, но иногда они обманываются, как будет видно из следующего анекдота. Весной 1862 года я присутствовал на похоронах китайского купца по имени Лу Паньгуань. В процессии несли несколько золоченых навесов, под которыми лежали разные жертвоприношения. Кроме того, ее сопровождали обычные для похорон китайского господина два-три оркестра. Однако когда шествие достигло открытого участка перед кладбищем, оно остановилось, и с гроба сняли богато вышитый покров. Затем гроб снова понесли к могиле, но теперь его сопровождали только родственники и друзья покойного. Увидев похоронную процессию без обычного сопровождения, прокаженные предъявили умеренные требования, попав в этот раз впросак. Поскольку кантонский приют недостаточно велик для многочисленных больных, нуждающихся в крове, на реке есть несколько специальных якорных стоянок для лодок с прокаженными. Их содержание главным образом обеспечивают родственники и друзья. Однако в конечном счете их помощь так невелика, что прокаженным приходится грести по реке, прося подавания у команд многочисленных джонок и лодок. Обычно лодки с прокаженными идут группами по десять-двадцать штук, и они заставляют платить им почти силой. Нередко прокаженные пополняют свои скудные средства, раздевая мертвые тела, которые часто находят плывущими по водам реки. Если тело принадлежит состоятельному человеку, они зачастую дают объявление о находке в надежде на вознаграждение. В сентябре 1869 года я видел, как мимо моего дома, стоявшего на берегу реки, проплыло мертвое тело. Увидев, что покойный был в приличной одежде, несколько прокаженных пустились за ним в погоню. О теле дали объявление, и оказалось, что умерший – молодой человек по имени Линь А-чжун – сын зажиточного мясника. Юноша проиграл в притоне большую сумму и, боясь взглянуть в лицо отцу, очертя голову бросился в реку.

Я был в старой крепости, несколько лет назад обращенной в лепрозорий, рядом с Фошань. Этот город находится в пятнадцати милях от Кантона. Во время моего посещения там проживало семьдесят прокаженных. В Юн-чэн-ша, районе города Фошань, я нашел приют для прокаженных, где содержалось не менее двухсот мужчин. Его основал некий благотворитель из семьи Юй, который более двух столетий назад жил и умер в соседней деревне под названием Луцзян. Право покровительства приюту было отдано старейшинам этой деревни. Обитатели приюта занимались плетением веревок из кокосового волокна. Заметив, что я интересуюсь природой их болезни и уходом за пораженными ею людьми, они рассказали мне о другом приюте в деревне Чжан-пу-хань примерно в пяти милях оттуда. Я

посетил и этот приют и обнаружил, что в нем прокаженные жили относительно комфортно. Казалось, они не так сильно больны, как те, кого я видел раньше, но одна женщина представляла собой чудовищное зрелище. Проказа распространилась по всему ее телу. Множество прокаженных в шелковых районах Гуандуна. Почти в каждом городе, в каждом заливе и на реке я видел якорные стоянки для лодок с прокаженными. По моим сведениям, в самих городах не было приютов для таких больных. По всей видимости, в этом районе болезнь очень опасна – вид больных был плачевен. В каждой лодке находился только один прокаженный. У него бамбуковый шест, к концу которого привязана сумка. Эту сумку на шесте он протягивает за подающим проплывающим мимо лодкам. Подают очень мало, но зато никогда не отказывают. Впоследствии во время плавания вдоль западного берега Чжуцзяна к провинции Гуанси я обнаружил, что почти в каждой приречной маленькой кумирне в честь драконьей матери жил прокаженный. У каждого из них, как и у тех, что живут на реках и заливах шелковых уездов, был шест с сумкой для подаяния. Они мне напомнили отшельников, и действительно, они не знают с другими людьми и даже с товарищами по несчастью. Закон запрещает прокаженным общаться с людьми, не пораженными той же болезнью, и предписывает жить в специализированных приютах. Когда поблизости таких приютов нет или они переполнены, прокаженных отправляют на лодки или отправляют в шалаши или хижины, построенные для них в уединенных местах. Осенью 1865 года мне пришлось видеть двух прокаженных в таких хижинах за городскими стенами Нанькана. Кроме того, у восточных ворот Кантона, а также в других местах провинции Гуандун прокаженные живут в шалашах. В 1864 году мне рассказывали о юноше, сыне почтенных родителей, который заболел проказой. Отец отвез его на берег Жемчужной реки и посадил в крытый сампан, сказав, что отныне он будет его домом. Когда проказа поражает богатых, они нередко пытаются уйти от требований закона, запираясь в отдаленных покоях своих дворцов. Соседи боятся этой болезни и считают ее знаком божьего гнева, поэтому, не колеблясь, докладывают об этом властям. Насколько мне известно, в уголовном кодексе есть статья, гласящая, что в случае, если прокаженный будет убит соседями при попытке его насильственного перевоза в приют, убийцу не только не наказывают, но и не могут подвергнуть общественному порицанию. В северных провинциях, по моим сведениям, проказы не бывает. В центральных провинциях эта болезнь известна, однако случаи, по всей видимости, немногочисленны.

В Китае нет приютов для душевнобольных. Буйных сумасшедших держат связанными в темных отдаленных комнатах собственных домов. Для бедных семей отсутствие сумасшедших домов приводит к большим трудностям. Я видел сумасшедшего, который лежал на обочине дороги связанный по рукам и ногам, и рядом с ним не было ни души. Когда он, будучи на свободе, начал буйствовать, вместо того чтобы препроводить сумасшедшего в надежное место, бессердечные земляки связали его по рукам и ногам и оставили на обочине. В другой раз я видел бродившую по улицам Кантона нагую сумасшедшую. От несчастной женщины не отставала кучка мальчишек, немилосердно колотивших ее палками. Когда какие-то европейцы принялись увещевать их, парни хладнокровно отвечали, что она одержима дьяволом и вполне заслуживает такого обращения. Бедняжка нашла убежище в развалинах датской фактории, разрушенной в начале войны в 1856 году. Она оставалась там несколько дней, пока ее не перевезли в удобное и безопасное место, за что заплатили три-четыре европейских купца. Если сумасшедшие не буйствуют, им разрешают разгуливать на свободе, но таких, кажется, очень мало. Случаи идиотизма редки в Китае. Я видел только четырех тихих сумасшедших, все они были женщинами.



Холодный чай для бедных путников

В Китайской империи нет работных домов, но есть учреждения, в которых, по крайней мере зимой, нищие могут получить еду и кров. Например, в Пекине выстроен большой ночлежный дом, вмещающий тысячу нищих. Он находится под покровительством императора. Тем не менее, как и во всех подобных заведениях в Китае, там заметны верные признаки дурного хозяйствования и общего упадка. В Шанхае зимой 1875 года я читал объявление, в котором местный даотай по фамилии Ин сообщал о создании нескольких ночлежных домов. Посещающим их бродягам выдавали две связки рисовой соломы в качестве постели, два раза в день полагались небольшие порции вареного риса. Насколько мне известно, шанхайские ночлежные дома возникли не из-за личной щедрости даотая или правительства, которое он представлял, но из обоснованного страха, что, если не позаботиться о крове для многочисленных бродяг города, участятся кражи со взломом и другие серьезные правонарушения. В объявлении говорилось, что не явившиеся в убежище будут считаться подозрительными личностями, их будут задерживать и сурово карать. Лютой зимой в Нанкине и Аньцине, городах на берегах Янцзы, я видел, как пять или шесть сотен человек варили рис, выделенный им правительственными чиновниками. В Аньцине для бездомных построили большое помещение, но это был просто сарай. В Янчжоу, тоже на берегах Янцзы, я видел раздачу одежды. Это устроили городские богачи для бедных семей во дворе большого буддийского храма, так что мероприятие, конечно, считалось заслугой перед лицом богов. В некоторых частях империи члены богатых кланов нередко помогают бедным однофамильцам. Они выделяют для них небольшие суммы из ренты, получаемой от сданной в аренду земли или от участков при храмах предков. Несомненно, это препятствует росту числа нищих. Назначенные суммы выдаются дважды в год, весной и осенью, — именно в это время китайцы поклоняются могилам предков. В обязанности мандаринов входит обеспечивать жилье и еду за счет императорской казны людям, бежавшим из дома от мятежников или разбойников. Тем не менее чиновники, как правило, не справляются с этим должным образом. В случае необходимости они собирают деньги на пособия у народа — или из-за нехватки денег в казне, или чтобы скрыть от пекинского правительства, что в их уездах или провинциях происходят подобные беспорядки. В 1860 году в Кантон явились не меньше двух тысяч полностью разоренных человек. Они бежали от банд красноголовых грабителей, которые получили это название из-за характерных красных тюрбанов. Мандарины велели построить на острове Хэнань большой сарай, крытый циновками, чтобы поселить там пострадавших. Расходы по строительству и снабжению беженцев едой пали на У или Хоуква (Хаогуань) и другие богатые семьи города и окрестностей. При этом пожертвования богатых семейств

были настолько скудными, что собранные деньги скоро иссякли бы, если бы не своевременная помощь европейских купцов, живших в Кантоне и в расположенном поблизости портовом городе Гонконге.

Иногда богатые китайцы вносят в такие благотворительные фонды немало денег, но не из истинного сочувствия к потерпевшим, а в ожидании награды от правительства. Нередко люди, выдержавшие государственные экзамены на первую ученую степень, поняв, что их способности не позволят сдать последующие экзамены, пытаются добиться степени при помощи такой филантропии.

Благотворительными фондами распоряжаются чиновники, и алчность нередко соблазняет их присваивать деньги. Я склонен думать, что именно это произошло с фондами, собранными для поддержки несчастных беженцев, хлынувших в Кантон. Улицы были переполнены этими несчастными, вынужденными побираться, многие из-за крайней нужды серьезно заболели. Для них был выстроен дополнительный сарай. Беженцев перевели туда и, по-видимому, оставили умирать. Я никогда не забуду, что почувствовал, зайдя в этот, с позволения сказать, госпиталь. Четыре женщины лежали распростертые на полу, очевидно умирая, и с ними не было никого, кто мог бы их хоть немного поддержать. Двое были обнажены, – видимо, одежду украли, воспользовавшись их немощью.

Во всех укрепленных городах, а также во многих деревнях есть императорские амбары, в которых правительство должно хранить рис для продажи солдатам гарнизонных войск и беднякам по сниженной цене во времена войны или голода. Эти амбары создавались не столько из щедрости, сколько из самосохранения. Мандарины отлично знают, что нет ничего опаснее для государства, чем полумертвое от голода население. В небольших городах тоже есть общественные амбары, запасы которых пополняют богачи. Хотя мандарины знают, насколько важно обеспечить народ дешевой едой во время войны или голода, они обычно остаются равнодушными и не заботятся о наполнении амбаров. Я посетил многие общественные амбары, и мне попался едва ли один, где содержалось бы больше мерки зерна. Многие из них совершенно обветшали. Особенно это касается правительственных амбаров Тайвань на острове Формоза. Там вообще от амбаров осталось только два помещения, да и эти постепенно разрушались. На стене одного из них я увидел английские слова, написанные графитовым карандашом четким почерком. Сообщалось о том, что здесь находилась в заключении команда английского брига «Энн», который потерпел кораблекрушение в 1842 году во время войны Англии с Китаем. Их заковали в тяжелые кандалы и посадили в амбары, поскольку областная тюрьма была заполнена командой потерпевшего кораблекрушение судна ее величества «Нарбудда».

В небольших городах и деревнях общественные амбары обычно строят старейшины и джентри. Как правило, во время голода они не продают рис, а раздают бесплатно. Подобно остальным общественным житницам, эти амбары строят для предотвращения восстаний голодающего населения. Крестьяне, обиженные богами и людьми, с готовностью собираются в пиратские или разбойничьи шайки, чтобы обеспечить себе хлеб насущный. В летние месяцы в больших городах богатые жители иногда выставляют у дверей сосуды с холодным чаем для освежения прохожих, а зимой с тем же щедрым намерением – сосуды с имбирным бульоном. Другие в жаркие летние месяцы раздают беднякам веера. Для этого их закупают в больших количествах: кое-кто покупает по триста штук, а некоторые и по тысяче. Немало людей покупают лекарства для бесплатной раздачи. Существуют также бесплатные столовые и общества благотворительного распределения одежды, но их масштаб ограничен. Другая форма благотворительности – покупка гробов для нищих. Уважением пользуются люди, которые обеспечивают гробы для бедняков или дают деньги храму на покупку. Судя по числу гробов, виденных мной в 1865 году в одном буддийском храме в Шанхае, среди местных джентри эта форма благотворительности очень распространена, считается большой заслу-

гой и, как полагают, обеспечивает благосклонность богов, и особенно промыслительную заботу Будды.

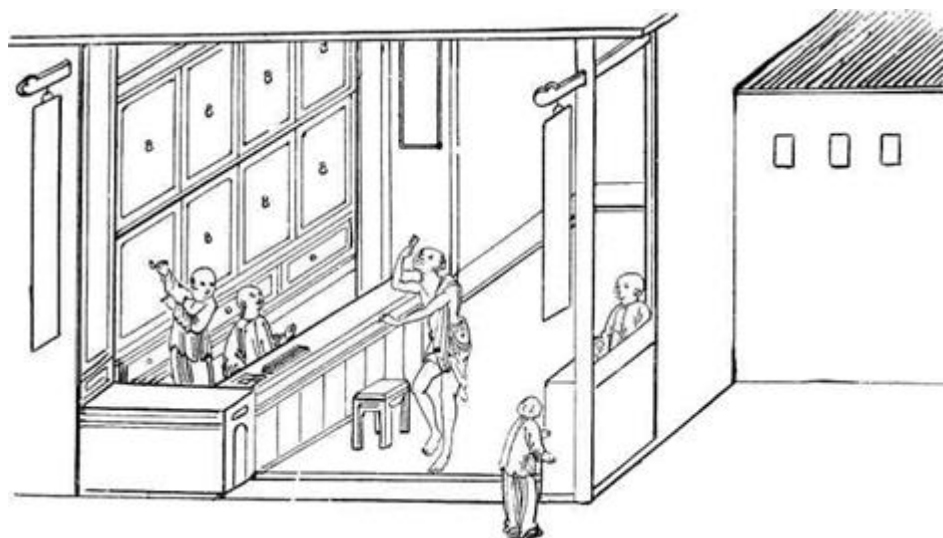
В отсутствие работных домов нищие образуют общества, или гильдии. Ими руководят президенты, которых собратья обычно называют ци-гай; вообще это ругательство, но нищие используют его вместо почетного титула. За гильдии нищих отвечает чиновник, должность которого называется пу-тин. Пу-тин охраняет президентов гильдий. Нищие клянутся соблюдать устав своих обществ. Плата за вступление – более четырех долларов для каждого. Когда член гильдии умирает, на гроб для его достойного погребения тратят два доллара. Обязанность других членов гильдии – сопровождать его останки от дома до могилы. В третьем месяце года все нищие поклоняются могилам своей братии и затем устраивают общий обед. Кроме того, они обедают вместе в закусочной двадцать пятого числа девятого месяца. У них есть дом, в котором членам общества позволено спать, если они уплатят одну медную монету за ночь. Во время празднования Нового года и других больших праздников, а также по случаю браков, дней рождений и похорон главы этих братств обычно собирают милостыню. Если семья занимает видное положение, то пускает на крыльцо восемь нищих и кормит их обедом. Если ее положение ниже, то угощает шестерых нищих, семьи победнее – четверых. Иногда вместо еды им дают деньги, не больше четырех долларов. Эти подношения кладутся в общую казну. В конечном счете их делят, причем каждый нищий получает сумму, зависящую от его положения в гильдии. В благодарность за подаяние предводители дают хозяевам красную карточку с печатью своей гильдии. Получив этот документ, хозяин прикрепляет его над входной дверью дома в качестве защиты от назойливости других президентов гильдий. Нищие строго придерживаются правила, согласно которому хозяева, уже давшие подаяние, освобождаются от дальнейших визитов в оставшиеся дни праздника. Праздников в году много, некоторые из них продолжаются по несколько дней, и поэтому гильдии своего не упускают. Нередко главы этих сообществ – собственники заведений, где сдаются напрокат свадебные паланкины или похоронные дроги. Таким образом, они могут нанимать за сниженную плату здоровых членов своих гильдий нести паланкины, крытые носилки, флаги и другие атрибуты. Сторожа, отвечающие за порядок на улицах городов, тоже часто бывают предводителями гильдий. Это объясняется тем, что торговцы верят в их возможности предотвращать и улаживать неприятности, которые иногда создают нищие. Власть предводителя гильдии очень велика, и, видимо, подчиненные в лохмотьях никогда не оспаривают ее. В 1853 году, когда мы гуляли с другом вдоль городских стен Кантона, к нам пристали трое или четверо нищих. Они так твердо решили не уходить без добычи, что стали уже тянуться к нашим карманам, чтобы так или иначе получить деньги. Увидев неподалеку сторожа, мы попросили у него защиты от пристававших. Схватив самого наглого, он бросил его на землю и стал жестоко избивать бамбуковой палкой. Нищий принял наказание безропотно – ведь наказывал его, как я узнал впоследствии, глава клана.

Дважды в год, весной и осенью, богатые лавочники кормят кантонских нищих обедом в одном из общественных залов города. Это угощение предоставляется коммерсантами при условии, что гильдейские нищие будут приходить к ним за милостыней по определенным дням, а не когда бог на душу положит. В назначенный для угощения час старые, слепые и увечные направляются в гостиницу. Этот способ благотворительности известен издревле. В Евангелии от Луки наш Господь призывал знатных и богатых: «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных» (14: 2-14). Однажды 3 ноября 1866 года у меня была возможность присутствовать на таком пиршестве, оно проходило в закусочной «Шансян» – «Почитание мудрости» на улице Цзин-сы-фан западного предместья. Когда я вошел

в первую столовую, один из президентов гильдии велел нищим подняться в знак уважения, и они стояли, пока им не разрешили снова сесть. Затем меня проводили наверх, где в комнате стояло лишь несколько столов. Моими соседями по столу были старейшины общества нищих, им принадлежала привилегия находиться на первом месте на пиршествах.

Эти гильдии существуют почти в каждой провинции. В городе Фуч-жоу провинции Фуцзянь их несколько. Каждый день в храме, окруженном деревьями с прекрасной пышной листвой, можно видеть бродяг, жадно поедающих выданные им объедки или рис. Фучжоуские нищие специализируются на выращивании змей. Насколько мне известно, они продают их врачам, которые используют отварное змеиное мясо в медицинских целях.

Есть и нищие, которые не принадлежат к гильдиям; они наводняют улицы китайских городов. Эти несчастные создания обоих полов и всех возрастов бездомны, и поэтому им позволено занимать площади перед храмами. В Кантоне многие из них ночью отправляются на площадь Нищих в западном предместье напротив храма Ми-Чжоу-Мяо. Ночью она переполнена несчастными, которые днем бродили по улицам, прося подаяние. Однажды я проходил через эту площадь в полночь. Никогда не забуду множество мертвенно-бледных лиц, залитых светом луны, такой яркой, какой она никогда не бывает в западных странах. Не только профессиональных нищих, но и просто обнищавших людей приносят умирать на эту площадь. Часто я видел больных и умирающих беспомощно распростертыми на твердых гранитных плитах то под лучами тропического солнца, то под проливным дождем. Когда я спросил, почему их приносят умирать именно туда, мне сообщили, что в прошлые годы в гильдии фуцзяньских купцов, здание которой образует одну из сторон площади, был устроен фонд для покупки гробов всем нищим и покинутым, кто умирает здесь. Бедняки нередко умирают на улицах. Летом 1857 года в Макао по пути в церковь, который составлял всего четверть мили, я видел не меньше трех человек, умиравших на улице. Обычно их тела хоронят за счет богатых горожан или за счет людей, у чьего дома они умерли, но богатые не всегда предлагают свои услуги добровольно — тогда их заставляют платить местные кварталные. Насколько мне известно, правительство отводит специальные участки земли для захоронения таких тел. Эти могилы отличаются от остальных: они напоминают по форме те, что можно видеть на английских кладбищах. На каждой могиле в изголовье кварталные ставят дощечку, на которой написано не имя покойного, а имя человека, на чей счет было захоронено тело.



Китайский нищий ранит себя, чтобы возбудить сочувствие

Нищие, многие из которых сильно изуродованы, прибегают к различным уловкам, чтобы заставить людей подать им милостыню^{108}. Я видел одного нищего, который нес на

спине прокаженного, болезнь которого зашла так далеко, что у него чуть не на глазах отваливались уши, руки и ноги. Нищий угрожал владельцам лавок, что войдет к ним со своей отвратительной ношей, если они сразу же не заплатят ему. Подаяние немедленно бросали на улицу, и он быстро подбирал его. Другие расхаживают повсюду с острыми китайскими бритвами, которыми режут себя, чтобы вызвать жалость и таким образом выманить подаяние. Мне приходилось видеть нищих, чьи тела сверху до пояса были целиком в крови. В городе Бицзян, провинция Гуандун, я видел попрошайку, буквально купавшегося в собственной крови, которая стекала на пол магазина; этим он пытался смягчить черствое сердце лавочника. Видел я и нищих, которые бились головой о стены лавок; другие колотили себя большими камнями. В Ханькоу, провинция Ху-бэй, некоторые нищие двумя палками немилосердно молотили себя по голове. У других были длинные медные табачные трубки, которые они предлагали каждому прохожему, чтобы, если захочет, он затянулся один-два раза. С каждого курильщика они собирали по три медных монеты. Иногда нищий, видимо погибающий от истощения, бросается на порог лавки или жилого дома, заявляя, что он собирается здесь ждать смерти. В мае 1864 года я видел, как человек, по всей видимости умиравший от голода, бросился на порог жилого дома и сказал, что гут и умрет, если его не спасут. Впавший в панику хозяин сразу же предложил истощенному нищему мелкую сумму, но тот с негодованием отказался. Сопровождавший меня друг выразил готовность помочь страдальцу и достал пол доллара. Скупой хозяин тут же бросился к нему, жадно схватил монету и отдал ее нищему. Иногда нищие встречаются на берегах разных рек, каналов и заливов; я видел несколько людей, просивших подаяние, во время плавания по Великому каналу. Э. Нехофф в своей знаменитой работе о Китае описывает нищих, которые, «как обезумевшие, сталкиваются лбами так, что свидетелю кажется, что вот-вот или мозг брызнет наружу, или они упадут мертвыми. Они действительно не перестанут биться лбами, потому что в их обычае не прекращать этого занятия, покуда вы не дадите им что-нибудь. Есть и другая разновидность попрошаек: они не сталкиваются лбами, а ударяются головой о лежащий на земле круглый камень в четыре пальца толщиной так сильно, что, кажется, гул идет от земли. От этого у многих на лбах образуются выпуклости, которые уже никогда не вылечить... Есть еще нищие, которые жгут легко воспламеняющиеся материалы у себя на голове и мучаются от страшной боли, причитая и терзаясь, пока не получают милостыню от случайных встречных».

Глава 19

Гостиницы, постоялые дворы и рестораны

В Китае повсюду множество ресторанов, гостиниц, чайных и бульонных. Как правило, рестораны очень велики: они включают общий зал и несколько отдельных кабинетов. В отличие от большинства других зданий рестораны бывают трехэтажными или четырехэтажными. Кухня занимает весь первый этаж. Общий зал, где едят люди победнее, располагается на втором этаже, а кабинеты для состоятельной публики – на третьем и на четвертом, но вообще-то они открыты для представителей всех слоев общества. Поэтому нередко в кабинетах можно встретить людей и с ограниченными средствами. У входной двери находится стол или прилавок, за которым сидит хозяин и где каждый посетитель при уходе расплачивается за обед. Общий зал расположен сразу за первым лестничным маршем. Туда идут все, кто хочет дешево поесть. В нем, как в кафе, стоят столы и стулья. В отдельном кабинете есть только один стол и несколько стульев. На стенах всех помещений наклеены объявления, призывающие посетителей следить за своими зонтиками, веерами и одеждой и утверждающие, что в случае потери этих вещей хозяин ресторана ответственности не несет. В каждой комнате есть меню. Помимо всего прочего, оно может включать суп из ласточкиных гнезд, акульки плавники и трепангов. Когда посетитель входит в заведение, официант подает ему меню. После того как заказ принят, его быстро приносят. Обед может состоять из десяти или двадцати небольших блюд. В то же время бывают весьма внушительные трапезы, когда на столе оказывается более сотни блюд. Трапеза начинается с многословных речей хозяйина или самой важной персоны среди собравшихся. Фактически эти словоизлияния нечто вроде молитвы перед едой. Затем наполняют винные кубки, и гости, вежливо поклонившись друг другу, начинают пить. Обычай начинать трапезу вином существовал у древних персов, поэтому они называли такие мероприятия «винными пиршествами».

Вначале подают фрукты, например апельсины, орехи и миндаль. За этим следуют супы и разные блюда из тушеного мяса и птицы с вкуснейшими гарнирами. Между переменами официанты, полураздетые из-за летней жары, раздают клиентам трубки с табаком. Затянувшись несколько раз, гости обнаруживают, что уже принесли следующую перемену.

Вина бывают разные: в нашей стране их называли бы настойками. Самое крепкое спиртное, рисовая водка, называется сюэ-цзю. Другие вина делаются из слив, яблок, груш, личжи и роз. Гости неизменно угощают вином соседей из собственной чарки; нередко какой-нибудь господин выражает внимание собеседнику, отправляя палочками кусок со своей тарелки к нему в рот. На стол не стелют скатерти. Рядом с каждым гостем кладется лист шершавой коричневой бумаги, которым он между переменами вытирает палочки и рот. Поскольку в китайской кухне щедро используют растительное масло, это не только правила приличия. Цыплят, уток, мясо на первом этаже разделявают, режут на мелкие кусочки и подают тушеными. Все это необходимо из-за всеобъемлющего использования ложек и палочек для еды. Такой способ готовки – излюбленный почти у всех восточных народов.

Во время последней перемены гости нередко предаются во хмелю азартной игре, которая называется чжи-моу. В этой игре, сопровождающейся бурным весельем, участвуют двое. Один человек, внезапно поднимая руку, показывает несколько пальцев, а его партнер в ту же секунду должен назвать их число. Если последний не угадает, он должен выпить чарку вина. Эта игра стара как пирамиды, и путешественники утверждают, что на фресках в Фивах и в храмах Бени-Хассана изображены сидящие люди, играющие в чжи-моу. Из Египта она пришла в Грецию, откуда ее рано заимствовали римляне, и впоследствии она существовала у них, по-видимому, без изменений.

В конце обеда снова появляются официанты с полотенцами (я специально не пишу «с чистыми полотенцами») и медными или бронзовыми мисками, до краев наполненными горячей водой, чтобы гости могли вымыть руки и лица. Официант опускает полотенце в миску, вынимает его, выжимает и передает одному из посетителей. Когда тот вытерся, то же полотенце снова обмакивают в миску и передают следующему. Обычай, по которому слуги в конце пира переходят от одного гостя к другому с водой для умывания, давно известен на Востоке. Мы читаем в Четвертой книге Царств (3: 11), что Елисей, сын Сафатов, «подавал воду на руки Илии».

Кроме ресторанов, на больших улицах и площадях китайских городов есть многочисленные ларьки – бульонные. В этих ларьках недорого продают всяческие супы и пирожки. На расставленных вокруг скамьях можно видеть людей, наслаждающихся вкусной и дешевой едой. Существует другая разновидность ресторанов, в которые часто ходят мужчины; в сущности, это столовые, где подают свинину. Там все устроено так же, как в обычных ресторанах.

Гостиницы в Китае, как и в Европе, различаются по названиям или вывескам. Например, в Кантоне есть гостиницы «Цзинь-Ли» – «Золотые выгоды», «Цзи-Шэн» – «Присуждения рангов», «Фу-Ань» – «Счастье и Мир», «Цзи-Син» – «Счастливая звезда». Как правило, городские гостиницы очень высокие здания, и, как большинство коммерческих заведений, их строят недалеко друг от друга. Так, кантонская улица Луаньсин-цзе образована двумя рядами гостиниц.

На первом этаже гостиницы обычно находятся комната владельца и большая кухня, где три-четыре повара и столько же судомоек заняты приготовлением еды и мытьем тарелок. На втором этаже расположены один общий и несколько отдельных обеденных залов, а на третьем – спальни. Номера отделяются друг от друга тонкими деревянными перегородками, поэтому даже приглушенные голоса можно расслышать в соседней спальне. Если вам попадется разговорчивый сосед, о нем нечего и думать. Если сосед окажется курильщиком опиума, что бывает нередко, вас почти одурманивает просачивающийся в спальню запах наркотика. Забавно, как увеличивается разница между английскими и китайскими гостиницами при путешествии по менее цивилизованным частям империи. На пути от Даныпуя к Цзилуну (все это города на Формозе) мне пришлось заночевать в Ши-коу. Я приехал вечером и обнаружил, что главная гостиница переполнена. Но хозяин, помнивший, что англичане обыкновенно щедро платят, решил не отпускать меня. Войдя в комнату с тремя кроватями, он разбудил спящих, что было не так легко. Само собой, они очень удивились, когда их подняли среди ночи, и еще больше, когда увидели в своей комнате двух англичан. Что бы все это могло значить? Трактирщик вежливо объяснил, что просит их уступить кровати двум «заморским дьяволам», которые прибыли издалека и очень устали. Двое сразу же согласились, но третий, старый корабельник, решительно воспротивился. Он заявил, что много лет регулярно останавливался в этой гостинице, при этом аккуратно платил, что с него следовало, поэтому поведение хозяина по отношению к нему просто постыдно. После этой убедительной отповеди хозяин немедленно превратился в подобострастного слугу. Он стал самым учтивым голосом успокаивать его, помог одеться и – просто чудо! – оказал гостю услугу, на которую редко решаются надменные китайцы, – опустился на колени и помог старику обуться. Мы остались и легли отдохнуть, но оказалось, что поспать не удастся: три-четыре человека в соседней комнате начали громко обсуждать вчерашнюю уличную драку углекопов. Сначала они просто громко спорили, но потом стали кипятиться все больше и больше – надо знать, что китайцы ссорятся с удивительной горячностью. Шум разбудил остальных, и в конце концов в перебранку, по нашим представлениям, включилось около тридцати человек. Мы просили их замолчать, но никто не слушал наших увещаний. Наконец примерно в три часа утра мой друг поднялся, чтобы позвать хозяина. Открыв дверь, он споткнулся о

распростертое тело коробейника, которому, оказывается, постелили тут же на полу, – хозяину снова удалось найти удачный компромисс.

Как правило, обеды, которые подают в таких гостиницах, отличаются от тех, что можно получить в ресторанах, и состоят из жареной свинины, жареной утки и вареной курицы с рисом или рыбы с рисом. Кроме больших гостиниц, в китайских городах бывают гостиницы поменьше, которые называются янь-фан, а в деревнях – постоянные дворы. Деревенские постоянные дворы очень скромны и не особенно удобны. В северных провинциях и Монголии гостиницы или караван-сарай во всех отношениях более комфортабельны, чем в южных и центральных провинциях. Каждый караван-сарай представляет собой четырехугольный двор. У строений глинобитные стены, поскольку это необходимо в северных широтах. Имеется одна общая комната. В ней путешественник встретит возчиков, гуртовщиков и погонщиков мулов. Кроме нее, в гостинице есть несколько предназначенных для джентри отдельных номеров^{109}, которые иногда бывают очень удобными. Там устроены и стойла для многочисленных вьючных животных северных провинций: для мулов, ослов и лошадей; кроме того, к зданию прилегает большой огороженный участок для отар овец и стад рогатого скота и свиней, которых в большом количестве перегоняют из Монголии в Китай. Иногда в больших гостиницах есть и второй двор, состоящий из одних стойл. С другой стороны, в некоторых караван-сараях поменьше вообще нет настоящих стойл, и в центре двора устроен только длинный желоб или кормушка. К кормушке привязывают вьючных животных. Поскольку они иногда дерутся друг с другом, на таких постоянных дворах никогда нельзя быть уверенным, что проведешь спокойную ночь. Постели в этих караван-сараях называются канами и по форме напоминают печи. Путешественники, защищенные толстыми одеялами, ложатся на слой смолы или асфальта, под которым расположено отверстие наподобие устья печи. В это отверстие укладывают горячее и зажигают огонь, чтобы согреть спящего. Весь зал^{110} для приема погонщиков мулов, возчиков и бедных путешественников – это одна широкая постель. На ней постояльцы обычно и спят. Самая большая гостиница из тех, которые я посетил во время моих странствий на севере Китая и в Монголии, располагалась в Хэ-си-у (это городок или деревня на полпути между Тяньцзинем и Пекином). Я обнаружил, что она была переполнена людьми, большинство которых возвращались из паломничества в храм, посвященный трем богиням-покровительницам: родов, слепых и глухих. В просторных конюшнях теснились кони и мулы. В таких гостиницах селятся всякие путешественники – и бедные и богатые.

В караван-сарай, где я останавливался в Жэхэ, на стенах комнат, которые мне отвели, висело объявление о том, что в этом же номере несколько недель назад жил родственник императора. Когда настало время оплачивать счет, хозяин имел наглость потребовать прибавки на том основании, что он поселил меня в номере, который совсем недавно почтила своим присутствием особа императорской крови.

В некоторых монгольских и китайских городах есть так называемые ханы – склады, в которых размещают свои товары путешествующие купцы. Купцы устраиваются там с удобствами, живут и питаются за счет хозяина хана, пока товары не будут проданы. Тогда они отдают ему приличный процент от выручки. В южных предместьях Кантона есть несколько таких домов.

Владельцы гостиницы обязаны записывать в специальной книге имена и адреса всех посетителей. Эти книги ежемесячно передают уездным магистратам. Несомненно, эта практика приносит известную пользу, когда спокойствие государства нарушают крупные политические восстания. В 1865 году одна из самых больших гостиниц на кантонской улице Луаньсин-цзе была закрыта мандаринами, поскольку оказалось, что в ней останавливался печально известный мятежник, за голову которого было обещано большое вознаграждение. Когда я в том же году путешествовал по Монголии, меня не впускали в одну из самых боль-

ших гостиниц в Лама-мяо, пока хозяин не получил на это разрешения у властей. А в Фэннин-чжэне, тоже в Монголии, я столкнулся с такими же предосторожностями. В южных городах женщин в гостиницы не пускают, но в северных провинциях и в Монголии там можно встретить китайок и монголоков разного общественного положения. Когда путешественник прибывает в гостиницу, ему предлагают выбрать спальню. Затем он получает от владельца ключ. Если он уходит из гостиницы даже на несколько минут, он должен запереть дверь и отдать ключ хозяину, который в таком случае по закону отвечает за собственность своего постояльца. По прибытии постоялец сообщает хозяину, какие вещи он везет с собой. Часто на стенах спален можно видеть плакаты, на которых к сведению гостей излагаются все эти правила. Если путешественник умрет в гостинице, владелец должен сообщить об этом уездному магистрату, который сразу же отправляется туда и составляет опись имущества покойного. Затем родственникам путешественника сообщают о случившемся и передают им его вещи. Если они живут достаточно далеко, им дается на ответ двенадцать месяцев. По истечении этого срока вещи конфискуют в государственную казну.

В больших городах есть заведения, где часто останавливаются богатые путешественники, особенно студенты, приехавшие держать государственные экзамены на ученую степень. Над их входными дверями помещены вывески со словами «Отдых для путешественников» или «Меблированные номера». Такие здания гораздо больше гостиниц и отличаются от них тем, что жилец должен привезти с собой повара и камердинера, которые обеспечат его всем необходимым без обращения к владельцу. В таком доме множество спален. При них находится большая кухня с несколькими каминами, у которых можно видеть поваров, готовящих еду для своих хозяев. Часто постояльцы привозят с собой жен и детей, чего в гостиницах не бывает. Гун-гуань — заведения того же рода, но в них останавливаются только гражданские и военные чиновники. Во всех больших городах, таких как Кантон, находится много мандаринов, ожидающих назначения, и они живут именно в таких домах, пока не наступит время принимать должность. Чиновники, у которых истек срок службы, тоже занимают квартиры в гун-гуань, где они обычно некоторое время остаются, ожидая счастливого дня для отъезда домой или устраивая дела, связанные с их отставкой.

В качестве клубов или гостиниц выступают и здания гильдий. Представители каждой отрасли торговли строят по гильдейскому зданию во всех больших городах. Коммерсанты или купцы, приезжающие издалека торговать на разных рынках, столуются и ночуют в зданиях своих гильдий. В таких местах обыкновенно можно встретить людей из разных частей империи. Удивительно, сколько информации о китайцах может получить иностранец, посещая эти учреждения и разговаривая (если это необходимо, через переводчика) со многими почтенными и умными людьми, которые живут и столуются в них. Обеды и завтраки поставляют многочисленные лавки под названием чжоу-гуань. Их легко узнать по обеденным сервизам и глиняным горшкам, которыми уставлены полки. Там готовят обеды и сразу же посылают их в гильдии, а иногда — в частные дома.

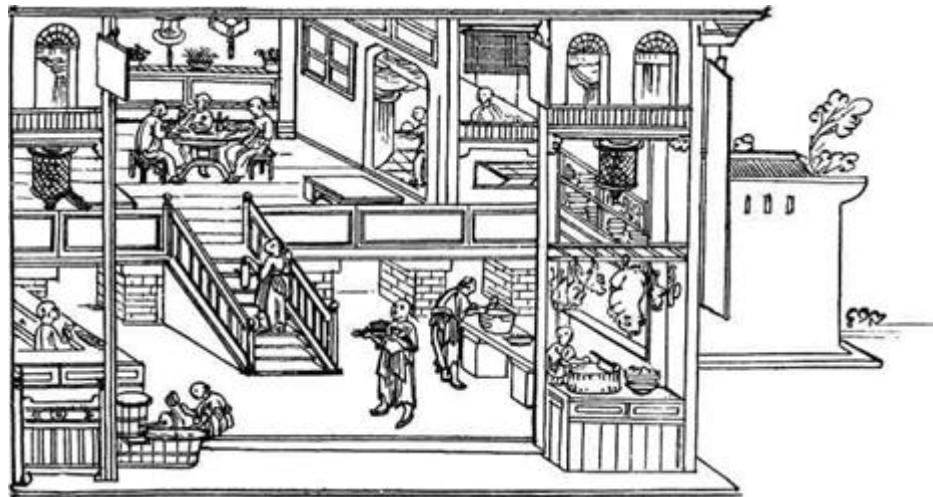
Девять раз в год на праздники торговцы собираются в зданиях своих гильдий. Обычно такому совместному отдыху посвящают второй и пятнадцатый дни первого месяца, пятый день пятого месяца, или День Дракона, тринадцатый день пятого месяца, или день рождения бога войны, четырнадцатый день седьмого месяца, или праздник Всех душ, пятнадцатый день восьмого месяца, или Лунный праздник, двадцать пятый день одиннадцатого месяца, или зимнее солнцестояние, а также праздник Хуань-шэнь, который отмечают в счастливый день в конце двенадцатого месяца; он считается днем общего благодарения всем богам за блага, которые они даровали людям в течение года. У каждой гильдии есть свой святой покровитель. Отмечая день его рождения, члены гильдии пируют и веселятся.

Весной 1864 года меня удостоили приглашения на гильдейский обед торговцев лакированными изделиями. Я охотно согласился и действительно провел очень приятный вечер.

Члены многих гильдий учреждают фонды, из которых оплачивают достойные похороны своих собратьев. Эти погребальные общества существовали в течение столетий и, насколько я смог узнать, не были настолько отвратительными, как подобные объединения в Англии не так много лет назад.

Здания гильдий могут быть названы в числе красивейших образцов китайской архитектуры. Здание, принадлежащее гильдии торговцев зеленым чаем, обращает на себя внимание дверями и окнами своеобразной формы: некоторые из них напоминают фрукты, листья, цветы, веера, свитки и вазы. В северных и центральных провинциях мне попадались здания гильдий поменьше кантонских, но зато гораздо красивее их. Я был в величественном гильдейском зале в Тяньцзине, а в Нинбо видел еще более примечательное здание: его крышу поддерживали колонны из гранита и дерева, украшенные искусной резьбой. Резец скульптора изобразил мощных драконов, обвившихся вокруг гранитных колонн. Там были и рельефные изображения людей и храмов. Город Сучжоу в провинции Чжэцзян^{111}, помимо прочих достопримечательностей, славился величественными залами гильдий. Но в 1860 году, когда город захватили повстанцы, многие из этих зданий были разрушены. Я посетил руины двух гильдейских домов, принадлежавших купцам провинций Шэньси и Шаньдун. Сохранились только ворота, и, судя по ним, это были красивые сооружения.

В больших и малых городах множество чайных. Они часто бывают просторными и обставлены очень аккуратно; в каждой два салона, где стоят несколько столиков и табуреток. На каждом столе стоит поднос с большим выбором печенья, засахаренных фруктов и с чайными чашками. Кассир сидит за стойкой у дверей салона и собирает у гостей деньги, когда они выходят из заведения. При каждой чайной устроена большая кухня, где ежедневно готовят всяческие сладости повара, отличающиеся чистоплотностью. Чайные очень популярны у людей всех слоев общества, но в южных провинциях женщины в чайные не допускаются. В Нанкине, Ханькоу, Учане и других городах на берегах Янцзы, а также в Ханчжоу и Сучжоу и других городах на берегах Великого канала я видел в чайных пожилых и, по всей видимости, небогатых женщин. В северных провинциях, судя по прокламации, изданной по этому поводу шанхайским даотаем, посещение женщинами чайных считается неприличным. В южных городах посетители чайных, закончив угощаться, немедленно должны освобождать место для других. Но в центральных провинциях нередко бывает, что люди без определенных занятий проводят в чайных весь день, сплетничая с другими посетителями. Чтобы увеличить притягательность этих заведений, хозяева иногда нанимают вокалистов, целый день развлекающих посетителей пением или чтением стихов. Два или три раза в Нанкине я был в чайной, в которую просто ломились посетители из-за вокалиста, которого владелец нанимал петь и читать стихи на целый день. Я заметил, что в Ханчжоу и в других городах на берегах Великого канала чайные открыты до десяти или одиннадцати часов вечера, в то время как в Кантоне они неизменно закрываются в пять или шесть часов. Посетив чайную в Ханчжоу в девять вечера, я обнаружил, что она переполнена уважаемыми горожанами, многие из которых обсуждали последние новости. Там было несколько человек на седьмом десятке, которые, по-видимому, наслаждались обществом друг друга. Рядом с каждым стояла чашка чая, в руках они держали курительные трубки. Глядя на это, я понял, как хорошо, что такие заведения бывают открыты по вечерам. В городах по берегам Янцзы и на Великом канале бедняки обычно покупают в чайных кипяток для домашних нужд. За две медных монеты им наливают до краев большой котелок. Дешевле покупать кипяток, чем хворост. Баки для кипячения воды стоят у дверей чайных, так что покупатели могут не входить в салон.



Ресторан

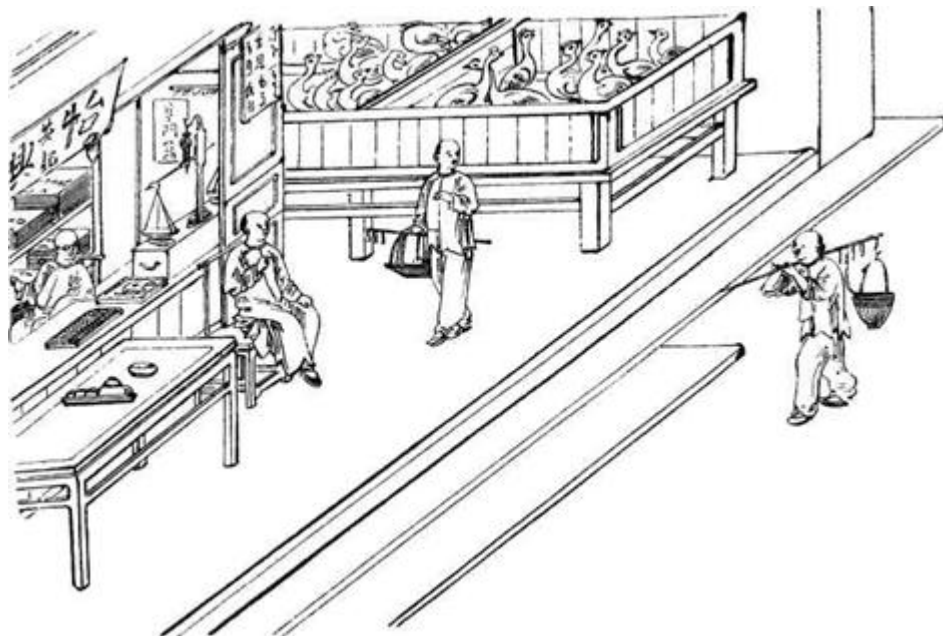
Как правило, чайные строят на самых оживленных улицах городов, но в провинции Цзянсу, по-видимому, существует обычай устраивать их при общедоступных храмах. В Даньян Сянь обширное крыльцо самого большого в уезде буддийского храма было обращено в чайную. Я обнаружил, что одно из самых просторных помещений монастыря рядом с У си Сянь тоже отведено под чайный салон. Чайная находилась в центре монастырского двора, где располагался причудливый фантастический сад камней. Рядом с дверями чайной был источник, у которого стояла большая мраморная стела с изречением императора Цяньлуна о красоте вод. В Сучжоу я видел две больших чайных на парадном дворе храма Шунь-мяотан. А в городе Цзясин я был немало удивлен, обнаружив, что крыльцо областной управы отдано под такое же заведение. Поскольку храмы и ямэни – усердно посещаемые публикой места, жителям южных провинций было бы не худо перенять это обыкновение. Иностранец, любящий порядок, посещая эти заведения, непременно заметит, что они несравненно выше пивных и закусочных, позорящих города более цивилизованных стран, чем Китай. На проселочных дорогах место чайных салонов занимают чайные навесы, если можно так выразиться. Как правило, эти сооружения состоят из черепичной крыши, которую поддерживают кирпичные колонны. Дороги обыкновенно проходят прямо мимо чайных такого рода. Просторные и прохладные, они прекрасное убежище от тропического зноя для путников, которых дела заставили уехать из дома. Жаждающим подают вкусный чай, и они просто наслаждаются им, выпивая чашку за чашкой. Иногда такие чайные встречаются и на малолюдных дорогах. В 1853 году я с двумя друзьями путешествовал по уезду Сяншань. Чтобы достичь места назначения, мы должны были проехать по одной из тамошних глухих дорог. На протяжении нескольких миль казалось, что мы очутились в абсолютно безлюдной местности. Доехав до перевала, мы обнаружили, что дорога становится неровной и крутой. Нам пришлось сойти с пони и продолжать путь пешком. Мы очень устали, и зной солнечного дня усугублял наше состояние. В уверенности, что до конца путешествия нам не удастся подкрепиться, мы было совсем отчаялись, когда вдруг перед нами предстало отрадное зрелище: плетеный навес, под которым сидел пожилой человек с длинной седой бородой за столиком, уставленным печеньем и чайными чашками. Мы с радостью воспользовались представившимся случаем. Наш хозяин и его угощение напомнили нам о словах поэта:

Не стану резать я овец,
Пасущихся в долах.
Меня жалеет Бог, и я
Учусь жалеть бедняг.

Невинна трапеза моя,
Несу ее с холмов, —
Суму с плодами и травой
И воду родников.

В городах обращают на себя внимание рестораны под названием гоу-жоу-пу, в которых подают собачье и кошачье мясо. В Кантоне такие рестораны оформлены не так хорошо, как остальные, и их не много. Но вряд ли я преувеличу, если скажу, что в Кантоне не меньше двадцати подобных мест. В каждом из них только один общий зал. В него обычно проходят через кухню, где можно видеть поваров, готовящих кошатину и собачатину на медленном огне. Мясо режут на мелкие кусочки и жарят в масле с водяными каштанами и чесноком. В окнах ресторана выставлены собачьи туши, которые, видимо, должны привлекать внимание прохожих. Иногда над дверями вешают плакаты, на которых написано, что здесь подают мясо черных собак и кошек и быстро обслуживают посетителей. На стенах обеденных залов висят меню. Вот перевод одного из них:

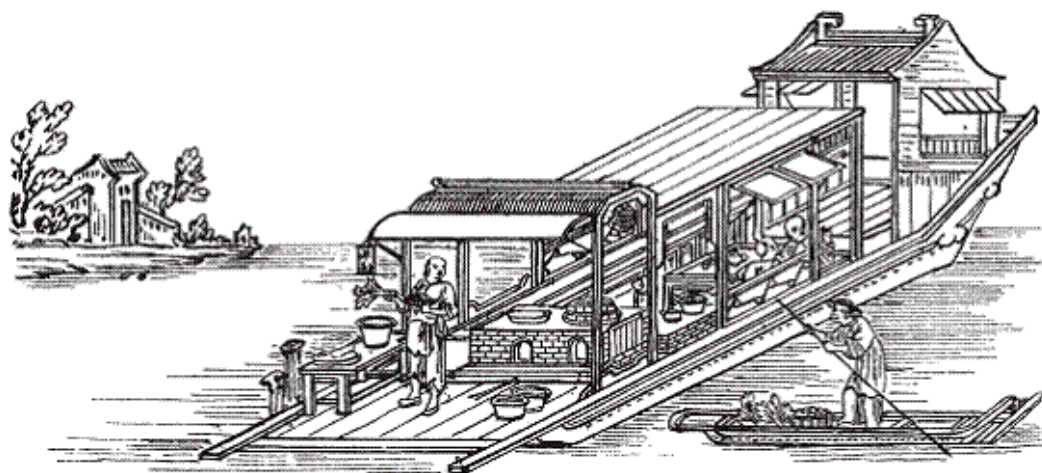
«Кошати́на, одна миска... 10 центов
Мясо черной кошки, одна маленькая миска... 5 центов
Вино, одна бутылка... 3 цента
Вино, одна маленькая бутылка... 1 цент
Рисовый отвар, одна миска... 2 гроша
Кетчуп, одна миска... 3 гроша
Сало черной собаки... 1 лян 4 цента
Глаза черной кошки, одна пара... 4 цента
Просьба всем посетителям быть аккуратными при расчете».



Лавка торговца птицей

Чаще всего едят мясо черных собак и кошек, потому что оно считается наиболее питательным. В Интуне, пригороде Кантона, устраивают ярмарку, на которой продают собак для еды. На одной из городских улиц ежедневно выставляют на продажу собак и кошек. Собак душат, режут или забивают дубинкой. Туши кладут в чаны с кипятком, чтобы очистить от шерсти. Затем их потрошат и подвешивают перед ресторанными окнами. Такие столовые часто посещают состоятельные лавочники и ремесленники. За хороший обед им приходится

уплачивать в среднем пятнадцать центов или семь с половиной пенни. Мне попадались там и бедняки, но они составляют малую долю посетителей. Во всей обширной провинции Гуандун и в других южных провинциях люди нередко едят собачатину и кошатину. Особенно это касается хакка, населяющих Лунмэнь, Дунгуань, Цзэнчэн и другие уезды. В Пекине я видел две или три лавки, в которых продавалось собачье мясо. Доктор Уильяме утверждает, что из северной провинции Шаньдун вывозят собачью ветчину. В начале лета по всей стране люди всех слоев общества соблюдают обычай под названием а-цзи, который состоит в употреблении в пищу собачатины. Считается, что в это время мясо собак придает физическую силу и защищает от летних болезней или эпидемий, поэтому в столовые, где подают кошатину и собачатину, валом валят посетители. Многие ларьки на улицах, где обычно продается другая еда, выставляют на продажу несомненно соблазнительные для прохожих кусочки собачатины. Кантонцы считают, что есть собачатину противно воле богов, и во многих буддийских храмах я видел плакаты, призывающие людей воздерживаться не только от мяса быков, коз и свиней, но и от собачатины, поскольку собаки верно охраняют дома своих хозяев, для кантонцев общепризнано, что в храм для молитвы богам нельзя входить, не воздержавшись прежде как минимум в течение трех дней от собачатины. Но это же касается и людей, которые обычно едят мясо любых других животных.



Плавучая кухня

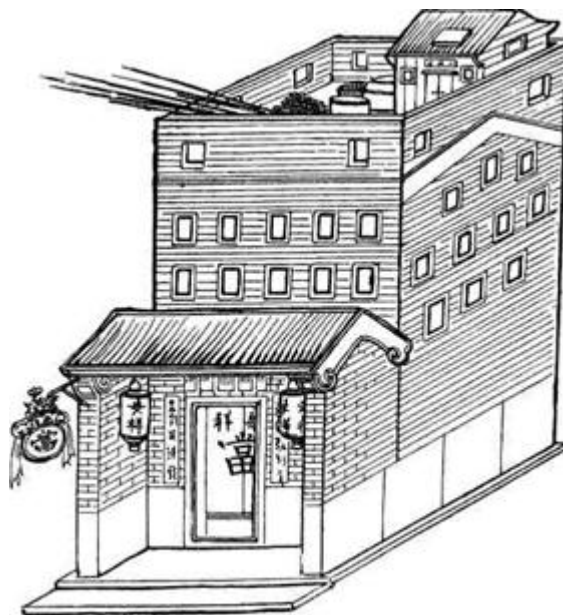
Мясо крыс также употребляют в пищу. На улице Синлун-цзе в Кантоне много лавок, где торгуют битой птицей, и там на продажу вместе с утками, гусями и курами выставляют крыс. Их солят и высушивают. Крыс едят как мужчины, так и женщины. Но женщины обычно едят мясо этих животных, если начинают лысеть, поскольку китайцы считают его средством для восстановления волос. Зима слывет крысиным сезоном, и на этой улице витрины полны сушеными крысами. Крыс едят далеко не во всем Китае, но в разных частях империи это блюдо в большей или меньшей степени популярно.

Я завершу эту главу кратким рассказом о так называемых плавучих гостиницах. Во всех городах их устраивают на берегах рек и заливов. Это большие лодки особой конструкции. Они называются чжи-дун-тин. Поскольку реки и заливы – водные магистрали страны, эти лодки служат большим подспорьем для путешественников. Городские ворота неизменно закрывают ранним вечером, и с лодки, прибывшей в город к ночи, пассажиры не могли бы высадиться до следующего утра, если бы не эти плавучие гостиницы. К тому же они очень удобны для людей, которые, прибыв в город, обнаруживают, что их ничто там не держит, и

собираются продолжить путешествие, пересев на другую пассажирскую лодку. На Жемчужной реке есть также большие лодки, которые китайцы называют ван лао, а иностранцы – цветочными лодками. Это ни больше ни меньше как плавучие дома. Часто они бывают богато украшены резьбой и позолотой. Цветочные лодки освещаются хрустальными светильниками и лампами и ночью выглядят ярко и привлекательно. Вечерами к этим лодкам стекаются горожане, желающие повеселиться. Для китайского господина считается неприличным приглашать друзей на обед к себе домой, кроме как по случаю свадьбы сына или дочери или дня рождения одного из членов семьи. Поэтому тот, кто хочет устроить вечеринку, печатает и раздает друзьям приглашения с просьбой явиться тогда-то на борт такой-то цветочной лодки. Обед готовят в большой плавучей кухне, стоящей рядом на якоре. На таких банкетах неизменно присутствуют нарядные и чрезмерно накрашенные певички. Эти женщины гораздо скромнее, чем их товарки, которые встречаются на улицах английских городов. В то время как некоторые из них наполняют вином чаши гостей, другие поют и играют на разных музыкальных инструментах. Сэр Джон Бэрроу в своей автобиографии сообщает читателям, что во время его пребывания в Кантоне с лордом Амхерстом его пригласил на вечер на борт одной из цветочных лодок уполномоченный правительства. Он сопровождал сэра Джона Бэрроу и лорда Амхерста, а также других джентльменов из Пекина в Кантон. Когда сэр Джон прибыл на борт, уполномоченный официально представил его дамам, нанятым на этот вечер. Сэра Джона поразили их музыкальные способности, и, несомненно, решив, что и в других отношениях они получили хорошее воспитание, он стал расспрашивать о них подробнее. Хозяин уверил его, что это жены генерал-губернатора, губернатора и казначея провинции Гуандун. Сэр Джон не заподозрил обмана, поскольку совершенно спокойно рассказывает об этом случае в своей автобиографии. Помню, как я однажды рассказал об этом знакомым кантонцам, которых немало позабавил рассказ о том, как разыграл англичанина их остроумный соотечественник.

Глава 20 Ломбарды

Ростовщиков в Китае очень много, как и закладных лавок. Вероятно, ни в одной стране мира ростовщичество не распространено так, как в Китае. Занимающиеся этим делом люди четко делятся на три класса. К первому относятся богатейшие коммерсанты. Они образуют компании. Заведения таких ростовщиков называются да-дянь. У компании должна быть лицензия, за которую она уплачивает сто долларов казначею провинции. Кроме того, ежегодно фирма выплачивает в императорскую казну налог в размере двенадцати серебряных долларов. Под залог принимают любые товары: одежду, старое серебро, украшения и драгоценные камни. Военная форма, а также другие вещи, являющиеся собственностью правительства империи, не могут быть заложены. Существует правило, согласно которому на все суммы, которые выдают собственники да-дянь, начисляется три процента в месяц или тридцать шесть в год. По обычаю, зимой месячный процент снижается до двух. Насколько мне известно, это было введено императором Цзяцином по предложению губернатора провинции Гуандун. Его смысл состоит в том, что суровой зимой бедняки получают возможность выкупить заложенную одежду. Кроме того, все китайцы стремятся во время празднования Нового года нарядиться во все лучшее. Весьма запомнилась сцена в ломбарде уездного города Синь-чжа-чжэнь на берегу Великого канала. Там толпилось более сотни человек, стремящихся выкупить свою лучшую одежду, поскольку год кончался и они не могли терять время, отвлекаясь от приготовлений к приближавшемуся празднику.



Ломбард

После заката вещи под залог не принимаются. Это предосторожность от мошенников, так как тусклый свет масляных ламп, которыми китайцы пользуются в лавках и складах по вечерам, не дает возможности надлежащим образом осматривать заклады. Кроме того, это предосторожность от пожаров, ведь принятые вечером под залог вещи придется переносить в склад, освещаемый лампами. Через три года не выкупленные вещи выставляют на продажу. Но в определенных обстоятельствах вещи, оставленные под залог в ломбардах первого класса, продают до истечения этого срока. Если в уезде появляются мятежники и владельцы закладных лавок боятся ограбления, они вольны продать с открытого аукциона все, что нахо-

дится у них более двенадцати месяцев. Поскольку считается, что ломбардам первого класса покровительствует правительство, их владельцы обязаны принимать на хранение казенные деньги до трех тысяч лян под двенадцать процентов. Проценты выплачиваются раз в три месяца. В Кантоне и других городах чиновники тратят их на поддержку городских благотворительных учреждений и на корм для лошадей маньчжурского гарнизона. Примерно два годовых процента с казенных денег ростовщики делят между служками управы казначея. Если бы ростовщики отказались давать им чаевые, эти хищники не стали бы принимать в казну проценты на вклад, что повредило бы кредиту владельцев ломбарда у казначея. Для гарантии вклада владельцы всех ломбардов первого класса обязаны подписывать обязательство об уплате всего императорского вклада плюс проценты по ставке шестнадцать годовых, если учреждение, в котором он размещен, будет вынуждено приостановить выплаты.

Люди всех слоев общества обращаются в эти заведения, когда им необходимы деньги. Хотя в Китае есть настоящие банки, для получения займов их посещают куда реже (исключение составляют коммерсанты). Нередко состоятельные люди в начале лета оставляют в закладных лавках зимнюю одежду не из-за нужды в деньгах, а с тем чтобы обеспечить безопасное хранение своих вещей. Летом китайскому климату свойственна высокая влажность, и, если не принять серьезных предосторожностей, прожорливые насекомые во множестве заводятся во всякой одежде, книгах и тому подобных вещах.

Ни одна такая закладная лавка не может быть закрыта и ни одна компания расформирована без разрешения казначея. Чтобы вычеркнуть название фирмы из налогового списка, следует уплатить сто долларов.

Ломбарды первого класса строят из кирпича и облицовывают гранитом, за исключением пагод, — это самые высокие китайские здания. Они возвышаются над всеми домами в окрестности и напоминают сторожевые башни, которых так много на границах Англии и Шотландии. Обычных окон в них нет, только железные ставни или шторы. Входные двери сделаны из железа и очень прочны. В подвале находятся конторы, где и занимаются делами. Можно слышать, как в них мужчины и женщины, мальчики и девочки пререкаются с клерками: сколько им следует за заклад. В других помещениях располагается несколько длинных рядов полок. Полки никогда не прилегают к стене, и между ними остается широкий проход. На них очень аккуратно разложены бесчисленные тщательно упакованные свертки всех размеров. К каждому прикреплена деревянная бирка, на которой разборчивым почерком перечислено его содержимое, имя владельца и дата, когда вещи были отданы в залог. В центре каждого помещения находится деревянный сейф, в котором хранят ценности, например золотые и серебряные украшения, драгоценные камни.



Меняла

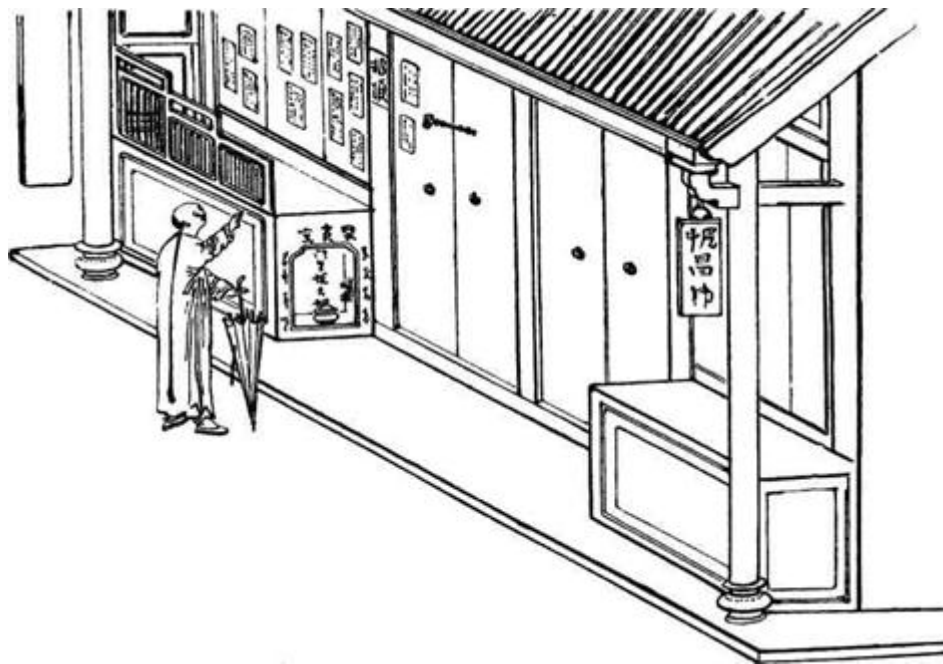
Ломбарды второго класса напоминают ломбарды первого класса, но они значительно меньше.

Архитектура да-дянь и сян-я обусловлена тем, что вокруг немало сомнительных личностей, несмотря на суровость законов, всегда готовых сколотить шайку, чтобы ограбить своих состоятельных земляков. Виденные мной здания ломбардов в центральных и северных провинциях, а также в Монголии не такие высокие, как на юге, зато очень капитальные.

Прочность ломбардов не может застраховать их от грабительских налетов. В 1860 году в Кантоне и в окрестностях были совершены нападения на несколько таких заведений. Были украдены самые ценные вещи. Чтобы впредь лавки были защищены лучше, владельцы кладут на крышу большие камни, чтобы сбрасывать их на голову злоумышленников, и ставят горшки с купоросом, чтобы большими спринцовками брызгать им в лица. Нескольких разбойников из тех, что грабили кантонские ломбарды в 1860 году, в конце концов поймали и обезглавили на месте казней.

Ломбарды строят так, чтобы риск пожара был минимальным. В 1861 году в Кантоне ночью случился большой пожар. Посетив место происшествия на следующее утро, я обнаружил, что сгорела вся улица, кроме стоявшей на ней большой закладной лавки.

Ломбарды второго класса тоже управляются акционерными обществами. Они называются гуань-шуй или шан-я, и лицензию на их деятельность выдают джентри. Она стоит немало – двести лянов. Эти деньги джентри тратят на жалованье храбрецам и ополченцам, которых они нанимают для обеспечения спокойствия в провинции. Поскольку лицензии следует возобновлять каждые два года за те же деньги, джентри получают на эти расходы большие суммы. В ломбардах второго класса процент на деньги, которые выдают под залог вещей, составляет тридцать годовых для всех предметов, оцененных в четырнадцать долларов или дороже, и двадцать годовых для всех предметов, оцененных в десять-тринадцать долларов. Но ростовщик, оценив данный ему заклад стоимостью в четырнадцать долларов или в любую другую сумму, выплачивает на доллар меньше. Такая практика приносит таким ломбардам большую выгоду. Они принимают те же вещи, что и да-дянь, или ломбарды первого класса. Владельцы ломбардов второго класса имеют право принимать под залог военную форму, за исключением казенного плаща или накидки. Кроме того, в них принимают всевозможное оружие, не являющееся собственностью правительства. По истечении года не выкупленные заклады выставляют на продажу.



Лавка банкрота

Ломбарды третьего класса называются сяо-я. Иногда их держат богатые каторжники. Конечно, они находятся под строгим надзором официальных лиц. В результате большую часть их доходов присваивают хищные чиновники, которые печально известны своей алчностью.

Заложенные под очень высокий процент вещи хранятся в этих ломбардах в течение шести месяцев, после чего их пускают с молотка. В настоящее время в Кантоне немного ломбардов, владельцы которых – каторжники. Кроме того, есть ломбарды третьего класса, которые называются ли-гун-гуань. Как правило, ими управляют акционерные общества, почти полностью состоящие из полицейских и посыльных на службе у чиновников разных ямэней или управ. В них вещи могут оставаться не выкупленными в течение трех месяцев, а затем продаются с открытого аукциона. Проценты в таких ломбардах очень высоки, и их нужно выплачивать, если я не ошибаюсь, в конце каждой декады, то есть три раза в месяц. Если владелец не сможет выплатить проценты вовремя, ростовщики не хранят вещи три месяца, а сразу же продают их с аукциона. Есть также ломбарды, которые называются ли-бэй-пу. Они сродни благотворительным учреждениям. Ими управляют при поддержке правительства слепые, хромые и калеки. Правила в них такие же, как и в других ломбардах третьего класса, но вообще они напоминают обычные розничные магазины, поскольку в них особенно ценные вещи не закладывают.

Многие оказываются не в состоянии выкупить вещи после того, как они выплатили проценты на полученную сумму, поэтому ростовщики, особенно первого и второго класса, извлекают из своего занятия значительные прибыли. Закладчики старательно хранят свои закладные. Если они потеряют их или как-нибудь испортят, им не удастся вернуть залог. Люди, которые обнаруживают, что не в состоянии выкупить заклад, часто продают закладные – иногда друзьям, иногда людям, которые зарабатывают на перепродаже таких бумаг. Такие люди называются шоу-май-дан-пяо-жэнь, или скупщики закладных. На своих прилавках, стоящих по сторонам улиц, они выставляют закладные, купленные ими по значительно сниженной цене, чтобы перепродать с прибылью.

Ломбарды первого и второго класса распродают не выкупленные заклады в течение второго, пятого, восьмого, девятого и одиннадцатого месяца каждого года. Продажа осуществляется в зданиях ломбардов. Покупатели уплачивают наличные серебряными лянми и

затем получают покупку. На таких распродажах предметы одежды по большей части покупают торговцы старьем, чтобы перепродать в своих лавках. Во всех больших и малых городах бывает по две, по три улицы с такими магазинами, стены которых увешаны мужской и женской одеждой. В северных городах торговцы ею с утра до вечера продают свой товар на манер «голландского аукциона». Они укладывают груды одежды в дверях лавок, быстро выхватывают из нее то один предмет, то другой для обозрения собравшихся вокруг и называют цену. Если кто-нибудь сочтет ее разумной, сразу же покупает вещь. Торговцы одеждой всегда пытаются продать товар за самую высокую цену, а покупатели предлагают значительно меньшую, и часто их требования удовлетворяют. Вещи, оставшиеся не выкупленными в ломбардах третьего класса, как правило, распродают на рынках. Так, в Кантоне, в западном предместье, есть рынок, где ежедневно выставляют на продажу такие вещи с пяти часов утра до девяти вечера. В закладные лавки обращаются не только люди, нуждающиеся в деньгах на покупку самого необходимого, но и те, кому нужны средства на устройство свадьбы либо похорон или для уплаты текущих долгов.

Иногда люди, нуждающиеся в деньгах, обращаются в ссудные общества. В Китае два вида таких обществ. Одни называются ли-хуэй, или процентные общества, другие – и-хуэй, или беспроцентные общества. Ли-хуэй были созданы богатым чиновником по имени Пэн Гун, жившим во время династии Хань. Некоторые утверждают, что он был филантропом и действовал исходя из того, что богатые обязаны помогать бедным. Другие говорят, что он учредил эти общества, чтобы обеспечить себе удобный способ делать капиталовложения под высокий процент. Такие общества образуются следующим образом. Человек, стремящийся получить заем, чтобы уплатить кредиторам, отпраздновать свадьбу сына или достойно похоронить отца, обращается к своим родственникам и знакомым с просьбой устроить ссудное общество. Первое правило гласит, что общество должно состоять из определенного числа учредителей, которые вносят в фонд равные доли. В конце каждого квартала проводится общее собрание, где должны присутствовать все члены, причем ни проливные дожди, ни буйные ветры, ни зной, ни мороз не считаются достаточным предлогом для неявки. Членов общества заблаговременно оповещают о собрании, которое проводится на дому у президента общества; он тщательно взвешивает и проверяет суммы, вносимые в фонд. И последнее: если важное дело или серьезная болезнь помешают присутствию одного из учредителей, он должен прислать вместо себя надежного представителя. Другие правила состоят в том, что во время каждого собрания, о котором дольки своевременно оповещены, должник обязан выплатить очередную часть долга вместе с заранее оговоренными месячными процентами. Эта часть долга должна быть равна доле, которую каждый учредитель внес при образовании фонда. Проценты делятся поровну между учредителями. Согласно следующему правилу все члены-учредители во время каждого собрания, о котором было объявлено своевременно, должны вносить в фонд сумму, равную той, что они внесли на первом собрании. Чтобы дать каждому возможность взять ссуду из образовавшейся таким образом казны, каждый кладет в поставленную на стол коробочку заявку, написанную разборчивым почерком, с количеством процентов, которые он собирается уплатить на данную сумму. Президент клуба, достав заявки из коробочки, называет человека, который указал самый высокий процент, ему и достается ссуда; если два или больше человек сделали одинаковые предложения, ссуда дается тому, кто подал заявку первым. Также согласно правилу в конце каждого собрания члены тридиционно обедают или в доме президента, или в закусочной поблизости, и с каждого отсутствующего члена взыскивается его доля для покрытия расходов. У каждого члена-учредителя должна быть книга для записей протокола собраний. Если на любом из собраний кто-нибудь не сможет уплатить в казну следуемый взнос, ему предоставят трехдневную отсрочку. Если по истечении этого времени он все еще не уплатит по обязательству, то его подвергнут штрафу в размере двух цяней^{112} в день, пока он не выплатит надлежа-

щую сумму. Итак, если подобное объединение состоит из тринадцати членов и тринадцатому из них или человеку, в пользу которого оно было учреждено, требуется ссуда в размере тридцати шести долларов, каждый из остальных двенадцати членов должен внести в общую казну три доллара. Поскольку человек, получающий ссуду, согласно правилам общества, должен на каждом следующем собрании выплачивать по три доллара плюс проценты, а собрания проходят только раз в квартал, он сможет полностью отдать долг только через три года. Это же относится и к членам-учредителям клуба, каждый из которых, согласно уставу, в свою очередь становится получателем ссуды.

Иногда такие ссудные клубы учреждают женщины. В 1866 году я присутствовал на собрании общества, членами которого были почтенные матроны зрелых лет. Судя по тому, какие высокие проценты предлагали для получения ссуды, скорее всего, все они сильно нуждались в деньгах. В выигравшей заявке предлагалось двадцать пять процентов, и сделавшая ее женщина, кажется, уже раскаивалась. Я был знаком со старой дамой, в чьем доме проходило собрание, и меня настоятельно просили принять участие в обеде, устроенном для участниц.

Глава 21

Пагоды

Посетив Китай, невозможно не прийти в восхищение от многочисленных пагод^{113}. Их строят в городах или в предместьях, часто на берегах рек и ручьев. Пагоды бывают разными. К первому виду принадлежат высокие изящные башни из семи, девяти или иногда тринадцати ярусов. Как правило, башни эти восьмиугольные и сужаются кверху, причем этажи отделяются друг от друга черепичным карнизом. Обычно черепица бывает зеленой и глазурованной, а на каждом углу карниза висит колокольчик. Пагоды по большей части строят из кирпичей и облицовывают камнем. В некоторых частях империи встречаются железные пагоды. Так, неподалеку от города Чжэньцзяна я видел девятиярусную железную пагоду. Эта постройка в высоту достигает лишь шестидесяти или семидесяти футов. Она стоит на землях Гань-Лу-сы, или монастыря Сладкой Росы, и была построена в древности, во времена правления династии Тан. На стенах пагоды находятся многочисленные изображения Будды. Монастырь Сладкой Росы не раз упоминается в китайских летописях. Он стоит на холме. Оттуда открывается обширный чудесный вид на окрестности. В Нанькане, на берегах озера Поян в пяти милях от городских ворот, я видел изящную пагоду на вершине остроконечного пика, возвышающегося на скалистых склонах гряды Лушань на две тысячи футов над уровнем моря. Эта пагода, как я узнал впоследствии, построена из железа, и на каждой ее стене, как и на стенах пагоды в Чжэньцзяне, находятся рельефные изображения Будды.

С одного яруса на другой ведет каменная винтовая лестница, расположенная между внешней и внутренней стеной, которые бывают почти во всех пагодах. Самая красивая виденная мной пагода располагалась в Уси на берегу Великого канала, самая большая – в Сучжоу, тоже на берегу Великого канала. Основание этой башни было около двухсот футов в окружности. Она состоит из двух стен, внешней и внутренней, между которыми на самую верхушку ведет винтовая лестница. Пагода девятиярусная. На каждом ярусе во внутренней стене находится просторная комната, вымощенная известковыми плитами. В нее можно пройти через арку в каждой из восьми сторон. Эти комнаты напомнили мне о многих храмах Гроба Господня. В стенах были ниши, которые, вероятно, некогда занимали идола Будды. Оказывается, пагоды не всегда стоят под прямым углом к земле, две или три из посещенных мной определенно клонились на бок. Например, пагода на вершине Хучжу-шань рядом с Сучжоу живо вызывала в памяти знакомые изображения клонящейся Пизанской башни. Пагода, подобно сучжоуской пагоде, состоит из двух стен, каждая толщиной в шесть-семь футов. Она была воздвигнута во времена правления династии Хань и действительно выглядит очень древней. Мне не удалось подняться наверх, поскольку лестницу разрушили мятежники. Судьбу лестницы разделил большой буддийский монастырь, некогда находившийся неподалеку от пагоды. Двенадцать буддийских монахов, прожившие в этом монастыре многие годы, поселились в нижнем ярусе пагоды, который стенами большой толщины и украшенной крышей напомнил мне крипту какого-нибудь христианского храма. Это помещение настолько просторно, что монахам хватает места и для святилищ, и для трапезных со спальнями. Некоторые пагоды сплошной кладки, без лестниц. В деревушке неподалеку от Ханчжоу я видел подобную постройку. На каменной облицовке этой башни можно было видеть барельефы, на которых был изображен Пань Гу, создающий мир из хаоса. В некоторых провинциях встречаются квадратные в плане пагоды. Из красивейших, виденных мной, упомяну башню в городе Учане, расположенном на берегах озера Тайху, и другую – в городе Сунцзяне неподалеку от Шанхая. Это пагоды от ста двадцати до ста тридцати футов высотой.

До сих пор не вполне ясно происхождение пагод, хотя об этом много говорили и писали. Из-за того, что их часто строят на берегах рек или ручьев, думали, что изначально они должны были служить сигнальными башнями, с которых давали знать о приближении флота или армий захватчиков^{114}. Но эта гипотеза даже не подлежит обсуждению. С сакральным значением пагод как посвященных Будде зданий, вероятно, китайцев впервые познакомили индийские бонзы, прибывшие в страну в качестве буддийских миссионеров в начале христианской эры. По-видимому, пагоды были неизвестны в Китае до проникновения в него буддизма. Хотя в архитектурном отношении китайские пагоды во многом отличаются от гопур, или башенных храмов индусов, они аналогичны им. Во многих древних пагодах можно видеть изображения буддийских божеств – я уже упоминал об этих изображениях. Теперь расскажу об одной пагоде в областном городе Хучжоу. Снаружи она очень похожа на сучжоускую, однако внутри устроена по-другому. В ней нет полов или перекрытий, обычных для подобных сооружений, поэтому, войдя в нижний ярус, можно видеть ее внутреннее убранство целиком. В центре стоит изящная мраморная колонна в виде пагоды, возвышающаяся на пятьдесят футов от основания. По сторонам этой колонны расположено десять тысяч маленьких идолов Будды. От фундамента до верхушки вокруг внутренней стены через промежутки идут балконы. На них можно выйти по винтовой лестнице между внешней и внутренней стенами.

Нередко пагоды строят на территории буддийских монастырей, иногда они стоят посредине весьма просторных дворов. Например, на переднем дворе большого буддийского монастыря в городе Шимэнь на берегах Великого канала находятся две пагоды, судя по виду, очень древние. Поблизости от города Сунцзяна, тоже на берегах Великого канала, я посетил буддийский храм, во дворе которого стояла очень высокая и изящная пагода. И в южных провинциях они нередко встречаются при буддийских храмах. Так, в стенах расположенного на кантонской улице Чаоян-цзе монастыря Люжун Сы находится знаменитая Цветочная пагода, построенная во время правления династии Лян в VI веке н. э. Ее выстроил некто Сяо Юй, правитель Кантона, по предложению некоего буддийского настоятеля по имени Тань Юй, который полагал ее необходимым дополнением к своему монастырю. Эта пагода очень пострадала от ненастий. Некогда вокруг ярусов шли висячие балконы, и в наши дни можно видеть поддерживавшие их разрушенные балки, торчащие из стен. Китайцы веками придавали большое значение этой пагоде. По преданию, когда строительство близилось к концу, строитель по имени Лян Датун предсказал, что, если когда-нибудь флюгер, состоявший из девяти железных шаров, нанизанных на вертикальный прут, упадет, злой рок постигнет город. Чтобы отвести губительные силы, кантонские власти и народ на протяжении столетий тратили деньги на поддержание пагоды в целостности и сохранности. Примерно пятьсот или шестьсот лет тому назад ее целиком отремонтировал знаменитый китайский зодчий по имени Лу Бань^{115}, канонизированный после смерти; ему поклоняются во многих храмах плотники и столяры как богу-покровителю их ремесла. Рядом с пагодой находится маленькая кумирня, посвященная Лу Баню, в которую люди приходят в годовщину его канонизации. Ремесленники с язвами на теле редко уходят из кумирни, не взяв с собой немного извести, многие века скрепляющей кирпичи храма. Известку толкут в порошок и принимают, растворив в воде. После ремонта о пагоде перестали заботиться, и двести двадцать лет тому назад флюгер упал. Через несколько месяцев после этого на город напали маньчжуры. Вторжение увенчалось успехом. Маньчжурская династия Дай-Цин сменила династию Мин и до наших дней правит Поднебесной империей. Во время вторжения жители Кантона тяжело пострадали. Захватчики хладнокровно перерезали несколько тысяч человек; останки собрали и похоронили на огороженной территории позади храма Цай-шэня, который стоит на улице Чжу-на-кан западного предместья города. До сих пор можно видеть большой курган, насыпанный над могилой. Иногда его как достопримечательность посещают иностранные тури-

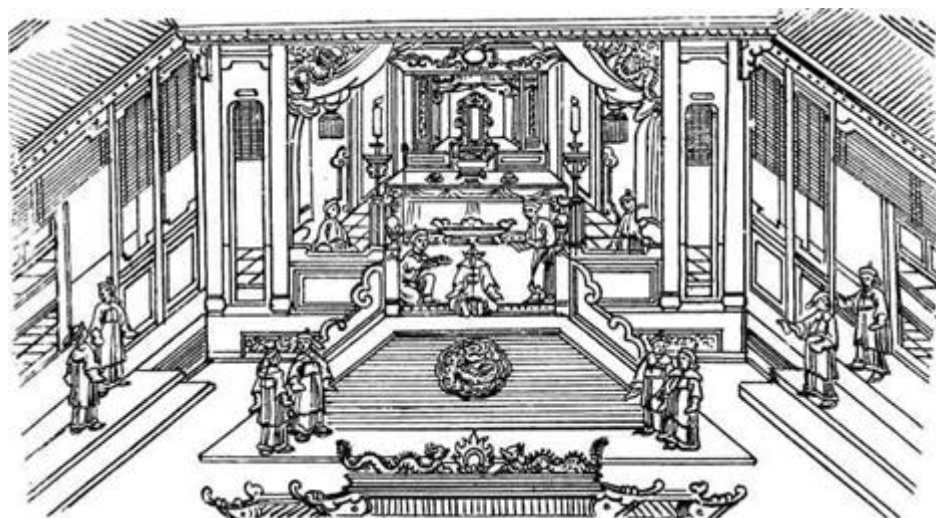
сты. Китайцы часто ходят туда поклониться духам погибших, видимо, чтобы умиловить их.

На кантонцев произвело тогда большое впечатление исполнение пророчества, и они сразу же решили восстановить флюгер и быстро выполнили свое решение. Боязнь бедствий, которые опять могли обрушиться на город в случае падения флюгера, заставила их в течение некоторого времени тщательно заботиться о состоянии пагоды. Однако, как и об остальных китайских установлениях, об этом вскоре забылось. В августе 1856 года флюгер снова рухнул с грохотом, проломив крышу соседнего храма, и попал в буддийского монаха, служившего заутреню. Когда кантонцы это обнаружили, они бросились к предсказателям узнать, что за горести на этот раз грозят городу. Тайна вскоре была раскрыта. На следующий месяц, в сентябре, случился инцидент с лодкой «Эрроу», который привел к раздраженной и неудовлетворительной по своим результатам переписке между английскими и китайскими чиновниками. В октябре сэр Майкл Сеймур объявил войну наместнику Минчэню и начал бомбардировку города. Эта мера в конечном счете привела к войне с Китаем. После окончания войны снова был создан фонд по восстановлению пагоды с целью предотвращения катастроф в будущем. Но работы еще не начались, и похоже, что снова будут отложены, — не из-за того, что китайцы стали менее суеверными, а по причине их растущей инертности.



Даосы изгоняют злого духа

Многие пагоды были возведены на пожертвования частных лиц, в чем проявлялось благочестивое желание сделать что-нибудь во славу Будды. В городе Тунчжоу есть пагода в тринадцать этажей, воздвигнутая на средства благочестивых китайцев из Тунчжоу и Пекина (эти города находятся на расстоянии десяти миль друг от друга).



Поклонение табличке с именем императора

Многое свидетельствует в пользу того, что спустя некоторое время китайцы стали строить пагоды над гробницами буддийских священнослужителей. Во время моих путешествий по центральным и северным провинциям я обнаружил, что здания, возведенные над могилами ревностно служивших Будде монахов, входят в число древнейших пагод страны. Теперь таких уже не строят. В XV веке иногда сооружали пагоды, которые должны были увековечить память выдающихся мужчин и женщин. Китайские источники сообщают нам о том, что известная некогда фарфоровая пагода в Нанкине была построена в 1413 году от Рождества нашего Господа третьим монархом императорского дома Мин в знак его благодарности матери. Кроме того, по их словам, на крышу этой пагоды поместили пять драгоценных жемчужин, которые должны были оказывать благоприятное влияние на город Нанкин и его окрестности: одна из них – предотвращать разливы протекающей неподалеку реки Янцзы, вторая – защищать от пожаров, третья – от ураганов, четвертая – от пыльных бурь, пятая называлась жемчужиной, светящейся в ночи, и должна была сделать тщетными любые попытки нарушить спокойствие в темное время суток. Внешние стены этой некогда прекрасной пагоды были выстроены из кирпичиков лучшего белого фарфора. Все же китайцы говорят, что основным цветом ее был зеленый, во многом благодаря карнизам, отделявшим один ярус от другого. Видимо, внутренние стены пагоды были выстроены из обычных глиняных кирпичей, а не из фарфора, как полагали на Западе, но сверху был слой желтых и красных фарфоровых кирпичиков. Как и те, что образовывали внешнюю стену, они были густо покрыты глазурью, что создавало впечатляющее зрелище. Пагода была построена в форме восьмиугольника. В ней насчитывалось девять ярусов, каждый почти тридцать футов в высоту. Как и большинство китайских пагод, она была увенчана большим позолоченным шаром, который крепился к концу прочного железного шеста или бруса, заключенного в девять широких железных колец. Говорят, что пагоду строили девятнадцать лет и потратили не менее двухсот тысяч фунтов стерлингов. В 1853 году Нанкин захватили мятежники. В 1856 году эти вандалы стерли с лица земли фарфоровую башню, которая больше четырехсот лет считалась одним из чудес света. Жители Нанкина рассказывают, что это случилось после речи одного из вождей мятежников во время ссоры с товарищами. Он сказал, что с этой пагоды он станет обстреливать Нанкин и смотреть на его падение, которое повлечет за собой поражение и позор его товарищей. Эти последние немедленно отдали приказ разрушить пагоду. К несчастью, приказ был немедленно выполнен. Я посетил Нанкин в январе 1866 года. Подойдя к месту, где раньше стояла пагода, я увидел, что от нее не оставили камня на камне. Там лежало лишь несколько белых фарфоровых кирпичиков. Мне сказали, что это последние обломки некогда прекрасной башни.

Мы скажем: вечную твердыню строим.
Потомки спросят, где сей дом стоял.
Искать начнут; но тщетно. Ведь давно
Во прахе тайна спит, непостижима.

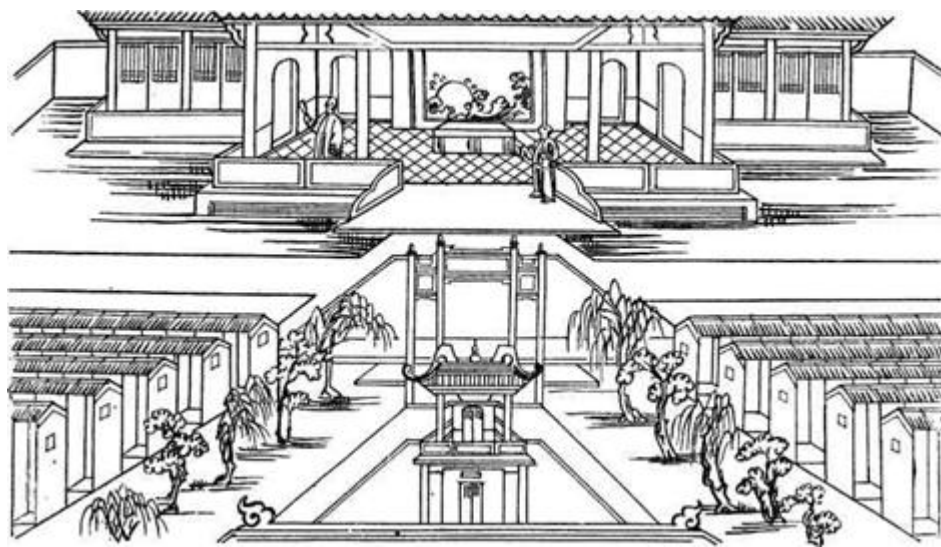
Кроме того, как кажется, пагоды строят и для того, чтобы они оказывали благоприятное геомантическое влияние на близлежащие поля, холмы, реки и рощи, а также города и деревни.

В работе под названием «История провинции Гуандун» мы читаем, что у стоящей на берегах Чжуцзяна на полпути между Гуанчжоу (Кантоном) и портом Хуанпу (Вампу) деревни под названием Чи-ган в 1573 году по распоряжению императора Ваньли династии Мин была воздвигнута девятиярусная пагода. Этот государь, также известный под именем Шэнь-цзун, велел построить ее после доклада двух высокопоставленных чиновников о том, что земли, окружающие Кантон, не будут плодородными, а столица провинции не сможет наслаждаться спокойствием, если не построить пагоду, которая станет оказывать благоприятное геомантическое влияние на окрестности. Одновременно была сооружена пагода Пачжоу рядом с портом Хуанпу, чтобы принести округе мир, богатство и просвещение. Ваньли считал строительство этих зданий настолько важным, что отправил в Кантон для наблюдения за строительством троих посланников с чрезвычайными полномочиями. Чи-ган и Пачжоу – девятиярусные восьмиугольные пагоды, каждая высотой сто двадцать футов. Можно было бы упомянуть о других пагодах, возведенных Ваньли и последующими императорами для избавления от всяческих зол, но *ex uno disce omnes* – по одному можно судить обо всех. В Монголии я видел лишь одну пагоду. Она находится в императорских охотничьих угодьях. Это красивейшая из всех пагод, виденных мной когда-либо, представляет собой девятиярусную башню, увенчанную золоченым куполом. Кроме пагод, состоящих из семи, девяти или тринадцати ярусов, бывают строения трех– или пятиярусные^{116}. Таких очень много на юге. Как правило, их называют пагодами учености или, иногда, пагодами-кисточками из-за их предполагаемого сходства с китайской кистью для письма. Они чаще встречаются рядом с деревнями, чем поблизости от городов, и стоят на берегах рек, ручьев и заливов. Как и пагоды многоярусные, они, считают китайцы, оказывают благоприятное геоман-тическое влияние на окрестности, способствуют спокойствию, богатству и просвещенности населения. Три самые красивые постройки такого типа я видел в деревне Шимэнь, расположенной примерно в восьми милях к западу от Кантона, у деревни Цзюбао – непосредственно рядом с кантонским Хуади, и в Цинъюане – уездном городе провинции Гуанси.

Многие думают, что в наше время китайцы не строят пагод, но это ошибка. В уездном городе Саныпуй, провинция Гуандун, в 1827 году была построена девятиярусная пагода. А в 1861 году в большом ярмарочном городе Кумлихой уезда Саныпуй я был в пагоде, которую построили год назад. Служивший неподалеку военный мандарин принял меня самым учтивым образом и в ходе беседы сообщил, что ее недавно построили горожане, чтобы обеспечить себе богатство, спокойствие и просвещение. Некогда этот уезд славился богатством и ученостью обитателей и наслаждался спокойствием, но в течение нескольких последних лет благосостояние населения пошатнулось, местным юношам не удавалось достичь успеха на экзаменах, и все клонилось к полной анархии и смуте, поскольку на уезд неоднократно совершали набеги красноголовые мятежники^{117}. Воспользовавшись приглашением мандарина, я поднялся на пагоду. Она состояла только из трех ярусов. В ней стояли идола языческих божеств: на первом этаже – статуя бога богатства, на втором – бога спокойствия, на третьем – идол Куй-сина, одного из богов-покровителей учености. Иногда в пагодах поселяются бездомные нищие. Кроме того, стремясь уйти от мира, люди селятся в пагодах, воздвигну-

тых на отдаленных холмах. В провинции Гуанси недалеко от Юнфу я обнаружил человеческий скелет на нижнем ярусе одной такой башни, где находились также стулья, столы, кровать, китайская печь и немного посуды. Вид помещения заставлял думать, что обитатель вел здесь жизнь крестьянина или отдыхающего, а не нищего. В пагоде рядом с Цинъюанем я обнаружил трупы двух людей, вероятно скрывавшихся там от правосудия.

Кроме пагод, в Китае существуют храмовые башни под названием вэнь-гэ, которые строят для того, чтобы они оказывали благоприятное геомантическое влияние на окрестности. На верхнем этаже там всегда стоит идол Вэньчана, бога учености, пред которым совершают различные обряды живущие неподалеку юноши, надеющиеся успешно сдать экзамены на ученую степень. Таких храмовых башен очень много в провинции Гуандун, и особенно – на большом густонаселенном острове Хэнань в Кантоне. Самую высокую башню такого типа я видел в деревне Хуан-цзян-коу. Во время моего посещения, в 1868 году, башня была совершенно новой: ее построили два года назад.



Гун-юань, или зал, где держат экзамен на степень магистра искусств

В некоторых городах Китая есть другие постройки, называемые пагодами, которые тоже воздвигают ради благоприятного геомантического воздействия. В северной части города Гуанчжоу (Кантона) находится именно такое сооружение, построенное в XIV веке, в XV веке эта башня сгорела, и ее не восстанавливали вплоть до времен Кан-си – до второй половины XVII столетия. Снова ее возвели по предложению кантонского генерал-губернатора, который был уверен, что с тех пор, как башня сгорела, благосостояние города постепенно падало. Изначально она называлась Чжэнь-Хай-лоу, или башня, Правящая Океаном. Но сейчас она больше известна под названием У-Цэн-лоу, или Пятирусная башня. Из нее открывается обширная панорама Кантона и его окрестностей. В 1854 году знаменитый наместник? восходил на нее, чтобы сверху наблюдать схватки между его войсками и армией мятежников на близлежащих холмах. Такая же башня, но меньших размеров, называется Гун-Бэй-лоу. Она венчает каменное сооружение, напоминающее с первого взгляда городские ворота. В ней находятся знаменитые кантонские водяные часы^{118}, устроенные при династии Юань Чэнь Юном, который в 1317 году, на пятый год правления императора Чжэнь-пзуна, стал генерал-губернатором провинции Гуандун. В то время ее называли Цин-Хай-лоу, или Очищающая Море башня. Похожую построил в Нанкине император Канси из-за болезненности местного населения, среди которого мало кто доживал до старости. Выше я уже отмечал, что пагоды в Китае строились не как сигнальные башни. Если требуются еще какие-нибудь доказательства этого утверждения, скажу, что по всей стране стоят сигнальные башни. Они должны находиться на расстоянии не более трех миль друг от друга, но на

юге их число меньше предписанного законом. Иногда их строят на равнинах, иногда – на высоких холмах.



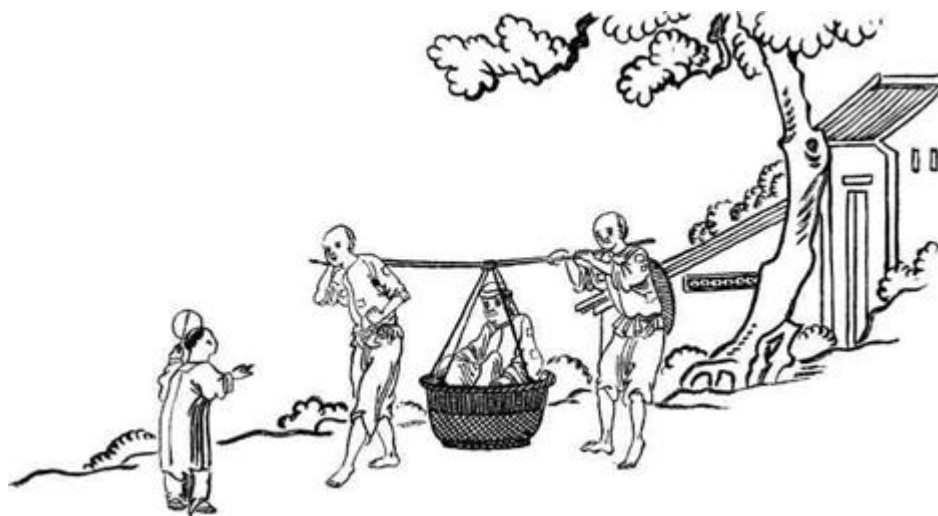
Шакьямуни

Расположение и высота сигнальных башен зависит в первую очередь от указаний геомантов, поскольку предполагается, что они, подобно пагодам и другим башням, будучи выстроены согласно геомантическим принципам, благоприятно влияют на окрестности. В 1859 году китайское правительство воздвигло в непосредственной близости от Кантона на нескольких скалах Жемчужной реки четыре сигнальных башни, напоминающие по форме кисти для письма. На следующий год три или четыре уроженца Кантона выдержали в Пекине экзамены на ученую степень. Поскольку такого не случалось уже многие годы, геоманты и жители Кантона сошлись на том, что причиной успеха стало благоприятное влияние, оказанное на город новыми сигнальными башнями.

Глава 22

Дороги и мосты

Карфагеняне, финикийцы, израильтяне и римляне уделяли много времени и внимания строительству дорог. Вероятно, главные причины этого были военного характера. Оказалось, что хорошие дороги весьма полезны и для торговли, и уже в глубокой древности они стали считаться показателем цивилизованности и богатства народа. Так, Иосиф Флавий (Иудейские древности, кн. 8, гл. 7, 44) говорит о Соломоне: «...он обратил также особенное внимание на пути сообщения вообще, а в частности – на те дороги, которые вели в его столицу Иерусалим, и приказал их вымостить черным камнем, с одной стороны, для того чтобы облегчить передвижение путешественникам, а с другой – чтобы еще раз выказать всю силу своего богатства и величие своей власти». На этих древних дорогах через равные промежутки ставили мильные^{119} камни. Но несмотря на то что китайцев бесспорно можно назвать одним из древнейших цивилизованных народов, дороги в их стране не отличаются ни протяженностью, ни прочностью. Причина такого отличия Китая от других древних азиатских государств заключается в том, что эта обширная и плодородная страна изобилует прекрасными реками с многочисленными притоками. Они не только сами по себе предоставляют отличные возможности для сообщения между самыми отдаленными частями империи, но и дают ресурсы для сложной системы каналов, сложившейся в те времена, когда Европе едва ли они были известны. Китайские каналы лучше, чем дороги, могут свидетельствовать о степени цивилизованности этого замечательного народа. Действительно, реки Китая – это магистрали, которые по всей обширной империи проложила для здешних жителей благодетельная рука Провидения. Если бы двести лет назад нашу собственную цивилизацию подвергли тесту на состояние дорог, ее сочли бы прискорбно несовершенной. Об Англии в 1685 году Т.Б. Маколей пишет: «Лучшие пути сообщения отличали глубокие колеи и крутые спуски. В сумерках дорогу часто было трудно отличить от лежащих по обе ее стороны неогороженных пустошей и болот». У того же историка мы читаем о высокопоставленных путешественниках, которые за пять часов проезжали четырнадцать миль, а за шесть часов – девять; а путь из Лидса в Лондон, по его словам, был сопряжен с «таким количеством опасностей и бедствий, что их хватило бы для путешествия к Ледовитому океану и пустыне Сахара».



Бедную женщину несут в корзине

Несмотря на очевидно малое значение, которое придают в Китае дорожному строительству, конечно, там есть немало магистралей, идущих во всех направлениях обширной империи. В южных же и центральных провинциях они не более чем обычные тропы. В подавляющем большинстве случаев они так узки, что по ним невозможно ехать верхом или идти двум путникам рядом. Дороги, ведущие к отдаленным деревням, конечно, намного хуже, однако в северных провинциях, где не так развито водное сообщение и почти повсеместно распространены путешествия в телегах, в фургонах или верхом на лошадях и мулах, дороги широкие. Правда, они находятся в запущенном состоянии, и колеи достаточно глубоки, чтобы сделать путешествие (особенно в китайских телегах или фургонах, у которых обычно нет рессор) испытанием для чувствительных людей. В сырую погоду такие дороги просто превращаются в грязные лужи, потому что, по моим сведениям, на них никогда не укладывают щебня. Расстояние от Пекина до Юань-мин-юаня, или императорского летнего дворца, составляет восемь или девять миль, и туда ведет широкая императорская дорога, вымощенная плитами. Ее ширина позволяет ехать рядом двум большим семейным экипажам, но плиты так выщерблены от времени, что ехать по императорской дороге весьма неудобно и неприятно. От Пекина догорода Тунчжоу тоже ведет императорская магистраль, во всех отношениях повторяющая вышеописанную. Третья императорская магистраль из тех, по которым я проезжал, ведет из Пекина в Синин, который отстоит от него на восемьдесят миль. Эта дорога лишь на протяжении шести миль вымощена плитами. От Сучжоу, провинция Цзянсу, доХанчжоу в соседней провинции Чжэцзян идет магистраль, которая некогда, несомненно, считалась очень основательной. Все же, по-видимому, она не особенно прочна, потому что хотя построена недавно, а уже сильно обветшала. На многих отрезках пути между этими двумя городами части упомянутой магистрали свидетельствуют если не о прочности, то об искусности, с которой она была проложена. От города Учана до рыночного города Пин-хуан-чжэнь и еще на три мили дальше вдоль дороги, идущей по берегу Великого канала, выстроена каменная стена. Через многочисленные ручьи, небольшие каналы и естественные препятствия, пересекающие путь, переброшены прочные каменные мосты.



Китайские каторжники

Вдоль всех китайских магистралей и дорог второстепенного значения стоят гранитные вехи и указатели. По закону через каждые десять ли у каждой магистрали должна стоять сигнальная башня, на которой в случае необходимости можно будет зажечь костер для предупреждения о нашествии вражеской армии, но этот закон не всегда выполняют, и на дорогах центральных и южных провинций сигнальных башен немного, а расстояние между ними велико. Кроме того, вдоль дорог северных провинций устроены колодцы, из которых черпают воду для вьючных животных и крупного рогатого скота. Воду наливают в прилегаю-

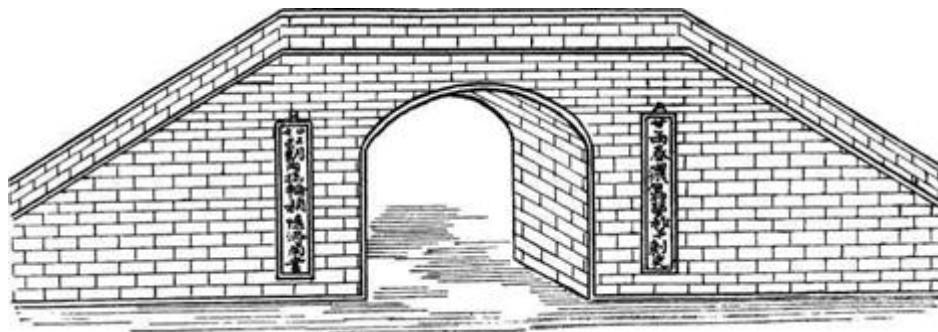
щий к колодцу желоб и берут за нее плату в размере одной медной монеты за голову. Однажды во время путешествия по провинции Чжили я остановился у одного из этих колодцев. Дежуривший при нем буддийский монах, напоив водой лошадей и мулов, подошел к нам и учтиво предложил нам выпить чаю, причем отказался принять плату за угощение. Чтобы избежать опасности разбоя на дорогах, иногда на обочинах ставят маленькие кумирни с идолами. Предполагается, что разбойники не посмеют появиться в таких священных местах.



Носильщики

Все императорские дороги строит и поддерживает в рабочем состоянии центральное правительство; большие обычно и строят и чинят за счет народа, а иногда — за счет частных лиц. На обочине дороги, проложенной или отремонтированной на средства частного лица, воздвигают стелу из черного мрамора или гранита, на которой помещен достоверный рассказ об этом добродетельном поступке.

Скажу несколько слов о китайских мостах. Несколько красивых мостов я видел в северных провинциях империи. По пути в долину, где располагаются гробницы многих императоров династии Мин, поблизости от города Чанпин, я проезжал через прекрасный каменный мост с тремя или четырьмя пролетами, нарядными балюстрадами. К пограничному городу Чжан-цзя-коу с юга тоже ведет дорога, проходящая через прекрасный каменный мост, но самая красивая из подобных построек в северной провинции Чжили — мраморный мост в Пекине. Он состоит из трех больших арок и так широк, что по нему могут проехать три больших семейных экипажа рядом. Балюстрады обильно украшены скульптурами. С моста открывается прекрасный вид на окрестности. Несмотря на то что он находится очень близко от императорских дворцов и угодий, мост всегда открыт для публики, за исключением двух дней в году. Запрет объясняется тем, что на пятый день шестого месяца император проезжает через этот мост, чтобы полюбоваться на свои цветы, в изобилии растущие в императорском саду неподалеку; на восьмой день двенадцатого месяца его величество снова проезжает через мост к своим садам, но зачем — мне выяснить не удалось. Кроме того, в городе Нанкине и его окрестностях я неоднократно видел развалины красивых каменных мостов с тремя, пятью и семью пролетами. Один из них ведет к лежащему в руинах дворцу минских императоров. Очевидно, некогда он был прекрасен, но ныне от прежнего величия мало что осталось.



Мост

Мосты в городе Чжэньцзяне небольшие, но очень красивые. Если бы они были работой европейского архитектора, то принесли бы ему славу. Самый изящный из них – однопролетный мост неподалеку от храма, посвященного языческому божеству Чэн-хуану.

Замечательно богатый мостами китайский город – это Даньян Сянь на берегах Великого канала. Некогда он был богатым и процветающим, и в пределах городских стен почти на каждом углу попадаются каналы или ручьи. Когда мосты были в лучшей сохранности, чем теперь, они, вероятно, были очень нарядными. Посетив Даньян, я увидел, что многие здания там лежали в руинах, поскольку его захватили и почти разрушили мятежники – орда варваров, которые, по-видимому, обычно превращают защищающиеся города в груды развалин. Кроме того, через Великий канал перекинуто немало изящных однопролетных мостов. Между опорами мостов, как правило, большое расстояние. В Тан-си, область Ханчжоу, на берегах Великого канала есть очень красивый мост из семи арок, в Чанчжоу я видел столь же изящный, но из трех арок.

Я не могу не упомянуть здесь о прекрасном однопролетном мосте в городе Янчжоу. На самом высоком месте там стоит прелестная пагода, нижний этаж которой образует часть моста.

Помимо этого, в северных и центральных провинциях есть несколько очень больших мостов. В провинции Шаньдун есть мост с семьюдесятью двумя или семьюдесятью тремя арками. В городе Учане на берегу Великого канала я проезжал через мост из пятидесяти трех арок, ведущий к восточным воротам. По пути из Учана в Сучжоу я заметил на дороге к озеру Тайху мост из двадцати шести арок; последний, до того как его частично разрушили во время мятежа, имел пятьдесят три арки. А в городе Фучжоу через реку Миньцзян тоже перекинут очень длинный мост.



Мост

На мой взгляд, в южных провинциях империи мосты куда хуже тех, что я только что описал. Если бы я не побывал на севере Китая, то, конечно, вернулся бы в Англию, считая, что искусство мостостроения совершенно неизвестно обитателям Поднебесной империи. Так, на юге Китая мосты, как правило, состоят из двух или трех гранитных плит, уложенных на такие же опоры. Нередко они лишены перил, как, например, в Сирии и в Малой Азии, но несчастные случаи там бывают редко, поскольку китайцы не только трезвенники, но и привыкли возвращаться домой пораньше. Некоторые из этих плоских мостов построены из гранита и выглядят впечатляюще, например те, что расположены неподалеку от Кантона в Шичжэне и Аишуе. Второй из них поддерживают высокие монолитные колонны из гранита.

В провинции Гуандун из мостов с высокими арками я видел только пятипролетный в Хуади и новый мост в Нань-тай-цуне в уезде Сян-шань. На многих мостах через Великий канал есть барельефные иероглифы. Некоторые из них – этические максимы, другие сообщают о расстоянии от одного места до другого, третьи перечисляют имена членов семьи, за счет которой была предпринята постройка моста как дело, угодное богам.



Мост с пагодой

Иногда мосты строит правительство, иногда народ. Мост в Шич-жэне был построен за счет жителей тринадцати деревень, располагающихся неподалеку. Для частного лица строительство моста – добродетельный поступок, который высоко оценивает буддийская религия. Когда строительство закончено, для торжественного открытия выбирают счастливый день и приглашают даосских жрецов, чтобы они благословили это открытие. Первым проходит по мосту самый старый человек в уезде и несет на руках младенца. Эта церемония означает, что мост будет служить и будущим поколениям. Затем устраивают театральные представления для увеселения собравшихся. По такому случаю необычайно шумно пускают фейерверки. В конце такого моста возводят маленький постоянный алтарь в честь его гения. Каждое утро и каждый вечер благочестивые жители зажигают перед ним ароматические свечи.

В некоторых частях империи можно наблюдать мосты, по сторонам которых стоят дома. Так, на пятипролетном мосту в стенах города Нанкина, около южных ворот, и на мосту за воротами того же города я видел ряды домов, как на гравюрах с изображением старого Лондонского моста: обе стороны дороги были заняты рядами лавок и жилых домов. В Чжэньцзяне я проходил через мост, на котором было несколько домов. Кроме того, я обнаружил жилые дома по обеим сторонам деревянного моста через горную речку, впадающую в Фэн-хуа – приток реки Нинбо (или Юнцзяна).

Некоторые авторы утверждали, что китайцы изобрели подвесные мосты на цепях. В опубликованной Уокером в Нью-Йорке в 1850 году книге «Чудеса света в области природы, искусства и ума» сообщается, что «знаменитый мост такого рода находится по дороге в Юньнань провинции Гуйчжоу. Он переброшен через быстрый поток между двумя высокими горами. Его построил некий китайский генерал в 35 году христианской эры. На каждом конце скалы устроены ворота между двумя гранитными колоннами шести или семи футов в высоту и семнадцати или восемнадцати футов в ширину. Между этими колоннами на больших кольцах подвешены четыре цепи, поперек соединенные цепями поменьше. Поверх них настланы деревянные доски, которые меняют по мере износа. В Китае строили и другие подвесные мосты в подражание этому, но ни один из них не так велик и не оказался настолько долговечным». Китайцам известны также наплавные мосты или мосты из лодок. В провинции Чжэцзян такой мост устроен через реку в Нинбо; в Тяньцзине гораздо меньший такого же типа переброшен через Великий канал. Самой большой из известных мне – наплавной мост через северный рукав Жемчужной реки (Чжуцзяна). Он, вероятно, может соперничать с теми мостами, которые в военных целях наводил Дарий через Босфор и Дунай, или с тем знаменитым мостом, который перебросил через Геллеспонт дерзкий Ксеркс во время своей злополучной экспедиции в Европу.

Глава 23

Сельское хозяйство – пахотные земли

Судя по летописям, вскоре после потопа китайцы вошли в число первых земледельцев земного шара. Не так давно европейские народы, и особенно наш собственный, при помощи достижений современной науки обрели теоретические знания в области агрономии, поставившие их далеко впереди китайцев. Но я не думаю, чтобы кто-нибудь из них был настолько предан возделыванию земли, как этот замечательный народ. Их любовь к земледелию можно считать предопределенной, поскольку население, зависящее от плодов земли, огромно. Однако, хотя китайцы так преданы земледелию, обширные пространства плодородной земли еще не возделаны. Это пренебрежение не может объясняться тем, что урожай с распаханной части земли достаточно для нужд населения, поскольку рис в больших количествах импортируют в Китай из Сиамы и других сопредельных стран – производителей риса. Правительство премирует землевладельцев, которые берутся поднимать и возделывать пустоши. Такие впервые возделанные земли освобождаются от налогов на два или три поколения по меньшей мере до тех пор, пока они не станут достаточно плодородными, для того чтобы вкладываемый в них труд окупался. Насколько мне известно, в самых отдаленных районах правительство иногда имеет обыкновение отдавать целину в собственность тому, кто ее поднял; случается, что правительству бывает очень трудно заставить людей уйти с земли, которую они обрабатывали. В выпусках *Peking Gazette* за 7 и 8 марта 1872 года были опубликованы сообщения о больших трудностях, с которыми было сопряжено изгнание правительством некоторых знаменосцев с земель, находящихся на окраинах императорских охотничьих угодий в городе Жэхэ во Внутренней Монголии. Из сообщений явствовало, что, когда эти земли были пустошами, их передали знаменосцам для возделывания с условием, что впоследствии они отойдут короне. Но когда подошло время передачи земель, знаменосцы, которым на протяжении этого периода было позволено наслаждаться всеми плодами своего труда, не платя ни арендной платы, ни налогов, наотрез отказались уходить. Тем не менее в конце концов их выселили оттуда *vi et armis*^{120}.

Поскольку крестьяне очень трудолюбивы, они становятся большими знатоками освоения земель. Повсюду вдоль речных берегов путешественник может наблюдать плоды их усилий. Они используют склоны холмов и в отсутствие естественных ровных участков устраивают искусственные террасы, чтобы землю не смывали дожди, идущие в начале и в конце года. Это необходимо, чтобы для орошения злаков было достаточно воды. Таких обрабатываемых террас много в Сань-цунь, Даши, Сытоу, Ганьчжэнь и других деревнях, расположенных за Хуанпу, а также в окрестностях Фучжоу.

Почти в каждой деревне по всей стране устроены земледельческие коллегии, в задачи которых входит надзор за работой крестьян и батраков. Каждым таким советом руководят три-четыре пожилых земледельца, которым жалуют восьмой ранг. Коллегия следит за тем, чтобы каждый крестьянин обрабатывал всю свою землю полностью и проводил сев и жатву в надлежащее время. Крестьянина, пренебрегающего этими обязанностями, по предложению коллегии отводят к магистрату и приговаривают к порке, причем число ударов бывает пропорционально площади земли, которую нерадивый крестьянин оставил необработанной. Этот закон применим не только к арендаторам. Существует указ, согласно которому все земельные собственники обязаны следить за тем, чтобы их владения были полностью возделаны. За нарушение этого закона наказывают полной конфискацией необработанных участков в пользу государства. Расходы, сопряженные с возделыванием земли в Великобритании и в Китае, неодинаковы. В Великобритании человек без состояния не сможет завести соб-

ственное хозяйство, во многих же китайских провинциях положение обратное, поскольку в Китае в крестьянских хозяйствах (особенно на юге Китая) не держат скота. Бедные крестьяне нередко испрашивают у правительства разрешения назначить их арендаторами государственных земель. Иногда правительство разрешает возделывать свои земли людям, знакомым с сельским хозяйством. Батраки очень трудолюбивы, как и их хозяева. На земле работают как мужчины, так и женщины, что случается и кое-где в Англии.

Вся земля в Китае находится в свободном владении, то есть семьи держат участки земли, полученные от монарха, при условии уплаты определенного годового налога. Налоги регулярно собирают правители уездов, которые, как правило, для этого объезжают подведомственную им территорию и выдают землевладельцам расписку в получении денег. Они заботливо сохраняют ее, так как должны будут предъявить ее при уплате налога на следующий год. Если расписки не будет, их, безусловно, заставят заплатить прошлогодний налог вторично. Закон освобождает от уплаты налога землевладельцев, чей урожай был уничтожен наводнением или нашествием насекомых. Тем не менее если у мандаринов возникает нужда в деньгах, они сплошь и рядом пренебрегают этим правилом. На двадцать шестом году правления императора Даогуана некий дворянин по имени Ван-цзя Сычжун, приведенный в негодование тем, что кантонские мандарины собирали налоги с крестьян, чей урожай пострадал от наводнения, подал императору жалобу. Император немедленно издал указ, запрещающий подобную практику. Когда весь урожай погублен наводнением, представители всех правительств провинций выдают крестьянам деньги на приобретение новых семян. Они должны вернуть ссуду в течение десяти лет.

Участки земель и дома в каждом районе тщательно регистрируются в управе правителя уезда. Продавать недвижимость можно, лишь уведомив его об этом предварительно. Человек, которому принадлежит собственность, должен предложить ее сначала своему отцу или, если отец умер или отказывается от покупки, ближайшему родственнику. Только если никто из членов семьи, начиная с отца и кончая двоюродными братьями, не хочет или не в состоянии купить недвижимость, ее предлагают на продажу посторонним. По большей части о том, что имущество продается, сообщают посредством объявлений-листочков, которые передают посреднику или аукционисту. Посредник раздает листочки предполагаемым покупателям. Китайцы не вешают объявлений о продаже земли на оживленных улицах и объясняют это тем, что в противном случае широкая общественность узнала бы о бедности или стесненных обстоятельствах продавца. Ниже приводится перевод текста подобного объявления:

«Семья Чжан продает поместье, расположенное на берегах реки Чжуцзян в Паньтане. Площадь данного поместья составляет 224 акра согласно современному государственному стандарту. Оно сдано в аренду человеку по имени Чжэн Ичжай за годовую плату в размере 1400 серебряных лянов. Семья Чжан просит за помянутое поместье 21 500 серебряных лянов. Кроме того, покупатель должен будет уплатить 200 лянов за необходимые формальности при передаче имущества, а также сумму, которую по этому случаю нужно будет потратить на вино. Все желающие приобрести поместье, приходите ко мне с экземпляром выпущенного мной объявления. В поместье восемь прудов с рыбой и кувшинками. На берегах прудов растет несколько сотен плодовых деревьев. Кроме того, через поместье протекают три ручья, впадающие в море. Участок обнесен каменной стеной.

Дано в счастливый день шестого месяца седьмого года правления под девизом Тунчжи».

Достаточное представление об объявлениях, касающихся продажи домов, можно получить из перевода одной такой листовки, попавшей ко мне в руки:

«Цзай Южэнь продает большую семейную резиденцию. Она расположена на улице Тай-ша-пу и смотрит на север. Передняя часть дома вмещает семь залов или комнат, а задняя — одиннадцать залов. Задняя дверь выходит на улицу (переулок) Чэнь-лу. В центре дома

красивый жертвенник. Есть гостиная для мужчин и гостиная для женщин, а также множество обычных комнат и спален. Дом выстроен из самых прочных и долговечных материалов. Цена обыкновенная рыночная. Все желающие приобрести эту собственность с экземпляром объявления и в сопровождении посредника могут осмотреть дом и переговорить о цене.

Аано в шестой месяц седьмого года правления под девизом Тунчжи».

Когда собственность продана, покупатель должен зайти в управу и сообщить правителю уезда о покупке, там ему выдается документ, представляющий собой лист белой бумаги, на котором сообщается о передаче собственности. За это свидетельство правитель уезда получает шесть процентов от цены недвижимости. Покупатель должен как можно раньше сообщить уездному правителю о приобретении собственности. Если он не сделает этого в течение трех лет, недвижимость будет конфискована. Акт о передаче, который покупатель получает от правителя уезда, – это очень важный документ. Если впоследствии новый собственник захочет заложить недвижимость, он просто передаст его кредитору по закладной. Когда продажа совершилась, покупателю вручают бумагу, составленную в таком духе:

«Я, Хуан Ахун, прежний владелец недвижимости, или дома, известного как Хуади, заявляю о передаче данной бумаги Лун Афэну без намерения получить плату снова. В данной бумаге я сообщаю, что вследствие моей бедности продал ему дом Хуади, когда Лун Афэн и посредник согласились уплатить мне за него 10 000 серебряных лянов. Далее заявляю, что, если вновь разбогатею, я не стану пытаться возратить себе данную недвижимость. Кроме того, в этой бумаге утверждается, что в будущем необходимый земельный налог станет уплачивать Лун Афэн.

Я предпринимаю этот шаг с общего согласия членов моей семьи, предложив сначала купить дом каждому из них. Итак, Лун Афэн не должен опасаться, что моя семья или клан в будущем предпримет попытку силой вернуть недвижимость, которую он сегодня по закону купил у меня. Кроме того, в этой бумаге утверждается, что дом не заложен и переходит от меня к Лун Афэну не потому, что я ему должен, поскольку такая продажа была бы незаконной, а потому, что я беден и нуждаюсь в деньгах, задолжав другим людям.

Посредник свидетельствует правдивость моих утверждений.

Все заинтересованные стороны пришли к полному соглашению относительно продажи моей недвижимости, и поэтому я, Хуан Ахун, передаю этот документ Лун Афэну в качестве достаточной гарантии того, что сейчас он является законным владельцем недвижимости Хуади.

Дано в седьмой месяц шестого года правления под девизом Тунчжи».

Конечно, для продажи и покупки земли выбирают счастливый день. Китайцы считают самым несчастливым пятый день шестидневного цикла – день у. Как правило, в северных и центральных провинциях крестьянские хозяйства делятся на маленькие поля площадью в один-два акра. Эти поля разделяют не красивые живые изгороди, как в Англии, а низкие, узкие насыпи. Зачастую там можно видеть еще кое-что, непривычное взгляду англичанина: в центре многих рисовых полей остаются груды земли. Считается, что они оказывают благоприятное геомантическое влияние на поля. Рядом с деревнями нередко рисовые посевы пересекают длинные ряды кедров. Они занимают много места, но крестьяне полагают, что они так же оказывают хорошее влияние.

Стены крестьянских домов обычно глинобитные. Края крыш (как правило, черепичных) выдаются довольно далеко за пределы стен, поэтому напоминают швейцарские котеджи. Перед каждым крестьянским домом в южных провинциях находится огороженное место или загон, стены которого тоже глинобитные. На стенах загонов в долинах южных провинций нередко можно видеть магические свитки или листки со счастливыми иероглифами, которые якобы не дают лисам, барсукам и диким кошкам пробраться в загон. Это вздорное суеверие встречается не только в южных провинциях. Путешествуя по северной

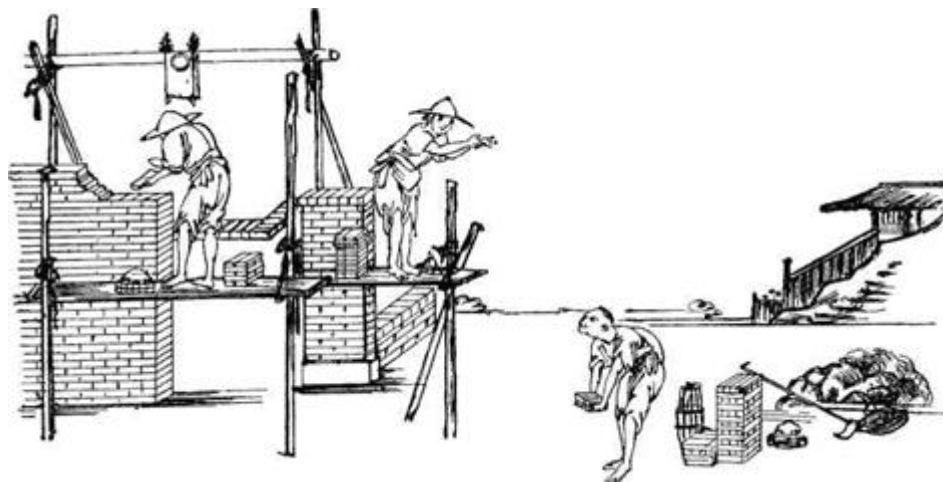
провинции Чжили и по Внутренней Монголии, я замечал почти везде на стенах крестьянских домов круглый магический знак, который должен был охранить загоны от нападений волков, барсов, лис и других диких животных.

В подавляющем большинстве крестьянских хозяйств южных и центральных провинций Китая скота очень мало. Преимущественно это одна или две упряжки рабочих буйволов или волов; молочных коров очень мало. В южных и центральных провинциях нет животноводческих хозяйств. Стойла для крупного рогатого скота непосредственно прилегают к жилью. Как и в Великобритании, немало крестьянских хозяйств находятся в уединенных местах, а остальные – в деревнях. Некоторые из усадеб настолько велики, что в них может жить несколько семей; в одной могут сосуществовать три поколения сразу, а также прислуга.

Как правило, красивы деревни, окруженные купами высоких деревьев. Многие южные деревни стоят среди бамбуков. Местные жители полагают, что деревья оказывают благоприятное геомантическое влияние на селения, вокруг которых растут, и поэтому относятся к ним с суеверным трепетом. На стенах деревенского храма предков или над ведущими к нему воротами почти всегда вешают объявление, запрещающее местным жителям, а также странникам и гостям наносить вред деревьям. Как-то раз я проезжал с одним или двумя китайскими друзьями через деревню под названием Чжунбао рядом с рыночным городом Янь-пу. Над въездом я заметил доску со следующим сообщением:

«Сим старейшины и шэньши деревни Чжунбао замечают жителям деревни и всем проезжающим, чтобы они ни в коем случае не рубили и не причиняли вреда деревьям, окружающим селение. Не следует также стрелять в птиц, живущих на их ветвях. Пусть все безусловно повинуются этому распоряжению, поскольку деревья и птицы оказывают благоприятное геомантическое влияние на деревню и близлежащие рисовые поля. Все нарушители будут подвергнуты штрафу.

Дано в четвертый день четвертого месяца двадцать седьмого года правления императора Алогуана».



Строительство дома

Во многих отдаленных и горных уездах провинции Гуандун крестьянские дворы строят похожими на приграничные замки или крепости. Такая архитектура считается необходимой для защиты от набегов вооруженных грабителей, которые находят прибежище в горных перевалах, или от нападений живущих неподалеку семей или кланов. Во время поездки в декабре 1862 года по уездам Цунхуа, Чаннин и Лун-мэнь я обнаружил, что почти все крестьянские дома и усадьбы джентри были серьезно укреплены. Эти крепости, как назвали бы их англичане, обычно строят в виде большого прямоугольника. Внешние стены его очень толстые, крепкие и обычно довольно высокие. Как правило, они не каменные и не

кирпичные, а выстроены из смеси извести, песка и земли. Китайцы утверждают, что такой материал намного прочнее и долговечнее кирпичных. Стены с бойницами для ружейного огня совершенно скрывают находящиеся за ними строения. На каждом из четырех углов этого прямоугольника есть башенка с такими же бойницами. Вдоль сторон прямоугольника внутри идут ряды домов. В некоторых из них живут хозяева, в некоторых – их прислуга, а в остальных строениях содержится домашний скот. Самые большие из сооружений такого рода – резиденции землевладельцев, которые обычно, как и в Англии, самостоятельно обрабатывают часть своих земель. Когда я путешествовал по уезду Цунхуа, в рыночном городе Сюэ-ди-бай меня пригласил в гости дворянин, живший в одном из таких баронских замков. Резиденция его, отстоявшая от рыночной площади не более чем на четверть мили, была укреплена так хорошо, что могла выдержать серьезную осаду. Мне отвели комнату в одной из башен. Хотя я был в чужой стране и меня окружали люди, крайне враждебно настроенные по отношению к иностранцам, я спал, чувствуя себя в полной безопасности. Мой хозяин, принадлежавший к клану или семье Ло, был очень богатым человеком. Очевидно, он пользовался таким влиянием, что был для соседей кем-то вроде феодального вождя.



Женщины, черпающие воду

В окрестностях города Гуанчжоу (Кантона) мало таких резиденций. Единственный дом, более или менее отвечающий этому описанию, расположен в Ча-шань-сян – деревушке в дальней ложбине за горами Белых Облаков. В стенах этого укрепления я приятно провел два или три часа с хозяином, господином по фамилии Шэнь, 5 февраля 1868 года.

В разных частях провинции Гуандун есть небольшие крепости, куда обычно уходят крестьяне с женами, детьми, батраками и скотом, если существует опасность нападения разбойников или, как в последние годы, мятежников. Эти укрепления часто очень основательны и рассчитаны на противостояние значительным силам нападающих. Подобные сооружения встречаются не только в провинции Гуандун. Проезжая через провинцию Цзянсу зимой 1865 года, я посетил обширное укрепление такого рода, расположенное рядом с рыночным городом Пинхуан-чжэнь. Рядом с рыночным городом Тунчжи в области Ханч-жоу мне удалось посетить одно из крупнейших укреплений. Все помещения в нем могли выдержать бомбардировку, и для семей и скота было отведено немало места. Там имелись колодцы, и мне сказали, что в любое время года в них достаточно воды. На острове Формоза мне тоже встретилось несколько подобных сооружений, но они были такие маленькие, что совершенно не выдерживали сравнения с виденными мной на материке.

Китайцы пользуются обычными, и притом очень простыми сельскохозяйственными орудиями: плугом, бороной, лопатой, мотыгой, цепом, серпом, веялкой и разными устройства для орошения полей.

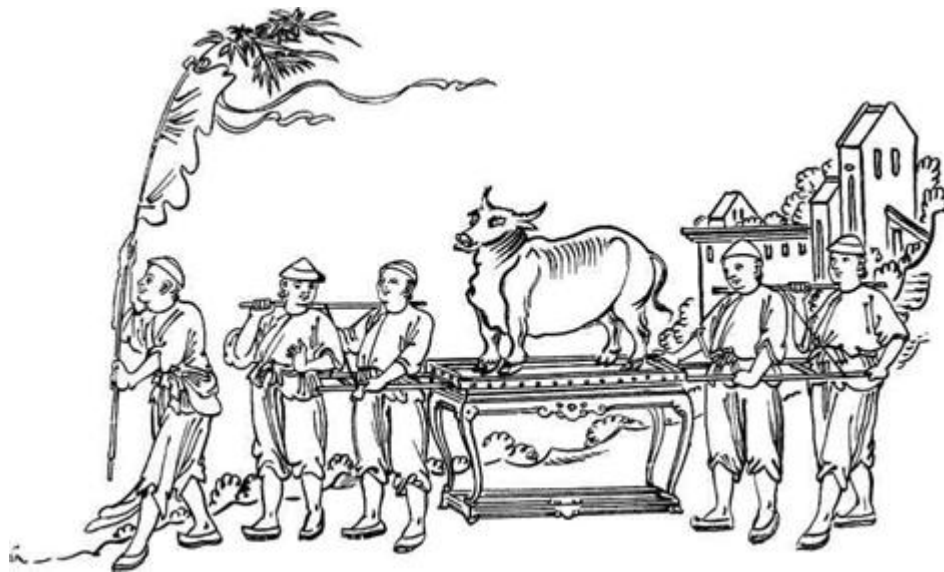


Плотник

Плуг состоит из горизонтальной рукоятки и лемеха с деревянным дышлом, а также подставки сзади вместо отвала. Насколько я понимаю, он совершенно такой же, как плуг, который в настоящее время повсеместно используется в Малой Азии и в Палестине. Такое орудие не позволяет крестьянам вспахивать поля на сколько-нибудь большую глубину. Если бы китайцы стали пользоваться почвоуглубителем, они собирали бы гораздо больший урожай, но эта перемена не такое простое дело как может показаться читателю, поскольку она непременно потребовала бы применение большего количества тяглового скота. Китайский плуг так легок, что пахарь, возвращаясь с работы в конце дня, часто несет его на плечах; иногда можно видеть, как крестьянин идет за плугом, в который запряжена его жена.

Для освоения нови небогатые крестьяне нередко используют большую деревянную мотыгу с железным наконечником вместо плуга, таким образом экономя на упряжке волов. Все крестьяне при возделывании склонов холмов, которые, будучи превращены в террасы, приносят большой урожай, неизменно используют такие мотыги. Борона, которой пользуются при возделывании рисовых полей, снабжена тремя рядами железных зубьев. Над ними расположена рукоятка, за которую работник держит данное приспособление, вдавливая его в почву. Борона, используемая в центральных и северных провинциях Китая, где основные злаки — это пшеница, ячмень и просо, очень похожа на английскую, хоть и не так велика.

В Китае торжественно отмечают начало сельскохозяйственного года, и весенний сезон открывается празднеством. Ни один земледелец не может начать пахоту, пока не будут совершены определенные церемонии в честь богов весны и сельского хозяйства. Их совершает в Пекине сам император, а во всех провинциях, областях и уездах — соответственно губернаторы, префекты и начальники уездов. Церемонии эти свидетельствуют о глубоком благоговении перед земледелием, которое составляет отличительную черту китайского быта, и о важной роли земледельцев в политике империи, где, как сообщают, пахотные земли имеют площадь немногим менее шести миллионов акров.



Шествие с бумажным буйволом во время Праздника весны

В первый день весны рано поутру губернатора несут к восточным воротам главного города его провинции в кресле, на спинку которого накинута тигровая шкура, в сопровождении всех мандаринов города и окрестностей; там он приветствует весну, начинающуюся в этот день. Когда шествие, возглавляемое знаменосцами и оркестрами, прибывает к восточным воротам, губернатора и его свиту провожают в шатер, крытый циновками, где стоит идол бога весны, а также бумажный бык в натуральную величину. Тай-Суй (так зовут это божество) изображают с ветвью в правой руке; левая покоится на рогах буйвола. Это означает, что наступило время земледельцам браться за вспашку и сев. После того как губернатор и его свита поклонились идолу и принесли ему жертвы, идола с бумажным буйволом помещают в носилки и триумфально двигаются к городу в сопровождении многочисленного эскорта и проносят по главным улицам к официальной резиденции правителя, где идола с бумажным буйволом ставят на временный алтарь воздвигнутый под внутренними воротами. Поклонившись идолу еще раз, губернатор со свитой расходятся по своим резиденциям. На следующее утро, в полдень, префект и четыре или пять мелких чиновников снова отправляются к временному алтарю. После молитв они совершают один из самых забавных и ребяческих китайских ритуалов, виденных мной. Бумажного буйвола ставят в центре двора официальной резиденции префекта. Префект и его спутники, вооружившись розгами, выстраиваются по обе его стороны и медленно идут вокруг, ударяя буйвола при каждом шаге. Затем оставшиеся клочки предают огню. Поскольку многие китайцы полагают, что запастись обрывком бумаги, из которой был сделан буйвол, означает обеспечить удачу на протяжении целого года, вокруг костра бывает страшная давка.

Крестьяне и батраки могут браться за вспашку земли только после совершения еще одной церемонии – это открытие сельскохозяйственного сезона. В Пекине, столице империи, его проводит император. В столицах провинций – генерал-губернаторы, казначеи, эмиссары по соляным перевозкам, сборщики налогов, судьи-литераторы, судьи и т. п. В областных городах – префекты; в уездных – правители уездов. Продолжу описание виденных мной в Кантоне церемоний такого рода: генерал-губернатор, губернатор, казначей, таможенный уполномоченный, судья-литератор и судья по уголовным делам этого города рано утром на пятый день открытия сезона, то есть во втором месяце года (в марте), в день под названием хай, направляются в храм, посвященный Шэнь-нуну, богу земледелия. Этот храм расположен на расстоянии одной мили за восточными воротами города. Главное святилище храма – двухэтажное. Во внутреннем дворе, окруженном кирпичными стенами, три помеще-

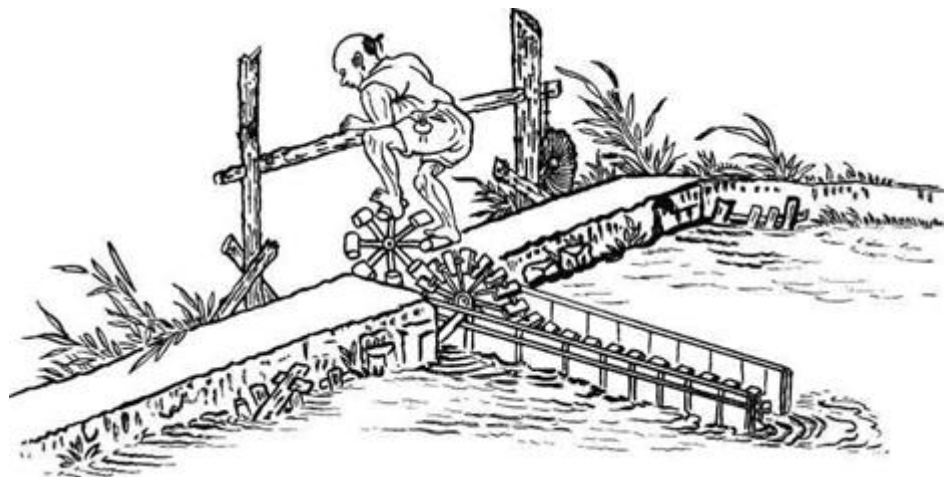
ния, в первом из которых хранят некоторые сельскохозяйственные орудия, во втором – зерно для посева и жертвоприношений, в третьем держат овцу или поросенка, которые должны быть принесены в жертву божеству. Выстроившись перед алтарем, чиновники принимаются бить земные поклоны. Затем генерал-губернатор подносит божеству овцу и свинью как испитательные жертвы. В качестве благодарственных подношений Шэнь-нуну жертвуют также девять видов злаков и овощей. Затем еще раз совершается коутоу, причем чиновники бьют лбами о землю девять раз. После этого они встают и в присутствии всех собравшихся оглашают письмо к богу земледелия. Читающий обращен лицом к идолу. Письмо, составленное в соответствии с предписаниями коллегии церемоний, гласит: «В этот благоприятный день мы, главные чиновники этого города и провинции, встаем перед твоим алтарем, о бог, и воздаем тебе должные почести от всей души. Мы полагаемся на тебя, о бог, и верим, что ты даруешь плугу быстроту и дашь достаточно еды людям, которыми мы управляем. Твои добродетели так же велики, насколько небо возвышается над землей. Ныне начался земледельческий сезон, и все пахари приготовились с прилежанием взяться за работу. Даже Его Императорское Величество, хоть его положение и так высоко, не отстает от остальных в подготовке к выполнению таких важных обязанностей. И вот мы, чиновники этого города, просим тебя должным образом даровать нам хорошие времена. Мы истово просим тебя даровать нам пять дней ветра, затем десять дней дождя, чтобы каждый стебель дал тугой колос. Молим тебя принять наши жертвы и благословить нас».

Снова совершив девятикратное коутоу, чиновники снимают туники и проходят на правительственную землю, прилегающую к храму, где каждый из них проводит девять борозд. Потом им выдают по кнуту и подводят к плугу, в который запряжен буйвол. По сигналу церемониймейстера все чиновники ведут плуги, а перед каждым стоит крестьянин, который направляет ход вспашки; по этому случаю крестьянам разрешается надеть желтые куртки. За каждым именитым пахарем идут три или четыре гражданских чиновника, которые должны на каждом шагу бросать семена в свежие борозды. Пока генерал-губернатор и его коллеги пахут, юноши в пестрых платьях, стоящие по сторонам поля, поют высокими голосами пеаны, в которых восхваляется божество земледелия. На южном краю поля выстраиваются в длинный ряд пожилые земледельцы в соответствующей церемонии пестрой одежде. На северном краю поля находится группа ученых, чья степень соответствует нашему бакалавру искусств. После того как каждый высокопоставленный чиновник провел девять борозд, церемония завершается^{121}. Однако на этом обязанности генерал-губернатора не заканчиваются, так как по возвращении в официальную резиденцию он устраивает прием, на котором принимает поздравления от чиновников и помещиков.

После праздника, возвещающего начало сельскохозяйственного года, первая обязанность китайских крестьян – последовать примеру своих правителей и взяться за вспашку собственных земель. Чтобы подготовить поля к посадке риса, их покрывают известью для удобрения и для умерщвления вредных насекомых. Как правило, известь добывают из раковин устриц или других моллюсков – их жгут в больших количествах в печах по всей стране. Затем землю орошают, если не выпали обильные дожди. Китайцы используют несколько остроумных и эффективных способов орошения. Во-первых, они пользуются водой из глубоких колодцев; по меньшей мере в некоторых уездах при каждом поле есть такой колодец. Рядом с колодцем ставят деревянный столб или колонну около десяти футов высотой. На вершине столба аккуратно закреплен рычаг, на одном конце которого находится груз, обычно – большой камень, к другому привязана длинная веревка с ведром. Сельскохозяйственные рабочие делают по всему полю борозды, в которые затем наливается поднятая из колодца вода. Так вскоре все поле оказывается покрыто водой. В обращении с этой примитивной машиной труднее всего не столько поднять полное ведро, сколько преодолеть сопротивление конца рычага, к которому прикреплен груз, опуская вниз пустое ведро. Когда к концу рычага

не прикрепляют груза, ведро просто вытягивают руками при помощи длинной веревки. В северных провинциях чаще встречается колодезный ворот, который нередко можно видеть и в английской сельской местности. В некоторых частях Китая ведро прикрепляют к длинной веревке или цепи, которая проходит над воротом и прикреплена к шее или ярму вола.

Во всех деревенских районах, где при полях нет колодцев, есть пруды, воду из которых черпают двумя или тремя способами. Первый из них очень прост. Два человека держат ведро за веревки, привязанные к нему с обеих сторон, раскачивают его, быстро окуная в пруд и так же стремительно выливая его содержимое на поле, которое они хотят оросить. Другое устройство, применяемое для этого, – цепной насос, который так описывает один китаевед: «Прежде всего этот насос состоит из полого желоба прямоугольной формы. Плоские прямоугольные куски дерева, подогнанные по размерам желоба, прикреплены к цепи, обернутой вокруг цилиндра или ролика, по одному ролику на каждой оконечности желоба. Прикрепленные к цепи прямоугольные куски дерева движутся вместе с ней вокруг роликов, поднимая объем воды, соответствующий размерам желоба, и поэтому называются подъемниками. Машиной пользуются с тремя различными целями. Если насос должен поднять большое количество воды, делается несколько комплектов деревянных рукояток на удлиненной оси роликов, вокруг которых оборачивается цепь с подъемниками. Эти рукоятки в форме буквы «Т» округлые и ровные, удобные для ступни. Ось вращается на двух стойках – вертикальных деревянных подпорках, закрепленных находящимся между ними шестом. Когда машина готова, люди ступают на выдающиеся рукоятки оси и, держась за брус, перпендикулярный стойкам, сообщают цепи вращательное движение, причем подъемники доставляют постоянный и обильный приток воды. Цепной насос используется для осушения полей, перегонки воды из одной емкости в другую или для подъема воды из рек или каналов на малую высоту. Другой метод приведения в движение данного устройства заключается в том, что буйвола привязывают к большому колесу, соединенному шестернями с осью роликов, вокруг которых вращаются подъемники».



Водяное колесо

В провинциях, где буйволы редки, цепной насос приводят в движение ослы, мулы или пони. Я заметил это в Тяньцзине, а также в городах Чжэньцзяне и Нанкине. Чтобы защитить этих животных от непогоды, рядом с устройством ставят крытый циновками шатер. В гуандунском уезде Сяншань и в Нанкине в провинции Цзянсу я видел, как цепные насосы приводили в движение руками, причем для этого явно не требовалось больших усилий. Руками толкали маленькое горизонтальное колесо, соединенное шестернями с осью роликов.

В тех районах, где поля расположены намного выше русла реки, крестьянам приходится прибегать к водяному колесу. В уездах Цун-хуа и Лунмэнь я видел немало таких водяных колес в работе. В одной из работ о Китае они описаны следующим образом: «Колесо,

вращаемое потоком, бывает от двадцати до тридцати футов в высоту, в зависимости от высоты берега. С момента установки оно выливает постоянное количество воды в желоб на наиболее высокой точке берега; оттуда вода по канавам перетекает на поле. Колесо укреплено на деревянных опорах; его ось также из дерева, но все части самой машины, даже соединительные детали и крепления, сделаны из бамбука, поскольку ее устройство не предполагает использования гвоздей и вообще металла. Колесо состоит из двух ободьев разного диаметра, причем ближайший к берегу обод меньше. Это двойное колесо соединено с осью шестнадцатью или восемнадцатью бамбуковыми спицами, косо вставленными рядом с каждым концом оси и доходящими до внешнего обода; спицы, идущие от внешнего конца оси, крепятся ко внутреннему, меньшему ободу. Между ободьями и пересечениями спиц сплетены плотные сетки, которые служат черпаками и приводятся в движение течением, вращая колесо. По всему диаметру колеса (оно находится выше линии берега) привязаны полые куски бамбука, закрытые с одного конца: они выступают в качестве ведер. Они не болтаются, а надежно привязаны, причем их отверстия обращены к внутреннему или меньшему ободу колеса под таким углом, что, оказываясь под водой, их отверстия немного отклоняются от горизонтального положения. По мере того как ведра поднимаются в воздух, их положение приближается к вертикальному настолько, чтобы большая часть воды оставалась внутри них; но, достигнув высшей точки вращения, их отверстия опускаются, и вода выливается в большой желоб, расположенный на одном уровне с берегом. Силы течения, приводящего в движение черпаки по окружности колеса радиусом около пятнадцати футов, достаточно, чтобы преодолеть сопротивление, возникающее от разницы веса поднимающихся и опускающихся емкостей или нагруженного и свободного секторов колеса. В случае необходимости сила течения в месте, где устроено колесо, увеличивается посредством отвода части воды из реки или даже повышения уровня воды. Когда близлежащие поля не нуждаются в поливе, желоб просто отодвигают в сторону или убирают, и колесо продолжает неторопливый ход, а вода из бамбуковых трубок просто выливается обратно».

На острове Формоза поля орошают со склонов высоких гор, поэтому так редко возникает нужда в цепном насосе и водяном колесе. Когда я был в порту Цзилун, на севере острова, летом 1864 года, обширные рисовые поля во время полива представляли собой одно большое озеро.

Когда землю оросят, ее удобряют. Это различные экскременты, птичьи перья (в особенности гусиные, утиные и куриные), человеческие волосы, которые сохраняют цирюльники и продают крестьянам, гуано, подобное перуанскому, измельченные в порошок кости, бобовый жмых и смесь лошадиного, коровьего и свиного навоза, а также гумус. Такие удобрения изготавливают в больших количествах обитатели нескольких деревень в окрестностях Кантона. Особенно известна этим производством одна из этих деревень под названием Чжуши, расположенная на расстоянии примерно двух миль от восточных ворот Кантона. Я обнаружил, что в северных провинциях Чжили и в долинах Внутренней Монголии такие удобрения тоже очень ценятся. Но пастухи Внутренней Монголии, живущие в шатрах на холмистых просторах этой страны, кажется, предпочитают использовать навоз лошадей или коров как топливо зимой, а не как удобрение. Так, поблизости от каждого шатра во Внутренней Монголии путешественник может видеть большие кучи навоза, предназначенные на топливо. Китайцы, как и монголы, пользуются навозом в таких целях, причем предпочитают коровьи лепешки. Их собирают и лепят небольшие брикеты с тарелку величиной. Удобрение выставляют сушиться с солнечной стороны домов, что, как легко себе представить, не особенно их красит. Высушенные брикеты хранят в сарае. И монголы, и китайцы используют коровий навоз как горючее при приготовлении еды. Они или топят им переносные печки, или еще проще: кладут свои лепешки, ямс, бобы какао, картофель или репу прямо на огонь. Иногда еду кладут непосредственно в такое горящее топливо и прикрывают чем-нибудь, пока она не

приготовится. Затем золу убирают и подают блюдо на стол. В одном домике, где я остановился отдохнуть во время моей поездки из Кантона в Фошань, навоз недвусмысленно напоминал о себе запахом. В комнатах добрая и рачительная хозяйка ловко готовила в нем пищу, а снаружи для нужд семьи на одном из скатов крыши сушились на солнце навозные брикеты – так делают во многих других азиатских странах, особенно в Мидии и Армении. В книге пророка Иезекииля (4: 15) мы находим свидетельство о том, что древние евреи использовали в качестве горючего материала коровий помет. Во всяком случае, этот фрагмент показывает, что пророку было знакомо приготовление хлеба на огне, горючим для которого был навоз. Его китайцы (как и некоторые английские крестьяне) к тому же считают отличным средством от нарывов, воспалений, абсцессов и т. д. Китайские корзинщики используют навоз для изготовления состава, которым они обмазывают корзины из ротанга или из бамбука, внутри делая их водонепроницаемыми. В таком случае навоз смешивают с большим количеством камеди или смолы, которую получают из особого дерева. Эти корзины пользуются у крестьян большим спросом. Коровью и лошадиную мочу ценят не только как хорошее жидкое удобрение, но и как прекрасное средство для лечения кожных болезней. В некоторых случаях ее используют для уничтожения термитов.

Однако самым хорошим удобрением китайские крестьяне считают нечистоты. За них платят довольно дорого; люди, никогда не упускающие возможность заработать, стараются собирать для земледельцев такие удобрения, как твердые, так и жидкие. Обычно при въезде в каждую деревню можно видеть ряды больших глиняных сосудов, в которых держат нечистоты. В деревне неподалеку от Пекина, через которую проезжают многие путешественники, я заметил, что почти перед каждым домом стояла общественная уборная. Проезжая по провинции Цзянси, на многих реках я видел у бродов такие уборные. Их выставляют живущие неподалеку крестьяне. В Кантоне и других больших городах есть рынки, на которых постоянно продают нечистоты. Такие рынки устраивают на берегах ручьев, которые протекают по многим китайским городам. На рыночной площадке нечистоты, которые приносят в ведрах на плечах, сливают в баки или ямы. Будучи в Фучжоу осенью 1864 года, я был немало удивлен, увидев женщин, которые несли ведро именно так. Это были самые красивые женщины из виденных мной в Китае, в замечательно аккуратных и чистеньких платьях; у каждой прическа была украшена прелестным букетиком. Проданные нечистоты перевозят в больших плоскодонках на поля, где крестьяне хранят их в цистернах, сделанных водонепроницаемыми посредством толстых слоев асфальта. В этих же цистернах, расположенных, как правило, по углам полей, удобрения и остаются, пока не придет время унавоживать землю. Китайцам уже много столетий известны преимущества мочи в качестве жидкого удобрения; и цистерны с ней, обнесенные стенами и укрытые под навесами, стоят почти у каждого крестьянского дома.

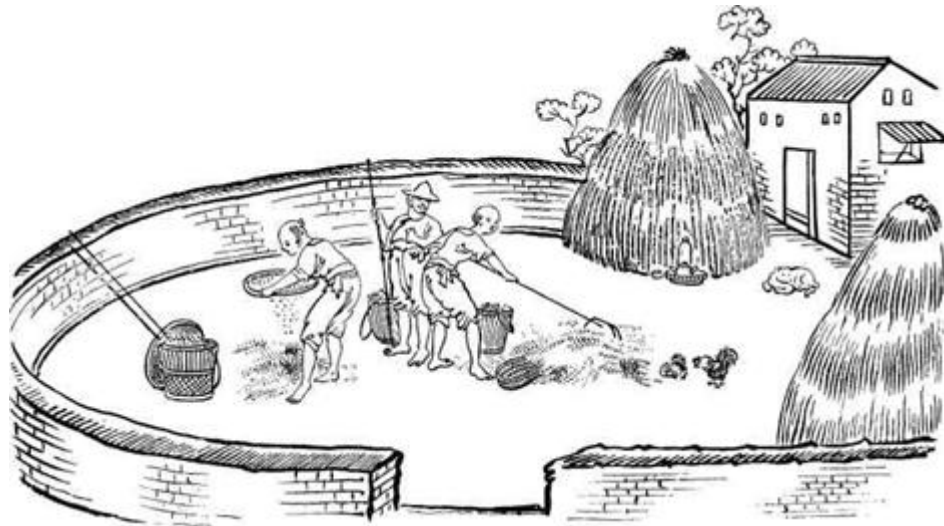
Китайцы считают экскременты не только ценным удобрением, но и эффективным лекарством, но прежде чем использовать в медицинских целях, их подвергают длительной обработке. Лекарство готово к использованию только через семь лет. Если я не ошибаюсь, врачи прописывают его больным лихорадкой или оспой. Буддийские монахи из монастыря Хайфу-сы, или монастыря Морского счастья, в Хэнане известны тем, что готовят и продают это снадобье. Один мой знакомый китаец по имени У Ацзи был также известен как изготовитель и продавец этой странной микстуры, которую сам он считал эликсиром жизни.

Когда поля покрыты удобрениями, пускают в дело плуг. Цель китайского пахаря не столько провести прямые борозды, сколько как следует смешать землю с удобрениями и водой, которыми предварительно покрыли поле. В южных провинциях и на острове Формоза буйволы тащат плуг через почву, отведенную для посадок риса, и, поскольку поля буквально пропитаны водой и удобрениями, нередко можно видеть пахаря и его буйволов по колено в грязи. Когда вспахивают землю для посадки пшеницы, ячменя или проса, тащить

плуг значительно легче, поскольку поля в таком случае не подвергаются орошению. Буйволы используют не только для того, что китайцы называют «мокрой вспашкой», вопреки мнению некоторых пишущих о Китае авторов. Я тоже так считал, пока не посетил центральные провинции Хунань и Хубэй в 1865 году. Я заметил, что буйволы часто тащат плуг по полям, подготовленным к посадке пшеницы, ячменя или проса. Мяо-цзу, или дикие племена, нередко запрягают в плуг пару ослов, мулов или, как я уже писал, мужчин и женщин.

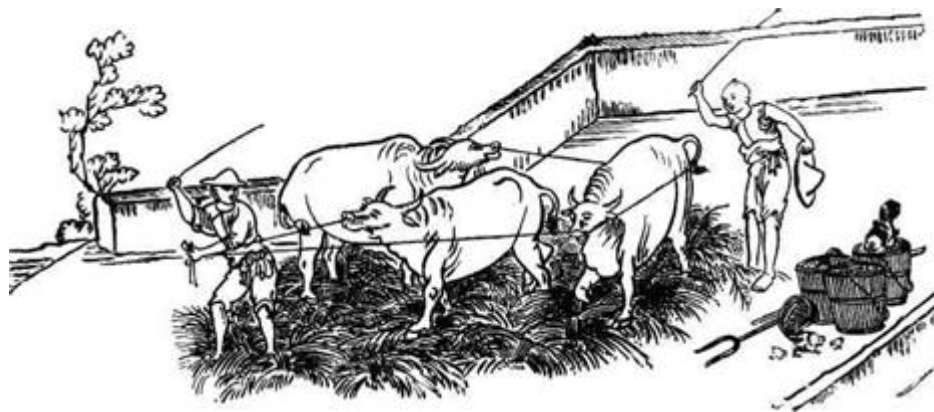
Когда вспашка завершена, поля боронят. Для выбора благоприятного дня или дней, когда следует сеять зерно, обращаются к гадалкам. Один день неизменно считается несчастливым, а именно – второй день шестидесятидневного цикла. В этот день под знаком и крестьяне не сеют зерна и не высаживают саженцев, поскольку предсказатели уверяют, что в противном случае они получат неважный урожай. Рисовые зерна, предварительно как следует вымоченные в воде, не сеют вразброс, как пшеницу, ячмень или просо. Их сеют близко друг к другу в предварительно огороженном для этого углу поля. Когда ростки поднимутся на несколько дюймов, их вынимают из земли и пересаживают, распределяя по всей поверхности поля. Если ростков выходит больше, чем нужно, их везут на рынок, где продают крестьянам и батракам. Я был на рынке рядом с Синяо-шань и видел, как там продавали множество рисовых ростков. Батраки мастерски пересаживают их и могут посадить более двадцати штук в минуту. При пересадке ростков рабочие защищают спины от солнечных лучей циновками, напоминающими по форме черепахи панцири. Ямки для посева ростков расположены ровными рядами. Рис растет так быстро, что уже через несколько дней все вокруг покрыто пышной зеленью. Возможно, к числу самых привлекательных зрелищ из тех, что мне когда-либо встречались, принадлежит открывающийся со склонов одной из близлежащих гор вид на формозскую долину Ваньхуа, или Манки, покрытую свежей зеленью молодых рисовых ростков. Эта долина, по которой медленно вьется река Тамури, была похожа на зеленый сад. Притягательность зрелища увеличивали рассеянные повсюду кусты вечнозеленого и прекрасного бамбука. Обширная равнина, на которой раскинулось девяносто шесть кантонских деревень, в это время года тоже очень хороша, и заросли высоких раскидистых деревьев на ее зеленых просторах будят в сердце англичанина милые воспоминания о пейзажах его родины. Прогулка по этой равнине тихим весенним или осенним вечером непременно порадует всякого любителя живописных видов.

После посадки риса крестьянин должен проследить, чтобы поля были достаточно увлажнены, поскольку недостаток воды может оказаться роковым для урожая. Обычно для этого достаточно проливных дождей весеннего сезона. Но в 1864 году в Гуандуне была такая засуха, что крестьянам пришлось воспользоваться цепными насосами и другими способами орошения, к которым, как правило прибегают лишь при подготовке полей к посеву. Один из работников должен внимательно наблюдать за ростками, чтобы их не погубили сорняки. Когда он видит сорняк, растущий в непосредственной близости от ростка, он немедленно выкапывает последний, уничтожает сорняк и снова сажает росток на место. Другие работники должны обирать с поля насекомых, видом и размерами похожих на нашего дождевого червяка: как говорят, они очень опасны для рисовых ростков. Поскольку китайцы не стеснены решительно никакими предрассудками в области еды и ничто в принципе съедобное не считают неприятным, этих червяков не выбрасывают, а отвозят на разные рынки, где охотно раскупаются в качестве лакомства. Кроме того, рисовым посевам в Китае нередко угрожает насекомое, похожее на кузнечика, стаи которых летают повсюду.



Гумно

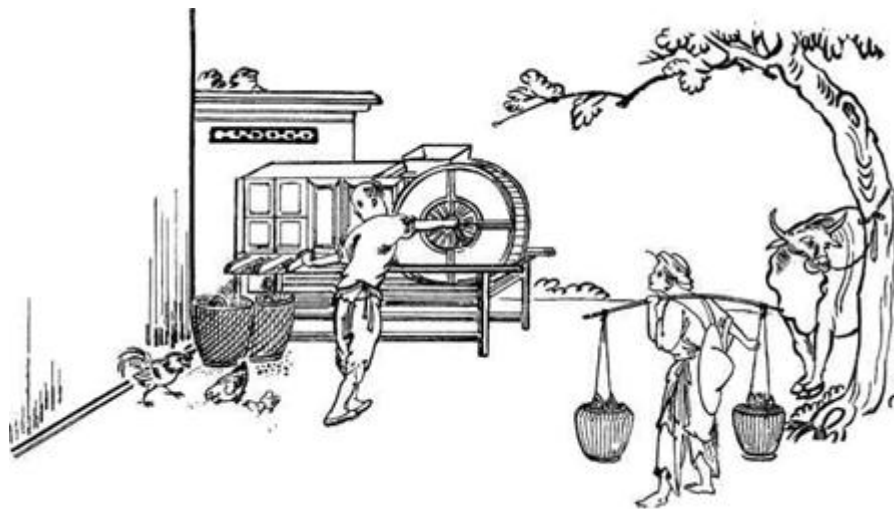
Когда наступает пора собирать урожай риса (обычно в июне, то есть через сто дней после начала посева), в поле выходят жнецы с серпами, очень похожими на те, какими пользуются в Великобритании. В некоторых сельских районах жнут только верхушки рисовых колосьев, оставляя стебли стоять на поле. Об этом способе упоминается в книге Иова (24: 24), где написано о грешниках: «Падают и умирают, как и все, и, как верхушки колосьев, срезаются», и у Исая (17: 5) умаление славы Иакова сравнивается с определенным моментом жатвы: «То же будет, что по собрании хлеба жнецом, когда рука его пожнет колосья и когда соберут колосья в долине Рефаимской». Этим древнейшим методом жатвы позже евреи не пользовались, то есть иногда его, возможно, применяли, но вообще, по-видимому, жали хлеб так же, как это делали в Англии *до* сравнительно недавнего знакомства с жатками. Срезанные колосья связывают в маленькие снопы, каждый из которых ставят на землю вертикально, но ненадолго. Вскоре их принимают молотить работники, которые, держа в руках эти снопы, колотят их о внутренние стенки жбанов, в которые и падает зерно. Некоторые сорта риса обрабатывать так нельзя, и тогда работники обычно относят снопы в усадьбы на бамбуковых шестах, чтобы там молотить цепями. Делают это не на огороженной площадке, а на открытом гумне, которое есть в каждом крестьянском хозяйстве. Перед тем как положить на гумно снопы, пол тщательно подметают. Китайские крестьяне считают это очень важным. Древнеегипетские крестьяне тоже придавали чистоте на гумне большое значение, о чем мы можем судить по произведениям египетских художников, недавно найденных. Несомненно, именно эта тщательная уборка гумна упоминается в Евангелии от Матфея (3: 12), где святой Иоанн Креститель метафорически описывает будущую работу Господа, который будет крестить людей и очистит от грехов: «Лопата Его в руке Его, и Он очистит гумно Свое и соберет пшеницу Свою в житницу».



Буйволы молотят зерно копытами

В каждой деревне, как и на каждом крестьянском дворе, есть общее гумно, которым пользуются те крестьяне, при чьих домах есть небольшие орошаемые поля. В некоторых деревнях такие гумна, сделанные из асфальта или смолы, бывают без навеса и граничат друг с другом. Во время сбора урожая они являют картину множества мужчин и женщин, рьяно размахивающих цепями. Судя по книге пророка Исаяи (28: 27) и книге Руфь (2: 17), этот способ молотбы очень древний, но, по всей видимости, евреи по большей части пользовались цепями, для того чтобы обмолачивать небольшое количество хлеба, или более легкими орудиями для вики, укропа или тмина.

Я упомянул не обо всех существующих у китайцев способах молотбы. Однажды, путешествуя по гуандунскому уезду Сяншань, я видел, как зерно молотили копытами буйволы. Определенно, крестьяне в этой местности словно повиновались приказу: «Не заграждай рта волу, когда он молотит»^{122}. Но в самом деле буйволам ничего не перепало, поскольку молодые крестьяне, которые водили их по гумну, внимательно следили, чтобы животные не набили глотки зерном, вылуценным из рисовых снопов их массивными ногами. Лушение, молотба снопов быками – единственный процесс, о котором упоминается в Моисеевых книгах. Кроме того, от античных авторов мы узнаем, что этот метод был почти универсальным у древнеегипетских крестьян. Описывая подземные покои Рамзеса Майамуна, обнаруженные в Эйлетее, Шампольон пишет: «Помимо прочего, сам я видел там изображение быков, лущивших ногами зерно из снопов или молотивших их». Гомер тоже говорит только о таком способе молотбы, как вождение скота по снопам. Китайские крестьяне используют для этих целей не только быков. В некоторых частях империи я видел за этой работой мулов, ослов и пони. Римляне, которые тоже практиковали такой способ молотбы, предпочитали, если верить Вергилию, быкам лошадей.



Веяние

Часто их бегом еще растрясаят,
Томят их на солнце в зной, когда молотьба,
И стоит над током тяжелый Стон,
И Зефир, налетев, пустую взвывает мякину.

Георгики III, 132^{123}

При молотьбе китайцы также пользуются валиками. Этот способ я наблюдал в провинциях Хубэй, Цзянси и Цзянсу. Многие авторы сообщают, что по сей день в Египте и в некоторых сопредельных странах быки, мулы, ослы или пони тащат за собой валики.

Для веяния зерна в Китае используют устройство, во всех отношениях похожее на то, которое применяли раньше и применяют сейчас наши английские фермеры, но иногда китайцы пользуются гораздо более простым способом: выбрав день, когда дует свежий ветер, работники встают спиной к нему, давая зерну спокойно падать с лотка. Я не раз видел в Лестершире, как люди, подобрав с поля оставшиеся после жатвы колосья, веяли зерно точно таким же способом. Китайцы прибегают и к другому способу: они подбрасывают вилами зерно вверх, направляя его против ветра. Далее зерно просеивают или очищают, подбрасывая на бамбуковых или ротанговых лотках, иногда – на деревянных лопатах. Такие способы веяния, очевидно, имеются в виду в первом псалме, где мы находим сравнение нечестивых с мякиной, «возметаемой ветром», и в книге Исайи (30: 24), где предсказаны черты будущего процветания: «И воны и ослы, возделывающие поле, будут есть корм соленый, очищенный лопатою и веялом». Кроме того, в книге Иеремии (4: 11, 12) также упоминается о веянии: «В то время сказано будет народу сему и Иерусалиму: жгучий ветер несется с высот пустынных на путь дочери народа Моего, не для веяния и не для очищения; и придет ко Мне оттуда ветер сильнее сего».

Зерно сеют в феврале, а урожай собирают в июне. После этого землю снова готовят ко второму посеву, который бывает в конце июля. В начале ноября того же года все вокруг украшается золотящимися полями. Я упомянул о том, что крестьяне обычно молотят рис сразу после созревания, – по-моему, так поступают только с первым урожаем. Когда созревает второй урожай, крестьяне часто убирают снопы в усадьбы, чтобы там сметать их в стога. Нередко осенью чуть не повсюду видны стога вокруг участков арендаторов, что непременно напомним англичанину о доме. Обычно стога эти помещают на высоких гранитных столбах,

кажется, чтобы защитить их от крыс и других вредителей, которыми изобилуют все жилые дома.

Как и в других странах, китайские крестьяне стараются удержать зерно, пока они не смогут потребовать за него наиболее высокую цену. Согласно закону при недороде крестьяне не имеют на это права. Такая мера напоминает о боговдохновенных словах: «Кто удерживает у себя хлеб, того клянет народ; а на голове продающего – благословение». К несчастью, этот закон часто обходят, поскольку мандарины слишком склонны пренебрегать своим долгом ради взяток, которые предлагают им торговцы зерном. Большинство торговцев зерном сосредоточены в Чжэнь-чжэне и в Хуади: в обоих этих местах находятся просторные амбары. На улице старого города Сиху-цзе есть два таких здания, ими заведуют джентри. Поскольку они значительных размеров, их относят к разновидности и-цзан, или житниц справедливости. На улице старого города Сыхоу-цзе есть другой амбар, которым также заведуют джентри. Он относится к разновидности шао-цзан, или малые житницы. В столице провинции есть и другие большие правительственные амбары, в одном из которых содержится рис для маньчжурских войск, стоящих в городе. Насколько мне известно, запасы в этих хранилищах ежегодно пополняют за счет налога, которым обложены торговцы солью. Больше всего правительственных амбаров в таких провинциях, как Цзяннань, Хубэй, Чжэ-цзян, Шэньси и Гуанси. В Гуй-лине, столице последней провинции, есть огромный амбар, где хранится зерно, продаваемое потом по рыночным ценам в Кантоне. Крестьянам провинции Гуандун категорически запрещено продавать рис в другие провинции, но кантонских купцов весьма поощряют ввозить зерно из других местностей, особенно из соседнего Королевства Кохинхина. Во время недорода торговцы рисом, ввозящие рис из Сайгона в таких количествах, чтобы снизить его цену в Кантоне, иногда получают от императора в качестве вознаграждения за такие свои добрые поступки высокие чины.

Кроме больших амбаров, почти в каждой деревне есть шао-цзан, или малые амбары, где хранится зерно на случай голода или войны, для помощи людям. В таких случаях рис продают по цянью за пиколь^{124}, дешевле рыночной цены. Весной нуждающиеся крестьяне, при чьих домах есть орошаемые поля, часто получают займы из этих амбаров рис для посева. Осенью, когда джентри обязаны проследить за пополнением этих амбаров, нуждающиеся крестьяне и батраки должны возратить с процентами зерно, выданное им предшествующей весной. В северных провинциях амбары при крестьянских хозяйствах, где сеют пшеницу, ячмень и просо, очень малы; это деревянные строения, по виду напоминающие английский стог сена. У некоторых крупных земельных собственников бывают частные амбары. Один из самых больших виденных мной частных амбаров был расположен в заливе Макао, рядом с большой деревней под названием Цайми. Он был собственностью богатого дворянина по имени У Цзиньчжуан, которому принадлежало не только большое селение, где он жил, но и все близлежащие земли. Зерно в шелухе в больших количествах хранится во всех амбарах, поскольку в этом состоянии оно не требует от хранителей такой бдительности, как очищенное зерно. Последнее требует большой заботы и внимания. Чтобы уберечь его от долгоносиков и других насекомых, китайцы прибегают к такой уловке: поскольку общеизвестно, что углерод разрушителен для всего живого, а пепел рисовой шелухи дает белый углерод, крестьяне смешивают большое количество такого пепла с рисом и при помощи этого простого приема защищают зерно от разнообразных прожорливых насекомых. Но, несмотря на известные качества углерода, многие китайские торговцы зерном, суеверные в той же мере, что и простой народ, не открывают своих амбаров в первый день шестидневного цикла. Они верят, что в противном случае весь хранящийся в них рис будет немедленно поражен насекомыми, милдью или каким-нибудь другим бедствием из тех, которым он подвержен.



Толчение риса

Китайцы, которые потребляют много риса, редко мелют или толкут рисовые зерна, изготавливая муку, если только не собираются сделать рисовые лепешки. Для того чтобы смолоть рисовую муку, они используют обычную восточную ручную меленку. Она состоит из двух плоских круглых камней, которые трут один об другой, поворачивая верхний при помощи деревянного штырька, закрепленного на ручке рядом с краем. Зерно проходит через небольшое отверстие в центре верхнего камня, круговое движение которого распределяет рис по нижнему камню и обращает его в порошок. Мука высыпается с краю жерновов и падает в каменный резервуар.

В некоторых частях империи крестьяне, убрав урожай риса, часто засеивают поля самыми разнообразными овощами: картофелем, какао-бобами, капустой, репой, луком и т. п. Считается, что для этих посевов очень полезны жидкие удобрения! Задолго до восхода солнца и после заката можно видеть работников, пробегающих вдоль грядки с овощами, чтобы полить их жидкими удобрениями из жбанов, снабженных специальными длинными трубками. Запах, поднимающийся от обработанных таким образом полей, отвратителен для обоняния европейца, но китайцев он, кажется, не особенно беспокоит, — вероятно, их утешает соображение, что чем противнее запах, тем лучше урожай. Мне говорили, что этот запах вряд ли может быть намного хуже того, который иногда можно ощущать на некоторых полях в графстве Кент, где сажают хмель. Но едва ли я поверю, что англичанин, никогда не бывавший в Китае, способен представить себе невыносимый смрад, который иногда исходит от этих полей.

Осенью, когда поля, с которых уже сняли два урожая риса, совершенно высыхают, многие гуандунские крестьяне готовят их к посадке ча-ю, или чайного масла^{125} Это растение созревает в начале весны следующего года. Я несколько раз проезжал по сельскохозяйственным угодьям уездов Хэюань и Цунхуа и всегда видел обширные участки орошаемых земель, пышно покрытые ча-ю. Его цветок светло-оранжевого цвета наполняет своим ароматом все вокруг. Китайские женщины чайным маслом умащают волосы, и, конечно, спрос на него очень велик. Масло выжимают из семени этого растения, которое для этого разминают и помещают над кастрюлями с кипятком, чтобы обработать паром и умягчить. После этого семени отжимают, и с них стекает масло. Жмых мелко режут и растирают до состояния порошка, напоминающего песок. Этот порошок китайцы используют в качестве туалетного мыла.

Многие крестьяне в южных провинциях Гуандун и Гуанси, собрав второй урожай риса, начинают готовить землю к посеву пшеницы и ячменя. Как и в Англии, пшеницу и ячмень

сеют вразброс. Посеянные осенью семена дают урожай в начале весны следующего года, то есть когда подходит время подготовки полей к первому севу риса. Но на севере Китая, где сезоны различаются почти так же четко, как в Англии, а климат похож на наш, за исключением палящего летнего зноя, пшеницу, ячмень и другие зерновые сеют примерно тогда же, когда и в Англии. Это относится и к Внутренней Монголии, долины которой, как я обнаружил, путешествуя там в 1865 году, были прекрасно распаханы китайскими крестьянами, переехавшими туда из северных провинций – по большей части из Шаньси и Шэньси. В этих долинах (сюда же можно включить и все земли между Пекином и Великой Китайской стеной) было столько колосьев, что я часто вспоминал о поразительных словах псалмопевца (Пс, 65: 13): «И долины покрываются хлебом, восклицают и поют».

Все орошаемые земли Внутренней Монголии заняты китайскими крестьянами, – я полагаю, это объясняется тем, что монголы по сути народ пастухов. Когда крестьяне жали хлеб, я заметил, что они пользуются не только серпом. Иногда у каждого из них можно было видеть косу, очень похожую на нашу. Несколько косарей за весьма короткое время могли обработать большое поле. К каждой косе сзади была прикреплена корзина, в которую при каждом взмахе падали колосья и стебли. Наполненную корзину немедленно опорожняли в телегу, которую тянул конь или буйвол, и отвозили зерно в усадьбу. Меня очень удивило, что иногда жнецы вырывали колос с корнем. Если пшеницу, ячмень или овес срезают серпом или выдергивают с корнем, колосья вяжут в снопы и оставляют в поле сохнуть, сложив в скирды. Затем их в телегах перевозят в усадьбы.

Обычная китайская мельница для пшеницы и ячменя очень похожа на ту, что повседневно используют в Индии, Египте и всех странах Северной Африки. Она состоит из двух круглых камней трех или четырех футов в диаметре. Нижний жернов прикреплен к полу. Он немного поднимается к центру. У верхнего жернова, или так называемого райдера, нижняя поверхность вогнута. Вогнутая часть соответствует выпуклой части нижнего жернова. В центре верхнего жернова сделано отверстие, в котором закреплена большая воронка или плетенка. В нее засыпают зерно. Потом его растирают между жерновами в муку, которая высыпается через край нижнего жернова. Верхний жернов вращают при помощи бруска трех-четырех футов в длину, отходящего от него под прямым углом. К бруску привязан буйвол. Такие мельницы есть во всех больших городах и деревнях. На кантонских мельницах, многие из которых находятся в западном пригороде, на улице под названием Чжань-му-лань, иногда можно видеть по пятьдесят голов тяглового скота, которых через определенное время сменяют. Чтобы у них не закружилась голова от постоянного движения по кругу, буйволам завязывают глаза. В северных и центральных провинциях я видел за этим занятием пони, ослов и мулов.

Китайцам известны и водяные мельницы. Немало водяных мельниц я видел в Чжэцзяне; в Гуандуне мне попались лишь две-три – в окрестностях Макао. При каждой мельнице есть алтарь, посвященный изобретателю мельниц, после смерти канонизированному, и теперь все мельники почитают его как божество.

На многих полях в центральных и северных провинциях я видел обильно родившееся просо. При этом колосья были особенно тяжелыми на тех полях, где почва песчаная. Между растениями оставляли некоторое расстояние, чтобы облегчить работникам прополку и рыхление земли. Оказалось, что в Китае возделывают два сорта этого растения, которое бывает восьми-десяти футов в высоту. Первый, лучший, сорт этого растения идет в пищу людям, а второй, более грубый, – на корм домашней птице и скоту. Из второго сорта китайцы также гонят вино. Во время путешествия по провинции Цзянси я смог посетить заведение, где из этого растения делали вино; по-видимому, тамошний винодельческий процесс совершенно совпадает с варением солодового напитка в Англии. Из стеблей проса, которые выглядят как высокий узловатый тростник, делают изгороди. А широкие листья, растущие из каждого

узла на стебле, вместе с метелками практичные китайцы используют в качестве корма для скота.

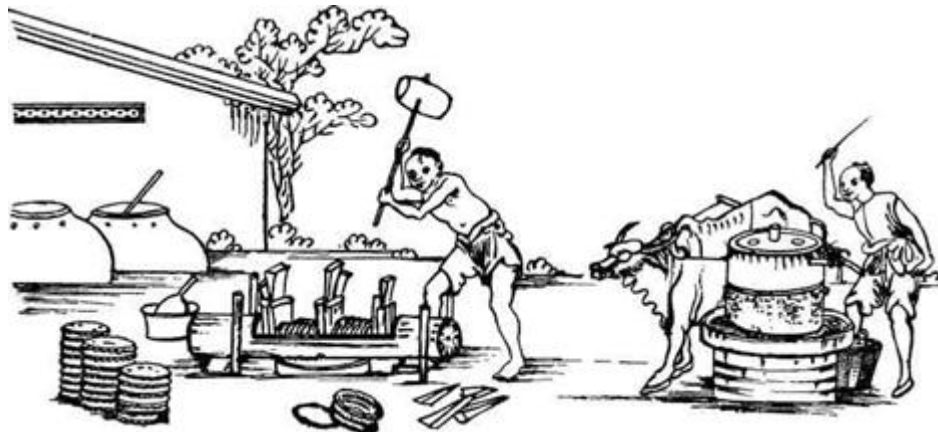
Просо мелют следующим образом. На приусадебном участке (или на одном из наиболее удобных мест, если оно предназначено для всей деревни) воздвигают большой круглый каменный помост три фута в высоту. В центре ставят деревянный шест. Вокруг него осел тащит деревянный же каркас, в котором вращается большой каменный валик, вроде тех, которыми пользуются в английских садах. Я заметил, что за работой таких мельниц всегда присматривают женщины. Вполне вероятно, что ими пользовались и древние евреи, поскольку из Талмуда мы узнаем, что у иудеев существовали мельницы побольше обычных ручных мленок, и вращали их ослы. Мельничный жернов, о котором упоминается в Евангелии от Матфея, в оригинале назван ослиным жерновом.



Выжимка бобов

Кроме злаков, о которых я сказал выше, в Китае выращивают огромное множество сельскохозяйственных культур, в том числе бобы, горох, сахарный тростник, индиго, хлопок, кассию и табак.

В северных провинциях хозяйства, где разводят бобы, бывают очень большими. Поскольку тамошняя почва, как правило, плодородна — это глина и песок с перегноем, — урожаи собирают отменный. Китайцы разводят мелкосеменные и конские бобы и предпочитают сажать их в феврале и марте. Когда поля распахали, прошлились по ним бороной и удобрili компостом, состоящим из хорошего гумуса, а также лошадиного и коровьего навоза или гипса, который, оказывается, обладает свойством стимуляции роста всех бобовых культур, бобы высаживают рядами при помощи сельскохозяйственных инструментов или вручную. Между семенами оставляют расстояние примерно два фута. Эти промежутки регулярно обрабатывают мотыгой, а сорняки вырывают вручную. Рыхление земли мотыгой такой важный элемент выращивания бобов, что от него в большой степени зависит, каким будет урожай. Как только листья начинают вянуть, а стручки темнеют и тускнеют, начинается сбор урожая. Поля становятся очень оживленными. От восхода до заката солнца можно видеть жнецов с серпами за жатвой и связыванием снопов. Снопы оставляют в поле сушиться и после этого увозят в усадьбу, где обмолачивают цепями. Большое количество бобов и гороха выращивают, чтобы в достатке запасти растительного масла. Чтобы получить масло, бобы помещают в круглую лохань и давят большим каменным жерновом, который приводят в движение быки. Раздавленные бобы складывают в большие прессы, пока все масло не будет выдавлено в баки. Бобовый жмых частью идет на корм скоту, частью его отсылают в Сватоу (Шаньтоу), Кантон и в различные части острова Формоза, где он считается наилучшим удобрением для сахарного тростника.



Раздавливание брикетов бобового жмыха

В Гуандуне есть также большие крестьянские хозяйства, где специально выращивают соевые бобы и горох, но там урожай не перерабатывают на масло – он идет в пищу людям. Продают очень много обработанных бобов и гороха – их в больших количествах закупают люди, которые зарабатывают продажей бобового творога. Для изготовления такого творога соевые бобы размалывают в муку при помощи обычной восточной ручной мельницы. На следующем этапе муку сначала пропускают через сито из грубой хлопчатобумажной ткани, а потом через сито из более тонкой материи. Затем ее варят на медленном огне около часа, пока она не приобретет нужной консистенции. Получившийся продукт можно продавать как готовую еду. Кантонцы обожают соевый творог, который готовится ночью, чтобы его можно было съесть на завтрак. Лишь восходит солнце – почти на каждой улице больших и малых городов провинции Гуандун можно видеть продавцов этого лакомства. Оно очень похоже на бланманже, и в течение многих месяцев после моего приезда в Кантон я был совершенно убежден, что это действительно нечто в таком роде. Китайцы также солят бобы. для этого они кладут в кувшин четыре цзиня^{126} бобов вместе с одним цзинем соли, половиной цзиня имбиря и несколькими лянми миндаля и другими специями. Затем кувшин герметически запечатывают и ставят в кладовую. По истечении месяца его открывают, и вкус блюда неизменно радует китайцев.

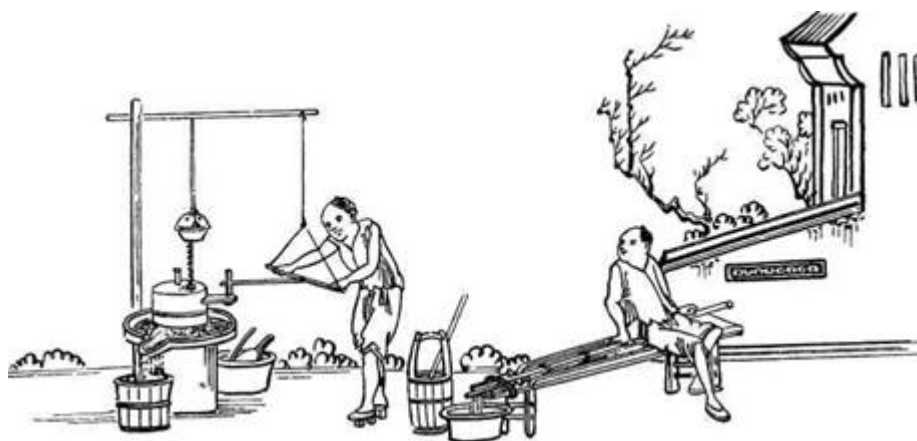


Бобовые брикеты

Я еще не упомянул о самом интересном способе приготовления соевых бобов. Их в большом количестве покупают люди, которые называются я-цай. В своих заведениях они

делают с бобами следующее: кладут их в грубые глиняные кувшины, наполненные чистой ключевой водой. Через несколько часов воду выливают, вынимая из кувшинов затычки. В течение двадцати четырех часов это процесс повторяют шесть раз. Через неделю бобы осматривают; оказывается, что каждый дал маленький нежный росток. Затем бобы с ростками продают на овощных рынках как излюбленные китайцами деликатесы. Такое заведение находится у ворот старой кумирни Саньцзе-мяо в западном пригороде Кантона. При нем есть два колодца с водой непревзойденной чистоты.

Горох выращивают почти так же. Китайцы полагают, что больше всего для гороха подходит рыхлая жирная почва, или мергель, и, как мне показалось, стремятся как можно сильнее разрыхлить ее плугом и бороной. Большое внимание уделяют тому, чтобы избавиться от сорняков; путешественник, минуя гороховые поля, часто может видеть работников за прополкой. Когда семена на нижней части стебля созревают, начинается сбор урожая, поскольку, если этого не сделать, горох может пропасть, когда начнут лопаться стручки. Траву или выдергивают с корнем, или срезают серпами, затем ее сгребают в кучи и сушат, часто вороша вилами, чтобы быстрее высыхала, после этого отправляют в усадьбу, где сметывают в стога, которые в конечном счете молотят цепями. Затем непосредственно горох отжимают, чтобы получить масло. Гороховый жмых, как и бобовый, продают в качестве удобрения для сахарных плантаций Гуандуна и Формозы.

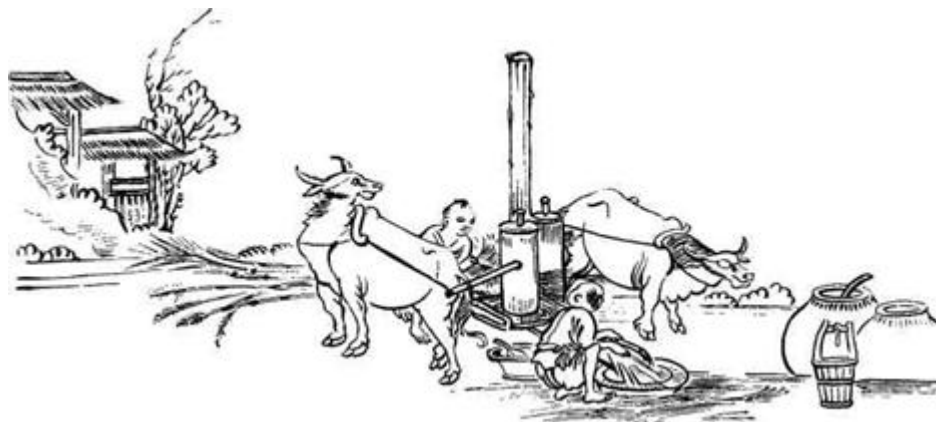


Помол арахиса

Кроме того, в больших количествах китайцы выращивают арахис. Особенно много его в Гуандуне. Урожай собирают в декабре, январе и феврале. Арахисовые орехи продаются во всех фруктовых ларьках, и люди едят их очень много. Немало арахиса выращивают крестьяне на масло, которое они высоко ценят. Часто в крестьянской усадьбе можно найти специальную комнату, где выжимают арахисовое масло. Это делают следующим образом. Орехи кладут в горшки или медные котлы и обрабатывают паром, прежде чем истолочь. Толкут их так осторожно и аккуратно, чтобы удалить шкурку или скорлупу, не повредив при этом зерно. После этого зерно кладут в пресс, где оно остается до тех пор, пока последняя капля масла не стечет в бак. Оставшийся жмых иногда используется в качестве удобрения для рисовых полей, иногда идет на корм для скота. А предварительно снятую с арахисовых орехов скорлупу используют как горючее. Одно из самых больших виденных мной крестьянских хозяйств, где выращивали арахис, находилась в Сань-юань-ли (это деревня в тринадцати милях к северу от Кантона).

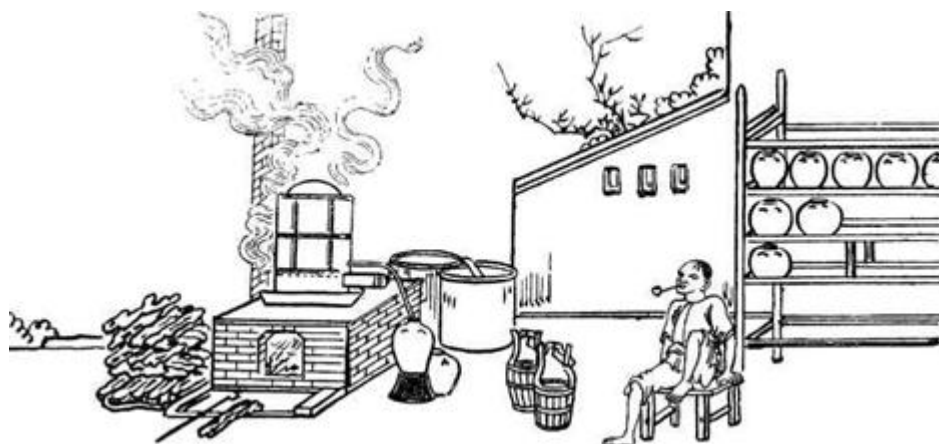
Перейдем к сахарному тростнику. Насколько мне известно, Китай – родина этого растения, которое во всем мире стоит по важности сразу вслед за пшеницей и рисом, а в Западном полушарии главный товар морской торговли. Предполагали, что ветхозаветный «благонный тростник»^{127} это именно он. Определенно таким тростником, или каламусом, в

древности торговали, и поскольку его называли «благовонный тростник из дальней страны», ясно, что он не рос в Палестине или сопредельных странах. Но на мой взгляд, доктор Мосли в своем трактате о сахаре доказал несостоятельность предположения о том, что это тот самый сахарный тростник, которым торгуют в настоящее время.



Раздавливание сахарного тростника

Тростник (*saccharum officinarum*, как называют это растение ботаники) очень похож на обычный камыш, и его узловатый стебель нередко бывает больше двадцати футов в высоту. Из каждого узла или сочленения, по тридцать-сорок на стебель, растут длинные и узкие листья. Землю, отведенную для выращивания сахарного тростника, сначала как следует удобряют бобовым и гороховым жмыхом, после чего формируют длинные грядки. От одного ряда до другого четыре фута. Затем в грядках при помощи мотыги проделывают отверстия на расстоянии двух футов друг от друга, и в них втыкают черенки тростника размерами примерно полтора фута каждый. Эти отростки представляют собой верхушки тростника с двумя или тремя круглыми верхними узлами, с которых были срезаны листья. Когда черенки высажены, необходимо щедро полить пространство между грядками. Тростник укрепляют вертикально при поддержке шестов: с их верхушек спускаются толстые бамбуковые побеги или веревки, к которым склоняются стебли тростника. Чтобы защитить культуру от вредителей, тростниковые заросли огораживают циновками два-три фута в высоту. Это хорошая защита и от сухопутных крабов: если им удастся забраться на плантацию, они причиняют большой вред. Как и рис, сахарный тростник дает два урожая в год. По созревании стебли срезают, причем как можно ближе к земле, поскольку более длинные узлы самые сочные. Затем тростник связывают в пучки и сразу же относят на мельницу, которая представляет собой очень простое устройство. Вокруг мельницы множество крестьян и крестьянок заняты срезанием двух или трех верхних коленцев.



Цех перегонки

Считается, что это необходимо сделать до передачи тростника мельнику. Обрезанные верхушки идут на корм скоту или становятся топливом для костров, на которых варится сок. Теперь тростник можно давить. Стебли пропускают между двумя стоящими вертикально каменными цилиндрами. Один из них приводится в движение упряжкой буйволов и при помощи шестеренок вращается второй. Сок стеблей, сминаемых между этими цилиндрами, льется в кадку, содержимое которой немедленно переливают в большой котел для кипячения. Сок необходимо кипятить сразу после его выжимания, поскольку он непременно закиснет, если его оставить в кадке более чем на тридцать-пятьдесят минут. До начала варки в сок добавляют известь, чтобы связать содержащиеся в нем мутные вещества. В ходе кипячения испаряются частицы воды, и сироп приобретает такую консистенцию, что в остуженном состоянии кристаллизуется. Чтобы извлечь мелассу, или черную патоку, из кристаллизовавшегося сахара, содержимое котла переливают в маленькие глиняные кувшины с широким горлышком, сужающиеся к дну, в котором проделано отверстие. Через несколько дней сироп принимает вид зерен, и на этой стадии дыру в дне кувшина раскупоривают, чтобы меласса постепенно просочилась сквозь нее. Затем сахар очищают и делают белым при помощи простого способа: часть сахара рассыпают по полу, на него укладывают прослойку, сделанную из рыхлой части ствола банана, сверху кладут еще один слой сахара и так далее, пока не получится нечто вроде пирамиды. Слои бананового ствола поглощают красящие вещества и делают сахар чистым и белым.

Однако не весь тростник идет в сахарное производство. Многие стебли продают торговцам фруктами. Те режут каждый на части длиной от шести до десяти дюймов и продают в лавках или на уличных прилавках. Китайцы очень любят это лакомство, и на него большой спрос.

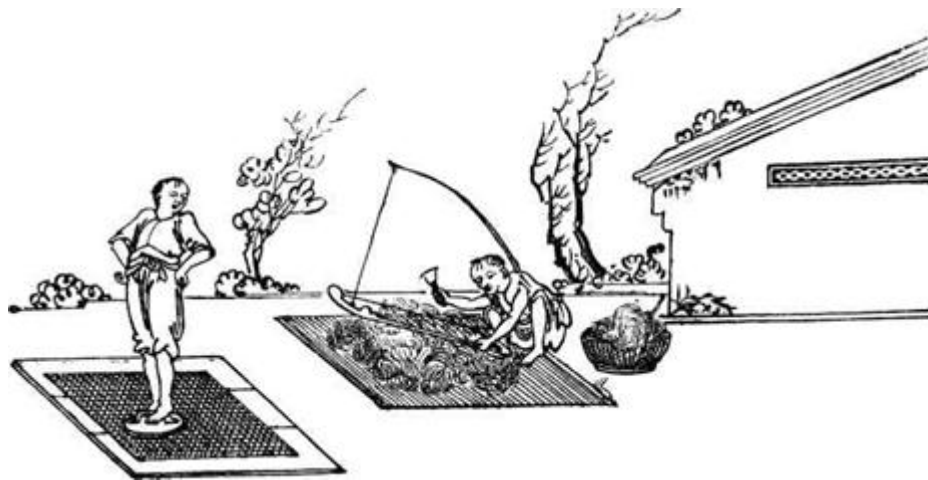
Больше всего подходят для выращивания сахарного тростника земля в уезде Шилун поблизости от горной гряды Лофу в провинции Гуандун. Выращенный там сахар идет по самой высокой цене.

Другой ценнейший сельскохозяйственный продукт Китая – это индиго (*indigofera*). Некоторые считают, что это растение не растет за пределами тропиков, но это ошибка. Я видел растущий индиго не только в Кантоне (то есть как раз в тропиках), но и в некоторых центральных и северных провинциях, во Внутренней Монголии и на острове Формоза. Семена сеют в длинные узкие борозды глубиной примерно два с половиной дюйма. Между бороздами оставляют пространство шириной десять-двенадцать дюймов. Через несколько дней росток показывается над землей. Необходима тщательная прополка поля. Через два месяца кусты индиго стоят в цвету и именно тогда содержат наибольшее количество красящего вещества. Теперь растение созрело. Жнец держит его в левой руке, а правой срезает серпом. Затем он связывает кустики в снопы. Через шесть-семь недель оставшиеся в земле корни дают второй урожай. Индиго регенерирует очень быстро, и бывает, что в течение года снимают по три-четыре урожая с одного корня. После второго урожая корни значительно ослабевают и дают совсем не такие обильные всходы. Убрав снопы с поля, их помещают в каменные или цементные чаны с водой, куда часто подмешана известь. Через несколько часов пребывания растения в чанах происходит ферментация, время которой в данном случае в большой степени зависит от температуры. В Тайвань, столице Формозы, я видел несколько чанов с индиго, и мне сказали, что в них ферментация занимает десять или одиннадцать часов. Это удивительно короткое время, поскольку зачастую до окончания ферментации проходит восемнадцать-двадцать часов. Добавлю, что летом 1874 года стояла сильная жара. Когда проходит достаточное для ферментации время (момент окончания процесса очень важен и его определение требует большого опыта), открывают краны, и сок выливается в другие чаны, где его взбалтывают веслами. От этого красящее вещество синее

и выпадает в осадок. Затем его кипятят до необходимой консистенции, помещают в полотняные фильтры и подвешивают на балки для процеживания. Затем осадок выставляют на солнечный свет, пока остатки жидкости не испарятся. После этого индиго готово к употреблению, и из него изготавливают знакомые нам брикеты, которые и идут на продажу. В Ост-Индии процесс сбора этого растения и изготовления краски на продажу, насколько мне известно, несколько отличается от описанного мной. Земли, наиболее известные урожаями индиго, находятся в Паклу, провинция Гуандун, а главный кантонский рынок, где торгуют брикетами краски, – на улице Далу-Лу.

Хотя в древности китайцы не выращивали хлопок, который они называют мянь-хуа, он был им знаком. Полагают, что упоминание о нем встречается в «Шу Цзине». Китайцы не выращивали его вплоть до времени династий Сун и Юань (1127–1333). Культивировать его начали в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Несомненно, это первенство объяснялось тем, что именно фуцзяньские и гуандунские порты были первыми, а, вероятно, продолжительное время и единственными, в которые ревнивое правительство позволяло заходить иностранным судам. Как бы то ни было, из книги о выращивании хлопка, написанной ученым по имени Лу Гуанцзи, который жил при династии Мин (1368–1628), можно видеть, что провинции Шаньси и Шэньси в этом отношении едва ли отставали от Гуандуна и Фуцзяни. С первого взгляда это утверждение может показаться невероятным, поскольку неизвестно, чтобы иностранные суда продвигались севернее фуцзяньского порта Цюаньчжоу. Однако то, что между провинциями Шаньси и Шэньси и Индией в древности существовали регулярные связи, – исторический факт. Достоверно также, что в то время, как иностранные суда везли хлопок в гуандунские и фуцзяньские порты, вьючные животные везли через западные провинции Китая столько же хлопка в провинции Шаньси и Шэньси. Рассказывают, что знание о способах выращивания хлопка принесла в провинцию Цзянсу умная и предприимчивая женщина из семьи Ван. Эта благодетельница большей части рода человеческого жила в эпоху правления династии Юань. Из Цзянсу умение выращивать хлопок быстро распространилось в Хунани, Хубэе, Хэнане, Аньхое и в других провинциях. Земли, на которых растет в этих провинциях хлопок, очевидно, хорошо приспособлены для этого. Летом 1865 года я видел обширные долины, покрытые хлопчатником. В Гуандуне, как говорят, лучший растет в Саньчжоу уезда Паньюй. В 1868 году я видел такие поля вокруг деревни под названием Шанц-зин, расположенной за горами Белых Облаков.

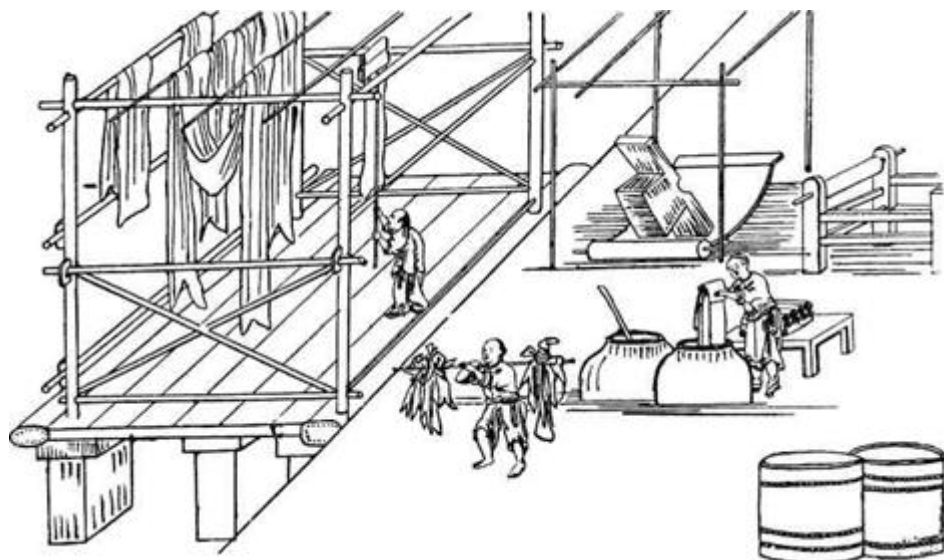
Хлопчатник растет на полях, с которых убрали урожай пшеницы или ячменя. Почву, удобренную бобовым жмыхом, тщательно вспахивают и боронят. Семена в июне сажают вразброс или опускают каждое в приготовленную для него ямку. Поскольку хлопок растет очень быстро, то скоро появляется на поверхности земли, но он редко вырастает больше чем на полтора фута. Листья хлопчатника темно-зеленые, а цветок, распускающийся в августе, желтый. Во время цветения коробочки сильно увеличиваются и в конце концов становятся такими спелыми, что лопаются. В это время хлопок сразу же убирают, поскольку под действием полуденного солнца он может изменить цвет. В этот сезон ветры тоже становятся серьезными врагами землепашца, унося содержимое перезревших семенных коробочек.



Чесание хлопка

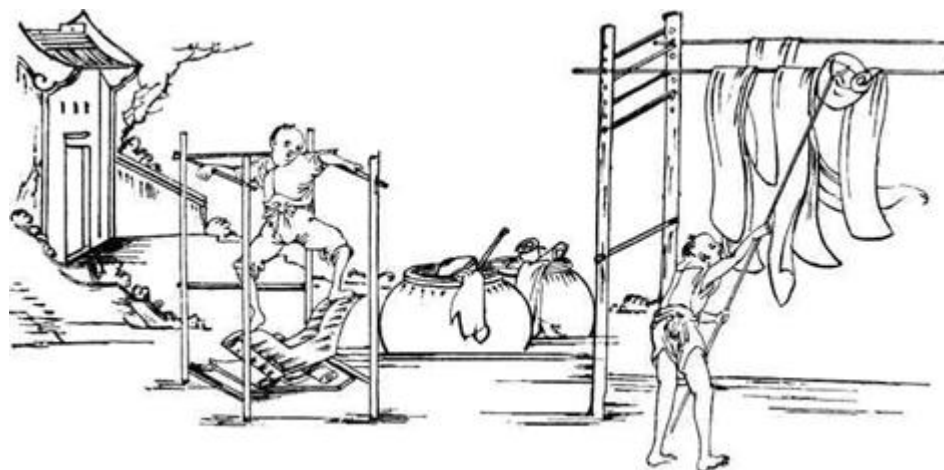
Урожай собирают женщины и мальчики, у каждого по корзине, куда складывают сорванный хлопок. Его относят в усадьбу и пропускают между двумя деревянными валиками, которые приводятся в движение ручным колесом. Семена слишком велики и не помещаются между валиками, они выдавливаются и падают в корзину-приемник. Семена, которые пойдут на посадки в будущем году, выставляют на солнце сушиться, а затем хранят в глиняных кувшинах, ненужные продают торговцам растительным маслом, которые помещают их под груз, чтобы выжать масло. Кое-кто считает семена хлопчатника полезной для здоровья пищей. Иногда их варят и едят. Семена хлопчатника очень ценят женщины хрупкого здоровья, так как они предположительно укрепляют ослабленный женский организм, но особенно полезны для почек. Стебли растения не выбрасывают, поскольку бережливые китайцы считают их отличным горючим.

После продажи и до прядения нитей хлопок отсылают в заведения, где его раскладывают на полу, разрыхляют и очищают инструментом, который называется ди-гун, или земляной лук. Затем изготавливают хлопковую пряжу при помощи обычной прялки, которая есть в каждом деревенском доме. За ткацкими станками, куда поступает готовая пряжа, работают и женщины и мужчины. Во всех уездах, где изготавливают хлопок, весьма распространен ткацкий промысел. Там делают желтоватую ткань, которую называют нанкинкой или чаще — нанкой; она очень ноская. Своим названием она обязана тому факту, что впервые была изготовлена в Нанкине. Во время пребывания в этом городе я узнал, что ее ткют из хлопка, произрастающего в окрестностях. В то время эти земли несколько лет оставались невозделанными из-за серьезной нехватки рабочих, многие из которых были убиты или попали в плен во время известного Тайпинского восстания. Много такой ткани, кроме того, производится в провинции Цзянсу. Я обнаружил, что много ткачей, работающих с хлопком, в Ханькоу (это большой город в провинции Хубэй). В нескольких лавках я видел прилежно работающих ткачей, которые изготавливали материал для подкладки зимней одежды китайцев. Растянутый на ткацком станке материал был похож на грубую ткань для полотенец, но после того, как его сняли, почистили щеткой и как следует встряхнули, на поверхности появился плотный ворс, что придало ткани вид белого меха. В Ханькоу и в Нанкине я видел многих ткачей за изготовлением плиса. Эта ткань была темно-синей, очень мягкой, ровной на ощупь и, по всей видимости, весьма прочной. Больше всего в этих ткацких лавках меня удивила машина для разматывания шелковых нитей с катушек. Нити по мере сматывания пропускали через воду, чтобы они сделались мягкими и податливыми.



Красильня

Красильни, куда ткачи отсылают хлопковые ткани, по крайней мере в перечисленных мной местностях, состоят из одной большой комнаты, где расставлено несколько баков. Как правило, пользуются красителем индиго, настой которого получают, смешав краску с водой, куда добавлены вино и немного извести из раковин моллюсков. Эти ингредиенты смешивают в следующей пропорции: один пиколь индиго, три цзиня вина и немного извести на тринадцать пикелей воды. В этом растворе ткань замачивают на полчаса, затем вынимают, отжимают и высушивают на солнце. Каждую ее штуку подвергают этой процедуре не меньше одиннадцати раз. После этого материал переходит в руки рабочего, который расстилат его на солнце и смачивает набранной в рот водой, извергая (пользуемся выражением лорда Джеффри) ее на ткань. Когда материал достаточно пролежал на солнце, его отдают лошильщику (в каждой красильне есть два или три таких рабочих). Китайский способ лощения очень груб и прост. Деревянный валик, вокруг которого обернут материал, располагается на прямоугольной доске площадью около трех футов, прикрепленной к полу. На валик кладут большой камень, стоящий на нем рабочий приводит его в движение ногами, отчего ткань становится блестящей и глянцевиной. Как кажется, в Китае это общепринятый способ лощения ткани. Я заметил, что в Нанкине, У си и в других городах на берегах Великого канала использующиеся для лощения камни гораздо тяжелее, чем в Кантоне, но в северных городах лошильщики не так искусны, как в Кантоне.



Лощение

Для окраски тканей часто используют также берлинскую лазурь. Одно время китайцы ввозили немало этой краски, но согласно Мак-Куллоху^{128}, некий китайский моряк, будучи в Англии, выяснил, каким образом ее производят, и привез эти сведения домой; тогда импорт берлинской лазури прекратился. В Фатшане, или Фошане, я посетил несколько больших факторий, где производили берлинскую лазурь. Насколько мне известно, на холмах Чжаоцинского хребта, у западного рукава Жемчужной реки, есть специальные водяные колеса: они приводят в движение песты, измельчающие краску в порошок.

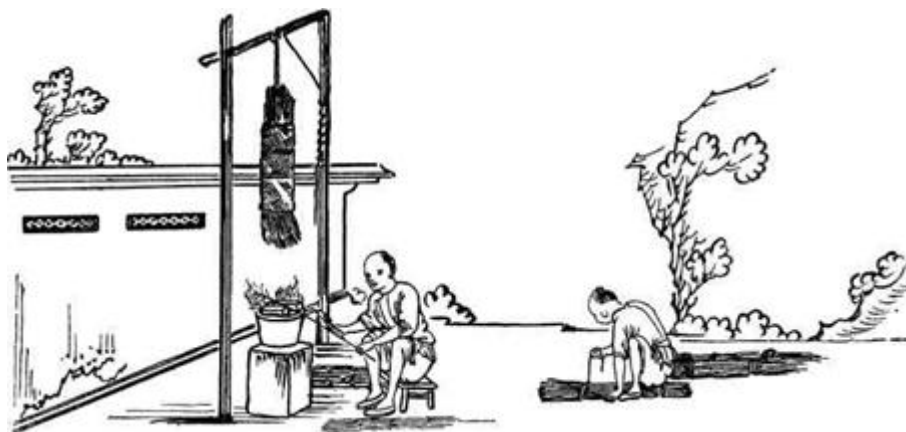
Другое достойное внимания среди сельскохозяйственной продукции Китая растение — это кассия, или дикая корица; дерево относится к лавровым. Коричные сады расположены в провинциях Гуанси и Юньнань. В естественном состоянии деревья часто достигают сорока футов в высоту и редко бывают меньше чем полтора фута диаметром. Большие стволы часто срубают, так как лучшую корицу добывают из молодых ростков у корней. Им не дают вырасти больше чем на девять-десять футов. Образовавшиеся таким образом кусты состоят из пяти-шести побегов. Они покрыты листвой, которая сначала бывает красновато-желтой, а потом становится зеленой. В январе кассия покрывается белыми цветами, и для поддержания постоянного запаса растений сажают семена, а также пересаживают саженцы, между которыми оставляют расстояние в три или четыре фута и обрезают на определенной высоте от земли так, что они никогда не могут достигнуть обычного для них в естественном состоянии размера. Через два года с них можно собирать кору. В дальнейшем ее снимают дважды в год, в конце первого и последнего дождливых сезонов. Говорят, что этот процесс, при котором пользуются специальными ножами, облегчают тропические ливни. Снятую кору на пару дней помещают на солнце для ферментации. Затем обдирают эпидермис, или кожицу. После этого кора постепенно высыхает и сворачивается в трубочку. Обломанные пруты и ветки кассии используют для извлечения масла, которому китайцы приписывают целебные свойства. Кассию в больших количествах покупают в Кантоне иностранные купцы, которые вывозят ее чаще всего в немецкие порты. Кроме того, ее используют сами китайцы в кулинарных и других целях. Самый большой и процветающий кантонский хан, или магазин, где торгуют кассией, — чжоусинский.



Изготовление циновок

Я заметил, что по всей империи, включая Внутреннюю Монголию с Формозой, табак выращивают в таком количестве, что его достаточно для самого расточительного потребления. Поскольку для выращивания табака нужна достаточно высокая температура воздуха, конечно, лучше он растет в провинциях, расположенных ближе к тропикам. Много табака выращивают в Гуандуне. Весьма обширны плантации в Цзянмэне уезда Синьхуэй. Но лучший в Гуандуне табак растет в области Наньсюн. Для этой культуры нужна очень плодородная земля, и поля, на которых он растет, не должны подвергаться риску затопления. Чтобы

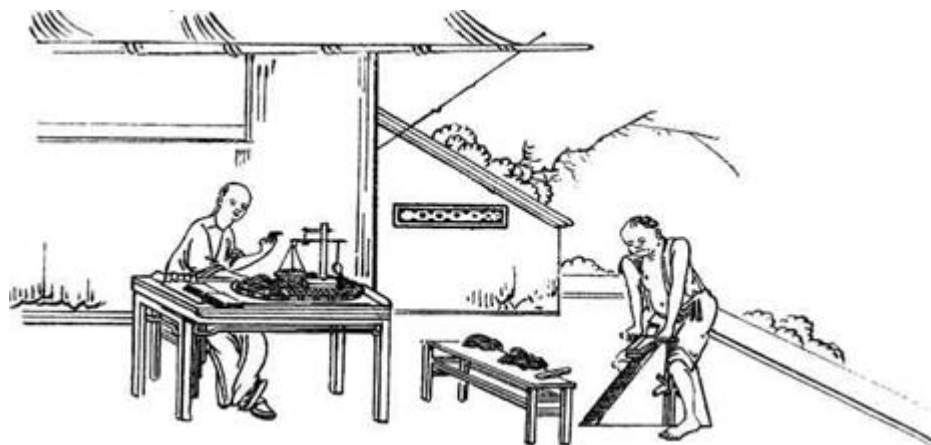
ускорить его рост, землю следует глубоко разрыхлить и как следует удобрить бобовым или гороховым жмыхом. Это удобрение, которое, как мы видели, широко используется китайцами, предпочитающими его лошадиному и коровьему навозу, поскольку последний может сообщать листьям растения неприятный запах. Семена сажают весной в подготовленные для посева грядки. В провинциях, где в этот сезон ночи холодные, грядки покрывают соломой или циновками. Поля, на которые пересаживают растения, покрыты рядами вспаханной земли по два фута шириной. Борозды между этими рядами имеют лишь несколько дюймов ширины. Растения аккуратно выкапывают из грядок небольшими лопатами, стараясь не стряхнуть землю с корней. Затем их помещают в подготовленные в рядах вспаханной земли ямки на расстоянии шестнадцати дюймов одно от другого. Во время роста много внимания уделяют прополке, поскольку сорняки могут серьезно препятствовать обилию всходов. Землю между растениями часто рыхлят, что весьма ускоряет их рост. Когда листья достигают определенной величины, необходимо оборвать нижние, чтобы верхние стали крупнее. Ствол достигает четырех-восьми футов в высоту с десятью или двенадцатью большими мясистыми листьями. Осенью они принимают бледно-зеленый цвет с желтоватым оттенком. Это верный показатель того, что растения созрели. Их немедленно убирают. Табак срезают очень близко от земли. Потом его на несколько часов оставляют лежать и сушиться там же, при этом большое внимание уделяется убыстрению процесса посредством частого переворачивания растений. Ночная роса крайне вредна для урожая, поэтому его убирают в амбар до того, как наступит вечер. Здесь срезанные стебли с листьями сваливают в кучи для брожения. Через четыре дня считают, что эта стадия – брожения или ферментации – закончилась. Стебли с листьями подвешивают для сушки в светлых просторных помещениях. Когда они совершенно высыхают, их складывают в груды на решетчатых подносах и накрывают циновками, чтобы они снова выделяли влагу. Груды табака в это время часто осматривают, чтобы определить, не стала ли температура здесь выше допустимой. Когда ферментация завершается, листья снимают со стеблей, связывают в пучки и отвозят продавать на рынок.



Изготовление черенков для курительных трубок

Купив несколько таких пучков, табачник отвозит их к себе в мануфактуру. Здесь прежде всего со стеблей удаляют листья. Этим занимаются женщины, девочки и мальчики. Затем листья относят в другое помещение, где их режут на куски и рассыпают по деревянному помосту, который вполне можно сравнить с английским гумном. Нарезанные листья топчут ногами мужчины, часто сбрызгивая их маслом. Если хозяин мануфактуры хочет придать табаку красноватый цвет, листья посыпают порошком под названием хун-дань, или чи-ши, то есть Красный камень. После этих процедур листья собирают и делят на порции, которые укладывают между досками, и убирают в большой пресс, где табак сжимают самое большее до одной трети его первоначального объема. Рядом с прессом находится бадья, куда выли-

ваются масло, обильно выделяющееся под большим давлением. Чтобы лишить листья эластичности, их на несколько часов оставляют в прессе. В конечном счете из пресса достают большие жесткие брикеты. Их отправляют в помещение для резки и раздают рабочим. Они пользуются рубанком, какой плотники используют для обработки деревянных поверхностей. Резчик табака работает наклонясь. Он ставит брикет между коленями и строгает его на кусочки. Другие рабочие кладут получившиеся кучи табака на столы и заворачивают их в бумагу, изготавливая пачки разного веса, как это делается в Англии с махоркой. При каждой мануфактуре есть магазин, где продают в розницу немало такой табачной стружки. В провинциях Шаньдун и Ганьсу табак не режут, а приготавливают в форме брикетов, потом в больших количествах привозят в Кантон, где его охотно раскупают. Кантонцы всегда пользуются кальяном при курении такого табака, так как его дым необходимо очищать, пропуская через воду.



Строгание табака

Надо упомянуть также о другой разновидности пакования табака – это так называемая «косичка», веревка такой же длины и толщины, как косы китайцев. С изготовлением «косичек» управляет один рабочий. Этот процесс действительно похож на плетение кос, но мне кажется, что «косички» делают не сами китайцы, а аборигены, населяющие горные кручи Формозы. Китайцы приготавливают также табак на продажу в виде сигарет, которые продаются дешево – по цене от трех до одного медяка за штуку. Их делают вручную. Сигарета – это немного резаного табака, завернутого в узкую полоску белой бумаги.

По всей вероятности, семена табака завезли в Китай португальцы или испанцы в XVI столетии, после чего это растение вскоре стали выращивать повсюду. В 1641 году Чунчжэнь, тогдашний император, велел всем своим маньчжурским подданным отказаться от его употребления. Поскольку подавляющее большинство китайцев и китайцев любого общественного положения курят, и даже у девочек восьми-девяти лет существует мода прикреплять к платью шелковый кошелек или кармашек для трубки и табака, который они носят с удовольствием, даже если еще и не умеют курить, приходится признать, что нападки на табак этого государя и некоторых его преемников оказались не особенно действенными. Интересно, что за несколько лет до эдикта Чун-чжэня английский король Иаков I тоже пытался противодействовать приверженности к табаку в нашей собственной стране посредством знаменитого указа «Против курения». Чтобы показать быстрое распространение этой привычки в то время, можно процитировать документ, предоставлявший соответствующие полномочия государственному казначею. Его величество замечает: «Табак – недавно найденное снадобье. Его привозили из чужих краев в малых количествах, и лучшие люди использовали его и тогда, и теперь лишь в качестве лекарства для сохранения здоровья, но ныне люди низкого

общественного положения расточают свое жалованье и время, куря табак, к великому вреду для самих себя и для всех».



Китайские трубки

В Китае трубки делают из металла, тростника, кости и разных видов древесины. Они имеют самый разный вид. Самая своеобразная с виду трубка – это кальян, о котором я уже упоминал. Пожилые и немощные люди пользуются длинными трубками, чтобы иметь возможность опираться на них при ходьбе.

Рассказ о табаке в Китае мы начали с зеленых полей, где он растет. Мы видели и первые всходы этого растения, и его употребление в качестве наркотического средства в трубке курильщика. И перед завершением этой главы мы снова должны вернуться в обширные поля тростника на берегах Янцзы. Проезжая через Чаю, или Цзяю, провинция Хубэй, я увидел, как тростник везли в усадьбы на запряженных буйволами телегах, двухколесных и четырехколесных. Насколько мне удалось выяснить, благосостояние этой области во многом было обязано именно этому источнику. Посетив укрепленный город Цзянпу неподалеку от Нанкина, я прошел через несколько акров тростниковых полей и нашел, что они образовывали отличный покров для свинных оленей (*Cervus porcinus*); часто мои шаги вспугивали пеликанов, диких гусей и уток. Крестьяне жнут тростник осенью, отвозят на ближайшие рынки и продают для разных целей. Это отличный материал для лодочных навесов. Его в большом количестве покупают изготовители лодок и кораблей. Кроме того, тростник широко используется при строительстве деревенских домов и бараков: из него делают и внешние, и внутренние стены, которым сообщают непроницаемость от ветра и дождя, нанося на них толстый слой глины. Из метелок тростника китайцы делают обувь, очень удобную в холодную погоду. В некоторых районах тростник часто используется как горючее. Одним из самых процветающих тростниковых рынков, посещенных мной, было торжище у западных ворот Нанкина.

Глава 24

Сельское хозяйство – животноводство

До сих пор я, описывая сельское хозяйство в Китае, уделял внимание лишь возделыванию земли и разнообразию культур, которые выращивают крестьяне. В этой главе с некоторыми отступлениями, которые, надеюсь, будут небезынтересны для читателя, я подробно расскажу о разновидностях домашнего скота, встречающихся в китайских крестьянских хозяйствах, и способы обращения с этими животными – больными и здоровыми.

На просторах равнин южных и центральных провинций привычное зрелище – пасущиеся буйволы. Это животное, которое натуралисты называют *Bos bubalus*, в высшей степени полезно китайским крестьянам, будучи в состоянии долго, напряженно и эффективно работать в упряжке. Такой буйвол темного цвета, с редкой и жесткой шерстью. Его длинные рога обращены назад, причем почти доходят до шеи и, сужаясь, закручиваются кверху. Сложение буйвола выдает большую физическую силу. Он отличается сильным характером и большой храбростью. Действительно, в Индии одна из забав туземных принцев – состязание между обученным буйволом и тигром, и, как говорят, победителем в сражении обычно бывает буйвол. Но дикий индийский буйвол арни – животное гораздо больших размеров, чем одомашненный буйвол китайского крестьянина. На самом деле породы буйволов, обитающих в разных частях Азии, настолько несхожи, что натуралистам пришлось признать существование нескольких их видов. Что касается породы буйволов, выращиваемой китайцами, то я обнаруживал значительное несходство между ее представителями. При этом физическая сила и размеры, которых они достигают, в значительной степени зависят от того, как их растят. Буйвол, получающий обильное питание, может стать прекрасным животным около шести футов в холке и примерно десять футов от носа до основания хвоста. Самый большой буйвол, виденный мной за долгое время пребывания в Китае, пасся на Золотом острове озера Дунтин в провинции Хунань. Во всем облике этого животного чувствуется что-то вероломное. Кажется, с особенным подозрением оно относится к европейцам: буйволы исподтишка бросают на иностранцев быстрые взгляды и иногда даже совершенно неожиданно нападают на них. Поскольку эти животные очень любят купаться, китайцы называют их шуй-ню, или водяная корова. Величайшее удовольствие для буйвола – погрузиться в глубокий пруд, затененный раскидистыми ветвями баньяна. Когда его согнутые рога видны над поверхностью воды, а могучее тело скрыто полностью, видны лишь глаза, иногда сонно закрытые, и ноздри; в такие минуты он, по-видимому, испытывает самое глубокое наслаждение. Мясо буйвола очень грубо, и обычно для еды его покупают бедняки.

Як, или хрюкающий бык, не используется в крестьянском хозяйстве, но о нем следует упомянуть как о вьючном животном. Его родина – горы, отделяющие труднодоступный Тибетский край от Бутана. Таким названием он обязан необычному голосу, которым выражает свои чувства, и особенно свое отношение к чересчур тяжкому грузу: як громко, заунывно, однообразно и продолжительно хрюкает. Как правило, эти животные бывают черными, но шерсть (особенно у более красивых пород), обильно растущая на лбу, шее, груди, горбу и хвосте, совершенно белая и очень длинная, особенно на хвосте, так что французы называют это животное *Buffle queue de cheval*^{129}. Хвост доходит до земли и превращается в настоящий колтун от грязи, когда дороги раскисают. Поскольку он изобилует тонкими шелковистыми волосами, то очень ценится у маньчжуров и китайцев. Окрашенные в красный хвостовые волосы яка они используют для кисточек, которые прикрепляют к макушке летних шляп или шапочек. Кроме того, такими кисточками украшают знамена и щиты. Красная кисточка из хвостовых волос яка на рукоятке служит опахалом, которым отгоняют моски-

тов и других насекомых, которых огромное множество в восточных странах. У турок эта кисточка на острие копья представляет собой одну из эмблем достоинства паши. Маньчжуры приручили яка, который дает много молока. Оно полезно и питательно. По-видимому, это животное не особенно подходит для упряжки, и поэтому его, по крайней мере в Китае, не запрягают, но часто используют как вьючных животных. К счастью, якам несложно преодолевать крутые и труднопроходимые дороги, поскольку они очень твердо держатся на ногах.

Хотя на равнинах южных провинций можно видеть стада пасущихся буйволов, в этих краях редко встречается радующее взор и обычное для Англии зрелище молочных коров на зеленых пастбищах. На юге Китая едва ли найдутся скотоводческие крестьянские хозяйства. Молочной коровой южно-китайского крестьянина, несмотря на то что он использует ее в упряжке, можно назвать корову горбатую, или зебровую. По размерам она схожа с самыми мелкими породами Северной Шотландии или острова Скай. Горб, или жировой нарост на холке, невелик, хотя иногда и может весить десять цзиней. Можно подумать, что этот горб и обвислый низкий подгрудок зебровой коровы придают ей неуклюжий и тяжеловесный вид, но компактность тела (особенно части за холкой), очертания ног и изящество головы делают ее весьма пропорционально сложенным животным. Обычно представители этой породы бывают желтого цвета, хотя встречается немало и черных. Рога загнуты назад, они короткие и закругляющиеся книзу, желтые у основания и белые у кончика. Эта порода непритязательна в еде, а мясо ее очень вкусно, но питаются им только иностранцы, живущие в Китае: самим китайцам государственные законы категорически запрещают убой животных, которые приносят такую пользу при возделывании земли. Человек, убивший тягловую корову или быка, подлежит наказанию: сто ударов палками и заключение в кашу или ношение шейной колодки в течение двух месяцев, если это первое преступление, и сотня ударов и пожизненная ссылка за пределы провинции за повторное преступление.

Здесь я позволю себе краткое отступление, чтобы рассказать об использовании молока в южных провинциях, сначала остановлюсь именно на провинции Гуандун. Здесь не пьют свежего молока, но было бы большой ошибкой предполагать, что местные жители вообще его не употребляют, – напротив, они высоко ценят кислое молоко этих коров, а также жирное молоко буйволиц. Вечерами и ночами, чаще всего в летний зной, они лакомятся кислым молоком с сахаром и уксусом, которое готовят у себя дома или в ресторанах под названием ню-най-пу, или буфеты коровьего молока. Многие полагают, что молоко, которым Авраам угостил ангелов в дубраве Мамре и которое Иаиль дала Сисаре, было приготовлено именно таким способом.

Хотя гуандунцы не пьют свежего коровьего молока, многие без колебания лакомятся женским молоком – это немощные пожилые мужчины и женщины, для поддержания здоровья которых недостаточно обычной диеты. В весьма популярной китайской книге, где перечислены двадцать четыре замечательных примера проявления сыновней почтительности, мы читаем о преданности некой дамы из семьи Тан своей свекрови (женщине дряхлой и беззубой): она недодавала своему ребенку необходимую пищу, чтобы в ее груди осталось еще немного молока для старушки. В этой книге есть иллюстрации, и одна из них как раз представляет старуху, сосущую грудь своей невестки. Мне приходилось видеть такие изображения и на фарфоровых чашках. Ученый врач и один из величайших филантропов, когда-либо живших в городе Кантоне, доктор Хобсон в одном из своих медицинских миссионерских докладов пишет: «Младенца, всего нескольких месяцев от роду передали китайской кормилице, поскольку мать оказалась не в состоянии продолжить кормление грудью. Поскольку с деньгами трудностей не было, для этой цели выбрали женщину, у которой было больше всего молока. В течение нескольких дней ребенок, казалось, чувствовал себя вполне хорошо. Но вскоре у него начались головные боли. Поскольку один ребенок год назад уже страдал от подобных симптомов, а впоследствии умер, родители забеспокоились. Они попросили меня

зайти осмотреть больного. Я увидел на коленях у друга это дитя почти без чувств. У него были симптомы ложной водянки, так ясно описанные доктором Маршаллом Холлом и доктором Уотсоном. Я осмотрел кормилицу – молодую женщину цветущего вида. Ее грудь была полна молока, так что оно чуть не брызгало наружу. Я налил немного ее молока в чашку для осмотра. Оно было бледным и водянистым. Я начал разузнавать о причинах этого и обнаружил, что женщина имела обыкновение продавать чашечки со своим молоком старикам, убежденным в его высокой питательности, поэтому, несмотря на то что молока у кормилицы было в избытке, его качество скоро ухудшилось, и, вместо того чтобы питать ребенка, оно фактически отравляло его. Дитя просто погибало от истощения. Я посоветовал немедленно сменить кормилицу. К счастью, за несколько часов удалось найти подходящую женщину. Через два или три дня я уже видел, как ребенок смеялся и играл на диване рядом с новой кормилицей».

На севере Китая и особенно в Монголии с ее обширными пастбищами множество молочных коров. Пересекая безбрежные холмистые долины Внутренней Монголии в 1865 году, я видел несколько очень больших стад рогатого скота. На всех монгольских стойбищах можно было в изобилии найти свежего молока. Этот народ по большей части ведет пастушеский образ жизни и, как отцы – патриархи Израиля, живет в шатрах. По всей вероятности, шатры, о которых неоднократно упоминается в Пятикнижии Моисея, были очень похожи на те, в которых ныне обитают монголы. Первое упоминание о шатрах в Пятикнижии относится еще к допотопным временам. В Книге Бытия (4: 20) говорится, что Иавал «был отец живущих в шатрах со стадами». Из подробного рассказа об изготовлении скинии (Исх., 26: 14–37) мы можем заключить, что в древности их обычно покрывали шкурами животных. И в наши дни на равнинах Монголии можно видеть крытые шкурами шатры, само же сооружение, как правило, делают из тика. Они устроены примерно как те, которые я видел в Аравии, в Адене, то есть двенадцати-пятнадцати футов в высоту и продолговатой формы. Шатер крепится на шестах, количество которых зависит от его размера. Как патриархи, которые разбивали шатры рядом с источниками, монголы устраивают лагерь у рек или заводей, каждый имеет форму круга. Монголы отдыхают, сидя на корточках. В холодную погоду они устраиваются у костра, который, как правило, разводят в центре шатра, на верхушке которого проделано широкое отверстие для дыма (тяги). Вокруг каждого лагеря расположены белые флажки, на которых тибетскими письменами начертаны молитвы, которые якобы хранят от разных бедствий. Иногда я видел, как перед домашними идолами подвешивали белые носовые платки. Платки эти называются «хадаками»; они некогда благословлены самим Буддой или знаменитыми ламами. Считается, что хадаки обладают большой силой. Они, как полагают, сообщают искренность и придают действенность молитвам семьи и склоняют идола внимательно выслушивать их. Кроме того, эти носовые платки дарят самым близким друзьям.

Крупный рогатый скот в северных провинциях Китая и в Монголии очень похож на породу коров с рогами средних размеров, каких выращивают в Девоншире и в Йоркшире. Китайские коровы рыжего цвета и подходят для работы в поле, поскольку их шея имеет будто бы специально приспособленную для ярма форму. Коровы ценятся также за свое молоко, и здесь его пьют свежим. Это обычно для людей, у которых много скота. Кроме того, из молока готовят масло и сыр. Быки или волы в упряжке просто бесценны: они не только спокойны и энергичны, но и проявляют большую выносливость. Между Пекином и Лама-мяо мне встретилось по самым скромным подсчетам три-четыре тысячи повозок, запряженных волами. Они были гружены содой и другими товарами, которые странствующие торговцы намеревались продать на рынках Северного Китая. Не меньше было таких повозок и на пути из Лама-мяо к Гу-бэй-коу.

Перед тем как продолжить рассказ, я кратко остановлюсь на кормлении скота китайскими крестьянами и приведу один-два рецепта китайских ветеринаров, лечащих больных коров. Задача пастуха не только давать скоту хорошую траву, но и регулярно менять воду в течение дня. В зимние месяцы, когда травы недостаточно, основная пища коров – это мелко нарезанная и смешанная с бобами или горохом, рисовой шелухой солома, к которой добавлено немного воды. Кроме того, пастух старается обеспечить удобное стойло. Подстилка для коров состоит из рисовой, пшеничной или ячменной соломы. Пастух должен встряхивать ее ежедневно и менять каждые десять дней.

Китайские крестьяне и животноводы искушены в лечении болезней крупного рогатого скота. Если полагают, что корова больна, во многих частях империи к ее рогам обычно привязывают колокольчик, и особенно часто на ночь, чтобы можно было определить, когда она захочет снова приняться за жвачку. Когда скот страдает от какой-нибудь из простых болезней, прописывают микстуру, которая состоит из пяти цзяней ревеня и пяти цзяней горькой соли, растворенных в чашке воды. Микстуру вливают в горло корове с помощью бамбуковой трубки, по-видимому, без всякого труда. Когда речь идет о ящуре, хозяин жжет благовоения с едким дымом и сильным запахом у каждого стойла, чтобы предотвратить эпидемию. Когда животные отказываются пастись, прописывают микстуру, состоящую из четырех лянов нин-му-сян и одного цзиня гуань-янь. Эти средства смешивают в чистой воде и кипятят. Если у коров появляются вши, пастух лечит их притиранием, основные ингредиенты которого – растительное масло и кабанье сало. При чесотке животных растирают мазью из черного гороха. При кровотечениях дают соленую воду; если это не действует, прописывают тан-нзюй и хун-хуа. Эти лекарства варят на медленном огне, предварительно смешав с двумя цзинями китайского вина. При офтальмии крестьяне регулярно и обильно промывают глаза корове соленой водой. Если животное становится бодливым, предполагают, что у нее воспалился желчный пузырь; соответственно рекомендуют давать лекарство, которое состоит из смеси ревеня (пять цзяней), вина (один цзинь) и куриного яйца. Необходимо отучить корову от бодливости, так как, если какая-нибудь из них насмерть забодает кого-то, закон будет крайне суров к хозяину. После смерти коровы, согласно обычаю, посылают за тремя-четырьмя даосами, чтобы те изгнали дух мертвого животного.

Прежде чем перейти к другой теме, я упомяну об очень любопытном обычае, распространенном во многих частях империи. Многие крестьяне и животноводы держат в загонах обезьяну, веря, что ее присутствие охранит скот от любых болезней.

Волынь шкуры китайцы выделывают следующим образом: погружают в баки с водой, селитрой и известью. Через тридцать дней вынимают, соскабливают шерсть и промывают ключевой водой. Затем каждую шкуру делят на три полосы или куски и обрезают по краям, а после этого – коптят, протавив несколько раз над дымящей печью. Потом расстилают на плоской доске и закрепляют гвоздями, пока не просохнут как следует на солнце. Когда почерневшей от дыма коже нужно придать желтый цвет, ее мажут красителем – водой, настоянной на плодах дерева хуан-чжи. Из обрезков шкур делают клей, проварив их двенадцать часов на медленном огне в кастрюлях. Затем клей выливают в грубые глиняные горшки, где он остается на три дня до застывания, после этого режут на бруски острыми ножами, аккуратно раскладывают на решетчатых подносах и оставляют сушиться на полках под навесом. Время сушки этих брусков зависит от времени года. Если дует северо-западный муссон, клей высыхает всего за пять дней; во время юго-западного муссона, оказывается, необходимо сорок или пятьдесят дней. Осадок в кастрюлях, где варился клей, и удаленную со шкур шерсть продают земледельцам в качестве удобрения.

В расположенной неподалеку от Кантона деревне Байша, или Пакша, находится большая кожевенная фактория, которую интересно посетить.

Мои слова о том, что на юге редко можно увидеть стада крупного рогатого скота, с той же степенью справедливости можно повторить об отарах овец, которые в этих местах действительно встречаются нечасто. Но на севере Китая и в Монголии овечьих отар очень много. Китайские овцы принадлежат к широкохвостой породе. Обычно они белого цвета, а иногда бело-черные. Шерсть ягнят курчавится и из-за этого настолько ценится, что хозяин отары иногда режет суягных овец ради шкуры неродившегося ягненка, которая еще более курчава и стоит дорого.

В восьмом лунном месяце, который соответствует нашему октябрю, начинается сезон спаривания. В это время каждому барану отводят десять овец. Предпочтение отдается безрогим баранам. Во втором лунном месяце, который соответствует нашему марту, приближается сезон, когда овцы ягнятся, и бдительность пастуха многократно возрастает. Монгольские овчары нередко на это время запирают ярок в загоны. Часто они также смотрят, чтобы стадо питалось не только подножным кормом, но и сеном. Хотя обычно овцы начинают ягниться в марте, многие ягнята рождаются раньше, в конце двенадцатого месяца, что соответствует нашему январю. Считается, что ягнята, родившиеся в первом лунном месяце (наш февраль), станут самыми большими и красивыми в отаре овцами. Овчары ссылаются прежде всего на то, что в этом месяце сосцы ярка содержат больше всего молока, а также на то, что к тому времени, как придет пора отлучения ягненка от материнского молока, как раз будет очень много травы.

Стригут овец в июне. В Китае, насколько я мог заметить, нет обычая мыть овцу в ручье перед стрижкой, который существует у нас, но шерсть, состриженную со спины овцы, тщательно промывают. Для этого ее кладут в большие корзины из ивовых прутьев, расставленные вдоль мелкого ручья или речки. Стоящие в корзинах мужчины промывают шерсть, топчя ее ногами. Овечья шерсть находит широкое применение у китайцев, которые ценят ее гораздо больше баранины.

На юге Китая пользуются очень простым способом стрижки овец, похожим на английский, но монголы вместо этого применяют метод, сопряженный с большими страданиями животного. Овце связывают ноги и выдергивают у нее шерсть с помощью железного инструмента в форме человеческой кисти. Во время одной подобной стрижки, если ее можно так назвать, я рискнул указать монгольским пастухам на жестокость их действий. Пастухи пытались оправдаться тем, что их способ практичнее стрижки, поскольку они собирают только зрелую шерсть. Очевидно, овца испытывает сильную боль. Животные непрерывно так жалобно блеяли, что я не смог больше смотреть на это.



Мытье шерсти

Уходя, я не смог удержаться от мысли о том, как мало это похоже на то, что говорится в Библии о пророке Исаи: «Как агнец пред стриженным его безгласен».

В таких местах, как север Китая и Монголия, для защиты от диких зверей нужны большие и хорошо защищенные овчарни. В зимние месяцы с их суровыми холодами совершенно необходимо, чтобы овцы ночью находились под крышей, поэтому овчарня обычно пристроена к крестьянскому дому. Чтобы было проще присматривать за животными по ночам, часто в стене, отделяющей жилой дом от овчарни, проделывают дверной проем или окошко. Полы овчарен обычно покрыты досками с отверстиями, чтобы животные оставались сухими, а загон – чистым. Дважды в день там тщательно подметаю.

Весной и летом пастухи рано поутру ведут стада на выгон, но осенью и зимой это считается необязательным. Я сказал «ведут», поскольку в Китае, как некогда и в Иудее, овцы привыкли следовать за пастухами, которые идут впереди, для англичанина, который не видел ничего подобного в своей стране, но знал с юных лет, что такое бывает, для которого, быть может, это знание связано со многими дорогими воспоминаниями о том, как его наставляла в Законе Божьем матушка, – так вот, для него зрелище овец, кротко следующих за пастырем, представляет особенный интерес. Кажется, в Греции и Риме в древние времена это не было в обычае, поскольку ни в прозе, ни в стихах нет никаких свидетельств тому, что овцы там были обучены следовать за пастухами и их не надо было гнать на выпас. Кажется, эта разница в обычаях характерна для пастухов европейских и азиатских стран как в древности, так и сейчас. Несомненно, еще в стародавние времена овец приучали следовать за пастухами: в книге Исход (3: 1) мы читаем, что Моисей «провел стадо далеко в пустыню», а в Псалтири (76: 21) – «Как стадо, вел Ты народ Твой рукою Моисея и Аарона».

Поскольку овца – самое кроткое из всех животных, китайцы утверждают, что лучшие пастухи – люди тоже кроткие, притом старше среднего возраста. Овцам очень вредно, когда их ведут вперед неделикатно, а китайцы говорят, что именно этот промах склонны допускать молодые и неопытные пастухи.

Дикие звери, от нападений которых следует защищать стадо, – это волки, пантеры, лисы и барсуки. Особенно опасны волки, неторопливо крадущиеся по долинам Монголии. Раз во время путешествия по этим долинам нашу дорогу пересек большой волк; у которого был такой беспечный вид, что я вообще сначала решил, что это собака из соседнего стойбища. Но когда он приблизился к поселению, из одного шатра выбежали несколько монголов и подняли тревогу, начав кричать. Двое или трое мужчин, привлеченных из соседнего шатра шумом, немедленно вскочили в седло и с собаками пустились в погоню за хищником. Один из моих спутников последовал на одной из верховых лошадей, которые всегда были с нами, их примеру. Теперь волку «угрожала опасность», то есть он был в том состоянии, в котором, по Тачстоуну, бывает пастух. Если победа должна была достаться большинству, то в этом отношении он плачевно проигрывал. Если победу должна была обеспечить более верная стратегия, то преследователи: мужчины, лошади и собаки – явно считали, что, поддавшись желанию заполучить парочку заблудших овечек, волк совершил серьезный стратегический просчет. Однако хитрый старый разбойник, первоначальные неторопливые действия которого, вероятно, проистекали из опыта и знания собственных возможностей, тщательно спланировал свое отступление и благополучно достиг склонов ближайшей горы, где дальнейшее преследование было бесполезно. На следующее утро я увидел другого волка, резвящегося на солнце, который недвусмысленно выказывал довольство жизнью, и было ясно, что он недавно плотно позавтракал. Во время моего ночлега в июне 1865 года на постоялом дворе несколькими милями севернее от перехода через Великую стену под названием Гу-бэй-коу случилось так, что в ночной тиши волк прокрался в свинарник, прилежавший к комнате, где я спал, и утащил целых девять поросят. Обитатели постоялого двора были разбужены воплями ужаса, леденящими кровь, и свинья, вырвавшись из хлева, в неистовстве бросилась бежать по двору в сопровождении оставшихся поросят, совершенно сбитых с толку. Чтобы обезопасить загон от таких нападений, жители этих краев ставят в каждом пугало и рисуют

вокруг ограды большое белое кольцо. Не без основания полагают, что волки с подозрением относятся к таким белым кругам и убегают, решив, что это ловушка. Известно, что наличие любого незнакомого объекта удерживает этих хищников от нападения. Не раз это и спасало путешественников.

Одна из самых неприятных болезней овец в Азии, как и в Европе, — это чесотка. Чаще ею болевают летом. Больные овцы мучаются от зуда, чешутся копытами или трутся боками о стены и двери овчарни. Причина этого недуга — маленькое насекомое. Китайцы пытаются уничтожить его, ежедневно обмывая овец рисовым отваром, в котором несколько дней настаивались корни высокой травы, растущей по берегам рек и ручьев. От нее вода становится очень кислой. Если овцы болевают офтальмией, что в Китае тоже бывает нередко, применяют то же лечение, что и для крупного рогатого скота, то есть промывают глаза соленой водой. Когда овцы болеют ящуром, или выделением слизи из ноздрей и глаз, пастух обмывает пораженные органы чистой водой и прикладывает к ним ветошь, намоченную в соленой воде. Чтобы у овец не было заболеваний ног, хозяева стараются не пасти их на хоть сколько-нибудь болотистой земле. Кроме того, они не дают овцам вареной пищи, будучи уверены, что результатом этого было бы «копытце», или болезненное вздутие брюха. Чтобы вылечить эту болезнь, пастух натирает язык овцы солью. В Китае владельцы овец отлично знают, что одна больная овца заражает все стадо, поэтому они тщательно изолируют заболевшее животное, пока оно не выздоровеет полностью. Чтобы предотвратить паралич, который, как правило, бывает следствием мозгового давления и нередко у овец, применяют совершенно смехотворное средство. С потолка овчарни свешивают сосуд из пористого материала с соленой водой и ядовитыми змеями. Сосуд, из которого сочится жидкость, висит лишь в нескольких футах над землей, и овцы, облизывая его стенки, проглатывают состав, который якобы служит профилактике паралича. В случае угрозы эпидемии по меньшей мере в некоторых частях империи крестьяне имеют обыкновение прибегать к услугам обезьяны, поскольку, как я уже писал раньше, ее присутствию среди скота китайцы приписывают сверхъестественные свойства. Чтобы обезьяна находилась в лучшем положении для оказания своего благоприятного влияния, ее привязывают к верхушке высокого шеста, установленного в центре загона.

В гостиницах Северного Китая и Монголии табльдот^{130} никогда не обходится без лакомых кусков баранины, что неудивительно, — ведь цена овцы в этих краях в среднем составляет один-два доллара. Но на юге Китая овцы очень дороги, поскольку там они редки. Иногда баранину солят точно так же, как бекон. Я нередко видел законсервированную таким образом баранину на борту больших джонок, на которых вели торговлю между Тяньцзинем и Кантоном. По-видимому, бараний окорок так же хорош и вкусен, как те, что я пробовал на юге Шотландии. Из широких овечьих хвостов монголы изготавливают то, что можно назвать «вином из баранины». Хвосты свежуют, режут на несколько кусочков и некоторое время варят в обычном вине. Получившийся напиток так сильно пахнет бараньим жиром, что требуется недюжинная выдержка, чтобы поднести стакан к губам. Как-то раз одна маньчжурская семья подарила мне кувшин или бутылку этого вина. Но оно так отвратительно пахло и было таким неприятным на вкус, что ни я, ни мои китайские слуги не могли его пить^{131}.

Хотя в южных провинциях не развито овцеводство, там во множестве разводят коз. Я часто видел большие стада, пасущиеся на холмах у северной стены Кантона и в долине, простирающейся от этого города до гор Белых Облаков. Но стада в южных провинциях, кажется, не такие большие, как на севере. Козы почти всегда черные, что придает им большую ценность в глазах китайцев. Это замечание на самом деле относится вообще к любым животным и птицам, и в пищу предпочитают употреблять именно черных особей. У северных ворот Кантона есть заведения, в которых выращивают коз на продажу, поскольку мясо именно этих животных пользуется здесь наибольшим спросом после свинины. Часто коз

забивают для похорон, так как их туши используют в качестве жертвоприношений душам умерших. Если погребают богача, в похоронной процессии несколько мужчин несут на спинах козьи туши. Гуандунцы пьют кислое козье молоко, полагая его полезным для здоровья. Насколько мне известно, свежим они его не употребляют.

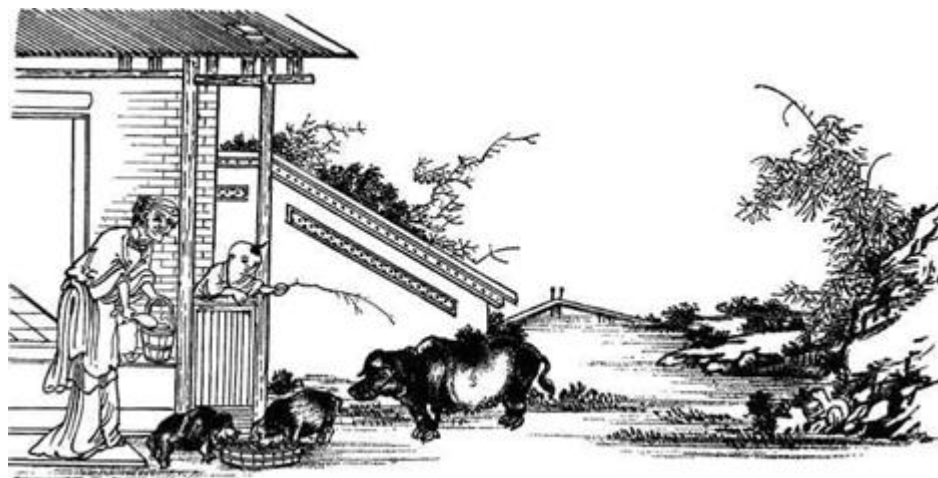
Одежда из козлиных шкур составляет важную часть одежды жителей пустынных мест Монголии. Это весьма действенная защита от холода и дождя. Когда со шкуры удаляют шерсть, из нее делают коврики и циновки. На юге Китая козьи шкуры едят, а шерсть иногда продают крестьянам, которые считают ее полезным удобрением, или ремесленникам, которые используют ее при производстве китайских кисточек для письма. Гуандунцы полагают, что козья кровь обладает целебными качествами, и поэтому принимают ее внутрь. Ее считают сильным рвотным средством и нередко дают людям, страдающим от отравления опиумом и другими ядами. Гуандунцы часто мажут козьей кровью лбы людей, болезнь которых предположительно идет от злых духов. На севере в Пекине, а также в Нанкине и Чжэньцзяне – городах на берегах Янцзы, – а также в Янчжоу и других городах на берегах Великого канала мне приходилось видеть коз, запряженных в маленькие экипажи, где сидели дети богачей.

Я видел, как на равнинах Монголии паслись несколько стад диких коз. Их называли «желтыми овцами», или «желтыми козами». Из своих наблюдений я смог сделать вывод, что это вид, о котором в изданной сэром Уильямом Джэрдином «Библиотеке натуралиста» (т. 4) говорится как о «козе Джута». Монголы и китайцы выслеживают этих животных с примитивными мушкетами. У ружейных дул находятся два деревянных зубца, прикрепленных к передней части ложа, на которые охотник упирает ружье, лежа на земле и прицеливаясь. Говорят, что мясо дикой козы немногим хуже оленины.

Свиньи, и это проистекает из того факта, что их мясо – основная животная пища многочисленного населения этой обширной империи, очень важны для китайского крестьянского хозяйства. Китайские свиньи меньше английских. Они очень хорошо сложены и, если не обращать внимания на небольшую впадину в спине, поразительно похожи на английских остроухих свиней. По большей части они белые или черно-белые. Но это относится только к южно-китайским свиньям. В северных провинциях и в Монголии свиньи совершенно черные. Если бы они не были покрыты щетинистыми волосами, я бы предположил, что они родственны неаполитанской черной гладкой свинье. В Монголии я видел несколько очень больших стад черных свиней. Их гнали по долинам, и поэтому я заключил, что они, по видимому, питались травой, как и пасшиеся вокруг большие стада рогатого скота.

Для племенных целей лучшими считаются свиньи с короткими рылами и жесткой щетиной. Предпочитают тех хряков, которых держали вдали от самок с момента отлучения от материнского молока. Как правило, хряков держат пожилые бедные крестьяне. В знак этого на дверях домиков вывешивают соответствующие объявления большими иероглифами. Владелец отводит животное в разные крестьянские хозяйства за плату не выше двухсот медных монет. Пока хряк остается на дворе, его хозяин получает стол и кров за счет крестьянина или торговца свиньями. Китайцы считают такой промысел одним из самых унизительных. Свиноматки очень плодовиты. Они поросятся дважды в год, причем приносят по десять-пятнадцать, а иногда – восемнадцать-двадцать детенышей. Я помню, что как-то раз свинья моего китайского приятеля И Агуя принесла двадцать три поросенка, но я ни разу не слышал, чтобы какая-нибудь китайская свинья сравнилась с той, которая, согласно Гилберту Уайту, к моменту своей смерти была матерью трехсот поросят. Китайцы почти никогда не позволяют сосать одну свинью больше чем двенадцати поросятам за раз, всех остальных из приплода продают. В Кантоне ежедневно с семи до девяти часов утра на улице Чанлэцзе открыт рынок, где продают молочных поросят. Как правило, их покупают те, у которых свиноматка принесла меньше ожидаемого приплода. Чтобы свинья не приняла новеньких как незваных гостей и не убила их, ее собственных поросят забирают от нее и сбрызгивают

вином, как и только что купленных. Когда их приносят обратно в свинарник, все одинаково пахнут вином, и мать вроде бы решает, что все принадлежат к ее выводку.



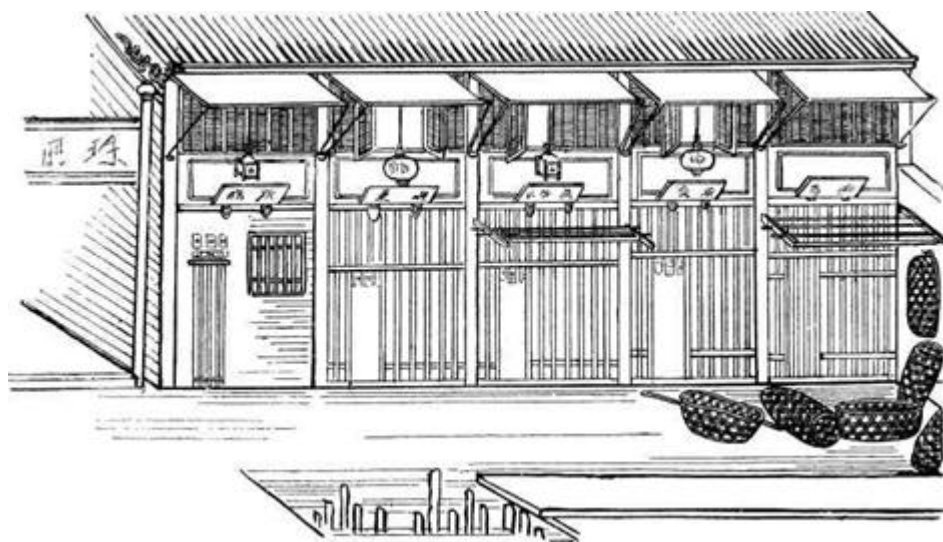
Кормление свиней

Когда свиные приходит время пороситься, ее оставляют в хлеву одну. На пол в качестве подстилки насыпают немного нарезанной соломы или рисовой шелухи. Солому нарезают короткими кусками, чтобы поросята не запутались в ней. Свиная может улесться на собственных поросят, если они запутаются в длинной соломе. В некоторых районах Китая, когда поросятам исполняется несколько часов, им устраивают паровую ванну: сажают в клетку, подвешенную над котлом с кипящей водой, — говорят, что пар придает силы костям черепа. В некоторых местах свиноводы отрезают хвосты трехдневным поросятам, воображая, будто благодаря этому поросята никогда не будут простужаться, а когда им исполнится шестьдесят дней, станут быстро набирать вес. Опоросившейся свиной дают жареный рис с небольшим количеством китайского уксуса и сажи. Когда поросят отлучают от материнского молока, то кормят хорошо проваренным рисом и водой. Если рис слишком дорог, его полноценным заменителем считаются разваренные клубни сладкого картофеля. Самок стерилизуют в двухмесячном возрасте. В весенние и летние месяцы свиной часто выпускают пастись на склонах холмов и на пустошах. В возрасте двенадцати месяцев животных, которые не являются производителями, запирают в стойлах, чтобы откармливать на продажу. Сначала им дают бобы и рисовую шелуху, а потом гороховую или бобовую муку и воду. В разных частях страны свиной откармливают по-разному. Некоторые крестьяне дают боровам желтый горох и ростки пшеницы, смешанные с корнями под названием цзинь-чжуни ху-шоу-во. К этой смеси добавляют немного соли, каждой по четыре лян ежедневно. За двенадцать часов до убоя борова перестают кормить. Затем его ноги связывают и твердой рукой наносят смертельный удар в горло. Когда из туши вытекла вся кровь, ее ошпаривают и скребут ножами, снимая волосы, щетину и верхний слой кожи. Из волос китайцы делают кисти, а щетиной подшивают подошвы башмаков. Верхний слой кожи продают крестьянам на удобрение или цветоводам, которые смешивают его с землей для выращивания цветов в горшках. Затем тушу подвешивают, вынимают внутренности, изнутри вычищают куском ткани, режут мясо на много частей, а затем выставляют на продажу в лавке. Иногда куски туши покупают уличные торговцы, которые бродят от дома к дому и кричат, что продается свежая свинина. На юге Китая редко готовят бекон, если вообще когда-нибудь это делают, но провинция Фуцзянь, расположенная к северу от провинции Гуандун, славится отличным беконом. Летом свиные внутренности жарят и едят, а зимой из них делают колбасы. Не пропадает и кожа. Из нее или делают клей, сварив в уксусе и воде, или готовят еду: запекают в печи и варят в воде. Свежая кровь также продается в качестве еды. Ее обычно покупают

бедняки, кипятят с водой, получая, как они считают, отличный суп. Старую свиную кровь покупают маляры. Они смешивают ее с известью и наносят на двери и стены домов перед окраской. Кости свиньи сжигают и в ступе толкут в мелкий порошок, который покупают крестьяне как прекрасное удобрение.

Китайские свиноводы утверждают, что они прекрасно знакомы со всеми недугами, которым подвержены эти животные, и со способами их лечения. При чесотке пораженные части обмывают табачной водой. Во время эпидемии каждой свинье дают пять цзяней ревеня и немного соли. Когда полагают, что необходимо кровопускание, прокалывают вену в хвосте животного. Потерю аппетита часто лечат, засыпая в ноздри мускус. В летний зной дают прохладительное снадобье, состоящее из смеси так называемых хуан-шань и дань-ду. Два ляна первого и сорок лянов второго хорошо смешивают и кипятят.

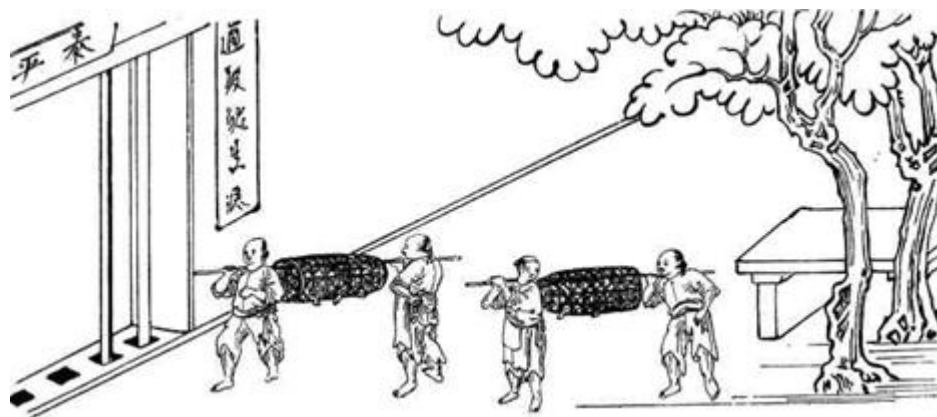
Китайские свиноводы стараются тщательно придерживаться принципа, согласно которому прибыль от выращивания и откармливания свиней во многом зависит от способа приготовления еды для них и устройства хлевов и загонов. Каждый хлев – это длинное помещение с высоким потолком, облицованное красными каменными плитами, разделенное на несколько отделений. В одном может уместиться выводок поросят. Стараются, чтобы свиноматки, свиньи, откармливаемые на убой, и хряки содержались в разных отделениях. Животным не дают соломенных подстилок, и вымощенные плитами полы из-за постоянного мытья так же чисты, как пол английской кухни. Свиноарии всегда готовы безотлагательно убрать даже малейшие частицы экскрементов. Можно посетить хлев, в котором содержатся две сотни свиней, не оскорбив даже самое чувствительное обоняние. Но тем не менее следует в качестве исключения упомянуть о том, что в Монголии, а также в Чжэньцзяне я видел хлева, в которых стояли лужи грязи. Чтобы отвратить всякое зло от хлева, нанимают даосских жрецов. Церемония, при помощи которой они якобы осуществляют это, конечно, совершается до того, как свиней впустят в их новое жилище. В каждом хлеву находится алтарь, посвященный Чжу-Лань-Ту-Ди, или Гениям свиного хлева. На стены каждого отделения в хлеву наклеивают полоску красной бумаги с четырьмя китайскими иероглифами, означающими «Да успокоятся враги лошадей, коров, овец, кур, собак и свиней».



Свиной рынок в Кантоне

Стоит посетить рынки, где продаются эти животные. Рынки в Кум-лихое (Кантон) – это очень большие здания, где живут и торгуют продавцы свиней. Эти рынки крыты высокими крышами и поделены на помещения, каждое из которых содержит свиней одного помета. Отделения разгорожены сосновыми досками. Они такие же чистые, как вышеописанные хлева. В конце каждого блока здания располагается счетная контора, где торговец ведет свои

счетные книги и ежедневные журналы. Над этой конторой алтарь, посвященный домашнему богу-покровителю, сделанный из дерева, он украшен искусной резьбой, позолочен или раскрашен. На стенах рынков вешают полоски красной бумаги в черных рамках, на которых яркими иероглифами каллиграфически начертаны сентенции, имеющие отношение к благам спокойствия, процветания и счастья. Эти здания строятся по берегам реки для удобства приема свиней, которых ежедневно подвозят туда на лодках из окружающих районов. Как меня уверяли, число свиней, закалываемых каждый день в большом китайском городе, огромно.



Переноска свиней

В южных провинциях стада свиней не ведут по городским улицам в отличие от того, как бывает на севере. Свиней несут по улицам в корзинах рабочие. Купленных на рынке тоже уносят в корзинах за счет покупателей. К этим корзинам прикрепляют побеги баньяна — эмблемы счастья. В доме покупатель снимает их с корзин и кладет на алтарь в хлеву. Кроме того, покупатель поклоняется свиным гениям и приносит им в жертву много бумажных денег. Несомненно, обыкновение нести свиней по улицам южных городов, а не гнать их перед собой, объясняется тем, что улицы чрезвычайно узки. Если свинья вбегает в дом или в лавку, жители Южного Китая считают это плохой приметой для обитателей дома. Чтобы отвести надвигающуюся беду, они не выпустят свинью обратно, не отрезав ей хвост. Там, где мы используем кольцо, китайцы применяют намордник. Носовое кольцо в Китае неизвестно.

Китайцы (включая маньчжуров и монголов) не выводят особо замечательной в каком-нибудь отношении породы лошадей. В этом они отличаются от большинства европейских и многих азиатских народов. В южных провинциях лошади очень редки. Во многих частях Гуандуна и Цзянси их нет вовсе. Малочисленность лошадей в южных провинциях и других частях Китая объясняют некоторые черты местной политической экономии. Экономистам в нашей собственной стране знакома концепция, согласно которой подмена лошадей людьми и тягловым скотом и использование как можно меньшего количества четвероногих предоставляет людям больше питательной еды. В Китае есть очевидные резоны для проведения такой политики. В этой обширной империи довольно мало больших и малых городов или деревень, возле которых не было бы реки, канала или залива, что облегчает навигацию и снимает необходимость переезда по суше для путешественников и сухопутной перевозки громоздких торговых грузов. В Китае проблема обеспечения достаточного количества еды является насущной, и ее разрешают непосредственным производством этой самой еды, необходимой для такого многочисленного населения. Огромное потребление зерна английскими лошадьми привело бы в ужас китайца. Если бы Поднебесная покрылась мощной породой четвероногих, наполняющих нашу страну, он бы прочитал в них, лоснящихся и откормленных, голодную смерть многих семей, поэтому неудивительно, что он не склонен поощрять разведение

животных, которые считаются такими необходимыми в нашей стране и во многих других европейских государствах.



Жена крестьянина едет на рынок в тачке

Упоминание об одном или двух способах сухопутной перевозки грузов и пассажиров покажет, до какой степени китайцы не зависят от лошадей. Вопрос провианта так глубоко запечатлен в сознании китайцев, что даже в тех частях империи, где водное сообщение затруднено, китайцы отказываются прокладывать широкие дороги, чтобы не посягать на кормящую их землю. Обычное зрелище на многих узких больших дорогах, пересекающих китайские провинции, особенно Ху-нань, Хубэй, Хэнань, Шаньдун, Чжили и некоторые районы Гуандуна, — люди, снующие туда-сюда с тяжелыми грузами, которые в других краях перевозили бы животные. Некоторые китайские работники или возчики, перевозящие путешественников и их багаж, а иногда — громоздкие товары в больших тачках и в близкие, и в отдаленные части империи, изнывают от тяжелейшего труда. Иногда в эти повозки приходится впрягать несколько крепких мужчин. При попутном ветре они используют небольшие паруса, прикрепленные к высящимся рядом с колесами тонким мачтам. В провинции Чжили и во Внутренней Монголии, где дороги очень ухабистые, я заметил, что, когда тачки тяжело нагружены растительным маслом, рабочие иногда прибегали к помощи мулов или ослов. Вместо экипажей в Китае используют паланкины, и люди всех слоев общества ездят в них на плечах носильщиков и в близкие, и в отдаленные части империи. В Аньцине, городе на берегу Янцзы, я заметил женщину, которая явно направлялась в гости в соседний городок или деревню. Она шла пешком, а за ней следовал слуга с двумя корзинами: в одной был ребенок, а в другой — вещи хозяйки. Улицы всех городов к югу от Янцзы действительно так узки, что поездки на лошадях по ним просто невозможны, поэтому всяческие свертки грузчики носят на спине.

Мои слова об ограниченном использовании лошадей найдут подтверждение, если посмотреть на выращиваемую китайцами породу и на ее использование. На юге Китая пони — потому что до лошадей они явно не дотягивают — пользуются только государственные служащие. Седло очень большое и неудобное. Вокруг шеи пони повязывают кожаную ленту с несколькими колокольчиками, чтобы предупреждать толпу на узких улицах южных городов о своем приближении. Как правило, эти пони выращены в провинции Цзянси. Но на севере, где плотность населения меньше, с его обширными долинами, китайцы, монголы, татары и маньчжуры обращают особенно большое внимание на выращивание и разведение лошадей, но даже и они, хотя, как правило, красивы, послушны и умны, обычно бывают не выше десяти ладоней. В Монголии я видел лошадей высотой около двенадцати ладоней, которые оказались очень сильными. За неимением точного названия их породы, условно назову ее гэллоуэйской. Обычная масть — каштановая, серая и гнедая. Как правило, их растят почти в диком состоянии, позволяя жеребцам и кобылам произвольно сбиваться в стада на долинах. Кроме того, по всей империи встречаются особи животного, которое в естественной истории носит название тангума, или пегой, или пятнистой, лошади. У них крупные белые и корич-

невые пятна, причем мастью они иногда напоминают диких пятнистых лошадей некоторых регионов Восточной Маньчжурии.

Что касается обращения с лошадьми, то китайцы, несмотря на свое безразличие к этому животному, все же кое-что понимают в этом. В животноводческих трактатах они пишут, что кони отличаются огненным характером и терпеть не могут низин и сырых мест; что в третьем месяце (в апреле) их надо как следует кормить; что летом им иногда нужно разрешать пастись на берегах рек или ручьев; что зимой их следует держать в стойле, выходящем на юг, и тепло укрывать, защищая от холодного северного ветра; что их надо тренировать, поскольку постоянное нахождение в стойле может привести к распуханию ног и воспалению суставов; что для животного опасно, если его слишком часто используют для поездок верхом или в упряжке, поскольку это может повредить его кровеносной системе; что после поездки конюх должен тщательно вытереть лошадь досуха и вспотевших лошадей нельзя ни поить, ни кормить, иначе это дурно повлияет на их дыхание, а давать им корм и воду, причем из колодца, следует три раза в день; и последнее, что мы здесь упомянем, кормить лошадей нужно влажной травой и промытыми бобами, горохом или рисом в шелухе.

Как правило, конюшни устроены примитивно и напоминают каретные сараи. В каждой из них устраивают жертвенник в честь Ма-вана, или Царя лошадей. В больших и малых городах есть храмы, посвященные этому божеству. Самый большой из них находится в Кантоне, на улице Чжуан-юань-фан; одного из слуг этого бога изображают с лошадьёю в руках.

Китайцы не так уж хорошо знакомы с ветеринарным искусством, и некоторые из рецептов для лечения просто смешны. Если лошадь больна так называемым «черным потением», высушенный на солнце лошадиный навоз смешивают с некоторым количеством волос, подогревают на огне и кладут это средство в торбу. Если у лошади нарывы (китайские ветеринары-хирурги называют их «бородавчатыми нарывами»), ей пускают кровь, отворяя вену у анального прохода или у губ. Одновременно к основанию нарывов прикладывают каустик, а сверху мажут мазью, основной ингредиент которой – мускус. Китайцы и монголы часто пускают кровь лошадям, прокалывая вену на груди или на шее. В северных провинциях нередко разрезают вдоль уши и ноздри лошадей. В обоснование этого удивительного обычая мне рассказали следующее. Оказывается, император Канси после длительных ученых штудий помимо других вещей узнал, что если разрезать уши и ноздри лошадей, мулов и ослов вдоль, то это убережет животное от молний. Как только император сделал это замечательное открытие, то издал эдикт, где рассказал о нем своим подданным. Тут же по всей империи начали разрезать в длину уши и ноздри лошадей, мулов и ослов. И поскольку китайцы всегда и безоговорочно верили в мудрость предков, современные люди продолжают довольно упорно придерживаться этого странного обыкновения.

Многих лошадей на севере подковывают железными подковами, как в Англии. Но над действиями китайского кузнеца у нас посмеялись бы. Лошадь ставят под деревянное устройство, напоминающее виселицу, и поднимают с помощью блоков и веревок, пропущенных под брюхом; в этом подвешенном состоянии ее и подковывают. На юге Китая этого не делают вообще, но передние ноги животного обувают в кожаные башмаки, сшитые по форме копыта.

И китайцы, и монголы едят конину. Однажды, отдыхая рядом с монгольским шатром, я видел, как хозяйка жарила отбивные из мяса, которое тут же у меня на глазах вырезала из крупа лошади. Она пригласила меня и моих друзей зайти в шатер и отведать кушанье. Мысль о том, что придется есть конину, казалась невыносимой, и поэтому у нас не осталось другого выхода, как отказаться. Тогда молодая женщина, видимо, служанка, поднесла каждому из нас по чашке молока. Все, кроме одного, отказались, потому что это, судя по всему, было не коровье, а кобылье молоко. Монголы нередко сохраняют молоко кобыл и делают из него алкогольный напиток, называемый кумысом. К нему они очень привержены, особенно в лет-

ние месяцы. Где-то я читал, хотя и не поручусь за правдивость этого утверждения, что при обильном потреблении кобыльего молока начинают болеть глаза.

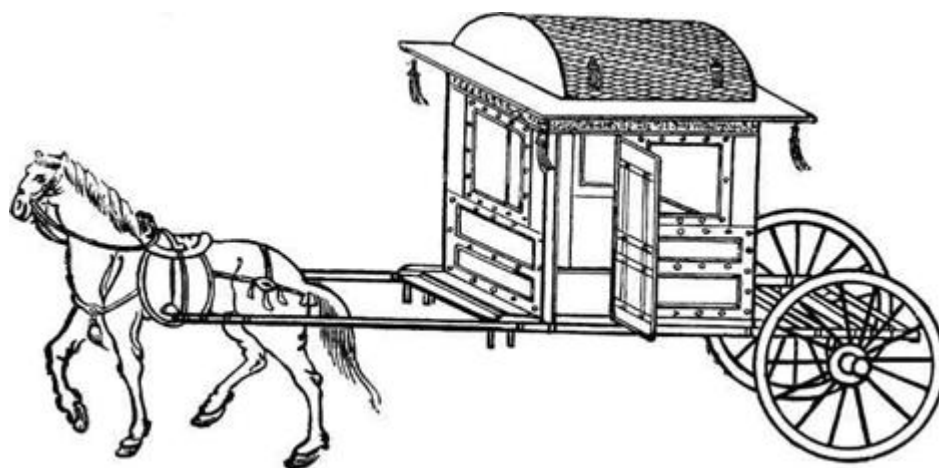
Китайские мулы красивы и послушны. Многие из них напомнили мне обычных серых египетских мулов. Немало их были весьма похожи на мышастую породу итальянской вольтерры. В северных и центральных провинциях множество ослов, которые во всем мире оказываются лошадьми для бедняков. Медлительный, терпеливый, работающий, упрямый, как и в других странах, китайский осел замечателен своей силой. Он может выдерживать очень большие тяжести и способен трудиться, не получая пищи дольше, чем любое другое вьючное животное. Во многих частях империи едят и ослитину, и мясо мулов. В Чжэньцзяне много его было выставлено на продажу в посещенной мной мясной лавке. А живший в этом городе французский священник сообщил мне, что нанкинцы едят много такого мяса.

Этот рассказ был бы неполным без перечисления видов тех работ, которые они выполняют. Лошади и мулы широко используются для верхового путешествия в седле на большие расстояния. Они преодолевают расстояние со скоростью двадцать-двадцать пять миль в день; их так хорошо выращивают и так хорошо ими управляют, что они выполняют эту работу, будучи запряженными или в качестве вьючных животных, без видимых усилий. Иногда лошадей и ослов используют таким образом и путешествующие женщины, и едущие на ярмарку. Они сидят в седле так же, как мужчины. На самом деле китайское дамское платье вполне сходит за костюм амазонки. А маньчжурские женщины привыкли носить одежду для верховой езды самого скромного вида. Я был поражен ловкостью, с которой они держатся в седле, привыкнув к верховой езде с детства. А с большей сообразительностью и ловкостью, чем те, что при мне проявила в трудной ситуации туземная дама, укрощая норовистого гнедого возле одного из северных городов, не могла бы действовать даже лучшая английская наездница. Идя в упряжке или, что более характерно, под дугой, хорошо упитанные лошади и мулы без труда преодолевают по тридцать-сорок миль в день, делая при этом не более четырех-пяти миль в час. В большой степени это объясняется тяжестью крытых повозок или фургонов, которые используют китайцы. Каждую везут два мула или две лошади, а иногда – лошадь и мул, причем они идут друг за другом, а не рядом – так они проходят очень большие расстояния. Как-то раз мне пришлось проехать в одной из этих крытых повозок более восьмисот миль. Во время этого путешествия я встретился с китайским купцом из Пекина, который направлялся в точно такой же повозке далеко за русскую границу купить сукна. За его повозкой следовали еще две с тем, что он хотел обменять на сукно, а рядом ехали три или четыре человека, одетые как солдаты и вооруженные до зубов. Сам купец был в чиновничьей одежде – это, по его словам, было необходимо, так как грабители на большой дороге без колебаний отняли бы у странствующего купца все его достояние, но поостереглись бы напасть на чиновника.



Наездница

Лошади и мулы обычно везут повозку по восемь-десять часов в день и, как правило, с поклажей с весом более тонны. На поле они работают по шесть-семь часов в день. Конечно, трудоемкость зависит от свойств почвы и ширины борозды. На протяжении земледельческого сезона занятых в поле животных кормят сытнее.



Экипаж китайского аристократа

Повозки, о которых я упоминал, это крытые телеги, сделанные полностью из дерева. Кузов установлен на крепкой оси, поддерживаемой двумя колесами с шестью-восемью спицами в каждом. Поскольку рессор нет, это самый неудобный из всех экипажей для путешествия. Повозки, которыми пользуется знать, мало чем отличаются от тех, в которых ездит простонародье. Единственное замеченное мной отличие состоит в том, что на ось опирается задняя часть повозки, а не центральная. Из виденных мной иллюстраций явствует, что это было характерно для древних персидских колесниц. Фургоны похожи на те, которыми пользуются в нашей стране. На севере Китая, и особенно в провинциях Шаньси или Шэньси, кажется, в прошлые времена в фургонах передвигались кочевники. Колесные повозки избрал император Да-юй, или Великий Юй, основатель династии Ся (2205 год до Р. Х.). Однако, по-видимому, в те давние дни их везли не лошади, а люди. В основном повозками пользовались императорская и аристократические семьи. Экипажи императоров этой династии всегда перемещались силами двадцати человек; во время династии Шан, основанной в 1766

году до Р. Х. Чэн-таном, – восемнадцати, а позже во время правления династии Чжоу, основанной У-ваном в 1122 году до Р. Х., по-видимому, полагали, что для этого достаточно пятнадцати человек. При династии Цинь (основана в 246 году до Р. Х.) император Ши Хуанди, которого раздражал шум колес, приказал снять их и повелел носить его экипаж на плечах. Во времена правления династии Шан (XVII век до Р. Х.) в экипажи обычно запрягали лошадей. Этот же обычай был повсеместно распространен во время правления следующей династии Чжоу. В 1705 году до Р. Х. в Египте использовали фургоны, очень похожие на те, которые в то время существовали в Китае и существуют там по сей день. Из одного фрагмента Книги Бытия (45: 19, 21, 23, 27) мы узнаем, что фараон Египетский послал колесницы, чтобы перевезти семью Иакова из земли Ханаанской. Конечно, эти транспортные средства не были военными колесницами или дворянскими экипажами – это были именно фургоны, во многих отношениях напоминающие китайские. Путешествуя по Монголии, я вспоминал об этом пути патриархов, встречая множество крытых фургонов с китайскими семьями, переезжавшими из провинций Шаньси или Шэньси к обширным равнинам и богатым долинам Монголии. В городе Чжан-цзя-коу, расположенном недалеко от Великой Китайской стены, я видел, как такие экипажи использовались в качестве омнибусов. Кроме того, в Китае есть примитивные повозки, или фургоны, которые обычно везут быки или лошади с быками; крестьяне перевозят в них свою продукцию. На севере китайцы используют лошадиный паланкин. Он состоит из легкого каркаса, напоминающего обычные носилки и закрепленного на двух прочных шестах. Каркас крыт тканью, по бокам имеются дверцы. Паланкин тащат два мула: один запряжен впереди между шестами, а другой – сзади. Этими средствами передвижения пользуются путешествующие джентри, если они хотят уединения и уюта, или пожилые люди, больные или слабые, а также беременные женщины. Такие паланкины сдаются напрокат на многих станциях в Северном Китае. Я проехал на одном из них от города Нанькоу до укрепленного города Чатоу и нашел его весьма удобным. Дорога между этими двумя городами более пятнадцати миль, и путь пролегает через один из самых труднопроходимых горных перевалов, каким, на мой взгляд, может похвалиться этот мир.

Сбруя запряженной в повозку лошади очень похожа на ту, что используют в Великобритании, но веревочный подгубник помещают не под подбородком, а между верхней губой и носом. Упряжка лошадей или мулов, везущих экипаж с членами императорской фамилии, покрыта желтой материей. Что касается экипажей джентри, то их нередко украшают серебряными кольцами и пряжками. Когда богатые семьи в трауре, упряжь лошадей и мулов всегда покрывают белой тканью.

Кроме лошадей с мулами и ослов с быками, сельскохозяйственную продукцию и другие грузы часто перевозят верблюды. Китайский верблюд принадлежит к тому виду, родина которого, по мнению натуралистов, Бактрия. Он большой и выносливый и приспособлен к любой погоде. От арабского верблюда он отличается тем, что имеет два горба на спине. Высота взрослого китайского верблюда более семи футов. Шерсть на некоторых частях тела длинная и косматая, темно-коричневого цвета, однако встречаются и светлые разновидности. Монголы, как и арабы, считают верблюжье молоко очень питательным напитком. В местах, где трудно достать дрова, верблюжий навоз, как и коровий, используется в качестве горючего. Этот своеобразный и интересный народ с удовольствием ест также верблюжатину, особенно жир из горбов. Китайцы не навьючивают на верблюдов такого тяжелого груза, как арабы. Верблюдов поменьше разводят для верховой езды. Они несут всадников очень быстро, делая от шестидесяти до примерно сотни миль в день. Одна из картин, часто возникающих в моей памяти во время путешествий на севере Китая, – это проехавший мимо меня монгол верхом на верблюде. Своеобразный скакун неуклюже нес с удивительной скоростью через равнины благородного патриарха с загорелым лицом и развевающейся белой бородой, высоко сидящего в седле на громадной спине, опираясь на стремяна. Иногда, особенно если

предполагается длительное путешествие, на этих неуклюжих скакунах ездят и женщины. Один раз, уезжая из города Вай-ли-чэн, я стал свидетелем переселения семьи кочевников. Это были монголы: две женщины, судя по одежде, знатные дамы, трое-четверо мужчин и несколько слуг – все на верблюдах. Я не мог не вспомнить о днях, когда «встал Иаков, и посадил детей своих и жен своих на верблюдов».

Как и в Аравии и в Египте, когда верблюдов используют в качестве выючных животных, они идут друг за другом цепочкой, причем недоуздок второго верблюда привязан к сбруе первого, недоуздок третьего – к сбруе второго и т. д. На шее последнего животного висит колокольчик, звяканье которого сообщает погонщику, особенно ночью, что цепочка остается неразорванной. Это очень важно в тех многочисленных местах, где дороги с трудом различимы даже при дневном свете.

Колокольчики привязывают также на шею к несущим груз лошадям, мулам и ослам. Мне привели два или три объяснения почти универсального применения этой практики. Многочисленные преимущества были мне неясны, пока я не обсудил их с другими. Так я узнал, что колокольчики веселым звяканьем во время долгих путешествий ободряют тяжело нагруженных животных; что на улицах и рынках города они оповещают оживленную толпу о приближении верблюда; что в малолюдных равнинах и на мрачных горных перевалах они завораживают звуками своих колокольчиков диких животных; и главное: ночью в местах, где дорога трудно различима, постоянный звон указывает путь заблудившимся или отставшим от товарищей, которых поглотила темнота. По всей вероятности, обычай подвешивать колокольчики на упряжи лошадей и выючных животных существовал у восточных народов с древнейших времен.

В китайских, как и в английских крестьянских хозяйствах, разводят уток, гусей и кур, а кроме того – голубей. О китайской домашней птице можно было бы рассказать короче, если бы она была лишь лакомством, как в Англии. Но в Китае вместе с рисом, рыбой и свиной домашнюю птицу едят и простые люди, и представители высших классов общества.

Есть одно любопытное исключение из этого правила. Многочисленный слой людей – последователи божества по имени Кун-Юань-Шуай – отказывается есть утятину. По преданию, когда мать этого бога была беременна, ее вылечила от тяжелой болезни утка, приносившая ей каждый день лекарственные травы. Разрешившись от бремени сыном, женщина назвала его Жэнь Чэн и воспитала в запрете есть утятину. Он тщательно исполнял ее наказ, и его сыновняя почтительность была вознаграждена поразительным образом. Однажды он бежал от шайки разбойников, которая гналась за ним по пятам, и его скрыла большая стая уток, затмившая самые небеса. Когда пришло время, Жэнь Чэн умер. Он пролежал в могиле лишь несколько часов, когда был обожествлен благодаря своей праведности жизни. После этой церемонии он стал считаться богом по имени Кун-Юань-Шуай, или Кун-Гун-Чжу-Шуай. По обычаю, последователи этого божества перед его алтарем клянутся воздерживаться от мяса любимой птицы бога. Иногда родители посвящают своих детей, когда тем исполняется один месяц, служению этому божеству: они приносят от имени младенца обет, что в ответ на его защиту они всегда будут почитать уток как священных птиц. Жители Шатоу, деревни на острове Хэнань, самые преданные его последователи. В этой деревне нет ни одной утки. Жители не должны быть ни покупателями, ни продавцами, ни теми, кто ест уток. И им, кажется, не приходит в голову, что они могли держать несколько уток в качестве домашних любимцев в честь своего любимого божества. Их единственный, он же главный храм посвящен Кун-Юань-Шуаю. В седьмой день седьмого месяца торжественно празднуют день его рождения. По этому случаю строят большой сарай или павильон. В течение трех дней все население, мужчины сидя с одной стороны, а женщины – с другой, пирует там вволю. В этот день подают очень питательную еду, и, судя по количеству радостно поглощаемых яств, она еще и очень полезна.

Однако отказывается от утятiny явное меньшинство, поэтому крестьяне выращивают множество уток во всех провинциях. Порода очень похожа на нашу английскую, но на севере, и особенно в Тяньцзине, мне попадалась намного более крупная разновидность. На острове Хай-нань и в других частях империи встречается отличная порода мускусных уток.

Разведению этих птиц уделяют большое внимание. Каждому селезню полагается десять уток, но их совместное пребывание продолжается не дольше двенадцати месяцев. В конце этого периода старых селезней продают, а вместо них покупают новых. Чтобы заставить уток нестись, птицеводы выдергивают из их крыльев и хвостов перья. Иногда для этого же они не кормят их несколько дней, а потом дают обильную пищу. Утке разрешают сидеть на двенадцати яйцах. В период размножения птицам дают весьма умеренное количество еды. За сидящими на яйцах утками тщательно ухаживают, и раз в пять дней работник отводит их к расположенному неподалеку пруду или ручью мыться. К уткам, сидящим на яйцах, не позволено приближаться женщинам «в интересном положении». Конечно, это запрещение имеет своим истоком суеверия, которым так подвержены китайцы. В течение пяти дней после того, как вылупились, утятам нельзя слушать звуков гонгов, лая собак и шума работающих машин. В первый день их кормят отваром риса, в последующие дни дают вареный рис. Таких маленьких утят поят чистой ключевой водой, потому что птицеводы верят, что грязь из мутной воды может закупорить ноздри. В течение первых двух недель жизни утят держат в корзине, дно которой покрыто мягкой травой.

По всей империи есть заведения под названием фу-я-чан, где из утиных яиц искусственным образом в больших количествах выводят утят. Инкубация происходит следующим образом: много рисовой шелухи или мякины держат над жаровнями, наполненными горячими древесными угольками. Нагретую мякину кладут в корзину. Туда же помещают яйца. Затем корзины с их содержимым уносят в темную комнату и кладут на решетчатые полки, рядами висящие на стенах. Под нижним рядом полок ставят несколько глиняных переносных жаровен с горячими угольками. В этом темном отапливаемом помещении яйца держат в течение двадцати четырех часов. Затем их переносят в соседнюю комнату, где перекалывают в ротанговые корзины высотой три фута, а толщиной стенок два дюйма. Они выстелены шершавой бумагой коричневого цвета. Здесь яйца остаются на десять дней. Чтобы они прогревались равномерно, один раз днем и один раз ночью их положение меняют. Если работники внимательны, яйца, днем находившиеся в верхней части корзины, ночью будут лежать в нижней ее части. Через четырнадцать дней их вынимают и раскладывают на длинных и очень широких полках. Затем их для тепла накрывают широкими листами толстой бумаги, очевидно изготовленной из хлопка. Когда они пролежали на этих полках две недели, вылупляются сотни утят. Самые крупные такие заведения расположены рядом с Кантоном в Хуади и Бэй-тай-шуй.

Утят немедленно продают торговцу утками, и тот заботливо растит их в птичниках, для удобства расположенных на берегах заливов или рек. Очень большой двор инкубаторов находится в Наньцуне, деревне рядом с Кантоном. Здесь я часто видел тысячи уток в одном загоне. Такие же существуют в центральных и северных провинциях. Плывая по Великому каналу, я видел большие стаи этих птиц.

Как уже говорилось, в течение первых суток утятам дают рисовый отвар, а потом – вареный рис. Затем их кормят отрубями, смешанными с мякиной. Иногда, а именно в летние месяцы, им дают личинок, собранных в баках с нечистотами или в выгребных ямах. Им также дают маленьких земляных крабов, которых китайцы ловят в больших количествах. Судя по виду, с которым утята набрасываются на крабиков, они им весьма по вкусу. Подросших птиц торговец утками продает странствующим купцам, которые ставят свои большие лодки на якорь рядом с описанными выше заведениями, чтобы приобрести сразу несколько сотен. Эти лодки очень хорошо приспособлены для перевозки птицы, нередко на одной пере-

возят от полутора до двух тысяч уток; но эти неуклюжие лодки в непогоду рискуют перевернуться при малейшем волнении. Во время достопамятного тайфуна 27 июля 1862 года несколько их опрокинулось рядом с Хумэньскими фортами. Освободившихся из плена уток было так много, что они покрыли поверхность Жемчужной реки на протяжении мили с лишним. Расходы странствующего купца на кормление такого количества птиц невелики: ему нужно лишь позволять им дважды в день один-два часа проводить на илистых берегах реки или залива, по которому он плывет, или в полях поблизости. Червяки, улитки, слизняки и лягушки, которыми изобилуют эти места, составляют вкусный и обильный рацион пернатого груза. Не раз я видел, как полторы – две тысячи уток во время отлива наслаждались этой едой. Птицы так хорошо выдрессированы, что возвращаются с берегов или из полей к лодкам по зову хозяина. Закупщики провианта – лучшие клиенты продавца уток. Они покупают их, чтобы засолить. Странствующие купцы не ограничиваются оптовыми продажами, а распродают свой груз в городах, городках и деревнях по берегам рек. Заведения, где солят утятину, и многочисленны, и велики по размеру. Их особенно много в Ляньчжоу – одной из областей провинции Гуандун. Я имел случай посетить такое место в Бай-э-тун рядом с Кантоном. Кажется, ни одна часть утки не пропадала у работников, готовивших соленую утятину. Там птицу разрезали, засаливали и выставляли вялиться на солнце; в другом месте люди раскладывали птичьи клювы и лапки в глиняные кувшины с рассолом; а во дворе мужчины и женщины раскладывали на солнце сердца, желудки, шеи и кишки. Все это можно наблюдать в течение одиннадцатого и двенадцатого месяца года на улице Лу-аньсин-цзе западного пригорода Кантона, где всегда продается много уток.

Хотя я много лет жил в Китае, но ни разу не видел китайца, который ел бы яйца всмятку, но вкрутую иногда едят. А при рождении ребенка или во время празднования дня рождения, как я писал в другом месте, существует обычай есть крашеные яйца. В каждом городе, которые посещал на берегах Великого канала, я видел немало крашеных яиц, выставленных на продажу. Китайцы очень любят консервированные яйца и готовят их очень много. Может быть, рассказ о консервировании яиц окажется интересным для моих читателей. Особый овощ проваривают в нескольких пинтах воды с листьями бамбука и иглами ели или кедра – это придает воде особый аромат. Когда вода остывает и становится тепловатой, яйца моют, а затем замачивают в ней на несколько часов. Чтобы сохранить сотню яиц, из десяти лянов соли, пяти лянов золы и одного цзиня извести делают нечто вроде пасты, смешивая эти ингредиенты в сосуде с ароматной водой, откуда убрали яйца. Затем пасту кладут в кадку или грубый глиняный кувшин; в нее аккуратно вминают яйца и оставляют на три дня. Затем их вынимают и взбалтывают смесь. После этого яйца кладут обратно. Через три дня эта процедура повторяется, а еще через три дня повторяется снова. Затем кувшин или кадку герметически запечатывают и оставляют на тридцать дней, после чего яйца готовы к употреблению. Вот другой способ. Четыре ляна байховых чайных листьев кипятят и сливают воду. Ею заливают столько извести, сколько входит в три миски обычного размера, столько золы, сколько входит в семь таких мисок, и добавляют двенадцать лянов соли. Затем из этих ингредиентов делают пасту, которой обмазывают предназначенные для консервирования яйца. Затем их аккуратно кладут в кадки или кувшины с золой, следя, чтобы не приклеились друг к другу. Поскольку из-за этого на золу большой спрос, повара заботливо сохраняют ее и продают людям, занимающимся консервированием яиц, по восемь монет за цзинь. Через сорок дней яйца готовы. Обмазыванием яиц занимаются и мужчины, и женщины; они надевают перчатки, чтобы защитить руки от воздействия извести. Иногда яйца консервируют в кадках или кувшинах со смесью красной глины и соленой воды или со смесью сажи и соленой воды. В результате получают так называемые соленые яйца, которые считаются полезной едой для больных.

То, что я написал о разведении и выкармливании уток, почти полностью относится и к гусям. В Китае очень много пород гусей. Те, которых я видел на юге Китая, напоминают египетских. Гусаки с гусынями очень схожи; гусыня поменьше гусака и посветлее. В других частях империи я видел гусей, которые, по крайней мере по размеру, были очень похожи на британских. Высиживают много гусят, но не похоже, чтобы для этого применяли инкубаторы, как в случае с утками. Как мне рассказывали, причина этого – в толщине скорлупы. Как правило, гусей разводят крестьяне, чьи земли прилегают к рекам и ручьям. В уездах Цунхуа, Хэюань, Саньшуй и Далян провинции Гуандун я видел несколько стай гусей, но поскольку их не выводят искусственным способом, то их не бывает так много, как уток. Самую большую стаю я видел в Хуанцзяне (это деревня недалеко от Кантона), оно состояло из девяти сотен гусей. Когда гусыни сидят на яйцах, их нередко забирают в дома или коттеджи хозяев, уделяющих им возможно большее внимание. Под большую гусыню подкладывают десять яиц, а под маленькую – семь, и они почти всегда высиживают все яйца. В двухнедельном возрасте гусят пастух отводит к полям на берегах ручьев, где они находят много еды: пучки камыша, траву, слизняков и червяков. В период вспашки можно видеть, как гуси идут сразу за плугом и выискивают червей в земле. Чтобы защитить гусят от изобилиующих в Китае ястребов, пастухи пользуются забавным методом. Они вертят над головой полую бамбуковую трубку на веревке. Свист, с которым трубка рассекает воздух, пугает ястребов, и они не решаются атаковать.

Места, где держат гусей, снабжены длинными рядами плетенных из лозы полок, поднятых на пять футов от земли. Между прутьями есть промежутки, чтобы помет мог падать на землю. Полки нужны потому, что на земле росту птиц, как считают, может повредить сырость. Гусиный помет стоит довольно дорого.

Гусиная ярмарка, которая бывает в Кантоне каждый день на улице Луаньсин-цзе, почти так же велика, как та, которой славится Ноттингем. С плоскодонок выгружают множество гусей на пристани непосредственно напротив рынка. Я видел, как с одной лодки выгрузили не меньше трехсот птиц, причем несколько других лодок с тем же количеством гусей ожидали своей очереди рядом с пристанью. С лодки их бросают прямо в воду, чтобы они могли искупаться, но прежде плоскодонку огораживают заборчиком из ивовых прутьев, чтобы прилив не унес птиц далеко от хозяина. Гусей бросает в реку лодочник, ответственный за качество и сохранность товара. Бросает он их по пять штук и при этом каждый раз выкрикивает число, чтобы не сбиться со счета. При этом присутствует и помощник торговца гусями, который проверяет, чтобы его хозяина не обманули. Искупавшихся птиц гонят к рынку, где выставляют для продажи в розницу.

Кроме того, китайцы мастерски выращивают и выкармливают кур. Самые плодотворные породы, по их мнению, невысокие, с коротким оперением и тихим кудахтаньем. В течение двадцати дней после того, как вылупились цыплята, курица сидит в клетке с совершенно сухим полом. В этот период она с выводком кормится сырым рисом, потому что считается, что вареный приведет к собиранию воды в зобе у цыплят. В больших хозяйствах часто во дворе, на земле, рассыпают совершенно разваренный рис. Через несколько дней в нем заводятся насекомые, во двор запускают кур, и они быстро расправляются и с рисом, и с насекомыми. От такого питания куры не только толстеют, но и начинают отлично нестись. Для лучшей яйценоскости кур иногда кормят чжи-ма, или льняным семенем, смешанным со свиным жиром. В этой смеси на полцзиня льняного семени приходится до трех лянов жира. Для этой же цели птицеводы стараются при кормлении кур давать им поменьше воды. Откармливая кур на продажу, им дают муку, смешанную с растительным маслом. Из этой массы делают лепешечки и дают по несколько штук каждой птице ежедневно. Откармливая кур, им нередко дают рис, смешанный с порошковой серой. Считается, что для варки лучше подходят желтоватые, чем белые куры. Большой спрос в Китае на каплунов. Когда откармливают

и петухов, и каплунов, их часто привязывают к насесту веревками и ежедневно кормят рисом и водой. Через двенадцать месяцев они становятся очень жирными. Врачи предписывают их мясо в качестве диеты для пациентов, страдающих чахоткой, и для многоженцев, ослабевших душой и телом. Кур, мясо и кости птиц черного цвета врачи прописывают в качестве подходящей диеты для больных или слабых женщин. Мясо режут на кусочки. Куриные кости, растертые в мелкий порошок, китайские эскулапы смешивают с различными лекарствами.

Птицеводы заявляют, что они в состоянии вырастить птиц с красивым оперением. По их словам, этого легко достичь, кормя кур каракатицами, начиненными серой и в течение четырех-пяти дней высушенными на солнце. Птицеводы также утверждают, что способны сдерживать рост цыплят, чтобы в результате получались карликовые куры. Для этого цыплят (как правило, петушков) сажают в клетки и продолжительное время ежедневно кормят маковыми семенами, смешанными с ингредиентом под названием хун-хуан. Чтобы лечить болезни, птицевод обращается к книге, содержащей правила приготовления нужных лекарств. Иногда пернатому пациенту прописывают ламповое масло. Когда кур поражает эпидемия, им дают пыль, полученную от трения железа о мягкие камни, с рисовым отваром. Дают также пасту из определенного вида гороха, которая очень эффективна. Если у кур какое-нибудь инфекционное заболевание, им нередко пускают кровь под левым крылом, а после этой операции дают рис, смешанный с растительным маслом. Задыхающимся курам с коротким дыханием дают глотать соленую воду. При офтальмии используют примочки с алюминатом.

В Китае немало разновидностей голубей. Во множестве выращивают вертунов, почтарей, веерохвостые и зобатые породы. Почтовые голуби очень помогают купцам, которые используют их для доставки информации о прибытии грузов и о рыночных ценах в районы, где производится товар. Гонконгские купцы прибегают к услугам почтарей, чтобы сообщать торговым партнерам в Кантоне новости о прибытии английской, французской или американской почты. Чтобы защитить голубя во время полета от нападений соколов или ястребов, к его хвосту привязывают свисток. Летящего голубя сопровождает пронзительный звук, который и отпугивает хищных птиц. Такой способ передачи писем не нов для китайцев. Он был им отлично известен в древние времена, как и обитателям других азиатских стран, и Греции. О нем упоминает Анакреонт в одной из своих од. Овидий поведал о том, как Тамо-сфен, когда он победил на Олимпийских играх, послал весть об этом в Эгину своему отцу, выпустив почтового голубя, чьи крылья в знак победы были окрашены в пурпур. По словам историков, во время осады Модены Брут и Авл Гирций переписывались при помощи этого же средства. На мой взгляд, то, что евреи во времена Соломона использовали почтовых голубей, явствует из Екклесиаста (10: 20): «Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальном комнате твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово [твое], и крылатая – пересказать речь [твою]». По-моему, этот фрагмент Священного Писания невозможно понять, если мы не допустим, что здесь содержится намек на использование голубей в качестве почтальонов.

Эти птицы летают с изумляющей скоростью. Известен случай, когда тридцать два голубя привезли из Антверпена и освободили в Лондоне 22 ноября 1819 года. Один из них прилетел в Антверпен в полдень того же дня, второй – через пятнадцать минут после него, а остальные достигли места назначения на следующий день.

Китайцы считают мясо голубей деликатесом. Обычно его едят во время свадебных пиршеств и на семейных праздниках. Как правило, их ежедневно подают в ресторанах в качестве деликатесной закуски.

Голубиный помет очень ценят крестьяне. Как и в Персии, крестьяне в Китае полагают, что он особенно эффективен для ускорения роста овощей. Кроме того, китайские врачи дают

его в качестве лекарства, особенно женщинам во время и непосредственно после беременности. Из Четвертой книги Царств (6: 25) явствует, что во время большого голода в Самарии, вызванного осадой, несчастные жители действительно покупали и продавали голубиный помет как еду. В одной краткой летописи английской истории мы читаем, что во время голода 1316 года, опустошившего нашу страну, бедняки иногда питались этим пометом. Я не смог установить, употребляли ли его в пищу китайцы, если речь не шла о медицинских целях.

Во время моего пребывания в Китае я бывал на многих ярмарках из тех, что проводятся во всех больших городах и деревнях империи. Самая большая – южная ярмарка, – где я бывал, проводилась в Юлуэ уезда Хэюань и в Дали, столице девятинасти деревень рядом с Кантоном. Здесь, как и на других подобных торжищах в городах и деревнях южных провинций, менял хозяев разный скот: буйволы, коровы, свиньи, козы, утки, гуси, куры, собаки и кошки. Вдобавок там продавались большие количества зерна, овощей и всяческих семян, а также сельскохозяйственных орудий. В Дали я видел много хлопка, выставленного на продажу явно по очень выгодным ценам. Можно отдельно упомянуть о прекрасном устройстве рынков в городе Дали. Хотя городские улицы темны и грязны, они напоминают сводчатые галереи и ведут к большим рынкам, где продается рогатый скот, свиньи, козы, домашняя птица, зерно, овощи и т. п. Однако, как правило, все китайские городки и деревни, где проходят такие ярмарки, особенно в Гуандуне, имеют все удобства для торговцев сельскохозяйственной и прочей продукцией. Тамашние рынки почти всегда крыты черепичными крышами, поддерживаемыми высокими кирпичными колоннами. В этом отношении городки и деревни Китая превосходят большинство английских.



Мастер по металлу

Самая большая ярмарка из тех, что я имел случай посетить в северных провинциях, находилась в Монголии, в Лама-мяо. Она открывалась на восходе, а завершалась торговля скотом в десять часов утра. Там продавали табуны лошадей, стада буйволов и свиней и отары овец. Мне сообщили, что на ярмарках, которые проводятся в этом городе в шестой, седьмой и восьмой месяц года, продается действительно очень много лошадей. Лошадиная ярмарка в Лама-мяо живо напомнила мне английских. Чумазые уличные мальчишки, на которых был большой спрос, с ловкостью и умением йоркширских барышников демонстрировали, каким шагом могут идти лошади. Они старались придать как можно больше живости своим скакунам, но то, как бедные лошадки держали свои хвосты, наводило на мысль, что их просто угостили имбирем. Когда я присматривался к ним, особенно к одной, которую хотел купить, человек на повозке, запряженной буйволами, наехал мне на левую ногу. Вероятно, меня можно было винить столько же, сколько и возчика, но я не уверен, что в тот момент прежде всего подумал именно об этом. Травма, правда, не помешала мне сторговать лошадь, и ее хозяин, монгол, после делового дружеского спора со мной в конце концов предположил,

что неплохо было бы пойти на постоянный двор, где можно было как следует обсудить *асао*. Мы отправились на постоянный двор неподалеку от рынка. За столом, на который трактирщик выставил местное вино, мы справедливо и честно провели наш коммерческий поединок. В конце концов мы договорились, что это животное (одна из лучших лошадей, какие мне попадались в Китае) будет мне продано на вполне разумных условиях.

В Пекине я тоже был на очень большой лошадиной ярмарке. Конюшни и дворы гостиниц рядом с рынком были переполнены множеством лошадей со всех концов страны. Продавцы были весьма любезны, позволяя предполагаемым покупателям проехаться на лошадях на пробу по соседней улице. На этой ярмарке я купил лошадь, которая, говоря по правде, не отличалась ни статью, ни скоростью.

В Пекине я был еще и на овечьем, и на свином рынке. Овцы не были заперты в загонках. Они были связаны веревкой по пять-шесть особей и привязаны к столбам. Свиньям связывали ноги и укладывали на землю, после чего они являли скорбное зрелище полной беспомощности. На этой ярмарке продавцами были монголы, а покупателями – китайцы, а в общем, если бы меня не окружали китайские крестьяне, я бы вообразил, что нахожусь в своей родной стране на каком-нибудь большом торжище. Здесь, как и в Англии, был бродячий актер, фокусник, гадалщик, акробат, разносчик фруктов и загадочного печенья. Был здесь и вездесущий карманник. Мастерство, с которым китайские члены этого жалкого братства практикуются в своем мерзком ремесле, наверняка обеспечивает им сносную жизнь.

Глава 25

Сады и огороды

Если бы за умение прибыльно заниматься садоводством народам присуждали премии, у китайцев был бы отличный шанс выиграть соревнование. Китаец рождается с двумя великими инстинктами хорошего садовода. Во-первых, он не пренебрегает такой ценностью, как земля, оставляя ее невозделанной, а во-вторых, вообще ничего не настроен терять, так как в девяноста девяти случаях из ста любая вещь может быть использована им в качестве удобрения. Мы говорили о том, с какой тщательностью китайцы собирают у мясника, торговца птицей, кожевника, мастера, варящего клей, и парикмахера – да мало ли еще у кого! – все, что может хоть как-то удобрить почву. К тому же это весьма настойчивый народ, и его «упорному стремлению к добру» помогает благодатный, пусть иногда и чересчур жаркий климат. В огородах, какие есть поблизости от каждого города или деревни, в больших количествах растут самые разные овощи и фрукты: сладкий картофель и ямс, репа и морковь, бобы и горох, сельдерей и редиска, брокколи и кочанная капуста, салат-латук, огурцы, дыни, тыквы, томаты и т. д. и т. п. Поскольку всего этого очень много, то цены на овощи и фрукты весьма разумны. А то, как возделываются огороды, восхитило бы наших английских соотечественников и, безусловно, вызвало бы их уважение.



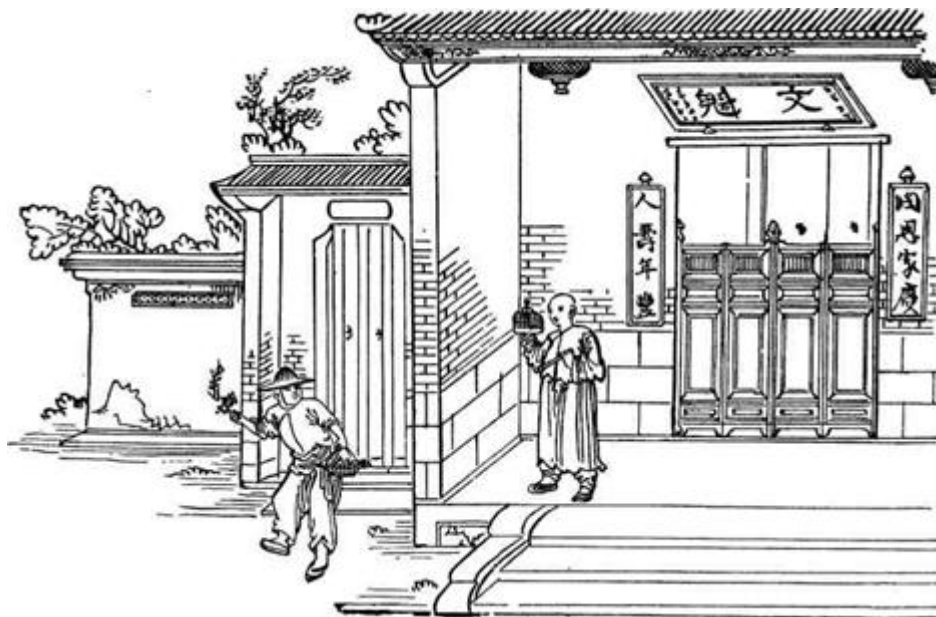
Собиратели водяных каштанов

Во фруктовых садах растет огромное количество пород деревьев, многие из которых почти неизвестны за пределами Китая. Кроме персика, абрикоса, манго, сизигиума^{132}, ананаса, груши, сливы, грецкого ореха, финика, какао, разных видов банана, хурмы, цитрона, апельсина, лимона, айвы, гуавы^{133}, олив^{134}, граната и многих разновидностей виноградной лозы, здесь есть ли-чи (личи), плод величиной с клубнику, косточка окружена нежной сочной и очень ароматной мякотью; лун-янь (лонган)^{135}, или глаз дракона; ценный плод вампи^{136} размером с голубиное яйцо, а также карамбола^{137}. Из этого перечня именно урожай карамболы, возможно, самый обильный. Она растет во множестве садов, во всяком случае – в провинции Гуандун и особенно – в Лида и других деревнях по берегам Жемчужной реки между Кантоном и Вампу. В Хуади, кантонском предместье, много таких же садов. Вокруг стволов деревьев карамболы в садах Лида и других больших деревень навалены кучи земли, но зачем это делается, мне узнать не удалось. Осенью, когда этот фрукт

поспевает, сады постоянно звенят от звуков гонгов, в которые бьют специально нанятые мальчишки. Без этой меры предосторожности птицы склевали бы больше половины урожая. Однажды я занимал в качестве кабинета маленький китайский коттедж в центре сада карамболовых деревьев в Хуади. Звон был таким громким и непрерывным, что работать было очень сложно. Апельсиновые сады или рощи совсем невелики, но крайне многочисленны и в изобилии снабжают население прекрасными плодами. Главный кантонский фруктовый рынок расположен на улице Хуэйсинь южного предместья – это кантонский Ковент-Гарден.

Но китайцы не ограничиваются садоводством на суше: они возделывают также дно водоемов и в мелких озерах, прудах и ручьях выращивают неизвестные европейцам плоды. Одно из наиболее значительных таких растений – это водяной каштан (или майтай, как называют его местные жители). Плод водяного каштана заключен в коробочку, сформированную корнем. Его выращивают в больших количествах. Водяной каштан очень полезен и отличается нежным ароматом. Его собирают женщины: они подворачивают свои широкие штаны и заходят в водоем по колено, там они на дне нащупывают каштаны руками. Наполнив корзину, собирательница отправляется в ближайший город или деревню, где блуждает с подвернутыми штанами, выкрикивая, что она продает водяные каштаны. Эти плоды пользуются популярностью, и их хорошо раскупают. Готовят водяные каштаны так: снимают шелуху и варят луковицу. Иногда луковицы режут на мелкие кусочки, которые в вареном виде едят, как в Европе мамалыгу. Часто эти каштаны растирают в ступке в мелкий порошок, который продают в пакетиках. Мне не раз приходилось есть такую мамалыгу, и, на мой взгляд, она не менее вкусна, чем пшеничная мука или мука из корней амаранта. В Пань-тане – районе, граничащем с западным предместьем, муку из водяного каштана готовят в больших количествах.

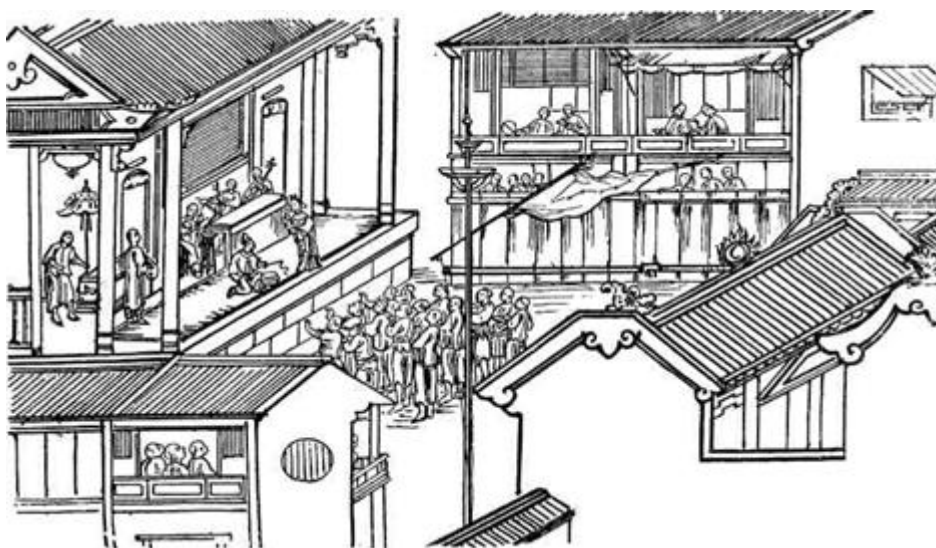
Рядом с городами и деревнями в южных провинциях можно увидеть большие пруды с кувшинками или лотосами. На западе Кантона тоже очень много таких прудов. У китайцев кувшинка, которая, по-моему, то же самое, что шушан в Священном Писании, – это священное растение. Она цветет в июле и августе. Когда из-за поздних дождей и приливов Жемчужная река в эти месяцы заливает близлежащие земли, можно видеть, как ее большие цветы, похожие на тюльпаны, некоторые ярко-красного, а другие молочно-белого, а также немало красно-белых, поднимаются, будто торжествуя, над поверхностью вод. Этими цветами китайцы украшают свои дома. Листья кувшинки также используются лавочниками, особенно бакалейщиками, вместо бумаги, в которую заворачивают покупки. Семена лотоса, почти такие же большие, как фундук, варят и едят. На дне водоемов китайцы также собирают продолговатой формы корень растения такого же цвета, как репа. Разрезанный корень, состоящий из клеточек, похож на медовые соты. Китайский лотос, насколько я понимаю, принадлежит к такому же виду, что и египетский, о котором Геродот написал: «Как только воды достигают высшей точки в своем разливе, над поверхностью появляется множество лилейных растений, которые египтяне называют лотосами».



Продажа цветов

Оказывается, у египтян существовал обычай есть семена этого растения. Они варили их, приводили в тестообразное состояние и пекли как хлеб.

В Китае весьма многочисленны цветущие кустарники, цветы и травы. Цветы, как и фрукты, можно купить в изобилии в любое время года. Как правило, китайцы разбивают сады на берегах рек, ручьев или каналов, чтобы было удобнее орошать их. Насколько мне известно, так дело обстояло и с садами в Палестине (Быт., 2: 10 и Ис, 1: 30). В случае, если китайский сад не находится вблизи реки или ручья, воду для орошения черпают из глубоких колодцев или из прудов, для распределения воды используются полые бамбуковые трубки. Воду черпают при помощи сбалансированных рычагов, которые укреплены на деревянных опорах и отходят от колодца в разных направлениях. Там, где воду черпают из прудов, пользуются двумя ведрами. Каждое из них снабжено носиком. Они прикреплены к концам бамбукового шеста, который работник несет на плечах.



Уличный концерт

Наполнив ведра водой из водоема, он выливает их на грядки с овощами или цветами, не снимая шеста с плеч. Плиний Старший в своей «Естественной истории» описывает методы орошения садов, принятых в его время, которые напоминают китайские. Как правило, сады и

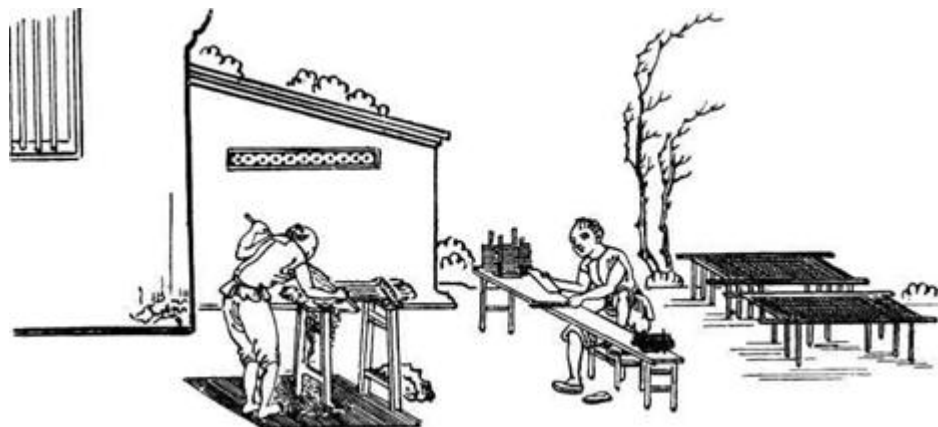
огороды в Китае не прилегают к домам хозяев и никак не связаны с ними. Они расположены за пределами города и часто находятся на расстоянии мили или двух от домов своих владельцев^{138}. Кроме того, очевидно, что упомянутые в Священном Писании сады обычно находились за городскими стенами. При каждом саде есть несколько садовых домиков. Некоторые из этих беседок построены в форме пагод, другие напоминают цветочные лодки, а третьи увенчаны куполами башен. Они обставлены стульями, кушетками и столами, замечательными своей простотой и аккуратностью. Семьи и их друзья нередко удаляются в эти отрядные приюты, чтобы отгородиться от шума и суеты города. Часто устраивают обеды в садах, во время которых певцы и певицы обычно поют и играют популярные китайские песни для развлечения гостей. Иногда эти пиры оживляются театральными представлениями, в которых заняты профессиональные актеры. Интересно, что древнееврейские пиры, которые устраивали в садах, сопровождались пением и инструментальной музыкой. Наверное, почти все в большей или меньшей степени имеют общее представление о виде китайских садов – и питомников, и частных. Обеденные сервизы и картинки на рисовой бумаге, которые ранее годами в огромных количествах высылались в Великобританию и покупались везде – от конца земли до дома Джона О’Трута, вероятно, познакомили большинство со своеобразными пейзажами, которыми славятся эти сады. Тем не менее стоит специально остановиться на одном или двух ландшафтных садах. Самый большой сад в окрестностях Кантона принадлежит господину Пань Динью. Он занимает несколько акров и окружен кирпичной стеной высотой пятнадцать или шестнадцать футов. Вокруг сада идет галерея, вымощенная плитами и крытая черепичной крышей, которую поддерживают деревянные колонны. Она защищает посетителей и от дождя, и от палящих лучей солнца, почти невыносимых в летние месяцы. Кроме того, каждая из дорожек, пересекающих сад, тоже находится под защитой черепичных крыш, так что в любую погоду можно с удобством проходить из одной части в другую. Вдоль этих дорожек находятся изящные беседки, иногда двухэтажные, которые обставлены в китайском стиле и с большой аккуратностью большими гранитными плитами и желтыми валунами вместо скамеек. В центре сада расположена большая летняя резиденция, в которую нередко приезжает Пань Динью и дамы из его семейства. Она окружена водой, и к ней ведет зигзагообразный мост. На первом этаже дома гостиная и столовая, а на втором – три-четыре спальни и библиотека. Непосредственно напротив столовой находится зал, где для увеселения гостей дают театральные представления. В дальнем конце сада, на холме, построена белая пагода, отсюда открывается прекрасный вид на окрестности. Холм покрыт цветами, мхами и кустарниками. Вокруг него выются дорожки, и путь то и дело преграждают груды камней. Здесь, на скалистой возвышенности, стоит небольшое здание, поразительно похожее на храм в миниатюре. В саду устроены многочисленные водоемы, которые покрыты цветущими кувшинками, что весьма украшает пейзаж. Вдоль берегов растут деревья личи, лонгана и вампи, которые в определенное время обильно плодоносят. А вдоль дорожек, опоясывающих и пересекающих сад, расставлены горшки с цветами и кустарниками удивительной красоты и разнообразных оттенков. Для горожан Кантона этот сад бывает открыт во время определенных праздников. Это столь популярное место отдыха, что почти каждую неделю туда пускают пообедать группы самых видных людей города. Столовая, где это происходит, очень просторна. Поскольку с двух сторон вместо стен сплошь стеклянные окна, зал называют хрустальной комнатой. Еще одна стена комнаты обшита панелями, на которых тщательно и детально прорисованы цветы, птицы и насекомые.

Однако такие ландшафтные сады не являются отличительной особенностью только Южного Китая. Рядом с Пекином я как-то раз имел возможность осмотреть естественные и искусственные красоты садов, прилегающих к Юань-мин-юаню, или летнему дворцу императора. Я посетил и большой сад камней, прилегающий к одному из домов в областном городе Юньчжоу на берегах Янцзы. Этот сад, которым владел дворянин Бао Цзя, очень меня

заинтересовал: настоящий лабиринт с запутанной сетью дорожек, вьющихся во всех направлениях, причем валуны здесь образовывали пещеры. Был я и в очень похожем саду камней в Сучжоу, он находился на землях маленькой управы на улице Пань-лу-чэн. Говорят, этот сад был любимым местом отдыха Цяньлуна во время трех его визитов в город. Внимание посетителей всегда обращают на табличку, подвешенную на стену сада, с двумя китайскими иероглифами. Эта фраза принадлежит Цяньлуну, он выражал свое удовольствие по поводу посещения такого своеобразного места.

Обычно в этих парках и садах живут один-два оленя. Полагаю, что с этим животным китайцы связывают удачу, – слово «олень» изображается иероглифом, похожим на тот, который означает «счастье», поэтому богатые семьи стараются приобрести это животное. Мятежные силы, возмущавшие спокойствие Китая на протяжении нескольких лет нынешнего столетия, на марше всегда пускали перед собой оленя, надеясь, что это обеспечит им успех. Часто состоятельные люди держат у себя в поместье белую цаплю, которую китайцы тоже считают символом удачи.

Во многих садах можно увидеть пасеки. С пчелами этот народ управляется не хуже, чем просвещенные последователи прославленного Франсуа Губера. Рассудительные китайские пасечники знают, что успех пчеловодства – это достаточная защита от летнего зноя и зимней стужи и расположение ульев вдали от шумных мест. Чтобы укрыть их от северного и северо-западного ветров и от солнечных лучей, ульи ставят в крытых галереях или под широкими карнизами жилых домов; если же последние неудобны, то под карнизами садовых стен, выходящих на юг. Размещение пчел так близко к жилым домам делает пчел такими ручными, что они не сердятся, подобно английским, если кто-нибудь подходит к их ульям. Чтобы пчелы не перепутали ульи, хозяева не ставят их близко – один от другого находится на расстоянии двенадцати-четырнадцати футов. Поскольку для успешного разведения пчел весной и летом необходима вода, пасеки размещают на берегах речек или рядом с прудами. Ульи делают из ротанга или бамбука, иногда обмазывают глиной, иногда коровьим навозом, смешанным со смолой дерева гу-шу. Такие улья перед английскими соломенными имеют то преимущество, что мыши не устраивают в них гнезда и соответственно не могут проникнуть внутрь. В каждом улье есть круглая дверца с отверстиями, соответствующими величине пчел. Благодаря этому все большие насекомые, угрожающие пчелам, лишаются возможности проникнуть внутрь улья. Каждое утро стены ульев тщательно чистят щеткой, чтобы удалить пыль и не допустить образования паутины.



Изготовление ароматических палочек

В весеннее время года, когда выращивают молодых пчел, в случае нехватки еды пасечники угощают их медом. Не меньше заботы и умения проявляют они в уходе за пчелами в сезон роения. Если они, оставив улей, поднимаются высоко в воздух и кажется, что собираются улететь далеко, пасечники стараются заставить их опуститься, бросая в рой паря-

щих пчел рыхлую землю. Иногда я видел, как хорошего результата достигали, кидая в него рисовые зерна. Рой, летающий над низким кустарником или деревом, сметают в улей метелкой из перьев или загоняют туда дымом, поднимающимся от сжигаемой бумаги. Сезон роев заканчивается в июне, а в восьмом месяце года умирает множество пчел, которых здесь называют черными, или «служащими». Китайцы считают, что, если бы черные не умирали, остальным пришлось бы голодать. Мед из ульев вынимают, как правило, ночью. Пчел выкуривают дымом, затем острым ножом вырезают соты, после чего пчелам позволяют вернуться в улей. Прежде чем вырезать соты, пасечник сверяется с календарем, чтобы убедиться, что выбранный день благоприятен для этого.

Соты кладут в муслиновый мешочек, через материю чистый мед постепенно просачивается в приемник. Воск кладут в хлопчатобумажный мешочек и крепко завязывают горловину, затем кладут в сосуд с кипящей водой. Чистый воск просачивается через материю и плавает на поверхности. Затем его вынимают из воды и хранят в глиняных кувшинах. В зимние месяцы, когда цветов мало, в ульи кладут сахар.

Аквариум с различными видами золотых рыбок — еще одна общая интересная черта китайских садов. Чаще всего это старые глиняные кувшины, горлышко которых примерно пятнадцать футов в диаметре, а к дну они сильно сужены. Если возникает необходимость заменить старый кувшин новым, стороны последнего сначала натирают ломтиками репы, затем до краев наполняют ключевой водой; через несколько дней стенки сосуда покрываются мхом. Ранней весной самцов креветок с обрезанными клешнями бросают в кувшины, а зачем, я узнать не смог. Сразу после этого емкости накрывают деревянными крышками. Во время палящего летнего зноя воду, содержащуюся в этих сосудах, меняют через день. О наступлении сезона размножения сигнализирует то, что по бокам каждой рыбы-самки плывут два самца. В кувшинах, куда рыб помещают для метания икры, содержится очень мало воды. Чтобы было, куда метать икру, в кувшины кладут пучки водорослей или длинной травы. Поскольку поверхность каждой икринки клейкая, она приклеивается к этим растениям. Кувшины ставят под тенистыми деревьями, чтобы уберечь их от лучей солнца. Мальки появляются не более чем через два-три дня. Когда они выводятся из икринок, в течение первых десяти дней их кормят желтком яиц, сваренных вкрутую, потом им дают молодых насекомых, которых обычно ловят у поверхности стоячих водоемов и тщательно моют, перед тем как дать малькам. Зимой, когда насекомых достать труднее, мальков кормят кровью свиней, кур или уток, смешанной с рисовой мукой, высушенной на солнце, а потом истолченной в ступке. В это время нередко в рацион входят маленькие земляные черви, порезанные на крошечные кусочки. В течение первых четырехсот дней жизни рыбы бывают черного цвета. Через несколько дней после этого на них появляются золотые или серебряные пятнышки. В конце концов рыбки перестают быть крапчатыми и приобретают ярко-золотистый цвет, которым по праву славятся китайские золотые рыбки. Время, которое требуется для такой перемены цвета, различно.

Китайцы тщательно ухаживают за рыбками, стараясь сохранить их здоровье. В случае болезни они пользуются испытанными средствами. Если рыбки плавают на боку и задыхаются, в кувшин немедленно наливают свежую воду. Затем в качестве универсального лекарства туда высыпают мелкий порошок, изготовленный из корня банана, растертого в ступке. Если рыбка худеет и покрывается пятнами, приходят к выводу, что виноваты вши. Если их не уничтожить, они окажутся роковыми для ее жизни. Чтобы покончить с ними, в кувшин кладут кору дерева фэн и белой ивы, нарезанную полосками. В некоторых случаях для этого в кувшин кладут недавно изготовленный кирпич, полежавший в нечистотах и высушенный на солнце.

Suiprinus auratus, или золотой карп, — самая красивая из всех китайских золотых рыбок. Она местного происхождения. Согласно Пен-нанту, золотого карпа завезли в Европу ближе к

концу XVII столетия. В Китае серебряные рыбки ценятся больше, чем золотые, это, видимо, объясняется тем, что они встречаются довольно-таки редко. Китайцы не ценят золотых рыбок со спинными плавниками, таких называют цзай-юй-чжу; самыми ценными считаются чжэнь-чжу-дунь, или рыбы с жемчужной чешуей. Самцы этой разновидности отличаются от самок белыми пятнышками, расположенными на кончиках плавников. Такая рыба весит примерно четыре лян. Я отметил, что в качестве аквариумов используются глиняные кувшины, но иногда рыб держат в корытах и прудах.



Китайская игра в волан

Глава 26

Чай

Чайное дерево относится к вечнозеленым и с виду напоминает мирт. Оно бывает от четырех до восьми футов высоты и отличается такой выносливостью, что может расти почти в любом климате. Я видел, как успешно выращивали чай в Хэшане, Хэюане и других уездах провинции Гуандун в пределах тропиков; но многочисленные чайные посадки встречались мне также не только в центральных и северных провинциях собственно Китая, но и в разных районах Внутренней Монголии, где зимы весьма суровы. Все же лучше всего чай растет в провинциях Фуцзянь, Цзянсу, Хунань и Хубэй. Джованни Ботеро, итальянский дипломат-путешественник, в 1590 году написавший труд о процветании и богатстве городов, первый европейский автор, который упоминает о чайном дереве, пишет: «У китайцев есть растение, из которого они выжимают вкусный сок и пьют его вместо вина; он сохраняет им здоровье и помогает избежать всех тех бед, что порождает у нас неумеренное потребление вина».

Эта культура, которую выращивают из семян, обеспечивает занятость большого числа китайцев. После сбора семян (примерно в середине девятого лунного месяца, то есть в октябре) их выкладывают на солнце, чтобы они совершенно высохли, – так их готовят к безопасному хранению в течение зимы. Примерно в середине первого лунного месяца, то есть в феврале, или в начале второго лунного месяца их помещают в холодную воду на двадцать четыре часа, отчего семена становятся совершенно влажными, затем раскладывают в матерчатые мешочки, которые помещают в умеренно теплое помещение для постепенного высушивания, как правило, на кухне, поскольку на данном этапе тепло очага предпочтительнее жара солнечных лучей. Подсушенные семена вновь смачивают водой, потом снова подсушивают и снова смачивают. Процесс смачивания и высушивания продолжается до тех пор, пока семена не проклюнутся. После этого их помещают в половине дюйма друг от друга в тонкий слой земли, рассыпанной на плетенке или циновке. В течение первых четырех дней о рассаде тщательно заботятся: каждое утро ее как следует поливают и выставляют на солнце, а в конце дня вносят в помещение, где она остается на ночь. На пятый день рассада становится достаточно сильной, чтобы выдерживать ночной воздух, хотя роса ей не полезна, а дождь противопоказан. Когда ростки достигают четырех дюймов в высоту, их высаживают в землю на расстоянии двух футов. Поскольку холмистые участки предоставляют хорошие возможности для стока воды, что очень важно, они лучше приспособлены для роста чайного дерева, чем равнинные места. Чайные плантации с их пышной темно-зеленой листвой, действительно напоминающие садовые вечнозеленые кустарники, чудесно контрастируют с пустынным ландшафтом.

Первый урожай чая собирают в конце третьего года. Если листья сорвать раньше, растению можно нанести серьезный вред. Если же не провести ежегодного сбора листьев с трехлетнего куста, на следующий год урожай будет скудным и не очень высокого качества. Первый урожай собирают во второй половине апреля, второй – ближе к концу мая или в начале июня, а третий – примерно через тридцать дней после второго. Китайцы очень стараются не истощать растения, оставляя их совершенно голыми при сборе листьев. Однако, несмотря на все заботы, в конце концов растения перестают приносить урожай: в восьми-летнем или десятилетнем возрасте на них рождается лишь немного грубых листьев. Поэтому крестьяне, выращивающие чай, обычно срубают кустарники под корень, чтобы в следующие годы на пеньках выросло множество молодых побегов. Перед началом работы сборщики чая должны вымыть руки. Листья обрывают очень осторожно: за один раз по одному

со стебля. Их кладут в ивовые корзины. Умелый сборщик чайных листьев может довольно легко набирать по десять–тринадцать фунтов листьев в день.

Китайские чай, которые британские и другие иностранные купцы вывозят в Европу и Америку, включают следующие сорта: конгу, су-чонг, цветочный пекое, улун, душистый апельсиновый пекое, душистый каперс и зеленый чай.

Конгу готовят так. Листья рассыпают для просушки на свежем воздухе. Затем их топчут работники, чтобы выжать последнюю жидкость, оставшуюся в них после сушки на солнце и воздухе. В конце этого процесса, который нередко продолжается два-три часа, листья снова сваливают в кучу и накрывают тканью. В таком виде их оставляют на ночь. В это время они претерпевают большие изменения и от самопроизвольного нагрева принимают черный или коричневый цвет, тогда как раньше были зелеными. Кроме того, они становятся более ароматными и совершенно меняют букет. Теперь работники начинают разминать листья ладонями, сворачивая и комкая. Скрученные листья снова выставляют на солнце. Если день сырой или небо сколько-нибудь облачно, их пекут на древесном угле. Это происходит следующим образом: над жаровней с горячими угольками помещают плетенку, напоминающую по форме корсет, то есть на концах она широкая, а посередине суженная. В узкой части плетенки находится сито, на котором лежат листья. Специальный работник время от времени ворошит их, чтобы они нагревались равномерно. После описанных выше операций чайные листья можно продавать владельцам чайных лавок, многие из которых живут в городах поблизости от чайных районов. Хотя хозяева плантаций предварительно сушат чайные листья на углях, владельцы лавок снова подвергают их нагреву, кажется, в течение двух часов. После этого листья просеивают. Просеивание облегчает, но не отменяет дополнительные усилия по ручной сортировке: отделяют плохие листья и черешки от хороших листьев. Это поручают женщинам и девочкам, которые, сидя с корзинками, полными листьев на коленях, ловко выбирают обеими руками черешки и порченные листья, оставшиеся в чае после просеивания. Затем прибегают к помощи веялки, похожей на ту, что английские фермеры используют для веяния зерна, чтобы отделить легкие негодные листья от тяжелых хороших. Чаи первого сорта провеивают чаще, чем чаи худшего качества. Тщательно провеянные листья раскладывают в коробки, выстеленные бумагой. Когда коробок достаточно, чтобы составить одну партию, или «кусок», как ее здесь называют, то продают иностранным купцам.

Черный конгу – название некоторых сортов конгу (гунфу ча). Оно подразумевает, что их лист чернее листа красного, или бурого, конгу, унаньского, уинского и хукоуского конгу. Убайский конгу производят в провинции Хубэй. Это собирательное название для сортов чая, произрастающих в разных местах этой провинции. Его листья имеют четкие контуры. По цвету они черные с серым оттенком. В былые годы убайский конгу посылали в Кантон на продажу, но теперь его в больших количествах продают в Ханькоу – новый порт, открытый для внешней торговли несколько лет назад в соответствии с договором Эль-джина^{139}.

Унаньский конгу выращивают в разных районах провинции Хунань. Листья сероватые и черноватые, иногда – с красным оттенком. Унаньский конгу также ранее посылали в Кантон на продажу. В настоящее время основной сбыт этот чай находит в Ханькоу. Нинчжоуский конгу производят на северо-западе провинции Цзянси, но лучшие сорта этого чая растут в Унине, на юго-западе от города Цзюцзяна. Листья этих сортов – коричневато-черные. Основным рынком для таких чаев – Ханькоу, но на рынки Ханчжоу и Кантона тоже иногда поставляют партии этого чая. Хукоуский конгу растет на северо-востоке провинции Цзянси и на севере холмов Уи. Его листья очень грубые, неправильной формы и коричневато-черного цвета. В районе Хукоу, в уездах Унань и Юнчжоу, есть несколько чайных ханов, хозяева которых покупают большое количество не до конца обработанных листьев. Они сами завершают обработку, фасуют чай и продают у себя в Хукоу. Почти все хукоуские чаи посылают на

продажу в Цзюцзян, остальные партии – в Кантон и Фучжоу, но до Фучжоу их доходит очень мало. Иногда партии хукоуского конгу посылают прямо в Шанхай. Самые хорошие партии убайских чаев состоят из лучших черных листовых сортов. Хорошие унаньские чаи лучше нинчжоуских, а хукоуские уступают им всем. Черные листовые чаи посылают в Соединенное Королевство, кроме тех партий, что идут в Австралию и через Сибирь – в Россию.

Красный, или бурый, конгу называется так из-за красноватой или коричневатой окраски листьев. Его выращивают в провинции Фуцзянь, но лучшие чаи этого класса растут в окрестностях города Шама и носят название кайшаньских. Листья красного, или бурого, конгу невелики и плотно скручены. Эти чаи находят главный сбыт в Фучжоу. Те, что родятся на юге провинции Фуцзянь, отправляют на продажу в порт Амой.

В провинции Гуандун растет много чайных кустов, из которого изготовляют чаи, подобные тем, что и в центральных провинциях империи. Главный сорт гуандунского конгу называется тайшаньским конгу. Листья этого сорта длинные и жесткие, коричневато-черные. Много тайшаньского конгу фасуют в Макао и продают там. В последние годы в Кантоне делали очень хорошую имитацию красного конгу. Красноватые листья этого сорта очень малы и скручены. Как правило, красный и гуандунский конгу отправляют на продажу в Великобританию, но небольшое количество этих чаев шлют и в Соединенные Штаты. Черный конгу обыкновенно упаковывают в ящики, каждый из которых вмещает от восьмидесяти пяти до ста десяти фунтов, красные чаи тоже, но кое-где принято укладывать их в ящики вместимостью от сорока до пятидесяти-шестидесяти фунтов. Тайшаньские конгу почти всегда упаковывают в коробки по двадцать-тридцать фунтов каждая.

Сучонг (сяочжун) очень похож на чай конгу. Он обладает тем же коричневатым или красноватым оттенком, что и красный конгу, но готовить лист сучонга гораздо проще. Кроме того, и вкусом этот чай сильно отличается от конгу. Хороший сучонг производится только в одном регионе Китая, а именно на северо-востоке провинции Фуцзянь. Чайный лист готовят следующим образом. Сначала его раскладывают для сушки под открытым небом. Затем рабочие топчут его, собирают в большие кучи, тщательно укрывая каждую сукном. В таком состоянии чай остается до следующего утра. Затем листья разминают в ладонях, чай порциями раскладывают на три часа над древесными углями. Способ приготовления сучонга во всех отношениях похож на обработку конгу. Первый урожай сучонга, насколько мне известно, из-за большой крепости его, как правило, не требует вторичной тепловой обработки над углем, но в большинстве случаев считают необходимым подвергать воздействию солнечных лучей.

Сучонг, упакованный в ящики, покрыт внутри лучшим свинцом. Всем, кто занят в чайном промысле, он известен под названием сучонгского свинца. Основную массу сучонгских чаев посылают на рынки Соединенного Королевства, а оставшийся – в Австралию и Соединенные Штаты.

Цветочный, или флауэри пекое (хуа байхао), – это чай высшего качества. Его производят немного. Такой чай готовится из верхушечных вегетативных почек, которые выкладывают сушиться на солнце сразу же после сбора, а затем продают хозяевам чайных лавок. Они подвергают его тепловой обработке на медленном огне и фасуют. Листья цветочного пекое выглядят пушистыми и бывают разного цвета: некоторые – желтыми, а некоторые – черными. Цветочный пекое по большей части вывозят из Фучжоу. Небольшие партии посылают в Кантон для экспорта. Покупают цветочный пекое в Англии.

Улун, довольно-таки распространенный сорт чая, готовят следующим образом. Препрежде всего листья рассыпают для просушки. Затем их спрыскивают или смачивают водой, а вслед за этим держат над углями, как конгу. Затем плантаторы посылают листья владельцам чайных лавок, чьи работники выбирают из общей массы стебельки и испорченные листья. После этого листья снова смачивают водой и снова держат над углями. Когда листьев ока-

зывается достаточно для одной партии, их смешивают и еще раз нагревают над углями. По виду листья желтые, с черным или темно-зеленым оттенком; они грубые, неправильной формы и жестковатые, неплотно скрученные. Улунский чай изготавливают в провинции Фуцзянь, поэтому его вывозят из портов Фучжоу и Амой. Наибольшая часть его отправляется в Соединенные Штаты, а остаток – в Англию и Австралию.

Ароматный орэндж пекое (чэн байхао) изготавливают в провинциях Гуандун и Фуцзянь. При этом гуандунские чаи этого сорта называются кантонским ароматным орэндж пекое, а фуцзяньские – фучжоуским ароматным орэндж пекое. Такие чаи обрабатывают следующим образом. Листья рассыпают сушиться под открытым небом. Затем рабочие разминают их между ладонями, чтобы они выглядели скрученными или смятыми. На этом этапе обработки листья фасуют и посылают на рынки Кантона и Фучжоу, где их немедленно распаковывают и подвергают воздействию медленного огня. Чтобы придать листьям аромат, их смешивают с цветами арабского жасмина. Когда полагают, что они достаточно пропитались жасминовым ароматом, их при помощи решета отделяют от цветов. Лучшие сорта ароматного орэндж пекое ароматизируют дважды. Второй раз подвергать тепловой обработке их не нужно. Листья фучжоуского ароматного орэндж пекое маленькие и плотно скрученные. Они желтого цвета, с коричневатым или черноватым оттенком. Листья кантонского ароматного орэндж пекое длинные, жесткие, плотно скрученные и черные, иногда с желтоватым или зеленоватым оттенком. Черного цвета добиваются, смешивая чай с истолченным в порошок древесным углем. Ароматный орэндж пекое всегда упаковывают в коробки. Его вывозят для продажи в Соединенное Королевство. Иногда небольшое его количество отправляют из порта Фучжоу в Австралию.

Ароматный каперс делают точно так же. На самом деле это листья, которые остаются после просеивания ароматного орэндж пекое. Они имеют форму катышков. Приготовленные в Фучжоу бывают желтоватыми и коричневатыми или черноватыми, тогда как приготовленные в Кантоне – черные или коричневые, иногда с желтым или зеленым оттенком. Чай, из которого в Кантоне готовят каперс, растет на протяженной гряде холмов в уезде Хэшань, который входит в число районов, образующих область Гуанчжоу. Сначала чайные листья как следует просушивают, подвергают воздействию тепла над углями и отправляют, когда набирается достаточное количество, в Кантон. Там из них делают каперс в соответствии со следующими правилами. В каждую сковороду из тех, что есть в хане, кладут по семнадцать или восемнадцать горстей листьев, смачивают их водой, а потом ворошат руками. В итоге они делаются мягкими и гибкими. Затем их немедленно раскладывают в большие грубые холщовые мешки. Наполненные и крепко завязанные, они выглядят как футбольные мячи. Мешки расставляют на полу в одном из самых больших помещений лавки. На них становятся ногами работники и катают туда-сюда по полу. Чтобы не упасть, опираются на длинные деревянные палки. Во время этого процесса чайные листья в мешках принимают вид катышков, или каперсов. Грубые листья выбирают из лучших, но их не выбирают, а подвергают хорошей тепловой обработке, кладут в деревянные корыта и крошат большими ножами, по форме похожими на мотыги. Затем из этих кусочков посредством вышеописанного процесса делают чай, который тоже называется каперсовым. Самый низший сорт ароматного каперсового чая получается из смешения чайной пыли с рисовым отваром и последующего просеивания, нужного для того, чтобы придать смеси форму катышков. Ароматный каперсовый чай вывозят в Соединенное Королевство.

Зеленый чай обрабатывают следующим образом. Листья кладут в железные сковороды сразу после сбора, чтобы они в течение всего двух-трех минут подверглись воздействию тепла древесных углей. Затем их короткое время растирают, а после этого снова ставят на угли. Эта вторая тепловая обработка продолжается не две-три минуты, как первая, а два-три часа. Каждому работнику цеха тепловой обработки на фактории, изготавливающей зеленый

чай, поручают одну связку листьев весом восемь или десять цзиней; пока листья греются второй раз, их постоянно помешивают вручную. Если речь идет о более качественном чае, листья постоянно провеивают в течение первого часа второго нагрева, чтобы сохранить их зеленый цвет. После второго нагрева листья фасуют и отправляют владельцам чайных лавок. Те снова ставят листья на огонь на полчаса, затем очищают при помощи обычных методов: просеивания, перебирания и веяния. Во время обработки зеленых чаев следует обращать большое внимание на отбор листьев, разнящихся по размеру и форме. Степень тщательности этого отбора, конечно, зависит от намерений производителя. Разобранные по размеру листья продают иностранным купцам. Маленькие, напоминающие формой катышки, образуют так называемый пороховой чай, листья побольше той же формы называются императорским чаем. Маленькие жесткие скрученные листья называются молодым хайсоном, а такие же побольше – хайсоном. Чай твэнки – это название легких, больших, грубых листьев неправильной формы. А тонкие, кожистые и ломаные называются кожистым чаем, или кожистым хайсоном; последние иногда также называют хайсон-твэнки. Когда листья разобраны и рассортированы под этими названиями, их снова ставят греться на угли: пороховой чай на двенадцать или четырнадцать часов, императорский – на восемь, молодой хайсон – на десять, хайсон – на восемь, а твэнки и кожистый – на три часа. Когда проходит половина времени нагрева каждого сорта, с листьями смешивают небольшое количество гипса в порошке, берлинской лазури и куркумы, причем два последних ингредиента придают чаю желаемый цвет. Все зеленые чаи – и высшего качества, и обычные – смешиваются с перечисленными веществами, но количество красителей бывает произвольным. Производители, которые хотят придать чаям интенсивный синий цвет, конечно, используют больше красителя, чем те, что предпочитают более бледную окраску. После того как разные сорта зеленого чая подверглись тепловой обработке, их как следует встряхивают и еще раз нагревают в течение получаса. Обычно эти сорта упаковывают в половинные ящики, но иногда и в коробки. Самый лучший зеленый чай делают поблизости от Уюаня, и он известен как моюань. Все зеленые чаи, кроме небольшого количества партий, которые отправляют в другие порты, привозят в Шанхай, Цзюцзян и Нинбо.

Во время посещения Формозы я видел чай, растущий на склонах холмов этого прекрасного острова. Как бы то ни было, формозский чай совсем неважного качества. Некоторое его количество отправляют в провинцию Фуцзянь, у которого остров находится в административном подчинении. Говорят, что жители Фуцзяни ценят этот чай за его предполагаемые целебные свойства. В последние годы чаи с Формозы отправляют на продажу в Макао, где перед экспортированием их обильно смешивают с гуандунскими чаями. На Формозе делают и улунский чай. Его покупают у островных плантаторов европейские купцы, которые, как правило, переправляют на продажу на рынки Соединенных Штатов.

Путешествуя по Внутренней Монголии, я видел там растущие кусты чая, хотя их было и немного. Листья местного чайного дерева очень велики. Мне сказали, что из них делают чай только для кочевых монголов. Чаи здесь обрабатывают очень просто. Собранные листья помещают в железную сковороду, чтобы как следует обработать паром на медленном огне. После того как эта простая операция будет повторена семь или восемь раз, чай считается готовым.

Чай, известный как кирпичный, или плиточный, бывает двух видов: зеленый и черный. Зеленый кирпичный чай делают из листьев, упавших на землю или из-за сильного ветра, или из-за смены сезона. Их собирают, смешивают со стеблями или черешками, при просеивании, перебирании и веянии отделенными от аккуратно собранных вручную листьев. Затем кладут в ивовые корзины. Каждую помещают над железной сковородой, наполненной до краев кипятком, и ставят на медленный огонь (на горящий коровий навоз). Вода кипит, и пар постепенно пропитывает содержимое корзин. Затем эту массу помещают в формы и прида-

вливают тяжелыми грузами. На фактории, где делают зеленый плиточный чай, эти операции занимают один месяц.

Черный кирпичный, или плиточный, чай тоже делают из опавших листьев и стеблей. Процесс его приготовления точно такой же, но он готов уже через три недели. Тридцать больших плиток зеленого плиточного чая составляют один тюк. На тюк черного плиточного чая приходится шестьдесят четыре плитки, поскольку они гораздо меньше, чем плитки зеленого. Такой чай обоих видов бывает самого разного качества: некоторые плитки очень грубые, а другие – совсем гладкие. Иногда поверхность плиток ровная; иногда она украшена рельефными изображениями цветов. Зеленый плиточный чай делают в Фэнчжоу провинции Хунань, а черный плиточный чай – в Сун-яне и в Ян-лу-туне провинции Хубэй.

Название последнего города напоминает мне путешествие, которое было бы удовольствием, если бы не происшествие, ужаснувшее меня. Это было пленение и немедленное наказание вора в Тяньчжэне, городе, где я провел ночь по пути из Ханькоу в Ян-лу-тун. Несчастного поймали в полночь, когда он пытался украсть тюк с чаем с джонки, стоявшей у пристани. Его насильно втащили на борт, и команда, которую разбудил полицейский, сорвала на нем свою неистовую ярость. В течение самое меньшее трех часов ночную тишь нарушали его отчаянные вопли. В конце третьего часа они внезапно прекратились. Несомненно, он умер под пыткой, которой подвергли его жестокосердые соотечественники. Такое зверское отношение к мелким похитителям грузов встречается не только в провинции Хубэй. В 1871 году, пересекая Жемчужную реку от Шамя-ня к Хэнаню, я увидел на носу сампана, плывшего на приливной волне, мертвое тело человека, который, как я узнал впоследствии, был забит до смерти командой джонки за то, что пытался украсть груз.

В Тяньчжэне люди были весьма не расположены к нам; проходя по главным улицам города темным вечером, мы подверглись нескольким нападениям, люди жестоко забрасывали нас камнями. Пока мы шли по узкому проулку, ведущему к пристани, человек, явно поджидавший нас, швырнул в мою голову настолько большой камень, что, если бы он попал в цель, результат оказался бы фатальным. Грозный снаряд пронесся со свистом у моего правого уха и мощно срикошетил от противоположной стены проулка.

Приехав в Ян-лу-тун, я нашел там множество обширных чайных ханов, в которых изготавливается черный плиточный чай. Опираясь на тамошний опыт, рискну утверждать, что заявление профессора Джонсона в его труде, озаглавленном «Повседневная химия», о том, что плитки часто укрепляют, смешивая листья с овечьим навозом и коровьей кровью, безосновательно. В Ян-лу-туне я купил некоторое количество плиток чая. Они все еще у меня.

Разные тюки плиточного чая отвозят из чайных ханов в тачках к берегам ближайшей реки, где их грузят на суда и отводят в Ханькоу. В этом порту тюки с чаем покупают русские купцы; они направляют от пятидесяти до семидесяти тысяч тюков плиточного чая ежегодно для продажи в розницу на рынки Монголии, Маньчжурии, Тибета и Сибири. В известной работе, о которой я уже упоминал, профессор Джонсон утверждает, что «монголы и другие татарские племена при использовании плиточного чая растирают его в мелкую пыль, кипятят с щелочной степной водой, добавляя туда соль и жир, и сливают жидкость, оставляя на дне осадок. Ее они сначала смешивают с молоком и маслом, а потом с небольшим количеством жареного мяса». Сэр Джозеф Хукер в своей работе «Гималайские дневники» говорит, что тибетцы пьют «нечто вроде супа, приготовленного из плиточного чая, причем листья этого чая сбивают с солью, сливочным маслом и содой, кипятят и переливают в чайник».

В уезде Аньни-юань области Пуэр-фу провинции Юньнань тоже делают плиточный, или кусковой, чай. Плитки формуют круглыми, по двадцати одному дюйму в окружности. Юньнаньский плиточный чай называется пуэр-фуским чаем. Китайцы его очень любят, не только из-за вкуса, но и из-за некоторых его качеств: он не только избавляет от разлития желчи, но и помогает при геморрое. Чем дольше хранятся плитки, тем крепче будет их

настой. Несколько тюков ежегодно высылают в Пекин для самого императора и членов его семьи. Плиточный чай делают также в провинции Фуцзянь; там плитки намного меньше, чем хунаньские и хубэйские, они состоят из грубых чайных листьев, которые хранят после сбора более десяти лет, смешанных с другими ингредиентами. Китайцы, как правило, пользуются этим чаем как жаропонижающим средством.

Существует также продукт, который изготавливают из чая, под названием ча-бин, или чайные лепешки. Листья, из которых они состоят, спрессовывают в форме тонких круглых лепешек. Их делают из грубых чайных листьев, предварительно растертых в ступке в мелкий порошок. К нему добавляют древесную смолу, отчего образуется пастообразная масса. Чайными лепешками китайцы, и особенно жители провинции Гуандун, пользуются как жаропонижающим средством. Их делают в Лулуне в области Хуэйчжоу, провинция Гуандун, и в Шаогу-ане в области Шаочжоу той же провинции.

Глава 27

Шелк

Изначально шелк – ткань из тонких мягких нитей, выпускаемых *bombyx mori*, или тутовым шелкопрядом, живущим на шелковице, – вывозили из Китая. Поскольку родина тутового шелкопряда – Китай, нам рассказали, что в течение очень продолжительного времени его разводили и делали ткани из его коконов только в этой стране. По всей видимости, шелка в Европе не ткали вплоть до начала VI столетия христианской эры. Задолго до этого времени Китай вел широкую шелковую торговлю с Персией. Когда в 325 году до Р. Х. ее покорили македонские войска Александра Великого, китайские шелка были выставлены на продажу на всех рынках Греции. Некоторые авторы предполагали, что за несколько столетий до этого палестинские евреи были знакомы с шелком как с тканью, из которой шьют одежду, упоминание слова «меш», или «шелк», находят в книге Иезекииля (16: 10) о «шелковом материале». Однако даже если речь действительно идет о шелке, из этого не следовало, что евреи общались с китайцами. Этот факт можно объяснить тем, что Иезекииль в течение нескольких лет был пленником у вавилонян. Тем не менее все это только догадки – ведь неизвестно даже, знали ли о шелке вавилоняне. В Риме, по-видимому, шелковые ткани стали известны к концу республики. Позже, в царствование Тиберия, римский сенат издал закон, запрещающий мужчинам уподобляться женщинам, надевая шелковые одежды. В конце концов этот закон был отменен, так как мы читаем, что в 220 году император Гелиогабал носил шелка. В это время цена шелковых изделий в Греции и Италии делала их доступными лишь для царей или очень богатых людей. Однако огромная рыночная цена шелка объяснялась не его нехваткой в Китае, а серьезными трудностями, с какими сталкивались персидские и индийские купцы при больших закупках. Торговые отношения между персидскими и индийскими купцами – с одной стороны, а китайскими – с другой были несовершенными и нерегулярными, и многое им препятствовало. Если к тому же учесть огромную протяженность большого караванного пути, ведущего из Византии через Азию в Серику (вряд ли можно сомневаться в том, что это слово обозначало Китай), мы не увидим ничего удивительного в непомерных ценах на шелк. Между Византией и подножием Гималаев лежал путь длиной более чем две тысячи миль. Согласно Птолемею, только от Гималаев до Серики караван шел не менее семи месяцев.

В течение нескольких столетий после того, как шелк стал продаваться в Греции и Италии, некоторые европейцы считали его чем-то вроде пуха, который собирают с листьев деревьев, а другие полагали, что это очень мягкий верхний слой, снятый с шерсти или хлопчатобумажной ткани. Из выражения, которое использует Вергилий в своих «Георгиках» (2, 121), видно, что он думал, будто китайцы (серийцы) счесывают шелк с листьев: «Иль как серийцы с листвы собирают тончайшую пряжу».

В начале VI века от всех этих предположений отказались, получив более достоверную информацию из Китая. Два персидских несторианских монаха, совершивших путешествие в Китай, сочли своей обязанностью во время пребывания в этой стране познакомиться с тутовым шелкопрядом и узнать, как китайцы делают шелк. Добившись желаемого, они немедленно отправились в Европу и, прибыв в Константинополь, сразу доложили о результатах своих разысканий Юстиниану. Император прекрасно осознавал, какие преимущества в сфере торговли дает производство шелка, и поэтому убедил монахов вернуться в Китай, чтобы достать, если это окажется возможным, яйца шелкопряда. Они без труда собрали некоторое количество требуемых яиц и уложили в полые бамбуковые палки для безопасной доставки их в Константинополь. По преданию, из привезенных таким образом в Европу яиц вылупились гусеницы под воздействием тепла навозной кучи, куда их опустили. Гусениц

кормили листьями шелковицы, и шелкопряды размножались в чужом краю так быстро, что уже через несколько лет их можно было найти в больших количествах во всех странах на юге Европы.

Первым человеком, начавшим производство шелка в Китае и, конечно, во всем мире, как говорят, была легендарная Сыпин, высокочтимая супруга императора Хуанди, правившего в 2700 году до Р. Х. С тех пор все последующие императрицы и женщины императорской фамилии занимаются выращиванием тутовых шелкопрядов и присматривают за изготовлением и вышиванием тканей, которые идут на одеяния главных идолов государственного культа. Китайцы каждый год отмечают так называемый Праздник коконов в честь достославной супруги императора, с которой началась история шелководства. Прочитав описание, данное мистером Мерроу в «Гонконгской хронике и справочнике» за 1865 год: «В благоприятный день девятого месяца императрица лично или ее заместитель в сопровождении принцесс и знатных дам направляется к жертвеннику, посвященному изобретательнице шелководства. Принеся жертвы, императрица золотыми инструментами, а принцессы – серебряными собирают листья шелковицы, чтобы накормить принадлежащих двору тутовых шелкопрядов. Затем они разматывают несколько коконов шелка, чем церемония и заканчивается. Считается, что этот весьма древний праздник соответствует земледельческому, во время которого (весной) выполняет церемониальные действия император». Однако Сыпин оказывают не только эти почести. Ей как богине шелководства посвящены несколько больших храмов в провинции Чжэцзян. Кроме того, каждый год весной в благоприятный день мандарины согласно регламенту торжественно поклоняются Сыпин как божеству государственного культа. Конечно, примеру императрицы и принцесс следуют немало знатных дам и простых женщин в шелковых районах.

Желая рассказать о процессах, связанных с этой важной отраслью китайского хозяйства, прежде всего следует упомянуть о способе выращивания тутовых шелкопрядов. Люди, занятые этой работой, отбирают определенное количество мужских и женских коконов. Пол коконов различить нетрудно: кокон самцов крепок и заострен с обеих сторон, а кокон самки меньше и толще; он круглый и мягкий. Через пятнадцать или двадцать дней из коконов появляются бабочки. Прежде чем вылупиться, они извергают жидкость, которая растворяет часть кокона. Бабочки, у которых во время рождения крылья расправлены, считаются полезными, а бабочки со смятыми крыльями, без усиков, с красными брюшками, сухими хвостиками и без пушка – негодными. Этих последних сразу же убивают. Бабочкам-самцам дают образовывать пары только с такими самками, которые вылупились из коконов в тот же день, что и они. Любое отступление от этого правила было бы совершенно невозможно. На следующий день бабочек-самцов убирают. Каждую самку кладут на лист шероховатой бумаги, и они начинают откладывать яйца. В шелковых районах на севере, вероятно, из-за суровости климата, вместо листов бумаги используют куски сукна. Одна бабочка обыкновенно откладывает пятьсот яиц, что занимает, насколько мне известно, примерно семьдесят четыре часа. Самки часто умирают сразу после того, как отложат яйца; и самцы переживают их ненадолго. Яйца тутового шелкопряда бывают белесого или сероватого цвета, они не больше горчичных зерен. Восемнадцатидневные яйца тщательно обмывают ключевой водой. Лист шершавой бумаги или кусок сукна, на который они были отложены и к которому приклеились, аккуратно протаскивают через ключевую воду, содержащуюся в деревянной или глиняной миске. Во время осенних месяцев яйца хранят в прохладном помещении, причем листы бумаги или куски сукна подвешивают тыльной стороной друг к другу на закрепленных горизонтально бамбуковых шестах. В десятом лунном месяце, соответствующем нашему декабрю, листы сворачивают и относят в тщательно подметенную комнату, где они не подвергнутся никаким пагубным воздействиям. На третий день двенадцатого месяца яйца снова моют и кладут сушиться под открытым небом. Весной из них начинают выво-

даться гусеницы. Перед этим листья кладут на циновки. Каждую помещают на бамбуковую полку в чисто выметенном и обогретом помещении с идущими вдоль стен рядами полок. Полки почти всегда делают из бамбука, так как его древесина не пахнет; вообще ароматная древесина считается совершенно неподходящей для данной цели. При рождении гусеницы обычно черного цвета, в это время они едва ли толще волоска и крохотного размера; листья шелковицы для них нарезают самыми маленькими кусочками. Это делается острейшими ножами, чтобы в листьях осталось по возможности больше сока. Совсем молодые гусеницы едят не меньше сорока восьми раз за двадцать четыре часа. С течением времени они начинают есть реже – только тридцать раз в сутки, а взрослые особи лишь три-четыре раза в день. Иногда (один или два раза за первый месяц) гусеницам дают листья шелковицы, смешанные с мукой из риса, зеленого горошка, черных бобов. Считается, что эта смесь охлаждает и очищает гусениц, а это способствует завиванию прочной и блестящей нити шелка. Как и у всех подобных созданий, у этих насекомых есть периоды отдыха, которым китайцы дают специальные названия. Первая спячка шелкопряда наступает на четвертый или пятый день после рождения. Она называется волосной спячкой и продолжается только один день. Вторая наступает на восьмой или девятый день, третья – на четырнадцатый, а четвертая и последняя – примерно на двадцать второй день и из-за большой продолжительности называется великой. По мере приближения периода спячки гусеница теряет аппетит. Она поднимает верхнюю часть тела и в этой позе засыпает. Во время каждой спячки гусеница линяет и остается в сонном состоянии, пока полностью не нарастет новая шкурка; от старой гусеница избавляется, выскальзывая из нее через прореху в верхней части. Иногда гусеница умирает, не сумев освободить хвост от старой шкурки. После линьки она быстро прибавляет в силе и размерах. Между первой, второй и третьей спячками обычно бывают промежутки в три-четыре дня, и тогда эти малютки едят с волчьим аппетитом. В течение четырех-пяти дней, которые следуют непосредственно за великой спячкой, они становятся более прожорливыми, чем когда-либо. В возрасте тридцати двух дней они достигают максимального размера: двух дюймов в длину и шириной почти с человеческий мизинец. По мере роста гусениц их периодически делят на партии, чтобы им было просторнее. Достигшие максимальной высоты гусеницы, прежде белесые, теперь становятся янтарного цвета. В это время они перестают есть и начинают плести шелк, двигая головой то в одну сторону, то в другую, и продолжают до тех пор, пока не окажутся целиком внутри кокона. Насколько мне известно, на это гусенице требуется от трех до пяти дней. Заключив себя в кокон, гусеница впадает в летаргию, сбрасывает оболочку и в конце концов превращается в куколку. Затем служители помещают бамбуковые полки с коконами рядом с небольшим огнем, затопленным на древесном угле или на обычных дровах, чтобы уничтожить куколки при помощи тепла. В противном случае еще через три недели они вырвутся из своей темницы и явятся в виде имаго – последней стадии жизни.

После уничтожения куколок коконы снимают с полок и кладут в корзины. Женщины и девочки, которых специально отбирают для выполнения этой работы, начинают разматывать коконы. Эта операция облегчается тем, что коконы опускают в кипящую воду. Работницы должны быть умелыми и опытными, способными добывать нити одного размера и делать их светлыми, чистыми и блестящими. Когда коконы кладут в кипящую воду, сначала разматывают внешний слой, который называется шелковой кожурой, или оболочкой. После этого другая группа женщин и девочек, в той же мере искусных, берется за разматывание внутреннего кокона, который называется шелковой мякотью. В течение дня одна женщина может размотать шелк весом в четыре лян. Насколько мне известно, самые искусные работницы не могут размотать за день больше пяти или шести лянов шелка. Усердные мастерицы делают работу за восемнадцать-девятнадцать дней, обычным требуется двадцать четыре или двадцать пять дней. Из удлиненных белых блестящих коконов получается тонкая шелковая нить высокого качества, а из больших, тусклых и мягких коконов – грубая, которую исполь-

зуют для изготовления подкладочных тканей. Куколки не выбрасывают: работники считают их отличной пищей. Во время посещения большого шелкового города Цзюцзяна в провинции Гуандун владелица шелкового хозяйства любезно предложила отведать мне вареных куколок. Я вежливо отказался.

В гуандунских шелковых районах бывает не меньше шести сезонов сбора шелка. Как было сказано выше, первый из них начинается в апреле. Вообще говоря, во время первого, второго и третьего сезонов коконы бывают зеленого цвета, но некоторые имеют серебристую окраску. А во время следующих трех сезонов преобладают серебристые, или так называемые белые, коконы. Следует добавить, что во время первого сезона за яйцами почти не нужно присматривать, и гусеницы вылупляются без помощи работников. Конечно, это следует приписать весеннему времени года. Во время четвертого, пятого и шестого сезонов, чтобы гусеницы вылупливались раньше и все одновременно (в противном случае хозяева понесут большие убытки), служители применяют следующий прием. Они смешивают равные части горячей и холодной воды и осторожно выливают на яйца. Так как на всех одинаково воздействует искусственный подогрев, гусеницы появляются одновременно. Это очень древний обычай, который, насколько я понял, родился вместе с возникновением шелководства. До сих пор я говорил лишь о шести сезонах сбора шелка, но есть и седьмой. Он проходит в ноябре. Его довольно-таки метко называют прохладным, или малым, сезоном. В конце этого периода работники сразу же срубают под корень кусты шелковицы. Обрезанные ветки связывают в пучки и продают как хворост. Когда срубают кустарники, которым в южных шелковых районах не дают подрастать больше чем на четыре-пять футов, очень стараются не повредить корней. Следующей весной неповрежденные корни снова дают ростки с листьями.

Часто шелковицу выращивают не те люди, которые разводят тутовых шелкопрядов. Во многих случаях крестьяне выращивают эти деревья только для того, чтобы продавать их листья. Посетив в 1868 году шелковый город Хуанлин, я оказался свидетелем оживленной сцены. На рынке было довольно много народу и торговля шла оживленнее, чем мне приходилось когда-либо видеть. А продавался там только один товар – листья шелковицы. Крестьяне, которые выращивали ее на своих участках, продавали эти листья. Уходя с рынка, я заметил множество лодок, тяжело нагруженных товаром, что усиливало суету на рынке, если это вообще было возможно. В Лулоу, городе, куда я затем отправился, я увидел такое же оживление на рыночной площади.

В шелковых районах Гуандуна земли на многие мили покрыта шелковичными кустами или деревьями, и, по-видимому, грунт там насыпной, а земля выглядит несколько волнистой. На этих равнинах неподалеку одна от другой есть ямы или садки, полные воды; они изобилуют рыбой, которая, по всей видимости, является основной пищей в шелковых районах. Во многих садках выращивают рыбу специально для кантонских рынков.

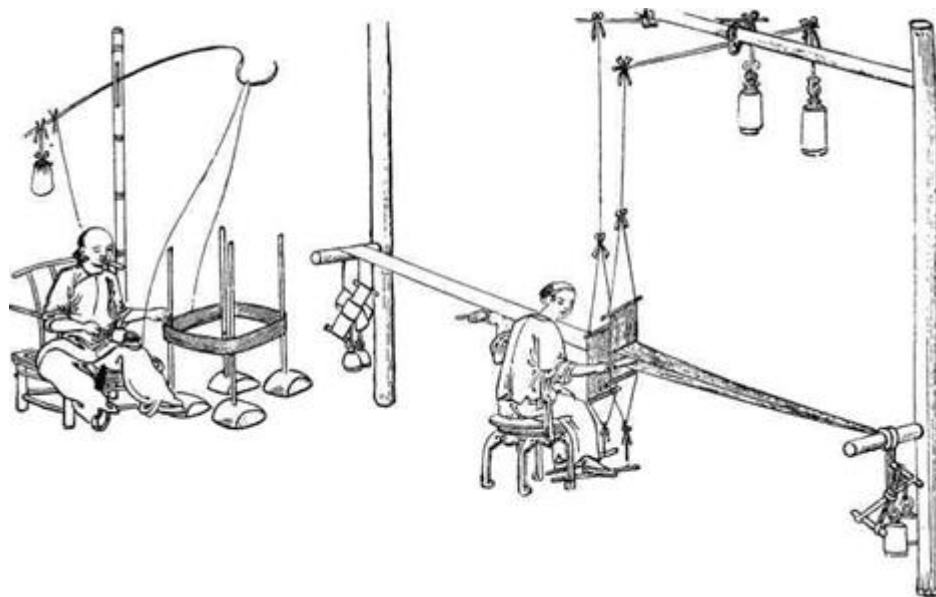
Из приведенного описания ухода за шелкопрядом в Китае видно, что этим нежным созданиям уделяют немало внимания. Далее я расскажу о некоторых необходимых, по мнению китайцев, условиях разведения тутовых шелкопрядов. Конечно, одно из самых важных – это поддержание нужной температуры в помещении, где находятся гусеницы. Следует не только избегать сильной жары или холода; вообще гусеницы должны расти по возможности при постоянной температуре, которую китайцы определяют, не пользуясь термометром: они основываются на ощущениях обнаженного человека. Время от времени следящий за гусеницами служитель полностью раздевается и входит в помещение. Если он чувствует там холод или сырость, воздух нагревают с помощью китайских печей. Считается, что шелкопрядам вредна молния, и, когда ожидается гроза, полки, на которых они лежат, покрывают толстой коричневой бумагой, гусеницы оказываются в темноте, и их не может осветить блеск молнии. Полагают, что гром также вреден этим маленьким существам, поскольку тревожит их,

а потревожить и напугать их любыми шумами так легко, что ухаживающим за ними работникам приходится разговаривать полупшепотом. Очень важно не допустить, чтобы они съели хоть самую малость сырых шелковичных листьев, потому что их брюшки будут наполняться не шелком, а водой. Листья, аккуратно собранные вручную в сырое, дождливое время, высушивают, прежде чем кормить шелкопрядов. Кроме того, листья должны быть совершенно свежими, так как старые и увядшие не питательны и приводят к запорам. Считается, что лучше всего гусеницы себя чувствуют при ясном небе, поэтому обычно их стараются класть на полки в хорошую, ясную погоду. Китайцы говорят, что, если не соблюсти эту предосторожность, коконы непременно окажутся некачественными и будут давать грубые, рваные и тусклые нити. Помещения, в которых держат гусениц, должны быть просторными, чистыми, там не должно быть никаких вредных для насекомых запахов. Пунктуальность, проявляемая при уходе за тузовыми шелкопрядами, также считается весьма важной.

Две основные болезни, которым подвержены шелкопряды, называются фэн-цунь, или болезнь, происходящая от газов, а также цзэй-фэн, или болезнь разбойного ветра. Первая считается очень опасной. Если гусеницы и выживают, то оказываются настолько пострадавшими от болезни, что шелк их бывает самого низкого качества. Болезнь цзэй-фэн, или болезнь разбойного ветра, возникает оттого, что по недосмотру в помещение с гусеницами допускают сквозняки. В этом случае больные гусеницы краснеют и так скованы в движениях, что едва способны ползти. Слуга, забывший закрыть двери в помещение, подвергает себя гневу хозяина.

Большие усилия прилагают, чтобы не допустить к гусеницам мух, которые не только сосут кровь шелкопрядов, но и откладывают на их тела яички, из которых часто вылупляются личинки, губительные для гусениц. Однако соблюдение некоторых предосторожностей, принимаемых для защиты маленьких ткачей от вредоносных влияний, мягко говоря, сомнительно и не столько оригинально, сколько суеверно. Так, например, в комнату с шелкопрядами ни за что не впустят беременную женщину. К шелкопрядам не позволено также подходить людям в трауре, до того как истекут семь недель или сорок девять дней. Те, кто ухаживает за шелкопрядами, не должны есть имбиря и бобов под названием цань-доу. Им также запрещается жарить мясо на растительном масле и нельзя носить с собой ничего пахучего. Они стараются не переступать порога помещения, где содержатся их драгоценные питомцы, не опрыскав себя водой, которую специально для этого ставят в миске у дверей комнаты. Будучи в городе Далян в 1862 году, я посетил заведение, где выращивали несколько тысяч шелкопрядов. Когда я входил в какую-нибудь комнату, меня опрыскивали водой при помощи небольшой метелки из листьев шелковицы. Этот ритуал очищения напомнил мне о схожей церемонии, которая существовала у евреев (только они использовали иссоп). В северных шелковых районах головы людей, входящих и выходящих из помещений с шелкопрядами, посыпают небольшим количеством песка.

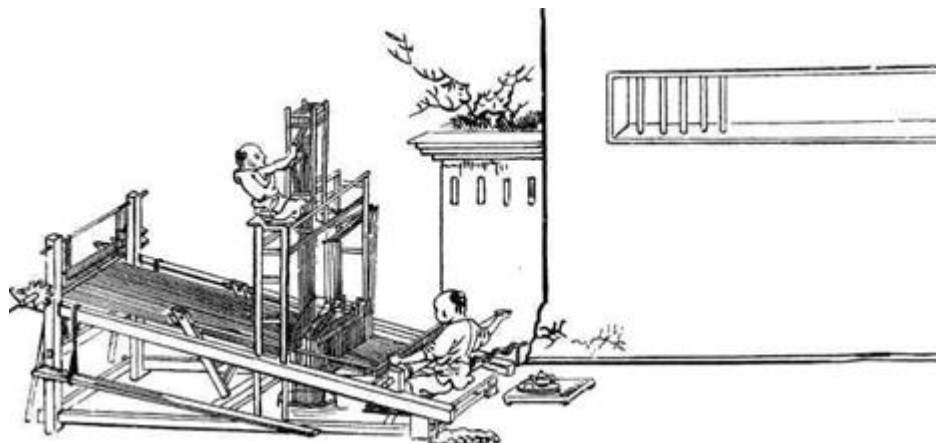
Шелковые города провинции Гуандун очень опрятны и чисты. Они во многих отношениях отличаются от других городов империи. Там везде, кроме тех районов, где ведется торговля, каждый дом изолирован от других и стоит на собственной шелковичной плантации. Вероятно, отчасти это можно объяснить тем, что там легче избежать шумов и дурных запахов. Дома обычно бывают большими и всегда выстроены из кирпича. Дороги, ведущие из одного шелкового города в другой, хорошо вымощены.



Намотка и тканье шелка

В 1862 году я предпринял путешествие по шелковым районам Гуандуна. Лишь один эпизод омрачил поездку, которую я всегда буду вспоминать как одну из самых приятных. Жители Цзюцзяна до нашего прибытия никогда не видели иностранцев, и, к несчастью, в то время у них был повод, чтобы встретить нас враждебно: столицу провинции незадолго до этого заняли союзные армии Великобритании и Франции. Они сопровождали нас в ямэнь главного местного мандарина и не раз угрожали нам немедленной смертью. Оказалось, что мандарин совершенно не может совладать с толпой и опасается за нашу безопасность более чем мы сами. В конце концов, решив, что наступает решающий момент, он вызвал нескольких храбрецов, чтобы те проводили нас в соседний город Цзиньхэ. Мы оставили город при нечеловеческом реве разъяренной толпы и были радушно приняты населением Цзиньхэ, которое оказалось дружелюбнее. Тогда же я посетил несколько шелковых городов, равных по значению Цзюцзяну и Цзиньхэ: Лунсянь, Лунцзян, Шатоу, Наньпань, Лулоу, Хуаншуй, Юньань, Далян, Си-ни-лань, Хунтань, Шуйдун, Цзя-ин-гуй-чжоу, Юнцзи, Гулун, Цзию, Ло-шу-и, Лунтань, Хэчуань, Хуаньянь, Фэнгань, Гуанхуа и Бай-цзяо. Общее количество шелка, производящегося в провинции Гуандун, оценивается в три миллиона лянов. В каждом из перечисленных мной главных шелководческих городов есть рынок, где продается шелк-сырец. Эти рынки крыты черепичными крышами и обнесены высокими стенами. Они разделены на отдельные помещения, подобные стойлам в конюшне. В рыночный день в каждом помещении сидит шелковод, перед которым на столе разложены образцы шелка. Немало его покупают европейские купцы, которые посылают шелк-сырец на английские рынки. Но много сырца обрабатывают и ткачи из Кантона (они составляют немалую часть городского населения) и близлежащих деревушек. Ткацкий станок для простого тканья в Китае очень похож на тот, каким пользуются в Англии и в других европейских странах, но каркасы для навоя^{140} основы в некоторых отношениях отличаются от тех, которыми постоянно пользуются европейцы. Чтобы выткать травчатый шелк или атлас, в Китае все еще используют самый примитивный вытяжной ткацкий станок. Мальчик садится на раму и с безошибочной точностью вытягивает струны или шнуры, спуская необходимые нити основы перед движением челнока. Кантон известен изготовлением кисеи, а также шелка и атласа. Но на мой взгляд, самую лучшую кисею делают в городе Даньян Сянь на берегах Великого канала. На эту ткань большой спрос: ее раскупают на летнюю одежду мандаринов и джентри. Посетив Даньян, Ханчжоу, Хучжоу и Сучжоу, я заметил, что по одной стороне лавки стояли ткацкие станки, а по другой – прилавки, где продавались ткани. Поскольку китайцы совсем не рас-

положены к нововведениям, боюсь, много лет должно пройти, до того как вытяжной станок уступит место превосходному изобретению месье Жаккарда.



Ткацкий станок

В Кантоне много ткачей, зарабатывающих себе на хлеб изготовлением широких лент, которыми обматывают ножки китайские женщины. Эти тесемки или ленты не используются для бинтования ног, хотя так полагают многие иностранцы, живущие в Китае: на самом деле ноги бинтуют полосами грубой материи. Шелковые ленты заменяют чулки, то есть их ткут как украшение для бинтованных ног, и они достаточно длинны, чтобы их можно было обернуть вокруг всей ноги.

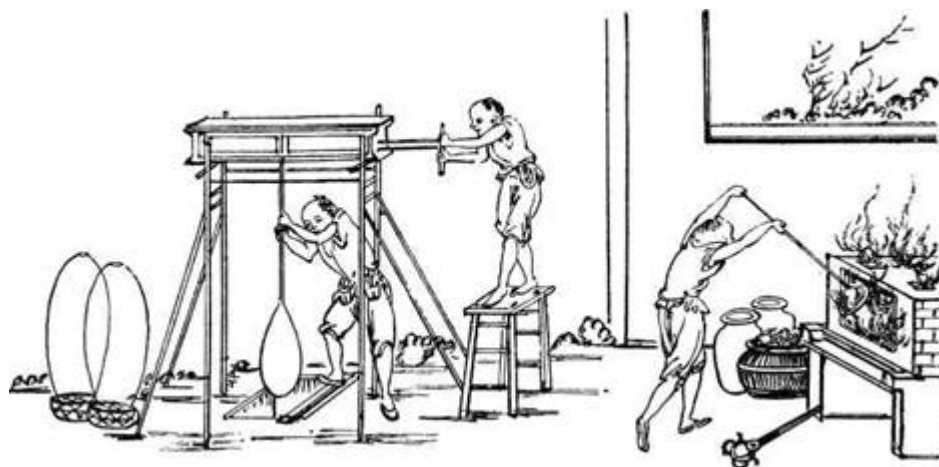
Китайцы так же известны своим искусством вышивания, как и ткацким мастерством. Например, в Кантоне многие мужчины и женщины (но в основном все-таки мужчины) постоянно заняты вышиванием покровов на жертвенники, знамен и всевозможной одежды. Главные лавки в Кантоне, где делают вышивки с прекрасной композицией и подбором цветов, расположены на улице Чжуан-юань-фан, рядом с воротами Тай-пин-мэнь (воротами Великого спокойствия). Ткань, которая должна быть вышита, закреплена на горизонтальной раме, перед которой сидит на табуретке вышивальщик. Креповые шали, изготовлением которых по праву славятся китайцы, вышивают в городе Байцзяо провинции Гуандун. Я был немало удивлен во время посещения этого города, обнаружив, что эти поистине прекрасные вещи изготавливают в бедных и грязных домах на улице Байцзяо.

Прежде чем закончить эту главу, следует упомянуть о том, что собственно в Китае, и чаще всего, насколько мне известно, поблизости от Чифу в провинции Шаньдун, а также в Монголии и Маньчжурии, есть шелкопряды, от которых получают то, что китайские торговцы называют горным шелком. Эти крупные шелкопряды водятся на дубах. Шелковые материи, изготовленные из горного шелка, очень грубы.

Глава 28

Гончарное дело

Изготовление глиняных сосудов для домашнего обихода и других сфер человеческой деятельности, по всей вероятности, представляет собой одно из самых древних ремесел. Мы узнаем, что гончарное дело существовало в глубочайшей древности как у самых просвещенных, так и у самых варварских народов. В Библии нередко встречаются упоминания о горшечниках. Самое раннее упоминание о глиняных сосудах находится в Книге Судей (7: 16–19). В Книге Бытия (21: 14, 15) говорится о сосуде, который в нашем переводе передано как «бутыль»^{141}, но, по-моему, не может быть сомнений в том, что такие сосуды делались не из глины, а из шкур. Некоторые комментаторы склонны думать, что кувшин Ревекки, о котором говорится далее в той же книге (24: 14, 15), был сделан из обожженной глины. Я думаю, определенности в этом вопросе достигнуть совершенно невозможно. Многие очень древние языческие тексты упоминают о гончарном круге, и мы располагаем неопровержимыми свидетельствами того, что уже очень давно китайцы умели делать фарфоровую посуду высокого качества. Искусство изготовления фарфора, так рано освоенное китайцами, со временем распространилось и в других частях Азии, и особенно в соседней Японской империи. Иезуитский миссионер по имени Энтреольес, посетивший Китай для исполнения своего священного долга в начале XVIII столетия, рассказывал, что тогда еще сохранялись керамические или фарфоровые сосуды, по утверждениям китайцев, изготовленные или ранее царствовавших императоров Яои Шуня, или во время этих царствований.



Стеклодувы

Если утверждение правдиво, то производство фарфора в Китае действительно восходит к глубокой древности, поскольку согласно захаровской хронологии Китая император Яо правил в 2357 году до Р.Х. а его преемник Шунь – в 2355 году до Р.Х. Изыскания месье Жюльена из Парижа проливают свет на истоки гончарного мастерства в Китае. Этот великий синолог сообщает нам, что во время царствования императора Хуанди, занимавшего трон Китая с 2697 по 2597 год до н. э., уже существовала чиновничья должность контролера гончарного дела, на которую назначало правительство. Месье Жюльен сообщает, что именно в царствование Хуанди искусству изготовления керамических сосудов положил начало предприимчивый китаец по имени Гуань Яо. В первые века христианской эры в земле нашли несколько фарфоровых ваз; передают, что они были снежно-белыми, но качество этих ваз было не таким уж высоким, а пропорции не отличались гармоничностью. Согласно утверждениям Уилкинсона и других современных египтологов, вазы, по всей видимости, китай-

ского происхождения находили в древних гробницах некогда гордых и богатых Фив. Одна из этих гробниц относилась еще к эпохе фараонов. Если я не ошибаюсь, одна из ваз в настоящее время находится в Луврском музее, где ее считают интереснейшим экспонатом. Из восемнадцати провинций, на которые разделен собственно Китай, более всех славится горшечными глинами Цзянси. А в этой провинции первое место занимают районы Пин-ли и Цзя-хао. В области Хуэйчжоу провинции Аньхой тоже есть горшечная глина высокого качества. Здешние глины мягкие, гладкие и почти все – одноцветные. Глина, составляющая исключение, имеет прожилки, похожие на оленьи рога. Многие гончары отдают ей решительное предпочтение. Город, с давних пор славящийся своими фарфоровыми фабриками, – это Цзин-дэ-чжэнь. Он расположен рядом с Пин-ли и Цзя-хао, которые я только что упомянул как месторождения лучших горшечных глин. Путь к нему идет по горной реке Чанцзян, и, поскольку он расположен на ее южном берегу, Цзин-дэ-чжэнь иногда называют также Чан-нань-чжэнем. Что касается судоходности этой реки, то она во многих местах очень мелка, и поэтому по ней плавают по большей части на плоскодонках. В стремнинах эти лодки приходится буквально тащить против течения, и они так часто бьются о скалистое дно, что иногда одна-две доски выскакивают из пазов. Лодка, в которой плыл я, столько раз билась о камни в течение ночи, которую я провел на борту после прибытия в Цзин-дэ-чжэнь, что команде, состоявшей из трех или четырех крепких мужчин, пришлось подниматься и вычерпывать воду. Лодка, стоявшая рядом с нами на якоре, столкнулась с такими же трудностями. Вода Чанцзяна кристально чиста, это лучший напиток для людей, любящих пить воду. Когда мы были в десяти или в двенадцати милях от Цзин-дэ-чжэня, густые клубы дыма от затопленных печей убедили нас в том, что мы приближаемся к большому фабричному городу. Осколки керамической посуды, которыми было здесь буквально усеяно дно реки, тоже свидетельствовали о том, что неподалеку находится город, который вот уже многие столетия славится керамическим производством.

К моменту нашего прибытия над городом встала полная луна, но полночные небеса, вопреки ее яркому свету, озарялись огненным заревом многочисленных печей. На следующее утро мы собрались осматривать город и гончарные мастерские. Наши приготовления были довольно-таки сложными, поскольку гончары в Цзин-дэ-чжэне недоброжелательны к иностранцам и подобно всем, кто работает с глиной, склонны к грубости и необузданности. По этим причинам мы сочли целесообразным отправиться в мастерские переодетыми. После я узнал, что мы сделали правильно: следующей партии путешественников – французских ценителей гончарного искусства (а я тогда еще сожалел, что не могу подождать и присоединиться к ним, – ведь у них были письма от французского посла в Пекине и от высокопоставленных китайских чиновников) – вообще не позволили понаблюдать за обычным производственным процессом. Им заявили, что у работников якобы выходные! На самом деле китайцам просто не хотелось, чтобы агенты французского правительства пристально присматривались к местным гончарным мастерским. Они были предельно вежливыми, как в доме, где узнают о визите непрошенных гостей и поручают служанке сказать, будто хозяев нет дома.

Мои приготовления состояли в том, что я облачился в местную одежду и из-за холодной погоды надел большой капюшон, которые там носили: он закрывает не только голову, но и часть лица. Пара больших очков, по моим представлениям, окончательно сделала меня неузнаваемым, но капитан плоскодонки, поглядев на мою долговязую фигуру, шагающую с независимым видом англичанина, с этим не согласился. Он обеспокоенно заметил, что эдак расхаживать по улицам не стоит. Капитан прошелся по палубе, в точности изобразив мою походку, а затем показал, как надо ходить: он согнулся, ссутулился и прошел «по-китайски» с носа лодки ко мне. Благодаря этому наставнику, чьим указаниям я следовал весь день, мне удалось без особого риска передвигаться по Цзин-дэ-чжэню. Я вызвал подозрение только

однажды. То ли рост свидетельствовал о моей принадлежности к варварской расе, то ли какое-нибудь движение, не характерное для китайца (прежде всего, меня беспокоили китайские чулки: они оказались слишком короткими, а мне было нечем их подвязать), но один сообразительный юноша шагал некоторое время рядом, бросая на меня подозрительные взгляды, но в конце концов все-таки пошел своей дорогой.

Энтреольес говорит, что город Цзин-дэ-чжэнь «имеет одну лигу^{142} в длину, а жителей там миллион душ». По всей вероятности, в начале XVIII столетия, когда он там жил, Цзин-дэ-чжэнь и вправду был таким многолюдным. Однако я склонен заключить, что в настоящее время население города гораздо меньше. Можно назвать как минимум одну причину серьезного уменьшения численности горожан. Во время Тайпинского восстания, опустошавшего наиболее процветающие районы Китая с 1847 по 1854 год, Цзин-дэ-чжэнь был захвачен повстанцами. Они, по обыкновению, начали проводить массовые убийства местных жителей, подобных которым не видело ни прошлое, ни наше столетие^{143}. Мятежники стали вести беспорядочную стрельбу на улицах и во дворах, не обращая внимания ни на возраст, ни на пол, ни на общественное положение жертв, с той же яростью, что и во время сражений. Никто из нападающих не проявлял гуманности, никто не выказал ни малейших знаков сочувствия. Полностью овладев городом, они рассредоточились и начали вламываться в дома с целью грабежа. Совершались хладнокровные убийства. Захватчики не знали жалости ни к старым, ни к больным, ни к юным. К этому времени большая часть города была объята пламенем, а поскольку пожар начался сразу в нескольких местах, его нельзя было объяснить случайностью. Большинство самых заметных городских зданий и множество домов бедноты были стерты с лица земли, так что, когда вновь воцарился мир, жители, спасшиеся от ярости повстанцев и пожелавшие вернуться под отеческий кров, часто обнаруживали, что им негде найти пристанище. Город, где, по словам Энтреольеса, в XVIII веке было такое многочисленное население и где, несмотря на страшную резню 1854 года, ныне, наверное, столько же жителей, как в нашем Бирмингеме, оказывается, был центром производства керамики с начала правления династии Чэнь (557 год н. э.). В 1280 году, во время правления династии Юань, китайское правительство назначило высокопоставленного чиновника надзирать за производством керамики. На второй год правления под девизом Хун-у (в 1369 году) был издан императорский указ возвести большую факторию и печи на Чжу-шань, или Жемчужном холме, — там должны были делать вазы и другую посуду для членов царствующего дома. Следить за тем, чтобы работы на императорской фактории проводились в должном порядке, был поставлен очень знатный чиновник, которому была дана полная власть над всем этим заведением. Указу повиновались, но воздвигнутое тогда здание сгорело в пожаре, устроенном мятежниками в 1854 году. Китайские летописцы сообщают, что эта фактория была обнесена стеной окружностью в милю с лишним. В центре участка был общий зал, где императорский управляющий имел обыкновение совещаться с подчиненными ему чиновниками. На севере и на юге огороженной территории располагались конторы, на востоке же и на западе — казна фактории, из которой оплачивали текущие расходы. Неподалеку от южных ворот находилась башня, а на ней стоял большой барабан. Рядом с башней была тюрьма, куда сажали непокорных рабочих. Были и более привлекательные здания — два больших зала, где рабочие обычно отдыхали. Там же располагались и три храма, первый из которых был посвящен Ю Тулину — изобретателю гончарного искусства, второй — Бэй-ди, божеству севера, а третий — Гуань-ди, богу войны. Снаружи, за пределами стен, был храм, тоже относившийся к фактории, с идолом бога-покровителя уезда. Каждая из шести печей носила особое имя. В первой обжигали зеленые фарфоровые сосуды, она называлась зеленой печью; во-второй делали посуду с изображением драконов, поэтому называлась лун-яо, третья — фэн-хо-яо, или печь ветра и огня; четвертая — сэ-яо, или цветная печь, пятая — лань-хуан-яо, или синяя и желтая печь, а шестая — хэ-яо, или печь для обжига огнеупорных капсул. Перед главными

воротами фактории, как и перед всеми правительственными зданиями в Китае, находилась декоративная стена с изображением большого дракона.

Работали там в основном выходцы из районов Холян и Паньтун. Одно время у мандаринов были полномочия заставлять тамошних жителей работать на императорской фактории, но некий чиновник Чжу Сунь решил, что нет необходимости придерживаться этого принципа, и предложил набирать работников из всех близлежащих уездов. Через некоторое время идея была одобрена, и на императорскую факторию стали набирать работников со всей округи, причем их труд щедро оплачивался. Они были разделены на пять классов, которые назывались соответственно «огнем», «водой», «деревом», «металлом» и «почвой». Далее шли еще двадцать две группы:

1. Да-цзо, или крупная посуда.
2. Сяо-цзо, или мелкая посуда.
3. Гу-цзо, или сосуды, сделанные по древним образцам.
4. Дяо-су-цзо, или резьба.
5. Инь-цзо, или сосуды, изготовленные по формам.
6. Хуа-цзо, или расписной фарфор.
7. Чун-синь-цзо, или сосуды, сделанные по новым образцам.
8. Цзай-лун-цзо, или сосуды с барельефными изображениями драконов.
9. Се-цзы-цзо, или вазы, на которых начертаны китайские иероглифы.
10. Сэ-цай-цзо, или разноцветный фарфор.
11. Ци-цзо, или лакированный фарфор.
12. Хэ-цзо, или изготовление коробок и ящиков для фарфора.
13. Янь-цзо, или окраска.
14. Ни-шуй-цзо, или работы по укладке кирпичей.
15. Да-му-цзо, или плотницкие работы.
16. Сяо-му-цзо, или столяры.
17. Чуань-цзо, или корабельные плотники.
18. Те-цзо, или литейщики.
19. Чжу-цзо, или работники по бамбуку.
20. Со-цзо, или изготовители веревок.
21. Тун-цзо, или бондари.
22. Дун-чуй, или рабочие, растирающие глину в ступах.

Энтреольес сообщает, что помимо этой императорской фактории в городе было не менее трех тысяч печей, находившихся в собственности предприимчивых горожан. Когда я был в Цзин-дэ-чжэне, императорская фактория все еще стояла в запустении. Несомненно, с тех пор она, подобно сказочному фениксу, восстала из руин, и на ней вновь кипела работа.

Я уже говорил, что лучшую гончарную глину добывают поблизости, в Пин-ли и Цзя-хао. Различают два ее вида: собственно каолин (гао-лин), и пе-тун-зе^{144}. Проследим за тем, что происходит со вторым видом глины, прежде чем он попадает в руки гончара. Карьер, откуда эту глину добывают, ярко свидетельствует о ценности, которую придают этим непривлекательным серым массам, — так многочисленны тамошние шахты или пещеры. Для поддержки потолка, где проводится раскоп, сделаны крепкие деревянные колонны. Одни рабочие отрезают киркомотыгами куски глины разных размеров, другие кладут их куски в корзины. Когда корзины наполняются, их на спинах относят к дробилкам, находящимся в больших сараях неподалеку от шахт. Затем бай-дунь-цзы кладут в ступы, которых по несколько штук; в каждом сарае. Всю глину разминают песты, приводимые в движение водяным колесом. Когда она в достаточной мере измельчена, ее в корзинах относят к расположенному поблизости пруду и ссыпают туда, чтобы она как следует смешалась с водой. Полученную смесь некоторое время не трогают, и более тяжелые частицы размолотой в порошок

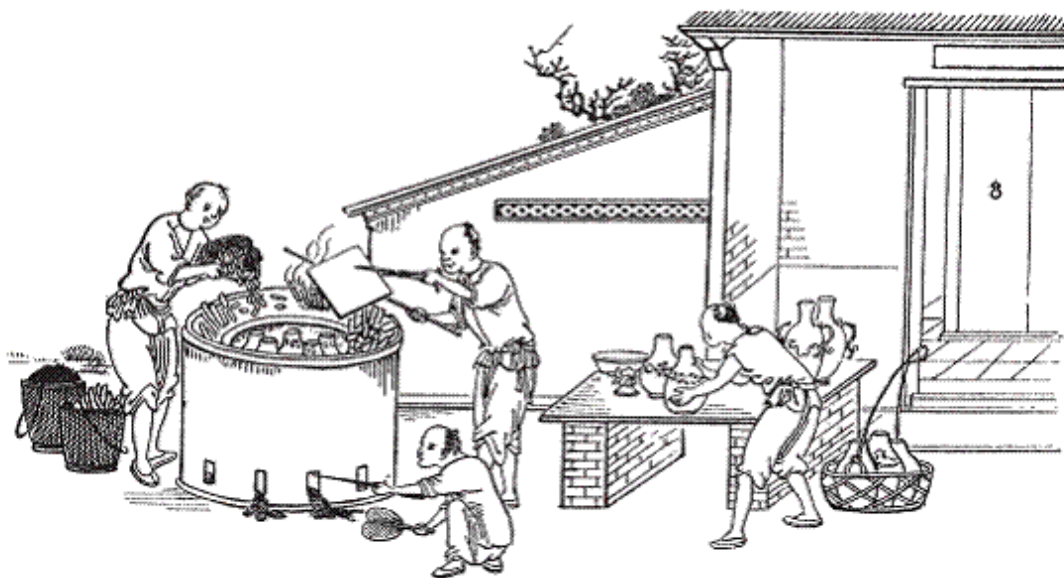
массы оседают на дно. На поверхности пруда в конце концов остается напоминающая крем жидкость. Ее вычерпывают и выливают в другой резервуар, где ее сбивают рабочие, ходя по ней взад-вперед. Тяжелые частицы глины, опустившиеся на дно первого водоема, относят обратно к дробилкам, где их размалывают в более мелкий порошок. После этого их вновь относят к пруду, и процесс повторяется. Тем временем жидкость, напоминающую по консистенции крем, которую как следует взболтали, на некоторое время оставляют в резервуаре. Когда вся очищенная глина опускается на дно, воду спускают и достают бай-дунь-цзы. При помощи специальных форм ему придают вид брусков. Из-за своего цвета они так и называются бай-дунь, или белые бруски. Подготовка каолина для гончаров бывает почти такой же. Впоследствии бруски глины растирают до состояния порошка, его тщательно промывают в ключевой воде, обе глины смешивают до тестообразной массы, иногда ее месят люди, а иногда – буйволы. Для этого буйволов водят туда и обратно по большому резервуару с этой массой. Из нее гончар делает посуду при помощи гончарного колеса. Согласно одному известному автору, его «вращает человек, держащий конец плоского ремня, который слегка прижимает к ободу колеса; работник тянет за один конец ремня, приводя колесо в движение другим концом. После каждого рывка ремень отпускают и возвращают на прежнюю позицию на ободу, чтобы повторить рывок. Ремню не дают соскользнуть с колеса торчащие на ободу шпильки или зубчики». Мальчик-помощник подает гончару столько глины, сколько требуется для изготовления сосуда определенного размера. Гончар кладет часть глины на круглый вращающийся стол, который приводит в движение приставленный к колесу человек, внимательно следящий за действиями гончара и соответственно регулирующий скорость вращения. Горшечник, или на профессиональном языке гончар, сначала делает из глины столбик, а потом сжимает ее в лепешку, затем проделывает в ее центре большим пальцем отверстие и продолжает вытягивать и давить глину, пока она не примет нужной формы. Конечно, прямоугольные сосуды и вообще сосуды с любыми углами формуются при помощи ножей. После формовки сосуды ставят на солнце, иногда в помещение, чтобы они затвердели.



Прикрепление ручек и носиков

Потом те из них, которые должны иметь ручки или носики, передают рабочим, в обязанности которых входит изготовление и прикрепление этих деталей при помощи жидкой глины. После просушки всего изделия в целом следует глазурование. Оно осуществляется посредством опускания сосудов в смесь лака и воды. Когда сосуды достают из чана, их вертят в воздухе так ловко, что лак ровно распределяется по всей поверхности. Но так поступают только с маленькими сосудами, потому что на большие сосуды глазурь наносится при помощи следующего замечательного способа. Рабочий берет бамбуковую трубку, один

конец который закрыт куском кисеи. Он наполняет трубку глазурью и выдувает ее на бока сосуда. Китайцы часто используют лак цвета зеленого горошка. Особенно много почитателей у светло-зеленого лака. Лучший лак, или глазурь, делают, как мне сообщили, в провинции Чжэцзян. В провинциях Юньнань, Гуандун и Цзянси тоже делают глазурь, на которую большой спрос; она ненамного хуже той, которой славится Чжэцзян. Блоки этой глазури в больших количествах привозят в город Цзин-дэ-чжэнь, где продают в специально построенном для этого большом здании. Перед использованием блоки кладут для смягчения в промышленные печи. Затем глазурь толкут до порошкового состояния и смешивают с водой, после чего она готова к использованию.



Обжиг фарфора

Перехожу к описанию обжига посуды. Печи часто находятся на некотором расстоянии от факторий, и поэтому обычное зрелище – идущие через город рабочие с плоскими досками на головах; на каждой доске аккуратно расставлены несколько фарфоровых ваз, их несут к печам для обжига. Сосуды не прикреплены к доскам, и странно наблюдать очевидную легкость и ловкость, с какой рабочие несут их по узким и оживленным улицам. Цитирую описание Дю Альда: «Печи, где обжигают посуду, стоят на полу длинной крытой галереи, которая заменяет кузнечные мехи; она выполняет ту же функцию, что и своды на стекольных заводах. Сейчас печи больше, чем они были в старину, потому что тогда, согласно одному китайскому автору, они имели только шесть футов в высоту и ширину; а теперь они в высоту достигают двенадцать футов, а в глубину – почти двенадцать. Свод, как и стенки печи, имеет достаточно большую толщину, так что по нему можно ходить, не испытывая неудобства из-за жара. Этот свод печи не плоский изнутри и не поднимается резко к одной точке, но становится все уже по мере приближения к вентиляционному отверстию на вершине, через которое вырываются огонь и дым. Помимо этой дыры, у печи есть еще пять-шесть отверстий наверху, похожих на глазки; они накрыты битыми горшками, но через них проникает воздух, раздувающий огонь в печи. Именно при помощи этих глазков узнают, закончился ли обжиг: открывают глазок рядом с вентиляционным отверстием и, железными щипцами, один из ящичков. Когда в печи зажигают огонь, дверь в нее немедленно закрывают, оставив только необходимую для того, чтобы подбрасывать крупные куски дерева, щель».



Печь для керамики

Что касается топлива для печей, мой опыт расходится с тем, о чем рассказывает Дю Альд. Когда я был на одной из фарфоровых фабрик, рабочие подбрасывали в огонь не крупные куски дерева, а большие связки валежника и грубую траву или тростник. Более того, на близлежащих холмах я видел нескольких работников, занятых срезанием длинной грубой травы, тростника и валежника. Они сказали мне, что зарабатывают себе на жизнь, собирая это горючее для разных городских фарфоровых печей. Кроме того, на реке я видел несколько плоскодонок, тяжело груженных таким же хворостом. Эти баржи, похожие на плавучие горы веток, шли к городу, где хозяева должны были найти большой спрос на свой груз.

Закончу описание обжига ваз и другой посуды. Перед тем как посуду кладут в печь, ее помещают в ящики, или капсулы, чтобы они не потрескались и не потеряли цвет. Капсулы делают из трех видов огнеупорной глины: темной, красной и белой. Ее добывают в карьерах: первую – в Манынуне, вторую – в Сяоцуне, а третью – в Гуаньчжуне, смешивают в равных пропорциях с небольшим количеством смолы и изготавливают капсулы с шероховатой поверхностью. Поскольку их нельзя использовать больше одного-двух раз, расход очень велик, и поэтому они составляют серьезную часть затрат в китайском гончарном производстве. Загруженную печь закладывают кирпичом и замазывают компостом, чтобы исключить проникновение воздуха. Сначала поддерживают умеренный огонь, пока сосуды не высохнут полностью. Постепенно его доводят до температуры белого каления. Через три дня обжига в печи фарфор считается полностью обожженным, а огонь дают погаснуть. Затем ждут двадцать четыре часа, прежде чем открыть двери, поскольку в случае резкой смены температуры сосуды потрескаются. Однако капсулы так горячи, что когда их вынимают, то надевают толстые перчатки и покрывают голову и плечи мокрыми шерстяными одеялами. Все треснувшие сосуды бракуют и выбрасывают на берега реки Чанцзян, где они лежат, пока дожди не смоют их в воду. В сезон дождей течение очень сильно, поэтому оно уносит черепки довольно далеко от города. Этим и объясняется, что дно реки на несколько миль вниз по течению буквально устлано осколками фарфора, о чем я уже упоминал. Когда обожженные сосуды вынуты из печи, рабочие сразу же ставят туда следующую партию посуды для обжига. Это делают без промедления, потому что тогда в печь можно поставить сосуды, которые изготовлены в этот день и еще достаточно не высушены солнечными лучами: они будут подготовлены к тому, чтобы вынести большую температуру, не потрескавшись, тем небольшим жаром, что еще остается внутри.



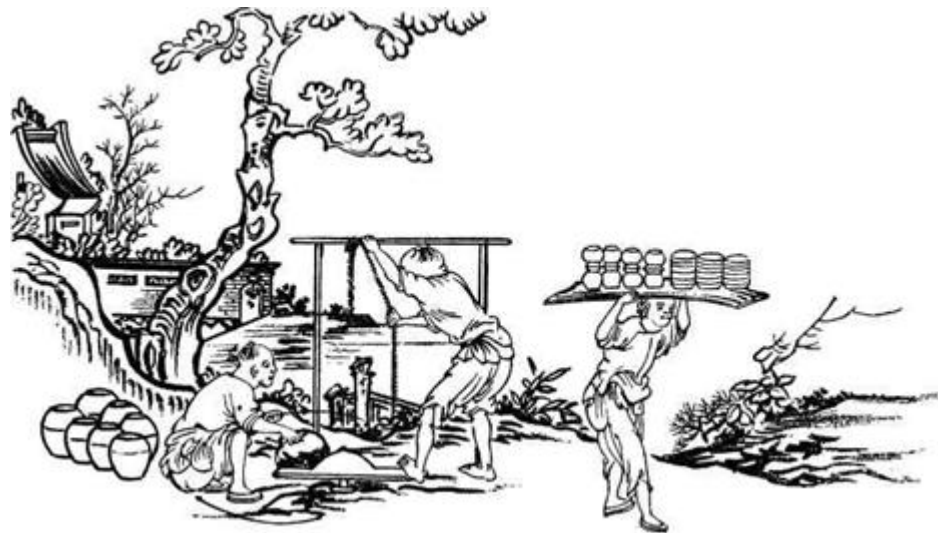
Керамика

Теперь обожженные сосуды можно отправлять к живописцу. Вообще китайцы не особенно хорошие художники, но им можно поставить в заслугу умение изображать птиц и цветы это они делают с большим мастерством. Что касается росписи фарфора, здесь, как и в других отраслях промышленности, существует четкая дифференциация трудового процесса. Один художник делает эскиз, другой рисует пейзажи, третий – реки, четвертый – деревья, пятый – бабочек, шестой – птиц, а седьмой – человеческие фигуры и здания. Эти художники в совершенстве знакомы с пигментами, которые наиболее стойки и могут выдерживать высокую температуру. Чтобы краски ложились более гладко, их смешивают с маслом, которое называется вань-сян-ю, иногда пользуются гуммиарабиком благодаря его свойству сохранять краски. Когда требуется нанести толстый ее слой, применяют воду.

Кисти художников во всем похожи на обыкновенные художественные кисти, какие в ходу во всем мире. Сосуды, которые нужно раскрасить, ставят на стол, а если они больших размеров, то на пол. Расписанные сосуды снова ставят в печи, чтобы закрепить краски. Бывает два вида таких печей. Один называется мин-хо, или яркий огонь, а другой – ань-хо, или темный огонь. Первый используется для маленьких сосудов, а второй – для больших. Печи эти круглой формы и имеют двойные стены, причем внутренняя сделана из плоской черепицы, а внешняя – из кирпича. У основания печи есть несколько маленьких отверстий, или устьев. Топливо (уголь) помещают между двух стен, а верх печи загораживают битой черепицей, которая лежит над обжигаемыми фарфоровыми сосудами. На битую черепицу кладут горячие угольки, чтобы добавить жару в печи. Это описание относится только к устройству печей мин-хо, которыми пользуются для обжига мелкой посуды. В ань-хо, где обжигают сосуды большего размера, топливо кладут только на верх печей, которые топят по двадцать четыре часа.

Грубые керамические сосуды для домашнего хозяйства делают в городе Шивань провинции Гуандун. Для них используют низкокачественную глину. Ряд особенностей производственного процесса отличается от того, что практикуется в Цзин-дэ-чжэне. Гончар пользуется устройством, которое состоит из горизонтального круга, вращающегося на верхнем конце очень короткой надежно крепящейся к земле вертикальной жерди. Круг приводит в движение ногами мальчик. Он держится прямо, для чего сжимает в руках спускающуюся с крыши цепь или веревку. А гончар, стоя на коленях или сидя на корточках рядом с кругом, обрабатывает глину вручную. Из одного места в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, следует, что в Древней Иудее гончарный круг приводили в движение ногами: «Так и гор-

печник, который сидит над своим делом и ногами своими вертит колесо» и т. д. Печи для обжига керамики в Шиване тоже весьма отличаются от тех, что мне довелось видеть во время посещения Цзин-дэ-чжэня. Например, они длиннее и стоят наклонно. По бокам каждой печи на равных расстояниях друг от друга находятся дверцы, в которые входят гончары, чтобы поставить внутрь предназначенные для обжига сосуды, между которыми сваливают кучами хворост. Затем рабочие зажигают огонь, и пламя, вздымаясь по наклонной, охватывает топливо, разложенное между посудой. Сверху в печи проделаны небольшие отверстия, через которые во время обжига подбрасывают щепки и ветки.



Гончарный круг

Упомяну о том, что, когда я с приятелем последний раз был в Ши-ване, нас чуть не убила разъяренная толпа. Мы оказались в опасности из-за одного простого обстоятельства. Мой приятель никуда не ходит без своей трости. Когда я рассказал ему, что сами китайцы не привыкли пользоваться такими предметами, потому что их законы о роскоши запрещают кому-либо, кроме глубоких стариков, опираться на трости, он высмеял предположение, будто ношение трости могут счесть знаком враждебности. Но когда мы шли по улицам, китайцы стали шептаться и переговариваться: «Берегитесь того иностранца, не то он кого-нибудь стукнет!» Так как мой друг привык при ходьбе размахивать тростью, волнение все росло. В конце концов собралась большая толпа. Негодующие люди набросились на нас и вынудили спрятаться в гончарной мастерской, откуда мы с трудом какими-то закоулками пробрались к нашей лодке.

В разных районах Китая производят плоскую глиняную черепицу, напоминающую каменные плитки. В Бай-синь-хэ рядом с Кантоном и в других местах поблизости изготавливают очень много такой черепицы. Гончарную глину, которая нужна для ее изготовления, привозят в Кантон из соседних районов или уездов Дунгуань и Паньюй. Поскольку большие дороги Гуандуна – это реки и заливы, глину везут в черепичные мастерские Бай-синь-хэ на лодках. Ее сваливают грудями, откуда берут по мере надобности, и месят ногами. Черепица делается из размятой таким образом глины при помощи форм в соответствии с требуемой конфигурацией и размером. Ее обжигают в очень больших печах, и, насколько мне известно, процесс обжига продолжается девять или десять дней, но вынимают из печи лишь на шестой день после того, как погаснет огонь.

В настоящее время, как и на протяжении многих столетий, в разных частях этой обширной империи изготавливают большое количество кирпичей. Их делают следующим образом. Сначала снимают поверхностный слой почвы, который изготовители кирпича называют «энкаллоу». Затем глину месят копытами буйволы, которых по несколько часов водят по ней

туда и обратно мальчишки, но в городе Юту рядом с Уси сян глину месят ногами люди. Когда я проездом был в Персии, то тоже имел случай заметить там существование такой практики. Когда глина делается мягкой и пластичной, из нее сразу при помощи деревянных форм делают кирпичи, которые кладут сушиться рядами в особого рода колеи. Для защиты от суровости погоды эти колеи с кирпичами часто накрывают циновками, а иногда над ними ставят черепичные навесы, а бедные люди покрывают их простой травой. Когда кирпичи высыхают, их отправляют в печи, которые так же велики, как и те, в которых обжигают черепицу. Самые большие печи такого типа (некоторые из них даже напоминали размерами фортификационные сооружения) я видел в городе Юту.

Глава 29

Корабли

Приморские районы Китая весьма обширны; кроме того, едва ли найдется большой или малый город или даже деревня, которые бы не пользовались преимуществом нахождения на берегу морского залива, реки, бухты или канала. Для этой обширной империи водные пути, пересекающие всю ее территорию в разных направлениях, – это то же самое, что железные дороги и шоссе для более цивилизованных стран. Конечно, в Китае множество всевозможных кораблей и лодок. Некоторые путешественники без колебаний заявляли, что в Китае больше судов, чем во всем мире, – и это утверждение вовсе не так нелепо, как может показаться на первый взгляд. Поэтому судостроение представляет собой весьма значительную отрасль китайской промышленности. «Арго», на котором в 1263 году до Р. Х. знаменитые аргонавты достигли берегов Колхиды в поисках золотого руна, претендует на то, чтобы быть судном, совершившим первое морское плавание. Однако согласно китайским анналам эти притязания на первенство просто бессмысленны. Летописи утверждают, что Да Юй (Великий Юй), основатель династии Ся, открыл искусство судостроения, и задолго до конца его царствования самые разные суда уже плавали по водам Китая.

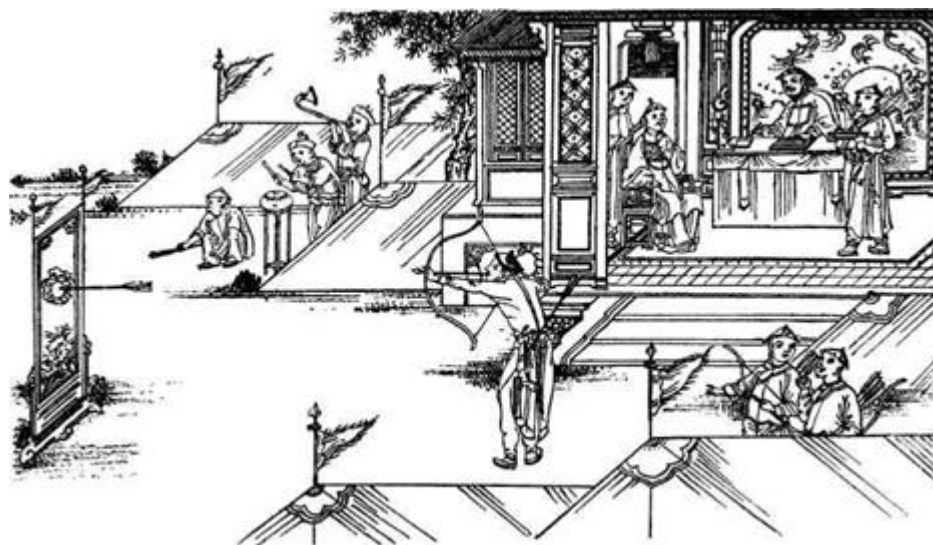
Во всех морских и речных портах страны имеется множество верфей, где строят и ремонтируют суда. В каждом из главных портов есть одна верфь, специально отведенная для нужд правительства. Как правило, корабли в Китае строят не на стапелях, а в сухих доках. День, когда закладывается судно, считается большим торжеством. На этом празднике не только веселятся, но и совершают определенные религиозные обряды: приглашают даосских священнослужителей, чтобы они пели пеаны в честь богов и молили их благословить работу. Праздничным считается и день постройки носа корабля. Пока его пестро украшают красными суконными лентами и полосками красной бумаги, даосы перед временным жертвенником взывают к богам, прося удачи для нового корабля. Китайские купцы или торговцы никогда не начинают строить его, не получив разрешения от местных властей. Чтобы получить официальное разрешение, купец должен сообщить властям о классе и тоннаже судна, которое он хочет построить. Власти также должны знать, сколько матросов потребуется для надежного плавания. По завершении строительства они осматривают судно, чтобы убедиться, что оно построено в строгом соответствии с одобренной спецификацией.

Корабельная архитектура судов, которые ходят по морям, рекам, заливам, каналам и озерам Китая, от океанских военных джонок до лодок, курсирующих между речными портами, бывает самой разной.

Океанские военные джонки иногда отличаются большой величиной. Капитан Бэзил Хилл, который в 1823 году сопровождал в Китай лорда Амхерста, британского посланника, рассказывает, что китайская военная джонка, шедшая борт о борт с военным кораблем под его командованием, была так велика, что напоминала плавучий замок. Внутри военных джонок находится несколько водонепроницаемых отсеков. Фальшборта очень высоки, в них есть отверстия для нескольких пушек, причем орудийные порты, как правило, имеют пятиугольную форму и кромку красного цвета. У каждого судна три мачты. Грот-мачта, как у судов с прямым парусным снаряжением, находится в центре корабля. Фок-мачта значительно ближе к носу, а бизань-мачта рядом с гакабортом. К верхушке грот-мачты прикреплен флюгер в виде дельфина, а к хвосту его привязан вымпел, как правило, красного цвета, такой длинный, что почти касается палубы. Обычно на грот-мачте кораблей императорского флота помещают флаг с изображением инь и ян, другими словами – женского и мужского начал. Оно окружено несколькими красными линиями, причем некоторые из них, если я не ошибаюсь, символизируют даосскую троицу, а остальные – благоприятные геомантические влия-

ния. Суеверные моряки считают флаг с эмблемой инь и ян талисманом. В отсутствие этого флага на грот-мачте поднимают триколор, напоминающий голландский флаг, а на корме — треугольный, с начертанным большими красными иероглифами именем чиновника, ответственного за данное судно. Паруса делаются из рогожки. Грот отличается самыми большими размерами и имеет форму крыла бабочки. Паруса, которые прикреплены к мачтам кольцами, укреплены находящимися рядом друг с другом длинными шестами, идущими через все полотно. Я уже сказал, что паруса океанских военных джонок делают из рогожки: по большей части используют для изготовления парусов на любых китайских судах этот материал, иногда и другие. Путешествуя по Формозе, я заметил, что на многих судах, плавающих по рекам этого острова и по проливу, отделяющему его от материка, паруса сделаны из кокосового волокна. На шанхайской реке и на Янцзы, особенно рядом с городом Нанкином и в других хлопковых районах, через которые течет Янцзы, паруса делают из крашенных хлопчатобумажных тканей. Так, в Нанкине и в других городах по берегам реки Янцзы я заметил несколько лавок, в которых продавалась древесная кора для окраски парусов. Укрепленные находящимися рядом друг с другом длинными шестами паруса китайских судов не поддаются натиску ветра, как холщовые паруса, которыми снабжены все европейские корабли. Как правило, судовой такелаж изготовлен из ротанга, бамбука, из пеньки или из кокосового волокна. Рядом с якорными стоянками почти во всех китайских портах есть большие канатные заводы, где изготавливают веревки, канаты и бечевки так же, как в Англии.

Орудия на таких джонках располагают только на верхней палубе и стоят так близко, что трудно понять, каким образом многочисленные и, очевидно, совершенно недисциплинированные матросы могут управляться со всеми пушками сразу. Кажется, они почти ничего не знают о наведении орудий, а лафеты такого же низкого качества, как и пушки. Помещения для матросов неважные, и почти в каждом уголке корабля скапливается столько грязи, что этого достаточно для возникновения лихорадок или эпидемических заболеваний. Эти высокие корабли представляют собой отличные мишени для вражеских орудий. Они прочны и могут служить хорошим прикрытием для таких же судов. Во время столкновений с британскими военными кораблями они неизменно оказывались не на высоте, что наконец начали осознавать китайские власти в конце так называемой «опиумной войны». В начале второй войны, которую вели против Китая Великобритания и Франция, большая флотилия этих военных джонок была уничтожена в заливе, ведущем к важному в стратегическом отношении городу Фошань, морской экспедицией под командованием сэра Генри Кеппеля.



Кандидаты на военные должности

Большую часть императорского военно-морского флота составляют не океанские военные джонки, а суда гораздо меньших размеров, которые из-за своей малой осадки могут ходить по мелким рекам и заливам. Очень длинные и широкие в средней части, эти корабли имеют две мачты и могут развивать хорошую скорость. Каждое судно этого класса снабжено несколькими орудиями, причем некоторые из них большого калибра. На грот-мачте находится корзина, наполненная примитивными ручными гранатами, которые китайцы называют хо-ю-бу, а иностранцы – вонючками. Другой класс военных джонок называется куай-се, или быстрые крабы. Эти суда тоже двухмачтовые и очень длинные, и вместе с тем узкие. Каждой из восемнадцати провинций собственно Китая выделено несколько таких джонок, причем их количество, конечно, зависит от размера и нужд провинции. К провинции Гуандун со времен правления Цяньлун Хуана (1795) постоянно приписана сто шестьдесят одна джонка этого класса, а до 1795 года их было лишь девяносто три. Эти суда делятся на три дивизиона: в первом десять, во втором – сто пятнадцать, а в третьем – тридцать шесть джонок. Строительство каждой джонки первого дивизиона обходится в 4378 серебряных лянов (около 1300 фунтов), второго дивизиона – 3620 серебряных лянов (около 1100 фунтов), а джонки третьего дивизиона – 2677 серебряных лянов (800 фунтов). Они могут эксплуатироваться только девять лет. Им не разрешается входить в док для капитального ремонта по истечении трех лет плавания. В конце первого трехлетия провинциальные власти получают от коллегии в Пекине полномочия потратить на ремонт каждой джонки первого класса 1926 серебряных лянов, второго класса – 1593 ляна, а третьего класса – 1178 лянов. Корабли, прослужившие шесть лет, снова ставят в доки на капитальный ремонт, причем его стоимость в каждом случае определена неизменными правилами. По истечении девяти лет эти джонки считаются непригодными для дальнейшей эксплуатации. Перед тем как впустить судно в док, ответственный за него магистрат отправляет генерал-губернатору депешу, удостоверяя, что судно ходило в течение трех лет и поэтому должно быть поставлено на капитальный ремонт. Магистрату направляют ответ с разрешением поставить военную джонку в док, причем расходы оплачивает не казначей провинции, а эmissар по соли. Кроме того, ежегодно отпускаются деньги на паруса и такелаж судов.

Команда судна первого класса состоит из капитана, рулевого и сорока шести матросов, второго класса – из капитана, рулевого и двадцати семи матросов, а третьего – из капитана, рулевого и восемнадцати матросов. В день на еду капитану полагается восемь фыней, рулевому – столько же, а матросам – по пять фыней на человека.

Во время штиля эти суда ходят на веслах, причем движутся на изрядной скорости. Вероятно, именно поэтому они называются куай-се, или быстрыми крабами. Когда эти военные джонки идут под парусами, их скорость очень велика. Часто ими пользуются таможенники, потому что куай-се весьма эффективны при ловле контрабандистов. Хотя они, как правило, должны использоваться против контрабандистов, я склонен думать, что ответственные за них мандарины нередко сами пользуются ими для контрабандной торговли. Кроме различных военных джонок, составляющих императорский военно-морской флот, есть и другие, принадлежащие джентри, укомплектованные матросами и снаряженные независимо от правительства империи.

Вероятно, военно-морской флот, состоящий из описываемых мной судов, может возбудить легкое презрение у европейца. Однако в настоящее время китайцы, очевидно стремясь занять при помощи своей морской силы заметное место среди других народов, признали значение военных судов с прямым парусным снаряжением, какие используются в военно-морских силах Европы. Теперь на службе китайского императора находятся несколько канонерских лодок, построенных для его императорского величества в Европе, офицеры на которых – европейцы, а матросы – китайцы. Теперь у китайцев есть свои арсеналы, где для военно-морского флота строят суда значительных размеров, соответствующие требова-

ниям современного военно-морского искусства. Первый фрегат, построенный на китайской верфи, был спущен на воду в Шанхае 24 мая 1872 года. Описание первого большого современного военного корабля, принадлежащего китайскому правительству, может заинтересовать моих читателей. Поэтому я приведу некоторые подробности из North China Daily News: «Длина корабля от ахтерштевня^{145} до гакаборта составляет 263 фута 6 дюймов. Наибольшая ширина – 44 фута 10 дюймов; глубина трюма от кильсона до верхней части спардека – 29 футов 4 дюйма. Корабль четырехпалубный; на верхней будут размещены два девяностофунтовых нарезных подвижных орудия, а почти вся длина главной палубы будет занята батареей, состоящей из двадцати шести сорокафунтовых бортовых нарезных орудий. Это будет корабль с полным парусным вооружением площадью 22 500 квадратных футов. Мы узнали, что его машины, как говорят инженеры, горизонтально обратного соединительного типа, с двумя цилиндрами 64 дюймов в диаметре и трехфутовым ходом поршня. Условная мощность в лошадиных силах – 400, но, как мы и указывали в предыдущем выпуске, в действительности может достигать 1800. Гребной винт регулируемого шага – подъемный, системы Гриффитса, так что на море, когда полностью полагаются на ветер как на движущую силу, винт можно поднять из воды при помощи специального подъемника... Некоторые из литых частей машины весят не менее семи тонн; при строительстве судна было использовано 40 тонн меди (включая 3400 листов медной обшивки). Все за исключением вала было изготовлено в арсенале китайскими мастерами, причем их работу контролировали только пять иностранцев».

Как правило, в экипажи таких судов входят первоклассные матросы и морские пехотинцы. Многие обучались военному искусству у иностранных инструкторов. Экипаж обеспечен испытанным современным европейским оружием. Изготовление орудий и их установка на лафеты тоже производились по самым последним образцам, а судовая команда проходила такую же строгую строевую подготовку, как матросы на палубах лучших судов ее величества.

Эти признаки прогресса Поднебесной империи покажутся поразительными, если мы вспомним упорство, с которым китайцы держатся за обычаи отдаленного прошлого, но и предрассудки. Можно было бы предположить, что спуск на воду современного фрегата, построенного в китайском арсенале, несколько ослабит самодовольство китайского чиновничества в отношении национального кораблестроения. Однако насколько далеко заходит их самодовольство, показывает выдержка из статьи о китайском военно-морском флоте, опубликованной в North China Daily News. Автор замечает:

«С первого взгляда могло показаться, что китайские чиновники должны испытывать определенную гордость по поводу кораблей, построенных по иностранным образцам, но оказалось, что это не так. Для них было бы слишком унижительным хоть на мгновение признать, что корабль, построенный на варварский манер, можно сравнивать с добрыми старыми образцами, существовавшими со времен Яо и Шуня. Вот пример тому, до какой степени китайцы гордятся своими древностями. При недавнем спуске фрегата из цзяннаньского арсенала некий иностранец заметил одному из присутствовавших при этом чиновников, что это самый большой корабль, когда-либо спускавшийся со стапелей в Китае или даже вообще на всем Востоке. Каково же было его удивление, когда ему со всей возможной учтивостью сообщили, что он только что продемонстрировал замечательное для разумного иностранца незнание китайской истории и что ему стоило бы заглянуть в анналы династии Мин, прежде чем допускать такие безответственные замечания, – ведь китайцам приходилось строить настолько большие корабли, что они могли бы везти этот фрегат как часть своего груза!

Если мы обратимся к упомянутой истории, то узнаем, что на третьем году правления под девизом Юнлэ, или в 1406 году н. э., император, узурпировавший трон, думая, что его предшественник бежал из страны и скрывается за морями, и стремясь его выследить и в

то же самое время продемонстрировать соседним странам богатство и доблесть Срединного государства, велел знаменитому воину Чжэн Хэ, уроженцу Юньнани, с несколькими товарищами проплыть через западный океан. Чжэн Хэ собрал офицеров и войска общим числом 28 786 человек и получил большое количество серебра и всяческих сокровищ. Затем он построил шестьдесят два больших корабля, каждый 44 чжана длиной и 18 чжанов шириной. Учитывая, что чжан составляет не больше десяти английских футов, можно подсчитать, что корабли имели 440 футов в длину и 180 футов в ширину. По реке Луцзя в окрестностях Сучжоу они вышли в море и сначала приплыли к Фучжоу. Отбыв из этого порта, они объехали все заморские края. В нашу задачу не входит описание чудесных подвигов и побед на Цейлоне, на Суматре и в других местах в западном океане, названия которых в настоящее время мы не можем точно идентифицировать, капитана Чжэн Хэ, плывшего на этих огромных корытах. Любой человек, который больше, чем мы, верит китайским историкам, без сомнения, будет щедро вознагражден, прочитав об этом интересном предприятии, прославившем китайски военно-морской флот».

Вышеупомянутое сообщение отражает тот глубокий консерватизм, которого китайцы продолжают держаться, в отношении достижений современной науки и производства. Современные же суда представляют собой замечательные исключения на фоне преобладания бесполезных древностей. В 1872 году китайцы спустили на воду первый фрегат из собственного арсенала и вооружили несколько кораблей и судовых команд испытанным современным оружием, но в августе 1873 года они провели смотр флота в Нинбо, во время которого маневры прискорбно отличались от проводящихся в Европе. Привожу цитату из China Mail:

«В четырнадцатый день лунного месяца и в течение нескольких предшествующих дней тридцать пять или сорок человек появлялись вовремя полного отлива или во время кульминации прилива, когда не было течения. У каждого была пара спасательных буйев, прикрепленных к поясу, один спереди, а другой сзади, причем их плавучести хватало на то, чтобы удерживать человека почти по пояс над поверхностью воды. Каждый буй был сделан из покрытого веревочной сеткой легкого бамбукового каркаса, на который была натянута прочная промасленная бумага. Некоторые из этих моряков были вооружены вилами, некоторые – парой дубинок, остальные – коротким мечом и щитом. Они изображали в воде маневры джонки, выстраиваясь то в два ряда, то в один, а время от времени – андреевским крестом. У них было два командира, каждый с флагом на спине, будто в театре, у каждого по трубке, наполненной серой или чем-то в этом роде, из которой шел желтый дым. Люди стояли прямо в воде и, казалось, двигались, делая маленькие шажки и помогая себе плечами. Обычно они оставались в воде в течение получаса.

Когда они обрели некоторую сноровку, на 15-е число был назначен большой флотский смотр. На нем присутствовало много мандаринов. Некоторые наблюдали за происходящим с борта большой джонки. Лица познатнее – их было больше – разместились в обширном павильоне, воздвигнутом на речном берегу сразу за Соляными воротами на участке, приготовленном и часто использовавшемся с этой же целью тридцать лет назад... На берегах и на городской стене яблоку было негде упасть. По самым скромным подсчетам, присутствовало восемь или десять тысяч зрителей, стремившихся увидеть живописное зрелище. Отрепетированную программу повторили с замечательным мастерством и дисциплинированностью. Затем был исполнен великолепный последний номер. Он, пожалуй, мог бы совершенно парализовать врага, если тот никогда не бывал в цирке Астли. На мачте большой джонки появилось сооружение, напоминающее клетку из числа тех, что можно видеть на шестах возле ямэ-ней и храмов. Оно было покрыто флагами. Туда вошли шесть или восемь человек. Они вскарабкались на вершину мачты, размахивая руками, ногами и головой в излюбленной циркачами манере; дали один залп из мушкета, выпустили одну стрелу из лука и попытались

выпалить из трубок, начиненных серой (не вышло). Затем артисты вновь принялись за акробатику, закончив выступление прекрасной живой картиной: каждый из них приник к верхушке мачты, выставив одну ногу наружу. Тут мандарины принялись вежливо раскланиваться друг с другом и с собравшейся публикой. Они неуклюже забрались обратно в свои паланкины и отбыли.

С начала до конца, вместе со всеми паузами, это мероприятие заняло час с четвертью. Говорят, оно обошлось в умеренную сумму – пять тысяч лянов, потому что на джонках постоянно не хватает людей и пришлось специально нанимать команды и обучать их. Вся соль события заключается в том, что ответственный за этот парад мандарин – генерал-лейтенант, который поехал по Европе и был в Париже во время осады 1870 года. Тем не менее мне стало известно из надежного источника, что он во все время действия был преисполнен достоинства и сейчас к тому же серьезно собирается направить императору поздравление по поводу высокой боеспособности его храбрых моряков».

Возможно, здесь будет уместен рассказ о виденном мной столкновении флотов на Жемчужной реке во время восстания 1854–1855 годов. Рядом со стоящим на отшибе фортом, который китайцы называют Чжамэй-паотай, или фортом Волчка, а европейцы – фортом Макао, кордон императорских военных джонок растянулся по реке, пытаясь контролировать подходы к городу с этой стороны. Мера была обусловлена появлением большой флотилии джонок мятежников, вставшей на якорь не более чем в миле от местонахождения императорских судов. Чтобы подойти к городу, командир мятежной флотилии завязал бой с джонками императорского флота. Во время сражения, которое продолжалось целый день, ни одно судно с обеих сторон, насколько мне известно, не понесло ни малейшего ущерба. В этом не было ничего удивительного, так как подавляющее большинство выстрелов из судовых орудий встречались друг с другом на полпути. Во время большей части сражения я находился на борту одного из императорских кораблей, но опасался не столько вражеского огня, сколько возможного порохового взрыва, который в определенный момент действительно представлял угрозу для корабля: рядом с каждым орудием и на судовых палубах лежали россыпи пороха, и тут же стояли канониры с горящими спичками в руках. Через несколько дней прибодрившиеся мятежники провели свои корабли борт о борт с императорскими джонками, причем смогли при помощи вонючек поджечь три или четыре судна. Однако хотя флот мятежников прорвал линию обороны, но не смог добраться до Кантона, потому что форт Волчка (Макао), который теперь оказался в тылу разрозненных императорских джонок, пушечным огнем заставил восставших отойти обратно. Я присутствовал во время окончания сражения и помогал спасению нескольких императорских моряков от гибели в воде. Когда этих людей доставили на берег, то я обнаружил, что многие из них были серьезно ранены, а из-за взрыва вонючки один человек с головы до пят превратился буквально в сплошную рану. Другой матрос, с серьезным ружейным ранением, решил покончить с жизнью после поражения и очертя голову бросился в реку, откуда его недавно вытащили; самоубийство при таких обстоятельствах китайцы считают весьма почетным. Я поспешил спасти его второй раз из стремнины, в которую он прыгнул, но им овладело настолько сильное отчаяние, что он предпринял третью попытку самоубийства, когда мне пришлось еще раз расстроить его безрассудный замысел. Поскольку начинали сгущаться вечерние тени, я попросил солдат гарнизона форта Макао позаботиться о раненых соотечественниках и проводить их как можно быстрее в Лондонскую миссионерскую больницу в Кантоне, которой в то время весьма умело руководил доктор Уилсон. Они охотно согласились и, когда я оставлял их, действительно стали готовить лодки к отплытию, но, по всей видимости, бросили это занятие, как только остались одни, потому что на следующий день я нашел мертвые тела всех этих людей на том же месте, где в последний раз видел их живыми и страдающими, кроме одного, который смог добраться до соседней деревни. Я приписал это прискорбное жестоко-

сердце китайских солдат гарнизона форта Макао по отношению к раненым соотечественникам, своим же товарищам по оружию, или страху китайцев помогать несчастным, поскольку они считают таких людей отмеченными гневом злых духов или божеств-мстителей, или же опасению оставить пост при таком критическом положении дел, поскольку за такой поступок их могли покарать позорной смертью от рук вполне земного палача.

Поскольку военные джонки Китая явно неспособны очистить моря и реки от кишящих там пиратов, многочисленные классы торговых судов получают от правительства разрешение брать на борт тяжелые орудия для собственной защиты. Эти разрешения выдают судам, ходящим по Жемчужной реке, заместителем префекта, который работает на берегу залива Бокка-Тигрис, или Хумэнь, если я не ошибаюсь. Конечно, вид и количество оружия, которое разрешают брать на борт, зависят от класса и тоннажа судна. Чтобы не сделать их опасными для спокойствия и порядка в государстве, нападая на неукрепленные города и мирные суда для вымогания денег, закон требует, чтобы девять других судов стали залогом для каждого торгового корабля. Если джонка, за добропорядочное поведение которой отвечают девять других судов, оказывается виновной в пиратстве в открытом море, к суду привлекают не только хозяев и матросов пиратского судна, но и тех судов, что оставлены в залог. В случае признания подсудимых виновными наказывают все судовые команды, а десять судов конфискуют. Существует также статут, согласно которому по прибытии в порт все суда должны разместить оружие на складах, прикрепленных к таможне, пока они не будут снова готовы к отплытию. Но этот закон, как и многие другие китайские установления, чаще нарушают, чем соблюдают.

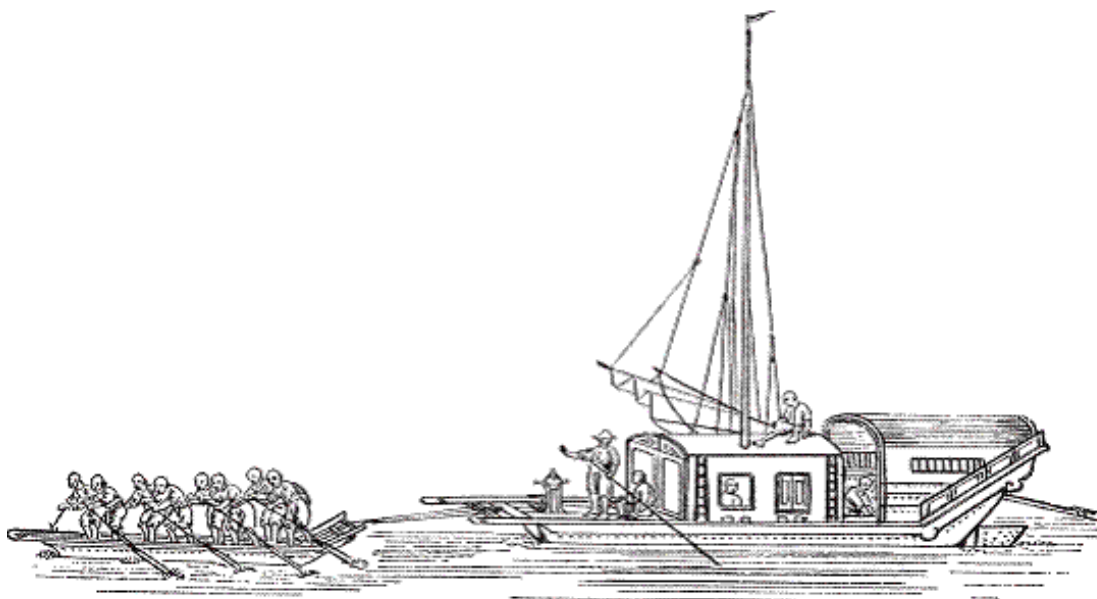
Перейдем к различным видам торговых джонок, пассажирских лодок и других судов, плавающих по морям, рекам, заливам и каналам Китая.

Большие океанские джонки, плавающие между северными и южными портами, и те, что плавают из Китая в Батавию, Сингапур и Сиам, имеют весьма своеобразную конструкцию. Их вместимость равняется нескольким тысячам тонн, и, как военные джонки, они разделены на несколько водонепроницаемых отсеков. У таких джонок три мачты, каждая из которых состоит из одного цельного куска дерева. Грот-мачта расположена посередине судна; фок-мачта далеко на носу, а бизань-мачта совсем близко к гакаборт. На мачтах наклеены полоски красной бумаги, на которых большими китайскими иероглифами написано следующее: «Мачта, подобная генералу во главе десяти тысяч солдат»; «Благоприятные ветры, дуйте со всех сторон света»; «Пусть эта мачта презрит бури, из какой бы части небес они ни явились». К верхушке грот-мачты прикреплен флюгер, к концу которого привязан длинный красный вымпел, развевающийся на ветру. В первый и в пятнадцатый день каждого лунного месяца, то есть в новолуние и в полнолуние, на гакаборте выставляют маленькие треугольные вымпелы, а на грот-мачте поднимают большой красный, белый или черный флаг. Паруса сделаны или из рогожки, или из хлопчатобумажной материи, или из кокосового волокна.

Их отличают немалые размеры. Особенно велик грот. Паруса имеют ту же форму и укреплены так же, как и паруса военных джонок. Корпус корабля, очень тяжелый и прочный, обычно окрашен в белый цвет, а, как правило, очень высокие фальшборты красят в соответствии с тем, как принято в порту, к которому приписана джонка: фальшборты джонок из провинции Фуцзянь – в черный цвет с зеленой каймой; из провинции Чжэцзян – в черный с белой каймой; а гуандунских – в черный с красной каймой. Разные способы окраски судов не просто обычаи, принятые в провинциях, – их определяет закон, поскольку цвета фальшбортов служат в открытом море, когда китайские корабли проплывают мимо друг друга, для определения портов, к которым они приписаны. Для эффективности этой меры судовладельцев непременно обязывают перекрашивать корабли через каждые два года.

Корма у судов такого класса широкая и высокая. Ее украшают изображением большой птицы с распростертыми крыльями, очень яркими, и она напоминает сказочного феникса.

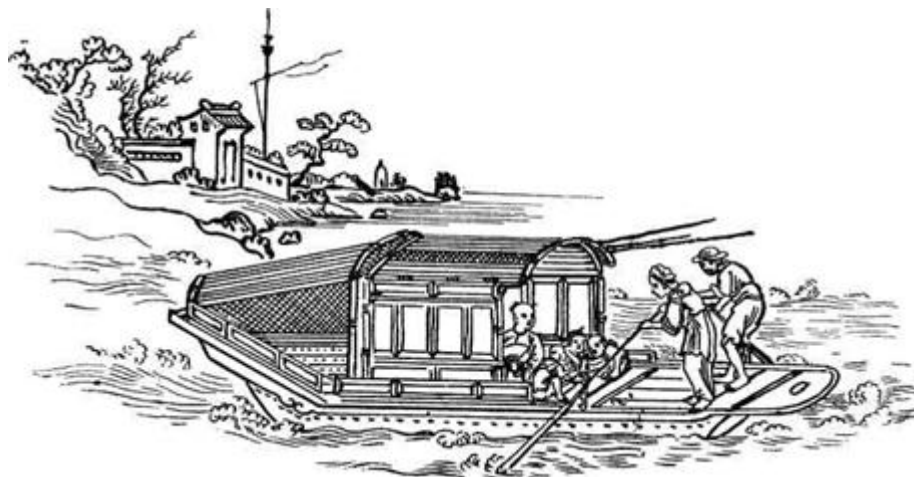
Китайцы называют ее «фэн» и считают символом скорости – она будто бы существенно убыстряет движение судна. Ее изображают на скале посреди бушующего океана, насмехающейся над бурей, что символизирует еще и стойкость мореплавателей. Кроме того, на корме изображают солнце и луну, которые моряки, конечно, почитают источниками света днем и ночью. Сразу под кормовой доской находится другая поменьше, на которой изображены приносящие дань его императорскому величеству – европейцы, бирманцы, сиамцы, индийцы, – которых китайцы с гордостью называют южными данниками. Под этими картинками помещены три или четыре рельефных иероглифа – это название корабля. Например, один называется «Добрый успех», другой – «Золотые выгоды», третий – «Бесконечные прибыли» и т. п.



Пассажирская лодка

Нос океанской джонки, как и корма, очень высок и широк; ему полагается быть похожим на дельфиний или какой-нибудь другой большой рыбы. По обеим сторонам носа нарисовано по глазу; моряки воображают, будто таким образом судно сможет заметить подводные скалы, мели и другие опасные места. Руль очень велик и выходит довольно далеко за пределы кормы у всех джонок. Эти большие рули необходимы на китайских судах, которые по большей части снабжены очень маленькими киями. Чтобы легче было двигаться в воде, в них проделывают отверстия. На полуюте ставят большой деревянный шатер, богато украшенный резьбой; над входом бываю начертаны три-четыре фразы вроде «Пусть ветры не вздымают гневные воды!» или «Пусть это судно храбро встречает штормы в течение сотни лет».

На палубе каждой джонки находятся три или четыре деревянных бака, которые наполняют, до того как судно выйдет в море, ключевой водой для приготовления пищи. Эти баки скрепляют вместе гвоздями и асфальтом, которым промазывают каждый шов. Кормовые балконы помещаются на корме. Туда имеют доступ не только владельцы и шкиперы, но и матросы, которые научены считать нос самой священной частью судна и содержат его в абсолютной чистоте.



Лодка-туфля

На каждой большой джонке есть также опрятное святилище, посвященное богине Тянь-Хоу, которая, как я уже упоминал, является покровительницей моряков. Идолу этой богини, аккуратно заключенному в стеклянный ящик, ежедневно поклоняется команда. Над алтарем обычно начертан молитвенный призыв вроде «Где бы ни плыл этот корабль, о богиня, даруй ему благополучный путь». По бокам алтаря начертаны следующие фразы: «Помоги нам разбогатеть через торговлю» или «Яви милость свою, о богиня, на водных просторах». В начале и в конце каждого плавания перед Тянь-Хоу творят обряды. Когда джонка готова к отплытию, на борт приглашают даосских священнослужителей, чтобы они спели богине молитвы и совершили жертвоприношения. Но если даже после всех этих религиозных обрядов возникает свирепый шторм, угрожающий сохранности судна, китайские моряки всегда бывают совершенно убеждены в том, что причина – гнев богов, направленный против грешников на борту. Такие же представления были распространены среди моряков в древние времена. Мы читаем, что, когда шторм застиг судно, на котором пророк Иона пытался бежать в Фарсис, чтобы уклониться от исполнения божественного повеления проповедовать жителям Ниневии необходимость покаяния, уstraшенные корабельщики бросили жребий, чтобы узнать, кто виновник беды. Когда жребий пал на непокорного пророка, они по воле самого грешника были вынуждены бросить его в море (Ион., 1: 3 -15). Кроме того, когда аргонавты Орфея приписали присутствию Медеи шторм, застигший «Арго», они были склонны поступить с ней так же:

Благоразумные, сильно они сомневались,
Надо ль убить и рыбам отдать на добычу
Медю злосчастную, чтобы судьбу отвратить.

Мы узнаем, что, когда попал в бурю корабль, на котором плыл Диагор, прозванный Безбожником (он жил в V веке дон. э.), мореходы сразу же решили, что причина этого – атеистические убеждения философа. Известны примеры, когда китайские моряки во время сильной бури бросали в море людей, злодеяния которых, по их мнению, стали причиной шторма, надеясь таким жертвоприношением утишить гнев богов.

Судно выходит из порта в счастливый день, определенный даосскими жрецами, а в их отсутствие – астрологами. Как правило, это первый или пятнадцатый день лунного месяца, новолуние или полнолуние. Когда джонка выходит из порта, команды других судов, приписанных к тому же порту, забираются на полуяуты, чтобы умиловить богов ветра и волны по отношению к отплывающему судну; некоторые энергично бьют в гонги, а другие, чтобы рассеять дурные влияния, усиливают шум, стреляя из пугачей и пуская фейерверки. Когда

судно входит в порт, снова проводят религиозные церемонии в честь Тянь-Хоу. В таких случаях службы обычно проводят не на борту джонки, а в храме, посвященном этой богине. Они состоят из благодарения, молитв и приношения в жертву вареных кур и свинины или маленьких частей товара, который джонка доставила в порт. В 1864 году я посетил посвященный Тянь-Хоу храм на острове Рыбака из группы Пескадорских островов^{146} и заметил на алтаре несколько красных мешочков размером с обычный кошелек. На каждом было написано имя человека, кем и для кого он был помещен на алтарь. Мне сказали, что в каждом была соль, которую джонки в больших количествах привозили на Пескадоры для консервирования рыбы. В том же храме находилась большая модель китайской джонки. Мне сказали, что у островитян существует обычай проносить эту модель в торжественном шествии по улицам деревень во время празднования дня рождения Тянь-Хоу. Когда я уходил, в храм вошел мандарин. Он был одет в официальное платье, а наверху его шляпы были белые шарики. Через переводчика я вступил в разговор с этим достойным человеком. Он собирался поклониться богине перед отплытием с острова, где он служил магистратом в течение нескольких лет.

В Чжанчжоу, Амое, Фучжоу и вообще во всех портах провинции Фуцзянь и Формозы есть океанские джонки, с точки зрения корабельной архитектуры напоминающие те, которые я уже описывал, но они намного меньше; в основном они доставляют товары, плавая между Фуцзянем и Формозой. Наибольшая величина делает их пригодными для плавания по Формозскому проливу. Более того, на западном побережье Формозы так мало гаваней и так много препятствий, что плавание для джонок крупного тоннажа просто опасно.

В порту Кантона есть джонки еще меньшие, которые используются в соляной торговле с провинциальным городом Кантоном. Они загружаются в Цзедуне, Дяньбае и Фаньлугане, портах на побережье провинции Гуандун, расположенных к востоку и западу от колонии Гонконга. Судов, транспортирующих соль, здесь очень много, и их стоянка рядом с так называемыми соляными залежами представляет собой лес мачт. Несколько лет назад большая флотилия таких джонок, когда стояла на якоре рядом с этими залежами, загорелась, и, поскольку был отлив и многие корабли сидели на мели, потери оказались очень большими. Огонь, казалось неизбежно угрожавший флотилии, все-таки погас раньше, чем сгорели все корабли. Поскольку моряки не предпринимали никаких чрезвычайных усилий для тушения огня, спасение судов было приписано милосердному вмешательству богини Чжоу-Чжу-Нян-Нян-Гу. В честь этой богини построен храм в Цзинпу – это деревня не более чем в пяти милях к западу от Кантона. Все моряки, служащие на соляных джонках, которые стоят в Кантонском порту, на двадцать третий день пятого месяца каждого года отправляются поклониться ей в этот храм, а также даются представления на сооруженных временно подмостках рядом с храмом. Эти действия оплачиваются из фонда, основанного на деньги благодарных богине владельцев, шкиперов и матросов судов, спасенных от пожара.

Океанские торговые джонки, ходящие между Шанхаем, Чифу и Тяньцзинем, отличаются высотой кормы и носа, по сравнению с которыми средняя часть судна очень низка. На каждом четыре мачты, причем фок-мачта – наклонная, иногда бывает и пятая. Ее помещают между грот– и бизань-мачтой, и она так мала, что напоминает лодочную. На каждом борту джонки (а не на корме, как в ранее описанных случаях) большими иероглифами начертано название судна и имя хозяина или название компании, а также название порта приписки. На море у таких судов вместо фальшбортов используются пиллерсы – вертикальные металлические стойки, через которые продернуты веревки, а над люками делают небольшие комингсы – окаймления по периметру, чтобы внутрь не заливалась вода с середины судна. При сильном ветре такие суда плывут при помощи большой корзины: поднимая ее, матросы травят против ветра канат, привязанный к двум другим, перекрещивающимся под ее дном. Эта корзина образует нечто вроде большого парашюта. Не пропуская воду, она помогает вести судно по ветру. Будучи в Тяньцзине, я видел, что из-за сухости воздуха палубы джо-

нок становились такими неплотными, что матросам приходилось лить на них воду, чтобы снова сделать водонепроницаемыми. В Тяньцзиньском порту есть сухие доки, где к началу зимы владельцы обычно оставляют свои корабли, чтобы защитить их от разрушительного действия морской влаги.

Оснастка всех китайских океанских джонок исключает всякую возможность плыть против ветра так, как это делают европейские суда или вообще корабли с прямым парусным снаряжением, но отлично подходит для того, чтобы сообщать кораблю наибольшую скорость, когда он плывет по ветру. Я заметил, что при управлении кораблем китайские моряки обращали паруса в наветренную сторону, а не в подветренную, как это делают в Европе. Это обстоятельство совершенно меня не удивило, поскольку китайцы часто действуют не так, как мы. Моряки, плавающие вдоль побережья на джонках, вычисляют курс, наблюдая за небесными светилами, но на больших океанских джонках используют компас; определять стороны света при помощи магнита этот древний народ научился еще за несколько столетий до начала христианской эры. Согласно письму Клапрота господину А. Гумбольдту, перевод которого приводит мистер Дэвис в своей «Истории морского компаса», компас был известен китайцам за 2634 года до н. э.

На реке Янцзы можно видеть большие суда, напоминающие те, что курсируют между Шанхаем, Чифу и Тяньцзинем. Я заметил, что доски или брусья, из которых сделаны нос и корма, скреплены не гвоздями, а железными зажимами, такими маленькими, что кажется, будто корабль особенно прочным быть не может. Мачты этих судов не одnodеревки, как на кораблях во многих других районах Китая, – они делаются из двух или трех кусков дерева, аккуратно пригнанных друг к другу железными полосами или ободьями. Почти все китайские суда, плавающие по Янцзы, из тех, что я видел, плоскодонки, и поэтому снабжены специальными досками, снижающими риск опрокидывания даже при сильном ветре. Океанские джонки обыкновенно находятся в собственности акционерных компаний, чей груз они перевозят. Партнеры так мало доверяют друг другу, что нередко несколько человек отправляются в море на своем судне.

Кроме тех кораблей, о которых рассказано выше, в Китае есть торговые джонки, курсирующие по морским рукавам, заливам, озерам и рекам. Взглянем на те, что ходят по заливам и рекам провинции Гуандун. Следует учесть, что речные джонки в разных местностях лишь слегка отличаются друг от друга. Они бывают трехмачтовыми, двухмачтовыми и одномачтовыми, с них платят пошлины согласно тоннажу. До того как эти речные джонки (как и океанские) выйдут в плавание из порта приписки, правителю уезда или магистрату следует сообщить о порте сообщения, характере и стоимости груза, о числе и именах матросов и о расчетном времени возвращения судна. Если корабль опаздывает, судовладелец или шкипер должен взять у магистрата порта назначения справку о причине задержки. Эту справку передает властям судовладелец или шкипер по возвращении в порт приписки. Если он пренебрежет этим, его заставят предстать перед местным судом и там же на месте получить сорок палочных ударов. Если я не ошибаюсь, такому же наказанию подвергают каждого члена судовой команды. Правительство принимает такие строгие меры, чтобы предотвратить пиратские рейды, в которые охотно пускаются китайские моряки. Несмотря на то что торговые корабли первого и второго класса, строго говоря, являются речными судами, они нередко плавают в Кохинхину, Сиам, Сингапур и Малакку.

На Жемчужной реке множество так называемых го-тай, или фруктовых лодок. Они плавают преимущественно между Кантоном и Макао и теоретически предназначены исключительно для перевозки фруктов, почему правительство и взимает за них совсем небольшой налог, но на самом деле на них перевозят самые разные товары. Судно приблизительно девяти футов длины и от двадцати до двадцати пяти футов ширины, на нем две мачты, причем

грот-мачта располагается перед домиком с плоской крышей, занимающим более половины палубы; фок-мачта находится на корме. На таком судне экипаж состоит из двадцати человек.

Второй, и весьма многочисленный, класс лодок называется си-гуа – по причине действительного или предполагаемого сходства корабельного корпуса с арбузом. Палуба такого судна бывает полукруглой формы. На каждом борту находится три-четыре больших отверстия, через которые подают грузы. Каждое такое судно имеет одну мачту с большим парусом из рогожки. На случай штиля корабли снабжены двумя большими веслами (которые в общем работают как двойные винты), каждое настолько длинное и тяжелое, что для приведения его в действие требуются усилия шести или семи матросов. Использование этих весел дает судну возможность продвигаться даже при самых неблагоприятных ветрах и течениях.

Ма-юн-чуань намного больше, чем си-гуа. Их мачты имеют форму больших ножниц, которые матросы могут поднимать и опускать. Конечно, суда с такими мачтами не могут лавировать, и, поскольку у них не бывает весел, морякам приходится в случае встречного ветра или течения пересаживаться на лодки и брать корабль на буксир. По большей части эти суда используются как лихтеры^{147}. Они принимают соль с прибывающих в Кантон соляных джонок и перевозят ее в города и деревни на берегах многих рек, пересекающих провинции Гуандун и Гуанси. Во время плавания по западному рукаву Жемчужной реки в 1861 году я видел много таких лодок, тяжело нагруженных солью, направлявшихся в провинцию Гуанси, а другие возвращались в Кантон с разными грузами – по большей части с растительным маслом и дровами.

На Жемчужной реке, как и на Янцзы, встречаются грузовые суда, от носа до кормы покрытые рогожами, непроницаемыми для дождя. Их убирают, когда следует, и конечно, всегда снимают во время погрузки и разгрузки. Некоторые из этих одномачтовых судов имеют большую длину. Они носят название сань-хо-тин.

Различные грузовые суда и лодки, которые я описал, рекламируют в порту свои товары, поднимая образец на топ мачты – верхний ее конец: вязанку хвороста, бочонок масла, мерку риса.

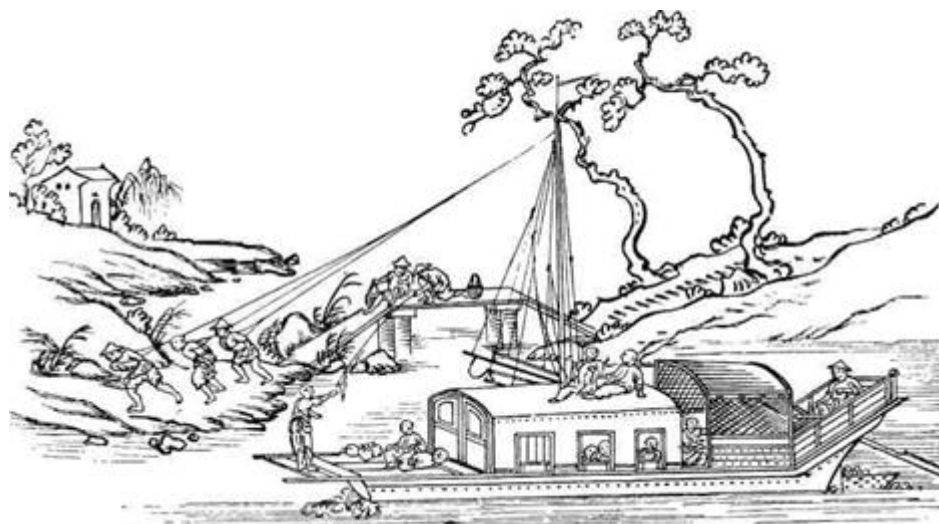
Чайные лодки, плавающие по Жемчужной реке, называются хоу-тоу-чуань. Их длина примерно девяносто футов, а ширина – пятнадцать футов. Трюм глубиной четыре фута разделен на несколько водонепроницаемых отсеков, в которых складывают чай. Такие лодки перевозят не только чай и нередко приходят в Кантон нагруженными самыми разными товарами. Крыша чайных лодок имеет полукруглую форму, но, чтобы матросы могли пользоваться преимуществами плоской палубы, над полукруглой крышей ставят платформу. На каждом борту судна по три двери, которые также служат люками для погрузки. Мачта треугольная или в виде ножниц, и ее можно поднимать и опускать, но парус, прикрепленный к такой мачте, может быть полезным только при попутном ветре, поэтому матросам часто приходится пересаживаться на шлюпки и тянуть лодку на буксире. У таких лодок, как почти у всех речных судов, по бортам имеются узкие платформы, движущиеся к носу и к корме – во всю длину корабля. Нередко матросы стоят на этих платформах и приводят лодки в движение с помощью длинных бамбуковых шестов.

На Жемчужной реке есть также суда, которые называются ча-чу-ань, или чайные лодки в узком смысле слова. Длина их примерно сорок футов, а ширина около восьми футов. Они крыты непромокаемой высокой крышей полуцилиндрической формы из рогожки. Хотя они носят название ча-чуань (чайная лодка), они часто возят разнообразные грузы, и ими пользуются в качестве лихтеров почти все суда, прибывающие в Кантонский порт. Те из них, что я видел на Янцзы и на озерах Поян и Дунтин, были накрыты рогожами. С точки зрения корабельной архитектуры эти лодки стоят гораздо выше абсолютного большинства речных судов, описанных мной. Их очертания весьма изящны: они очень длинные и узкие, корма и нос высокие и острые, легкие и красивые, и все судно выглядит опрятным и совершенным.

В 1865 году в одной из таких лодок мы с товарищем совершили путешествие из Хань-коу, одного из важнейших портов на реке Янцзы, к озеру Дунтин. Судно было очень удобным и уютным, и все десять моряков были весьма любезны. Им, кажется, доставляло удовольствие делать нашу поездку как можно более приятной. Мы были поражены тем, насколько они суеверны; это превосходило даже мнительность моряков, служащих на судах, которые ходят по рекам южных провинций. Один раз наша лодка села на мель, а поскольку вода в Янцзы быстро спадала, матросы встревожились и приложили все силы, чтобы сдвинуть лодку с мели. В то время как большинство было занято этим, остальные энергично пытались умиловить злых духов, по чьей вине якобы произошел этот казус. После всех стараний судно наконец сдвинулось с места, но поскольку было темно, отдали якорь и стали ждать следующего дня. Мы простояли так всего лишь несколько минут, когда заметили, что столпившимся вокруг нас матросам явно не по себе. Казалось, они предчувствуют какие-то грядущие несчастья. Когда мы отправились на отдых, в кают-компанию вошел обеспокоенный слуга моего товарища по путешествию. Он сообщил нам, что вокруг летает множество злых духов, и матросы хотят, чтобы мы выстрелили из револьвера или охотничьего ружья, чтобы отпугнуть их, но мы отказались содействовать тому, что не одобряли. В другой раз они впали в панику, когда над лодкой стали кружить вороны и мой товарищ захотел подстрелить одного или двух. Птицы были больше, а их оперение – красивее, чем у их английских сородичей. Матросы бросали им куски мяса, а пернатые ловко хватали их на лету. Для воронов это было явно привычным делом. Нередко они садились на мачту и такелаж, некоторые из них расхаживали по палубе. Только торжественное обещание моего товарища, что он не станет вредить птицам, успокоило волнение, которое поднялось, когда он заявил, что хочет пострелять их.

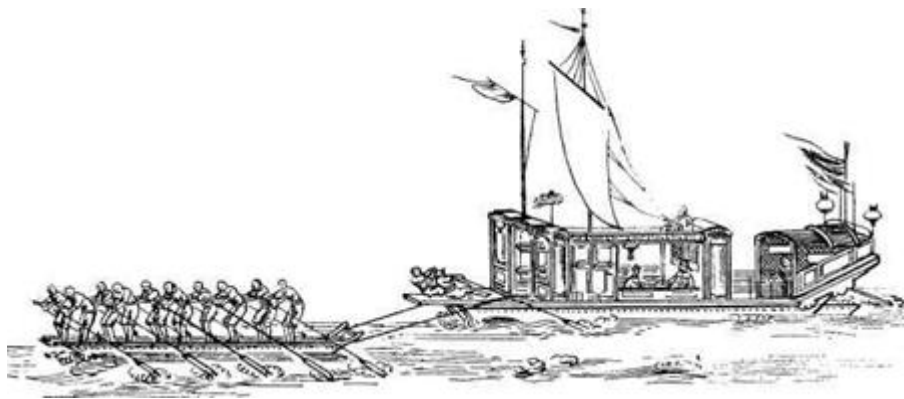
Коричные лодки на Жемчужной реке устроены почти так же, что и ча-чуань, лодки, плавающие по Янцзы. Их носы делают очень острыми, чтобы облегчить движение через речные пороги, которые, как и на многих других китайских реках, делают навигацию опасной. Провинция Гуанси – район Китая, где растет коричное дерево. Этим судам приходится спускаться по многочисленным притокам, текущим оттуда в Жемчужную реку.

По рекам также плавают в лодках, которые на местном языке называются то-чуань, или пассажирские лодки. По внешнему виду они почти ничем не напоминают суда, которые я описывал. Такие лодки делятся на пять классов. Суда первого класса имеют семьдесят два фута длины и пятнадцать футов ширины. Каждой такой лодке разрешается перевозить шестьдесят пассажиров. Судам второго класса пятидесяти девяти футов в длину и двадцати в ширину можно перевозить не более пятидесяти пассажиров. Лодки третьего класса сорока трех футов длины и десяти ширины имеют право перевозить тридцать пассажиров. Параметры судов четвертого класса – тридцать восемь футов длины и пять с половиной ширины; им разрешается перевозить десять пассажиров.



Пассажирская лодка

Размеры мачты и паруса каждой пассажирской лодки соответствуют ее длине и ширине; у каждой есть два больших весла, что в отсутствие ветра позволяет с их помощью быстро идти вперед. Над трюмом во всю длину лодки располагается пассажирский салон. Поскольку коек не предусмотрено, пассажиры спят или на полу в салоне, или на стоящих в нем узких скамьях. Для женщин устроены отдельные комнаты, в которых, однако, не более удобно, чем в общем помещении. Согласно закону салон должен быть снабжен многочисленными отверстиями для свободной циркуляции воздуха. Закон также требует, чтобы для удобства пассажиров в летние месяцы ставили тент – не деревянный, а из циновок. К нижней части мачты должна быть прикреплена табличка с именем капитана, размерами лодки, названиями портов, между которыми она курсирует, и стоянок или причалов, где она обычно швартуется. Во избежание ссор посадку проводят на одну лодку за раз, причем преимущество имеет судно, пришедшее в порт первым. Каждая из таких пассажирских лодок получает разрешение от префекта или начальника области только в том случае, если капитан крепкого сложения, знает обязанности моряка и хорошо знаком с возможными опасностями на реках, по которым будет ходить его лодка; кроме того, префект требует надежных поручительств относительно его добропорядочного поведения. В текст лицензии пунктуально заносят имя капитана, его возраст, место рождения, место жительства и имена его поручителей. Существует также установление, что по достижении капитаном шестидесятилетнего возраста он должен уйти в отставку. В случае если у него есть сын или племянник, способный справиться с такой должностью, с позволения префекта он может заместить капитана; в противном случае капитан должен свое судно продать. Никто не может владеть двумя лодками и плавать на них без специального разрешения префекта; кроме того, причаливать разрешается только к пристаням, указанным в лицензии. Капитан пассажирской лодки, оказавшийся виновным в нарушении любого из этих правил, немедленно лишается лицензии. Помимо этого, в течение месяца его заставляют стоять на пристани с кангой на шее в назидание прочим, а в конце наказания он получает тридцать палок.



Буксировка барж

Капитаны и экипаж этих судов обязаны соблюдать все возможные предосторожности ради безопасности пассажиров, вверенных их попечению. Если по халатности капитана или экипажа произойдет несчастный случай, они подлежат суровому наказанию. В 1861 году пассажирская лодка, курсировавшая между Кантоном и Сицзяо-шань, перевернулась от внезапного мощного шквала, и три пассажира утонули. Кантонские мандарины немедленно велели арестовать капитана и команду. Узников, которых решили наказать в назидание обществу, передали обычному тюремщику, и тот запер их в тюрьму на три месяца. Если лодка перевернется из-за того, что ее мачта выше, а паруса больше, чем предписано законом, капитан должен носить кан-гу в течение трех месяцев, после чего получить сорок палок. Если один или два пассажира утонут, он должен уплатить штраф в размере двух серебряных лянов семьям погибших. Если утонут три пассажира, капитанам и всем матросам приходится носить кангу в течение месяца, после чего каждый получает сорок палок, а судно конфискуется. Если пассажир свалится за борт и погибнет, закон обязывает капитана стать на якорь и оставаться там, где произошел несчастный случай, пока не будет найдено тело несчастного. Пассажиры, конечно, пересаживаются на первую лодку, которая идет в нужную сторону, поскольку такие суда ходят туда и обратно по многочисленным рекам и заливам почти в любое время суток. Хай-тин, или морской магистрат, задача которого – следить за тем, чтобы размеры всех судов соответствовали предписанному законом, подвергается наказанию, если не добился такого соответствия. Действительно, если много человек погибнет оттого, что перевернулась пассажирская лодка, в это может оказаться серьезно замешан правитель уезда, где произошел несчастный случай, поскольку главные портовые магистраты обладают полномочиями останавливать суда, когда можно определить, что приближается тайфун или шторм. Если во время плавания надвигается серьезный шторм, пассажиры могут обратиться к капитану с требованием убрать паруса и стать на якорь, пока не минует опасность. Если же, несмотря на эти увещевания, капитан продолжит плавание, он подлежит наказанию сорока ударами палками.

Не только пять классов таких пассажирских лодок называются то-чуань, или пассажирскими. Так называют и суда, курсирующие между Кантоном и Гонконгом; длина этих лодок сто, а ширина – двадцать шесть футов. Корма такого судна очень высока; на нем имеются две или три мачты. Все эти суда перевозят большое количество товаров и скота из Кантона в Гонконг и обратно. Команда состоит из капитана, восемнадцати матросов, трех или четырех рулевых, казначея и кока. Плата за проезд одного пассажира, включающая стоимость стола, составляет шестьдесят центов; но пассажиров на этих лодках не так много, как когда-то. Китайцы поняли, что более целесообразно использовать скорость, комфорт и безопасность иностранных пароходов, ходящих между этими портами.

Чжу-цзя-чуань, или лодки, в которых путешествуют мандарины, напоминают большие плавучие кибитки. На каждом ее борту расположено по три двери красного цвета. Мачта

напоминает портняжные ножницы, поэтому парус нужен только при попутном ветре. Если ветер неблагоприятен, матросам – их восемнадцать или двадцать человек – приходится пересаживаться в шлюпки. На мелководье они толкают лодку вперед длинными бамбуковыми шестами, одновременно напевая обращенные к духам усопших предков молитвы о благоприятных ветрах и течениях. Для удобства использования этих шестов по всей длине судна идет узкая деревянная платформа. Большинство судов, ходящих по рекам и вдоль морских берегов, снабжено такими платформами. Там, где течение так сильно, что шесты становятся бесполезными, к топу мачты привязывают длинную бечеву, матросы выходят на берег и тащат за собой лодку. Матросы, которые тянут за собой судно, должны быть опытными пловцами, так как бечевники нередко пересекают притоки. Чжу-цзя-чуань лучше приспособлены для плавания по рекам, чем другие лодки, поскольку каюты в них просторные и комфортабельные, однако они безнадежно проигрывают остальным в скорости.

Как уже упоминалось, моряки больших океанских джонок поклоняются богине Тяньхоу, а те, что ходят на речных судах – приверженцы божества по имени Лун-му, или драконья мать. В честь этой богини по берегам на небольшом расстоянии одна от другой воздвигнуты кумирни. Как правило, капитаны речных джонок в начале плавания совершают интересный обряд. Осенью 1861 года, отправляясь на чжу-цзя-чуань в длительное речное плавание, я оказался свидетелем такой церемонии. Прежде чем поднять якорь, капитан занял свое место на носу, который китайцы считают самым священным местом судна, и принялся добиваться милости драконьей матери. На небольшом временном алтаре, воздвигнутом специально для этого случая, поставили три кубка с китайским вином. Капитан прошел вперед, чтобы совершить коуту; в руках у него была живая курица, которую он не отпускал, пока впоследствии не зарезал, принеся в жертву богине. Затем он поднял кубки со стола и, высоко поднимая каждый, вылил их содержимое на палубу в качестве возлияния. После этого он перерезал курице горло острым ножом, позаботившись окропить жертвенной кровью часть палубы, на которой стоял. На этом этапе церемонии один из членов команды подал ему несколько листов серебряной фольги. Капитан окропил их кровью, а затем прикрепил к дверным косякам и притолокам каюты. Это напомнило мне схожий ритуал, составляющий существенную часть празднования Пасхи у евреев. Когда я прибыл в город Юэчэн, издавна известный в анналах Гуандуна как большой храм, посвященный драконьей матери, капитан с командой сошли на берег, чтобы еще раз поклониться богине. Я сопровождал их к храму и видел, какие обряды они выполняли. Церемония завершилась подношением богине двух вареных куриц и куска жирной свинины. Уход моряков сопровождался обычным треском фейерверков, который должен был разогнать все дурные влияния.

Известны курсирующие по Жемчужной реке цветочные лодки, или хуа-чуань. Фактически это плавающие кафе. Большой салон всегда занимает всю длину лодки. Обычно их украшают резьбой по дереву. Блеск лодкам придают росписи золотой и зеленой красками. На обоих бортах по всей длине судна есть окна, часто из цветного стекла. В конце дня такие лодки нередко посещают представители элиты и среднего класса, чтобы провести праздничный вечер. Когда зажигаются многочисленные фонари, цветочные лодки приобретают нарядный вид и там царит оживление. Напоминают цветочные лодки суда, которые носят название чжи-дун-тин; они значительно меньше и украшены не так нарядно, их используют как плавающие гостиницы, иногда нанимают для путешествий, причем в день за это платят от двух с половиной до четырех долларов.

К тому же классу принадлежат лодки под названием тань-пу, или постельные лодки. Они очень популярны у китайских путешественников. Намного меньшие, чем чжи-дун-тин, они и устроены несколько по-другому. Их резные деревянные ставни ярко-зеленого цвета, что придает лодкам нарядный вид. Стоимость ночевки на борту тань-пу варьируется от пятидесяти центов до доллара. Они регулярно посещаются не только путешественниками

– нередко они делаются местом безнравственных свиданий. Помимо них, есть еще чу-тин, или плавучие кухни. По форме и размерам они совершенно такие же, как цветочные лодки, но никак не украшены и выглядят заброшенными. В передней части каждой расположена большая кухонная плита из кирпича, снабженная всей необходимой утварью. Здесь во время празднования свадеб и по другим торжественным поводам готовят большие обеды, которые, как правило, подают на других лодках. Плавучие кухни служат также ресторанами для людей скромного общественного положения; корма отделана как самое простенькое кафе. Во время всех праздников в городах и деревнях, расположенных на берегах рек, заливов или каналов, неизменно можно видеть эти лодки, которые служат столовыми для любителей достопримечательностей, недостаточно состоятельных.

Гун-сы-тин, или хун-ми-тин, или лодки хун, от тридцати до сорока футов длины; они чем-то напоминают венецианские гондолы; часто украшены резьбой и позолотой. Кают-компания так вместительна, что в ней могут рассестись одновременно восемь или десять человек. За салоном, ближе к корме, находится каюта для лодочников. Судно приводится в движение большим кормовым веслом на оси, закрепленной на ахтерштевне. Весла не однодеревки – они сделаны из двух кусков. Гребут пятеро или шестеро лодочников на носу. В ветреную погоду непосредственно перед кают-компанией ставят мачту. Парус достаточно велик, чтобы сообщать судну большую скорость. Лодки хун часто нанимают люди, желающие отдохнуть или развлечься в течение дня.

На Жемчужной реке много лоу-чуань, или крытых лодок. Во многих отношениях они напоминают цветочные, но используются совершенно с другими целями. Их можно назвать плавучими храмами, или кумирнями. В них даосские священнослужители сочетают браком людей, живущих на лодках. Кроме того, туда даосы отправляются, чтобы прочесть молитвы за упокой душ утопленников или людей, умерших на улице, которых не оплакали, не вспомнили и не отпели.

Лодки под названием нань-мо-тин служат жильем для даосских священнослужителей, чьи услуги оказываются востребованными лодочным экипажем или пассажирами и днем и ночью. По конструкции они идентичны чжи-дун-тин, но на них нет стеклянных окон, и они не отличаются уютом плавучих гостиниц. При отсутствии окон они снабжены раздвижными дверями. Главная часть лодки отведена под салон, обставленный несколькими стульями и чайными столиками. В конце салона расположены длинные узкие полки, на которых расставлены идола даосских божеств. Перед идолами находится алтарь, на который во время отправляемых служб кладут приношения верующие: фрукты, кур и свинину. Рядом с этим алтарем стоит другой, поменьше, на котором помещены таблички с именами усопших членов семьи священнослужителя. За салоном находятся две или три каюты, где ночуют жрец и его семья. На дверном косяке главного входа вешают вывеску, где обозначено имя жреца и перечислены обряды, которые он может совершать. Эти лодки никогда не снимаются с якоря. Если же услуги жреца требуются на борту другой лодки, где он должен изгнать злого духа или помолиться за больного, он охотно отправляется туда.

Чжу-цзя-тин очень похожи на нань-мо-тин, но они, как правило, гораздо меньше. В них селятся люди, находящие себе самую разную работу на реках и заливах Китая. Как и те суда, которые я только что описал, они никогда не снимаются с якоря. Это плавучие дома моряков, которых нанимают на океанские, речные джонки, лихтеры и рыбацкие суда. Хотя они могут проводить в плавании по несколько месяцев, по возвращении они находят эти суда, где, по всей вероятности, родились и были воспитаны, надежно пришвартованными на привычных причалах. Эти плавучие дома обычно расположены на воде так, что они образуют лодочную улицу, но в Кантоне устройство этих улиц не так совершенно, как десять или двенадцать лет тому назад.

На Жемчужной реке немало шань-тин, шань-бань, или сампанов. Они весьма популярны у тех, кого дела призывают проплыть некоторое расстояние по реке или переправиться через нее. Есть много разновидностей этих судов. Длина шань-тин первого класса составляет примерно двадцать восемь футов, а ширина – восемь-девять футов. В центральной части лодки находится салон, закрытый с обеих сторон зелеными ставнями и крытый круглой крышей из рогожки. В него входят со стороны носа. По бокам салона закреплены две скамьи, и одна – в дальнем конце. Сиденья покрыты подушками. Здесь могут поместиться пять человек. По сторонам входной двери расположены резные дверные косяки, раскрашенные в зеленый или красный цвета. С крыши салона свешивается ветка саговой пальмы, отгоняющая от лодки все беды; на стене в помещении висит или изображение бога Юань-даня, или Хуншэн Вана – повелителя южного океана. На кормовом люке установлен небольшой алтарь предков. Тут же стоит буфет для посуды, палочек и всяческой кухонной утвари, необходимой для лодочника и его семьи. Жена и дочь управляют на корме с кормовым веслом, а на носу лодочник и другие члены его семьи гребут обычными веслами. На нос и на корму лодки приклеивают листок красной бумаги с амулетами – они встречаются не только на сампанах, но и почти на всех речных лодках. Длина сампана второго класса примерно двадцать четыре, а ширина – шесть футов. Салон, устроенный так же, как и на лодках первого класса, гораздо меньше; вместо ставней используют длинную узкую доску. Поскольку такие лодки не украшают резьбой и яркими росписями, они выглядят вполне заурядно. Сампаны третьего класса еще меньше. Каждой такой лодкой владеет только один человек, как правило, старый холостяк или бездетный вдовец. Он стоит на корме, приводя в движение и направляя свое суденышко кормовым веслом. Такие лодки редко берут на борт больше одного пассажира. В Макао сампаны, или лодки с небольшой осадкой, очень похожи на кантонские сампаны второго класса, но на них нет привинченных к полу скамей. Там находятся табуреты, которые рискуют опрокинуться при малейшем волнении. Обычно такую лодку ведут две женщины, одна из которых стоит на корме и управляется с кормовым веслом, а другая гребет на носу. Сампаны в Вампу или Хуанпу достаточно велики, чтобы иметь мачту. Когда требуется, ее ставят непосредственно перед салоном или крытой частью судна. Эти лодки гораздо удобнее всех остальных сампанов на Жемчужной реке. Другая разновидность судов с небольшой осадкой называется ма-лин-тин. По форме они напоминают китайскую комнатную туфлю. Крытая часть, заканчивающаяся на носу, – кров для всей семьи хозяина, а открытая часть, или конец, лодки выполняет назначение палубы. Лодочник стоит лицом к носу и при помощи весел, рукоятки которых пересекаются андреевским крестом, придает судну большую скорость. Иногда этим лодочкам приходится проходить по триста-четыре ста миль по Жемчужной реке. В 1861 году, во время плавания по Чжуцзяну в провинцию Гуанси, рядом с Дэцин, я догнал две лодки с небольшой осадкой, вышедшие из Кантона и направлявшиеся в Учжоу на западных рубежах Гуанси. В каждой лодке было по замужней женщине с детьми. Женщины плыли к своим мужьям, которые служили матросами на борту судна, курсирующего между Учжоу и Чэньчжоу. Бедные женщины очень обрадовались, когда мы поравнялись с ними, и горячо просили разрешения держаться рядом с нашей лодкой, потому что боялись нападения пиратов.

Там, где нет мостов, в Китае очень много лодочных переправ. На Жемчужной реке для этого есть лодки ван-шуй-ду, размерами значительно больше сампанов. Как и все китайские лодки, они приводятся в движение кормовым веслом, укрепленным на оси на корме. Каждой из кантонских перевозочных лодок разрешается брать на борт до шести пассажиров. Плата за проезд для одного человека – два медяка. За багаж платят по одному медяку за узел или корзину. Бесплатный проезд разрешен только нищим, но владельцу лодки можно не брать на борт больше одного такого пассажира в лохмотьях за раз. Ему не разрешают сидеть под рогожным навесом лодки, а отправляют на нос. Снисходительность перевозчиков к нищим

буддисты считают большой добродетелью. Поскольку несколько тысяч жителей Кантона пересекают реку ежедневно, при отсутствии мостов лодки для переправы постоянно заняты. Однако не вся плата за проезд идет непосредственно владельцам: половину получают хозяева пристаней, где пассажиры садятся на лодки. На пристанях количество пассажиров фиксируют специальные клерки. На многих притоках Чжуцзяна и других рек, чаще в сельскохозяйственных районах, перевозочные лодки бывают очень длинными. На каждой есть гладкая верхняя палуба, чтобы было удобнее перевозить лошадей и крупный рогатый скот. Самые большие перевозочные лодки видел в Гунсу – это рыночный город, отстоящий от Кантона на двенадцать миль. На Янцзы и на озере Поян из-за сильного течения такие суда приходится снабжать парусами. Каждое из них может перевозить от десяти до четырнадцати пассажиров.

Самые большие из лодок, которые приводятся в движение короткими веслами, – это лун-чуань, или драконьи лодки, которые я уже описывал. Когда заканчивается праздник, для которого они требуются, в мелких местах их погружают на дно рек и заливов, чтобы не разрушались слишком быстро. Другие лодки этого класса носят название чан-лун, или длинные драконьи лодки. Они в большом употреблении у пиратов, которыми кишат реки, заливы и моря Китая. Когда я возвращался однажды со своим соотечественником глухой ночью из Ху-анпу в Кантон, такая лодка погналась за шлюпкой, в которой мы сидели. Когда она нас догнала, китайские лодочники в нашей шлюпке (шесть человек) страшно перепугались и попытались выпрыгнуть за борт. Когда мы не дали им сделать это, они закричали пиратам, чтобы те не приближались, потому что английские джентльмены, сидящие в шлюпке, вооружены до зубов и будут стрелять не колеблясь. Мы были безоружны, но заявлению перепуганных лодочников пираты поверили безоговорочно: вероятно, они знали, как опасно нападать на иностранцев, решили, что лучше перестраховаться, и удалились.

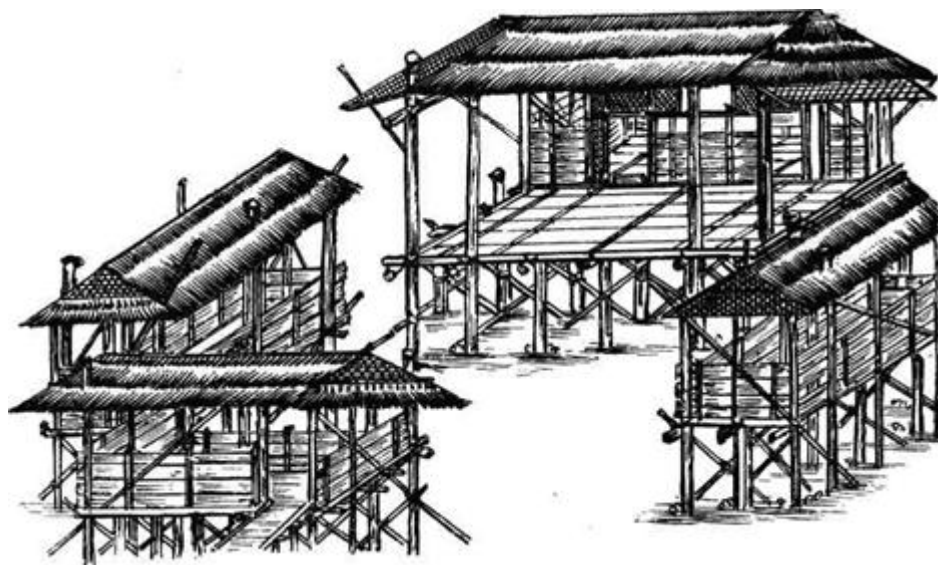
Среди самых своеобразных лодок, которые я когда-либо встречал в китайских водах, следует упомянуть длинные и узкие, напоминающие змей суда, ходящие по рекам, заливам и каналам восточных и центральных провинций. Нередко их используют в качестве почтовых, в таких случаях им приходится плыть и днем и ночью. Их скорость очень велика, и иногда они покрывают расстояние в семьдесят миль между восходом и закатом. Суденышко приводит в движение один человек, который в летние месяцы сидит полураздетым на кормовом люке и гребет коротким и широким веслом с помощью ног. Ручку другого весла, которым рулит, он держит под мышкой. В каждой из этих лодок есть место для одного пассажира, но несчастному путешественнику, пока лодка в пути, приходится все время лежать.

На Жемчужной реке можно также встретить лодки, напоминающие чан-лун, которые называются ча-хэ-тин. На них плавают речные полицейские, которые ночью должны патрулировать. Эти ночные стражи объявляют о своем приближении, дуя в раковины, резкие звуки которых можно услышать в любое время ночи.

Существует также множество маленьких лодок, или плоскодонных яликов, которые приводятся в движение парой весел. Вообще такие лодки называют саньбань, или три доски, потому что их действительно делают из двух-трех досок. Саньбани очень узкие, у них нет киля, и они могут зачерпнуть бортами совсем мало воды. С предрассветного времени до глубокой ночи такие лодки ходят по Жемчужной реке, продавая разные предметы первой необходимости. На чжоу-тин, или лодке с горячей кашей, есть маленький камбуз, где хозяин может варить кашу. Сидя на корме, он правит путь с помощью коротких весел через поток кораблей и лодок, теснящихся на Жемчужной реке, с криком: «Май-Чжоу!» – «Продается каша!» Среди других лодок, относящихся к этой разновидности, можно упомянуть юй-тин – рыбные лодки; цай-тин – овощные лодки; чжу-жоу-тин – лодки со свининой; ню-жоу-тин – с говядиной; доу-фу-тин – с соевым сыром; цзю-тин – с печеньем; ся-тин, или креветочные лодки; на-цай-тин – лодки с зеленым горошком; шуй-го-тин – фруктовые лодки; чжэ-тин –

лодки с сахарным тростником; ю-тин – масляные лодки; ми-тин – рисовые; хуа-тин – лодки с цветами; чжи-тин – с хворостом; гун-и-тин – с фарфоровой посудой; ти-тоу-тин – лодки цирюльников. Эти суденышки слишком малы, чтобы лоточник со своей семьей мог жить на них. Многие из таких торговцев живут на судах большего размера, которые я описал выше. Самые маленькие лодки такого типа – это ти-тоу-тин, или лодки цирюльников. Это маленькие открытые ялики, где на корме сидит парикмахер, на веслах идущий среди многочисленных речных судов, позванивая в колокольчик. Китайские речные парикмахеры практически никогда не бреют голову тем, кто живет на берегу.

На Жемчужной реке я замечал также большие плавучие рисовые склады. В то время много таких амбаров стояло на якоре у западной оконечности Шамяня, напоминая плавучий город. Они были устроены на огромных баржах и имели два этажа, что придавало им вид жилых домов. В этом плавучем городе ежедневно открывался рисовый рынок, где проводились большие закупки. Когда с Жемчужной реки была снята блокада в конце последней войны Англии с Китаем, я видел, как эти лодки возвращались из залива Хуади, и укрывались на пристани, где они стояли до начала военных действий. Когда флотилия этих судов плыла по реке, можно было наблюдать замечательное зрелище – движущийся город. В 1865 году большая часть этих плавучих амбаров сгорела. Из «Истории Китая» Нехоффа мы узнаем, что на больших китайских реках нередко можно видеть плавучие города. Он описывает один из них: «И на Желтой реке, по которой непрерывно проплывают всевозможные большие и малые суда, мы видели несколько плавучих островов, так искусно придуманных, что лучший европейский художник вряд ли смог бы изобразить нечто подобное. Они целиком сделаны из тростника, который португальцы называют бамбуком, стебли которого так тесно переплетены друг с другом, что не пропускают влаги. На этом тростнике китайцы строят хижины и домики из досок, других материалов и живут там вместе с женами и детьми, будто на твердой земле. Некоторые плавучие острова достаточно велики, чтобы вмещать по меньшей мере двести семей; те, кто здесь живет, по большей части зарабатывают торговлей самыми разными предметами потребления, которые они перевозят по реке с одного места на другое, то стремительно проплывая по течению, то снова с трудом волоча свои острова на канатах против течения. Когда они хотят сделать остановку, то укрепляют свои плавучие города на месте при помощи шестов, воткнутых в землю. Они держат и кормят на борту всяческих домашних животных, и особенно свиней».



Театр, крытый циновками

Во время моих путешествий я не видел решительно ничего, хоть сколько-нибудь отвечающего этому описанию. Но на Янцзы мне встречались большие плоты из стволов деревьев, которые напоминали плавучие деревни, поскольку на них стояло множество аккуратных хижин. Самый большой плот я видел на озере Дунтин. С высот Золотого острова он так напоминал большую деревню на острове, что я сначала и впрямь принял его за остров. На Сицзяне я тоже видел деревянные и бамбуковые плоты, на каждом из которых стояло несколько хижин, где жили плотогоны с семьями. Когда эти плоты приплывали к пристани, их закрепляли, как говорит Нехофф о плавучих деревнях или островах, которые он видел на Желтой реке, длинными бамбуковыми шестами, воткнутыми в землю.

На китайских реках и заливах нередко можно увидеть построенные на сваях деревянные хижины. Я был в таком поселении на Жемчужной реке, расположенном рядом с островом, который иностранцы называют Голландской причудой – Датч-Фолли. Я обнаружил, что там живет приблизительно сто пятьдесят человек, которые зарабатывают себе на жизнь продажей хвороста и изготовлением грубых рогожных мешков для соли. Самые большие плавучие человеческие сообщества встретились мне в Ханькоу на реке Ханьцзян, в Кантоне и в Фошане, большом рыночном городе, стоящем на одном из многочисленных притоков Жемчужной реки. Насколько мне известно, в силу ряда причин численность населения Кантона, которое проживало на воде, в течение последних лет значительно сократилась.

За соблюдение установлений, имеющих отношение к живущим на лодках людям, отвечает чиновник, должность которого называется хай-тин, или речной магистрат. Этому должностному лицу помогает выполнять его обязанности речная или водная полиция, по ночам патрулирующая реки, чтобы защитить людей, проживающих на судах, от нападений воров и пиратов, которыми кишат китайские реки. С приближением новогодних празднеств эти преступники становятся еще более дерзкими: нередко похищают богатых горожан, переправляющихся ночью через реку, и держат в плену, пока не получают выкупа. В 1861 году туземный купец по имени Бин Цзин, мой знакомый, был схвачен во время ночной переправы через Чжуцзян; похитители отвезли его в отдаленную бухту в дельте реки и держали в заточении, пока не получили выкуп в размере трех тысяч долларов. В 1867 году другой туземный купец по имени Ю Лун был похищен таким же образом. Похитители держали его у себя, пока друзья не отдали выкуп – шесть тысяч долларов. Иногда пираты становятся настолько дерзкими, что похищают богатых и уважаемых людей, обедающих на борту цветочных лодок. В июне 1867 года один богач по имени Лян Тайсяо был схвачен во время обеда на борту такого судна тридцатью вооруженными людьми, которые увезли его в отдаленную часть того же уезда, где он жил, и не выпускали, пока друзья не выкупили его за три тысячи долларов. Это похищение произошло в восемь часов вечера, и общее мнение китайцев заключалось в том, что пираты подкупили водную полицию, чтобы она несла свою вахту где-нибудь подальше. У этих стражей общественного порядка весьма дурная репутация. Их часто обвиняют в том, что по ночам они останавливают лодки и шантажом вымогают у владельцев деньги. Однажды я видел, как они догнали лодку, груженную хворостом, и умышленно сдержали с нее несколько вязанок. Хозяин так боялся, что эти мошенники заставят его предстать перед одним из городских судов по ложному обвинению, что ни единым словом не возразил против грабежа. Действительно, когда водная полиция шантажирует население, живущее на лодках, ей редко отказывают. Люди боятся, что их заставят предстать перед хай-тином, или речным магистратом, по ложному или пустячному обвинению.

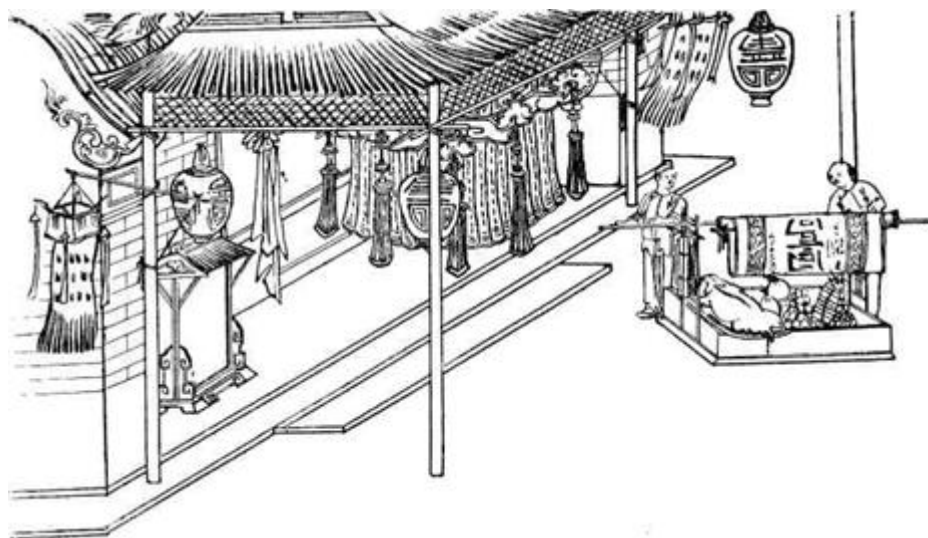
О происхождении китайского лодочного населения высказывались разные мнения. Иногда говорят, что это потомки изменников, которые по приговору суда были сочтены недостойными жить на суше. Во всяком случае, предком лодочного населения Кантона, согласно местным историкам, был человек по имени Лу Цзюнь, который во время правления династии Цинь, правившей за двести лет до начала христианской эры, был главой большой семьи,

жившей в деревне Нанькоу на острове Хэнань. Полагают, что какое-то время Лу Цзюнь был генералом китайской армии. Добившись большой власти и влияния, он поднял мятеж и после многих успешных стычек с императорскими войсками сделался полновластным хозяином города Кантона (Гуанчжоу), которым и правил в течение тридцати лет. После смерти Лу Цзюня его потомков стали преследовать власти и объявили проклятым родом. В конце концов им пришлось поселиться в лодках, поскольку считалось, что они недостойны жить на берегу. Во время правления династии Тан, по всей видимости, снова начались гонения на них; их заставили платить подушный налог. Во время правления основателя династии Мин по имени Хун-у всех мужчин, принадлежавших к лодочному населению, в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет безжалостно хватали вербовщики и призывали к оружию.

Но император Юнчжэн, кажется, принял близко к сердцу их благосостояние и в 1730 году издал следующее воззвание:

«Мы узнали, что в провинции Гуандун помимо местных уроженцев обитают еще люди, называемые тань, подобные племенам яо и мань, живущие в лодках и ловящие рыбу, чтобы заработать себе на жизнь. Ныне реки в провинции Гуандун полны этих людей, и их становится все больше. Гуандунцы считают их никчемными бродягами и не позволяют селиться на берегу; поскольку таньцзя не смеют ставить себя вровень с остальным народом, от этого страха они и остаются на своих лодках, проводя всю жизнь, не зная безопасности и удовольствий сухопутной жизни. Народ таньцзя добродушен, их жизненный принцип – ничего не презирать и не отвергать. Более того, они приносят пользу правительству, платя налоги на рыбу точно так же, как и другие. Тогда зачем же смотреть на них свысока лишь по привычке и заставлять их жить отдельно, влача дни среди постоянных опасностей? Пусть же губернатор этой провинции велит должностным лицам довести до всеобщего сведения следующее: если кто-либо из народа таньцзя хочет жить на лодках, их нельзя принуждать жить на берегу; если кто-либо из них при наличии средств пожелает построить себе дома или шатры на берегу, они вольны поступать так в деревнях, стоящих рядом с водой; также следует проводить среди них перепись и выбрать старших, чтобы они вели счет этому народу.

Все, облеченные властью, богатые и бедные, не смеют причинять им вред или докучать им, или прогонять их; далее, пусть магистраты привлекут их к возделыванию пустующих земель, чтобы они собственными трудами смогли стать состоятельными людьми, и тем самым помогут нам показать, что мы на весь наш народ смотрим с единым благоволением».



Свадебные подарки

Но, несмотря на это воззвание Юнчжэна, к лодочному населению относятся как к париям, и их детям не позволено сдавать государственные экзамены. Нельзя им и вступать в

браки с людьми, живущими на берегу. Их женщин обычные китайцы называют шуй-цзи, или водяные куры, выражая таким образом свое презрение. Но телосложение таких женщин, как правило, намного лучше, чем у их соотечественниц, живущих на суше. Кажется, браки среди лодочного населения сопряжены с более сложной религиозной обрядностью, чем у обычных китайцев. Они совершаются глухой ночью в плавучих храмах. На церемониях присутствуют даосские священнослужители, которые три дня и три ночи распевают молитвы Девяти царям – Цзю-ван, которым люди с лодок торжественно посвящают своих новорожденных детей. Кроме того, при рождении ребенка родители приносят Девяти царям обет, согласно которому в том случае, если ребенка минуют все беды, во время его свадьбы божествам будут прочитаны молитвы и принесены жертвы. В такие дни все веселятся и пируют. На самом деле можно подивиться тому, откуда берутся деньги на покрытие расходов на традиционные свадьбы китайского лодочного населения. Насколько мне известно, нередко родители жениха, согласно обычаю, тратят на свадьбу сына сбережения нескольких лет.

Удивительно, как редко тонут представители лодочного населения на Жемчужной реке. Чтобы не дать детям упасть в реку, их часто привязывают длинными веревками или шнурами к дверям лодок. Трех-четырёхлетние дети ходят с пробкой на спинах. Когда ребенок падает за борт, родители быстро ныряют за ним, зная, что на юге Китая мало таких людей, которые решились бы протянуть руку помощи утопающему, что имеет своим источником суеверный страх. Существует поверье, согласно которому дух утопленника продолжает порхать над поверхностью воды, пока не утопит своего ближнего. Поэтому человек, который пытается спасти утопающего, якобы навлекает на себя ненависть не нашего покоя духа, который стремится прекратить свои вечные скитания даже ценой человеческой жизни. Мне известно немало случаев, когда погибали люди, которых вполне можно было спасти. В 1867 году девушка с лодки по имени А-цзянь упала в залив позади иностранного поселения в Кантоне. Когда она билась в воде и жалобно звала на помощь, мимо плыли несколько лодок, но люди остались глухи к ее просьбам, и само собой разумеется, она утонула. Горюющая мать этой несчастной девушки пришла ко мне и сетовала на жестокое безразличие, проявленное людьми, видевшими с судна, как ее дитя билось в воде. Сочувствуя осиротевшей матери, я все же невольно подумал о том, что, вопреки ее оплакиванию погибшей дочери, она сама не протянула бы руки помощи, чтобы спасти чужое дитя из воды. В том же месяце того же года китаец, с которым я был знаком в течение нескольких лет, утонул в Кантоне, свалившись за борт парохода «Цзинь-шунь». Когда он упал в воду, вокруг было много лодок, но никто не оказал ему помощи. В такой же день следующего месяца утонул другой человек, плывший на том же пароходе. Китайцы всех общественных положений, узнав об этих двух смертях, неизменно решали, будто вторую жертву утащил под воду дух первой. Гонконгская Daily Press от 2 июля 1861 года сообщает о примечательном случае того же рода. Там рассказывается, как «сэр Джиджибой» по пути из Макао задержался, подбирая четырех китайцев на месте крушения их перевернувшейся лодки, к обломкам которой они цеплялись некоторое время. Корреспондент добавляет: «Поблизости находилось не менее сорока четырех туземных лодок, ни одна из которых не сделала попытки прийти на помощь. Но как только люди сели в шлюпку и поплыли к пароходу, рыбацкие лодки сразу же были спущены на воду и поплыли к месту крушения. Вот и вся китайская гуманность». Чтобы показать, насколько распространено это вредное суеверие, упомяну еще один случай, свидетелем которого был я сам. Во время шторма в сентябре 1864 года в Даныше (Тамсуе), в порту на северозападном побережье Формозы, китайские матросы с лихтера плыли на берег с гамбургского парохода, откуда сгружали балласт. Ветер был сильный, и их лодка перевернулась. Несколько человек схватились за киль и неотступно звали на помощь. В ту минуту мимо шла китайская лодка, экипаж которой не стал даже пытаться спасти утопающих.

Все это время перевернувшуюся лодку быстрый прилив нес к устью реки. Капитан гамбургского парохода, видя, в каком опасном положении находятся эти люди, спустил одну из шлюпок и последовал за ними. Он опоздал. Перевернувшейся лодки и ее команды уже не было видно; их вынесло в бурное море. Я был свидетелем этого печального происшествия. На следующий день я узнал от местного мандарина, что погибло двадцать пять матросов.

Лодочное население очень боится шквалов, и, чтобы умиловить злых духов, от которых, как предполагают, и происходят все беды, эти люди сжигают множество бумажных жертвенных денег. Другие в такие минуты бросают жертвенные деньги в воздух, отдавая их ветрам, чтобы успокоить духов, «что взъярили буруны». К этим бессмысленным приемам обычно прибегают в летние месяцы, когда часты шквалы под названием гуй-тоу-фэн, или ветры чертовой головы. Но наибольшие потери, и жизней и имущества, у этих несчастных бывают во время тайфуна или бури. Я видел сильный тайфун в Макао в 1857 году. Погибли сотни людей с лодок, и, когда буря стихла, внутренняя гавань представляла собой почти неопишемое зрелище опустошения. Неистовство ветра было так сильно, что некоторые лодки оказались просто сваленными друг на друга, многие лодки были разбиты в щепы – это был хаос. В июле 1862 года в Кантоне бушевала буря, которая унесла еще больше жизней и была причиной еще больших материальных потерь. Говорят, что по всей провинции Гуандун в тот раз погибло не менее сорока тысяч человек. Некоторые из них утонули, когда перевернулись их лодки или корабли, а другие погибли под обломками домов или под рухнувшими деревьями. Часть Жемчужной реки от Гуанчжоу до Хуанпу поглотила многочисленные человеческие гекатомбы. Смерд от мертвых тел, в течение нескольких дней плававших по поверхности, был так силен, что генерал-губернатор, надеясь предотвратить эпидемии, издал воззвание, в котором обещал по доллару за каждый труп, выловленный из реки. Это воззвание оказалось настоящим благодеянием для прокаженных и других бедняков, живущих в лодках, и они прилежно взялись за работу. Собранные мертвые тела связывали веревками по четыре или пять и тащили на буксире к определенным местам на берегу, где были поставлены сараи, которые должны были служить мертвецкими. При каждой из этих временных мертвецких было поставлено по мандарину, которые надзирали за захоронением тел. Я посетил два-три таких морга, разыскивая тела трех или четырех англичан, погибших во время тайфуна, и мне вряд ли удастся забыть это тяжелое зрелище.

Рыболовные лодки и корабли Китая образуют еще один многочисленный класс судов, который мне предстоит описать. Но эта тема неизбежно приведет к обсуждению рыбоводства и рыболовства, и поэтому я посвящаю ей отдельную главу.

Глава 30

Рыболовные суда и рыболовство

Поскольку приморские районы Китая весьма обширны, там великое множество рыболовных судов. Конечно, им необходима правительственная лицензия, за которую платят. Суда эти делятся на три класса: первый – это трехмачтовые корабли, в районе носа их ширина составляет восемь локтей^{148}; ко второму принадлежат двухмачтовые, ширина которых в районе носа семь локтей; третий – одномачтовые суда, ширина в районе носа – шесть локтей. Рыбак или группа рыбаков не могут построить рыболовное судно, не получив на то разрешения соответствующих вышестоящих органов, которые требуют описания технических параметров корабля. Когда судно спускают на воду, уездному правителю сообщают обо всех районах, где оно будет ловить рыбу. Для предотвращения пиратства издан закон, согласно которому за одно рыбацкое судно должны поручиться девять других. Каждые десять десятков, или сотня, лодок составляют одну компанию под руководством президента. Его избирают только на пять лет. Обычно это старый рыбак со средствами и хорошей репутацией. Он отвечает за добропорядочное поведение владельцев и команды судов, образующих компанию. Если хозяин какого-нибудь судна захочет продать его с публичных торгов или сделать из него торговый корабль, он должен сообщить об этом президенту компании. Тот передает заявку властям.

Всем рыболовным судам первого класса разрешено оставаться в море для ловли рыбы в течение десяти дней. В начале каждой экспедиции на судно грузят четыреста пиколой соли для засолки рыбы. Судам второго класса разрешено оставаться в море пять дней; на каждое грузят по триста пиколой соли. Суда же третьего класса проводят в море по три дня и берут на борт двести пиколой соли. Если в море вдруг из-за большого улова потребуется дополнительная соль, то ее не достать: заходить в ближайшие порты не разрешается, это было бы серьезным нарушением закона, которое наказывается конфискацией корабля, тюремным заключением капитана и команды и отзывом лицензии торговца, продавшего им соль.

Суда, на которых солят рыбу, не должны нести каменного балласта. Насколько я понимаю, цель этого установления – не дать рыболовам контрабандой провозить гранитные плиты под тем предлогом, что они используются в качестве балласта. Чтобы все суда, на которых солят рыбу, можно было распознать в открытом море, узнать их названия, имена владельцев и капитанов, а также порты приписки, эту информацию пишут большими иероглифами на гроте. Владельцы рыболовных судов должны возобновлять лицензию каждые полгода. На побережье провинции Гуандун есть много рынков, где всегда велик спрос на соленую рыбу с этих судов. Один из самых больших таких рынков я видел в Чжэньчжэне, на берегу Жемчужной реки. На этом рынке очень большие склады, некоторые построены из дерева – там выставляют на продажу рыбу.

Нередко такие суда уплывают на значительное расстояние от материка. В 1865 году пароход «Фудзияма», на котором я возвращался из Японии в Китай, столкнулся с одномачтовым рыболовным судном, принадлежащим к третьему классу, рядом с группой островов, носящих название Седельных. Пароходом «Фудзияма» управлял капитан Дандэс, искусный навигатор и весьма любезный джентльмен, который сделал все, чтобы спасти несчастную команду. Люди издавали душераздирающие крики, когда течение относило их от нашего судна. «Фудзияма» «легла на другой галс», и через полчаса, не слыша больше криков, после усердных, но безуспешных поисков мы уверились, что рыбаки погибли. Капитан Дандэс все же решил продолжать поиски, и через десять минут мы снова услышали крики. Немедленно спустили шлюпку, и в конце концов были обнаружены четыре человека, цеплявши-

еся за обломок корабля. Когда рыбаков подняли на борт «Фудзиямы», они сообщили нам, что двое их товарищей погибли. Пропавшие люди приходились отцом и дядей славному юноше, одному из счастливо спасенной четверки.

Очень много судов, на которых пойманную рыбу не солят. Чаще всего своим устройством они напоминают только что описанные нами. По всему побережью провинции Гуандун, насколько хватает глаз, можно видеть множество таких кораблей. Они плавают по два в ряд, на расстоянии трехсот футов друг от друга. Между ними протянута сеть. Редко бывает, чтобы она не зачерпнула большой улов. На западном рукаве Жемчужной реки тоже ходят большие суда, занятые этим промыслом. На носу каждого судна установлены «ножницы», которые можно открывать и закрывать по желанию; к ним привязана большая сеть. Ее опускают в воду, держат там некоторое время и вытягивают из воды, закрывая «ножницы». Рыбу из сети вынимают и сбрасывают в центральный отсек трюма, который представляет собой не что иное, как широкий бак. Борта на уровне этого отсека снабжены отверстиями, через которые заливается большое количество пресной воды; при помощи этой меры рыбак получает возможность доставить на рынок живую рыбу.

Есть и другие лодки, средних размеров, узкие и с носом скорее острой формы. Они ежедневно прибывают в Кантон с живым грузом выращенной в садках рыбы. Такие лодки бывают одномачтовыми. Трюм по всей длине судна служит большим баком, в который бросают отловленную рыбу. Чтобы у них не было недостатка в воде, по сторонам трюма открывают две или три затычки. Для предупреждения затопления судна рыбаки посменно, по два человека, откачивают лишнюю воду при помощи цепного водоподъемника, пока лодка не войдет в порт, для которого предназначается живой груз. Водоподъемник качает воду при вращении ступального колеса, и постороннему может показаться, что рыбак, приводящий его в движение, наказан за какое-то преступление. Рыба, которую эти лодки в таких больших количествах привозят на рынки, берется не из реки, а из искусственных прудов, где ее заботливо выращивают. В Даши, Личжэне, Сицяо-шане, Цзюц-зяне, Цзиньчжу и так далее есть несколько подобных прудов. Во втором и третьем лунном месяце, то есть в марте и апреле, вешние воды приносят много рыбы к верховьям реки. Самки мечут икру в длинной траве или тростнике, в больших количествах растущих по берегам. Икринки прилипают к траве, и через несколько дней появляются мальки. Сначала они совсем крохотные, размером почти с острие иглы. Молодь ловят сетями, помещают ее в лодки. Пока ее держат в лодках, живущие на борту рыболовы остерегаются использовать при готовке пищи растительное масло, потому что считается, что запах любых маслянистых или жирных веществ вреден для рыбы и иногда может привести к ее слепоте. Молодь кормят пастой из пшеничной муки, бобов и желтков сваренных вкрутую куриных или утиных яиц. Когда рыба вырастает, ее бросают в мелкие искусственные пруды: полагают, что большая глубина повредила бы ее росту. В центре или по сторонам многих прудов нередко устанавливают камни, под которыми рыба может укрываться от солнца. С той же целью иногда над частью пруда ставят шпалеры для винограда. В некоторых местностях вдоль берегов прудов часто можно видеть ряды многочисленных банановых «деревьев», по мнению рыбоводов, стекающая после ливней с широких листьев банана вода способствует здоровью рыбы. В других районах рядом с прудами сажают и деревья под названием фу-линь, плоды которых считаются весьма калорийной пищей. Мне приходилось также видеть по краям многих прудов с рыбой многочисленные водяные лилии. Китайцы считают это прекрасное растение священным, а также гарантией, что другие водные растения там не заведутся. В некоторых случаях берега садков обносят невысокими каменными стенами, но северный берег неизменно оставляют неогороженным. Китайцы следят за тем, чтобы в садки не попадало ничего вредного для рыбы, чтобы там никогда не мыли коноплю или любые овощи, которые могут плохо повлиять на рыбу. Кроме того, в уездах, где развито рыбоводство, редко держат голубей, потому что в противном слу-

чае немало голубиного помета попадало бы в пруды, а он слывет пагубным для рыбы. В этих хозяйствах также не могут расти ивы, так как их листья тоже считаются вредными.

Рыбу кормят травой два раза в день, и поскольку все земли распаханы, ее можно достать только на речных берегах. При этом избегают собирать траву, растущую у самой воды, потому что на ней могут быть прилипшие икринки хищных рыб. Траву всегда бросают в пруд с северной стороны. Чем это объясняется, нам установить не удалось. Рыбу кормят только в летний сезон – однако во всякое время года у нее довольно еды. Рыбных прудов очень много в Цзюц-зяне, Цзиньчжу и Сицяо-шане, а также в Даши и Личжэне. Цзюц-зянские рыбоводы взяли на откуп часть Жемчужной реки от Цзюц-зяна до Циньюаня и Шугуаня. За эту монополию они платят обычный налог. Цзюцзянские рыбоводы нередко навещают близлежащие деревни, чтобы продать рыбу владельцам местных садков. Цзюцзян-цы везут молодь для продажи иногда в лодках, иногда в корзинах, сделанных непромокаемыми при помощи смолы. В каждой корзине находится от пятисот до шестисот штук рыбы. Чтобы ей хватало воздуха, корзины закрывают только сеткой. Переносить эти корзины следует с величайшей осторожностью, поскольку встряхивание может убить рыбу. Опытные носильщики несут корзины очень аккуратно. Проданную рыбу достают из корзины по пять штук при помощи маленьких горлянок. При этом рыбаки так искусны, что на движение их рук приятно посмотреть.

Однако вернемся от этого рыбоводческого отступления к рыбацким судам, которые мы оставили, когда они собирались разгрузаться. Почти у всех торговцев рыбой есть каменные деревянные корыта или баки, куда и днем и ночью льется пресная вода. Туда и кладут рыбу, снятую с лодок. В Уси Сянь я посетил большую рыбную лавку. Там я заметил, что хозяин держал живую рыбу, чтобы она не уснула, в больших плетенках или корзинах, погруженных в Великий канал, воды которого текли непосредственно перед лавкой. На улицах больших и малых городов по берегам рек люди, торгующие рыбой вразнос, – обычное зрелище. Разносчик несет на плечах бамбуковый шест, на одном конце которого бадья с водой, полная живой рыбы, а на втором – колода. На этой колоде разносчик имеет обыкновение разделять рыбу на порции по четверть фунта, полфунта или по фунту для удобства покупателей. И на реках нередко можно встретить мужчин или женщин в лодочках, на носу которых устроены углубления, полные живой рыбы. Это бродячие торговцы, развозящие рыбу для лодочного населения. В Нанкине я заметил, что на каждом таком судне был поднят белый флажок. Это означало, что они получили разрешение на рыбную ловлю.

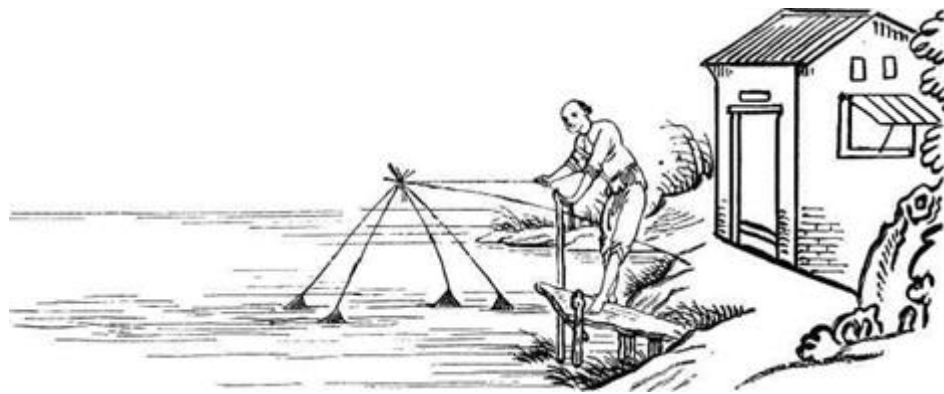
Существуют также лодки под названием ба-бай-тин. На реках их нередко используют для ловли рыбы, но на таких лодках плавают только ночью. Они длинные и узкие; по одному борту от носа до кормы идет наклонная, длинная белая доска, ширина которой не превышает двенадцати дюймов. На уровне середины лодки в воду на шнурке опускают большой камень. На корме сидит рыбак; при помощи короткого весла он заставляет свою лодку скользить по волнам. Когда лодка плывет, камень, рассекая воду, издает шум. Пугаясь этих звуков и видя отражение белой доски, рыба прыгает к ней и девять раз из десяти промахивается, и попадает в центр лодки.



Ночная ловля рыбы

Рыбной ловлей занимаются и на других маленьких лодках. Они беспалубные, и на них плавают два рыбака. Один гребет парой весел на корме, а другой стоит на носу и забрасывает в воду намет. Такие рыбаки, видимо, должны быть очень настойчивыми людьми: мне приходилось видеть, как они забрасывали сеть в воду и вытаскивали ее без единой рыбки. Кроме того, судя по их оборванному виду, они очень бедны. На реках поблизости от Макао я наблюдал совсем простой и вместе с тем очень эффективный способ рыбной ловли. Поставив лодку на якорь в середине реки и встав на носу, рыбак опускает сеть в воду при помощи бамбуковых «ножниц». Затем он бросает с носа по прямой линии большие пробковые шары, к каждому из которых привязано несколько кусков приманки. Прилив относит шары в лодке, а за ними гонятся целые стаи рыбы, которые хотят схватить приманку; когда они проплывают над сетью, ее поднимают вместе с уловом.

В формозском порту Цзилун у меня был случай увидеть еще один простейший способ ловли рыбы. Каждый вечер в восемь часов – в Китае в это время уже совершенно темно – здешние рыбаки отправляются к устью реки или, точнее, к гавани в беспалубных лодочках с кормой в форме ласточкиного хвоста. В воду забрасывают большую круглую сеть. Лодка, таким образом, занимает место в центре круга, который образуют пробковые поплавки, привязанные к сети. Рыбак, гребущий парой весел, не дает ей сдвинуться. На носу стоят два человека, которые жгут связки ротанга, горящие ярким пламенем. Несколько других лодок, в каждой по два-три человека, находятся вне круга, образованного поплавками. По сигналу они принимают рьяно хлестать по воде длинными бамбуковыми шестами с целью напугать рыбу, которая бросается к яркому огню, горящему на носу первой лодки, и запутывается в сети. Сеть поднимают, и она почти всегда полна мелкой рыбешки. Таких рыбаков нанимают несколько цзилунских горожан, которые, как оказалось, обладают монополией на рыбную ловлю в этой части острова Формоза. Пойманную таким образом рыбу засаливают и продают в больших количествах не только на Формозе, но и в провинции Фуцзянь. Много летучей рыбы в бухте Санью так же ловят островные аборигены. Каждый вечер на цзилунских водах царит почти неопишное оживление. Тем вечером, когда я отправился на берег посмотреть на это, там было не меньше восьми лодок с полыхавшим ротангом на борту, а также лодки с людьми, бьющими по воде бамбуковыми шестами. Было очень темно, и густое зарево огней освещало не только поверхность вод, но и склоны соседних холмов. При этом освещении люди, хлеставшие по воде, выглядели скорее разъяренными дикарями, чем безобидными рыбаками.



Ручная сеть

В Гонконге и Цзюлуне в темное время суток вылавливают много рыбы при помощи способа, напоминающего цзилунский. Единственное различие состоит в том, что рыбаки пугают рыбу, не колотя по поверхности воды, а шумным стуком один о другой бамбуковых шестов.

Во время поездок по Янцзы я заметил, что всюду использовались сети совершенно той же величины, что и ранее упомянутые, а иногда – и гораздо большие. Однако так называемые «ножницы», к которым они прикреплены, стоят не на носу лодок, а по берегам. Часто их поднимали и опускали при помощи лебедок. Ко многим таким сетям была привязана шнурками живая рыба, служащая приманкой. При многих сетях делают широкие верши, в которые бросают рыбу-приманку; там она плавает, ничем не стесненная и не пострадавшая, будто на воле.

Рядом с каждой сетью стояла небольшая хижина, где рыбак укрывался от плохой погоды, пока сеть была погружена в воду. Я обнаружил, что использование сетей распространено на верхней части озера Поян. Но «ножницы», к которым они были привязаны, стояли не на берегах озера, а на широких деревянных платформах, стоящих на толстых сваях. На многих приливных реках и морских рукавах используют переметы, которыми ежедневно вылавливают немало рыбы.

В центральных провинциях рыбаки красят сети, чтобы придать им прочность. Для этого используется дубильная кора. Нередко можно видеть, как несколько бедных рыбаков, уцепившись за плоты торговца древесиной, которые медленно плывут по течению, сдирают с дерева кору. Когда сетью перестают ловить рыбу, то иногда ее подвешивают к потолку в качестве защиты от злых духов. Иногда для этого же сети расстилают на постели больного. Кроме того, во всяком случае на юге Китая, их шпагатом привязывают к парусам джонки, чтобы они отгоняли злых духов.

На озере Поян, а также на реке Янцзы и ее притоках, на Великом канале я наблюдал другой способ ловли рыбы. Большое количество прочных крючков было прикреплено к коротким лескам. Каждая свешивалась с очень длинной толстой веревки, одним концом прикрепленной к деревянным буйам. На крючках не было приманки, не было и зазубрин, но очень острые, они, казалось, предназначались для того, чтобы на них насаживались проплывающие мимо рыбины. На нескольких горных речках, текущих по направлению к Янцзы и озеру Поян, я видел, как гарпунили рыбу. Рыбаки очень ловко делали это длинными трезубцами и редко промахивались. На Великом канале и рядом с городом Шэнцзэ я наблюдал, как рыбу ловили руками, причем весьма успешно, что меня удивило. На Жемчужной реке тоже пользуются этим способом при ловле угрей. В южных провинциях Китая мне редко приходилось видеть, чтобы рыбу ловили удочкой, но на Формозе, где реки, по всей вероятности, лучше подходят для такой ловли рыбы, я часто видел, как китайцы забрасывали в воду удочки со сноровкой, достойной самого сэра Исаака Уолтона. На берегах реки Минь-

цзян в провинции Фуцзянь, а также на северном рукаве Жемчужной реки рыболовы используют очень крепкие удочки длиной не более четырех-пяти футов. К такой удочке крепится большое колесо, на которое намотано двадцать ярдов лески. Пользуясь даже этой неудобной удочкой, рыбак редко не наполняет свою корзину рыбой. Часто в качестве наживки используют червяков. В Пекине у удильщиков в этом качестве популярна синяя муха.



Рыбалка с бакланами

Однако самый оригинальный способ – это рыбалка с бакланами. На реке, где стоит город Цунхуа, столица обширного уезда провинции Гуандун, я видел, как рыбаки получали немалый улов с помощью этих птиц. А в 1862 году, двумя годами позже, на горной речке в том же уезде мне снова представилась возможность посмотреть на такую своеобразную рыбалку. Рыбак стоит на плоту или на катамаране в середине реки. На судне находились также четыре или пять бакланов, которые по сигналу ныряли в воду за рыбой. Чтобы птицы не глотали ее, вокруг шеи каждой закрепляют бамбуковое кольцо или полоску. Со своей добычей бакланы плывут к катамарану, и рыбак сразу же достает у них из горла рыбу, которую кладет в корзинку. Устав, бакланы некоторое время отдыхают на плоту, возобновляя работу, как только рыбак подаст им сигнал. В 1865 году, когда я был на озерах Дунтин и Поян, я видел, как много рыбы ловили с бакланами. Особенно много таких пернатых рыбаков, помогающих людям, я заметил в областном городе Жаочжоу, стоящем на берегах озера Поян. Лодки, которыми пользовались там владельцы бакланов, размерами и формой напоминали судна перевозчиков, ежедневно ходящие по Жемчужной реке. По бортам каждой лодки от носа до кормы были сделаны насесты, на которых сидели бакланы, вынырнувшие из воды. Правда, мне показалось, что птицы, ловившие рыбу на озере Поян, были не так энергичны, как те, которых я видел на реках, текущих через уезд Цунхуа. В городе Жаочжоу и вообще на озере Поян, чтобы заставить бакланов нырять, рыбакам приходилось бить по воде длинными бамбуковыми шестами; иногда же удары приходились и по птицам. Добычу баклана рыбак клал в предварительно натянутую ручную сетку. Когда он видел, что птицы нуждаются в отдыхе, то протягивал бамбуковый шест, чтобы они могли сесть на него, и так поднимал их в лодку. В Уси, Суч-жоу, Хучжоу и в других городах по берегам Великого канала я видел множество этих птиц за работой.



Охота на пресноводных черепах

В Ханчжоу — это областной город на южном конце Великого канала — я наблюдал, как не менее пятисот бакланов ловили рыбу в одно и то же время на пространстве в одну восьмую мили. Многие птицы были молоды и не вполне обучены. Так, когда одной из них удалось поймать рыбу, на нее сразу же набросилось множество других бакланов, стремясь отнять трофей. Результатом этого недисциплинированного поведения стала всеобщая сумятица. Я с интересом заметил, что каждый рыбак без труда распознавал своих птиц. Лодки таких рыбаков отличались от всех, которые я описывал раньше: они были очень легкими, а формой напоминали каноэ.

Во время плавания по реке Янцзы мое внимание было привлечено людьми, охотившимися за пресноводными черепашками. Для этого они пользовались удочками, очень похожими на те, которыми рыбачат на Миньцзяне и на северном рукаве Жемчужной реки (о чем я писал выше). К концу лески были привязаны маленькие крючки и несколько свинцовых шариков. Когда рыбак, который обычно сидит на одноногой табуретке, видит плывущую черепаху, он немедленно прицеливается и забрасывает удочку. Крючок протыкает панцирь черепахи, потому что грузила придают ему дополнительный вес, затем вытягивает добычу из воды, поворачивая большое колесо, прикрепленное к его удочке. Когда я плыл по маленькой реке, протекающей у стен Нанкина, мне встретились рыбаки, гарпунившие пресноводных черепах. Они стояли в лодках с трезубцем в каждой руке и пытались нащупать этих животных в мутной воде. На той же речке я видел других людей, занятых тем же; они стояли не в лодках, а в посудинах, очень похожих на обычные корыта для стирки белья. У каждого было только по одному трезубцу, которыми он не только протыкал черепах, но и приводил в движение и останавливал свое странное судно.

Во многих частях империи также весьма распространена ловля креветок. На Жемчужной реке почти каждый день богатые уловы креветок. Обычно в лодке два человека; один из них сидит на веслах, а другой стоит на носу и опускает в воду несколько корзинок, привязанных к одной веревке на расстоянии двух футов одна от другой; в каждой в качестве приманки кладут винный осадок. Привлеченные приманкой креветки забираются в корзины. Через определенное время улов вытаскивают и вываливают в плетенки для рыбы. На креветок всегда большой спрос. Некоторые гурманы предпочитают есть их живыми. Креветки подают к столу в сосуде с желтым вином, крепким уксусом и кунжутным маслом. Опьяневшие, они начинают проделывать необыкновенные скачки. В этом состоянии их и съедают любители. Особенным пристрастием к живым креветкам отличались жители северных и центральных провинций.

Очень много здесь и устричных отмелей. В сезон там собирают множество устриц, и больших и маленьких. Китайцы никогда не едят их сырыми, считая, что они чересчур холод-

ные для желудка, поэтому жарят их с мукой. Засоленных маленьких устриц едят, не подвергая дальнейшей обработке. Раковины используют при возведении стен или при изготовлении извести. Для этого заготавливают много битуминозного каменного угля, который молотят крепкими цепями, обращая в мелкую пыль. Затем эту пыль смешивают с раковинами и кладут на горящие угли в центре большой промышленной печи. Стены ее примерно тридцать шесть футов в окружности, кирпичные и кое-где укреплены или облицованы прочными бамбуковыми шестами. У стен каждой печи находятся большие мехи, которые выглядят как огромный ящик. Огонь и равномерный жар поддерживают, постоянно работая мехами. Через двенадцать часов огню дают погаснуть. Когда известь, в которую превратились устричные раковины, достаточно остывает, ее убирают из печи, выносят в большую комнату и там сбрызгивают водой. Таким же образом получают известь из раковин мидий.

Этих двустворчатых моллюсков используют и иначе: иногда рыбаки кладут в раковины только что пойманных мидий по шесть-семь деревянных или свинцовых статуэток Будды Долголетия или какого-нибудь другого божества; затем бросают в пруд и оставляют там на некоторое время, а когда вынимают и открывают, фигурки оказываются покрытыми перламутром. Такие раковины продают как большие редкости. Иногда невежественным и легковверным китайцам внушают, что изображения Будды Долголетия сами собой рождаются в раковинах моллюсков.

В Жемчужной реке немало садков, где разводят сердцевидку. Их пополняют дважды в год – в первом и в двенадцатом месяце. В эти периоды большое количество молодых моллюсков привозят в Кантон из уезда Дунгуань и из других мест. Их опускают в специально подготовленные для них садки, и там они быстро начинают увеличиваться в размерах. В седьмом месяце множество моллюсков достают из садков и продают, как деликатес. Садки днем и ночью хорошо охраняют сторожа, которые прогоняют не только браконьеров, но и всякую водяную птицу. Часто много моллюсков смыывают сильные приливы и отливы, которыми известна Кантонская река; и каждый день можно видеть многочисленное лодочное население, ловящее сетью смытых из садков сердцевидок. В это время рыбаки держат нос лодки по направлению прилива или отлива. Чтобы течение не уносило их слишком быстро, они спускают в воду большие корзины или куски рогожи, тщательно прикрепленные к носу.

Сердцевидок, этих съедобных моллюсков, как и устриц, китайцы тоже солят, но чаще всего варят и сразу съедают. Поскольку гуан-дунцы считают, что вода, в которой варились моллюски, обладает целебными свойствами, ее используют в качестве примочек от кожных болезней, особенно при выздоровлении от оспы. Во время новогодних праздников большой спрос на этих моллюсков, которые считаются едой, приносящей счастье. Насколько мне известно, это суеверие объясняется тем, что китайское слово «сердцевидка» напоминает по звучанию «яркость» или «сияние», что ассоциируется со счастьем и процветанием, в то время как слово «тьма» оказывается синонимом печали и несчастий. Из раковин сердцевидок тоже делают известь. Такая известь, смешанная с растительным маслом, – прекрасная замазка. Ее используют для промазывания гробов и в качестве грунтовки для фресок, которыми украшают фронтоны храмов и резиденций частных лиц.

В Китае рыбной ловлей занимаются как мужчины, так и женщины. Когда я плыл по озеру Мухайтай, то видел несколько больших лодок, экипажи которых состояли сплошь из женщин, и они ловили рыбу сетями. Кроме того, женщины очень часто занимаются ловлей устриц, мидий и сердцевидок.

Глава 31

Туземные племена

В некоторых частях Китая, а также на островах Формоза и Хай-нань сегодня живут многочисленные племена аборигенов. Названия имеют отношение или к их внешнему виду, или к нравам и обычаям. Более чем двести сорок лет тому назад в собственно Китай вторглись маньчжуры, завоевали его и основали правящую династию, но тогда аборигены, видимо, сохранили свою независимость: они не носят кос или косичек, которые были навязаны китайцам в качестве символа покорности властям. Однако независимость некоторых таких племен была до некоторой степени ограничена в середине XVIII столетия императором Юнчжэном, который объявил им войну, воспользовавшись каким-то пустячным предлогом. В настоящее время они признают власть императора, и их контролируют назначенные императором мандарины, но все-таки этих чиновников выбирают из среды наиболее просвещенных представителей племен.

До войны Юнчжэна против племен они, по всей видимости, были рассеяны по обширной территории. Некоторые жили в провинциях Гуандун и Гуанси, другие населяли равнины и горные твердыни Гуйч-жоу. В конце войны большинство племен, живших в Гуандуне и Гуанси, были приговорены Юнчжэном к переселению на северные границы Гуйчжоу. Им было сказано, что дома и работу они должны найти себе в краю, граничащем с тем, где уже жили такие же племена. Насколько мне известно, тогда же был издан указ, согласно которому крестьянские хозяйства и поля, принадлежавшие местным диким племенам и выставленные ими на продажу, могли приобретать только аборигены. По всей вероятности, Юнчжэн решил сконцентрировать туземное население в одном регионе, чтобы в случае восстания он мог одним ударом покончить с мятежниками. Насколько мне известно, аборигенов нередко притесняют их китайские соседи. Не больше сорока лет тому назад чиновник по имени Лю Тинчжи сообщил императору Даогуану, что аборигены в Цзиньсу восстали, и мандарину было приказано начать с ними войну. Лю Тинчжи явился в одно из их главных поселений и истребил более сорока тысяч человек. Как говорят, причиной этой позорной войны стала ссора между его сторонниками или свитой и старейшинами племени, против которого он выступил. Сторонники Лю Тинчжи стремились присвоить участок земли, который с незапамятных времен служил в Цзиньсу рыночной площадью, поэтому попытка отобрать эту землю встретила сопротивление со стороны племени и поддержавших его соседей. В конечном счете это привело к гибели нескольких сотен китайцев и более сорока тысяч аборигенов.

Китайцы считают местные племена народом диким и варварским. Обычаи китайцев и аборигенов весьма несхожи. Почти всем племенам, кроме одного-двух, неизвестны свахи, и каждый влюбленный волен сам выбирать невесту. Во время празднования Нового года, когда члены нескольких племен заключают брачные союзы, юноши и девушки, согласно обычаю, отправляются на ярмарки, которые в это время устраивают во дворах разных храмов. Когда девушки расхаживают по ярмарке, рассматривая выставленные на продажу товары, юноши следуют за ними; если молодой человек видит девушку, которая ему нравится, он, не колеблясь, заговаривает с ней и в конце концов делает предложение. Если она его приняла, то помолвленная пара отправляется в храм и поклоняется идолу. После этой церемонии жених сопровождает нареченную к дому ее родителей, где подготавливают и подписывают некоторые необходимые документы. Свадьбу празднуют не меньше шести дней. Если союз будет благословлен потомством, первенца посылают в подарок родителям мужа, а второго ребенка – родителям жены. Муж должен прожить с родителями жены семь или десять лет. По истечении этого времени он волен вернуться в дом своих родителей. У этих диких племен существует обычай давать приданое женщинам из богатых семей (китайцам он неизвестен), при-

том при жизни родителей, вещи, которые выделены для жены, выдают ей в день, когда она оставляет дом своего отца, чтобы поселиться в доме свекра.

В племени, которое носит название лу-тун-и-яо, нареченная невеста в сопровождении подружек и человека с зонтом отправляется в дом родителей жениха, где и выходит замуж. Пробыв там три дня, она вместе с мужем возвращается в родительский дом, где новобрачные остаются до рождения первенца. Затем, взяв с собой ребенка, они возвращаются в дом родителей мужа и остаются жить там. В одном из племен – лун-чи-мяо – о детях заботится в основном отец, что отражено в своеобразном погребальном ритуале. Умершего отца хоронят с повернутой вбок головой в знак того, что он будет наблюдать за своими детьми и из мира теней.

Когда умирает член племени, пользовавшийся доброй славой, есть обычай пронести его тело, украшенное цветами, по главным улицам города или деревни, где он жил. В зимние месяцы этот оригинальный обряд совершается все три дня после кончины, а в летние месяцы – только в первый день. Если родственники покойного богаты, останки кладут в каменный гроб, или саркофаг, но телу не дают долго покоиться в могиле, потому что эксгумация считается необходимой, чтобы по виду останков родственники могли узнать об ожидающей их судьбе. Если лицо трупа лишь слегка тронуло разложение, они заключают, что их ждет счастье, а если оно сильно обезображено, родственники начинают готовиться к ожидающим их страшным бедствиям.

По-другому поступает племя под названием лу-сы-цзы. У них останки эксгумируют через год после похорон не для того, чтобы члены семьи покойного узнали о своем будущем, а для того, чтобы тщательно вымыть кости. Если кто-нибудь из семьи покойного заболит, кости тут же выкапывают и моют вне зависимости от того, как давно происходили похороны. Причина этого – любопытное суеверие, согласно которому здоровье или болезни в большой степени зависят от степени чистоты костей умерших родственников, поэтому китайцы называют это племя мойщиками костей.

Погребальные обряды племени под названием лань-гу-хэ-мяо тоже весьма необычны. У этих людей покойника хоронят спустя значительное время после смерти. До похорон мертвое тело находится в герметично запечатанном гробу. Только когда наступают определенные счастливые дни, которые, согласно их астрономическим вычислениям, случаются не чаще четырех раз в год, живые предадут земле мертвых.

Поразительное исключение в этом смысле представляют собой племена, которые называются соответственно чжэнь-дао-хэ-лу, го-лу, бай-го-лу и чжан-чжу-лун-цзя: они не хоронят мертвых, а сжигают. Прежде чем сжечь мертвое тело, члены племени го-лу накрывают его шелковым саваном, а члены племени бай-го-лу с той же целью используют лошадиные, коровьи, овечьи или козьи шкуры. Практикуется также обычай, который в Индии называется сати; для одного или более племен существует закон, такой же непреложный, как любой закон древних мидян и персов, согласно которому все вдовы должны быть сожжены на погребальных кострах своих мужей. В этих племенах люди соблюдают трехмесячный траур по смерти родителя, деда, или бабки, или вождя.

Одно из богатейших туземных племен шуй-цзя-мяо замечательно одной своеобразной и отталкивающей религиозной церемонией. У этого народа есть большой храм, где стоит идол в виде собаки. В определенный день каждый год все отправляются в этот храм для моления. Насколько мне известно, во время этого ежегодного религиозного праздника, согласно обычаю, богатые члены племени устраивают для своих более бедных собратьев пир в честь человека, избранного для того, чтобы его принесли в жертву на алтаре бога-собаки, за что его семье выплачивают деньги. В конце пира жертву, допьяна напившуюся вина, убивают перед идолом. Эти люди считают, что, если они пренебрегут соблюдением обычая, их постигнет чума, голод или вооруженное нападение. Богатство, которым, как говорят, они

располагают, в основном имеет источником торговлю солью, которую они кладут не в бочки или мешки, а в большие трубки, изготовленные из бамбуковых стволов.

Кое-какие племена от чумы защищаются по-другому. На роль козла отпущения выбирают человека, отличающегося большой физической силой. Нанеся на лицо краску, он оживленно жестикулирует и кривляется, чтобы навлечь исключительно на себя чуму и все губительные воздействия. Ему помогает жрец. Затем козла отпущения, которого азартно преследует толпа мужчин и женщин с боем гонгов, поспешно выгоняют из города или деревни.

На третий месяц каждого года устраивают большой праздник. В этом торжестве принимают участие многие племена; все радуются, отмечая, по поверью, полное уничтожение всех бед прошедших двенадцати месяцев. Уничтожение это якобы совершается посредством следующей церемонии. Большой глиняный кувшин наполняют порохом, камнями и кусками железа, а затем зарывают в землю. Затем укладывают запал, соединяющийся с этим сосудом, и поджигают его. Взрыв приводит к тому, что осколки кувшина и его содержимое разлетаются во все стороны. Камни и куски железа символизируют беды и несчастья прошедших двенадцати месяцев. Считается, что взрыв уничтожает все, что они символизируют. Во время этого праздника много едят и пьют. В таких случаях прибегают к остроумному способу, чтобы заставить людей пить. В определенный момент зажигают масляную лампу, и затем бражники начинают быстро передавать ее из рук в руки, пуская вокруг стола. Один из них следует за лампой и пытается задуть ее в момент, когда она переходит из рук одного человека к другому. Когда ему это удастся, человек, в чьих руках погасла лампа, должен осушить наполненный до краев бокал вина.

Многие племена развлекаются такой забавой, как разновидность боя быков. Крестьяне одного племени выставляют своих быков против соседних. В определенный сезон несчастных животных, приведенных в ярость при помощи опьяняющего напитка, выводят на арену, чтобы развлечь толпу зрителей. Племена заканчивают эти игры, длящиеся несколько дней, принесением в жертву одному из главных божеств быка-победителя^{149}.

Стоит отметить, что одним из туземных племен руководит женщина. Эту властительницу подданные, глубоко почитающие ее, называют Най-да. Это племя известно под именем нью-гуань, или народ, которым управляет женщина. Право или привилегия управления этим племенем принадлежит только женщинам – потомкам одной семьи, так что в случае смерти правительницы маловероятен спор о том, кому принадлежит право наследования. Обычные китайцы удивляются тому, что в Великобритании и в других европейских странах, где не принят салический закон, время от времени могут править королевы. Они отчасти склонны думать, что жители этих стран ничем не лучше дикого племени нью-гуань.

Племена туземцев, описываемых мной, имеют репутацию хороших земледельцев, а также известны выведенной ими породой крупного рогатого скота^{150}. Их работники весьма прилежны и могут выносить большие физические нагрузки. В плуг, который на юге Китая тащат буйволы или волю, а на севере кроме этих животных еще и лошади, мулы или ослы, в некоторых уездах, где живут туземные племена, запрягают крестьян и крестьянок. Этот обычай особенно распространен у племени, которое называется е-дао-мяо. Власть крестьянина над батраками очень велика. Когда батрак нанимается к хозяину, составляют соглашение, где тщательно записаны возраст работника, время, на которое он нанят, и наказание, которому будет подвергнут в случае оставления работы до срока. Наказание, которому, как правило, подвергают беглых работников, так жестоко, что нередко приводит к смертельным исходам.

Многие племена занимаются также производством и окраской холста или сукна. Возможно, самое известное из племен, занимающихся ткацким делом, – это шуй-цзя-мяо.

В провинции Гуандун все еще живут различные туземные племена. В области Ляньпань (одно из административных подразделений этой провинции), по всей вероятности, живет большинство этих дикарей. Говорят, что племена этой области занимают не менее восьми отдельных поселений: пять племен на востоке, а три – на западе области. Ранее у этих аборигенов существовало традиционное самоуправление, причем его замысел был очень прост. Сотня человек составляла курию, или общество. Каждой курией руководил чиновник, которого можно назвать сотником. К вождю или вождям племени каждый сотник обязан относиться с должным почтением и всегда подчиняться. Племенем го-лу управляют девять старейшин, избранных из среды народа. На двенадцатом году правления императора Даогуана разные племена, жившие в области Ляньпань, восстали с оружием в руках против своих китайских соседей, и их набеги привели к тому, что генерал-губернатор особенно невзлюбил их. Чтобы подавить восстание, которое предвещало весьма серьезные последствия, его превосходительство попросил Хафэна, тогдашнего маньчжурского генерала, повести войска против варварских орд. После нескольких боев генерал разбил их необученные войска и смог добиться мира. Затем был издан императорский указ, согласно которому с этого времени в восточной части области каждым поселением будут управлять правитель, заместитель правителя и восемь помощников, а в западной – правитель и четыре помощника. Всех этих чиновников назначает императорское правительство, избирая их из среды наиболее просвещенных и разумных представителей племен. В Яншане, область Хуэйчжоу (еще одно административное подразделение провинции Гуандун), тоже немало туземных поселений. При этом каждое из них, как и на западе области Ляньпань, находится под управлением туземного правителя, назначаемого на должность императорским правительством, с четырьмя подчиненными ему чиновниками.

Кроме того, установлено, что аборигены живут в уездах Лунмэнь, Фэнчуань, Гуюй, Янчунь, Сыхуэй, Гуаннин, Яопин, Хайкан, Хопу, Лю-дин, Дунъянь, Синин, Боло, Цзэнчэн, Янцзян, Жуюань, Цюйцзян и Лэчан. Побывав в некоторых из перечисленных уездов, я узнал, что тамошние аборигены в подавляющем большинстве случаев не образуют больше особых племен, приняв нравы и обычаи своих китайских соседей.

Перейдем к аборигенам острова Формоза. Среди тамошних племен существуют большие различия в характере и образе жизни. Одни добры и кротки, другие свирепы и безжалостны. Некоторые кормятся земледелием и другими занятиями, свойственными миролюбивым сообществам; другие племена, как, например, сун-мянь или ху-лу, самые дикие из этих кланов, живут охотой и грабежом. Некоторые племена занимаются производством и окраской ткани. Я располагаю образцом их изделий. Это кусок очень прочного льняного полотна. Единственная часть тела, которую прикрывают мужчины-дикари на севере Формозы – это чресла, а женщины – грудь. Более дикие племена (среди которых наиболее известны своей жестокостью мао-тоу) люто ненавидят китайцев, да и вообще всех иностранцев, убивая всех, кто имел несчастье попасть к ним в руки.

Два племени, составляющие туземное население острова Хайнань, живут в областях Цюнчжоу, Ячжоу и Даньчжоу. Одно из них называется шан-ли (шан-лай), или уединенное племя; утверждают, что эти люди неповоротливы, глупы и необразованны. Как бы то ни было, по рассказам, они весьма усердные, хотя и невежественные земледельцы. Бывший кантонский генерал-губернатор по имени Лу Гуань проявил большое внимание к благосостоянию этого племени и велел людям, сведущим в агрономии, научить их возделывать землю с большей выгодой. По предложению Лу Гуаня они обратили большее внимание на ирригацию. Люди из этого племени редко уходят из горных твердынь, по большей части они живут в своих пещерах.

Другое племя известно как шу-ли, или дерзкое племя. Его представители имеют репутацию, возможно, самых ловких воров. Одновременно между аборигенами и китайцами был

большой разлад; в настоящее время китайцы наводнили почти весь остров. На тринадцатом году правления императора Даогуана племя шу-ли начало жестокую войну против китайского населения Хайнаня. Передают, что ее причиной послужило настойчивое желание китайцев ходить в горы, чтобы рубить лес, который аборигены считали своей собственностью. Когда китайцы победили в этой войне, император, дабы по возможности предотвратить волнения в будущем, назначил править каждым племенем высокопоставленного чиновника, или магистрата. Многие из наиболее доброжелательно настроенных представителей племен поступили на военную службу под императорскими знаменами и обещали приложить все силы, чтобы помогать магистрату в поддержании спокойствия и порядка. В то же время, чтобы аборигены и китайцы контактировали как можно реже, законом было определено, что аборигены не должны уходить за границы своего уезда, причем любое нарушение должно сурово караться. Чтобы они могли свободно торговать на рынках, было приказано, по крайней мере в области Даньчжоу, для племени шу-ли открыть несколько торжищ – в Синьине, Наньтуне и Динъане. Было установлено также, чтобы эти ярмарки открывались одновременно и работали в течение пяти дней подряд. Строгость закона, установленного в то время, была необходима, чтобы предотвратить восстания диких племен; согласно ему каждый, кто являлся на ярмарку, должен был зарегистрироваться в специальной конторе. Во время работы ярмарки неподалеку, в казармах, были расквартированы солдаты, вооруженные копьями. Ярмарка закрывается, только когда все туземцы возвращаются домой. В конце каждого года, когда туземным племенам почти нечем заняться, над ними усиливают надзор. Для этого, насколько мне известно, вооружают пять рот китайских ополченцев, или храбров. Чтобы покрыть расходы на их содержание в зимние месяцы, на пятнадцатом году правления Даогуана двадцать тысяч долларов были помещены под высокий процент в некоторые ломбарды, находящиеся в уездах Паньюй и Наньхай. В день ополченцу выплачивают не более сорока медных монет, а офицеру – не более пятисот. Поскольку туземные племена должны платить земельный налог, можно было бы ожидать, что ополченцам и офицерам станут платить больше, но земли, где живут эти племена, как правило, неплодородны, и, несомненно, туземцы часто оказываются неплательщиками. Во всяком случае, они очень бедны, поскольку есть закон, разрешающий китайской администрации во время каждого посева ссужать жителям определенное количество риса. Этот заем аборигены по возможности возвращают правительству, но на него не начисляются проценты.

Китайское правительство постановило, что на стенах общинного здания в каждой деревне, где живут туземцы, на почетном месте должен висеть такой кодекс:

1. Старейшины каждого туземного племени, и только они, должны собирать с туземцев и выплачивать мандаринам земельный налог, следующий от них императорскому правительству.

2. Если кто-либо, принадлежащий к туземному племени, нарушит закон, он (они) подлежит задержанию стражниками или солдатами, которые надзирают за туземцами по приказу правительства.

3. Китаец ни в коем случае не должен одалживать денег туземцам.

4. При продаже вещей туземцам китаец не должен просить за них чрезмерную цену.

5. Туземцам категорически запрещается иметь огнестрельное оружие.

6. Кузнецы, в отношении которых станет известно, что они изготавливают огнестрельное оружие для туземцев, будут сурово наказаны.

7. Над дверями дома каждого туземного домовладельца должно быть вывешено уведомление о том, что здесь не предоставляют ночлега чужеземцам и гостям.

8. Все туземцы, сбивающиеся в шайки, для того чтобы грабить соседей, будут сурово наказаны.

9. Туземным старейшинам, или правителям, вменяется в обязанность следить за тем, чтобы их подопечные постоянно обучались обращаться с плугом, валить лес и т. д.

10. Все туземцы, находящиеся под защитой императора Китая, должны отказаться от своих грубых украшений, обрить голову и принять платье, нравы и обычаи китайцев.

11. Любой китаец, убивший туземца, не подчинившегося предыдущему пункту, будет помилован.

12. Вождь каждого туземного племени раз в месяц должен встречаться с правителем уезда, в котором живет племя.

Некоторое время существовал обычай (может быть, он существует и сейчас), по которому китайцы, нарушившие закон своей страны, искали убежища среди туземцев. Был также издан закон, согласно которому аборигены, содействовавшие императорскому правительству в поимке и передаче преступника в руки правосудия, а также служившие его императорскому величеству на войне, могут получить ранг не выше четвертого; этот ранг можно наследовать на протяжении шести поколений. Сын может унаследовать титул своего отца в возрасте шестнадцати лет или старше. Провинциальный казначей имеет полномочия рассматривать все заявления претендующих на этот ранг и присваивать его, буде для того найдутся основания.

Глава 32

География Китая

Китай – это большой естественный бассейн, окруженный высокими горами на северо-западе и юго-западе и морями на юге и юго-востоке. Земли представляют собой холмистые и равнинные пространства. Есть и горы, причем некоторые достигают большой высоты. Например, Лушаньские горы, отстоящие от морского побережья на пятьсот миль, имеют пять высоких острых пиков, каждый из которых возвышается на уровне моря на пять тысяч футов с лишним. Из Нанька-на на берегах озера Поян видны их величественные вершины, возносящиеся к небу. На северной границе центральной провинции Хунань расположена гряда гор, которые, как мне показалось, должны быть более шести тысяч футов в высоту, но они находятся так далеко, что о путешествии к ним не могло быть и речи. В северных^{151} и центральных провинциях зимой горы часто покрыты снегом. Он редко бывает глубоким и быстро тает. В южных провинциях снег не идет почти никогда.

В Китае есть несколько гор и холмов, которые по разным причинам с древнейших времен почитаются священными. Весной и осенью им правительственные чиновники приносят им жертвы. Ужасный тайфун, 27 июля 1862 года обрушившийся на Кантон, приписывали гневу духа Гуйфэн-Шань – священной горы в уезде Синьхуэй. Насколько мне известно, разные государи правящей династии присваивали новые почетные титулы некоторым священным горам.

Вероятно, Китай не уступит в живописности горных перевалов никакой другой стране. Я ехал из Пекина в Чжан-цзя-коу через знаменитый перевал Нанькоу, очень узкий, пятнадцать миль в длину. Его часть от Нанькоу до Чатаня, строго говоря, называется перевалом Гуаньцзи. Одна его часть состоит из известняковых холмов, а вторая – гранитная. В середине перевала находится монументальная арка, возведенная татарами несколько сотен лет тому назад для увековечения решающей победы знаменитого Чингисхана над китайцами в первой четверти XIII столетия. Арка украшена разными рельефами, а надписи на пяти языках рассказывают о триумфе воинственных татарских полчищ над тысячами мирных китайцев. Такие арки, насколько мне известно, есть во многих больших и малых городах Монголии. Когда я возвращался из Внутренней Монголии в Пекин, то проехал по дороге между городами Цзин-пу и Чэндэ через короткий, но прекрасный горный перевал Лань-чжи-лян-гу.

Некоторые китайские равнины весьма обширны. Великая Китайская равнина, занимающая северо-восточную часть империи, имеет протяженность в шестьсот пятьдесят миль и простирается от Великой стены на севере до провинций Аньхой и Цзянсу на юге. Ширина этой равнины от ста пятидесяти до двухсот миль. Ее изумительное плодородие соблазняло татарские полчища сходить с более холодных широт своих гор в здешние просторы и совершать набеги на земли соседей – китайцев. Именно от таких нападений китайцы хотели защитить себя, воздвигнув колоссальную приграничную твердыню. Я проезжал по этой просторной аллювиальной^{152} равнине с ее левой стороны по пути из Пекина через Шахэ дальше к Нанькоу. Уехав из приграничного города Чжан-цзя-коу, по пути к Долон-нору, или Лама-мяо, я пересекал обширные холмистые равнины Внутренней Монголии. Однообразие путешествия время от времени сменялось многочисленными монгольскими стоянками, в окрестностях которых мирно паслись отары овец, стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Часто попадались степные белки, причем некоторые из них интересной пятнистой окраски, а у ручьев и прудов большие болотные птицы. Как они называются на Западе, я в то время не мог положительно сказать, но впоследствии, посетив замечательные сады Зоологического общества в Лондоне, я сразу узнал там этого великолепного длинноногого болотного зна-

комца из Монголии: он известен как маньчжурский журавль (*Grus montignesia*)^{153}. Это путешествие запомнилось мне несколькими поразительными миражами. Один раз оптическая иллюзия была так совершенна, что все мы были убеждены, будто приближаемся к широкой полосе воды. Поскольку отражение было вертикальным, представшие нашим глазам отраженные объекты, конечно, оказались перевернутыми, какими бы они были, отражаясь в озере.

В мире мало стран, настолько обильных водой, как Китай. Вероятно, единственная страна, которая вообще в состоянии выдержать сравнение с Китаем в данном отношении, — это Соединенные Штаты Америки. В Китае три главных реки: Янцзы, или Дитя океана, Хуанхэ, или Желтая река, и Чжуцзян, или Жемчужная река. Самая большая из них — Янцзы. Ее исток находится на северо-западе Великого Тибета, откуда течет, образуя прямой угол с близлежащей грядой гор, пока, повернув на север, не оказывается на территории собственно Китая. Далее она проходит по самой середине этой территории, окаймляя обширные плодородные равнины, и в конце концов вливается в Восточно-Китайское море. Как говорят, ее длина составляет почти две тысячи двести миль, а ширина в некоторых местах достигает, видимо, полутора миль. На расстоянии сотни миль от моря ее ширина равняется почти трем милям. Эта величественная река усеяна наносными островами, самый большой из которых, Чун-мин, расположен в устье и имеет не меньше шестидесяти миль в длину и восемнадцати — в ширину. На берегах Янцзы множество городов и деревень, самые известные из которых — Нанкин и недавно открытый для международной торговли порт Ханькоу. В настоящее время в Ханькоу идет активная экспортная и импортная торговля между китайцами и европейцами.

Хуанхэ, или Желтая река, берет начало в Китайской Татарии — к северу от Тибетских гор. Она очень извилиста, сильно изгибается к северу и многие мили течет по Татарии за пределами Великой Китайской стены, а затем снова оказывается на территории собственно Китая на Лессовом плато и примерно через четыреста миль в южном направлении разделяет провинции Шаньси и Шэньси. Рядом с тридцать пятой широтой она резко поворачивает на восток, течет через провинции Хэнань и Цзянсу, а затем впадает в Восточно-Китайское море. Течение Хуанхэ очень быстрое. Эта река подвержена стремительным разливам. Недавно в окрестностях Хоуцзятяня она размыла большие дамбы, сдерживавшие ее течение; погибло множество людей, материальные потери тоже были велики. Чиновники и жители Хоуцзятяня приложили большие усилия к восстановлению дамб, и, видимо, эта работа была быстро завершена, так как в *Pekin Gazette* от 23 и 24 апреля 1872 года мы находим петицию трону от губернатора провинции Шаньдун об окончании работ. В эдикте, вслед за тем изданным императором, губернатора Шаньдуна весьма хвалили за проявленную им активность. Тридцать других мандаринов пожаловали титулами и павлиньими перьями. Чтобы умиротворить бога реки, император возжег на алтаре в храме ароматические свечи. Учитывая изгибы Хуанхэ, кажется, что она не может быть намного короче Янцзы.

Чжуцзян, или Жемчужная река, или, как ее чаще называют, Гуандунская (Кантонская) река, по своим размерам не может сравниться с Янцзы или Хуанхэ, но все же это достаточно длинная и очень важная река. Бесчисленные торговые суда, большие и малые, самого разного вида и назначения, пересекают ее воды и доставляют большое множество всяческих товаров в разные части провинций Гуандун и Гуанси. Строго говоря, существует три рукава этой реки, а именно: большой западный рукав, который называется Сицзян, Бэйцзян, или северный рукав, и Дунцзян, или восточный рукав. До 1859 года западный рукав Чжуцзяна был известен иностранцам разве только по названию, но в 1859 году для его изучения была организована экспедиция на канонерской лодке, которая достигла областного города Учжоу в провинции Гуанси. В результате была составлена очень точная карта. Сицзян, по которой я добирался до уездного города Тин-юань, лежащего за пятьдесят миль от областного города Учжоу, несет свои воды среди величественных горных кряжей.

Кое-где горы сжимают Сицзян в тесных ущельях, кое-где она разливается широкими озерами. Одно из самых великолепных ущелий – это Чжаоцинский перевал, как его называют иностранцы из-за близости к областному городу Чжаоцин – древней столице провинции. Китайцы называют этот перевал Фу-юн-гу. Он тянется на четыре мили в длину, его образуют горы в тысячу восемьсот футов высотой. Между их складчатыми и почти отвесными склонами стремительно бежит Сицзян, которая здесь становится настоящим горным потоком. После пограничного города Учжоу путешественник прибывает к первой из восемнадцати знаменитых стремнин. Во время пути к Тин-юаню мне пришлось миновать девять этих водопадов. Они образованы обширными уступами базальтовых скал, кое-где пересекающих реку, которая в этих местах имеет как минимум милю ширины. На стремнинах навигация сопряжена со значительными опасностями. Узкие проходы, через которые с достаточной степенью безопасности могут проплывать в разных направлениях суда, обозначены бакенами, которые стоят на скалах, выступающих со дна реки. В дождливое время года лодочникам, видимо, едва ли удастся направлять свои суда против течения. Судно с большой командой, на котором я плыл в сухой сезон, делало десять миль в день или меньше. Китайцы говорят, что у Гуандунской, или Жемчужной, реки бесчисленное множество названий; почти каждый плес имеет свое. Например, часть от Хуанпу до Бокка-Тигрис называется Фумэнь, от Кантона до Хуанпу – Жемчужная река, от Ши-мэня к столице провинции – Жадная река. Самую известную часть реки, знакомую иностранцам как Макаоский коридор, китайцы называют рекой Белого гуся. Своеобразный эпитет «Жадная» река получила много столетий назад, так как существовало поверье, будто любой, кто отведал воды из нее или использует эту воду для приготовления пищи, подвергается опасности вспылать неудержимой страстью к чужой собственности. Ни один порядочный человек не стал бы пить тамошней воды. Тем не менее в царствование императора династии Восточная Цзинь Фэй-ди (366 год) губернатор провинции Гуандун У Янь-чжи решил доказать народу абсурдность этого суеверия. Он торжественно проследовал в Шимэнь и принародно напился ужасной воды. Впоследствии губернатор продолжал исполнять свои обязанности верой и правдой, чем убедил своих суеверных подданных в том, что он не перестал уважать разделение собственности на *теши* и *туи* («мое» и «твое»). Среди менее значительных рек, вероятно, самые важные – это Байхэ, Миньцзян и Вампу, открытые для захода иностранных кораблей. Наверное, ни одна из многочисленных китайских рек не протекает через такие удивительной красоты места, как Миньцзян.

В Китае также множество горных рек, причем по большинству из них могут плавать лодки и легко нагруженные суда. Одна из самых интересных такого рода на юге Китая – это река, на берегах которой находятся уездные города Лунмэнь-юань и Цзэнчэн. Она впадает в Жемчужную реку недалеко от кумирни Боло, расположенной рядом с портом Хуан-пу. Один раз мне пришлось провести на этой реке семь дней. Насколько мне известно, ее пороги преодолевать труднее, чем на западном рукаве Жемчужной реки. Казалось, оживали знакомые нам картины канадских и американских стремнин. Другая горная река, по которой мне доводилось плавать, – это та, на берегах которой находится город Цзин-дэ-чжэнь, широко известный местной керамикой. Этот поток впадает в озеро Поян. От Цзин-дэ-чжэня до Хуангана река течет среди гор, причем некоторые достигают тысячи восьмисот и даже двух тысяч футов в высоту. На одном отрезке своего пути она принимает вид маленького озера^{154}. Путешествуя по Внутренней Монголии, я перебирался вброд через несколько мелких горных речек, и на меня произвели большое впечатление тамошние величественные пейзажи. Один из этих потоков, который, кажется, назывался Встречной рекой, так причудливо вился между стоящими рядом горами, что в течение дня мне пришлось переправляться через него не меньше тридцати раз.

В Китае множество каналов. Самый значительный из них Великий, или Императорский, канал был построен уже в VII веке и удлинен в XIII. Он течет через описанную выше большую плодородную равнину на северо-востоке империи, а от города Ханчжоу на 30° северной широты. Он течет (мало мест, где течение незаметно) на расстоянии семисот миль к городу Линцин, где соединяется с рекой У Хэ. В некоторых местах его ширина довольно значительна, в других он очень узок. Водоотводы и ручьи, которые соединены с ним, так многочисленны, что он играет важную роль в осушении и ирригации близлежащих земель. Как и у всех китайских рек, его берега усеяны большими и маленькими городами, а также деревнями. Из-за невероятной плодородности почвы и преимуществ внутренней навигации Великая равнина, через которую он протекает, стала одной из самых густонаселенных и цветущих частей Китайской империи.

Реки и каналы часто укрепляют, делая высокие насыпи, чтобы предотвратить наводнения. Эти дамбы, которые иногда сооружают из земли, а иногда – из камня, представляют собой воплощенные памятники энергии и предприимчивости китайцев прошлых лет. На разных притоках Гуандунской реки я видел много таких больших сооружений. Самые важные из них расположены в Лю-гу-гуне, Го-цзи и Чжу-цзи-тоу. Рядом с горами Сицзяо-Шань находится земляная дамба значительных размеров. Ее много лет поддерживали в хорошем состоянии на проценты с суммы в восемьдесят тысяч лян, которую с этой целью император Цзя-цин поместил под высокий процент в многочисленные кантонские ломбарды. Вскоре после этого богатый горожанин по имени У Юаньлань потратил сто тысяч лян на укрепление этой дамбы камнями. Император Цзяцин присудил ему высокую ученую степень. Недалеко от Кантона находится похожая дамба под названием Ши-го-вэй. Если она будет разрушена, воды Жемчужной реки, как утверждают кантонцы, затопят западные районы этого древнего города. Подобные плотины я видел в Фэн-лэ-вэй и Сы-май-коу в шелковых районах Гуандуна. Чтобы достичь высшей точки плотины от реки, иногда приходится подняться на шестьдесят или семьдесят гранитных ступеней. Обширные равнины, по которым течет Янцзы, тоже защищены дамбами на некотором расстоянии друг от друга. В 1861 году партия путешественников предприняла попытку перейти по суше из Китая в Индию. В письме к издателю North China Gerald они рассказывали, как «дошли до огромной равнины, которая занимает все расстояние от Ханькоу до северного берега Янцзы», и обнаружили «столь низкое ее расположение, что наводнение предотвращало лишь наличие огромных древних дамб»; иногда они рушатся, что приводит к бедствиям. На тринадцатый год правления императора Даогуана дамба Ши-го-вэй на рукаве Жемчужной реки обрушилась, и вода дошла до улиц западных предместий Кантона. На двадцать третий год правления того же императора насыпь Лоу-го-гун, заключающая реку Ханьцзян в русло на протяжении ее течения через часть Гуандуна, обрушилась, и воды затопили целый уезд. Говорят, император со всей щедростью выделил на ремонт дамбы двадцать четыре тысячи лян. В 1864 году она снова разрушилась, и воды смыли с лица земли несколько деревень. Был найден корабль, плывший по воде, в котором оказался мальчик нескольких месяцев от роду, рядом с ним лежал китайский кошелек с десятью долларами. Несомненно, деньги положили туда родители, надеясь на спасение малыша.

Реки и ручьи часто разливаются из-за сезонных ливней. В 1871 году это привело к большим несчастьям по всей стране. В северных районах империи тем же летом случались бедствия из-за того, что непрерывные дожди привели к разливу рек. Некий «гонконгский турист» так рассказывает о наводнении в письме к издателю China Mail от 25 августа 1871 года:

«Примерно на протяжении двадцати пяти миль вверх по реке можно видеть разрушительные последствия разлива: рухнувшие дома и затопленные поля. Но оценить в полной мере степень бедствия можно, только приблизившись к Тяньцзиню: высится одинокий

берег, за которым нет ни клочка сухой земли; виднеются лишь немногие деревья и глиняные конусы над местами упокоения усопших или островки расплывшихся глинобитных стен оставленных домов. Справа и слева от нас, насколько видел глаз, не было ничего, кроме водной глади, усеянной парусами торговых джонок, оставивших извилистое русло реки и напрямую плывущих к Тяньцзиню. Один или два примера нужны для того, чтобы передать представление о страданиях несчастных крестьян. Весь день шел проливной дождь. В одном месте я заметил несколько разрушенных домов. Среди сырых глиняных руин можно было видеть бедную женщину и ее детей, сбившихся под плетеным навесом. Они страдали не только от холода, но и от ливня, от которого не защищала жалкая временная крыша. Несложно вообразить мучения несчастных, лишенных крова, вымокших под дождем и продрогших от холодных ночных ветров, лишенных средств к существованию. Это лишь один пример из тысяч. Время от времени о результатах стихийного бедствия недвусмысленно свидетельствовали мертвые тела, плывущие по реке. Во многих местах потерян богатейший урожай, который должен был дать людям пищу и топливо на зимние месяцы. Цветники и фруктовые сады затоплены, и об их местонахождении свидетельствуют лишь сухие ветви персиковых деревьев, торчащие из воды. Видны лошади и коровы, теснящиеся на островках, где не осталось ни былинки, или бродящие по воде в тщетных поисках еды.

Тысячи пострадавших крестьян стекались в Тяньцзинь и искали временного убежища на стенах, каждому выдавали по двадцать монет в день и немного еды.

Один из самых скорбных и отталкивающих зрелищ – район Тяньцзиня: вода затопила долину мертвых, и десятки тысяч могил были размыты. Мы видели гробы, и плывшие по течению, и держащиеся над землей на шестах, и привязанные к деревьям. Иногда они были вскрыты, а их содержимое разбросано. Вспомнив, что эта вода находится во всеобщем пользовании, содрогаешься, думая, что может случиться от того, что ее пьют.

Закончу письмо предложением, чтобы это дело разъяснили богатым китайцам из Кантона и Гонконга, дабы они сделали какой-нибудь вклад для облегчения страданий их несчастных соотечественников на севере. Если в этом направлении будут предприняты какие-либо шаги, то это следует сделать как можно быстрее, чтобы за разрушениями, происшедшими от потопа, не последовал массовый голод».

Тем временем его императорское величество Тунчжи, встревоженный непрерывными дождями, издал эдикт, в котором принцам крови было велено приносить жертвы и молиться о хорошей погоде в различных храмах; сам он принял такие же меры в «храме, посвященном Высочайшему».

Другой императорский эдикт в связи с запиской некоего Хэ Туншэня назначал день всеобщей молитвы богам на двадцатое число восьмого месяца (4 сентября 1871 года) и повелел, чтобы чиновники щедро раздавали в своих уездах милостыню пострадавшим. Всем судьям и магистратам был разослан послания императора, где от них требовали милосердия при отправлении правосудия и немедленного рассмотрения всех имеющихся дел, с тем чтобы невиновных можно было выпустить на свободу.

Немало рек считаются священными, и им приносят в жертву овцу и свинью, иногда – дважды в год. Каждой из этих рек в это время «передают» сообщение императора. Его читает вслух глашатай в предполагаемом присутствии гения, или духа, реки, а затем это «послание» бросают в священный огонь – официальное вручение духу.

Насколько мне известно, единственная река, где возникает приливное течение или приливная волна, – это Цяньтан, рядом с устьем которой стоит крупный город Ханчжоу. Высота волны постепенно увеличивается, пока не достигнет города Ханчжоу, и после этого спадает. Ни одна джонка не может идти против этой катящейся водяной стены, которая иногда достигает десяти, а иногда даже четырнадцати футов высоты. Приливная волна возникает только

во время сизигийных приливов^{155}, особенно в седьмом месяце, поэтому китайцы, конечно, могут рассчитать, когда следует ее ожидать, и спасти себя и свои суда.

Течение многих рек прерывается живописными водопадами. У деревни под названием Пакшумчи уезда Цунхуа, провинция Гуандун, вода падает с высоты двухсот футов. В сухое время года воды там крайне мало. Вода из этого потока по длинным бамбуковым трубам течет к домам обитателей деревни. Рядом с озером Поян, примерно в четырех милях от Нанькана, столицы области с этим же названием, я видел два водопада, образованные потоками, срывающимися с отвесных склонов Лушаньских гор. Водопад, который китайцы называют Великим, срывается стремительным непрерывным потоком со скалы высотой двести футов. Малый водопад имеет ту же высоту, но он поменьше. Падение воды в нем прерывается скалистым выступом. Эти водопады следует посещать во время первого или второго сезона дождей, в сухое время года они совсем не так впечатляют. К высшей точке Великого водопада ведет подъем в тысячу двести футов по почти отвесному склону отрога Лушаньских гор. Оттуда открывается грандиозный вид на озеро Поян и на долину у подножия Лушаня. Внизу у Малого водопада расположен кристально чистый источник, вода из которого плавно скользит по скалам к озеру Поян. Рядом с этим источником в китайской беседке приятно предаться отдыху, укрыться от палящих лучей солнца. На скалах вырезаны китайские иероглифы – высказывания, посвященные великолепию окружающего пейзажа. Внизу, у Малого водопада, некогда находился большой буддийский монастырь, руины которого все еще свидетельствуют о его былых размерах и красоте. И наверху у Великого водопада есть руины буддийского монастыря. Там сейчас живут два или три монаха, ушедшие от мирских тревог. Рядом со Снежной долиной, которая находится в уезде Фэнхуа провинции Чжэцзян, есть три водопада. Высота первого из них, расположенного сразу же за долиной, достигает двухсот сорока футов, а высота находящегося подальше третьего водопада составляет примерно четыреста футов.

В Китае множество озер. Наиболее значительные из них – это По-янху, Дунтинху и Тайху. Два первых расположены на южном берегу реки Янцзы: Поян – в провинции Цзянси, на 116° восточной долготы, а Дунтинху – в провинции Хунань, на 113° восточной долготы. Поскольку эти озера прилегают к реке Янцзы, они образуют своеобразный резервуар для излишка ее вод и предотвращают опасность того, что разливы Великой реки станут такими же, как Хуанхэ. Говорят, озеро Поян достигает в сезон дождей почти триста миль в длину, и, поскольку в него вливаются не только воды Янцзы, но и других, менее значительных рек большая часть окрестностей представляет собой настоящее болото. Особенно это касается северо-восточной оконечности озера, и именно в этом причина отсутствия пышной растительности, которую, естественно, ожидает найти путешественник в краю, расположенном так близко к тропикам. Иногда внезапные бури превращают воды этого озера в море пенящихся валов. Действительно, неистовство, с которым они набегают на берег, где стоит Нанькан, так безудержно, что построили надежную гавань, обнесенную каменной стеной, чтобы там могли укрываться суда. В сухой сезон вода очень быстро отступает, и Поян напоминает не столько озеро, сколько реку, текущую по направлению к Янцзы между низких илистых берегов. С вершины пагоды Шан-ган рядом с областным городом Янчжоу открывается прекрасная и огромная панорама окрестностей, которые в сезоны дождей находятся под водой. В сухое время года китайские крестьяне, – возможно, слуги местных землевладельцев – строят соломенные шалаши на земле, с которой схлынула вода, и принимаются срезать грубую траву и тростник, которые обильно рождаются на плодородном осадке. Их сваливают в стога у хижин, а потом на лодках перевозят в соседние города, где и продают как горючее.

На озере Поян изобилуют водяные птицы – по большей части гуси, утки, чирки, гагары и пеликаны. На них охотятся местные птицеловы и затем продают на рынках городов, усыпавших берега Янцзы. При ловле этих пернатых птицелов прибегает к весьма своеобразным

методам. Иногда он закрепляет два мушкета в лодке с низкой осадкой и, ухватившись за корму, идет вброд или в случае необходимости плывет, мягко толкая лодку по направлению к птице. Подплыв на расстояние ружейного выстрела, он разряжает мушкеты в стаю птиц при помощи длинного фитиля. Другой способ охоты: птицелов пускает по воде несколько корзин, и, когда птицы к ним привыкают и начинают безбоязненно подплывать к ним, он надевает себе на голову такую же корзину и заходит в озеро. Постепенно он старается приблизиться к стае и прокрадывается в самую середину, затем внезапно раскидывает руки и обычно хватает пару птиц, которых сразу же кладет в плетенку за спиной.

Озеро Дунтин находится в двухстах пятидесяти милях от Поянху и, таким образом, в шестистах пятидесяти милях от берега моря. Множество рек впадают в это озеро, но поскольку в их воде нет такого количества песка и глины, как в тех, что текут в озеро Поян, их берега не так бесплодны. Озеро усеяно островами. Я был на том острове, которые китайцы, очевидно, считают священным местом. На нем много буддийских храмов, и священнослужителей. В их обязанности входит молиться у жертвенников, посвященных не только Будде, но и Дунтин Вану (таких несколько), или Царю озера. С высшей точки острова, холмистого и пересеченного отчетливо видными тропами, открывается прекрасная панорама. Я заметил, что там росло множество чайных кустов. Монахи любезно угостили нас этим освежающим напитком.

На так называемом Золотом острове много буддийских святилищ. Там тоже растет много чайных кустов. Поскольку считается, что выращенный здесь чай способствует долголетию, некоторое количество ежегодно отправляют в Пекин, во дворец, для его императорского величества.

Во время посещения озера Дунтин мои товарищи и я были атакованы разъяренной толпой, и нас чуть не убили. Вернувшись после поездки на лодке по озеру, мы прибыли в областной город Юэян, располагающийся на северном берегу. Мы шли по улицам города, окруженные толпой молодых людей и мальчиков, которых почему-то – мы не могли понять почему – очень раздражало наше присутствие. В районе города, где дома были разрушены во время восстания, они закричали: «Смерть заморским дьяволам!» Чтобы слово не расходилось с делом, они безжалостно забросали нас обломками кирпичей. Мой товарищ упал на землю, и я совершенно не понимаю, как вышло, что его голову не проломил один из тех камней, что сыпались на нас буквально дождем. Когда он смог подняться на ноги, мы бросились в дом некоего китайского господина, – а толпа гналась за нами по пятам, – и там хозяин разместил нас для большей безопасности в комнатах женской половины. Дамы совсем не были смущены нашим вторжением и проявили большую заботу о нашем спокойствии. Толпа продолжала яростно штурмовать дом, и мы решили, что целесообразно было бы бежать в ямэнь или официальную резиденцию префекта города. Мы вышли из нашего убежища через черный ход. Но нападающие, очевидно решившись покончить с нами, тут же выследили нас, и, когда мы начали спускаться вниз по дорожке, они угостили нас градом кирпичных обломков; право, достигнув подножия холма, мы были несколько удивлены, обнаружив, что еще живы. В этот критический момент чиновник, которому случилось проезжать мимо в паланкине, вышел, чтобы спасти нас, а потом проводил в ямэнь префекта. Этот сановник принял нас радушно и приютил у себя в комнате, устроенной в галерее при резиденции. Вскоре толпа за захлопнувшимися перед нею воротами пришла еще в большее неистовство. Префект, боясь, как бы не сломали ворота, велел перевести нас в помещение в центре ямэня, но было сочтено, что и там мы не в безопасности, и в конце концов нас привели в личные апартаменты префекта. В половине десятого (вечер был очень темным) нас проводили, предварительно переодев по предложению префекта в китайское платье, через черный ход по каким-то заброшенным садам в ямэнь военного мандарина. Этот офицер, у которого, по-видимому, под началом было немного солдат, взял нас под охрану, и, когда составила процессия вроде той, что

сопровождает китайских чиновников при въезде и выезде из города, нас отнесли в Юэчжоу в государственных паланкинах с опущенными шторами. За воротами ждала маленькая беспалубная лодка, на которой мы должны были отправиться к нашей джонке. Как только мы оказались в безопасности на борту, якорь был поднят, и в темноте нас перевезли в более дружелюбный город, точнее, в порт. Это случилось в ноябре 1865 года, а 24 августа того же года французский священник был убит разъяренной толпой в городе, расположенном неподалеку от Юэчжоу. Он, как и мы, пытался укрыться в доме местного дворянина, но, чувствуя, что оставаться там небезопасно, он ушел оттуда, чтобы добраться до ямэня префекта. По дороге его забросали камнями насмерть.

На юге провинции Цзянсу я посетил большое озеро овальной формы – Тайху. В окрестности оно имеет приблизительно двести шестьдесят миль. Его окрестности весьма интересны. К северу располагается обширный хлопковый район, а земли на юго-западе славятся зеленым чаем и шелком. Гончарную глину, из которой изготавливают лучший фарфор, добывают поблизости; то же характерно и для Цзин-дэ-чжэна на берегах озера Поян.

Помимо эти трех важнейших озер, во время своих странствий я посетил еще несколько подобных. Хотя многие из них были сравнительно невелики, но очень живописны. Они напомнили мне о прелестных озерцах, которыми по праву славится мое родное графство – Камберленд. Но ни одно из этих меньших озер не доставило мне столько радости, как то, что находится рядом с городом Ханчжоу. С трех сторон оно окружено нагорьями, а с четвертой возвышаются городские стены Ханчжоу. Оригинальная пагода возвышается на склоне холма над водами озера, на юго-западном берегу тоже находится подобное сооружение, по всей видимости очень древнее. На озере на меньшем из двух островков стоит опрятное строение в китайском стиле, где, как передают, император Цяньлун жил во время посещения Ханчжоу. Перед этим дворцом идет примыкающая к озеру широкая каменная эспланада. От материка к острову в центре ведут два декоративных каменных моста, соединенные хорошей широкой тропой. Была ли эта дорога сооружена в честь визита этого императора, мне установить не удалось.

Насколько мне известно, в Китае священными считаются три озера. Духи, якобы управляющие ими, входят в государственный пантеон божеств, и во время специальных молебний им приносят в жертву овцу и свинью. Кроме того, читают вслух обращение императора к гению озера, которое затем предают священному огню. Три озера, которым поклоняются таким образом, – это Дунтин в уезде Балин, провинция Хунань, Поян в уезде Поян, провинция Цзянсу, и Хунцзэ в той же провинции.

Геологическое строение земли в этой обширной и интересной стране пока мало кому известно, но в настоящее время на это пролили свет изыскания некоего ученого немецкого барона.

В течение нескольких последних лет подозрительность китайцев по отношению к иностранцам не давала последним проникать за пределы открытых по договору для внешней торговли портов. Однако со времени последней войны иностранцы в Китае живут в иных условиях: им разрешается путешествовать по обширной империи, прежде закрытой для них, с севера на юг и с востока на запад, хотя такие путешествия и не лишены опасностей.

В качестве иллюстрации опасностей, каким подвергаются путешественники при нападениях грабителей во многих диких и горных районах в глубине страны, осмелюсь привести здесь один эпизод, подробности которого вряд ли изгладятся из памяти участников.

В 1862 году, 12 декабря, преподобный Джон Престон из Английского уэслианского общества, покойный преподобный У.С. Бонни из Американского пресвитерианского совета и я отправились из Кантона в путешествие в глубь страны. Мы собирались проехать через северозападную часть провинции Гуандун и проникнуть в провинцию Цзян-си по дикому узкому ущелью, которое носит название Драконья шея. В течение первой недели наше путе-

шествие шло очень удачно. Когда мы приехали в город Цунхуа, главный магистрат уезда предупредил, чтобы мы ни в коем случае не ездили дальше, поскольку окрестности наводнены грабителями. Тем не менее, сочтя, что это очередной крик «Волк! Волк!», когда на самом деле никакого волка нет, или же мандарины просто решили задержать нас, мы возобновили наше путешествие. Неподалеку от ущелья или лощины (длиной пять миль) нас остановили деревенские старейшины. Они сказали нам, что ехать через Драконью шею без сопровождения ни в коем случае нельзя: лишь за три дня до этого трое китайских путников были ограблены и убиты. Старейшины также сообщили, что велели кое-где поджечь заросли, чтобы разбойники не смогли там укрыться. Мы ответили, что готовы ввериться их защите. Они немедленно предложили, чтобы через ущелье к городу Сюэ-ди-бай нас проводили тридцать вооруженных молодых мужчин, тут же добавив, что каждому из этих храбрецов нужно будет заплатить по доллару. Это требование придало делу другой оборот, потому что мы намеревались проделать большой путь. Нам показалось, что утрата тридцати долларов нанесет слишком большой ущерб финансам, которые следовало экономить, поэтому мы решили не прибегать к предложенной помощи и пошли своим путем. Через ущелье мы прошли без приключений и поздравляли друг друга в надежде на то, что миновали самую опасную часть пути. Когда мы прибыли в Сюэ-ди-бай, местные жители встретили нас далеко не радушно. Многие (следует упомянуть о том, что это происходило вскоре после того, как наши войска ушли из Кантона) были грубы с нами, и никто даже не впустил нас к себе в дом. Возмущенные их поведением, мы снова сели на лошадей, и наша пятерка – мистер Престон, мистер Бонни, я и двое слуг – поскакала дальше, надеясь найти какую-нибудь гостеприимную усадьбу, где можно было бы переночевать. Мы не проехали и трех-четырёх миль, как наша надежда сбылась, и мы отлично устроились под кровом дружелюбного китайского крестьянина. Хотя у нас с собой была провизия (в Китае путешественники, как правило, считают целесообразным еду брать с собой), этот добрый человек настоял на том, чтобы забить кур, уток и поросенка, – принял нас очень радушно. Его дети тоже приветствовали нас, с удивлением первый раз в жизни разглядывая людей с Запада. Вечером, когда по соседним селениям разнеслась весть о том, что явились иностранцы, в доме собралось много народу, и исключительно ради того, чтобы посмотреть на варваров. Во время разговора с гостями мы заметили в толпе четыре или пять зверских физиономий, присутствие которых не предвещало ничего хорошего; они, вероятно, хотели узнать о том, куда мы собираемся двинуться дальше. Вообще, у толпы, кажется, сложилось мнение о том, что мы странствующие купцы, едущие на дальние рынки, чтобы потратить много денег на китайские товары. На следующее утро в восемь часов мы вновь сели на лошадей и отправились дальше, для пущей безопасности – в сопровождении ополченца. Наша экспедиция двигалась в следующем порядке: впереди двигался Престон в сопровождении слуг и ополченца, я ехал немного позади, а вслед за мной – Бонни, пополнявший свои путевые записки. Стоял ясный, теплый день; по обеим сторонам дороги поднимались покатые склоны холмов, поросшие грубой травой. Вскоре послышались сердитые крики; посмотрев вперед, мы увидели, что Престон исчез за поворотом, где дорога, прежде прямая, образовывала угол в форме буквы «V». Но ошибиться относительно того, что случилось, было нельзя. Были отчетливо слышны крики: «Убьем его! Убьем его!»; казалось, это кричала сотня глоток. Впоследствии мы узнали, что разбойников было двадцать пять. Я тут же направил свою лошадь вперед, в то время как сопровождавший нас ополченец счел своим долгом так же проворно поскакать в противоположном направлении. Когда я достиг места, где случилась беда, то оказался в центре круга мушкетов, нацеленных мне в голову. Когда подоспел Бонни, с ним немедленно обошлись так же. Теперь каждому пленнику пришлось иметь дело с теми, кто захватил его в плен; мужчина со злодейской внешностью подошел ко мне и агрессивно заявил: «Мне нужна твоя одежда». Я отвечал, что если она ему нужна, то ему придется снять ее с меня, сам же я ее не отдам.

Он сразу принялся примерять мою шляпу – она не подошла ему, и он швырнул ее на землю. Затем снял с меня пальто и жилет; тщательно осмотрев последний, часть облачения, в котором я нередко проповедовал пастве, разбойник явно решил, что этот предмет одежды подходит ему куда больше, чем мне. Надев его и застегнув до самого горла, он заявил, что ему нужно «Хуан цзинь, хуан цзинь» (желтое золото). В конце концов он оставил меня стоять, если можно так выразиться, в древнем галльском костюме. Как ни странно, главарь, наблюдавший и за жертвой, и за грабителем, энергично и дружелюбно жестикулировал, показывая, чтобы я не противился действиям его подчиненного. Это поселило во мне надежду в тот момент, когда, казалось, роковой исход близился. Но тут же подошел субъект мрачного вида, чье худое мертвенно-бледное лицо делала еще более отталкивающим обрамляющая его повязка из белого бинта. Разбойник сказал, косо глянув на меня: «Он забрал твою одежду, ну а я возьму твою жизнь». Он поднял ружье, но когда собрался нажать на спусковой крючок, мой верный слуга по имени Ахуа, ныне покойный, схватился за ствол и отвел дуло от меня. Все еще держась за ружье, Ахуа умолял разбойника ни в коем случае не стрелять в меня. Искренность и сила, с которыми этот преданный человек просил за своего «хорошего хозяина» (так он называл меня по доброте душевной), спасли мою жизнь. С тех пор мне не раз приходило в голову, что если бы я проповедовал о Христе с той же самозабвенной искренностью, с какой Ахуа убеждал горных разбойников пощадить меня, то обязательно убедил бы многих сойти с пути греха. Тут разбойники погнали нас через холм, причем к каждому пленнику было приставлено пять человек. При переходе через ручей Престон упал и сильно ушибся; он едва успел прийти в себя, как упал снова. По пути охрана Бонни стала обсуждать, не было бы более целесообразным избавиться от пленника, убив его на месте; тут наш друг сказал, что, по всей видимости, для нас наступило время примириться с Богом. Он попросил Престона прочесть вслух молитву, к которой мы могли бы молчаливо присоединиться во время перехода. Но Престон, ослабевший после падения, попросил меня взяться за это. Пока я молился, укравший мою одежду разбойник, который, несомненно, решил, что я скорее призываю возмездие на головы наших похитителей, чем возвышаю голос к Господу милосердному, угостил меня по голове тяжелым ударом дубовой палки, отнятой у Престона. В это время на склоне холма, по которому мы спускались, показалась еще одна группа разбойников. Они было собрались обратиться в бегство, решив, что захватившая нас шайка – это китайские крестьяне, с оружием в руках вышедшие против них; но тут один из наших похитителей крикнул им, что мы пленники и повода для тревоги нет. Это оказалась настоящая банда. Как только мы подошли, их вожак спросил главаря наших обидчиков, почему он не пристрелил пленных, и сразу же, не ожидая ответа, взял нас с Престоном на мушку – мы стояли близко друг к другу. Вновь показалось, что конец близок, и я сказал Престону: «Нам двоим придется умереть вместе; не отступим же и погибнем достойно». Как только я произнес эти слова, главарь нашей шайки, с самого начала выказывавший почему-то исключительную заинтересованность в сохранности моей жизни, приказал опустить ружья. Затем шайки разошлись, и мы продолжили спускаться в долину. По пути мы миновали пещеру; снаружи был зажжен костер, на котором явно готовили еду. Видимо, это было логово грабителей. После некоторого колебания относительно того, стоило ли останавливаться там, разбойники направились дальше и шли, пока не достигли самой низменной части долины. Там началась дележка нашей собственности. Парень, который отнял у меня почти всю одежду, снова подошел ко мне. Он не нашел желтого золота – мы несли его в дорожных сумках – и заявил, что, если я сейчас же не отдам денег, он вышибет мне мозги. Чтобы слово не расходилось с делом, он собрался ударить меня по голове, а я попытался отразить удар правой рукой. В этот момент главарь шайки бросился на моего мучителя и вырвал у него палку. В это время мы подверглись новой опасности. Банда, делившая трофеи, рассорилась, и за гневными словами вскоре последовали угрожающие жесты в наш адрес. Они наставили

ружья друг на друга. Кровапролитие казалось неизбежным, и нас тоже вряд ли пощадили бы, но вдруг их гнев утих, как летняя гроза, и они собрались отправиться дальше. Без нас? Казалось, что это было так, но мы едва верили в эту счастливую возможность. Не говоря ни слова, доброжелательным, хотя и бесцеремонным движением главарь шайки швырнул мне пальто, и вскоре мы увидели все уменьшавшиеся фигуры разбойников на противоположном склоне. Наконец мы остались в долине одни.

Теперь той же дорогой мы двинулись обратно. Одного из нашей группы так утомили восхождение и опасности, которые пришлось пережить, что он попросил нас сделать короткий привал, но мы ответили, что необходимо идти дальше не останавливаясь, чтобы разбойники, разочарованные скудной добычей, не вернулись отомстить нам, и он нашел в себе силы продолжить путь наверх. Мы продолжали идти, по возможности следуя направлению, откуда нас привели. На вершине мы остановились, но только присели, как услышали боевой клич; оглянувшись, мы увидели на некотором расстоянии другую банду разбойников. Очевидно, единственным выходом было ускорить движение. Через некоторое время мы пришли к месту, где высокая жесткая трава на горном склоне была примята в двух направлениях, так что нам пришлось думать, куда идти. Наши китайские слуги решительно стояли за одну из двух этих троп; поскольку я был не меньше уверен, что правильная дорога другая, возник спор. В конце концов, хотя друзья убеждали меня в том, что китайцы лучше знают дорогу, все-таки уступили моим настояниям и решили, что нам нужно держаться вместе, а слуг отпустили идти другим путем. Так наша партия разделилась, но не прошли мы и сотни ярдов, как Бонни, бросившись вперед и подняв с земли какие-то клочки бумаги, воскликнул: «Мы на верном пути!» Оказалось, что это были экземпляры молитвы «Отче наш» на китайском языке; он сказал, что сам дал листки с молитвой охранявшим его разбойникам, чтобы убедить их, что они захватили не странствующих купцов, а священнослужителей, когда они горячо спорили, стоит ли его убивать. Разбойники небрежно бросили их на землю, что сослужило нам хорошую службу. Это было почти буквальным исполнением слов царственного псалмопевца: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей».

Вскоре мы достигли того места, где на нас напали, и, когда один из наших слуг пинком опрокинул одну из больших закрытых корзин, забытых разбойниками, мы, к нашему удивлению, обнаружили бутылку хереса из нашего провианта. Безусловно, никогда с большим удовольствием не пили херес, чем тот, что по оплошности оставили наши похитители.

Однако на этом не закончились наши злоключения. На обратном пути мы остановились в доме гостеприимного крестьянина, у которого мы ночевали раньше, и он искренне пожалел нас. Вскоре мы отправились дальше – в Сюэ-ди-бай. В этой деревне быстро собралась шумная толпа, и нас повели в лавку, где торговали опиумом; ее незамедлительно заполнили туземцы в истовом желании полюбоваться на англичан с голыми ногами. Нам удалось выбраться, и, когда мы дошли до рынка, по пути услышав немало грубостей из толпы, несколько видных горожан предложили нам забраться на подмости, чтобы позабавить народ. Мудро это было или нет, однако я отказался, заявив, что не хочу, чтобы меня выставляли на всеобщее посмешище. Выбравшись из этой негостеприимной деревни, мы пришли к усадьбе, где жил капитан ополченцев клана Хэ. Его усадьба, как и все дворы в этой местности анархистов, была построена в виде крепостцы. Мы попросили его предоставить нам кров на одну ночь, и он сразу же согласился. Капитан сказал, что наслышан о наших несчастьях и с удовольствием поможет нам всем, что в его силах. Когда мы сидели в комнате на первом этаже, вокруг собралась толпа бродяг и жителей Сюэ-ди-бай, которая все время шла за нами следом. Хозяин любезно позволил Престону, который признался, что сходит с ума от сегодняшних событий, удалиться в комнату наверху. Вечером нас накормили очень жестким мясом буйвола, но его качество вполне компенсировалось количеством отличных овощей и риса, поданных к нему. Ночью, когда я лежал в постели, старейшины деревни, пришедшие

посоветоваться с нашим хозяином о том, что следовало предпринять, вошли в мою комнату и продолжили свой спор шепотом. Примерно в час ночи, перед уходом, они сообщили мне, что согласились выслать нас из уезда, для безопасности придав нам эскорт из тридцати ополченцев. Когда они ушли, а я как раз начал осознавать, как приятны темнота и тишина после всех треволнений, в моей комнате послышались крадующиеся, осторожные шаги. «Кто идет?» – воскликнул я. «Масса, масса, моя (то есть это я) – Ахуа, Ахуа». Это был мой верный слуга. «У вас нет штаны, – продолжал он несколько самодовольно, как мне показалось в данном контексте, – у вас нет штаны; вор забрал весь мой чау-чау (то есть багаж), но у меня есть пара чистые штаны. Я знать этот шум (то есть я предвидел такие неприятности). Я чоп-чоп (то есть быстро) вынуть эти чистые штаны из корзины и положить себе в куртку. Этот человек, вор, не видеть. У вас нет штаны. Моя платить вам (то есть я вам их отдам). Правда, эти штаны совсем первый сорт, чистые. Мытые, мытые. Не бойтесь. Первый сорт, чистые!» Я встал и, уверенный в том, что он говорит правду, надел китайские брюки.

Во время завтрака мы снова собрались вместе. Бонни спал в одной комнате с Престоном, которому теперь было гораздо лучше, хотя он все еще был измучен. Капитан сообщил нам, к какому решению пришли старейшины деревень и он сам. Они постановили, что нас в сопровождении тридцати ополченцев следует провести через Драконью шею. Однако, предполагая, что опасности могут подстергать нас и по выходе из ущелья, мы решили пойти в ближайший уездный город и там вверить себя попечению местных правителей. Тогда мистер Хэ согласился проводить нас к Лунмэнь-юань. Пройдя по гористой романтической местности, напоминающей шотландские районы Хайлэндс, и прибыв в город, мы обнаружили, что правитель уезда в отъезде^{156}. Как бы то ни было, его помощник учтиво встретил нас и любезно принял у себя, выразив свое сочувствие. Он охотно предоставил нам стол и кров, достал одежду. Перед тем как мы отправились в Кантон, он купил для нас некоторые необходимые вещи: расчески, зубные щетки и палочки для еды. Когда мы рассказывали ему о наших злоключениях, то изъяснялись на гуандунском диалекте, и присутствовавший при этом переводчик переводил наши слова на мандаринский, или придворный, диалект. Это не вызвало у нас удивления, потому что эти диалекты очень несходны. Но все же впоследствии мы были немало изумлены, когда один из местных старейшин, по крайней мере видный горожанин Лунмэня, вошедший во время нашей беседы, заговорил с мандарином на том самом диалекте, для понимания которого только что якобы требовался переводчик, – на самом деле, мандарин был кантонцем. Случай, надо сказать, весьма характерный.

Помощник правителя уезда достал две лодки: одну для нас, другую для наших слуг – и на следующее утро уже отплывали в Кантон в сопровождении самого мандарина. Мы плыли вниз по горному потоку, и часто встречавшиеся стремнины не давали нам заскучать. К тому же мы проплывали по местности, где люди испытывали острое негодование из-за недавней оккупации Кантона английскими войсками – этот город был гордостью южных провинций Китая. Когда мимо нас проплывали лодки, их экипажи осыпали нас проклятиями. В одном городе, где мы остановились, чтобы купить провизии (ею нас снабжал мандарин, который также покрывал все расходы), люди напали на нас, и, прежде чем мы отплыли, в одного из матросов был пущен с берега камень и поранил ему ногу. После этого мандарин сказал, что нам не стоит показываться и, сразу после купания, следует спрятаться под навесом.

Этот мандарин был человек с характером. Хорошо помню одну из бесед с ним об общественном положении женщин в Китае. Я указал ему на то, что только христианство способно предоставить женщине ее истинное место в обществе, и попытался убедить его в том, что для Китая было бы очень полезно, если бы его народ согласился освободить своих жен и дочерей от той зависимости, в которой они находятся сейчас. Мандарин отставил общественные установления своей страны и оплатил мне той же монетой, заговорив об опасностях и искушениях, которым подвергает женщин свобода, которой они насла-

ждаются в Англии; при этом он проявил определенные познания о состоянии английского общества. Затем в спор включились два моих друга, говорившие по очереди довольно-таки долго. Мандарин терпеливо выслушал их и, когда они закончили, продемонстрировал, какое впечатление произвели на него наши объединенные усилия: он вытянулся во весь рост и с выражением, которое легче представить себе, чем описать, заявил: «Мужчина подобен небу, а женщина подобна земле!» Мы расстались с ним в соседнем уездном городе, где нас вверили попечению местного правителя, который, как учтивый мандарин, снабдил нас всем необходимым – и деньгами, и провизией, а также позаботился о нашей безопасности. Этот факт заслуживает упоминания, поскольку служит доказательством добросовестности, с какой разные китайские чиновники придерживались духа договора, недавно заключенного с британским правительством.

На шестой вечер мы прибыли в рыночный город, обстрелянный несколькими канонерками ее величества во время оккупации Кантона, обитатели которого были полны ненависти к иностранцам. Нам не хотелось ночевать там, но оказалось, что плыть по этой части реки после наступления темноты невозможно, так как она кишит пиратами. Мы без приключений продолжили наше плавание утром и испытали самую горячую радость, снова оказавшись в Кантоне.

Во время длительного пребывания в Китае я не раз сожалел, что не занялся изучением геологии, когда был студентом последнего курса Кембриджского университета. Если бы я регулярно посещал лекции профессора Седжвика, то, без сомнения, приобрел бы обширные познания в этой области и смог бы донести до своих читателей ценные сведения, касающиеся геологических особенностей Поднебесной империи. Осмеливаясь все же высказаться о геологии Китая, я верю, что читатель отнесется ко мне с должной снисходительностью.

В южных провинциях Гуандун и Гуанси равнины, образующие плодородные и густонаселенные рисовые и шелковые районы, целиком состоят из отложений, чаще всего аллювиальных. На одной из таких равнин в уезде Саныпуй я нашел множество раковин. Это свидетельствовало о том, что она образовывалась под водой. Горы в провинциях Гуандун и Гуанси, через которые течет западный рукав Кантонской реки, сплошь гранитные и сланцевые; часто они вздымаются отвесными остроугольными пиками. Таковы же горы на северо-востоке провинции Гуандун (в уездах Лунмэнь и Чаннин). В этих горах, как правило, гранит скрыт под известняком и песчаником. Некоторые холмы, примыкающие к озеру Поян, выглядят как дюны; когда их освещает закатное солнце, они похожи на груды золота. Насколько я понимаю, это гранитные холмы, покрытые песком, который наносится ветром в сухой сезон, после того как обнажается дно озера. Во время путешествия по западному рукаву Кантонской реки рядом с рыночным городом Юэчэн я видел большой известняковый холм, странно контрастировавший с окружающими его гранитными и сланцевыми образованиями. На этом холме, который, кажется, выше тысячи футов, множество людей работали в карьере, и в отсутствие вьючных животных женщины корзинами таскали глыбы известняка к печам. Печи стояли на берегах реки, а рядом с ними были пришвартованы большие баржи. Юэчэнский известняк можно шлифовать и использовать для ваяния. Почти во всех храмах этой части провинции есть идолы и курильницы из чисто-белого или из крапчатого мрамора. На равнине рядом с Чжаоцином, городом на той же реке, я видел семь больших известняковых скал, достигающих приблизительно двухсот пятидесяти футов в высоту, что выглядит весьма своеобразно. Гуандунцы называют их Ци-син-янь, то есть скалы Пяти звезд. Их считают одним из семи чудес провинции Гуандун. Осмотрев их, я нашел там большие пещеры. Одна из них, как я увидел при свете факела, идет через всю скалу. Верхний свод этой пещеры украшают сталактиты самых причудливых и прекрасных очертаний, преддверие ее используется как храм. Я видел стоящий над алтарем идол популярной богини Гуаньинь. Помню, как на одном из этих известняковых холмов, носящем название Седельный, я заметил рабо-

чих, изготавливавших известь для нужд земледелия. Несколько холмов такого же рода в уезде Хэюань народу пользы не приносят, поскольку мандарины настрого запретили добывать там известняк, чтобы не повредить благоприятному геомантическому влиянию, которое они якобы оказывают на окрестности.

Самая большая из пещер, которые мне удалось посетить, находится в Цзилуне на острове Формоза. Через несколько лет после этого, когда я путешествовал по центральным и северным провинциям, мое внимание привлекли несколько гротов на Серебряном острове, который находится на реке Янцзы неподалеку от города Чжэньцзяна. Я посетил небольшой грот, где находился идол бога Чжу-Янь-Чжи, одного из китайских второстепенных водяных божеств. Ему нередко молятся, чтобы предотвратить разливы великой Янцзы. Рядом с этим гротом расположен большой буддийский монастырь, который, как и грот, дважды посещал император Цяньлун Хуан. Перед храмом установлены две таблички, на каждой из которых выгравировано изречение императора. Каждая табличка стоит под куполом, крытым ярко-желтой черепицей в знак царского достоинства. В нескольких главных покоях монастыря были размещены женщины, вынужденные искать там убежища, их деревню затопила река – Дитя океана. Неподалеку от грота находится кладбище. Я нашел там среди многих прочих три могилы, где были погребены британские моряки.

На Золотом острове, тоже на Янцзы, есть два грота. Можно, кстати, заметить, что китайцы всегда высоко ценили этот остров, и не только за его святость и красоту, но и за то, что его чтили несколько императоров. В одном из гротов жил буддийский отшельник, который, как мне сообщили, не ложился в течение года и ни с кем не общался. Когда я разговаривал с ним, он поведал мне о своем горячем желании достичь нирваны. Чтобы сделаться достойным этого, он и сокрушал свое тело с душой. На двери грота виднелись четкие иероглифы «Цзи» и «Цзин» – «покой» и «молчание». В двери было проделано окошко, через которое отшельнику подавали еду. Внутри он сам записал большими иероглифами на стенах грота принятые им священные обеты. Рядом с этими гротами находились три плиты, на которых были выгравированы фразы, по преданию составленные Цяньлун Хуаном, трижды посещавшим Золотой остров, как и Серебряный, и каждый раз оставлял пожертвования на ремонт некоторых монастырских зданий и пагоды поблизости от гротов. В трещинах и по краям этих гротов лежал сломанный тростник – так было и на Серебряном острове. Его оставляли здесь пилигримы и молящиеся, которые страдали от ужасного недуга, который носит название брайтовой болезни (воспаление почек), или хотели избежать его.

В 1865 году я посетил гроты рядом с Нанкином вместе с капитаном Маклеодом с транспортного судна «Вильяметта», принадлежавшего китайскому правительству. Этих гротов было семь. Первый из них находится приблизительно на расстоянии полутора миль от города. Второй расположен неподалеку от первого; его площадь составляет тридцать пять на двадцать один фут и высота пятнадцать футов. Этот грот находится на склонах известнякового холма; от подножия холма к нему ведет крутой неровный подъем в пятьдесят футов. Мы нашли там разбитого гранитного идола над полуразрушенным кирпичным алтарем. Вероятно, в этом гроте побывали повстанцы, ярые борцы с идолами, многие годы возмущавшие спокойствие в этой части империи. На стенах грота я заметил записанное китайскими иероглифами стихотворение. Как я узнал, его написал какой-то поэт – солдат императорской армии. Он описал красоты пещеры, далее, в волнующих строках, радовался тому, что недавно Нанкин был отбит у мятежников, и не потому, что город снова был свободен от тревог и опасностей войны, но потому, что установление мира позволило ему насладиться истинным удовольствием от посещения такого своеобразного и интересного места, как грот Эр-тай-дун. Расположенный неподалеку третий грот называется Сань-тай-дун, он самый интересный из всех виденных нами. В центре его находится маленькое озерцо с ключевой водой, через которое перекинут каменный однопролетный мост, на наивысшей точке

которого стоит каменный идол Будды. Вероятно, лучшие дни этот идол знавал до восстания, потому что хотя его голова и находилась здесь, но была отбита от туловища. По очень неровным ступенькам можно подняться к большому естественному проему в стене, через который, как нам сказали, дух идола время от времени отлетает в рай. Седьмой грот, как и шестой, – это всего лишь изрытый трещинами обрывистый склон известнякового холма; местное население относится к нему с суеверным трепетом. На склоне холма я заметил мраморную плиту, где было высечено изображение богини милосердия. Над плитой было выгравировано несколько китайских фраз. Какой-то буддийский монах рассказал мне о том, что их сочинил первый министр императора династии Мин, чья полуразрушенная могила к юго-востоку от Нанкина представляет собой одну из местных достопримечательностей. В расщелинах этих гротов мы обнаружили сломанный тростник, оставленный паломниками.

Китайский трактат, рассказывающий о различных интересных местах, какими может похвастаться провинция Цзянси, упоминает о гроте, расположенном в нескольких милях от Нанькана, областного города на берегах озера Поян. Местные анналы, на которые я ссылаюсь, конечно, склонны рассказывать о чудесах; так вот, там сказано, что в этом гроте есть отверстия, через которые свирепые ветры дули с громким свистом, что некоторое время оказывало самое пагубное влияние не только на разные плоды земли, но и на самих людей, поэтому окрестные жители поставили в гроте идол богини милосердия. Один грот, который я посетил, в течение нескольких лет был обителью ученого затворника. Перед входом стояла каменная глыба в форме стола, вокруг которой были каменные сиденья. На поверхности стола было выгравировано изображение китайского чернильного прибора. Мне сказали, что тихими летними вечерами отшельник имел обыкновение здесь писать. По словам братии, он вел такую святую жизнь, что был взят живым в рай.

В окрестностях Кантона есть некоторые признаки вулканической деятельности. Многие скалы и холмы имеют очень причудливые очертания. Я могу упомянуть холмы у устья Жемчужной реки, которые, как говорят, имеют очертания тигра, поэтому эта часть реки носит название Тигровая. Рядом с деревней Суи-фэнь-чжэнь поблизости от Вампу (Хуанпу) я видел холм, необычайно похожий на лежащего льва; в той же местности мое внимание было привлечено другой возвышенностью, поразительно напоминающей голову и туловище слона. В деревне Цзинь-ча-лин, которая тоже расположена неподалеку от Вампу, я видел холм, который якобы поразительно похож на крысу. Одно время обитатели этой деревни были весьма склонны к воровству и причиняли немало беспокойства магистратам Кантона. Когда геоманты в конце концов решили, что это дурное пристрастие объясняется плохими геомантическими влияниями Лаошу-Шань, или Крысиной горы, на деревню, мандарины по предложению этих гадателей воздвигли обращенную мордой к горе огромную железную кошку! Этой дани благотворным влияниям семейства кошачьих якобы оказалось достаточно, для того чтобы противодействовать дурному влиянию вулканической крысы, которую природа, как бы помня о строчке *Parturiunt montes, nascetur ridi cuius mus*^{157}, породила в шутку. Железная кошка была водружена на свой ответственный пост в четвертый год правления императора Цзяцина, в 1800 году, провинциальным судьей и другими видными чиновниками Гуандуна. Она была отремонтирована на пятнадцатый год правления Даогуана, в 1856 году; этому удивительному стражу интересов правосудия придают настолько большое значение, что иногда чиновники провинции приносят ему жертвы и молятся перед ним. У противоположного въезда в деревню стоит железная статуя китайского чиновника, которая предположительно также оказывает благоприятное геомантическое влияние на жителей Цзинь-ча-лина, у которых столько соблазнов. В правую руку статуи вложен железный же веер, которым она якобы развеивает все вредные и пагубные для души влияния, какие только могут появиться в окрестностях. Эти удивительные предметы, само собой, должны напоминать жителям Цзинь-ча-лина о различии между *meum et tuum* (моим и твоим).

Рядом с Ляныпаньским перевалом, или Лотосовой пагодой, стоящей на берегах Жемчужной реки, то есть рядом со Второй заставой, расположен ряд скал, ясно свидетельствующих о прежней вулканической активности. Насколько я помню, они называются Ши-чэн, или Каменный город. В Вампу есть скала, которую из-за ее формы называют Каменной рыбой. Сразу перед ней я заметил скалу поменьше сферической формы. Мне сказали, что это Ши чжу, или Каменная жемчужина. Продолжая просвещать меня, проводник рассказал об этих двух скалах легенду, изложенную в анналах провинции Гуандун. Некогда на этом месте на берег выбросило большую рыбу, и в агонии она изрыгнула большую жемчужину. Он так рассказывал эту историю, что явно сам верил в происхождение этой окаменелости. Другое очень любопытное образование – это скала рядом с городом Дэцином, расположенным на берегах западного рукава Жемчужной реки. Эта скала носит название Памятник цветущей скрижали^{158}, имеет высоту восемьсот футов и напоминает очертаниями человеческую голову. С востока она кажется неприступной, но западная ее сторона представляет собой неровную и почти отвесную стену, по которой подъем возможен, хотя и сопряжен с большими трудностями. Я попытался взобраться на нее, но, когда начал подъем на высокий склон, у меня так закружилась голова, что дальше продвинуться не смог. Мой товарищ оказался более удачлив: с заметной легкостью и большим проворством он взобрался на вершину, таким образом совершив, по китайским представлениям, настоящий подвиг. По пути из Фэн-нин-чжэня в Жэхэ во Внутренней Монголии я наблюдал очень интересные геологические отложения поблизости от Чан-бо-коу. В Жэхэ мое внимание привлекла скала, образовавшая почти правильный перпендикуляр с поверхностью земли и возвышающаяся на несколько сотен футов. Среди самых своеобразных геологических образований следует упомянуть скалы Большой и Малый Сироты. На самой середине реки Янцзы, на расстоянии двадцати миль от места, где с ней протоком соединяется озеро Поян, стоит крутая известняковая скала в форме сахарной головы, которая называется Малый Сирота^{159}. На ее склонах стоит буддийский монастырь, где живут трое или четверо братьев. В озере Поян, на расстоянии семи миль от места соединения с Янцзы, стоит другая известняковая скала значительной высоты. Она называется Большой Сирота. Если смотреть на нее от рыночного города Ма-хуэй-чжэнь, ее очертания напоминают китайский башмак, и поэтому ее иногда называют также Башмаком^{160}. На ее вершине находятся развалины буддийского монастыря, рядом с которыми возвышается семиярусная пагода. Стоял сухой сезон, и из-за того, что воды озера отступили, мне пришлось приблизительно полмили пробираться вброд по густой грязи. Когда я бродил среди монастырских руин, из города Цзин-дэ-чжэня явился буддийский монах, чтобы вновь вступить во владение руинами, которые до разрушения их во время мятежа были обширной обителью. Монаху повезло больше, чем мне: он сидел в плоскодонке, которую толкали по грязи три или четыре лодочника. Среди руин уцелела лишь одна комнатка, которую мог занять этот благочестивый языческий отшельник, и она была так по-спартански проста, что в Лакедемоне в дни Ликурга могла бы считаться образцом совершенства. О здешних скалах китайцы рассказывают интересное предание, причем многие безоговорочно верят в его истинность. Рассказанная мне легенда повествовала о следующем. На реке Янцзы во время бури перевернулась лодка, где сидели родители с двумя детьми. Отец с матерью погибли на месте. Но большая лягушка, увидев барахтавшихся в волнах мальчиков, подплыла, чтобы спасти их. Дети уселись ей на спину, и лягушка поспешила к их дому, стоявшему на берегах озера Поян, но младший из сирот, горько печалившийся о безвременной смерти родителей, бросился в реку и утонул. Через некоторое время он превратился в крутой остроконечный пик, названный поэтому Малый Сирота. Добрая лягушка, тщетно пытавшаяся спасти обоих, продолжила свой путь вместе с оставшимся в живых мальчиком. Когда лягушка приплыла в озеро Поян и отплыла еще на семь миль, без-

утешный старший сирота в приступе отчаяния упал со спины лягушки в озерные глубины и утонул. Через некоторое время он принял вид большого утеса, который поэтому получил название Большой Сирота. Лягушка, отплыв на некоторое расстояние от места последнего несчастья, стала горько оплакивать свои напрасные усилия по спасению сирот и в нестерпимых муках испустила дух. Через некоторое время она тоже показалась из волн окаменевшей и получила название Лягушечьей скалы.

Китайцы утверждают, что в Китае с неба падает немало каменных метеоритов. Например, девять таких камней есть в городе Кантоне. Их называют «девятью звездными камнями». Возможно, в этом названии отражаются представления китайцев о том, что эти камни свалились или из созвездия Церберы, или из созвездия Тукана, или из созвездия Алтарь – каждое из них состоит из девяти звезд. Эти камни имеют различную форму, и на одном из них, как рассказывают, можно различить отпечаток большой человеческой ладони. Говорят, что на нем начертано стихотворение некоего Ми Юаньчжана, который жил при династии Тан^{161}. Как говорят, поверхность другого камня имеет такой вид, будто бы он покрыт пузырьками воды. Шесть из этих предполагаемых метеоритов в настоящее время в ямэне судьи-литератора, два – в ямэне провинциального казначея, один – в областном храме Конфуция в Гуанчжоу. Рассказывают, что первоначально эти метеориты находились на озере Тайху, откуда и были привезены по предложению предводителя повстанцев по имени Лу Чэнь, который со своими ордами захватил провинцию Гуандун. В течение нескольких столетий камни стояли на краю пруда, который не существует более; в то время он находился поблизости от двойной арки городских ворот Гун-бэй-лоу.

На стенах многих пещер и гротов, а также на утесах и причудливых скальных образованиях китайцы имеют обыкновение писать очень большими иероглифами прозаические фразы или стихи, которые обычно, насколько мне известно, говорят об изысканности и величии пейзажа. Эти тексты напоминали мне то, что я читал о «Долине письмен» («Вади Мухатаб») на просторах Синая. Я конечно, имею в виду оригинальные надписи, которые, как известно, выгравированы на скалах на неизвестном ныне языке. Очевидно, на этот оригинальный обычай писания на скалах намекает Иов, восклицая: «О, если бы записаны были слова мои! Если бы начертаны были они в книге резцом железным с оловом, – на вечное время на камне вырезаны были!» (Иов., 19: 23–24). Из китайских анналов явствует, что некто по имени Су Дунпо^{162}, живший в конце VII века н. э., во время правления Чжун-цзу-на – четвертого императора династии Тан, и его зять, некто Чэнь Сюэюй, начертали немало прекрасных стихов на многих наиболее замечательных камнях и скалах Китая.

Говорят, что Су Дунпо посещал и город Гуанчжоу (Кантон) и написал на входе в девятирусную пагоду слова «Лю-Жун-Сы» – «Монастырь шести баньяновых деревьев»; с тех пор монастырь, рядом с которым стоит эта пагода, известен под этим именем. Портрет того же Су Дунпо выгравирован на мраморной плите, хранящейся в Цзинь-шань-Сы, или монастыре Золотых холмов. Этот монастырь находится на расстоянии пятнадцати или двадцати миль от Кантона.

Кроме уже упомянутых мной следов вулканической активности, есть еще горячие источники Юнма; они находятся на расстоянии пятнадцати миль от португальской колонии Макао. Яйца, которые я опустил туда, всего за две минуты сварились вкрутую. Я наполнил этой водой бутылку, чтобы сделать ее анализ по возвращении в Кантон. Когда я уходил, несколько болтавшихся поблизости бродяг серьезно сообщили мне, что, если брать воду из источников, она остывает, и если я жду, что она будет продолжать кипение, меня ждет разочарование.

Кроме того, я был на горячих источниках в местечке Чжун-лин-тоу уезда Цунхуа. Люди, страдающие от кожных болезней, омывают тело водой из этих источников, которая высоко ценится среди окрестных жителей. Ею время от времени пользуются и для других

нужд. Рядом с ними нередко забивают коз и свиней, чтобы обварить водой их туши, которые иногда требуются в больших количествах для многолюдной свадьбы или для похорон, поэтому здесь иногда можно видеть разбросанную по берегам шерсть этих животных. В Фучжоу есть горячие источники, к которым пристроены купальни. Их водами пользуются люди, страдающие кожными болезнями.

Кроме этих сернистых источников, которые высоко ценят китайцы, существуют и ключи, которые суеверные китайцы считают священными. В одном только Кантоне множество таких источников. Один из древнейших называется Солнечным колодцем, потому что предполагается, что и ночью на его поверхности часто можно видеть нечто вроде отражения солнца. Этот источник считается настолько священным, что из него запрещено черпать воду. В конце концов тут был воздвигнут храм, посвященный языческому божеству Лун-вану, или Царю драконов, и пьедестал, на котором стоит идол, теперь водружен над самим ключом.

Следующим по важности считается Лунный колодец; кантонцы уверяют, что на его поверхности якобы видели отражение ночного светила. Людям запретили тревожить священные воды, и там был возведен храм языческой богини Цзиньхуа, а над самим источником поставлен ее идол на пьедестале. Есть еще и Звездный колодец; когда здесь работали бурильщики, оттуда взмыл в воздух похожий на звезду огненный шар.

Цзи-па-цзин, названный так, поскольку был обнаружен, когда курица рылась в земле, к счастью, не был почтен идиолом на пьедестале, и поэтому приносит горожанам большую пользу. Говорят, что он был раскопан по инициативе некоего Ин Цзуна, который не так любил чай, как воду. Воды этого колодца, расположенного поблизости от малых северных городских ворот, часто используют для вываривания шариков опиума; с этой целью ее увозят в деревни, находящиеся на значительном расстоянии от Кантона. К этому колодцу приставлен сторож, который берет небольшую плату с каждого, кто хочет зачерпнуть оттуда воды. Бывший страж этого неиссякающего источника как-то в 1854 году подстрекал нескольких недружелюбно поглядывавших бездельников, стоявших неподалеку, убить и ограбить бывшего епископа Виктории Смита, ныне покойного преподобного Уильяма Сэмюэля Бонни и меня, когда мы проходили мимо.

Еще один из священных кантонских колодцев, считающийся древнейшим, – это Девятиглазый колодец, названный так из-за того, что в нем имеется девять отверстий. Согласно китайским анналам, он был вырыт неким Чжао То, который когда-то, при династии Хань, владел землями Гуанчжоу. Первоначально он был одним из министров императора Ши Хуанди, который выстроил Великую стену. Чжао То, по преданию, дожил до почтенного возраста – ста двадцати лет; его долголетие приписывали действию этой воды, которую он имел обыкновение пить в изобилии. Одно время все мандарины, приезжавшие в Гуанчжоу на новую должность, начинали свою деятельность с того, что пробовали эту воду. Этот колодец очень глубок, и воды в нем всегда довольно.

Я привел типичные образцы историй, какие связывают с китайскими колодцами. Как бы то ни было, один из них, с которым связано самое ребяческое суеверие, находится во внутреннем двореке ямэня, или официальной резиденции, префекта области Чжаоцин. Этот колодец многие века был завален большими камнями, потому что там предположительно живет злой дракон Гуань-лун. Говорят, что это чудовище напускало на всю округу мор и землетрясения, пока несколько сотен лет тому назад префект по имени Пэй Вэньжэн не сбросил его в этот колодец; чтобы заточение лютого дракона было вечным, каждый следующий правитель области (префект), вступая в должность, прикладывает свою печать к наваленным над колодцем камням. Чудовище не одиноко в своем заточении, потому что многие дьяволы и злые духи присоединились к нему в этой тюрьме; и как бы они туда ни вошли, выйти они не могут.

В этой главе я упоминал о следах вулканической активности. То, что она все еще продолжается, пусть и очень слабо, доказывают землетрясения, время от времени случающиеся в разных частях страны. Они нечасты и лишь очень редко имеют серьезные последствия. За время моего двадцатилетнего пребывания в Китае я только два раза был свидетелем землетрясения. Первое из них случилось в 1854 году. Постель, на которой я спал, как-то утром затряслась так сильно, что я решил, будто под ней отряхивается большой ньюфаундленд. Я был так в этом уверен, что даже заглянул под кровать, чтобы проверить, кто туда забрался.

Второе землетрясение случилось в 1860 году. В ту минуту я сидел за завтраком в маленькой комнате верхнего этажа в китайском доме, где я тогда жил. Там не было потолка, и я увидел, как стропила, поддерживающие крышу, легонько покачиваются. Находившиеся в комнате два чайных столика, на которых стояли две мои любимые фарфоровые вазы, затряслись так, что я испугался: вдруг вазы разобьются. Мои китайские слуги в большом испуге поспешно выскочили из дома. Я быстро последовал за ними и на улице обнаружил группу моих китайских соседей, которые, по всей видимости, были очень испуганы. Один из них с искаженным от ужаса лицом заметил, что это большой дракон ползает под землей. Сие серьезное утверждение, которое европейцу трудно было слушать без смеха, как я увидел, нашло горячее сочувствие среди его соотечественников.

В Чжэньцзяне, порту на берегах реки Янцзы, землетрясение случилось ночью 24 июля 1872 года. Чжэньцзянский корреспондент *North China Daily News* описал его так: «Прошлой ночью здесь случилось землетрясение, несколько ошеломившее нас. Где-нибудь в Маниле или в Японии, где к таким вещам привыкли, его, пожалуй, и не заметили бы, но я вас уверяю, что для нас оно было достаточно серьезным, и мы совсем не мечтаем о его повторении. Согласно судовым часам корабля ее величества «Leven», оно началось без десяти восемь пополудни и продолжалось пять секунд. В тот момент я лежал в кровати, и сначала мне показалось, что диван приподнялся, будто из-под него хотела выбраться большая собака. За этим последовало волнообразное движение, которое сопровождалось низким рокотом и дрожанием всего в комнате. Когда началось землетрясение, один мой друг лежал в шезлонге на веранде, и ему показалось, что дом встряхнуло так сильно, что он вскочил, едва ли не ожидая падения части крыши из-за шума, раздавшегося над головой. Если шум может быть показателем направления землетрясения, то я бы сказал, что оно шло с севера на юг: платяной шкаф в моей комнате задрожал первым, а когда он обрел прежнюю невозмутимость, от него, кажется, заразилось трюмо, которое тоже начало трястись. Большому толчку предшествовали два маленьких, но они были почти незаметны. Один из коллег, живущий в этом городе, говорит, что он видел, как тряслись опоры его дома. Туземцы утверждают, что так сильно землю здесь не трясло уже восемнадцать лет, а во время прежнего землетрясения на улице некоторые прохожие падали ничком». Три упомянутых землетрясения не отличались большой силой, но из отчета мистера Лоу, американского посланника в Китае, в мае 1871 года направленного государственному секретарю США в Вашингтон, явствует, что 11 апреля того же года в провинции Сычуань произошло разрушительное землетрясение. Вот что пишет мистер Лоу об этом землетрясении (цитирую по *Nature* от 22 июня 1871 года): «Батан находится на возвышенности за пределами провинции, примерно на двести миль западнее Литана и примерно в тридцати почтовых станциях от уездного города Да-цзян на Тибетском тракте. Около одиннадцати часов утра 11 апреля в Батане произошло такое сильное землетрясение, что были полностью разрушены правительственные здания, храмы, амбары, каменные дома, склады, укрепления и все обычные жилые дома, а также монастырь Динлинь. Единственным исключением было стоявшее на участке этого монастыря здание под названием Да-чао, оно осталось нетронутым. Некоторым солдатам и горожанам удалось спастись, но большинство жителей были раздавлены и погибли под деревянными и каменными обломками. Кроме того, внезапно город загорелся в четырех местах. Ветер раздувал

огонь, пока небо не потемнело от дыма; рев пламени смешивался со стенаниями безутешных людей. 16-го числа пламя спало, но под землей все еще слышался рокот, похожий на отдаленные раскаты грома, а земля дрожала и качалась, как корабль в бурю. Ко многим горестям пострадавших следует прибавить ужас тысяч жителей; однако в течение десяти дней все успокоилось, движение земли затихло. Сборщик зерна в Батане говорит, что за несколько дней до землетрясения залило плотины, земля потрескалась во многих местах, и из трещин потоком лилась черная зловонная жидкость. Если протыкали землю, оттуда мгновенно брызгал фонтан, как в соляных и нефтяных колодцах в восточной части провинции. Это объясняет, почему после землетрясения в Батане случился пожар. По приблизительным оценкам, было разрушено два больших храма, контора сборщика зерна, ямэнь местного магистрата, монастырь Динлинь, почти семьсот морских саженей храмовой стены и триста пятьдесят одно внутреннее помещение; шесть меньших храмов, всего включавших двести двадцать одно помещение, а также тысяча восемьсот сорок девять помещений и домов простонародья. При катастрофе погибло две тысячи двести девяносто восемь человек, включая солдат, в том числе местный магистрат и его помощник. Землетрясение ощущалось на востоке от Батана вплоть до Пан-ча-хемута, на западе – до Нань-туна, на юге – до Линь-цза-ши и на севере – до соляных колодцев в Атим-тозе, то есть заняло площадь более четырехсот миль. Оно возникло одновременно во всем этом регионе. Кое-где крутые холмы раскалывались и опускались в глубокие расселины, в других местах небольшие возвышенности на равнинах обращались в отвесные утесы, а дороги и тракты были загромождены и сделались непроходимыми. Люди были разорены и рассеялись по всей округе, как осенние листья. Это бедствие для людей Батана и окрестностей действительно стало одним из самых горестных и разрушительных, какие когда-либо знал Китай».

Китай отличается многообразием земной поверхности и богат минералами и металлами. Очевидно, каменный уголь находят в изобилии почти во всех районах империи. В провинции Гуандун есть несколько уездов, где добывают каменный уголь. Главный и важнейший из гуандунских районов добычи угля находится в уезде Хэюань.

Этот уголь находят во многих низких холмах из песчаника. Осенью 1861 года я имел удовольствие посетить шахты. Четыре из них располагались поблизости друг от друга. Шахтные стволы трех были не широки, но имели двести футов глубины. Но ими больше не пользовались, и они были затоплены. В четвертой шахте, по всей видимости, не было рабочих. Когда я выразил желание спуститься туда, мне сообщили, что приставные лестницы уже убрали. В Китае шахтные стволы разделены на несколько этажей, или ярусов, отстоящих друг от друга на двадцать футов. Углекопы спускаются туда и возвращаются наверх при помощи приставных лестниц. Тут же поблизости, на склоне холма, находилась другая шахта, которая, как я обнаружил, имела вид небольшой спиральной штольни. Крышу поддерживали деревянные стропила, укрепленные на деревянных же опорах. Рабочих там было занято немного. Оказалось, что уголь, который добывают в этой местности, невысокого качества, и возгораемость у него примерно такая же, как у антрацитовой мелочи или кускового антрацита. В окрестностях Кантона находят также наземный уголь. В Хуади – это городское предместье – есть несколько больших складов для хранения каменного угля, куда его в немалых количествах привозят из города Индэ, расположенного на берегах северного рукава Жемчужной реки. Уголь привозят в повозках, запряженных быками, на берег реки, а оттуда переправляют к складам на баржах.

Я посетил также несколько угольных шахт в формозском городе Цзилуне, точнее – в его угольной гавани. Они устроены как галереи и явно содержат много угля. Здесь крышу штолен поддерживают не деревянные стропила и опоры, а колонны из земли или пластов угля, которые специально оставляют здесь для этого. Когда я был в Цзилуне, углекопы, работавшие в соседней шахте, нечаянно проломили среднюю стенку отсека и неожиданно перед

ними оказался прекрасный угольный пласт, по этому поводу тут же завязалась ссора и драка. Один из углекопов был так покалечен, что, когда выбрался из шахты, сразу умер.

Угольные копи рядом с Нинбо в общем гораздо обширней, чем те, что находятся в более удаленных к югу провинциях. На каменный уголь в Китае спрос небольшой; в какой-то степени он находит применение при плавке железа. В городе Фошань, этом Бирмингеме провинции Гуандун, потребляют немало угля из уезда Хэюань. По пути из северной провинции Чжили в Лама-мяо, во Внутренней Монголии, я проезжал мимо нескольких верениц верблюдов, которые везли каменный уголь в Пекин из обширных угольных копей в окрестностях Цзи-мина. Поблизости от этого города я видел также пласты каменного угля, песчаника и глинистого сланца вперемешку со слоями антрацита. Я видел пласты угля рядом с городом Шуньхуахэ, который раньше был летней резиденцией монгольских императоров. На этом этапе моего путешествия я видел также немало порфира; то же самое мне попадалось в Чжан-цзя-коу.

Поблизости от Нючжуаня в Маньчжурии тоже есть угольные разработки. Нючжуаньский корреспондент «Шанхайского курьера» в письме от 3 апреля 1872 пишет о местных угольных разработках следующее:

«Некоторое время назад я уже писал об угле, который добывают в этой местности. С тех пор я узнал много его разновидностей. На шахтах, расположенных на расстоянии от восьмидесяти до ста двадцати миль от этого порта, добывают битуминозный уголь и антрацит. Углем, который там добывают, обеспечивают город Мукден (Шэньян) и его окрестности, а также широко используют для выплавки железа – поблизости от угольных шахт и рудников находится много печей. Лучший уголь добывают в районе Пиньсуху, который отстоит от Нючжуаня примерно на сто двадцать миль. Он напоминает кардиффский уголь: отлично горит, дает много тепла и не дымит. На самом деле это как раз такой товар, какой оценили бы вы в Шанхае; он подходит не только для паровых двигателей, но и для хозяйственных целей.

Уголь везут сюда все время в повозках – причем в каждую умещается от полутора до двух тонн, – каждую тащат шесть пони, которыми управляют два возницы. Уголь можно перевозить только зимой, когда дороги подмерзают, потому что летом на этой равнине дороги – настоящая топь, и колеса вязнут в колеях до самых осей. Если вы учтете стоимость шести животных, их прокорм и затраты на содержание, а также стоимость найма двух возниц на четыре-пять дней, которые отнимает дорога, и амортизацию повозок, станет очевидным, как много добавляет к цене угля его перевозка. И все же его продают здесь по одиннадцать долларов, в то время как обычный уголь, который требует сильной тяги, идет по восемь долларов за тонну.

В Пиньсуху несколько шахт, принадлежащих одной компании. На добыче угля, его транспортировке на поверхность, взвешивании, погрузке и других работах там трудятся около двух тысяч человек. Каждый из носильщиков за раз выносит на поверхность по две корзины примерно с семьюдесятью цзинями каменного угля. Таким неудобным способом они ухитряются выносить на поверхность приблизительно по двести пятьдесят тонн в день; но это продолжается только в сезон холодов, то есть приблизительно четыре месяца в году. Шахты невелики: размером примерно пять-шесть футов на четыре-пять. Крыша надежно укреплена сваями. Если бы шахты были шире и в них применяли бы паровой двигатель, рельсы, вагонетки и лебедку, ежегодная добыча возросла бы так, что можно было бы полностью удовлетворить нужды и иностранцев, и коренных жителей. Кроме того, поскольку самую большую часть цены составляет доставка угля в наш порт, ее тоже можно было бы значительно уменьшить. Пока не будут обустроены обычные пути или построены подвесные, или даже железные дороги (!), уголь можно было бы привозить зимой на берег ближайшей реки и складывать там в кучи, а когда реки вскроются, привозить сюда в плоскодонках – их здесь много. Таким образом цена уменьшится на четверть или даже вполовину. Все,

что для этого нужно, – решение властей. Деньги достать нетрудно, а дальше все пойдет как по маслу. В Линьяне, который находится примерно в ста девяноста милях отсюда, в шахтах добывают битуминозный уголь. В окрестностях также немало железной руды; кроме того, говорят, что этот край богат золотом».

Поскольку для хозяйственных нужд каменным углем не пользуются, существует большой спрос на древесный, и на холмах ежедневно можно видеть углежогов. Склоны холмов в Паньюе, Хэюане и Цун-хуа – уездах провинции Гуандун – усеяны их кострами. А на склонах Лушаньской гряды в провинции Цзянси почти во всех деревнях в основном живут углежогии. Дома таких рабочих узнать легко: перед ними навалены груды угля.

На острове Формоза расположены многочисленные серные разработки. Немалое количество серы привозят на материк, где она быстро распродается, поскольку китайцы активно употребляют ее при белении, дублении, в красильном деле, а также при изготовлении пороха и фейерверков.

Среди самых важных минералов китайцы числят юй-ши, или нефрит, который считается весьма ценным. В основном его используют для изготовления украшений. На одной из улиц западного предместья Кантона можно видеть, как гранильщики делают из этого камня серьги, кольца, шпильки, браслеты, броши и т. п. Для этого большие куски нефрита режут на кусочки с помощью проволочных пил.

Металлами эта страна тоже богата, но здесь не позволяют широко разворачивать горнорудные работы, так как правительство серьезно опасается, что это привлечет большие банды грабителей. Все же существуют правительственные золотые и серебряные рудники, которые, очевидно, весьма продуктивны, поскольку и золото, и серебро в широком обращении – не в виде монет, а как бруски и подковки. Драгоценности в Китае большей частью имеют хождение в среде правящего класса, поскольку основная монета страны – это собственно медяки. Провинции Юньнань, Гуйчжоу и Сычуань особенно известны золотыми, серебряными и медными рудниками; в изобилии там и железная руда. В 1862 году я посетил железный рудник рядом с деревней под названием Гутянь в уезде Цунхуа. Он находится в девяноста милях к северо-востоку от столицы провинции – Кантона. Рудник имеет сто двадцать футов глубины. Его разрабатывали в течение двух веков, хоть и не особенно старательно, поскольку мандарины позволили владельцам добывать ежегодно строго установленное количество железной руды. Нынешний владелец – пожилой джентльмен, принадлежащий к клану Су. Однако последнее время на руднике не работали, так как главный местный чиновник установил такой высокий размер налога, что владелец или не захотел, или не смог удовлетворить его требования. Чтобы заставить его заплатить, корыстолюбивый мандарин посадил сына Су в тюрьму. Рядом с рудником стоят просторные здания, где хранятся все необходимые приспособления для обработки железной руды, весьма утомительной.

В заключение скажу несколько слов о климате. Справедливо замечали, что он отличается интенсивностью жары и холода в разных частях империи в разные сезоны. Для этих широт среднегодовая температура не особенно высока. Например, «хотя Пекин находится почти на той же широте, что и Неаполь – соответственно 39°54' и 40°50', – средняя температура в Пекине составляет всего 54° по Фаренгейту, а в Неаполе – 63°, но поскольку ртутный столбик в столице Китая зимой опускается гораздо ниже, чем в Неаполе, летом он поднимается несколько выше. Реки замерзают на три-четыре месяца, с декабря по март, в то время как в 1816 году при последнем посольстве¹⁶³ жара достигала 90-100° по Фаренгейту в тени. Известно, что Неаполь и другие места на крайнем юге Европы не знают таких длительных холодов, а подобная жара также бывает там нечасто». В южных провинциях почти не бывает снегопадов. Тем не менее документально зафиксировано, что в 1835 году в Кантоне случилась снежная буря. Во время моего долгого пребывания в этом портовом городе

не выпало ни снежинки, а град бывал крайне редко. В качестве примера суровости китайской зимы могу привести 1871 год: 12 декабря в Кантоне было так холодно, что вершины гор в глубине провинции покрылись снегом. В течение того же месяца несколько раз многочисленные лotosовые пруды и рыбные садки в пригородах покрывались слоем льда толщиной в серебряную монету. Можно было видеть многочисленных бедных горожан, которые утром приносили в город на плечах корзины, полные льда, на продажу. Лед охотно покупала «верхушка общества»: его тут же клали в керамические сосуды и герметично запечатывали их, поскольку талую воду китайцы считают лекарством почти от всяких лихорадок. Судя по описанию, приведенному в *China Mail* того времени, в Гонконге в 1871 году зима определенно свирепствовала не меньше, и старейшие иностранные жители Гонконга заявляли, что такого здесь не припомнят.

Среднегодовая температура в Кантоне, который находится в тропиках, соответствует той, что бывает обычно на тридцатой параллели. Обычно в течение года выпадает очень много дождей, но вообще-то количество осадков из года в год значительно колеблется. Насколько мне известно, среднее их количество составляет от шестидесяти восьми до семидесяти двух дюймов. В зимний сезон, то есть с октября по февраль, на юге почти не бывает дождей. В конце сентября начинается северо-восточный муссон, который не перестает дуть до апреля. В апреле его сменяет юго-западный муссон, который неизменно сопровождается обильными дождями. Конечно, это объясняется тем, что южные ветры набирают влагу, пролетая над тропическими морями. Эта влага на побережье принимает вид густых туманов. За ними следуют проливные дожди, которые не только оживляют природу, но и в некоторой степени умеряют зной, типичный для тропических и субтропических регионов. Во время летнего солнцестояния в Кантоне солнце стоит почти над головой. Однако самая большая жара летом ощущается в июле, августе и сентябре.

Когда сменяются муссоны, нередко грозы. Они продолжаются недолго и не так интенсивны, как в Великобритании. Во время жизни на юге Китая я запомнил только одну действительно сильную грозу. Корреспондент *Hongkong Daily Press* в номере от 29 сентября 1871 года описывает ее так: «Ночью в прошлую пятницу, 15-го числа текущего месяца, в этом городе [Кантоне] случилась сильнейшая гроза. Дождь шел большую часть ночи. Потоки ливня были так интенсивны, что существенно повредили дома. Только на улице Сихуа маньчжурского квартала, не говоря уже о других местах, было разрушено десять домов. Но к счастью, людей пострадало немного: погиб только один человек, восьмилетний маньчжурский ребенок. На многих улицах города и в предместьях из-за ливней так поднялась вода, что затапливало даже дома. Кроме того, поскольку улицы были забаррикадированы, как всегда в больших и малых китайских городах по ночам, вода не находила стока. Во время той же грозы, из-за ливней, которыми она сопровождалась, с грохотом рухнула часть большого храма в районе Хэ-нань. Но молнии, насколько я смог узнать, не причинили сколько-нибудь заметного вреда. Среди сообщений о менее значительном уроне от грозы говорилось о старушке, которой электрическим зарядом опалило волосы. Во время грозы казалось, что четыре стихии враждовали друг с другом: оглушительно гремел гром, молнии были такими яркими и пугающе близкими, что в воздухе витала опасность; ближе к окончанию грозы задул сильный ветер с севера, от которого мой дом и, как я предполагаю, дома моих соседей затрещали. Правда, такие внезапные шквалы в последние месяцы были нередки, и поэтому и мы, и наши дома почти привыкли к ним. Эти порывы ветра часто оказываются роковыми для китайских лодок. Например, только что описанный мной внезапный шквал опрокинул рядом с Датч-Фолли лодку, в которой было восемь мужчин и две женщины; передают, что девятéro из них утонуло».

Поскольку в летние месяцы атмосфера становится очень разреженной, иногда случаются сильнейшие ураганы. Один из самых свирепых, которым я был свидетелем, накрыл

Кантон 27 июля 1862 года; 27 сентября 1871 года Гонконг и Макао пострадали почти от такого же сильного тайфуна. Хорошо, что такие бури не продолжаются более суток. Эти две бури по силе и величине нанесенного ущерба превзошел только сентябрьский тайфун 1874 года в Гонконге и Макао. По словам местных жителей, этот разрушительный циклон был самым большим бедствием из тех, что выпадали на долю Гонконга и Макао с незапамятных времен.

comments

Комментарии

1

Пять элементов — это пять изначально присущих природе сущностей, на свойства каждой из которых указывает соответствующая форма материи. *Здесь и далее, кроме особо оговоренных, примеч. авт.).*

2

Истоки, основные начала *(лат.) (Примеч. ред.)*.

3

м и л я (от *лат.* *millea passum* – «тысяча двойных римских шагов») – единица длины; в Великобритании одна сухопутная уставная миля равняется 1,609 км; одна морская миля – 1,853 км. *Примеч. ред.*)

4

ф у т (от *англ.* foot – «ступня») – единица длины в системе английских мер (в русской отменена в 1918 году), которая равна 0,3048 м. (*Примеч. ред.*)

5

Джентри (от *англ.* gentry) – в Китае – сословие шэньши (*букв.* – ученые мужи, носящие широкий пояс – символ власти); в феодальном Китае – часть господствующего класса. К ним принадлежали люди, выдержавшие экзамен на ученую степень. (*Примеч. ред.*)

6

Непреложное и печальное доказательство верности этого утверждения я получил, путешествуя через центральные провинции в 1865–1866 годах.

7

Это особенно относится к хакка, или бродячему народу.

8

Возможно, здесь или выше опечатка в фамилии. (*Примеч. Пер*)

9

Территория Гуандуна составляет более чем 97 000 квадратных миль, а население этой провинции примерно 19 000 000 человек.

10

В позиции родителя.

11

Цзянсу и Цзянси. *(Примеч. пер.)*

12

Мань (от *лат.* manes) – у древних римлян души умерших, почитавшиеся как божества.
(Примеч. ред.)

13

Помимо двух уездных тюрем в городе Кантоне на улице Чафань, есть темница, где содержатся заключенные из более отдаленных частей провинции. Есть также тюрьмы на улицах Шу-Инь-ли и Гу-Хуа-ли. Первая была построена на восьмом году правления императора Даогуана, а вторую, стоившую 6300 серебряных монет, выстроили на пятьдесят пятом году царствования императора Цяньлуна. В тюрьме правителя уезда Наньхай обычно в одно время содержат от четырехсот до шестисот узников, а в тюрьме правителя уезда Паньюй – от двухсот до трехсот.

14

Жестокий обычай калечить военнопленных, по-видимому, существовал у древних египтян. Доктор Ричардсон следующим образом описывает поле битвы, изображенное на стенах храма Мединет Хабу: «На южной стене и части восточной находится фреска с изображением боя; побежденных жестоко наказывают, отрезая руки и калеча тела, в присутствии властелина, непринужденно расположившегося на заднем сиденье своей колесницы, чтобы наблюдать за выполнением своего ужасного приговора. Перед ним можно увидеть три груды отрубленных рук. Трое писцов со свитками в руках ведут счет. Столько же рядов пленных стоят сзади, чтобы подвергнуться такому же увечью. Их руки связаны за спиной, или на голове, или просунуты в наручники в форме глаза. У некоторых головы повернуты назад, другие стоят спиной друг к другу, причем руки их связаны вместе за локти – так пленников ведут на казнь»

15

Акелдама – Земля Крови (*библ.*). (*Примеч. ред.*)

16

В Фучжоу преступников препровождают к месту казни в клетках, а в Пекине – в телегах.

17

Вероятно, за привилегию увоза тела друзьям покойного пришлось заплатить палачам. Мое внимание привлек случай, когда друзья казненного за кражу китайского мусульманина заплатили палачам за эту привилегию десять долларов.

18

Есть одно исключение, достойное внимания. Когда к концу III века Ши Хуанди, отличавшийся чрезмерным честолюбием, успешно установил верховную власть династии Цинь, он велел уничтожить священные книги, написанные Конфуцием, чтобы они не могли предоставить неблагоприятного материала для сравнения его собственного царствования с предшественниками. Трепеща, повиновались его приказу, и лишь «И Цзин» – «Книга Перемен» – избежала общей участи, поскольку не носила исторического характера. Тогда, как и сейчас, среди интеллигенции было принято заучивать наизусть работы излюбленных философов, и, поскольку они, естественно, проявляли враждебность к Ши Хуанди, этот вандал завершил свой низкий план, казнив более четырехсот наиболее образованных людей. Однако при последующих правителях Китая, и особенно под покровительством императора династии Хань У-ди, эти утраченные тексты были успешно найдены или восстановлены.

19

Для просвещения народа насчет обязанностей по отношению к родителям и правителям предусмотрено, чтобы магистраты больших и малых городов и старейшины деревень в первый и пятнадцатый день каждого месяца читали вслух в публичных залах, которые есть в больших и малых городах и даже в деревнях, определенные фрагменты «Книги Священных Наставлений».

20

Кровь, волосы и шерсть жертв закапывают в землю.

21

Хотя музыкальное сопровождение во время службы главным образом возложено на певцов, исполняющих гимн во славу мудреца, сбоку от жертвенника располагается оркестр, состоящий из музыкантов, которые по такому случаю облачаются в придворные одежды. В руках многие оркестранты обычно держат различные древние музыкальные инструменты, но, поскольку современным китайским музыкантам неизвестно, как ими пользоваться, наиболее громко во время службы звучит пение.

22

Гостия (от *лат.* *Kostiae* – «жертва») – облатка из пресного теста, которой причащаются католики. (*Примеч. пер.*)

23

Вергилий. Энеида. Пер. И. Шершеневича.

24

Скиния — место общественного богослужения. *(Примеч. ред.)*

25

Овидий. Фасты. Пер. Ф. Петровского.

26

Строго говоря, буддизм отрицает существование души и наводит мост над создаваемыми таким образом разрывами между каждой последующей жизнью при помощи тайны кармы. Как рассказывает мистер Рис Дэвиде в очень интересной статье, напечатанной в *Contemporary Review* за январь 1877 года, «когда разумное существо (человек, ангел или животное) умирает, новое существо немедленно обретает более или менее мучительное и материальное существование в соответствии с кармой – достоинствами или прегрешениями умершего существа». На вопрос о том, что случается с личностным сознанием, буддизм, конечно, не может дать удовлетворительного ответа; но того ответа, который он дает, достаточно, чтобы установить в сознании людей связь между этой доктриной и доктриной метемпсихоза. *(Примеч. ред.)*

27

Видимо, архатом. (*Примеч. пер.*)

28

Дело богов не оберегать нас, но карать *(лат.)*. *(Примеч. пер.)*

29

Мат., 6: 7. (*Примеч. пер.*)

30

Соучастник (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

31

Многие из этих дагоб сделаны из белого мрамора, они весьма впечатляющи и выглядят величественно. Замечательна дагоба в Хайтун-сы, или монастыре Морского флага, но и ее превосходит дагоба в большом ламаистском храме на севере Пекина. По бокам этой дагобы находятся изображения Будды: его рождение, обучение, которое он прошел в юности, ^о того как стал проповедовать, чудесное спасение от диких варваров, замышлявших погубить его; попечение о нем священного цветка, с которым Будда не расставался; смерть и обожествление. Утверждают, что под дагобой хранится платье Будды. В некоторых случаях дагобы делают в форме пагод, как в монастыре Цветущего леса в городе Кантоне и в Мача, в окрестностях того же города.

32

В монастыре Хэйлун, провинция Чжили, я видел на жертвеннике медные изображения людей – мужчин и женщин, что несколько озадачило меня. По-моему, такие фигурки встречаются довольно часто в монастырях Северного Китая. Некоторые из них чем-то напоминают зрителю мифологическую историю Юпитера и Европы. Суть этого извращенного культа, заимствованного буддистами из индийской религии, я думаю, состоит в почитании мужского и женского начал Вселенной.

33

См.: Быт., 24: 17, 20; 29: 9; Исх., 2: 16.

34

В них, как и в храмах в честь Гуань-ди, молятся правительственные чиновники.

35

Лун-вану молятся также в первый и пятнадцатый день каждого лунного месяца, когда ему приносят в жертву овцу, свинью и кур.

36

Точнее, Нефритовому императору. (*Примеч. пер.*)

37

Самый большой колокол, виденный мной в Китае, находился в маленьком монастыре неподалеку от Пекина. Возможно, это один из самых больших колоколов в мире. На нем выгравировано несколько тысяч китайских иероглифов. По-моему, это буддийский канон, который заучивают наизусть священнослужители, удаляясь от мира. Чтобы колокола приносили счастье, их принято мазать кровью какого-нибудь жертвенного четвероногого животного, например козы.

38

Самое удобное из этих пристанищ расположено в верхней части ущелья, примыкающего к берегам озера Поян. Оно называется гротом Белого Оленя, поскольку ученый мудрец Чжу-фу-цзы в XII веке жил в пещере неподалеку от этого места, где его постоянным товарищем был белый олень. По преданию, он посылал это животное за едой в соседнюю деревню, привязав к его рогам корзину.

В колледже могут одновременно находиться двести студентов, но при мне там было лишь шестеро или семеро. Очевидно, учтивый директор этого колледжа не унаследовал мантии ученого Чжу, и немногие его ученики не показались мне особенно многообещающими. При колледже есть храм Конфуция, в котором, как мне сообщили, ежедневно молятся студенты. В этом храме вместо обычной таблички находится идол Конфуция, несмотря на то что известно его непримиримое отношение к идолам; мудрец изображен чернолицым. Там есть и идолы его знаменитых учеников. Этот приют находится у подножия горы высотой 2000 футов; близлежащие холмы обычно покрыты елями. Горный поток, текущий через ущелье, придает особую романтическую красоту пейзажу.

39

Ни один школьник не приходит первый раз в школу в годовщины смерти и похорон Конфуция или в годовщины смерти и похорон Цан-Цзе, создателя письменности.

40

За единственным исключением: от кандидатов, живущих на острове Формоза, не требуется пересекать пролив, для того чтобы попасть в Фучжоу, столицу провинции, административным округом которой является Формоза. Их экзаменуют в Тайване, или Тайвань-Фу, – областном городе.

41

Можно упомянуть о том, что частные библиотеки в Китае куда меньше, чем в нашей стране, в Англии. Знаменитый император Цяньлун оставил библиотеку, которая насчитывала 168 000 томов, – по сравнению с библиотеками европейских королевских домов это немного.

42

Ли – мера длины в Китае, около 800 м

43

В Китае не существует организованной управляемой государством почтовой системы. В больших городах, например в Кантоне, есть дома, где получают и пересылают письма, адресованные людям, которые живут в отдаленных портах. К месту назначения письма доставляют посредники, которым уплачивает почтовый сбор адресат по получении письма. Как правило, такие письма доверяют капитанам пассажирских судов. В подобных случаях за письмо иногда платят заранее, причем отправитель записывает на конверте, сколько он уплатил. Иногда плату за доставку осуществляют при получении письма, причем отправитель пишет на конверте сумму, которую должен получить адресат, и оплачивает ответ. Китайцев можно назвать знатоками искусства написания писем. Они нередко переписываются с живущими далеко родственниками или друзьями. Неграмотным письма пишут гадалщики, которые работают и как переписчики.

44

Письмо датировано 10 января 1871 года.

45

См., например: Быт., 21: 21 и 38: б и Втор., 22: 16

46

Чтобы обойти этот закон, рабов подкупают или принуждают силой предстать перед магистратом и заявить, что они не вступают в брак из-за собственного нежелания жениться.

47

Элизий, или элизиум, – прекрасное поле на западном конце земли или острова, где живут легко, блаженствуя, бессмертные герои (в античной мифологии); а вообще – загробный мир, где блаженствуют праведники, Елисейские Поля. (*Примеч. пер.*)

48

С и к л ь, или шекель древневавилонский легкий – 8,4 г, тяжелый – 16,8 г; у евреев – серебряная монета весом 14,5 г. (*Примеч. пер.*)

49

Отсюда видно, что китайцы вполне убеждены в порождении подобным подобного: «Не родится кроткая голубка / От орла свирепого» (*Квинт Гораций Флакк. Кармина. IV, 4*).

50

Это явствует не только из истории Иосифа и Марии, но и из некоторых стихов Пятикнижия; см., например: Втор., 22: 25–28.

51

Ойкумена – населенная часть земли. (*Примеч. ред.*)

52

На следующее утро этот кусок холста подносят родителям жениха. Сходный обычай существовал у древних евреев.

53

Перистиль – прямоугольный двор, площадь или сад, окруженный крытой колоннадой.
(Примеч. ред.) жене поклониться вам, надеясь снискать вашу милость и убедить вас даровать им многие блага».

54

Оказалось, что она тайно вступила в кровосмесительную связь со своим братом.

55

Однако в семьях, где второй или третьей жене удастся завоевать привязанность мужа, авторитетом первой жены пренебрегают.

56

Вероятно, термин «пьянство» включает курение опиума. Так, в 1871 году врач по имени Линь Фусин, живший в Хэнане, пригороде Кантона, развелся с женой, обнаружив, что она была курильщицей опиума. Она была замужем за ним лишь несколько недель. Разочарованный муж отправил ее обратно в ее родную деревню

57

В подобных случаях китайские мужья обычно используют меч. Насколько мне известно, гуандунцы, проводящие свою жизнь в лодках, на воде, иногда связывают прелюбодеев вместе и топят.

58

В Китае изредка встречаются и акушеры, мужнины, которые в старости этим стремятся заработать себе на жизнь, но по большей части принято пользоваться услугами повивальных бабок.

59

Иногда пуповину пекут и, растерев в порошок, дают младенцу в качестве противоядия от оспы. Несколько лет назад один сычуаньский врач написал трактат, где рекомендовал эту меру.

60

См.: Лев., 12: 4, 5.

61

О наличии такого обычая у евреев, безусловно, свидетельствует история Иосифа. Кроме того, «разноцветную одежду» носили «царские дочери-девицы».

62

Это напоминает мне об одном Моисеевом законе, согласно которому детей, осужденных за ругань или избиение родителей, казнили (Исх., 21: 15, 17; Лев., 22: 9).

63

Мат., 20: 7. (*Примеч. пер.*)

64

Евнухи занимали важные посты при иудейских царях, что видно из следующих фрагментов Священного Писания: 3 Цар., 22: 9; 4 Цар., 9: 32, 33; 4 Цар., 20: 18; 4 Цар., 23: 11; Иер., 38: 7 и Иер., 41: 16.

65

Свитки пишут каллиграфы. Большой частью это обнищавшие или неудачливые ученые, которые сидят за своими столиками во внутренних дворах храмов, на площадях, в чайных садах и по обеим сторонам улиц (чаще всего их можно встретить именно в эти дни). Если в течение года в семье кто-нибудь умер, у дверей вешают не красные полосы, а синие, и на них делают траурные надписи.

66

Кроме того, обычно главы семей дарят кое-что домашней прислуге – деньги или одежду. Продавцы также дарят небольшие сувениры постоянным покупателям в благодарность.

67

Во всех даосских и буддийских храмах и мусульманских мечетях тоже есть похожие таблички.

68

По-видимому, карп. (*Примеч. пер.*)

69

Считается, что он помогает замужней женщине родить девочку.

70

Около того места, где, по преданию, погиб Цюй Юань, в его честь воздвигнут большой храм.

71

Кроме того, в первый и пятнадцатый день каждого месяца китайцы отмечают праздник, в чем-то напоминающий торжества в честь новолуния у евреев, египтян, персов, греков и римлян. Суды и ямэни закрыты. Однако в эти дни поклоняются не столько луне, сколько другим божествам, в особенности богам изобилия. Некогда в первый и пятнадцатый день каждого месяца было принято приносить в жертву вола, впоследствии его заменили козлом. Накануне праздника устраивали процессию, которая вела по главным улицам вола или козла, оповещая жителей о приближении новолуния или полнолуния.

72

Среди бедноты, особенно деревенской, формируются так называемые общества лунных пряников. Казначей общества — или пекарь, или кондитер. Каждый член общества ежемесячно вносит в общую кассу сто грошей, или десять гривенников. Когда наступает праздник, казначей, который вправе использовать взносы в своем деле, как ему угодно, обеспечивает каждого вкладчика лунными пряниками. В городах в это время кондитеры раздают пряники в подарок нищим.

73

Одно из наименований так называемого животного магнетизма или гипноза. (*Примеч. пер.*)

74

Почтение, оказываемое в Китае старикам, настолько велико, что всем людям старше семидесяти лет разрешается носить чиновничье платье и прикреплять медный шарик к макушке шапочки. Как правило, уездные магистраты четыре раза в год посылают свои визитные карточки всем жителям своего уезда, которым исполнилось девяносто лет и более.

75

Несколько таких арок стоит перед жилыми домами в Кантоне. Они содержатся в хорошем состоянии. Некоторые из них сделаны из кирпича.

76

Л я н – основная весовая денежная единица в Китае; с 1933 года, после принятия закона об унификации денежной системы, лян как денежная единица был отменен.

77

Х а н – владение, поместье.

78

Их положение настолько низко, что им не разрешается молиться в общественных храмах, а их сыновьям не разрешается держать государственные экзамены. Во многих отношениях они напоминают древнеримских *pollinctores*, в чьи обязанности входило обрядовать и готовить тело умершего для погребения.

79

Это напоминает один из обычаев древних римлян. Цицерон (О законах, II, 24) и Плиний Младший (XXI, 3) утверждают, что, если римлянин получал венец за доблесть, после смерти на него всегда надевали эту награду.

80

Дюйм (от *голл.* duim – «большой палец») – единица длины в английской и американской системах мер, равная 2,54 см.

81

Китайский дюйм – мера длины, равная примерно 20 см.

82

См., например: 2 Цар., 21: 9-14; 4 Цар., 9: 28–35; Пс, 79: 2; Екк., 6: 3.

83

Этот монастырь расположен за северо-восточными воротами Гуанчжоу.

84

Представление о том, что душу хоронят вместе с телом, было присуще и римлянам. Вергилий пишет, что Эней похоронил душу Полидора в гробнице: «*Animamque sepulchro condimus*».

85

По преданию, обычай воздвигать каменные статуи людей и животных перед гробницами знати был введен во время правления династии Цинь около 249 года до н. э.

86

Ц и л и н ь – единорог в китайской мифологии.

87

Эта своеобразная традиция напоминает мне похожий обычай, упомянутый Э. Робинсоном в его «Путешествиях по Палестине и Сирии». В своей увлекательной книге автор, рассказывая о гробнице или, скорее, мавзолее Авессалома в долине Иоса-фата, сообщает, что в гробнице «не было видно входа, однако ее верхний ярус был взломан. Проходя мимо гробницы, мусульмане, иудеи и христиане, мужчины и женщины, старые и молодые бросают камни в это отверстие. Так они демонстрируют отвращение к тому, что сын восстал на отца».

88

Когда я путешествовал по Монголии, то встретил нескольких китайских чиновников, возвращавшихся домой в собственно Китай из мест, где они прослужили несколько лет. В каждом случае чиновника сопровождали не только секретари, писцы, слуги и рабы, но и все члены семьи. Иногда мулы и ослы были впряжены в дроги, на которых лежали останки умершего родственника. Эти процессии напомнили мне эпизод из истории Иосифа, когда он отправился из Египта в Ханаан похоронить отца, и с ним были «весь дом Иосифа, и братья его, и дом отца его» (Быт., 50: 8).

89

Оссуарии (от *лат.* os – кость) – вместилище для захоронения костей покойников.

90

Это считается равнозначным молениям, которые возносят на могиле умерших родственников, обращаясь к их душам. В основании плиты находится небольшой каменный алтарь, на который кладут обычные жертвоприношения.

91

Во время двух периодов, установленных для поклонения предкам на могилах, не полагается плакать и причитать, но жители провинции Хэнань в этом отношении – исключение.

92

Ювенал. Сатира первая. (Примеч. пер.)

93

Вергилий. Энеида. Пер. И. Шершеневича. Варшава, 1868. Кн. VI.

94

Согласно брошюре «Китайская медицина и медицинская практика» доктора Хендерсона из Шанхая, иногда принимают самородный аурипигмент или желтый сульфат мышьяка, но чаще китайцы прибегают к опиуму, поскольку «от вызывающего раздражение яда слишком много страданий и беспокойства».

95

С а т и – обычай сжигать вдов на погребальных кострах их мужей. (*Примеч. ред.*)

96

Это должностное лицо проживает в Маньчжурии.

97

Шпильки использовали в Китае уже в глубокой древности. Считается, что они восходят к 1122 году до Р. Х., когда правила династия Чжоу. Тогда их делали из бамбука, однако в правление Сян-гуна, восемнадцатого императора династии Чжоу, в 651 году до Р. Х. модницы стали пользоваться шпильками из слоновой кости. А в правление двадцать пятого императора той же династии самыми популярными были шпильки из черепаших панцирей. Во время правления Ши Хуанди, то есть около середины III столетия до Рождества Христова, большим спросом пользовались золотые и серебряные шпильки. Головка каждой золотой или серебряной шпильки делалась в виде феникса, и поэтому их называли «шпильками-фениксами».

98

Мартингал — дополнительный повод, не позволяющий лошади задирать голову. (*Примеч. ред.*)

99

Тораций. Эподы, IX. (Примеч. пер.)

100

Милдью – ложномучнистая роса (*ботан.*). (*Примеч. ред.*)

101

Такими табличками пользовались не только в Китае, но и почти во всех азиатских или восточных странах на протяжении веков. В Евангелии от Луки мы читаем, что, когда у онемевшего Захарии спрашивали, как бы он хотел назвать своего сына, тот «потребовал дощечку и написал: «Иоанн имя ему» (1: 63). Преподобный Дж. Хартли в своей интересной и познавательной работе «Исследования Греции» утверждает, что «в греческих школах до сих пор обыкновенно бывает чистая табличка, где учитель записывает алфавит или любой другой урок, который должны читать ученики. По окончании урока буквы смывают или соскабливают, поэтому доской можно пользоваться на каждом уроке. Эта дощечка не только совпадает по своим функциям с описанной в Евангелии от Луки, греки вообще называют ее тем же словом». Варне в своих комментариях к Евангелию ясно пишет, что иногда такие таблички целиком делались из свинца.

102

Эти же слова произносят, случайно увидев обнаженного человека, что считается плохой приметой.

103

Гакаборт – самый верх кормы. (*Примеч. ред.*)

104

Насколько я понимаю, на существование с древнейших времен подобных практик у иудеев ясно указывает упоминание Моисея о таких амулетах: он велел, чтобы вместо них использовали заповеди Божьи (Исх., 13: 9-16; Втор., 6: 8).

105

Без разбора падают молнии; они ударяют и в места священные, и в простые, поражают равно хороших и плохих людей (*лат.*)

106

Нередко пожилые китайцы носят в каждой руке маленький кусок дерева, постоянно сжимая его в ладони для улучшения кровообращения. Но этот обычай встречается чаще на севере, чем на юге, где, как я видел, вместо кусочков дерева используют грецкие орехи.

107

Баньян – индийская смоковница. (*Примеч. ред.*)

108

Нищие Пекина, Нанкина и Чжэньцзяна замечательны своим подобострашием и встают на колени не только перед своими соотечественниками, но и перед иностранцами, чтобы получить подаяние. Доэтого не опустился бы и самый последний нищий в Кантоне.

109

В монгольских гостиницах полностью отсутствуют удобства известного рода. Попеняв однажды на это хозяину, я услышал в ответ, что здесь они не нужны, поскольку в Монголии нечистоты ценятся меньше, чем собственно в Китае.

110

На стенах каждого такого общего зала я видел весьма непристойные картинки.

111

На самом деле – в провинции Цзянсу. *(Примеч. пер.)*

112

Ця н ь – круглая бронзовая монета с отверстием в центре, первое упоминание о которой датируется 947 годом до н. э.

113

На Формозе, которая составляет часть провинции Фуцзянь, пагод нет. В Монголии я видел лишь две пагоды, одна из которых находилась в императорских владениях в Жэхэ, а вторая – на землях ламаистского храма поблизости.

114

Мне известны примеры, когда китайцы при приближении опасности поднимались на верх таких башен и пускали оттуда фейерверки, призывая крестьян близлежащих деревень к оружию.

115

В действительности Лу Бань жил задолго до того, как кантонскую пагоду начали строить. (*Примеч. пер.*)

116

Единственная одноярусная пагода, виденная мной, находится у Паньтана, как китайцы называют часть кантонского западного предместья.

117

Как я писал в другом месте, их называют так из-за обычая носить красные тюрбаны.

118

Читателя может заинтересовать следующий рассказ о клепсидре из Chinese Repository (Т. 20. С. 430): «Клепсидра называется Тун-Ху-Ди-Лоу, то есть медный кувшин с водяными каплями. Ее ставят в отдельном помещении под надзор человека, который помимо жалования и чаевых зарабатывает на жизнь продажей часовых бироков. На кирпичной лестнице стоят четыре медных кувшина, верх каждого из которых находится вровень с дном стоящего выше. Самый большой, 23 дюймов в высоту и ширину, вмещает 70 цзиней, или 97 с половиной пинт воды; второй имеет 22 дюйма в высоту и 21 дюйм в ширину; третий – 21 дюйм в высоту и 20 дюймов в ширину; самый нижний – 23 дюйма высотой и 19 дюймов шириной. Они соединяются друг с другом открытым желобом, по которому тонкой струйкой течет вода. Деревянный указатель в нижнем кувшине указывают каждым утром и днем в пять часов: метка на этот час ставится вровень с крышкой. Потом она поднимается, указывая время. Воду вычерпывают и снова наливают в верхний кувшин, когда по указателю проходит полдня. Каждые три месяца воду меняют. Рядом стоят два больших барабана. В них бьют сторожа, по ночам отмеряя стражи».

119

От слова миля. (*Примеч. ред.*)

120

Сила и оружие (*лат.*).

121

Конечно, в Пекине церемонию проводят гораздо торжественнее, чем в провинциях. Император лично идет за плугом в сопровождении всех или нескольких принцев. Члены императорской семьи пахут желтыми плугами, а провинциальные чиновники – красными. Считается, что этот великий праздник земледелия был введен императором Шунем, который, согласно сведениям китайских историков, правил страной около 2200 года до Р. Х. Этот император покровительствовал земледелию и каждый день частично посвящал возделыванию государственных полей.

122

Втор., 25: 4. (*Примеч. пер.*)

123

Пер. С. Шервинского.

124

Около 60 кг. (*Примеч. пер.*)

125

Масличная камелия. (*Примеч. пер.*)

126

Около 2,4 кг. (*Примеч. пер.*)

127

В Священном Писании о тростнике говорится в книгах Исход (30: 23), Песнь песней (4: 14), Исайи (43: 24), Иеремии (6: 20), Иезекииля (27: 19).

128

Ма́к-Кулло́х – английский экономист (1789–1864). (*Примеч. ред.*)

129

Буйвол с лошадиным хвостом. (*Примеч. пер.*)

130

Табльдот – общий стол в пансионатах и ресторанах (??.). *(Примеч. ред.)*

131

Из пекинского доклада доктора Даджена видно, что монголы гонят «баранье вино» также из молочного вина (водки на коровьем молоке). В таком случае его приправляют костями двухлетней овцы, черным и белым сахаром, изюмом, медом и разными растительными веществами, известными китайским аптекарям. Рецепт таков: «40 цзиней молочного вина; 4 унции меда; 1 унция белого сахара; 8 унций черного сахара; 1 цзинь изюма; 4 унции лунъянь, или драконьих глаз (плод *Nephelium Longan*); 5 драхм гвоздики; 5 драхм мускатного ореха; 3 драхмы экстракта корня карагана; 1 драхма сяньфэня; 3 драхмы пайчи; 1 драхма шаньни. Последние шесть ингредиентов – разные приправы».

132

Сизигиум – вечнозеленое дерево с грушевидными бледно-розовыми ягодами 2 см длиной.

133

Г у а в а – растение семейства миртовых; плоды грушевидной или шаровидной формы желтого цвета с кисло-сладким вкусом и сильным ароматом.

134

Китайцы высоко ценят косточки этих плодов. Они украшают их искусной резьбой, оправляют в золото и превращают таким образом в прекрасные броши или браслеты.

135

Лонган – фрукт покрыт розово-желтой пупырчатой скорлупой, мякоть чуть кислее, чем у личи, а на черной продолговатой косточке белое пятнышко, напоминающее зрачок (из-за чего и назван глазом дракона).

136

Хуанпи, или *Clausena lansia*. (*Примеч. пер.*)

137

Карамбола – фрукт, кожура и мякоть которого желтого цвета, вкус сладкий, с лимонной кислинкой.

138

Это замечание относится только к настоящим садам, поскольку нередко деревья и цветы можно встретить во внутренних дворах усадеб китайских дворян.

139

Тяньцзиньский договор 1858 года. (*Примеч. пер.*)

140

? а в о й – катушка большого размера, на которую наматывается нить основы для выработки ткани на ткацком станке. (*Примеч. ред.*

141

В синодальном переводе «мех». (*Примеч. пер.*)

142

Л и г а – мера длины, равная приблизительно трем милям.

143

Это было написано до последней войны. Зверства, в которых виновны турки по отношению к болгарам, кажутся невероятными в XIX веке – и не в краях, удаленных от влияния европейцев, а прямо, можно сказать, в присутствии ведущих сил христианства.

144

То есть бай-дунь-цзы. (*Примеч. пер.*)

145

¹Ахтерштейвнь — нижняя кормовая часть судна в виде открытой или закрытой рамы, служащая продолжением киля.

146

Пескадорские острова, или острова Пэнху, находятся в Тайваньском проливе и считаются частью провинции Фуцзянь.

147

Лихтер – грузовое несамоходное судно, буксируемое с помощью других судов, а также для беспричальных грузовых операций при погрузке или разгрузке на рейде.

148

Локоть – мера длины, равная 45–47,5 см.

149

Говорят, что бай-мяо специально занимаются выращиванием быков с твердым черепом и крепкими острыми рогами для этой забавы. Основное развлечение этих первобытных людей – охота на оленя и других диких животных, которых они преследуют вооруженные копьями, верхом или пешком.

150

Исключение из этого общего описания аборигенов – племя чжэн-мяо, плачевно невежественное в отношении земледелия; по большей части оно питается дикими плодами. Можно добавить, что пин-фу-мяо нередко угощаются собачатиной. Бай-голу, которые, кажется, едят вообще все, всегда готовят пищу в сковородках и едят ее, как, вероятно, и многие другие племена, руками, а не палочками или вилками.

151

В Пекине и его окрестностях люди имеют обыкновение наполнять грубые глиняные сосуды снегом и герметически запечатывать их. Здесь снежную воду считают отличным жаропонижающим и используют как примочки для глаз. Я обратил внимание на то, что в деревнях, у подножия гор к северу от Пекина, большинство обитателей страдало увеличением щитовидной железы.

152

¹Аллювиальный – образованный отложениями водных потоков. (*Примеч. ред.*)

153

Официальный «Путеводитель по садам» сообщает: «К большому сожалению, в собрании общества остался только один экземпляр этой прекрасной разновидности журавлей. Корреспонденты общества в Китае не могут сделать нам более ценного подарка, чем другие маньчжурские журавли».

154

Речь идет о реке Чан, или Чанцзян. *(Примеч. пер.)*

155

Сизигийный прилив – наибольший прилив, когда Солнце, Земля и Луна выстраиваются в одну линию таким образом, что силы тяготения Солнца и Луны действуют на Землю в одном направлении и усиливают друг друга.

156

Он уехал в город, находившийся отсюда приблизительно в двадцати милях, чтобы расследовать гибель человека из-за драки в театре.

157

Горы рожают, а на свет появляется смешная мышь. (*Примеч. пер.*)

158

Хуа-бяо-ши. *(Примеч. пер.)*

159

Сяо-гу-шань. *(Примеч. пер.)*

160

Се-шань. *(Примеч. пер.)*

161

Знаменитый каллиграф Ми Юаньчжан, или Ми Фу, на самом деле жил во время правления Северной Сун. *(Примеч. пер.)*

162

Су Дунпо, или Су Ши, в действительности жил в XI–XII веках. (*Примеч. пер.*)

163

Посольство лорда Амхерста. *(Примеч. пер.)*